С. Г. СТРУМИЛИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Станислав Густавович
СТРУМИЛИН

АКАДЕМИК

С. Г. СТРУМИЛИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ
1

•

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИКА

•

Станислав Густавович Струмилин

Избранные произведения

Том I

Утверждено к печати отделением экономических, философских и правовых наук Академии наук СССР

Редакторы Издательства *А. Н. Лучкина* и *В. А. Рубе*. Художник *Н. Н. Симагин*
Технический редактор *Е. В. Макуни*. Корректоры *И. С. Куликов* и *Г. А. Повар*

Сдано в набор 31/X 1962 г. Подписано к печати 2/II 1963 г. Формат 70×108 1/16. Печ. л. 30,5=41,78 усл. печ. л.+1 вкл. (1/8). Уч.-изд. л. 44,9. Тираж 3000 экз. Изд. № 1307. Тип. зак. № 1332

Цена 2 р. 60 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перу академика Станислава Густавовича Струмилина, виднейшего советского экономиста, статистика, плановика и историка народного хозяйства СССР принадлежит свыше 300 исключительно ценных и актуальных научных трудов, общий объем которых составляет около 900 печатных листов.

По решению Президиума Академии наук СССР предпринято издание настоящего 5-томного собрания сочинений академика С. Г. Струмилина, в которое включены работы, сгруппированные по тематическому профилю:

Том 1. Статистика и экономика.

Том 2. На плановом фронте.

Том 3. Проблемы экономики труда.

Том 4. Очерки социалистической экономики СССР.

Том 5. Проблемы социализма и коммунизма в СССР.

Станислав Густавович Струмилин родился в 1877 г. в с. Дашковцы Винницкой области УССР (бывш. Каменец-Подольской губернии). Он принадлежит к славной семье ученых-большевиков старшего поколения, испытавших на себе царские тюрьмы и ссылки. С. Г. Струмилин был участником Стокгольмского (IV) и Лондонского (V) съездов РСДРП.

В автобиографической книге «Из пережитого»[1] Станислав Густавович описал свой трудный жизненный путь — путь ученого-революционера и путь творческих поисков в решении новых, мало исследованных проблем, возникавших перед марксистской научной мыслью.

В 1897 г. двадцатилетним студентом Станислав Густавович принял первое боевое крещение в памятной демонстрации и горячей схватке с полицией у Казанского Собора в Санкт-Петербурге. В том же году, готовясь стать пропагандистом и агитатором в рядах местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и усердно изучая в связи с этим марксистскую литературу, Станислав Густавович опубликовал свои первые печатные рецензии на экономические работы того времени.

В январе 1901 г. Станислав Густавович был арестован царской полицией и после 13-месячного тюремного заключения выслан в Вологду на три года. Однако через несколько месяцев он бежал из ссылки, нелегально переехал в Париж, где работал наборщиком в типографии и посещал русскую Вольную школу социальных наук Максима Ковалевского. Там же он впервые встретился и познакомился с В. И. Лениным.

В 1903 г., напутствуемый В. И. Лениным, Станислав Густавович вернулся в Россию для нелегальной работы, но вскоре вновь был арестован и после годичного тюремного заключения сослан на 10 лет в Восточную Сибирь; в связи с началом японской войны местом его ссылки стала Олонецкая губерния. Весной 1905 г. Струмилин вторично бежал из ссылки.

Последующее активное участие Станислава Густавовича в студенческом и рабочем движении, однако, не прерывало его увлечений общественными науками, а тюремные «университеты» и томительные досуги ссыльной жизни — до очередного побега на волю — были использованы им для научных занятий и литературной работы. Тогда Станислав Густавович написал ряд брошюр, в которых изложил свои устные выступления и беседы

[1] С. Г. Струмилин. Из пережитого. Госполитиздат, 1957.

агитатора и пропагандиста в рабочем подполье. Эти брошюры были опубликованы лишь после революции 1905 года.

Научная работа С. Г. Струмилина всегда была тесным образом связана с его активной общественной и революционной деятельностью.

В 1905—1907 гг. Станиславу Густавовичу удалось выпустить следующие брошюры: «Богатство и труд», «Что читать социал-демократу», «Про землю и социализм», «Община и земельный вопрос», «В защиту свободы совести», не вошедшие в настоящее собрание сочинений, так же как и все дореволюционные работы С. Г. Струмилина.

Эти работы, однако, представляют большой научный интерес, и поэтому о них следует сказать несколько слов. Написанные весьма доступно и темпераментно, обильно насыщенные красноречивыми фактами и цифрами и резко бичующие все устои царизма и капитализма,— эти брошюры даже в те бурные годы далеко выходили за рамки тогдашней «свободы печати» и сразу же почти все были изъяты. Впрочем, некоторые из них были вновь переизданы после Февральской революции 1917 года, а брошюра «Богатство и труд» выдержала даже четыре издания.

Годы реакции после разгона второй Государственной думы Станислав Густавович использовал для восполнения своего экономического образования в Петроградском политехникуме, который он окончил весной 1914 г. со званием кандидата экономических наук, полученным за сочинение на тему «Договор займа в древнерусском праве». Порывая в этой работе со всеми традициями буржуазного правоведения о происхождении древнейших обязательств из деликта, автор смело противопоставляет им и обосновывает свою собственную новую концепцию, согласно которой и древнейшие обязательства возникали из чисто договорных отношений, подобных отношениям побратимства древнейшей доклассовой эпохи.

Однако, погружаясь в это далекое прошлое истории тех отношений займа, которые носили столь ярко кабально-ростовщический характер, автор отнюдь не отрывается от настоящей действительности. «На базе этих кредитных взаимоотношений,— пишет он, мотивируя выбор своей темы,— и совершалось прежде всего то первоначальное накопление, которое затем явилось предпосылкой современного капитализма и капиталистической эксплуатации». Не мудрено, что при такой установке эта работа увидела свет лишь через 15 лет после своего рождения — уже не в царской России, а в советском издании Коммунистической Академии.

В тогдашние годы тяжелого безвременья вообще трудно было печататься революционному марксисту без специальной противоцензурной маскировки своих убеждений. Тем свободнее было выступать в печати всем сменившим вехи бывшим людям из легальных марксистов вроде Булгакова, Бердяева и К° под маркой «нового религиозного сознания» в духе самой махровой реакции. Попыткой бороться с глашатаями этой далеко не новой, но сильно молодящейся идеалистической струи, носители которой облекались в тоги самой утонченной аристократии духа, явилась выпущенная в 1910 г. книга С. Г. Струмилина «Аристократия духа и профаны». Это отнюдь не научный трактат, хотя в нем немало следов широкой и многосторонней эрудиции автора. Это скорее чисто публицистический опыт С. Г. Струмилина, где достаточно ярко противопоставляются два мировоззрения, два социально-экономических идеала и два типа этических воззрений, не раз уже резко сталкивавшихся на арене истории.

Поднимаясь на защиту идеалов революционной демократии, выступающей у него под прозрачным псевдонимом «профанов», С. Г. Струмилин так формулирует боевую задачу своего памфлета: «Аристократия духа не у власти. Она еще едва лишь мечтает о ней. Но как идейный враг демократии, она, и не опираясь на силу штыков, вполне заслуживает нашего внимания. Развенчать ее, этот последний, наиболее эфемерный, а потому и наименее уязвимый оплот аристократизма — эта задача впол-

не достойная нашего времени, если мы только действительно переживаем эпоху переоценки всех ценностей». Живых носителей той идеологии. против которой были направлены чувствительные удары этой ныне забытой книги С. Г. Струмилина, давно уж не стало. Но подобные идеи намного долговечнее своих носителей и в новом оформлении они еще, вероятно, не раз всплывут в истории. Однако для отпора им едва ли потребуется более острое оружие, чем то, какое уже использовано в этой книге.

* * *

Первый том настоящего издания «Статистика и экономика» подразделен на три раздела: 1. К теории советской статистики. 2. На разные темы. 3. Динамика народного хозяйства.

В него вошло небольшое число работ Струмилина по статистике. Станислав Густавович блестяще владеет статистическим методом. Все экономические положения он иллюстрирует в конкретной и живой форме фактами и цифрами, применяя метод статистических группировок и сопоставлений. Глубокий статистический анализ экономических процессов — характерная особенность научных исследований С. Г. Струмилина.

Огромное значение имеют работы С. Г. Струмилина в области индексного метода. Он творец бюджетного индекса, игравшего в годы гражданской войны роль «товарного рубля», основатель теории и зачинатель практики индексов производительности труда в Советском Союзе. Перу Станислава Густавовича принадлежит большое число глубоких и интересных исследований о методах исчисления производительности труда.

В экономическом анализе первостепенное значение имеют синтетические народнохозяйственные показатели, характеризующие народный доход, народное потребление, накопление, материальные издержки и т. д. Эти показатели нельзя получить как итог непосредственного наблюдения, ибо они всегда должны быть следствием сложного экономического расчета. Подобные расчеты обычно опираются на балансовую схему, взаимно увязывающую систему синтетических экономических показателей в единое целое. Академик С. Г. Струмилин сделал очень много в области разработки теории народнохозяйственного баланса.

Главная задача народнохозяйственного баланса — структурный анализ общественного продукта, увязывающий динамику основных и оборотных фондов с годовым общественным производством и с использованием годового общественного продукта. Причем, национальный доход выявляется в балансовых схемах как по отраслям производства, так и по отраслям народного хозяйства, где он реализован.

В работе «К схеме баланса народного хозяйства СССР» С. Г. Струмилин сформулировал основные принципы балансовых построений, одновременно полностью сохраняя важнейшие структурные особенности схемы воспроизводства К. Маркса.

В его схеме баланса особо выделены процессы перераспределения национального дохода и показаны основные каналы использования общественного продукта (фонд возмещения, фонд потребления, фонд расширения производства). В этой схеме связаны в единую цепь материальные фонды (и резервы) на начало и на конец года с процессом производства и распределения материальных ценностей в виде общественного продукта и национального дохода.

Схема баланса народного хозяйства, разработанная С. Г. Струмилиным, представляет собой своеобразную числовую экономико-статистическую модель народного хозяйства.

В своих научных исследованиях С. Г. Струмилин многократно использует метод построения числовых моделей. Можно с полным основанием утверждать, что Станислав Густавович ввел в статистическую науку новый метод построения числовых моделей, представляющий собой метод конструктивных расчетов. Этот метод позволил с успехом разрешать ряд

сложных проблем при исследовании таких экономических явлений, как технический прогресс, оптимальные темпы развития народного хозяйства, хозяйственное значение народного образования и т. д.

Второй том «На плановом фронте» включает работы в области планирования. В 1921 г. С. Г. Струмилин начал работать в Госплане СССР как член Президиума. На плановой работе С. Г. Струмилин чувствовал себя как на фронте — отсюда и название этого тома.

Во втором томе помещены работы С. Г. Струмилина «К хозяйственному плану на 1921/22 г.», «О контрольных цифрах Госплана на 1925/26 г.», «Первые опыты перспективного планирования», «К дискуссии о первой плановой пятилетке», «Плановые наметки на 1929/30 г.». Эти работы представляют интерес с точки зрения развития планирования в СССР и в связи с проблемой совершенствования планирования в СССР.

В этот же том включен и ряд работ С. Г. Струмилина по вопросу о методах использования в планировании стоимостных рычагов управления общественным производством: «Процессы ценообразования в СССР», «Тарифная проблема в СССР», «К проблеме эффективности капитальных затрат», «Наши эмиссионные возможности».

В одной из его основных работ «Планирование в СССР» есть такие главы: «На методологическом фронте», «На историческом фронте», «На экономическом фронте», «На арифметическом фронте». Такие заголовки — не случайность. В борьбе на экономическом фронте С. Г. Струмилина всегда воодушевляла идея плана как основного закона экономики социализма. Длительный период его жизни заполнен горячими и многочисленными «схватками» за реализацию идей плана в нашей экономике. В работе «На хозяйственном фронте» он пишет: «Нашему брату-плановику приходится наносить и получать иной раз горячие и увесистые удары».

Третий том «Проблемы экономики труда» включает работы по этой важной и сложной проблеме. В нем помещены его исследования по изучению быта трудящихся СССР, условий труда в промышленности и в сельском хозяйстве, по методологии рабочего бюджета и т. д.

В методологическом отношении большой интерес представляет работа «Хозяйственное значение народного образования». В ней определяется экономическая эффективность народного образования, или, иначе, какое повышение производительности общественного труда обеспечивается всеобщим обучением. Для того чтобы ответить на этот вопрос, С. Г. Струмилин построил специальную числовую модель.

По расчетам С. Г. Струмилина, год школьного образования увеличивает производительность труда рабочего в среднем в 2,6 раза больше, чем заводская выучка за тот же период. Причем, особенно значительное повышение производительности труда (квалификации) имеет место главным образом в первые 3—4 года обучения. В дальнейшем затраты на образование растут быстрее квалификации рабочего. За 9 лет обучения в школе и за тот же период работы на заводе прирост квалификации оказывается одинаковым. В связи с этим, в частности, возникает необходимость политехнизации школьного обучения, что и проводится у нас в настоящее время.

Исключительный интерес представляют также и другие работы, помещенные в третьем томе. Они посвящены изучению вопросов квалификации труда, рационализации труда, и особенно проблеме производительности труда, к которой Станислав Густавович возвращается в целом ряде работ в различные периоды своей научной деятельности. Проблемы труда и трудовых ресурсов всегда были одним из основных лейтмотивов его научного творчества. Одна из первых работ Струмилина названа «Богатство и труд».

В книге «Проблемы экономики труда» он следующим образом объяснил свой научный интерес к этой теме: «Область труда — это та цен-

тральная область, или, скажем иначе, тот организационный фокус, где организация идей непосредственно скрещивается с организацией людей и производимых ими вещей».

Четвертый том «Очерки социалистической экономики СССР» включает исключительно ценные и актуальные работы в области экономических проблем, вставших перед нашим народным хозяйством. В нем имеется раздел, где сконцентрированы работы на международные темы.

В четвертом томе рассматриваются проблемы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, исследуемые путем анализа экономических показателей структуры и динамики промышленности, сельского хозяйства, транспорта и трудовых ресурсов. На основе глубокого и всестороннего экономического анализа С. Г. Струмилин формулирует ряд теоретических положений и методологических установок, связанных с планированием и индустриализацией страны.

В четвертом томе помещены такие выдающиеся работы, как «Фактор времени в проектировании капитальных вложений» и «Баланс народного хозяйства как орудие социалистического планирования». В первой из них С. Г. Струмилин конструирует числовую модель экономической эффективности живого труда. Эта модель используется как для сравнения вариантов капитальных вложений, так и для выбора оптимального варианта. Она позволяет оценивать варианты вложений в единицах трудовой стоимости при данном темпе роста производительности труда и при неизменной потребительной стоимости результатов труда. На ее основе Станислав Густавович моделирует процесс обесценения результатов прошлых затрат труда при различных нормах роста производительности труда и для различных вариантов вложений, отличающихся друг от друга уровнем текущих (эксплуатационных) и капитальных затрат.

В этом же томе помещены исследования, посвященные экономическим проблемам технического прогресса: «Об эффективности новой техники», «Экономические проблемы автоматизации производства», «Физический и «моральный» износ средств труда», «Роль науки в развитии производительных сил» и др. Особенно большой интерес представляет работа «Итоги естественноисторического районирования».

В особый раздел четвертого тома выделены статьи на международные темы. В них С. Г. Струмилин в яркой форме дает глубоко содержательные ответы зарубежным критикам наших народнохозяйственных планов по таким важным вопросам, как темпы нашего роста, судьбы СССР, о сотрудничестве и соревновании мировых экономических систем, о перспективах экономической победы СССР и др.

Для всех экономических работ С. Г. Струмилина характерны точные количественные методы экономического анализа и конкретный характер экономического анализа, с учетом условий экономического процесса. Эти черты умело сочетаются с общей, всегда принципиальной революционной марксистской позицией глубокого научного исследования.

Пятый том «Проблемы социализма и коммунизма в СССР» посвящен проблемам перехода от социализма к коммунизму. В этом томе собраны исследования С. Г. Струмилина, в которых рассматриваются основные категории политической экономии социализма и выявляются их исторические особенности по сравнению с прошлыми эпохами. Рассматриваются также такие вопросы, как закон стоимости и планирование, применение закона стоимости в условиях социализма, особенности социалистического способа производства, определение оптимальных темпов в социалистическом народном хозяйстве, технический прогресс и коммунизм, экономические тенденции автоматизации производства и др. Ряд статей посвящен общественной производительности труда при социализме и дифференциальной земельной ренте в условиях социализма.

Особый научный интерес представляют те работы, в которых С. Г. Струмилин вскрывает острым аналитическим ланцетом пытливого

экономиста ростки будущего в глубинах быта трудящихся. Такова его работа «Рабочий быт и коммунизм», где по данным о распределении рабочего и свободного времени трудящихся анализируются новые формы общественного обслуживания трудящихся и элементы разностороннего развития личности при использовании свободного времени, а по данным о социально-культурных расходах в бюджете государства и в семейном бюджете трудящихся характеризуются новые формы распределения материальных благ.

В работах, помещенных в пятом томе, С. Г. Струмилин разнообразными приемами и методами экономического анализа стремится вскрыть зримые черты грядущего коммунистического будущего.

В настоящее пятитомное собрание сочинений не включены работы С. Г. Струмилина по истории народного хозяйства. Между тем, историко-экономические работы С. Г. Струмилина представляют значительное явление в советской экономической и исторической литературе. Можно сказать, что С. Г. Струмилин не мыслит экономической науки в отрыве от истории. Он придает необходимую историческую перспективу каждой изучаемой им экономической проблеме. Из исторических работ С. Г. Струмилина особенно большую ценность представляет монография «История черной металлургии в СССР» [1], в которой исследуется развитие народного хозяйства России с 1500 до 1860 г. Эта монография в 1958 г. была удостоена Ленинской премии. В исторических исследованиях, в частности в монографии «Очерки экономической истории России» [2] С. Г. Струмилин приводит интересные данные о нарастании предпосылок капиталистического развития России: революция цен в XVI в., образование всероссийского рынка в XVII в., быстрое накопление капитала в XVIII в., тяжелый кризис крепостного хозяйства в первой половине XIX в., зарождение в недрах мануфактурного производства первых частных заводов и фабрик и др. Несомненный интерес представляет оригинальная характеристика промышленного переворота в России; весьма ценны данные из истории машиноснабжения России.

Эти работы С. Г. Струмилина основаны на экономическом анализе, обобщении огромного статистического материала и многочисленных исторических фактах. В своем исследовании «Промышленный переворот в России» [3] он показал, что первый промышленный кризис в России относится еще к периоду феодально-помещичьего строя и что промышленный переворот начался задолго до юридического акта об уничтожении крепостного права в России.

Глубокий интерес к историческому развитию России приводит С. Г. Струмилина к построению длинных динамических рядов, характеризующих изменение уровня производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве, динамику технического прогресса, динамику численности рабочей части населения. В этом отношении заслуживают особого внимания работы о динамике сельскохозяйственного труда, статья «Технический прогресс за 300 лет» [4].

В заключение нельзя не отметить литературное мастерство С. Г. Струмилина во всех написанных им работах: предельная ясность мысли, отточенность формулировок и определений, необыкновенная простота и народность языка.

Академик *В. С. Немчинов*

---

[1] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Изд-во АН СССР, 1954.

[2] С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России. Соцэкгиз, 1960.

[3] С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. ОГИЗ. 1944.

[4] См. «Архив истории науки и техники». Изд-во АН СССР, 1934, вып. 2—4.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

К ТЕОРИИ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ

I. К ПЕРЕСМОТРУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА[1]

«...По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства... бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было»

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. II, стр. 419).

1. О ЕДИНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ УЧЕТЕ

Уже не первый год у нас много говорят о необходимости радикальной перестройки всех видов унаследованной нами от старого режима статистической, бухгалтерской и оперативно-технической отчетности на новом принципе единого социалистического учета. Применительно к этой задаче перестраиваются организационно за последнее время и все наши учетные органы. Но сколько-нибудь заметных достижений в области перестройки самого учета на новых началах еще не наблюдается. Более того, далеко еще не всем ясно даже самое понятие единого социалистического учета.

Какое же содержание мы вкладываем в это понятие?

Прежде всего проектируемый *учет* есть учет хозяйственный и в качестве такового должен дать нам меру эффективности нашей хозяйственной деятельности путем балансового сопоставления наших хозяйственных затрат с их результатами. В такой наиболее общей постановке задачи нашего нового учета как будто еще ничем существенным не отличаются от задач старого бухгалтерского учета частнохозяйственной капиталистической эпохи. Однако в условиях СССР существенно меняется самое понятие хозяйства. На месте частного вырастает общественное хозяйство с чрезвычайным расширением и вглубь и вширь его границ. Например, уже ныне в понятие хозяйственной деятельности у нас включается огромная область, именуемая подготовкой кадров рабочей силы. Эта подготовка включается в наши народнохозяйственные планы независимо от того, ведется ли она в особых «учебных цехах» при предприятиях или в учебных заведениях Наркомпроса. А со временем, в развитом социалистическом обществе, несомненно, и вся система культурно-просветительной работы, включая и научно-исследовательскую и художественную деятельность, будет включаться в народнохозяйственный план с четко поставленным учетом соответствующих затрат и результатов.

Понятие *социалистического* учета включает в отношении учета два новых требования. Социалистическое хозяйство ведется по плану, и потому социалистический учет должен быть прежде всего учетом выполнения планов или, говоря иначе, должен давать нам меру отклонений от плановых нормалей на каждой ступени производства с выявлением

[1] В кн.: «К перестройке бухгалтерского баланса». М., 1933.

причин этих отклонений и их «виновников». Элементы такого учета мы находим уже в отдельных наиболее передовых предприятиях капиталистического мира в системе так называемой стандарткост. И это понятно. Крупное массовое производство современных гигантов индустрии само создает и потребность, и необходимые предпосылки для производственного нормирования всех трудовых процессов и планового режима в пределах каждого данного предприятия. А вместе с тем становится не только возможной, но и *необходимой* новая постановка учета — путем наблюдения и фиксации отклонений от заданных технических норм и производственных заданий. Но капиталистический режим в условиях рыночной стихии резко ограничивает сферу применения этой рационализации. Она не может здесь подняться выше узких рамок *низового* нормирования и учета на отдельных предприятиях. Расширение этих рамок до масштаба целых отраслей и всего народного хозяйства в целом как в области планирования, так и увязанного с ним учета возможно только в условиях обуздывающего стихию рынка социалистического хозяйства.

Второе требование социалистического хозяйства, предъявляемое учету, относится к выбору единицы учета. В капиталистическом обществе, где единственным результатом хозяйства для каждого предприятия является прибыль, единицей учета является рубль и только он. В социалистическом обществе, где наибольший интерес с точки зрения народнохозяйственной экономии представляет человеческий труд, ограничиться рублем в качестве монопольной единицы учета даже в первое переходное время чрезвычайно мудрено и нецелесообразно. Уже теперь у нас все большее значение приобретает учет производительности труда, для чего мы должны пристальнейшим образом следить за всеми трудовыми затратами и сбережениями в их самом непосредственном натуральном выражении. В развернутом социализме трудовая единица учета, несомненно, станет *основным* мерилом результативности всех хозяйственных операций. Но и в настоящее время по мере внедрения новых форм низового технико-экономического планирования в станко- и трудо-часах эта единица, отнюдь не заменяя собою рубля, становится все более существенным элементом текущего учета.

Грядущий социалистический учет мы называем еще единым.

Однажды на страницах газеты «За индустриализацию» (от 12 февраля 1933 г.) в статье Бирбраера мы встретили довольно неожиданный выпад против указанной тенденции социалистического учета к единству. Против кого в данном случае выступала газета, сказать трудно. Однако не мешает напомнить, что еще в резолюциях XVI конференции ВКП(б), т. е. в 1929 г., зафиксировано требование обеспечить «...установление *единства* бухгалтерского, оперативного и статистического учета». Точно так же и СНК Союза в своем постановлении от 28 августа 1931 г. о механизации учета, устанавливая, что «задачи социалистической реконструкции народного хозяйства требуют коренной перестройки всей системы учета», целью такой перестройки называет «построение системы *единого* социалистического учета».

Однако нужно отметить, что указанное выступление Бирбраера уже нашло себе надлежащую оценку и большевистский отпор и в специальной резолюции «Против меньшевистской трактовки вопросов социалистического учета», единогласно вынесенной совещанием хозяйственников, статистиков и бухгалтеров от 7 марта 1933 г., и в редакционных на нее откликах центрального органа партии (см. «Правду» от 30 марта и 4 мая 1933 г.). А потому продолжать дискуссию на эту тему не приходится.

Построение *системы* единого социалистического учета, конечно, отнюдь не предполагает механического слияния всех видов учета в один с упразднением статистики и бухгалтерии как особых методов учета. Речь идет лишь о приведении их к единству в качестве хотя бы и самостоя-

тельных и равноценных, но вполне согласованных между собою элементов единой и целостной *системы* учета. В этом определении мы выдвигаем требование приведения всего наличного многообразия систем и единиц учета к такому единству, без которого немыслимо построение венчающего всю систему социалистического учета народнохозяйственного баланса деятельности всего общества, взятого в целом.

Оперативно-технический учет ведется ныне в самых низовых ячейках производства и, удовлетворяя потребностям конкретного руководства трудовыми процессами, оперирует самыми различными измерителями во всем многообразии натурального их выражения. С переходом от бригады и цеха к целому предприятию, тресту и ведомству на помощь многообразным натуральным показателям приходит дающий обобщающее им всем рублевое выражение бухгалтерский синтетический учет. Наконец, еще выше, в масштабах всего народного хозяйства, и бухгалтерский учет становится уже явно недостаточным и требует своего восполнения методами массового статистического наблюдения, аналитических группировок и синтетического обобщения. Статистические совокупности допускают группировки по любым признакам и, стало быть, поддаются учету не только в пудах, аршинах и рублях, а и в любых иных, например, трудовых единицах.

Все эти виды учета претерпевают в наше время довольно существенные пертурбации в сторону известного сближения и взаимного проникновения. Так, ряд технико-экономических показателей из низового оперативного учета становится орудием планирования в масштабах целых отраслей народного хозяйства, включаясь в систему так называемых укрупненных измерителей. Доведенный до цеха и бригады хозрасчет влечет туда же за собою калькуляционные и прочие бухгалтерские расчеты. А хозяйственная статистика, теряющая в новых условиях ограниченной планом рыночной стихии свою прежнюю специальность выявления стихийных социально-экономических закономерностей, становится средством контроля плановых заданий в масштабах народнохозяйственного целого и, пользуясь свойственными ей одной методами, служит нам наиболее ценным орудием экономического анализа технико-экономических связей и закономерностей планового хозяйства. При этом оперативный учет и бухгалтерия обогащаются методами статистических расчленений и группировок охватываемых ими совокупностей признаков, а статистика заимствует у бухгалтерии приемы балансовых построений.

В заключение отметим еще одну особенность социалистического, т. е. общественного счетоводства. Оно должно служить задачам общественного контроля за целесообразностью и эффективностью хозяйственного планирования. «Бухгалтерский учет как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса,— писал еще К. Маркс,— становится тем необходимее, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер...» [1]. В наших условиях учет должен стать средством *всенародного* контроля хозяйственных процессов.

Более того, он уже теперь в целом ряде актуальнейших хозяйственных кампаний становится повседневным орудием *классовой борьбы* за выполнение плановых директив партии, за успешное проведение хозрасчета, против расхищения общественной собственности, священной и неприкосновенной в наших условиях, и т. д. и т. п. В стране Советов учет призван стать одним из важнейших орудий *диктатуры пролетариата.* А для этого прежде всего он должен стать близким и понятным самым широким рабочим массам. Никаких секретов, никакого мистического

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 153.

тумана мы не можем допустить в нашем учете. Он должен стать настолько простым, ясным и общедоступным, чтобы, по завету В. И. Ленина, обеспечить задачу «всенародного учета и контроля *снизу*» — в порядке самодеятельности всей рабочей общественности.

2. К КРИТИКЕ СТАРОГО БАЛАНСА

Вопреки четким указаниям теории на важность бухгалтерии для социалистического хозяйства, мы не уделяли ей до сих пор должного внимания. Правда, советская бухгалтерия уже в нынешнем ее виде приобрела некоторые особенности, выгодно отличающие ее от старой бухгалтерии капиталистических времен. В качестве таких отличий можно отметить особое внимание, уделяемое советской бухгалтерией затратам на труд, известную унификацию методов учета и стандартизацию номенклатуры. Однако эти унификация и стандартизация осуществлялись бухгалтерами старой школы, прекрасными практиками, но в огромном своем большинстве людьми весьма далекими от какого-либо влияния теории Маркса в сфере их специальной деятельности. Вследствие этого советская бухгалтерия за 15 лет своего существования далеко еще не очистилась от целого ряда пережитков старого уклада и влияний буржуазных экономических теорий.

Бухгалтерский баланс — это завершение бухгалтерской отчетности — еще недавно заключал в себе особенно много таких пережитков и влияний. Они ясно чувствовались уже в терминологии баланса. Он очень долго, например, бережно сохранял в своей номенклатуре категорию «капитала» (уставный капитал, амортизационный и пр.), хотя этот термин в применении к фондам последовательно социалистических предприятий нашего времени режет ухо и прямо вопит о своей неуместности.

В качестве отживающих категорий нашей бухгалтерии и законодательства можно бы назвать и такие понятия, как зарплата, процент, прибыль. Они утеряли уже свое старое социальное содержание показателей *классового* расчленения народного дохода и классовой эксплуатации, но приобретают новый смысл в членении этого дохода на потребляемую и накопляемую доли и в современной хозяйственной практике, вероятно, надолго еще будут вследствие своей привычности наиболее ходкими инструментами хозрасчета [1]. Во всяком случае допустимость этих терминов — в трансформированном их значении — для использования в советской бухгалтерии можно чем-либо оправдывать, в то время как категория *капитала* в социалистическом хозяйстве не находит себе никакого оправдания.

---

[1] «Если свести заработную плату к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (т. е. общественной производительной силой его собственного труда как действительно общественного), которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при данных производственных условиях общества необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1, необходимый труд, и в № 2, прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, т. е. если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» (К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1955, т. III, стр. 889—890).

Старая бухгалтерия, нужно сказать, вообще проявляла крайнюю беззаботность по части своей терминологии. Возьмем хотя бы термин «имущество» в его бухгалтерском использовании. В юридической науке имуществом называется вся совокупность вещных благ и правовых притязаний, поддающихся денежной оценке, освоению и отчуждению. Сюда относятся, стало быть, и средства труда, и материалы, и готовые изделия, и касса, и кредиторские права, вообще все содержание актива бухгалтерского баланса. Столь же широко трактуется понятие имущества и в экономической науке и в обычном словоупотреблении. Но бухгалтерия, обнаруживая в этом случае полную свою безграмотность, называла имуществом только строения и оборудование, исключая таким образом из состава имущества оптом все товары и материалы, денежные средства и кредиторские права.

А между тем для такого грубого насилия над пользующимся всеми правами гражданства термином нет никакого основания. Экономическая наука знает для данной цели вполне четкий и точный термин — «средства труда». И косноязычная замена этого термина словом «имущество» плодит лишь излишние ошибки и недоразумения. Средства труда определяются лишь их *ролью в данном производстве,* т. е. технико-экономическим назначением и функциональным использованием, а не вещными признаками. И когда перед бухгалтером стоят такие вещи, как, скажем, установленное оборудование, запасное оборудование, демонтированное оборудование и вновь изготовленное для реализации оборудование, он при своем механистическом подходе должен либо безнадежно свалить в одну «имущественную» кучу все эти весьма различные вещи, либо расчленять их в балансе, руководствуясь не разумом, а разве лишь привычкой или инстинктом.

Теоретическая беспомощность бухгалтерии сильнее всего сказывается там, где она должна обобщить и анализировать. В современном развернутом счетном плане предприятия насчитываются целые сотни счетов и статей баланса. Без четкой их классификации и группировки по основным экономическим категориям с ясной целевой установкой это нагромождение бухгалтерской цифири просто необозримо, а при сводке в самодельные рубрики и группы получаются иной раз большие курьезы, а иной раз и совершенно недопустимая мешанина. В качестве образчика самодельщины мы можем указать такую оригинальную «экономическую» категорию в проекте баланса, вышедшем из НКЗема. В этом балансе имелись рубрики «незрелые насаждения» и «молодняк животных», и они объединялись в общую рубрику по признаку молодости: «молодняк животных и растений». Экономический смысл отделения незрелых насаждений от эксплуатируемых или рабочего и пользовательного скота от выращиваемого молодняка, разумеется, есть — это деление идет по линии различения функционирующих средств труда от незавершенного производства растений и животных, где они выступают еще только в роли предметов труда или сырого материала. Но за отсутствием таких стандартных рубрик в современном советском балансе бухгалтеры сами измышляли свою кустарную отсебятину.

Гораздо менее невинными являются те группировки статей баланса, в которых отражается влияние вульгарных экономических теорий капиталистической формации.

Вульгарная экономическая теория в своих расчленениях средств производства и обращения никогда не принимала марксового деления производственных ресурсов на постоянный и переменный капитал, подчеркивающих творческую роль труда в создании ценностей. И это не случайно, конечно. Она всегда предпочитала другое деление — на основной и оборотный капитал, при котором, по выражению Маркса, вне поля зрения остается «вся тайна образования прибавочной стоимости». Но

и в членении промышленных фондов на основной и оборотный капитал буржуазная экономия со времен Адама Смита допускала, в отличие от Маркса, смешение весьма различных категорий. Во-первых, оно сказывается в том, что под рубрикой оборотного капитала или оборотных средств она не только объединяет, но и полностью сливает части постоянного и переменного капитала, затушевывая тем самым кардинальное между ними различие. Характерно, что авансированная в производстве зарплата даже в современной советской бухгалтерии, несмотря на ее специальное внимание к учету живого труда, до сих пор не нашла себе никакого отражения в балансе, безнадежно потопленная вместе с материальными затратами под рубрикой незавершенного производства. А, во-вторых, буржуазная экономия, а за ней и бухгалтерия искони объединяют под рубрикой оборотных средств не только предметы труда, т. е. всякого рода производительные запасы — материалы, топливо, полуфабрикаты, но и готовые товары и денежные средства, смешивая таким образом две совершенно отличные друг от друга сферы производства и обращения.

Как известно, Маркс, анализируя процесс обращения капитала, строго различал сферу производства от сферы обращения и распределения. Промышленный капитал, по Марксу, функционирует в трех формах: производительной, товарной и денежной. Первая из них относится к сфере производства, вторая и третья — к сфере обращения. «...Лишь производительный капитал,— учит нас Маркс,— может разделяться на основной и оборотный. Этой противоположности не существует, напротив, для двух других способов существования промышленного капитала, следовательно,— ни для товарного капитала, ни для денежного капитала; ...как бы быстро они не обращались, оборотным капиталом, в противоположность основному, они могут стать лишь тогда, когда они превратятся в оборотные составные части производительного капитала. Но так как эти две формы капитала существуют в сфере обращения, то, как мы увидим, политическая экономия со времен А. Смита не удержалась от искушения свалить их в одну кучу с оборотной частью производительного капитала... В действительности же,— повторяет Маркс,— денежный капитал и товарный капитал представляют собой капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный капитал в противоположность основному» [1].

Нам нетрудно понять, почему буржуазная политическая экономия удерживала такое смешение категорий и, говоря словами Маркса, «без всякой критики в течение почти целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение» [2]. Гораздо труднее понять, почему советская бухгалтерия в течение целых 15 лет удерживала в своих балансах все ту же путаницу и преподносила нам ежегодно в порядке отчетности социалистических предприятий столь беспринципную мешанину. Не пора ли, однако, прекратить эту практику? Ведь пренебрежение к теории всегда чревато и очень конкретными практическими неприятностями. В частности, не выявляя на балансе овеществляемого в данном производстве живого труда, мы теряем возможность установить органический и технический состав производственных фондов, являющийся решающим фактором в динамике производительной силы труда. Вместе с тем, включая в оборотные средства производственного процесса и средства обращения, т. е. товарный и денежный фонды, мы лишаемся возможности четко разграничить в общем кругообороте хозяйственных благ время их производства от времени обращения, без чего немыслимо и разумное плановое вмешательство в течение этих процессов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 187—188.
[2] Там же, стр. 247.

Время оборота различных составных частей промышленных фондов, как известно, весьма различно. За время одного оборота средств труда или основного капитала протекает обычно целый «цикл оборотов» предметов труда и рабсилы, или оборотного капитала. Этот цикл определяется продолжительностью существования основного капитала до полного физического или морального снашивания составляющих его средств труда. Оборот предметов труда гораздо короче, ибо если средства труда, снашиваясь постепенно, лишь *по частям* переносят свою стоимость на создаваемый продукт, то предметы труда, т. е. основные и вспомогательные материалы, как и рабочая сила, «авансируются лишь на то время, в течение которого изготовляется продукт», ибо в течение этого периода производства они целиком и полностью потребляются и овеществляются в продукте. «Готовый продукт,— по энергичному выражению Маркса,— ...выбрасывается из процесса производства, чтобы из сферы производства перейти в сферу обращения в качестве товара» [1]. На реализацию этого товара, т. е. превращение в денежную форму и обратное превращение в вещную форму средств производства для нового оборота в производстве, требуется, конечно, тоже известное время, которое Маркс называет «временем обращения» и подразделяет на «время продажи» и «время покупки». «Время производства» в свою очередь подразделяется им на «рабочий период», в котором материалы находятся в процессе труда, и второй, нерабочий, в котором незавершенный продукт подвергается воздействию *естественных* процессов роста, химических реакций и т. п. и в этой стадии «не находится в процессе труда». Таким образом, если, с одной стороны, общий оборот авансированного (основного и оборотного) капитала есть средний оборот его различных составных частей в производстве, то, с другой — *полное* время оборота капитала равно сумме времени его производства и времени его обращения.

Суммировать *время* производства и *время* обращения следует потому, что производительный капитал и капитал обращения — не разные части одного целого, подобно тому, как, например, основной и оборотный являются просто частными слагаемыми производительного капитала, а лишь разные «*способы существования*» одного и того же промышленного капитала, т. е. разные фазы того метаморфоза форм, который он проделывает в своем кругообороте воспроизводства. Но именно поэтому не следует суммировать оборотный капитал с капиталом обращения, объединяя их в одно целое, что было бы равносильно сложению новолуния с полнолунием для получения двух лун из одной единственной. А между тем у нас и поныне в понятие «оборотных средств» включаются не только запасы сырья, материалов, топлива и незавершенного производства, но и наличие «готовых изделий и товаров» [2], появляющихся лишь во второй фазе кругооборота воспроизводства.

Схематически весь этот циклический кругооборот можно представить в следующем виде (рис. 1).

Нет нужды говорить о том, насколько существенный не только теоретический, но и прикладной интерес имело бы конкретное определение всех элементов и сроков этого кругооборота в каждой отрасли хозяйства и в любом предприятии в порядке текущего бухгалтерского их учета. Современный баланс в своей структуре из-за полного пренебрежения к теории совершенно не приспособлен к этой задаче. Но его можно, а следовательно, и должно к ней приспособить.

Может возникнуть такое сомнение. Экономические категории, которыми занималась до сих пор теория, суть категории капиталистической формации. Спрашивается, в какой же мере они применимы для нашего времени?

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 176—177.
[2] См. пост. СТО об оборотных средствах от 23.VII 1931 г.

Конечно, экономические категории в той форме, в которой они присущи только капиталистической формации, не подлежат использованию в советском обиходе. Но кроме социальной подоплеки, отражающей определенные общественные отношения, большинство экономических категорий Маркса полны и глубокого технико-экономического содержания, полностью сохраняющего свое значение и для нашего времени. Характерные

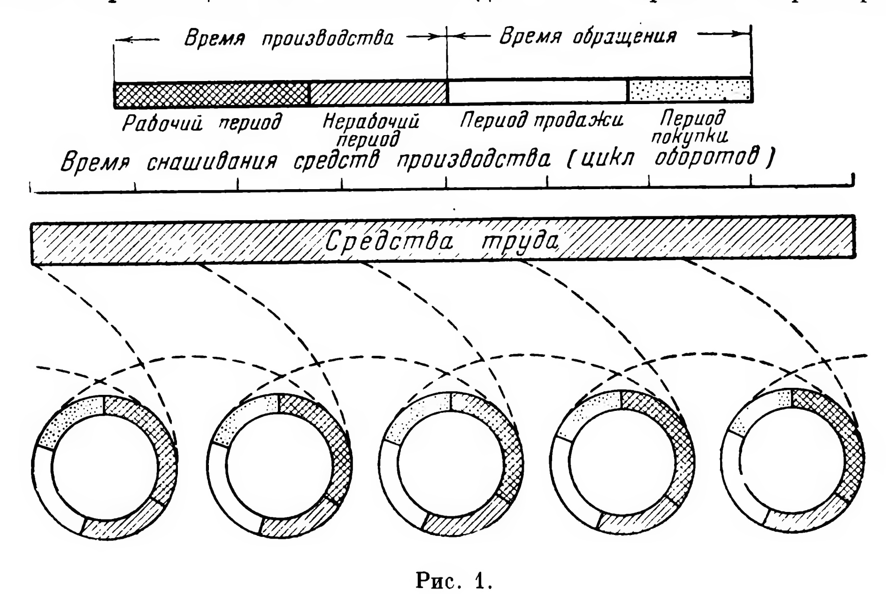

Рис. 1.

для капиталистической формации социальные отношения классовой эксплуатации у нас отпадают. Но экономический процесс воспроизводства производительных сил общества остается. В связи с этим, скажем, отжившая категория «постоянного капитала» с его подразделениями на основной и оборотный нами отметается, а входившие в это понятие «средства производства» (c) с соответствующим их подразделением на «средства труда» и «предметы труда» сохраняются [1]. Точно так же категория «переменного капитала» отпадает, а соответствующее ей понятие овеществленного в данном производстве и оплаченного живого труда (v) остается. Наконец, категория прибавочной стоимости и эквивалентные ей понятия прибавочного продукта и прибавочного труда отбрасываются, но зато необходимый труд, расширяя свои рамки, включает в них наряду с возрастающими средствами потребления и необходимый для расширенного воспроизводства «фонд накопления» (m) [2]. Таким образом, совер-

---

[1] «Мы видели («Капитал», книга I, гл. V),— пишет Маркс,— что средства производства во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он ни совершался, всегда разделяются на средства труда и предмет труда. Но лишь при капиталистическом способе производства и средства труда и предмет труда становятся капиталом... Вместе с тем различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, проявляется в новой форме — в форме различия основного капитала и оборотного капитала». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 181.

[2] «Устранение капиталистической формы производства,— говорит Маркс,— позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 539.

шенно необходимое для планового хозяйства расчленение в схеме воспроизводства основных его элементов $(c+v+m)$ мы можем и должны сохранить в экономике нового уклада, соответственно отражая его и в советском бухгалтерском балансе.

3. СХЕМА НОВОГО БАЛАНСА

Баланс, составляемый на одну дату и классифицирующий в своем активе имущество предприятия по его физическому составу, а в пассиве — по юридическим признакам (свои и привлеченные средства), не пригоден для этой цели. Схема воспроизводства требует охвата производства и обращения за целый период. Стало быть, баланс должен стать более динамичным, *оборотным* балансом. Но главная наша задача перевести баланс на язык экономических понятий. Удаляя из него для обозримости весь излишний балласт путем сводки мелких рубрик в сводные группы, мы должны строго классифицировать их по экономическим категориям и элементам схемы воспроизводства. Всякая расшифровка и детализация этих элементов может быть отнесена в приложение. Однако уже в самой сжатой своей номенклатуре баланс должен отразить не только общую схему воспроизводства, но и специальные результаты применения хозрасчета по снижению себестоимости и повышению производительности труда в данном предприятии за отчетный период. Лишь в этом случае он станет основным, полноценным и совершенно незаменимым отчетным документом в обиходе любого хозяйственника, статистика и экономиста.

Само собой понятно, что на разных стадиях нашего приближения к коммунизму строить баланс нам придется по-разному. В системе трудового учета он будет выглядеть по-иному, чем в системе денежного учета. Существует мнение, что со временем из баланса отпадут даже столь существенные части его, как весь пассив, ныне посвященный выяснению юридической принадлежности имущества, показанного по активу. Однако это очень дискутабельно. Дело в том, что принятые ныне в бухгалтерии подразделения счетов на активные и пассивные крайне условны. Вместе с тем становится условным и все содержание актива и пассива. Конечно, с отпадением частной собственности теряют смысл некоторые чисто юридические подразделения в пассиве, но на их место встанут другие. В частности, для социалистического сектора уже теперь теряет свой смысл подразделение имущества предприятия на *свои* и *чужие* средства, ибо все они без различия принадлежат одному хозяину — пролетарскому государству. Однако в условиях хозрасчета выделить каждое предприятие в самостоятельную хозяйственную единицу, отличая в ней внутренние ресурсы от привлекаемых со стороны на различных условиях (бюджетные ассигнования, процентные ссуды и т. д.) и для различных целевых назначений (целевые резервы), совершенно целесообразно и необходимо.

Бухгалтерская теория утверждает, что деление счетов на активные и пассивные определяется уже самой бухгалтерской природой этих счетов. Одни счета, например счет кассы, могут иметь только положительные (дебитовые) остатки, их следует показывать в активе, другие счета, например все кредиторские, дают только отрицательные (кредитовые) остатки и потому их записывают на пассив, наконец, бывают и такие нейтральные счета, в которых дебет всегда равен кредиту и остатки нулевые, почему они вообще выпадают из баланса. Однако в этих суждениях о «природе» счетов скрыто изрядное недоразумение. Бухгалтерия до сих пор еще не поднималась в своих операциях над уровнем самых элементарных арифметических операций, а арифметика, как известно, не

знает отрицательных величин. Поэтому, если дело идет о таких операциях, в которых приход может оказаться и больше и меньше расхода, то бухгалтерия совершенно искусственно разбивает их на два счета — счет приходных и счет расходных статей, в каждом из которых, разумеется, по самому замыслу счета могут быть уже только положительные остатки. Так, расчеты по обязательствам разбиваются на счет «дебиторов» и счет «кредиторов», счет «производства» — на счет «затрат» и счет «выпуска» продукции и т. д. Понятия дебета и кредита при этом чрезвычайно условны, ибо каждая запись, независимо от ее экономического содержания в двойной бухгалтерии, обязательно проводится в одном счете по дебету, в другом — по кредиту. И разбивка счетов на «активные» и «пассивные» с этой точки зрения в зависимости от угла зрения, под которым она проводится, допускает значительное число возможных вариантов. Необходимо лишь удовлетворить одному требованию, чтобы актив с пассивом балансировались.

В сущности говоря, бухгалтерский баланс в его членении на актив и пассив можно рассматривать как две различные группировки одного и того же хозяйственного комплекса (имущества предприятия). В зависимости от целевой установки число и характер таких группировок могут изменяться. Но итог по всем группировкам остается постоянной величиной, ибо от перемены места слагаемых сумма не меняется.

В общем процессе воспроизводства баланс должен отразить четыре следующие ступени: 1) движение средств производства, 2) процесс производства, 3) процесс обращения и 4) процесс распределения и накопления хозяйственных благ. Этому делению должны соответствовать четыре специальные группы счетов. Каждая из этих групп счетов должна иметь своих представителей и в активе, и в пассиве. В общем и целом схема баланса у нас получает следующий вид. В сказуемом по каждой статье дается четыре графы: 1) остаток к началу периода, 2) поступило на счет, 3) списано со счета и 4) остаток к концу периода с расчленением последней графы на три: 1) план, 2) отклонения и 3) итого. А номенклатура статей баланса в самом сжатом виде может быть сведена к следующему минимуму:

ТИПОВАЯ СХЕМА БАЛАНСА

Актив

I. Средства производства
1. Средства труда в эксплуатации.
2. Предметы труда на складах.

II. Издержки производства
1. Перенесенный труд:
   а) материалы,
   б) услуги других производств,
   в) снашивание средств труда.
2. Живой труд (рабочая сила).

III. Обращение
1. Товары и фабрикаты.
2. Закупки и заготовки.
3. Издержки обращения.
4. Деньги и расчеты.

IV. Распределение
1. Внутренние потери:
   а) производственные,
   б) непроизводственные.
2. Изъятия в другие хозяйства.

Итого (баланс).

Пассив

I. Фонды и резервы
1. Внутренние ресурсы.
2. Привлеченные со стороны.

II. Выпуск из производства
1. Для внутренних нужд.
2. На сторону:
   а) средства производства,
   б) предметы ширпотреба.

III. Обращение
1. Реализация:
   а) услуг,
   б) товаров и фабрикатов.
2. Приобретение:
   а) услуг со стороны,
   б) материальных фондов,
3. Фонд зарплаты.

IV. Накопление
1. Внутреннее накопление.
2. Накопление за счет других хозяйств.

Итого (баланс).

В приведенной схеме некоторые рубрики могут отсутствовать, например, «издержки обращения» в балансе трестированных предприятий обычно отсутствуют, появляясь только на балансе треста, который берет

на себя функции снабжения и реализации по всем подведомственным ему предприятиям.

В сальдовом балансе издержки производства представлены только статьей «незавершенное производство». В нашем балансе, поскольку в нем даются не только остатки, но и обороты, найдут свое отображение как незавершенное производство, так и все затраты, овеществляемые в выпуске готовой продукции, с расчленением их на основные элементы. Подобно этому в старом балансе на активе появлялись только «незаконченные заготовки», а в новом могут быть полностью показаны все обороты по закупкам и заготовкам, а также полная калькуляция всех относящихся сюда дополнительных издержек по приобретению и доставке закупленных материалов к месту производства. Конечно, счет закупок и заготовок хозяйственным способом можно расчленить и на два субсчета. Но существенно отметить, что по счету закупок должны пройти все остатки и обороты по «материалам *в пути*», ибо лишь «материалы на *складах*» можно считать вышедшими из сферы обращения и перечислить в качестве *производительных* запасов в рубрику предметов труда. В старом балансе, не различавшем оборотных средств в производстве от средств обращения, и материалы на складах и материалы в пути объединялись под одной рубрикой материалов.

Новшеством в нашей схеме являются также показанные в пассиве собирательные счета «приобретений», «материальных фондов» и «фонда зарплаты». На счете приобретений собираются все издержки, входящие в калькуляцию стоимости закупленных материалов франко-склад или зона производства данного предприятия. Поскольку в системе хозрасчета затраты материалов в производстве прежде всего учитываются в *плановых* (или «расчетных» в междуцеховом обороте) ценах, а фактические их цены включаются в калькуляцию дополнительно в порядке учета *отклонений* от плана или так называемых калькуляционных разниц, то в счетном плане должен быть предусмотрен особый счет и порядок исчисления этих разниц. Эту задачу и призван разрешить в нашей схеме счет приобретений, в котором ведется учет всех завершенных закупок по плановым и фактическим ценам франко-завод.

На счете фонда зарплаты собираются все виды индивидуальной и социализированной оплаты труда (начислений) в сопоставлении с планом, причем в кредите показываются все начисленные, а в дебете — фактически выплаченные суммы. Кредитовое сальдо показывает таким образом *задолженность* по зарплате. К моменту составления баланса, однако, задолженность переносится на кредиторские счета, вся причитающаяся сумма зарплаты и начислений с кредита фонда зарплаты поступает на дебет издержек производства или издержек обращения, и счет закрывается.

В этом же смысле закрывается, балансируясь без всякого *сальдо*, и счет материальных приобретений, поскольку вся сумма собранных на его дебет затрат списывается по кредиту частью на счет материалов на складах, частью непосредственно на счет издержек производства, обращения и другие. Но на оборотном балансе должна получить свое отражение сумма оборотов и по таким *сбалансированным* счетам. Эти собирательно-распределительные счета играют в нашей схеме не только подсобно-служебную роль для калькуляции издержек производства и обращения, они представляют и сами по себе значительный интерес, ибо в собранном виде синтетически отражают весьма важные экономические категории зарплаты и полного оборота данного хозяйства по его приобретениям со стороны. В других счетах эти суммарные обороты не *дублируются*, отражаясь в них лишь отдельными своими элементами и в ином расчленении. Например, фонд зарплаты в активе раздробляется между издержками производства и обращения, отражает лишь причитающуюся сумму зарплаты

без всяких следов того, в какой она части выплачена, и притом с расчленением на зарплату, овеществленную в готовой продукции и в незавершенном производстве. Ни одно из этих слагаемых ни в отдельности, ни в сумме не совпадает с фондом зарплаты, выплаченной или начисленной за данный отчетный период, поскольку незавершенное производство выходит за его пределы.

Термины актив и пассив в данной схеме употреблены условно. Их можно заменить и другими, ибо данная номенклатура должна отразить не только *состояние* имущества предприятия на данный момент, но и динамические процессы (обороты) за отчетный период. Нас вовсе не беспокоит поэтому, что по некоторым рубрикам «пассива» будут получаться нулевые остатки. Наш *актив* призван отобразить всю хозяйственную *деятельность* предприятия в ее расчленении по ступеням процесса воспроизводства, технико-экономическим его факторам и элементам безотносительно к другим хозяйствам, а пассив — те взаимоотношения, в которых данное предприятие состоит с другими членами и секторами всего народнохозяйственного комплекса. Иными словами, наш актив отражает внутрихозяйственные связи, а пассив — межхозяйственные отношения, в первом решающее значение принадлежит технике, во втором — экономике.

Поэтому привычные заголовки «актив» и «пассив» в нашем балансе можно бы с полным правом заменить соответственно заголовками «технико-производственная *структура*» и «*экономическое назначение*» наличных ресурсов и оборотов. В первом подразделении они рассматриваются нами *сами по себе* в натурализованном их конкретном естестве, как потребительные ценности, *активно* участвующие в процессе воспроизводства материальной жизни, во втором подразделении, наоборот, они рассматриваются уже в обезличенном виде, как продукты общественного труда, подлежащие плановому распределению в народном хозяйстве, т. е. уже в *пассивной* роли объектов общественного воздействия. Из выявленного здесь специфического назначения нашего пассива совершенно ясно, что роль его с развитием планового начала в хозяйстве может лишь возрастать. Юридические категории *принадлежности* частного имущества тем или другим лицам, характерные для капиталистического баланса, отмирают, но на смену им вырастают гораздо более значимые экономические категории планового *назначения* различных долей социалистической «собственности» в ее общественном воспроизводстве.

Для того чтобы соблюсти требования двух группировок в балансе, каждый оборот в активе должен найти отражение также в пассиве и обратно. Например, снашивание средств труда не прямо переносится на счет производства, по активу, а сначала попадает в пассив на счет износа. Со счета производства списания затрат производятся не прямо на активный счет товаров, а через пассивный счет выпуска продукции. Затраты денег на закупку материалов не прямо переносятся на счет «предметов труда», а через пассивный счет приобретений и т. д. Точно так же отмечающаяся на пассивных счетах «выпуска» и «реализации» прибыль не сразу передается на счет «накопления», а через активный счет кассы и пр.

Особый интерес в нашей схеме представляют рубрики, посвященные живому труду. В системе трудового учета «овеществляемый живой труд» будет, конечно, учитываться в трудовых единицах. Но в системе денежного учета мы его можем ввести в баланс только *в рублях причитающейся зарплаты*, давая одновременно *за балансом* дополнительную строку того же наименования в отработанных днях и часах. Затраты по живому труду в остатке на активе представят собой труд, овеществленный в незавершенной продукции — на всех стадиях ее готовности, в том числе, стало быть, и в полуфабрикатах собственного производства, вошедших в состав незавершенной продукции данного момента. Материалы чужой продукции

на складах не заключают еще в себе живого труда. Готовые к выпуску изделия, по Марксу, «выбрасываются из производственного процесса в сферу обращения», и, стало быть, овеществленный в них живой труд выбывает уже из состава «переменного капитала» в сфере производства.

Денежный фонд, предназначенный на оплату рабочей силы, тоже еще не переменный капитал. «Действительным переменным капиталом он (денежный капитал. —*С. С.*) становится лишь после сбрасывания своей денежной формы, лишь после того, как он превращен в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала»[1]. Таким образом, живой труд, *овеществленный* в сфере производства, целиком и полностью покрывает собою технико-экономическое содержание той категории, которая в капиталистическом обществе проявлялась в социальной форме «переменного капитала».

Но, зная эту величину, мы получаем возможность в сопоставлении с величиной средств производства определить и очень важный для нас показатель органического и технического строения или состава производительных ресурсов в данном предприятии. «Строение капитала,— по Марксу,— можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемое со стороны стоимости, строение определяется тем отношением, в котором капитал делится на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, т. е. общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле строение капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения,— с другой. Первое я называю стоимостным строением капитала, второе — техническим строением капитала. Между тем и другим существует тесная взаимозависимость. Чтобы выразить эту взаимозависимость, я называю стоимостное строение капитала,— поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения,—органическим строением капитала»[2]. В этих определениях Маркса для нас устарел только термин «капитал». И если в нашем балансе (и за балансом) мы будем располагать величиной живого труда, овеществленного в производстве по стоимости его и по количеству, то все необходимые элементы для измерения уровня строения наличных производительных ресурсов как по органическому, так и по техническому его составу будут налицо.

Между величиной незавершенного производства и готовой продукцией за один полный рабочий период можно установить вполне определенное соотношение. Если производится только один уникальный продукт, например, Днепрострой, мост через Волгу, ледокол «Красин», то совершенно ясно, что к началу рабочего периода незавершенная продукция здесь будет равна нулю, а к концу его достигнет 100% заданной величины готового продукта. В среднем за весь период при равномерном развертывании производства ее можно определить, стало быть, в (0+100%) : 2, т. е. в 50% готового продукта. Если мы имеем дело с непрерывным серийным или массовым поточным производством, то это соотношение не столь очевидно. Но все же оно остается в силе. Нетрудно убедиться, что живой труд, овеществленный в незавершенной продукции непрерывного простого воспроизводства, представляя в нем довольно постоянную величину, в среднем своем значении в точности равен *половине* труда, вложенного в готовую продукцию за полный рабочий период.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 498.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 626.

В самом деле, допустим, что за один рабочий период t с конвейера сходит, скажем, n готовых тракторов. Это значит, что и на ленте конвейера в любой момент должно находиться n *незаконченных* тракторов в различных степенях их готовности. Лента конвейера равномерно, как часы, и неуклонно, как время, продвигается вперед, совершая свой кругооборот на одном месте. С одного конца на нее поступают материалы, с другого — сходит готовая продукция, но на самом конвейере всегда один и тот же ассортимент незавершенной продукции на всех стадиях ее готовности. Она впитывает в себя *непрерывно* за каждую единицу времени определенное, всегда одно и то же количество труда и *периодически* отдает его в сходящем с конвейера готовом продукте. Через каждые $\frac{t}{n}$ минут с конвейера сходит один готовый трактор. Как же изменяется за это

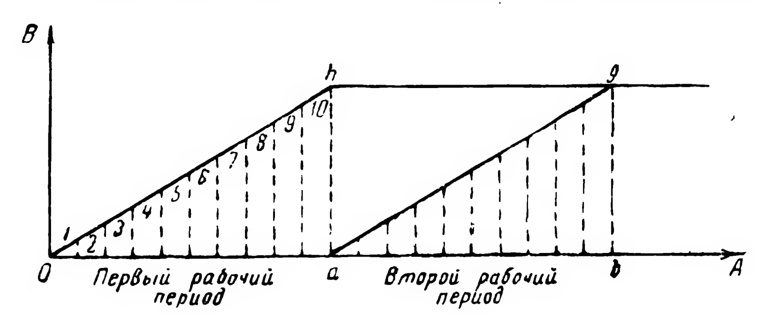

Рис. 2.

время от минимума к максимуму сумма *незавершенной* продукции на ленте конвейера? Если весь живой труд, поглощаемый на конвейере одним трактором, принять за единицу, то *минимальная* сумма незавершенной продукции на конвейере, выраженная в таких единицах, будет, возрастая по степени готовности составляющих ее агрегатов, равна сумме арифметической прогрессии: $0+\frac{1}{n}+\frac{2}{n}+\ldots+\frac{(n-2)}{n}+\frac{(n-1)}{n}=\frac{(n-1)}{2}$, а *максимальная* — к моменту спуска с конвейера следующего трактора — возрастет до

$$\frac{1}{n}+\frac{2}{n}+\frac{3}{n}+\ldots+\frac{(n-1)}{n}+\frac{n}{n}=\frac{(n+1)}{2}.$$

В среднем за весь рабочий период, таким образом, сумма незавершенной продукции на конвейере составит, колеблясь в указанных пределах, как раз $\left(\frac{(n-1)}{2}+\frac{(n+1)}{2}\right):2=\frac{n}{2}$, т. е. ровно половину готовой продукции, сошедшей с конвейера за рабочий период.

Графически, на чертеже, это соотношение отображено на рис. 2. Будем по горизонтали откладывать время производства, а по вертикали — количество труда, овеществляемого в производстве за единицу времени. За первый рабочий период Oa — период развертывания работы — число занятых рабочих постепенно увеличивается, незавершенная продукция в разных стадиях готовности накопляется, но готовый продукт из производства еще не выходит. За второй рабочий период $ab=Oa$ и за все последующие при *простом* воспроизводстве количество труда, расходуемого в единицу времени, достигает уже своей *постоянной* нормы, т. е. $ah=bg$, и из производства равномерно поступает на склад готовый продукт без всякого, однако, сокращения наличного задела незавершенной продукции. Если, скажем, в рабочий период с конвейера сходит по 10 единиц готового продукта, то в незавершенной продукции для равномерного хода производства должно быть обеспечено непрерывное воспроизводство 10 еди-

ниц того же продукта на всех степенях его готовности от нуля до единицы с интервалами в 0,1 этой единицы. Сумма незавершенной продукции к концу первого периода будет при этом равна площади треугольника *Oah*, к концу второго периода ее величина выразится площадью треугольника *abg* и т. д. Как ясно, однако, из построения $\Delta Oah = \Delta abg$. Готовая же продукция за рабочий период *ab* равна площади прямоугольника *abgh*. Отсюда заключаем, что незавершенная продукция *abg* равна половине готовой продукции за один рабочий период.

Значит, разделив затраты труда, овеществленные в годовой продукции предприятия, на удвоенные его затраты, овеществленные в незавершенной продукции, включая сюда и полуфабрикаты, к началу или к концу года мы получим число рабочих периодов за год, а стало быть, и время производства, соответствующее одному периоду. Конечно, если мы имеем не простое, а расширенное воспроизводство, то в качестве делителя лучше использовать удвоенный *средний* остаток незавершенной продукции за ряд моментов. Нужно лишь помнить, что вышеуказанное соотношение установлено нами только для количеств *живого труда*, овеществленного в незавершенном производстве и готовой продукции одного рабочего периода. Соотношение *материалов*, затраченных на те же количества незаконченной и готовой продукции, будет совсем иное. Так, для сборки на конвейере данного комплекта тракторов мы должны располагать в *любой* момент работы *полным* или почти полным набором всех необходимых для этого комплекта частей и деталей. Таким образом, по завязанным в незавершенном производстве *материалам* оно уже поднимается от 50 до 100% их количества в готовом продукте одного рабочего периода. Вот почему современные балансы, в которых все незавершенное производство в целом показывается в нерасчлененном на элементы виде, единой суммой, не годятся для сколько-нибудь точного определения рабочего периода.

А между тем и для анализа строения фондов и для определения нормальной потребности в оборотных средствах точное определение длительности рабочего периода давало бы нам показатель первостепенного значения. Об этом можно заключить уже из громадного диапазона колебаний процента незавершенного производства к годовому выпуску готовой продукции в разных отраслях нашей промышленности. Так, по данным ЦУНХУ, этот процент составлял:

	1931 г.	1932 г.
Машиностроение	19,5	18,5
Электротехническая промышленность	11,2	11,6
Текстильная »	3,2	2,4
Металлургическая »	1,8	1,7
Химическая »	1,2	1,2

Самый значительный процент незавершенной продукции, а стало быть, и самый длинный рабочий период по этим данным мы находим в машиностроении. Но и здесь колебания этого процента по отдельным производствам огромны. Вот, например, несколько цифр:

Производство (главк)	Средний процент	
	1933 г.	1934 г.
Судостроение морское . . .	97,0	81,4
Судостроение речное	47,7	46,2
Паровозостроение	47,8	34,4
Главлегмаш	19,6	19,8
Главсредмаш	18,9	18,6
Главсельмаш	15,4	16,9
Станкостроение	14,0	15,3
Вагоностроение	16,4	14,4
Автомобильные заводы	9,4	8,4
Тракторные заводы	4,7	4,9

Цифры эти, вероятно, не очень точны, ибо незавершенная продукция у нас, к сожалению, исчисляется без надлежащих инструкций и с

различной степенью точности. Она обычно не включает в себя элементов накопления, амортизации, а иной раз и некоторых накладных расходов. Для сравнимости с нею и готовую продукцию приходится исчислять по себестоимости и за исключением амортизации. Средняя незавершенная продукция в наших данных исчислялась только из двух остатков к началу и концу года. Тем не менее диапазон колебаний этих остатков весьма показателен. В морском судостроении процент незавершенной продукции раз в 20 больше, чем в тракторостроении, в тяжелом машиностроении, например на Уралмашзаводе, этот процент достигает 40, а в легком станкостроении падает до 14—15 и т. д. И это не случайно, конечно, ибо процент этот определяется длительностью рабочего периода, а она, естественно, не может быть одинаковой для парохода и автомобиля или для блюминга и швейной машины. Весьма показательна также сравнительная *устойчивость* процента незавершенной продукции в нашей справке за соседние годы.

Если вместо непрерывного производства мы имеем дело с периодическим, сезонным, как в сельском зерновом хозяйстве, или вообще только с одним его неповторяемым периодом, то здесь незавершенное производство нарастает в течение всего периода и притом обычно нарастает неравномерно, ибо рабочий период перемежается нерабочими паузами разной длительности. Но в этих случаях рабочий период легко определяется и непосредственно без обращения к незавершенному производству. Вся трудность определения рабочего периода относится именно к случаям *непрерывного* производственного процесса. В прежних балансах мы не имели элементов для такого расчета. Перестроив баланс по предложенной схеме, мы получаем в нем очень ценный и совершенно незаменимый инструмент экономического анализа.

Правда, для отдельных производственных процессов можно определить рабочий период и путем прямого подсчета времени (хронометраж), но современное общественное производство складывается из такого многосложного переплета отдельных производственных стадий, операций, рабочих моментов и производственных пауз, что *в целом,* по всему этому комплексу никакой технический хронометраж не сможет определить суммарного «времени производства» по всем его ступеням, цехам и переделам. В таком масштабе эта задача перерастает уже рамки *технического* нормирования и хронометража и становится проблемой *экономики* производства, оперирующей своими методами и инструментарием. Там, где обнаруживается бессилие хронометра, роль часовых стрелок берут на себя соответствующие рубрики и статьи бухгалтерского баланса.

Особенно ярко обнаруживается малопригодность *технических* хронометражей там, где дело идет об измерении времени не производства, а обращения. А между тем, если баланс дает нам средний размер товарных остатков на складе и годовой оборот товаров по реализации, *экономически* «время продажи» их получается сразу без всяких затруднений. Деление оборота на остаток дает число оборотов за год, а деление года на число оборотов дает «время продажи» в месяцах или днях и т. д. Точно так же делением оборота по закупкам материалов на остаток незаконченных по этому счету закупок можно определить число соответствующих оборотов за год и общее «время покупки» из расчета на один оборот. Путем хронометража таких нормативов не получишь, хотя многие из них имеют не только теоретическое, но и большое практическое значение. Например, в зависимости от различного «времени покупки», включая сюда и время транспорта для разных видов основных материалов и топлива, хозяйственник определит необходимое ему для бесперебойного производства количество соответствующих производительных запасов в пути и на *складах* предприятия.

Так, если ежедневная потребность завода в топливе равна, скажем, одному вагону, а на закупку и доставку его требуется в среднем две недели, то в пути всегда должно быть не менее 14 вагонов угля, а на складе — во избежание перебоев в производстве в случае неполадок на транспорте: неподачи и простоя вагонов, снежных заносов, крушений и т. п. аварий — должен храниться производственный запас, соответствующий наибольшему вероятному перерыву в снабжении из-за такого рода неполадок. Сопоставление этих запасов в натуре с годовым оборотом соответствующих материалов покажет обеспеченность ими производства на определенное число дней. А сопоставление этой обеспеченности с потребностью позволит разумно управлять данным хозяйством как в сфере производства, так и в сфере обращения.

4. СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

В вышеприведенной номенклатуре главнейших рубрик актива и пассива мы дали только основной остов бухгалтерского баланса. Каждая из этих сборных рубрик и счетов поддается дальнейшей расшифровке и детализации. Особенно далеко может идти эта детализация в активе, где мы имеем дело с вещными ценностями со всем их многообразием. Однако в интересах обозримости и здесь не следует доводить детализацию субсчетов актива дальше таких подразделений, которые имеют специальное технико-экономическое содержание. Так, *средства труда* могут быть развернуты по следующей номенклатуре:

I. Вложения в поверхность и недра

1. Зрелые насаждения и лесоустройство.
2. Мелиорация и землеустройство.
3. Разведанные недра.

II. Сооружения

1. Транспортные (мосты, рельсовые и безрельсовые пути).
2. Гидротехнические (плотины, шлюзы, каналы).
3. Шахты, штольни, буровые скважины.
4. Домны, мартены и т. п. печи.
5. Резервуары (элеваторы, газгольдеры, нефтесклады и т. п.).
6. Трубопроводы (канализация, водо-газо-тепло-нефтепроводы и пр.
7. Электросети (телеграф, телефон, сети высокого напряжения).

III. Строения

1. Производственного назначения.
2. Торгово-складские.
3. Конторские и пр. (лаборатории и т. п. учреждения).
4. Жилые здания.
5. Здания культурно-бытового обслуживания.

IV. Оборудование

1. Силовые установки (генераторы и трансформаторы):
   а) стационарного типа,
   б) подвижной силовой парк.
2. Передаточные механизмы:
   а) передача энергии (трансмиссии, электропроводка и пр.),
   б) транспортные устройства (краны, лифты, транспортеры, конвейеры и пр.).
3. Исполнительные механизмы:
   а) машины и орудия,
   б) «сосудистая система» аппаратуры.

V. Скот (в эксплуатации)

VI. Прочий хозяйственный инвентарь

Приведенные рубрики поддаются дальнейшей детализации. Например, в «здания культурно-бытового обслуживания» войдут больницы, школы, библиотеки, музеи, театры, клубы, столовые, ясли, прачечные, бани; в «подвижной силовой парк» — *паровозы, тепловозы, электровозы, паро- и теплоходы, авто- и авиатранспорт, моторные вагоны, локомобили, тракторы,* моторизованные комбайны и т. п. орудия; в понятие сосудистой системы оборудования мы включаем, во-первых, перевозочные средства (вагоны, цистерны, барки, фургоны и прочие безмоторные повозки) и, во-вторых, цеховую аппаратуру сосудистого типа (варочные котлы, чрены, чаны, автоклавы, перегонные батареи, змеевики, фильтры, холодильники, вакуум-аппараты, ванны, нагревательные камеры, печи, реторты и т. п. химаппаратура); под сборной рубрикой «инвентаря» находят себе место и транспортный инвентарь (дуги, сбруя), и сельскохозяйственный (сохи, бороны и т. п. примитивные орудия), и конторский (мебель), и кухонный (утварь), и много иных вещей, не укладывающихся в другие рубрики.

Никакое перечисление, однако, не избавит нас от больших затруднений в бухгалтерской практике, если бухгалтерами не усвоено будет экономическое содержание категории «средств труда». Одни и те же вещи могут попасть в балансе и в рубрику товаров, и материалов (предметов труда), и средств труда. Машина, только что вышедшая из процесса труда для реализации,— это товар. Та же машина, купленная и приготовленная для монтажа, а также в процессе монтажа,— это предмет труда. И, наконец, установленная в цехе и вступившая в эксплуатацию машина становится средством труда. Особенность средств труда в отличие от материалов, потребляемых в течение данного рабочего периода полностью, как в ценностном отношении, так и физически, состоит прежде всего в том, что они физически не расходуются в процессе труда, *сохраняя* ту определенную потребительную форму, в которой вступают в процесс труда, в течение целого цикла рабочих периодов, вплоть до полного изнашивания, и, таким образом, переносят на продукт только свою ценность, да и то по частям. И далее, по Марксу, машины и орудия остаются средствами труда лишь в той мере, в какой они «функционируют как факторы процесса труда», *сохраняя* ту самостоятельную потребительную форму, в которой они вступают в процесс труда. Машины демонтированные перестают, стало быть, функционировать в роли средств труда и снова переходят в категорию «товаров», если предназначены для ликвидации, или «предметов труда», если поступают в запасное оборудование [1].

Несмотря на четкость определений Маркса в отношении средств труда, возможны сомнительные случаи в конкретной разноске, разрешимые только с известной дозой условности. Так, рабочий скот Маркс относит к средствам труда, скот на откорме — к сырым материалам [2]. По аналогии взрослый пользовательный скот, дающий нам приплод, молоко, шерсть, мы отнесем к средствам труда, а выращиваемый молодняк — к объектам или предметам труда. Но провести здесь точные грани этих членений было бы очень затруднительно. Точно так же их трудно провести между насаждениями в эксплуатации и незрелыми насаждениями — в незавершенном производстве, если те и другие существуют в одном производственном процессе. Или вот еще пример. В строительстве часто применяются не только такие временные сооружения, как леса, опалубка бетонируемых колонн и т. п., но и временные постройки типа бараков для жилья рабочих и разных других подсобных предприятий. С завершением постройки они разбираются на лом и ликвидируются, а стоимость их относится на законченное строительство.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 176.
[2] См. там же, стр. 179, 181.

Спрашивается, куда их отнести по нашей схеме? К средствам или предметам труда? Они обычно *целиком* переносят свою ценность на готовый продукт в течение *одного* рабочего периода, ибо с окончанием постройки кончается и строительство, и в этом отношении уподобляются материалам. Но в отличие от материалов они не расходуются *физически* в процессе труда, а лишь амортизируются, до конца сохраняя ту самостоятельную потребительскую форму, в которой вступают в процесс труда. *И в этом отношении функционируют* как средства труда. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, решает дело. Но наша бухгалтерская практика, во всяком случае до сих пор, совершенно не разбиралась в таких вопросах.

Движение средств труда в наших балансах отражается только в начальной их («восстановительной») оценке без учета износа, который отражается на особом счете в пассиве. Поэтому в расходе по средствам труда проводится только выбытие их (из инвентаря) за ветхостью и негодностью или по другим причинам. Входящий в группу средств производства наряду со средствами труда счет «предметов труда» тоже поддается какой угодно детализации по роду входящих в его состав материалов — основных и вспомогательных, топлива, запасного оборудования и т. д. Но мы отметим только, что сюда входят лишь производительные *запасы на складах,* т. е. еще не вступившие в процесс производства материалы.

5. ФОНДЫ И РЕЗЕРВЫ

В пассиве разделу средств производства противостоит раздел фондов и резервов, отнюдь впрочем с ним не балансируясь, ибо в нем должны найти себе место не только уже включенные в процесс производства фонды, но и те, которые еще ждут своей очереди для включения в этот процесс в последующих циклах. Фонды и резервы допускают детальное расчленение в двух различных разрезах: в юридическом подразделении на свои и привлеченные со стороны ресурсы и в *экономическом* — по плановому их назначению и использованию в общественном процессе воспроизводства. Первое из этих расчленений имело решающее значение в частнохозяйственном балансе. В общественном хозяйстве, где все фонды в конечном счете принадлежат одному хозяину и где *кредитные* взаимоотношения между отдельными хозяйствами превращаются *во внутренние расчеты* между собою различных хозрасчетных подразделений единого целого, расчленение на собственные и чужие или заимствованные, ресурсы теряет свое прежнее значение. Но тем большее значение приобретает второе членение наличных ресурсов по их назначению в промфинплане.

В юридическом разрезе в наших балансах и в настоящих условиях, поскольку за кредит начисляются проценты в интересах хозрасчета, приходится сохранять следующие основные рубрики:

Фонды и резервы

1. Внутренние ресурсы.
2. Привлеченные ресурсы:
   а) бюджетные ассигнования,
   б) долгосрочный кредит.
3. Расчеты краткосрочные:
   а) с обобществленным сектором,
   б) с частным сектором.

В порядке дальнейшей расшифровки в субсчетах бюджетные ассигнования подразделяются на ассигнования по государственному и местному бюджету, банковские кредиты по каждому банку в отдельности и т. д. В пределах общей рубрики расчетов с обобществленным сектором крайне существенно выделять в особых приложениях для *исключения* из сводных балансов внутренние расчеты в пределах данного треста, объединения, наркомата или иной системы. Если бы нам удалось свести в общем

балансе хозяйственную деятельность всего обобществленного сектора в целом, то выпали бы, сбалансировавшись по активу и пассиву, как внутренний оборот, все взаимные расчеты по этому сектору. Расчеты с частным сектором в предприятиях последовательно социалистического типа вообще не могут иметь большого значения. Задолженность по зарплате рабочим и служащим фигурирует на балансах этих предприятий лишь как довольно случайное и весьма кратковременное явление. А другие кредиты частного сектора социалистическому могут иметь еще меньшее значение. И, стало быть, не эта сторона должна представлять основной интерес в анализе состава фондов и резервов.

Значительно больший интерес в плановом хозяйстве представило бы следующее их расчленение на балансах:

Фонды и резервы

1. **Основные фонды:**
   1) Производственный фонд:
      а) за вычетом износа,
      б) износ производствен. фонда (регулятив).
   2) Фонд потребления (непроизводственного):
      а) жилищный фонд (за вычетом износа),
      б) культурно-бытового обслуживания (за вычетом износа),
      в) износ фондов потребления.
2. **Оборотный фонд.**
3. **Фонд восстановления (амортизационный):**
   1) Фонд капитальных ремонтов.
   2) Фонд реновации:
      а) фонд текущей реновации,
      б) резерв реновации.
4. **Фонд расширения:**
   1) Фонд реконструкции.
   2) Фонд новых работ.
5. **Резервные фонды:**
   1) Страховые фонды (свободные).
   2) Фонд обращения (завязанный в обороте).
   3) Внеоборотный резерв (ценных бумаг).
   4) Целевые регулятивы.

Расчленяя в пассиве наличные ресурсы по их плановому назначению с точки зрения *общественного* распределения, мы прежде всего хотели бы ввести в бухгалтерский обиход те добавочные категории общественных фондов, которые перечисляет Маркс в своей «Критике Готской программы» по поводу утопического требования «полного» продукта труда производителю (фонд восстановления, фонд расширения, резервный).

Категория «уставных» фондов в нынешних балансах лишена всякого экономического значения. Да и юридическое значение этих фондов как закрепленных за данным предприятием в законодательном порядке на все время его действия по данному *уставу* потерялось, ибо «уставные фонды» ныне *ежегодно* пересматриваются в порядке утверждения заключительного годового баланса. В уставном фонде ныне потоплены основные и оборотные средства, производственные и непроизводственные фонды, да еще к тому же в восстановительной оценке, а не в реальном их значении с учетом фактического износа. Мы предлагаем расчленить все эти категории и показать весь накопленный износ средств труда особыми статьями по производственным и непроизводственным фондам («фонды потребления») в отдельности. В нынешних балансах, как известно, показывается отдельной статьей только износ средств труда до 1 октября 1925 г., т. е. до момента общей переинвентаризации фондов. Но, прибавив к этому износу остаток амортизационных сумм на балансе, можно получить с достаточной точностью полный износ. Статья эта является только регулятивом, ничему реальному в активе она не соответствует и показывает лишь, на-

сколько преувеличена в активе оценка средств труда против фактической их стоимости на дату составления баланса.

Иное значение имеет амортизационный фонд, который отнюдь не следует отождествлять с износом. Ему в активе соответствует вполне реальное денежное или товарное покрытие, резервируемое в целях восстановления изношенных средств труда. Счет износа и фонд восстановления не дублируют, а лишь дополняют друг друга. Правда, когда исчисляются амортизационные начисления за отчетный период, то они в одной и той же сумме записываются на *кредит* того и другого счета, дебитуя одновременно, с одной стороны, счет издержек производства по активу и, с другой — счет основных фондов в пассиве. И это понятно. Таким образом мы обеспечиваем весь износ необходимыми ресурсами для его ликвидации. Затраты на капитальный ремонт, наоборот, проводятся *по кредиту* кассы и основных фондов и *дебету* износа и фонда восстановления — опять-таки в одной и той же сумме. Но убыль средств труда за *ветхостью и негодностью* должна проводиться лишь по кредиту средств труда и дебету износа, отнюдь не затрагивая амортизационного фонда, на котором соответствующая сумма остается в неприкосновенности вплоть до момента замены выбывших средств труда новыми. Когда же такая частичная реновация средств труда происходит, то соответствующая сумма проводится, во-первых, по кредиту кассы и дебету амортизационного фонда и, во-вторых, по дебету средств труда и кредиту основных фондов, совершенно не затрагивая счета износа.

Фонд восстановления в соответствии со сказанным весьма естественно распадается на фонд капитальных ремонтов и фонд обновления, или реновации.

Фонд реновации призван, в свою очередь, служить двум задачам: 1) *текущей* частичной замены новыми *эксплуатируемых* средств труда по мере выбывания их из инвентаря за ветхостью и износом и 2) накопления достаточного *резерва* для *полного возмещения* или воспроизводства старых предприятий, целиком выбывающих из строя по завершении полного цикла их эксплуатации. В доле, обслуживающей первую задачу, фонд реновации мы назвали бы *текущим фондом* реновации, или фондом *замещения,* в остальной — *резервом* реновации, т. е. фондом *возмещения* амортизованных средств труда. О «воспроизводстве» их в *тесном* смысле этого слова обычно говорить не приходится, ибо воспроизводить устаревшую технику в условиях непрерывного технического прогресса было бы неразумно. В интересах расчлененного планирования капитальных затрат было бы очень полезно вести раздельный учет движения этих фондов. Тем более, что в плановом хозяйстве рассеянные по разным балансам «резервы реновации» не должны в долголетнем накоплении бесцельно обременять мертвым грузом счета отдельных предприятий, а, ежегодно собираясь в мощный общий поток и перераспределяясь через систему долгосрочного кредита, могут осуществлять свою задачу воспроизводства амортизируемых основных фондов в *текущем* ежегодном строительстве новых предприятий. К сожалению, доныне мы не имеем еще дифференцированных для указанной цели норм амортизационных отчислений.

Впрочем, с известной условностью можно и без наличия специальных норм по ремонту и реновации расчленить соответствующие фонды. А именно: можно условиться, что остаток незавершенных капитальных ремонтов к началу отчетного периода плюс плановое назначение затрат на капитальный ремонт текущего года составляет фонд капитальных ремонтов к началу года, а в фонд реновации подлежит зачислению весь остаток накопленного на балансе амортизационного фонда. Точно так же из фонда реновации можно выделить суммы, уже завязанные в незаконченных закупках прошлого года и предназначенные *по плану* для замены

выбывающих по ветхости и износу из инвентаря средств труда, в фонд текущих замещений, а весь не занаряженный еще в этом отношении остаток фонда реновации зачислить в свободный резерв возмещений. Затем в дальнейшем из амортизационных отчислений каждого года в фонды капитальных ремонтов и текущих замен в изношенном инвентаре перечисляется ровно столько, сколько требуется, чтобы обеспечить выполнение планов капитального ремонта и текущего обновления инвентаря на предстоящий год с учетом перерасхода или экономии отчетного года, если они имели место, а весь свободный остаток амортизационных сумм пополняет собою «резерв возмещений».

Суммируя отдельные данные по движению этих фондов за ряд лет, мы сумеем со временем установить и недостающие нам ныне *средние* нормы затрат по ремонту и текущему обновлению инвентаря разного рода. В первое время при отсутствии таких норм планы соответствующих текущих затрат будут, конечно, не слишком точны. К тому же по отдельным предприятиям с большим накопленным износом потребность в этих затратах может превзойти всю сумму амортизационных отчислений прошлого года. Все такие просчеты и недостачи пришлось бы корректировать за счет перечислений из «резервов возмещения».

Огромное значение в плановом хозяйстве имеет фонд расширения. В каждом промфинплане мы устанавливаем масштаб и источники восполнения этого фонда по каждому тресту и объединению. Но в балансе этот счет не нашел еще себе вполне четкого отражения. Пополняясь главным образом из накоплений предшествующего, а частью и текущего периода, «фонд расширения» определяет собой план капитальных затрат по расширению и реконструкции производительных сил страны на отчетный период. Его не следует смешивать с *фондом накопления* за тот же период и потому, что капитальные работы по расширению наличной производственной базы надо рассматривать как *реализацию* накопления, т. е. уже следующую за накоплением *производственную* фазу, и потому, что фонд накопления является источником не только фондов расширения, но и образования оборотных и всяких других страховых фондов и резервов.

В рубрику резервных фондов следует включить отчисления на покрытие возможных потерь от пожаров и других стихийных бедствий; если предприятие не застраховано в ином порядке, сюда же относится целевой резерв на снижение цен в следующем отчетном году и т. п. реальные резервы, вполне обеспеченные соответствующим покрытием в пассиве. Их следует отличать от таких резервов чисто счетного значения, как резерв на случай неуплаты сомнительных долгов и т. п. регулятивов. В сущности они указывают лишь на дыры в соответствующих статьях актива. Формально, скажем, за дебиторами числится определенная сумма, но уже выяснилось, что они не смогут уплатить свои долги полностью. В этом случае вполне безнадежные долги списываются в потери, а сомнительные временно, впредь до окончательного выяснения, покрываются в известной сумме, определяемой экспертно, специальным резервом за счет валового накопления отчетного года.

Особое место занимает еще один вид резерва, присущий нашим балансам. По действующему законодательству предприятия часть своих средств помещают в паях и акциях, а также в займах, не подлежащих реализации. Этот выделенный из оборота резерв ценных бумаг, не имеющих хождения на рынке, практически является совершенно неликвидным балластом на балансе данного предприятия, ибо соответствующие ему *реальные* ценности обращаются за его пределами и по общему правилу никогда к нему не вернутся. Поэтому пассивную контрстатью, компенсирующую на первый взгляд столь призрачный актив, можно бы рассматривать как простой *регулятив*. Однако это не совсем так: указанный

актив — не пустое место, с владением данными бумагами связаны весьма реальные права и преимущества, в том числе право участия в прибылях, право получения выигрышей или процентов по займам и т. д. Тем не менее, чтобы не преувеличивать масштабы реальных ресурсов, имеющихся в *распоряжении* данного хозяйства, вполне уместно выделять при детальном анализе фондов соответствующую статью и в пассиве в особую рубрику — *внеоборотные резервы.*

В сущности к категории реальных резервов относятся и всякие излишки *оборотных* фондов по сравнению с выявленной планом потребностью для данных масштабов производства при заданных темпах его расширения. Но до тех пор, пока этот резерв не выявлен на балансе — в графе отклонений от плана — и не получил иного назначения, мы не можем его записать ни в какую иную статью пассива.

Сопоставляя пассив с активом, мы можем установить такие соответствия. Итог основных фондов должен балансироваться с итогом средств труда в эксплуатации. Средства труда, не сданные еще в эксплуатацию, числятся по общему правилу в незавершенной продукции на особом балансе строительства.

К фондам непроизводственного потребления мы относим все жилые здания, школы, лечебницы, столовые, бани, прачечные и т. п. учреждения и подсобные заведения *по обслуживанию рабсилы отчетного предприятия* — со всем их инвентарем. До настоящего времени только часть из них выделялась в особый фонд (ФУБР), но целесообразнее было бы весь соответствующий фонд держать на особом учете и эксплуатацию его отражать на специальном балансе.

Конечно, весь «фонд потребления» в народнохозяйственном смысле этого слова не покрывается перечисленными «основными» фондами потребления. Если непроизводственное *потребление* рассматривать как процесс *воспроизводства* рабсилы, то в этом «производстве» потребляются не только «основные» фонды, но и «оборотные» — топливо, энергия, пища и многое другое, что в общем и целом покрывается понятием фонда зарплаты. Но это не лишает специального интереса и отдельные составные элементы указанного процесса.

Наличие оборотных фондов в пассиве должно точно совпадать с остатком предметов труда на складах и незавершенного производства на ту же дату в активе. Если это наличие превышает плановую потребность в них по ходу производства, то излишек материалов может быть списан на счет товаров к реализации и таким образом перенесен в сферу обращения. Но такого рода действия могут последовать лишь при наличии соответствующих плановых директив и прямых решений оперативного руководства.

Все остальные фонды пассива, а именно фонды восстановления, расширения и резервный, а также резерв еще нераспределенной прибыли отчетного года не могли бы образоваться из средств, *прочно завязанных* в производстве, и, стало быть, могут найти свое покрытие в активе лишь в гораздо более мобильных ресурсах обращения, т. е. в товарах, деньгах и расчетах. Конечно, не все ресурсы обращения могут получить плановое назначение на расширение производства или на пополнение тех или иных резервов. Часть этих ресурсов довольно прочно завязана в каналах обращения и уже поэтому не может получить иного назначения. Эту долю ресурсов, завязанных в обороте (товары отгруженные, материалы в пути, денежные средства в переводах и т. п.), мы, однако, можем рассматривать тоже как один из реальных резервов специального назначения, показывая его в пассиве в рубрике резервов под именем «фонда обращения». На первый раз этот фонд определится как свободный остаток ресурсов обращения, не получивших никакого иного назначения по пассиву. Сопоставление этого фонда с выявленной планом потребностью в соответствующих ресурсах покажет, нет ли здесь излишков для иного назначения.

Рассмотренные нами два разреза в членении фондов и резервов можно и комбинировать между собой, выделяя привлеченные средства и в основных и в оборотных фондах, фондах расширения, в резервах обращения и т. д. Но это комбинирование едва ли стоит проводить очень глубоко. Дело в том, что наличную задолженность предприятия нет смысла связывать с теми или иными конкретными видами имущества по активу, а, стало быть, и с соответствующими ему рубриками пассива. Купленные в долг материалы очень скоро превращаются в товары, затем в деньги, снова в материалы и т. д., и сказать в этом кругообороте метаморфоз, какая часть, скажем, *оборотных* фондов составляет внутренние и какая привлеченные ресурсы или какую долю задолженности следует отнести к оборотным фондам и какую к резервам обращения, совершенно невозможно, да и не к чему. Вполне достаточно было бы за общим итогом фондов и резервов дать одну общую строку «в том числе привлеченных ресурсов», относя подробную расшифровку этой строки в особое приложение.

Впрочем, поскольку промфинплан составляется на целый год и не расчленяется на месячные календарные сроки, в месячных балансах — без сопоставления с планом — можно было бы, наоборот, поступиться расчленением фондов по их назначению, выдвинув на первый план в интересах текущего банковского контроля рублем в более развернутом виде деление фондов по видам финансирования и кредита.

Для специальных целей могут потребоваться и другие расчленения. Например, строения для исчисления норм амортизации или страховых ставок подразделяются по материалу стен, кредиторы и дебиторы — по срокам и условиям расплаты и т. д. Но все такие специальные расчленения для специальных целей не должны загромождать общий баланс в ущерб его обозримости и четкости с точки зрения его основной экономической структуры.

6. КАПИТАЛЬНЫЕ ЗАТРАТЫ

В период социалистического строительства тех масштабов, в каких оно ныне осуществляется, особое внимание бухгалтерского учета должно уделяться развернутому учету капитальных затрат. Средствами бухгалтерского учета в рубле, разумеется, невозможно удовлетворить все требования, предъявляемые ныне к учету строительства как в отношении физического его объема, так и в отношении целого ряда технических измерителей и качественных показателей. Но и бухгалтерский учет может, а, стало быть, и должен дать все основные данные о движении фондов и капитальных затрат в сопоставлении заданий плана с его выполнением.

Специальный учет движения фондов, издержек производства и снижения себестоимости в области строительства должен быть выявлен на особом балансе строительства по каждой строительной площадке в отдельности. Но в сводном отчете по каждому тресту, в котором наряду с другими имеются и строительные работы, должно найти свое отражение, хотя бы в специальном приложении к балансу, и движение *всех* капитальных затрат по данному тресту или объединению в сопоставлении с планом. Дело в том, что наряду с так называемыми фондируемыми затратами, т. е. находящими свое отражение при росте средств труда и основных фондов на балансе, наша практика знает и такие капитальные затраты, которые никакого отображения в движении основных фондов предприятия не находят. К числу таких фондируемых затрат, которые, однако, отнюдь не могут быть оставлены вне учета, ныне относятся затраты на геологоразведочные и научно-исследовательские работы, земле- и лесоустройство, некоторые дорожные работы, подготовка кадров, затраты пускового периода и некоторые другие. У нас нет сомнения, что такого рода затраты общественно необходимы, повышают производительные силы, а вместе с

тем и продукцию страны и притом не на один производственный период, а на целый ряд лет, т. е. могут быть с общественной точки зрения отнесены к числу вполне производительных *капитальных* затрат в народном хозяйстве. Но локализовать точно, в каких средствах труда, где и как их можно бы считать овеществленными — для погашения амортизационными отчислениями в определенные сроки с отнесением на конкретную продукцию, гораздо труднее, а подчас и совершенно невозможно.

В настоящее время ассигнования на такие вложения проводятся по кредиту соответствующего счета в пассиве, текущие затраты показываются временно, впредь до заключения годового отчета, в дебете специального активного счета затрат — как незавершенные затраты по плану вложений данного назначения, а в конце года по сбалансировании затрат и вложений они бесследно исчезают с баланса.

Такая практика, правда, избегает всяких трудностей, связанных с учетом нефондируемых затрат по их завершении. Но это достигается лишь ценой отказа от самого учета. А между тем такой отказ в некоторых случаях заведомо лишает нас очень ценных в наших условиях средств плановой ориентации. В самом деле, при составлении плана второй пятилетки нам очень пригодился бы, например, опыт первой, для исчислений потребных вложений на геологическую разведку и целый ряд других нефондируемых затрат. Но этот опыт не подытожен. И мы по-прежнему, как и пять лет назад, должны довольствоваться вместо обоснованных массовым наблюдением нормативов так называемыми экспертными прикидками, т. е. совершенно глазомерными оценками, зачастую весьма легковесными, чтобы не сказать больше.

Анализируя состав так называемых нефондируемых затрат, нетрудно усмотреть, что некоторые из них уже теперь, на нынешней ступени общественной организации труда, можно было бы перевести в разряд фондируемых.

Возьмем хотя бы ту же геологическую разведку. Не только в стадии эксплуатационной разведки, но и в самых предварительных геологических поисках соответствующие затраты следовало бы учитывать и относить в подлежащих суммах на разведанные площади недр пропорционально учтенным в них запасам ископаемых. Если какая-нибудь хозорганизация, например Союзгеоразведка, произвела ряд поисков, из которых только часть оказалась удачной, то затраты на неудавшиеся поиски рассматриваются как неизбежный накладной расход, подлежащий разнесению на удавшиеся разведки. В результате получилась бы полная калькуляция затрат на каждую тонну разведанных ископаемых данного рода, например, угля, железной руды, цветных металлов и т. д. Эта продукция геоdo разведки при образовании эксплуатационного треста передавалась бы с соответствующим участком земли в порядке взаимных расчетов на баланс этого треста, а именно на средства труда по статье «недра», и списывалась на износ и в фонд реновации пропорционально размеру ежегодной добычи, а соответствующие суммы возвращались на новые поиски в Союзгеоразведку.

Неплохо было бы организовать аналогичный учет затрат на земле- и лесоустройство с разнесением их на единицу устроенной площади и записью на баланс в средствах труда по статье насаждения и лесоустройство или мелиорация и землеустройство. Установить рациональные сроки амортизации этих затрат было бы несколько труднее, чем в случае с амортизацией недр, но вполне возможно. Точно так же, на мой взгляд, нет причин отказываться от учета на балансе в средствах труда дорожных работ и сооружений, хотя бы это были только шоссейные и грунтовые дороги гужевого транспорта. Кстати, в настоящее время осуществляется инвентаризация этих дорог по всей стране. Хозорганы, ведающие автогужевым транспортом, могли бы принять на свои балансы

восстановительную строительную стоимость этих дорог, а в износ записать учтенную по плану потребность в капитальных ремонтах, причем поскольку это дорожное имущество эксплуатируется не для извлечения дохода и все расходы по содержанию и ремонту дорог черпаются из бюджета, то не было бы нужды и в образовании специального фонда восстановления этих дорог за счет амортизационных отчислений.

Затраты пускового периода можно себе мыслить в двух видах. Либо это капитальные затраты на доделки разного рода, не предусмотренные строительной сметой, и в этой части они полностью подлежат учету в средствах труда. Либо это погашение экстраординатных затрат пускового периода в сфере *эксплуатации,* связанных с освоением кадрами предприятий новых технологических процессов и новой техники. Повышенную аварийность и брак, пониженную производительность и т. п. явления пускового периода можно бы просто отразить на счете потерь и накоплений, списав излишние затраты в убыток за первый год эксплуатации. Но это едва ли было бы правильным. Пусковой период следует рассматривать как период обучения новых кадров, приобретающих за это время новые профессиональные навыки, повышенную квалификацию. Повышенные затраты этого периода — это цена обучения, это плата за выучку новых кадров, т. е. расход, вполне аналогичный всем иным затратам на подготовку кадров. Погасить его целиком за один лишь пусковой период, т. е. период обучения кадров, неправильно, потому что обученные кадры будут в течение целого ряда лет эксплуатировать приобретенные за этот период знания и навыки.

Затраты на подготовку кадров являются огромной и притом все возрастающей статьей нашего хозяйственного плана. Но спрашивается, как же их трактовать с точки зрения народнохозяйственного учета? В части текущих затрат по обучению кадров в фабзавучах и других заводских школах местного значения их обычно рассматривают наряду с другими начислениями на зарплату как нормальный *эксплуатационный* расход отчетного периода, т. е. целиком включают в издержки производства этого периода. И, поскольку эти затраты не выходят за рамки *простого* воспроизводства рабочей силы для нужд данного предприятия, такой прием вполне может быть оправдан. Но если кадры готовятся в масштабах *расширенного* воспроизводства и притом заранее неизвестно, в каком именно предприятии и производстве они будут использованы, дело осложняется. В этой части затраты на подготовку кадров не могут уже включаться в нормальные эксплуатационные издержки и в себестоимость продукции, они могут черпаться лишь из общественного накопления и должны проводиться как капитальные затраты по фонду расширения. Овеществляются они, однако, лишь в человеке и амортизируются вместе с ним. А человек, хотя и входит в категорию важнейших производительных сил, только в рабском обществе расценивается на деньги и, стало быть, только там мог бы попасть на баланс в средства труда по рубрике живого инвентаря — «instrumentum vocale» — по терминологии античного времени. В наших условиях, где рабочий является уже не средством, а самоцелью бытия, он со всеми своими благоприобретенными знаниями и навыками стоит вне рыночного оборота и всяких балансовых оценок. Вот почему затраты на подготовку кадров по их овеществлении выпадают из баланса.

Затраты на научно-исследовательские работы в той части, в которой они не материализуются в тех или иных средствах труда, являются тоже одним из существеннейших элементов расширенного воспроизводства квалифицированных кадров. Научные идеи сами по себе не изнашиваются, но они сами по себе и не живут. Живут они лишь постольку, поскольку осваиваются живыми людьми. И понятно, что каждая новая научная идея, освоенная человеком, обогащает его и тем самым содействует если не количественному, то качественному расширению той производительной

Таблица 1

Баланс капитальных затрат (в руб.)

Структура затрат	Остаток незавершенных затрат к началу года	Оборот				Остаток незавершенных затрат к концу года
		произведено затрат			списано завершенных затрат	
		план	отклонения (+, —)	итого		
I. Фондируемые вложения						
1. Насаждения и мелиорация						
2. Строения и сооружения						
3. Оборудование . . .						
4. Скот						
5. Хозяйственный инвентарь						
Итого						
II. Нефондируемые затраты						
1. Геологическая разведка						
2. Лесо- и землеустройство						
3. Дорожные работы						
4. Затраты пускового периода						
5. Подготовка кадров						
6. Научно-исследовательская работа . . .						
7. Разные работы . . .						
Итого						
Всего (баланс)						

Направление затрат и их источники	Остаток незавершенных затрат к началу года	Оборот				Остаток незавершенных затрат к концу года
		произведено затрат			списано завершенных затрат	
		план	отклонения (+, —)	итого		
I. Капитальные работы						
II. Текущая реновация						
III. Реконструкция						
IV. Новые работы						
1. Строительство . . .						
2. Фондируемые вложения						
3. Нефондируемые затраты						
Итого новых работ						
Всего баланс						
В том числе за счет						
а) внутренних ресурсов						
б) бюджетных ассигнований . . .						
в) долгосрочных кредитов						

силы, которую мы называем квалифицированными кадрами. Отсюда понятно, что затраты на научно-исследовательские работы можно и должно целиком проводить по фондам расширения, хотя они в большей своей части не могут получить своего отражения в материальных средствах труда на балансе.

Однако и фондируемые и нефондируемые капитальные затраты подлежат бухгалтерскому учету хотя бы в той стадии, когда они производятся. Простейшей схемой для такого учета, исходя из существующей практики, может служить вспомогательный баланс (табл. 1).

Нефондируемые затраты в своем большинстве являются новыми работами, но часть из них, например исправление грунтовых дорог, может пройти и по капитальным ремонтам. С другой стороны, в программу новых работ, помимо строительства, входят и расширение стада, и новые насаждения, мелиоративные и прочие фондируемые и нефондируемые работы. Строка строений не покрывается итогом нового строительства, ибо в нее входят и капитальный ремонт, и текущие замены оборудования и т. д. Таким образом, предложенные нами две группировки, взаимно дополняя друг друга, перекрещиваются в разнообразных отношениях, которые можно бы выявить лишь на так называемом *шахматном* балансе. Но отнюдь не отказываясь и от комбинационных группировок шахматного баланса как подсобного орудия для детального экономического анализа баланса в тех особых случаях, когда он специально требуется, мы считаем это орудие слишком сложным и дорогим для массового и повседневного использования в учете.

На практике не всегда легко отличить, где кончается текущий ремонт и начинается капитальный. Точно так же капитальный ремонт не всегда отличишь от текущей реновации, реновация зачастую переходит в реконструкцию, а реконструкция — в новое строительство. Однако с точки зрения народнохозяйственного плана эти расчленения весьма существенны и потому должны быть отражены в системе бухгалтерского учета.

При сводке ведомственных и отраслевых балансов капитальных затрат в народнохозяйственном масштабе нужно иметь в виду следующее. Поскольку новые работы производятся не только за счет фонда расширения, но и за счет резервов реновации, аккумулируемых в системе долгосрочного кредита, то общий объем затрат по расширению производительных ресурсов страны нельзя получить простым сложением всех затрат по реконструкции и новым работам. Этой оговорке, впрочем, следует придать распространительное толкование. Вообще народнохозяйственный баланс нельзя получить путем элементарного суммирования частных балансов. Только путем специального их *анализа* для выделения внутренних оборотов разного рода и *последующего синтеза* могут быть, на мой взгляд, получены вполне достоверные итоги народнохозяйственного значения. Однако задача построения народнохозяйственного баланса представляет собой особую тему, заслуживающую специального рассмотрения.

7. ПРОИЗВОДСТВО

В группе счетов производства расшифровка их может идти прежде всего по материальному роду и характеру производства. Так, строительство и капитальный ремонт выделяются не только в отдельный счет производства, но и на самостоятельный баланс. Точно так же следовало бы выделять на особый баланс и особый счет производства все хозяйственные операции по обслуживанию рабсилы данного комбината или иного крупного предприятия. Эксплуатация жилищ рабочих, яслей, школ, больниц, столовых, клубов, прачечных и т. п. учреждений и подсобных предприятий имеет совершенно особую задачу — воспроизводство рабочей силы — и свои особые хозяйственные методы, вполне заслуживающие известно-

го обособления и в порядке отчетности. Но и в пределах основной продукции счет производства в условиях хозрасчета должен разбиваться на целый ряд специальных счетов для каждого производства, цеха и передела. И только в заключительной стадии составления отчетности все эти специальные счета сводятся в общий по всему предприятию счет производства, включаемый в баланс.

Экономическая структура всех счетов производства в целях их сводимости должна быть одна и та же. В качестве обязательного минимума бухгалтерия должна обеспечить построение в системном порядке нижеследующего баланса производства. Для большей наглядности мы даем его в заполненном примерными итогами виде (табл. 2).

Идея хозрасчета требует, чтобы каждый цех, даже каждая хозрасчетная бригада могла легко и быстро учитывать результаты своих хозяйственных усилий. В этих целях все переходы материалов и полуфабрикатов внутри предприятия осуществляются по одним и тем же «расчетным» ценам, включающим в себя заводские издержки и некоторое нормальное накопление, которое мы называем производственной наценкой. Этот прием позволяет вести ажур учет всех затрат по каждому цеху и междуцеховые расчеты, не дожидаясь окончательного выявления всех фактических издержек производства по материалам внутреннего производства. Кроме того, он ставит все производства в равные условия по оценке потребных им материалов, независимо от происхождения последних, и, таким образом, ярче выявляет результаты соревнования хозрасчетных цехов и бригад.

Согласно требованиям нормативного учета, издержки производства изучаются в сопоставлении с плановыми нормативами. И поскольку материалы учитываются как в плане, так и в текущем учете в одних и тех же расчетных ценах, то экономия (или перерасход) по этой статье является экономией за счет норм расходования материалов. Достижения в этой области заслуживают особого внимания в условиях хозрасчета, ибо только они могут быть вменены в заслугу производственникам, так как фактическая расценка потребляемых ими материалов от них не зависит. Именно поэтому отклонения от плана в области расценок материалов следует показывать отдельной строкой, тем более, что они обычно выявляются с большим запозданием. Очень важно было бы достигнуть аналогичного расчленения отклонений от плана раздельно за счет норм и за счет расценок и в области затрат по труду. Экономия в зарплате за счет норм расхода труда определяет весь рост производительности труда. И было бы очень досадно, если бы этот важнейший результат хозрасчета и социалистического соревнования смазывался за счет перерасходов против плана по линии возрастания норм оплаты рабочей силы. Осуществимость проектируемого нами расчленения должна быть обеспечена соответствующим учетом трудовых затрат в натуре, показанных нами за балансом.

В наличной бухгалтерской практике отклонения в фактической расценке затраченных материалов от принятых для текущего учета расчетных цен проводится по специальному счету «конъюнктурных разниц». Этот термин крайне неудачен в применении к нашему хозяйственному укладу, не знающему ни периодических кризисов, ни конъюнктурных циклов в колебании цен, соответствующих чередованию капиталистических кризисов. Поэтому мы заменяем эти «разницы» термином «дооценка». Точно так же, на наш взгляд, вполне своевременно отказаться от укоренившегося термина «себестоимость», заменив его научным — «издержки производства».

Весьма важным достижением учета было бы также четкое выделение в счетах производства *внутреннего оборота* материальных затрат в каждом данном предприятии. Разделить расход материалов в производстве на материалы своего производства и полученные со стороны бывает нередко

Издержки производства по элементам	Оставалось в незавершенном производстве	Оборот: поступило по плановым нормам	Оборот: поступило отклонения (+, —)	Оборот: поступило итого (фактические издержки)	Оборот: списано на выпуск	Остается в незавершенном производстве
1	2	3	4	5	6	7
I. Перенесенный труд (*c*)						
1. Материалы (со стороны)						
а) в расчетных ценах . .	180	2 020	—20	2 000	1 973	207
б) дооценка (+, —) . .	5	—	50	50	49	6
Итого	185	2 020	30	2 050	2 022	213
2. Полуфабрикаты своей продукции	—	2 950	50	3 000	3 000	—
3. Услуги других производств	29	350	—25	325	320	34
4. Снашивание средств труда	20	220	5	225	222	23
Итого (по *c*) . .	234	5 540	60	5 600	5 564	270
II. Живой труд (*v*)						
1. Основная зарплата						
а) по плановым ставкам . .	164	1 840	—20	1 820	1 794	190
б) дооценка (+, —) . . .	9	—	100	100	99	10
Итого	173	1 840	80	1 920	1 893	200
2. Дополнительная зарплата	13	138	6	144	142	15
3. Начисления	30	322	14	336	331	35
Итого (по *v*) . .	216	2 300	100	2 400	2 366	250
Итого издержек (брутто)	450	7 840	160	8 000	7 930	520
В том числе						
1. Внутренний оборот (межцеховой)	—	2 950	50	3 000	3 000	—
2. Заводские издержки — нетто	450	4 890	110	5 000	4 930	520
III. Производственная наценка (*m*)	—	1 610	—110	1 500	1 500	—
Всего по $c+v+m$ (баланс брутто)	450	9 450	50	9 500	9 430	520
То же, нетто	450	6 500	—	6 500	6 430	520
Затраченный живой труд, тыс. чел. час.	252	2 831	—31	2 800	2 760	292

слишком затруднительно, потому что на складах те и другие материалы одного и того же сорта обычно смешиваются. Преодолеть эту трудность можно, однако, вполне разумной директивой: в первую очередь списывать в расход из наличных запасов материалы собственного производства. Ведь не было бы никакого смысла добывать материалы данного качества со стороны, если бы всегда хватало своих. Поэтому, если даже свои и

ства (в тыс. руб.)

Выпуск из производства по цехам и фабрикатам	Оставалось в незавершенном производстве	Оборот: поступило: цеховых издержек (факт.)	Оборот: поступило: производственных наценок	Оборот: поступило: итого в расчетных ценах	Оборот: списано в расчетных ценах: на внутренние нужды	Оборот: списано в расчетных ценах: на счет товаров	Остается в незавершенном производстве
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Выпуск из производства							
А. фабрикаты							
1. Основные цехи							
а) чугун	—	900	300	1 200	1 000	200	—
б) сталь	—	1 860	540	2 400	680	1 720	—
в) прокат и т. д.	—	2 800	800	3 600	20	3 580	—
г) прочие фабрикаты	384	560	170	730	10	720	384
2. Вспомогательные цехи							
а) энергия (своего производства)	—	150	50	200	200	—	—
б) прочие фабрикаты	16	85	35	120	120	—	16
3. Отходы производства	—	140	—20	120	—	120	—
4. Производственный брак	—	90	—30	60	—	60	—
Б. Услуги своего производства							
1. Текущий ремонт	12	190	50	240	240	—	12
2. Заводской транспорт	5	80	20	100	100	—	5
3. Цеховые конторы	20	315	85	400	400	—	20
4. Заводская контора	13	280	—20	260	260	—	13
Итого валовой оборот (брутто)	450	7 450	1 980	9 430	3 030	6 400	450
В том числе							
1. Внутренний оборот	—	2 520	480	3 000	3 000	—	—
2. Валовая продукция							
а) средства производства	450	4 780	1 450	6 230	30	6 200	450
б) предметы ширпотреба	—	150	50	200	—	200	—
Итого выпуска (нетто)	450	4 930	1 500	6 430	30	6 400	450
II. Прирост незавершенной продукции	—	70	—	70	—	—	70
Всего (баланс брутто)	450	7 520	1 980	9 500	3 030	6 400	520
То же, нетто	450	5 000	1 500	6 500	30	6 400	520

купленные одноименные материалы смешаны и обезличены на складе, можно условно считать, что в первую очередь расходуются свои, а в запасе остаются приобретенные со стороны материалы.

В заводские издержки входят не только прямые затраты материалов, рабсилы и пр. по каждому цеху, но и все накладные комплексные расходы по ремонту, цеховые и заводские без всякого разложения их на

элементы. Необходимо лишь предварительно условиться, что в заводские издержки ни по одному комплексу мы не будем включать таких затрат, как налоги, проценты уплаченные, страхование, рассматриваемые нами здесь как вычеты и изъятия из накопления. В итоге выпуска по всем цехам мы получим, конечно, при этом валовой оборот продукции по предприятию в целом, а за вычетом из него внутреннего междуцехового оборота очистится и так называемая *валовая продукция*. В издержках производства, разложенных на элементы, весь внутренний оборот сосредоточится в одной статье: *материалы* своей продукции. И это понятно, ибо услуги своего производства в той части, в которой они входят в продукцию других цехов, *материализуются* в ней, а в той, которая идет на сторону, сами распадаются на элементы и, стало быть, входят в соответствующие рубрики издержек по элементам.

Механизм разложения издержек производства на элементы можно пояснить следующей схемой. Пусть валовой выпуск предприятия складывается из некоторой массы готовых изделий x, полуфабрикатов подсобных цехов y и услуг вспомогательных цехов z, причем допустим для простоты, что полуфабрикаты целиком вошли в готовую продукцию, а услуги полностью потреблены в производстве полуфабрикатов. Разлагая издержки по каждому цеху на элементы и суммируя их по всему предприятию, получим:

$$x = c_1 + v_1 + m_1 + Y$$
$$y = c_2 + v_2 + m_2 + Z$$
$$z = c_3 + v_3 + m_3$$
$$x + y + z = C + V + M + y + z, \text{ откуда } x = C + V + M.$$

Буквами C, V и M без значков мы обозначали суммы соответствующих элементов по всем цехам. Как видим, за выключением внутреннего оборота услуг и полуфабрикатов $(z + y)$, весь выпуск готовой продукции x разложился у нас на основные элементы полностью и до конца, ибо в состав C входят уже только материалы (и услуги), полученные *со стороны*, и, стало быть, не поддающиеся дальнейшему разложению на элементы.

Заводскую и цеховую конторы мы рассматриваем в нашей таблице выпуска как особые обслуживающие производство цехи. «Услуги» этих цехов относятся полностью на внутреннее производство, т. е. цеховые и заводские расходы, включая сюда и снашивание средств труда, перелагаются целиком на продукцию других цехов. Расчетной ценой этих услуг надо считать те суммы накладных расходов и амортизации, которые начисляются всем хозрасчетным цехам по *плановым нормам* в порядке предварительной цеховой калькуляции. Если фактический расход по всему предприятию в целом окажется меньше, то соответствующая экономия попадает в графу производственных наценок, в качестве *накопления* по заводской (или цеховой) конторе, т. е. со знаком плюс, перерасход против плана появится в той же графе со знаком минус и тем самым выявит нерациональность их работы.

В графе незавершенного производства по каждому цеху в отдельности подлежат учету лишь овеществленные в нем прямые затраты на материалы и зарплату[1]. Но то, что для одного цеха будет прямыми затратами, например зарплата и материалы в ремонтном и других вспомогательных цехах, для других выпускающих на сторону готовую продукцию цехов явится косвенным, т. е. перелагаемым в условных пропорциях накладным

---

[1] В ремонтных цехах, во избежание двойного учета, материалами в незавершенном производстве следует считать только те из них, которые не числятся по инвентарю средствами труда, т. е. за исключением инвентарной стоимости самих ремонтируемых машин и орудий.

расходом, и, стало быть, в целом по всему предприятию, таким образом, в незавершенном производстве учтутся все и прямые затраты, и накладные расходы. Особо следует при этом коснуться порядка отнесения сюда таких накладных расходов, как амортизация и начисления на зарплату. Они обычно причисляются к цеховым и заводским расходам. Но заводская и цеховые конторы, обслуживая производство своим трудом, по общему правилу не располагают поддающейся учету *вещественной* незавершенной продукцией. И потому встает вопрос: подлежат ли в какой-либо части заводские и цеховые расходы отнесению на незавершенное производство и если подлежат, то в какой именно части. Практика обычно вовсе не начисляет общецеховых и общезаводских накладных расходов на *незавершенное* производство. Однако едва ли это правильно. Условный «выпуск» таких обслуживающих цехов, как заводская и цеховые конторы, целиком списывается на внутреннее производство, овеществляясь в продукции других цехов, а эта продукция частично отлагается и в незавершенном производстве. Поэтому следовало бы указанные накладные расходы, включая сюда и начисления на зарплату и амортизацию, распределять между завершенным и незавершенным производством по тем же основаниям, по которым они распределяются между отдельными видами и сортами готовых изделий, т. е., например, пропорционально начисленной производственной зарплате, пропорционально всей сумме прямых затрат и по другим общепринятым в калькуляции условным приемам распределения. С той, однако, совершенно необходимой оговоркой, что выпуск показывается в расчетно-плановых ценах, а незавершенное производство по фактической себестоимости, и, стало быть, разница между ними в графе 4-й выпуска целиком должна быть отнесена к одной лишь завершенной продукции по выпуску.

Фабрикатами в данной табл. 2 следует считать, включая в валовой (межцеховой) оборот, все изделия различной степени готовности, *выходящие за пределы данного цеха для дальнейшей переработки* в других цехах. Все внутрицеховые переделы, не достигающие указанной степени готовности, следует учитывать лишь в остатках незавершенного производства. Полуфабрикаты, передаваемые со счета выпуска непосредственно в другие цеха на счет производства для дальнейшей переработки, *с момента поступления в эти цеха* снова включаются в состав незавершенной продукции соответствующих цехов. Полуфабрикаты своей продукции, проходящие через промежуточные материальные склады *до момента* передачи их со склада в цеха для дальнейшей переработки, списываются с выпуска на счет предметов труда как производительные запасы. И те и другие составляют выпуск на внутренние нужды предприятия, будь то производство или образование запасов. Если из итога графы 6-й выпуска для собственных нужд — 3030 вычесть *расход в производстве* полуфабрикатов своей продукции — 3000, то получится прирост запаса их на складах за отчетный период. Остальная доля выпуска из производства списывается на счет товаров и фабрикатов к выпуску *на сторону* из стен предприятия.

Особого внимания в выпуске продукции заслуживают рубрики отходов и производственного брака. Слабое использование отходов и большое количество убыточного брака служат наиболее наглядными показателями бесхозяйственности предприятия. Поэтому в условиях хозрасчета и соревнования эти рубрики должны быть четко выделены и поставлены под контроль общественной критики. Расчетные цены используемых отходов и брака должны планироваться с учетом их сравнительного качества по отношению к соответствующей стандартной продукции. В издержках по браку следует учесть затраты труда и материалов, а также снашивание средств труда, отвлекаемых на производство, и исправление брака не только по годной, но и по негодной части брака. Само собой, что

в графе производственных наценок по браку мы по общему правилу выявим потери от брака, а не накопление. В издержках по отходам следует показывать не только приходящуюся на долю *используемых* отходов часть издержек данного производства, но и все затраты по уборке и удалению из производства отбросов *неутилизируемых*.

8. ОБРАЩЕНИЕ

Переходя к расшифровке рубрик баланса, относящихся к процессу обращения, необходимо предпослать ей несколько теоретических соображений. Анализируя издержки обращения, К. Маркс различает в них, как известно, прежде всего две группы: 1) чистые издержки обращения и 2) дополнительные [1]. Первые из них, «вытекающие лишь из превращения формы товара» — из товарной в денежную или обратно,— составляют особенность только некоторых хозяйственных формаций. Сюда Маркс относит то время, которое требуется продавцу и покупателю, «чтобы договориться», имея в виду, «что здесь происходит борьба, в которой каждая сторона стремится нанести ущерб другой» [2]. Сюда же относится время, расходуемое на биржевые спекуляции и банковские операции, труд кассира, служителя банка, а также и труд счетовода, поскольку он обслуживает соответствующие операции [3]. Наконец, сюда же Маркс относит и общественный труд, фиксированный в золоте, серебре и т. п. товарах, поскольку они в роли денег «служат только как машины для обращения». Эти «чистые» издержки обращения, не создавая никакой стоимости, являются совершенно излишними потерями *товарного* производства. «Это,— говорит Маркс, имея в виду капиталистические отношения,— часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения» [4]. «Израсходованный на эти издержки капитал... принадлежит к faux frais капиталистического производства. Возмещение этих издержек должно воспоследовать из прибавочного продукта и составляет, если рассматривать весь класс капиталистов, вычет из прибавочной стоимости или прибавочного продукта...» [5].

В отличие от «чистых», дополнительные издержки обращения, по Марксу, «присущи всякому общественному производству, а здесь, при капиталистическом производстве, только принимают особый вид, особую форму проявления» [6]. Сюда входят прежде всего *издержки хранения товаров,* включая не только овеществленный и живой труд, обслуживающий этот процесс, но и количественные утечки и усушки хранимых продуктов, а также качественную порчу в пределах известной общественно необходимой нормы этих потерь. Далее сюда же относятся такие операции, как упаковка, сортировка товаров и т. п., и, наконец, особенно важная по своему значению и объему статья издержек транспорта. Эти дополнительные издержки обращения обычно обусловливаются процессами

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, гл. VI.
[2] Там же, стр. 147.
[3] В то же время Маркс четко отличает от таких затрат времени, вытекающих «лишь из определенной общественной формы процесса производства» — производства товаров,— счетоводство в иной общественной роли. «Бухгалтерский учет как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимее, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер; следовательно, ведение бухгалтерского учета более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 153).
[4] Там же, стр. 155.
[5] Там же, стр. 168—169.
[6] Там же, стр. 158, 159.

производства, «которые,— по выражению Маркса,— только продолжаются в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения» [1]. Целью этих издержек обращения является уже не простое превращение формы стоимости, а сохранение стоимости и перемещение ее к потребителю, т. е. «фактическое передвижение товаров в пространстве». Оно осуществляется главным образом в «дополнительном производственном процессе транспортной промышленности», представляющем продолжение процесса производства *в пределах* процесса обращения и *для* процесса обращения [2]. И поэтому именно Маркс соответствующую группу издержек обращения назвал дополнительными. Они являются прямым дополнением издержек производства и в качестве таковых «входят в стоимость товаров и, следовательно, удорожают товары».

Правда, практически в учете нелегко расчленить издержки обращения на чистые и дополнительные. Но для нашего времени это, пожалуй, не столь уж важно. Можно допустить, что в капиталистическом обществе «чистые» издержки играли весьма важную, можно сказать, заглавную роль, окрашивая в свой цвет и другие издержки обращения. Тем менее, однако, оснований придавать им сколько-нибудь заметную роль в наше время. В советском хозяйстве давно уже нет места не только биржевым спекуляциям, но и многим другим аналогичным явлениям. В советской торговле уже теперь никому нет нужды «торговаться» и подсиживать друг друга. Еще меньше, казалось бы, места для переоценки «чистых» издержек обращения в современных балансах последовательно социалистических индустриальных предприятий СССР. Если следы таких издержек и можно еще у нас кое-где обнаружить, то во всяком случае это уже не типичное, исчезающее явление. Тем не менее наши бухгалтера трактуют по старой традиции и до сего дня «торговые расходы» трестов (со включением сюда всех издержек транспорта и хранения) как «чистые издержки обращения», ибо проводят их по счету прибылей и убытков как простой вычет из накопления.

Как видно из вышеприведенной теоретической справки, такая практика отнюдь не могла бы быть оправдана теорией, и указанную ошибку необходимо исправить. В наших «торговых расходах» издержки транспорта и хранения играют решающую роль. Купля-продажа имеет у нас своей прямой задачей уже отнюдь не голое «превращение формы стоимости», а прежде всего плановое снабжение и рациональное распределение общественного продукта. Драгоценными металлами в качестве машины обращения мы отнюдь не пользуемся и, стало быть, соответствующих потерь не несем. А поэтому издержки обращения в процессе реализации нашей товарной продукции можем рассматривать в основном как дополнительные к издержкам производства — со всеми вытекающими отсюда последствиями по отношению к структуре баланса.

Для освещения процессов обращения в счетном плане должны быть предусмотрены счета, сводимые в замкнутый баланс реализации товаров и фабрикатов, с одной стороны, и в два специальных баланса по движению приобретаемых материалов и используемой рабсилы — с другой. В балансе реализации мы на одной стороне баланса даем расчленение товаров по их назначению и происхождению и на другой — по направлению их фактической реализации. В балансе предприятия эти разбивки, правда, не могут быть даны с достаточной полнотой, поскольку реализация осуществляется главным образом за пределами предприятия — трестом или объединением. Но в сводном балансе треста они могут получить уже полное свое развитие. Вместе с тем в этом балансе должны найти

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 155.
[2] Там же, стр. 171.

Счета товаров и пр.	Оставалось		Оборот				Остается	
	на складах	в пути	поступило: план	поступило: отклонения (+, —)	поступило: итого	списано на счет реализации	на складах	в пути
I. Товары и фабрикаты								
1. Фабрикаты своего выпуска (в расчетных ценах)								
Итого								
2. Покупные товары								
а) внутреннего производства								
б) импортные								
Итого								
3. Ликвидируемые средства труда								
Итого товаров и фабрикатов . . .								
II. Услуги своей продукции								
III. Дополнительные издержки								
1. Перенесенный труд (c)								
а) материалы (тара и пр.)								
б) услуги других производств								
в) снашивание средств труда								
Итого (по c) . .								
2. Живой труд (v)								
а) основная зарплата . . .								
б) дополнительная								
в) начисления								
Итого (по v) . .								
Итого (дополнительных издержек)								
IV. Реализационное накопление (m)								
Всего (баланс) . .								

свое отражение и дополнительные издержки треста, связанные с обращением (табл. 3).

В отношении предлагаемых нами расчленений необходимо сделать следующие оговорки. Расчленение своего выпуска на средства производства (потенциальные) и средства потребления (ширпотреб) невозможно без известных условностей, ибо одни и те же фабрикаты зачастую могут быть отнесены и в ту и в другую рубрику. Однако ни теория, ни практика отнюдь не требуют от нас в этом отношении какой-либо недостижи-

реализации

Счет реализации	Оставалось		Оборот				Остается	
			поступило					
	на складах	в пути	по своим ценам (расчетным)	реализационная наценка	итого по реализационным ценам	списано со счета	на складах	в пути
I. Фабрикаты своего выпуска								
1. Отпущено в пределах треста								
2. Реализовано на сторону								
а) на производственный рынок								
б) на городской								
в) на сельский								
г) на экспорт								
Итого реализовано . . .								
Итого по фабрикатам своего выпуска								
II. Покупные товары								
1. Отпущено в пределах треста								
2. Реализовано на сторону								
Итого								
III. Ликвидируемые средства труда								
1. В пределах треста								
2. На стороне								
Итого								
IV. Услуги своей продукции								
V. Изменение нереализованных остатков								
Всего (баланс) . .								

мой точности. Теория предлагает для данной цели такую формулировку: «Весь общественный продукт, а следовательно и все производство общества, распадается на два больших подразделения: I. *Средства производства,* т. е. товары, имеющие такую форму, в которой они должны войти или, по меньшей мере, могут войти в производительное потребление. II. *Предметы потребления,* т. е. товары, имеющие такую форму, в которой они входят в индивидуальное потребление класса капиталистов и рабочего класса» [1]. А практика учета облегчает задачу использования этой форму-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 445.

лы составлением конкретных списков тех фабрикатов, какие подлежат учету в качестве так называемого в нашем хозяйственном обиходе ширпотреба.

В отчете по реализации мы даем другое расчленение выпуска на аналогичные категории — по характеру рынка, на котором фактически реализуется та или иная продукция. Плановый порядок снабжения социалистического производства, а также населения города и деревни при особо тщательном выделении экспортных контингентов продукции позволяет осуществить указанное подразделение без особых затруднений. Для треста это тем важнее, что для разных рынков установлены различные условия реализации. А для плановых центров такое расчленение крайне важно для контроля исполнения соответствующих заданий в пределах целых отраслей народного хозяйства и по всей стране.

По счету товаров и фабрикатов следует проводить лишь фабрикаты, предназначенные к отпуску за пределы предприятия, т. е. валовую его продукцию. За вычетом отпуска другим предприятиям того же треста мы легко можем, однако, выделить в нашем балансе и товарную продукцию треста, реализуемую им на стороне. Остатки фабрикатов на складах, а также в пути (отгруженные контрагентам, но еще не акцептованные ими отправки) и все складские обороты учитываются в расчетных ценах (купленные товары по покупной цене) [1] без начета на них реализационных наценок. Законченные сделки по обороту реализации проводятся по ценам фактического отпуска (продажи).

Разницу между расчетной ценой товаров и фактической ценой реализации мы назвали здесь реализационной наценкой. Сумма этих наценок должна перекрыть сумму дополнительных издержек треста и дать известное накопление, которое мы называем реализационным. Из этого накопления изымается органами фиска налог с оборота и так называемая бюджетная наценка. Но эти изъятия должны быть выявлены уже на особом балансе накоплений в порядке распределения этих накоплений.

Подобно балансу реализации строятся балансы по приобретению материалов и оборудованию и оплате рабочей силы. В частности, баланс приобретений поддается расчленению, показанному в табл. 4.

Задача левой стороны баланса приобретений — распределить дополнительные издержки — транспортные и прочие — по отдельным категориям материалов и тем самым сопоставить полную их себестоимость с той планово-расчетной ценой, по которой они поступают в фонд приобретений и оборачиваются в цеховых калькуляциях. Но здесь разница между полной ценой и расчетной выявляется только общими итогами по строке «дооценка». В правой части баланса эта дооценка распределяется уже по отдельным категориям приобретений и счетам для замены *предварительных* калькуляций в расчетных ценах *окончательной* — по фактическим издержкам. Внутренним оборотом в данном балансе явятся материалы и услуги со стороны, например горючее заводского транспорта и оплата железнодорожных тарифов, которые войдут в состав дополнительных издержек по доставке приобретенных материалов на завод, и т. п. Разница между суммой дополнительных издержек и внутренним оборотом падает на оплату труда заводского персонала по доставке и разгрузке приобретенных материалов.

В товарно-материальных вспомогательных счетах там, где дается их потоварное расчленение, учет ведется не только в ценностном выражении, но и в натуральных измерителях (тоннах, метрах и т. п.). Но отражать эти счета на балансе возможно и целесообразно только в вышеуказанных сжатых извлечениях в ценовом выражении.

---

[1] За расчетную цену амортизированных нацело средств труда достаточно включить только издержки по их ликвидации (демонтаж и пр.).

Таблица 4

Баланс приобретений

Структура приобретений	Оставалось незаконченных приобретений	Оборот				Остается незаконченных приобретений
		произведено затрат			списано приобретений по расчетным ценам	
		цены приобретения	дополнительные издержки	итого (фактические издержки)		
1	2	3	4	5	6	7
I. Закупки						
1. Руда						
2. Кокс						
3. Огнеупоры						
4. Фураж						
5. Станки						
6. Канцелярские принадлежности и т. д.						
II. Заготовки (хозяйственным способом)						
1. Лесоматериалы						
2. Уголь древесный						
III. Оплата услуг (со стороны)						
1. Услуги транспорта						
2. Услуги связи						
3. Разные						
IV. Дооценка						
Всего (баланс брутто)						
В том числе внутренний оборот						
Баланс нетто						

Назначение приобретений	Оставалось незаконченных приобретений	Оборот				Остается незаконченных приобретений
		поступило приобретений			списано со счета (по полной стоимости)	
		по плановым расчетным ценам	дооценка (+, −)	итого		
1	2	3	4	5	6	7
I. Материальный фонд						
1. Средств производства						
а) оборудование						
б) материалы						
2. Предметов ширпотреба						
Итого						
В том числе						
1. Внутренней продукции						
2. Импортной						
II. Фонд услуг (со стороны)						
Итого						
Из них списано						
1. На издержки производства						
2. На издержки обращения						
3. На прирост материальных запасов						
4. На счет товаров к реализации						
III. Прирост незаконченных приобретений						
Всего (баланс брутто)						
В том числе внутренний оборот						
Баланс нетто						

Структура затрат	Оставалось незаконченных затрат	Оборот						Остается незаконченных затрат
		Начислено затрат					списано законченных затрат	
		плановое задание	исполнение					
			по плановым нормам и ставкам	отклонения (+, —)	итого			
1	2	3	4	5	6		7	8
А. Отработанное время (в час.)								
1. Основные цехи								
2. Вспомогательные								
3. Обслуживающие								
4. Цеховые конторы								
5. Заводская контора								
6. Трестовский аппарат . . .								
Итого								
Б. Оплаченный труд (в руб.)								
I. Основная зарплата								
1. Основные цехи								
2. Вспомогательные								
3. Обслуживающие								
4. Цеховые конторы								
5. Заводская контора								
6. Трестовский аппарат . . .								
II. Дополнительная зарплата								
III. Начисления								
Всего (баланс) . .								
В том числе по счету								
1. Издержек производства . .								
2. Издержек обращения . . .								

Баланс затрат рабсилы на правой стороне собирает фонд зарплаты во всех ее формах и подразделениях и распределяет в части индивидуальных выплат по категориям рабсилы, а в части социализированного фонда (начислений) — по их назначению. Выявляя, как выполняется промфинплан предприятия по линии расходования фондов зарплаты, баланс в этой части позволяет установить общие масштабы экономии или перерасхода по этой статье по сравнению с плановым заданием безотносительно к тому, как выполнен этот план в других частях, в частности по объему заданной продукции. Расчлененных остатков на этой стороне нет нужды показывать, поскольку в основных итогах они отражены уже в левой части, а детальная калькуляция незавершенного производства ни для чего не требуется.

В левой части баланс преследует другую задачу — выявить размер отклонений по оплате труда не только от общего задания, но и от тех нормативов, на которых оно базировалось. Для этого приводятся не только издержки по зарплате, но и соответствующие им затраты отработан-

Таблица 5

рабочей силы

Форма оплаты и категории рабсилы	Оставалось незаконченных затрат	Оборот						Остается незаконченных затрат
		поступило в фонд		перечислено на издержки				
		выплачено	задолженность	плановое задание	отклонения (+, −)	итого		
1	2	3	4	5	6	7		8
I. Индивидуальный фонд								
1. Основная зарплата								
а) повременная								
б) сдельная и пр.								
2. Дополнительная зарплата								
а) за сверхурочное время								
б) за отпуска								
в) за простой								
г) натуральные доплаты и т. д.								
Итого								
Из них на оплату								
1. Рабочих								
2. ИТР								
3. Служащих								
4. МОП								
5. Учеников								
II. Социализированный фонд								
1. Социальное страхование								
2. Подготовка кадров								
3. Дополнительная медпомощь								
4. Культпросвет учреждения								
5. Общественное питание . .								
6. Содержание завкома . . .								
7. Разные								
Итого								
В том числе на оплату труда								
Всего (баланс) . .								

ного рабочего времени. Поскольку дополнительная зарплата и начисления могут быть распределены как накладные расходы пропорционально основной зарплате, выплачиваемой именно за *отработанное время*, по каждому цеху достаточно сопоставить план с использованием по затратам рабочего времени и основной зарплаты (табл. 5).

По цехам, где ведется учет продукции, необходимо еще знать процент выполнения плана по продукции. Тогда заполнение графы 4-й по затратам труда не представит особых трудностей. Например, допустим, что по доменному цеху план намечал выплавку чугуна в 1 млн. т при затрате труда доменного персонала в 5,6 млн. час., а по отчету получилось 0,9 млн. т чугуна при затрате труда в 5,3 млн. час. По продукции, стало быть, план выполнен на 90%, а по затратам труда — на 95%, что доказывает снижение производительности труда против плана.

При выполнении плановых норм часовой выработки на 90% плановой продукции потребовалось бы не свыше 90% от намеченных планом за-

трат труда, т. е. 5,6×0,90=5,04 млн. час., значит отклонение от плановых нормативов по этому цеху составит 5,3—5,04=0,26 млн. час. Допустим далее, что весь плановый фонд основной зарплаты по данному цеху определен был в млн. руб., а по отчету начислено 3,9 млн. руб. Сопоставляя эти цифры с затратами труда, находим, что по плановым ставкам час труда стоил бы 4 : 5,6=71,5 коп., значит за фактически отработанное время в 5,3 млн. час. пришлось бы всего по этим ставкам 3,78 млн. руб., а за норму в 5,04 млн. час. еще меньше, а именно 3,6 млн. руб. И, стало быть, весь перерасход по зарплате на выполненную часть производственной программы составляет 3,9—3,6 = 0,3 млн. руб., в том числе 180 тыс. руб. за счет норм производительности труда и 120 тыс. руб. за счет ставок зарплаты.

Для обслуживающих цехов без учета продукции можно считать процентом выполнения производственной программы тот процент, который получается по обслуживаемым ими цехам, например для цеховой конторы — по соответствующему цеху, для заводской конторы — по всему заводу. Этот процент правильнее всего было бы учитывать не в денежном выражении учтенной продукции, а в трудовом, т. е. в сумме овеществленных в ней по данному цеху или заводу нормативных часов графы 4-й, отнесенных ко всему заданному времени по графе 3-й. Рабочее время по таким отделам, как цеховые и заводская конторы, конечно, не планируется в часах, но штатный контингент и сметный расход по ним в промфинплане даются. Переводя штатные единицы на человеко-месяцы и человеко-часы, можно, однако, выразить этот план и в сравнимом виде с другими цехами.

Особо следовало бы говорить о таких обслуживающих рабсилу цехах, как фабричные столовые, школы, амбулатории, клубы и пр. И здесь возможно было бы поставить учет производимых ими услуг в нормативном времени в соответствии с намеченным для них по плану объемом работы. Но поскольку эта деятельность может быть отражена на особом балансе, мы оставляем ее здесь в стороне. Нужно сделать только следующую оговорку. Учреждения подобного рода при заводах содержатся обычно за счет начислений на зарплату основного заводского персонала. Таким образом, в известной части эти начисления снова обращаются в зарплату и начисления, проделывая за год два оборота в одном и том же предприятии. Поэтому целесообразно за итогом фонда начислений выделить в том числе суммы, обращаемые *повторно* в фонд зарплаты в том же предприятии.

9. НАКОПЛЕНИЕ

Капиталистический баланс максимальный интерес проявил к тем счетам, на которых отлагалась прибыль от производства и реализации. На счетах материалов и зарплаты прибыль не отлагается, и потому для них обычно не находилось места и в балансе предприятия. Советский баланс может и должен оказать им больше внимания. Для нас результатами производства является не только накопление и даже, можно сказать сильнее, не столько накопление, сколько сама продукция в целом и в особенности в той части, в которой она обеспечивает средства существования рабочих, или, говоря иначе, их фонд заработной платы. Однако и в более узкой области учета накоплений нас не может удовлетворить наличная бухгалтерская практика.

До настоящего времени все накопления суммировались на так называемом счете прибылей и убытков. По сути дела на этом счете надлежало бы собирать все элементы прибавочного продукта в приходной части и все вычеты и изъятия из него — в расходной части. Однако пренебрежение к теории бухгалтеров старой школы превратило на практике этот счет в какое-то свалочное место для приходных и расходных статей са-

мого разнообразного значения. В конце концов сюда попадало все, что по той или иной причине не нашло себе места в текущем учете затрат и поступлений. Достаточно напомнить, что в капиталистических предприятиях по этому счету в качестве убытка проходила в конце года вся сумма амортизационных отчислений за год, хотя она целиком переносится на стоимость продукта и, стало быть, никакого убытка причинить не может. Чтобы избежать хлопот с текущим учетом снашивания средств труда, некоторые бухгалтера и теперь не прочь возобновить эту практику. Тем более, что если считать результатом только показываемое ныне на балансе сальдо прибылей и убытков, то этот результат не изменится от того, пройдет ли у нас амортизация по счету издержек производства или по счету прибылей и убытков. Но в отличие от индивидуального хозяина-капиталиста советский коллектив в качестве хозяина предприятия хочет и может выявить не только чистую прибыль, оседающую в данном предприятии, но и все валовое общественное накопление, созданное на данном производственном участке, куда бы мы его ни перераспределили. И в этом случае беспринципное манипулирование понятиями «прибылей» и «убытков» уже совершенно недопустимо.

Обращаясь к современной бухгалтерской практике построения счета прибылей и убытков, мы должны отметить с указанной точки зрения целый ряд весьма существенных дефектов. Мы уже отмечали выше, что в нынешней советской практике по счету убытков проводится вся сумма административно-торговых расходов треста, включая сюда и издержки транспорта, и издержки хранения товаров, и амортизацию помещений, и вообще все «дополнительные издержки обращения», которые, по Марксу, повышают стоимость товара и, значит, отнюдь не являются «убытками». Но дело не ограничивается этой ошибкой. Еще недавно показывалось в том же счете убытков все выбывшее за ветхостью и негодностью имущество, да и теперь мы находим здесь аналогичную статью: «убыток от ликвидации выбывшего имущества»[1]. Если учесть, что это имущество учитывается ныне при ликвидации по покупной (или восстановительной) оценке без учета износа, а выручка от ликвидации составляет только реальную цену изношенных средств труда, т. е. чаще всего цену соответствующей массы лома от них, то станет ясным, что в убыток мы занесли бы таким образом весь износ средств труда, что, конечно, совершенно недопустимо[2].

Нелепо также квалифицировать термином *убытки* такие статьи, как «отчисления в разные фонды, образуемые за счет результатов», или «экономию, оставленную в распоряжении директора предприятия». Мы можем накоплению давать самые разнообразные целевые назначения, но от этого «прибыль» не превращается в «убыток», а только так или иначе распределяется. С этой точки зрения и «расходы пускового периода» (по принятым в эксплуатацию новым предприятиям), и «содержание консервированных предприятий», и «расходы по научно-исследовательским работам» и производственным «опытам» — все это не убытки, а целевые вычеты и изъятия из накоплений в порядке их планового распределения. Кстати сказать, большинство из них отнюдь не является безвозвратными вычетами, ибо, подобно капитальным затратам, или «расходам будущих лет», обеспечивают повышенную эффективность производства в последующие отчетные периоды.

Едва ли правильно также засчитывать в указанный счет «убыток от простоев», поскольку оплата рабсилы за время простоев уже учтена в

---

[1] «Формы годового отчета за 1931 г.» М., Изд. ВСНХ, 1931, ф. № 24, стр. 36.

[2] Для избежания этой ошибки необходимо было бы списывать предварительно с покупной цены ликвидируемых средств труда всю сумму амортизационных на эти средства отчислений за время эксплуатации (минус затраты на капитальные ремонты их за этот же период), но такой отчетности об амортизации и ремонтах по каждому объекту в отдельности не ведется.

Счет распределения (вычеты и изъятия)	Оставалось нераспределенных от прошлых лет	Оборот: поступило: по плану	Оборот: поступило: отклонения (+, —)	Оборот: поступило: по отчету	Оборот: списано на другие счета	Остается нераспределенных к концу года
I. Внутренние потери						
1. Производственные потери (убытки)						
а) по счету производства						
б) прочие производственные потери						
Итого						
2. Непроизводственные потери . .						
а) гибель от стихийных бедствий						
б) прочие непроизводственные потери						
Итого						
Итого внутренние потери						
II. Изъятия в другие хозяйства						
1. Торговые потери						
2. Кредитные потери						
а) проценты уплаченные						
б) от списания безнадежных долгов						
3. Налоги и сборы						
4. Рентные платежи						
5. Страховые платежи						
6. Пени и неустойки уплаченные						
7. Отчисления в госбюджет						
Итого						
III. Вложения в свое хозяйство						
1. Производительные затраты . . .						
2. Непроизводительные назначения						
3. Отчисления и резервы						
Итого						
IV. Нераспределенное накопление						
Всего (баланс) . . .						

издержках производства. Простой, вытекающий из условий производства, как и убытки от производственного брака, наиболее естественно учитывать в издержках производства. Другое дело — простой в результате стихийных бедствий или других непроизводственных условий. Такой простой является, конечно, прямым вычетом из накоплений.

Наряду с включением в счет прибылей и убытков статей, явно сюда не относящихся или весьма дискутабельных, можно отметить обратное. Сплошь и рядом элементы накопления в явном или скрытом виде проходят в текущей отчетности по издержкам производства и на счете прибылей и убытков совсем не фигурируют. К таким элементам мы относим

накоплений

Счет накоплений	Оставалось нераспределенных от прошлых лет	Оборот: поступило по плану	Оборот: поступило отклонения (+, —)	Оборот: поступило по отчету	Оборот: списано на другие счета	Остается нераспределенных к концу года
I. Внутреннее накопление						
1. Производственные наценки . . .						
2. Реализационное накопление . .						
Итого от собственного производства						
II. Накопление за счет других хозяйств						
1. От торговых операций						
а) от продажи покупных товаров						
б) от ликвидации своих средств труда						
Итого						
2. От кредитных операций						
а) проценты полученные						
б) от поступления списанных безнадежных долгов						
в) дивиденды от участия в других предприятиях						
Итого						
3. Разные поступления						
а) пени и неустойки полученные						
б) арендные статьи						
в) страховые премии						
Итого за счет других хозяйств						
III. Перечислено из резервов						
Всего (баланс) . . .						

некоторые виды рентных изъятий, например, попенную плату и «долевые отчисления» за недра, а также часть акцизов, начислявшихся до недавнего времени на материалы, например на пряжу в текстильной промышленности. Если теперь за отменой попенной платы и акцизов такие ошибки частью отпали, то это произошло вне всякой зависимости от сознательного в том участия наших бухгалтеров.

Учитывая все сказанное, мы взамен счета прибылей и убытков предлагаем сводный баланс накоплений со следующей номенклатурой (табл. 6).

В приведенном перечне мы не стремимся дать исчерпывающий список статей баланса накоплений. Так, в нем отсутствуют накопления (или

потери) от эксплуатации жилищно-коммунальных хозяйств данного предприятия, которые, на наш взгляд, предпочтительно выделять на особый баланс, и, вероятно, некоторые другие. Нашей задачей было дать такую конструкцию соответствующих счетов, в которой прежде всего четко выявлялось бы валовое производственное накопление — основной показатель успешности хозрасчета, а также внутренние производственные убытки и различные потери — в качестве показателей бесхозяйственности данного предприятия. Накопления и изъятия в порядке перераспределения народного дохода между различными хозяйствами могли бы лишь затемнить оценку производственной деятельности подотчетного предприятия, не будучи выделены в специальный раздел, так как они в наименьшей степени зависят от этой деятельности.

До сих пор на балансе показывалось в качестве «результатов» всей деятельности предприятия только окончательное сальдо прибылей и убытков, т. е. применительно к нашей номенклатуре остаток «нераспределенного накопления» или в случае превышения пассива — сальдо потерь и изъятий. Нетрудно понять, что такое сальдо само по себе вне всего баланса потерь и накоплений совершенно не показательно. Оно может быть положительным при неудовлетворительной работе предприятия и отрицательным — при отличной его работе. Все зависит от той доли накопления, которая уже распределена к моменту составления баланса, и, в частности, от размера вложений в собственное хозяйство за счет накоплений. А потому на балансе необходимо отразить не только остаток, но и обороты по накоплению.

В качестве частных пояснений отметим, что в статью «гибель от стихийных бедствий» подлежат зачислению: пожарные убытки, потери от наводнений, массовых эпизоотий, градобитий, исключительных засух и т. п. непреоборимых явлений природы. В прочие непроизводительные потери следует включать разные усушки и утечки при хранении, порчу в пути и т. п. потери в количестве и в качестве потребительных благ, *сверх той нормы*, которая уже учтена в нормальных издержках хранения и транспорта. Особое значение эта статья имеет в процессе обращения скоропортящихся продуктов — мяса, фруктов, овощей. Здесь всякое упущение чревато особо тягостными последствиями. В несколько недель можно сгноить урожай целого года. В пару дней легко погубить плоды целых месяцев упорного труда. Показатели бесхозяйственности этого рода заслуживают сугубого внимания и контроля.

Выдвигая на обсуждение предложенную схему, мы хотели бы прежде всего сосредоточить общественное внимание на принципиальной стороне вопроса и потому сознательно не вдавались в детали и не углублялись в тонкости бухгалтерской техники. Предложенная типовая схема баланса отнюдь не претендует на универсальность. Она рассчитана главным образом на тресты и объединения производственного характера (индустриальные и сельскохозяйственные). Для транспорта и связи, для торговых предприятий и кредитных учреждений, а также для предприятий и учреждений, обслуживающих рабсилу, эту схему придется, вероятно, соответствующим образом видоизменить и приспособить. Но и в отношении к производственным предприятиям разного рода допустимы те или иные отклонения и дополнения в развитии предложенной схемы. В частности, мы вовсе не останавливались на технике выделения интересующих нас оборотов в балансе. Конечно, для экономического анализа представляют интерес только действительные *хозяйственные* обороты, а вовсе не все счето-бухгалтерские записи по дебету и кредиту. Целый ряд товарных переходов со склада на склад, со склада в производство и обратно неиспользованных там материалов, не говоря уже о простых исправлениях допущенных ошибок (сторнировки), отнюдь не имеет для нас экономического значения. Баланс должен быть очищен от такого рода

счетных «оборотов». Но как это сделать, мы пока не рассматриваем. В интересах плодотворного обсуждения более важных вопросов вопросы бухгалтерской техники целесообразнее выделить в особую тему.

ТИПОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА БАЛАНСА

Актив

I. Средства производства

1. Средства труда в эксплуатации:
   а) поверхность и недра,
   б) строения и сооружения,
   в) оборудование:
      силовые установки,
      передаточные механизмы,
      исполнительные механизмы,
   г) скот в эксплуатации,
   д) прочий хозяйственный инвентарь.
2. Предметы труда на складах:
   а) запасное оборудование,
   б) материалы (со стороны),
   в) топливо,
   г) полуфабрикаты (своей продукции).

II. Издержки производства

1. Перенесенный труд.
2. Живой труд (рабсила).

III. Обращение

1. Товары и фабрикаты (в расчетных ценах).
2. Закупки и заготовка.
3. Издержки обращения (дополнительные):
   а) перенесенный труд,
   б) живой труд (рабсила).
4. Деньги и расчеты:
   а) касса,
   б) платежные документы (чеки и прочее),
   в) ценные бумаги (паи, акции и др.),
   г) расчеты.

IV. Распределение

1. Внутренние потери:
   а) производственные потери (убытки),
   б) непроизводственные потери.
2. Изъятия в другие хозяйства.
3. Вложения в свое хозяйство.

Всего (баланс).

Пассив

I. Фонды и резервы

1. Основные фонды:
   а) производственный за вычетом износа,
   б) фонд потребления за вычетом износа,
   в) износ основных фондов (регулятив).
2. Оборотный фонд.
3. Фонд восстановления (амортизационный).
4. Фонд расширения.
5. Резервные фонды.
   Итого фондов.
      В том числе привлеченных ресурсов.

II. Выпуск из производства

1. Для внутренних нужд.
2. На сторону:
   а) средства производства,
   б) предметы ширпотреба.

III. Обращение

1. Реализация (в продажных ценах):
   а) услуг (своей продукции),
   б) товаров и фабрикатов:
      в пределах треста,
      на производственный рынок
      на городской рынок,
      на сельский рынок,
      на экспорт.
2. Приобретение:
   а) услуги со стороны,
   б) материальных фондов:
      внутренней продукции,
      импортных.
3. Фонд зарплаты:
   а) индивидуальный,
   б) социализированный (начисления).

IV. Накопление

1. Внутреннее накопление (производственное).
2. За счет других хозяйств.
3. Перечисления из фондов.

Всего (баланс).

Забалансовые статьи

1. Затраченный живой труд, чел.-час.:
   а) заводские издержки,
   б) дополнительные издержки.
2. Эксплуатируемая поверхность, га:
   а) под застройкой,
   б) под насаждениями,
   в) прочая.
3. Эксплуатируемые недра, млн. т:
   а) запасы учтенные (категория А),
   б) запасы вероятные (категории Б и В).

II. ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ[1]

1. ПРЕДМЕТ И МЕТОД

Несмотря на популярность понятия статистики, а отчасти именно благодаря ей, вокруг этого предмета накопилось немало неясностей и весьма прискорбных недоразумений. Спорным до сих пор было даже право статистики называться наукой. Всякая наука, утверждают некоторые, должна, как известно, иметь свой особый предмет и метод, а статистика вовсе не имеет своего особого предмета ведения. Экономика изучает общественное хозяйство, зоология — животный мир, ботаника — растительный покров, геология — земные недра, астрономия — звездный мир, а статистика, находя себе применение в любой из этих сфер, не располагает никакой иной, только ей одной присвоенной. Отсюда делается вывод, что статистика это только широко распространенный в различных науках метод исследования, а не особая наука[2].

Однако путем таких рассуждений легко разжаловать с лишением пенсии и научного мундира не только статистику, но и арифметику, и алгебру, и целый ряд других достаточно отвлеченных наук. Дело в том, что чем конкретнее подходит наука к предмету своего исследования, тем более он суживается по своему объему, и наоборот, чем больше отвлекается наука в своих определениях от описания конкретных фактов и деталей в интересах теоретических обобщений, тем круг ее ведения становится шире. Особенно широк в отличие от конкретно-описательных дисциплин круг ведения наиболее абстрактных математических наук. В самом деле, как определяется, скажем, предмет алгебры? Это наука о *величинах* и решениях уравнений, связывающих эти величины. Подобно этому арифметика определяется как наука *о числах* и действиях с ними. О каких величинах и числах здесь идет речь? О каких угодно. Ограничивается ли область их применения какой-либо сферой явлений? Нет, не ограничивается. Операции с величинами и их числовым выражением вы встретите в сфере ведения самых различных конкретных наук. Широкая область математики, можно сказать, перекрывает собой все более узкие области специальных конкретных наук. И тем не менее никто не сомневается, что математические дисциплины имеют свой особый круг ведения и заслуживают высокого звания науки.

Статистика в своем охвате действительности конкретнее математики. Смыкаясь своими методологическими вершинами — в теории вероятностей — непосредственно с математикой, статистика в своем учетном основании — текущей регистрации событий и периодических переписях —

[1] «Плановое хозяйство», 1935, № 10.

[2] К этому воззрению как будто примыкает даже такой видный советский статистик, как М. Н. Смит. Ср. ее «Определение статистики как метода изучения массовых явлений» и утверждение, что «статистика не имеет специального объекта, а есть лишь метод, применяемый к разным объектам» (М. Смит. Основы статистической методологии, вып. 1. М., 1923, стр. 13—14).

сближается с наиболее конкретными описательными общественными науками. Тем не менее круг ее ведения еще очень широк. В самом сжатом определении статистика — это социально-экономическая наука о *многообразиях* общественных явлений и заложенных в них закономерностях. Многообразие явлений можно наблюдать во всех общественных процессах, изучаемых самыми разнообразными науками, и статистика берет под свое наблюдение этот свой «предмет» повсюду, где его находит, с тем чтобы в сложном переплете многообразных комплексов элементарных процессов и воздействий вскрыть своими методами тот или иной присущий им *порядок,* ту или иную их взаимообусловленность.

Но что же такое — многообразие? Прежде всего следует подчеркнуть, что многообразия, изучаемые статистикой, находят себе достаточное выражение только в *массовых* явлениях, а не в единичных предметах. Вместе с тем, сопоставляя такие понятия, как «величина», «число» и «многообразие», можно сказать, что все они представляют собой лишь разные степени отвлечения от конкретной действительности. Наибольшей абстрактностью отличаются алгебраические — действительные и мнимые — величины разных категорий. Оперируя с ними, мы обычно отвлекаемся не только от качественных различий тех объектов, меру которых они представляют, но даже от количественной их оценки тем или иным числом единиц. Арифметика имеет дело уже с более конкретными величинами, определяемыми отвлеченным или даже именованным числом. Но при этом всякое «число» она рассматривает как совокупность вполне однородных единиц, отвлекаясь от каких бы то ни было качественных их различий. Еще конкретнее трактуются «многообразия», составляющие предмет статистики. Здесь многообразие тоже представляет собой совокупность более или менее *однородных* элементов, но такую совокупность, в которой уже отнюдь нельзя отвлечься от *качественных* различий.

Многообразие — это сложный комплекс с *варьирующими* от одного элемента к другому признаками *сходства и различия.* В нем представляет интерес не только суммарная *величина* данной совокупности, но и внутренняя качественная ее *структура.* Многообразие — это *качественно* дифференцированное количество.

Возьмем для примера хотя бы такую совокупность, как «население Москвы 1935 г.». Его можно рассматривать и как некоторую известную *величину,* не требующую дальнейших определений, и как итоговое *число* жителей данной столицы, и как сложное *многообразие* большого качественно разнородного трудового коллектива, нуждающегося в четкой расшифровке своего состава. Все зависит от подхода к данной совокупности.

Статистический подход требует дифференциации. Простой арифметический подсчет жителей Москвы не заслуживает еще наименования *статистической* операции. Статистика должна определить не только величину, но и *состав* этой совокупности, расчленяя общее число жителей по социальному их положению, по занятиям, квалификации, грамотности, школьному образованию, возрастно-половому составу, семейному положению и т. д. и устанавливая в этом многообразии признаков тот или иной структурный порядок, ту или иную *статистическую* их организацию. Это будет, несомненно, не тот порядок, в каком население Москвы организовано в натуре — в своем бытовом и трудовом обиходе. В статистической таблице трудовой коллектив Москвы организуется не для трудовых процессов, а только для комбинированного подсчета его членов, сгруппированных для этого по признакам их сходства и различия, и потому трудящиеся будут здесь искусственно оторваны от своих иждивенцев, мужчины изолированы от женщин, старики — от подростков, грамотные — от неграмотных и т. д.

Уже отсюда можно заключить, что и статистика отнюдь не ставит своей задачей *фотографическое* отображение действительности. Прежде всего

уже в стадии наблюдения элементов изучаемой совокупности статистика сознательно *отвлекается* от всех *индивидуальных* признаков этих элементов, отличающих каждый из них от всех других. Ее вовсе не занимают никакие уникальные, *неповторимые* признаки, вроде бородавки на носу городничего, уже потому, что они не поддаются объединению и суммированию. Статистика регистрирует только так называемые *сводные* признаки, которые, повторяясь многократно, несмотря на свою *количественную* изменчивость от одного элемента к другому, *сохраняют* свою *качественную* однородность и, стало быть, поддаются массовому наблюдению и статистической сводке. Например, по признаку «рабочего возраста», варьирующего количественно от 18 до 50 лет, мы выделяем и объединяем все же в качественно достаточно однородный рабочий коллектив весьма компактную группу населения. Еще меньше статистика стремится к фотографичности в стадии обработки и окончательного оформления. Статистическая таблица отнюдь не похожа даже на схематическую модель изучаемого многообразия. Она *по-своему* конструирует элементы этого многообразия применительно к своим специальным задачам. Каковы же эти задачи?

В задачу статистики входит: расчленение многообразия по признакам сходства и различия, группировка этих признаков в последовательные ряды, наблюдение структурных и динамических закономерностей в данном многообразии и нахождение количественной меры взаимозависимости наблюдаемых признаков в пределах данной их совокупности. Иными словами, задача статистики — прежде всего привести всякое неоформленное *множество к единству* путем перестройки всего многообразия его элементов и признаков в *организованный* статистический их коллектив, в котором все скрытые ранее внутренние связи и закономерности поддаются уже прямому наблюдению, обобщению и учету.

Не всякое многообразие поддается статистической организации в единый четко *отграниченный* от других коллектив, ибо такой коллектив всегда предполагает известную *внутреннюю* цельность и однородность своего состава. Совокупность, раздираемую внутренними противоречиями, статистик не вправе рассматривать как *единый* коллектив, ибо в таком единстве тонут наиболее интересные качественные различия и смазываются наиболее существенные для данного многообразия внутренние закономерности. Именно поэтому плодотворно организовать такую сложную совокупность статистику удается только путем предварительного ее разложения на целый ряд более элементарных коллективов. В этом именно аналитическом назначении и заключается основная ценность статистических группировок. Изучать статистически совокупность крестьянских хозяйств при достаточном расслоении деревни, *без* расчленения этой сложной совокупности на социальные группы — кулаков, середняков и бедняков и т. п., было бы, как показал В. И. Ленин, более чем бесплодным занятием. Это было бы прямо вредной, *дезориентирующей* работой.

Иной раз статистику приходится иметь дело и с такой совокупностью явлений, многообразие которых за отсутствием внутренних связей и вообще не может быть уложено в *какие-либо закономерные* ряды признаков и *стройные коллективы* явлений. Однако и такие многообразия нельзя исключить из предмета ведения статистики, ибо даже полное отсутствие связей в изучаемой совокупности элементов приходится рассматривать лишь как *частный случай* убывающей их связи в некотором ряду смежных совокупностей. Отсутствие связей в данной совокупности элементов так же, как и присутствие их, выявляется и измеряется одними и теми же статистическими приемами и требует от исследователя отнюдь не меньше аналитических усилий и творческого остроумия. Кстати сказать, выявление отсутствия связей в изучаемом многообразии является не менее существенным научным выводом из статистического исследования, чем всякий другой.

Конечно, рационально организовать какое-либо бесформенное многообразие в стройный статистический коллектив можно лишь, исходя из той или иной гипотезы в отношении искомых связей и закономерностей. А для этого требуется, чтобы исследователь не только вполне владел статистической техникой, но и хорошо разбирался теоретически в существе искомых им закономерностей. В хозяйственной сфере нужная гипотеза для успешных *статистических* операций легче всего строится на базе предварительного *экономического* анализа данного хозяйственного комплекса и заложенных в нем закономерностей. В сфере естественных процессов общественного значения (урожай, эпидемии, эпизоотии) статистику для той же цели должен служить теоретический их анализ на базе соответствующих специальных отраслей естествознания. Механически, без ясного понимания процессов, образующих данное многообразие, статистик не сможет организовать его в четкий коллектив. И поэтому далеко не всякая статистическая таблица представляет собой такой *коллектив*. Нередко в ее клетках размещается и ровно ничего не говорящий ни уму ни сердцу сброд механически — вкривь и вкось, на авось — подсчитанных цифровых итогов.

Статистические ряды представят действительно организованный в таблицу *коллектив* величин, а не случайный цифровой сброд, и дадут вполне ясный — положительный или отрицательный — ответ на поставленный вопрос только в том случае, если они уже задуманы и построены в должном соответствии с этим вопросом.

Известную *организацию* многообразия обеспечивают все виды учета — и оперативно-технический, и бухгалтерский, и статистический. Все они начинаются, как известно, с продуманной организации первичного наблюдения и регистрации составных элементов изучаемого многообразия. Эта регистрация представляет нередко и вполне самостоятельный интерес, как, например, записи актов гражданского состояния, инвентарные описи имущества, особые *технические* паспорта на каждый станок в цехе и т. д. И тогда она производится специальным аппаратом, независимо от органов учета, но и в этом случае особые задачи учета должны быть продуманы и учтены уже при самом составлении форм и инструкций к проведению соответствующих видов регистрации. Так, в актах загсов должны быть заранее предусмотрены те признаки, которые подлежат сводке в текущей статистике населения, в инвентарных записях — те графы, которые необходимы для учета амортизации в бухгалтерских сводках, в паспортах станков и агрегатов — те показатели, которые понадобятся для технических коэффициентов и графиков производственного их использования, и т. д. Особо наглядно это организующее воздействие учета на первичную регистрацию сказывается, однако, лишь там, где эта регистрация специально осуществляется учетным аппаратом для *статистических* целей, например, в переписях населения. Здесь уже всякая деталь вплоть до редакции любого вопроса в опросном листе продумывается и утверждается лишь после тщательной их увязки со всем планом сводки и обработки переписи.

На дальнейших ступенях сводки и обработки данных первичной регистрации организующая роль разных видов учета уже далеко не одинакова. Оперативно-технический учет не выходит обычно из рамок отдельного предприятия и ставит своей задачей получение лишь наиболее элементарных *натуральных* показателей его работы. Число таких натуральных показателей очень велико, но выраженные в очень разнородных измерениях и целеустремленные в весьма различных направлениях все они, взятые в совокупности, представляют собой совершенно неоформленное многообразие. Весьма ценные каждый в отдельности, они в общем не увязываются еще ни в какую систему и не образуют собой никакого организованного коллектива. Бухгалтерский учет в капиталистических условиях тоже

замыкался обычно рамками одного индивидуального хозяйства. Но, пользуясь единым денежным измерителем, он может охватить в новых условиях хотя бы и все общественное хозяйство страны, взятое в целом. Вместе с тем бухгалтерский учет располагает уже вполне определенным счетным планом, связующим все его счета в единую аналитическую систему и автоматически организующую все его показатели в единый стройный коллектив — балансовую таблицу. Статистика же относится к бухгалтерии примерно так, как алгебра к арифметике. Бухгалтерский баланс она рассматривает лишь как один из частных случаев статистической группировки.

Бухгалтерия, занимаясь расчленением и организацией хозяйственного многообразия факторов, имеет пока что только одну специальную целевую установку выявления рентабельности данного хозяйства и его хозрасчетных достижений, а потому оперирует только рублем. Статистика дает *общий* метод группировок, годный для разрешения аналогичных задач повсюду, где сплетение большого числа воздействий затемняет причинные связи и общий их результат — как в хозяйственной сфере, так и в других, как в денежном измерителе, так и в любом ином.

И далее. Оперативно-технический учет чаще всего ограничивается только первой ступенью учета, давая помимо первичной регистрации и накопления сырого материала лишь самую элементарную сводку учетных данных. Бухгалтерия, начиная с той же первой ступени — низового учета, поднимается уже и на вторую ступень *систематической счетной обработки* учетного сырья по заранее установленным формам *отчетности* специального прикладного значения. Статистика же, не ограничиваясь названными двумя ступенями — низового учета и счетной обработки учетного материала применительно к установленным формам отчетности, поднимается и выше, на третью ступень, не связанную уже никакими трафаретами *научной* обработки того же материала, восходя при этом от решения самых конкретных практических задач до наиболее отвлеченных обобщений теоретического значения. Все эти разные виды учета могут и должны быть увязаны между собой в единую стройную систему, но каждый из них при рациональном разделении функций представляет свои особенности и специальные области приложения. В частности, для статистики характерна ее исключительная роль в области *научной* обработки счетного материала. Этим и определяется специфическое место статистики в общей системе социалистического учета.

Статистика является наиболее универсальным и мощным орудием аналитического расчленения многосложных взаимодействий для организации их в стройные и четкие коллективы показателей. Но выполняется ею эта задача, в отличие от бухгалтерии, отнюдь не автоматически, ибо для каждого особого многообразия и для каждой специальной задачи здесь требуется особый подход, особая гипотеза и особый план действий.

Свои гипотезы статистик может строить из априорных теоретических соображений или из конкретных эмпирических наблюдений. Однако, поскольку это лишь гипотезы, они еще подлежат статистической проверке.

Искусство организовать цифры в подлинно статистический их коллектив — дело не легкое. Оно дается далеко не всем работающим в области учета. Но в этом — лишь первый шаг собственно статистической методики. Если отвлечься от начальной стадии первичного учета с его задачей собрать и проконтролировать достоверность собранных цифр, т. е. дать лишь вполне пригодный сырой материал для статистической обработки, то собственно статистическое производство начинается со сводки этого цифрового сырья по заранее задуманному плану обработки в стройные табличные коллективы итогов.

Уже в этой стадии обработки удается нередко установить наличность целого ряда связей и закономерностей в изучаемом многообразии. И на

этом чаще всего дело кончается. Но если мы хотим от простой констатации наличности известных взаимозависимостей и закономерных связей подняться до измерения *тесноты* этих связей в данном многообразии признаков, то должны еще провести и следующую стадию статистической обработки этого многообразия математическими средствами.

Рассматривая какой-либо конкретный факт как частный случай искомой закономерности, статистика в этой стадии обработки обращается к наблюдению *повторяемости* подобных случаев при возрастающем числе наблюдений и исчисляет *вероятность* таких повторений, ибо если единичный случай сам по себе представляет даже бесконечно малую вероятность реальности проверяемой закономерности, то, интегрируя этот дифференциал, можно нередко получить при достаточно большом числе наблюдений очень весомый численный измеритель ее достоверности. Исходя при этом в анализе многообразия из закона больших чисел, статистика редчайшую *случайность* рассматривает лишь как частное *проявление необходимости* и малейшую степень *вероятности* расценивает лишь как меру стопроцентной *достоверности*.

В этом подходе, утверждающем принципиальное *единство,* а в соответствующей мере и *тождество* таких *противоположностей,* как случайность и необходимость, бесконечно малая вероятность и полная достоверность, достаточно ярко отражается диалектичность статистического метода.

Статистическая наука, изучает ли она естественные производительные силы или общественное хозяйство, располагает в своем арсенале только одним орудием измерения — числом. Но это в некотором роде универсальное мерило. И оно отнюдь не ограничивает нас рамками одних лишь *количественных* изменений. К сожалению, даже в советских учебниках статистики можно иной раз встретить определение, по которому «предметом статистики являются *количественные* процессы в особого рода коллективах многих единиц» (курсив мой.— *С. С.*) [1]. Но это едва ли удачная формулировка. Когда статистик путем своих группировок выявляет, скажем, в таком многообразии, как «население СССР», что с повышением *возраста* группы *грамотность* ее до известного момента последовательно растет, а затем резко падает, то он изучает одновременно и количественный и качественный процесс в данном многообразии, обнажая вместе с тем внутреннюю их взаимообусловленность. Правда, и качественные сдвиги здесь определяются количественной меркой, например большей или меньшей *частотой* появления определенного качественного признака в разных условиях. Но это не меняет существа дела.

Всякому марксисту, в том числе и авторам приведенного выше определения, хорошо известен диалектический «закон перехода количества в качество и обратно». По словам Энгельса, «...невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т. е. без количественного изменения этого тела» [2]. «Мы знаем теперь,— иллюстрирует он же это положение примером,— что «химические свойства элементов являются периодической функцией атомных весов» (Роско и Шорлеммер, «Подробный учебник химии», том II, стр. 823), что, следовательно, их качество обусловлено количеством их атомного веса» [3]. Вот эту именно диалектику естественных и общественных процессов с постоянными переходами количества в качество и обратно и призвана прежде всего отражать своими методами повсюду наряду с другими науками и статистика как наука о многообразиях и связующих их элементы закономерностях.

[1] «Статистика». М., Соцэкгиз, 1934, стр. 34.

[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 385.

[3] Там же, стр. 389.

В самом *методе* этой дисциплины, выявляющей *наличие* и тесноту изучаемых связей в данном комплексе явлений, заложен, как уже было отмечено, *диалектический* подход к предмету изучения. Вероятность обнаружения какого-либо признака в данном комплексе, возрастая количественно в изменяющихся условиях от 0 до 100%, перерастает из *невероятности* в *достоверность*. Коррелятивная связь двух признаков, повышаясь только от 0 до 1, знаменует собой переход от полной *случайности* их совместного пребывания до теснейшей функциональной их зависимости друг от друга, т. е. безраздельного господства *необходимости*. *Количество* здесь самым осязательным образом переходит в *качество*, раскрывая на конкретном статистическом материале изучаемых факторов диалектику природы и общественного развития.

2. ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

Теория советской статистики, несмотря на прочный фундамент, заложенный под нее классическими трудами К. Маркса и В. И. Ленина, не достроена еще до конца. Но уже теперь выявилось немало глубоко принципиальных ее отличий от старых установок буржуазной эпохи. Так, буржуазные теоретики впадали в явно идеалистическую трактовку статистических средних как метода приближения при достаточно большом числе наблюдений к некоторой идеальной «истинной величине» вне времени и пространства, отклонения от которой в конкретных явлениях они склонны были рассматривать лишь как случайные «ошибки» природы. Советские статистики, подходя к закону больших чисел материалистически, предпочитают иную его формулировку, по которой средняя величина, выведенная из малого числа наблюдений, по мере увеличения этого числа может нас как угодно приблизить только к *средней* же величине из *всей* совокупности данного рода конкретных явлений. Но и этого вполне достаточно для обоснования весьма экономного *выборочного* метода статистических исследований. Буржуазная статистика от Кетле до Громана возлагала слишком большие надежды на пресловутую *устойчивость* статистических рядов и коэффициентов, апологетически подкрепляя ею свои иллюзии о незыблемости основ капиталистического строя. А теперь, после бесславного крушения этих основ, наша советская статистика, наоборот, повседневно иллюстрирует высокую *динамичность* тех же статистических рядов и коэффициентов в бурных темпах революционной эпохи. Но этот диалектический период относительной устойчивости в столь же относительную динамичность наших рядов отнюдь не является для нас неожиданным. Буржуазные теоретики и не подозревали, какая диалектическая острота и сила заложена в том статистическом методе, которым они пользовались, подобно тому как известный герой Мольера и не подозревал, что он говорит прозой. Уже поэтому они не могли использовать всех возможностей этого метода. Тем более плодотворным, казалось бы, должен стать этот метод в руках не чуждых диалектике советских статистиков на *необозримом поприще социалистического хозяйства*. А между тем, тут-то и начинается неразбериха.

Говоря о неразберихе, я имею в виду усердно распространяемое у нас с некоторого времени мнение, что статистика вовсе не подходит к советским условиям, поскольку «*социалистическое* хозяйство не представляет собой объекта статистического». Курьезнее всего, что этот неожиданный взгляд пропагандируется не в каком-либо никчемном зарубежном пасквиле, а в целой серии довольно популярных *советских* учебников *статистики*, составленных весьма известной бригадой *советских* авторов[1]. Та-

[1] «Стастистика» (Учебник для вузов). Коммунистическая академия. М.— Л., 1932. То же. в новом изд. Моск. ин-та нархозучета. М.— Л., 1934. То же, в сокращенном изд. под заглавием «Элементы общей теории статистики». М., 1935 и др

ким образом, советская статистика в этих учебниках сама себя упраздняет по всем правилам академической премудрости. Этого еще не бывало даже в щедринском городе Глупове, где, как известно, некий не очень умный градоправитель Перехват-Залихватский въехал в свои владения на белом коне и в избытке административного восторга сжег гимназию и упразднил науки. В наше время науки упраздняются гораздо проще. Здесь уже целый ученый коллектив талантливых авторов, сочинив совсем не плохой в других отношениях учебник для вузов и придя от этого в некоторое головокружение от успехов, сам учинил себе академическое харакири. Написать целый учебник статистики для советских читателей с единственной целью убедить их в том, что им ни к чему сей предмет, к советскому хозяйству отнюдь не применимый,— идея, если хотите, оригинальная. Жаль только, что почтенная бригада не оказалась достаточно последовательной, чтобы выдержать ее до конца.

Советским вузовцам достаточно известны установки партии и правительства в вопросе о едином социалистическом учете, в систему которого входит и статистика, и потому наша бригада хотя бы ввиду этой установки вынуждена была сохранить за статистикой хоть какую-нибудь роль в советском обиходе. И вот бригада, отвергая «левацкие загибы, выражающиеся прежде всего в *теории отмирания* статистики на *данном* этапе социалистического строительства», милостиво допускает еще известное весьма ограниченное применение статистического метода и в нашей стране. Статистика по этому воззрению — это прежде всего наука, специально приспособленная по своим методам к изучению *капиталистического* общества. «Социалистическое хозяйство не представляет собой объекта статистического» или, говоря точнее, уже перестало им быть. «Само хозяйство,— читаем мы в учебнике,— перестало быть *статистическим* коллективом независимых товаропроизводителей, но при решении ряда совершенно конкретных и зачастую весьма и весьма важных своих задач социалистический учет прибегает к статистическому *методу,* как к одному из своих орудий» (курсив мой.— *С. С.*) [1]. Это не очень ясные формулировки. Но их нетрудно расшифровать. Если статистика еще не отмирает на данном этапе, то, значит, это «отмирание» не отвергается нашей бригадой, а лишь откладывается до следующего этапа. И если социалистическое хозяйство уже теперь перестало быть статистическим коллективом, т. е. предметом статистики, то, стало быть, у нас уже нет места для хозяйственной статистики, она становится беспредметной, и речь может идти о применении статистического метода либо там, где еще сохранились остатки необобществленного частного хозяйства, либо на стыке социалистического хозяйства с природой, например в оценках «биологического» урожая, в учете естественного движения населения, в подсчетах подземных запасов ископаемых, для определения дебита реки и т. д. Именно этими примерами и пользуются наши авторы для определения сферы приложения статистических методов в СССР [2]. Эта ссылка статистики на хозяйственные задворки прежде всего означает огромное сужение области ее применения. Она исключает статистику из сферы общественных наук и осуждает на жалкое прозябание за пределами планового хозяйства. Но хуже всего то, что такая установка вносит страшный сумбур в головы советских читателей учебника, ибо она никак не вяжется со всей нашей советской практикой в этой области.

Когда В. И. Ленин утверждал, что социализм это прежде всего учет, и организовал советскую статистику, он достаточно высоко оценил ее роль в советском хозяйстве. Статистика — это связующая все отраслевые звенья низового учета и научно организующая их в народнохозяйственное целое

---

[1] «Статистика», 1934, стр. 39—41.
[2] Там же, стр. 40.

высшая ступень системы социалистического учета, без которой эту систему нельзя себе и представить. Без этой высшей ступени, обеспечивающей *обобщающую* научную обработку счетного материала, мы потеряли бы не какую-то побочную чужеродную пристройку, а венчающий все здание купол, или, лучше сказать, самое ценное связующее звено системы социалистического учета, без которой, как без цемента, распалась бы и вся система на отдельные составляющие ее учетные кирпичики.

И вот читателям учебника предлагается на выбор, с одной стороны, столь категорические утверждения наиболее авторитетных практических руководителей советской системы, по которому в нашем плановом хозяйстве без статистики *ни шагу* нельзя ступить вперед, а с другой — заверения ученой бригады в том, что наше хозяйство *перестало* уже составлять предмет статистики и что вообще поле приложения такого явного пережитка чуждой нам буржуазной эпохи, как статистика, следует строго ограничить определенной чертой оседлости — за пределами общественного хозяйства. Спрашивается, что, кроме полного сумбура в головах читателей, может создать такая отнюдь не диалектическая антитеза?

Однако и на этой позиции — отвода для статистики хозяйственных задворок — наши авторы никак не могли удержаться. Такой установке противоречит несомненный факт, что на деле статистика у нас все шире применяется именно в области хозяйственной плановой работы, а не где-либо на задворках. И авторы учебника вынуждены сами отмечать такие факты: «Так, например, группировка наших шахт по степени механизации с целью выявления количественной характеристики влияния механизации на производительность труда означает не что иное, как применение *статистики,* причем *коллективом служит совокупность шахт»* [1]. Значит, совокупность социалистических шахт в этом случае признается коллективом статистическим. Но разве это единичный случай? Разве статистические группировки применяются у нас только к шахтам? Конечно, нет. Случай, когда «сами социалистические предприятия рассматриваются как совокупность», по отношению к которой «мы действительно,— по признанию учебника,— *имеем и будем иметь применение статистики*», это у нас скорее общее правило, чем исключение. Как же это правило согласовать с основной доктриной учебника, что наше хозяйство уже перестало быть объектом статистики и что совокупность социалистических предприятий не является статистическим коллективом? Авторы учебника объявляют этот вопрос «наиболее трудным для усвоения» [2]. И действительно, тайна эта велика. Разгадку ее можно бы усмотреть в том, что, поскольку наше хозяйство уже перестало быть объектом статистики и «статистика превращается в учет», ее применение у нас допускается авторами учебника уже не в качестве особой *науки*, а лишь в качестве специального «статистического *метода внутри учета»* [3]. Но ведь «признание статистики *только* методом» уже отвергнуто в другом месте учебника, как «идущее в разрез с основными положениями марксизма» о единстве предмета и метода науки [4]. А впрочем в продукции *бригадного* мышления трудно ожидать особой его последовательности.

Откуда же пошла вся эта неразбериха?

Отвечая на этот вопрос, можно отметить, что еще в 1930 и 1931 гг. в очень содержательном учебнике математической статистики той же бригады авторов не было и намека на какие-либо ограничения компетенции советской статистики в отношении социалистического хозяйства. Но в 1932 г. имело место известное выступление Осинского о значении

---

[1] Статистика, стр. 40.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 43 и заголовок § 4.
[4] Там же, стр. 27.

учета, которое произвело, по-видимому, очень сильное впечатление на нашу бригаду, что и сказалось в последующих переработках вышеназванного учебника.

Осинский предложил такие определения статистики и учета. «Под статистикой мы понимаем совокупность методов и операций, позволяющих учитывать массовые стихийные явления. Под учетом мы в этом случае понимаем качественно-количественный охват *сознательно* намечаемых нами самими действий и их результатов». В соответствии с этими определениями Осинский выдвигает следующий тезис: «Вместе с изживанием остатков капитализма в экономике и сознании людей статистика *все больше отступает на второй план* перед прямым народнохозяйственным учетом»[1]. И хотя в дальнейшем этот тезис смягчается целым рядом оговорок о том, что он «еще вовсе не означает *полного* вытеснения и умирания статистики» и что на «период борьбы за развернутый социализм» *потребуется* еще некоторое «применение в учетной работе статистических методов»[2], но и от этой блестящей перспективы — *неполного умирания* или, говоря по-ученому, *анабиоза* статистики на весь переходный период и, очевидно, еще горшей участи *после* недалекого уже завершения социализма — веет погребальным холодом для нашей науки.

Осинский не останавливался подробно на этом вопросе, и очень возможно, что в данном случае он просто слегка перегнул палку, так как в других случаях он придерживался гораздо более оптимистических взглядов на судьбы советской статистики. Но у него, как мы выше видели, появились уже такие ученики в этом вопросе, которые готовы идти еще дальше своего учителя. И с их весьма пессимистической концепцией, осуждающей статистику на все более худосочное прозябание в советской земле, необходимо посчитаться тем серьезнее, что она отнюдь не вдохновляет особой энергией и энтузиазмом к своему делу всю многотысячную рать советских статистиков.

В определениях Осинского мы усматриваем существенные неточности. Его противоположение статистики учету едва ли законно уже потому, что статистика — тоже один из видов учета, составляющий к тому же наиболее ценное в научном отношении связующее звено в общей системе учета. «Охват сознательно намечаемых нами действий и их результатов» находит у нас, обычно, свое выражение в *плане*, а не в учете. Учет же в сопоставлении с планом отражает собой у нас всегда те или иные фактические *отклонения* от плана в процессе его выполнения, которые уже никак не подошли бы под определение «*сознательно* намечаемых». Эти отклонения представляют собой как раз тот «элемент *неизвестного»* в нашей творческой работе, ради измерения которого и сам Осинский требует применения в нашем учете *«статистических* методов (как методов выявления новых, непредвиденных обстоятельств)»[3]. Но это общее правило, а не исключение. У нас *весь* хозяйственный учет ставит своей основной задачей выявление отклонений от плана. Значит, весь наш советский учет в целом, а не какой-либо его отрезок, должен быть оснащен *статистическими* методами разработки.

Авторы учебника статистики для вузов тоже резко противополагают понятия статистики и учета. И тоже без достаточного основания. Из директив партии и правительства об установлении *единства* бухгалтерского, оперативного и статистического учета и о «построении системы единого социалистического учета»[5] очевидно, это термин «учет» уже

---

[1] Н. Осинский. Что значит учет. Союзоргучет. М.— Л., 1932, стр. 8—9.
[2] Там же, стр. 11.
[3] Там же.
[4] «Постановление СНК от 28/VIII 1931 г.».

твердо приобрел у нас значение родового понятия, обнимающего собой все специальные виды учета. Авторам учебника известно это словоупотребление. Но они, отнюдь его не оспаривая, вводят наряду с ним и свое собственное — другое, по которому социалистический учет, наперекор первому толкованию, «отличается *коренным образом* от статистики» [1], и статистика выключается из учета. Исходя из того, что «предметом статистики являются количественные процессы в *особого* рода коллективах», а именно в «совокупностях (коллективах) внешне обособленных и независимых, внутренне связанных индивидов», авторы учебника утверждают: «В противоположность этому предметом учета является изучение количественных процессов в таком объекте, внутренняя связь элементов которого не затушевана внешней независимостью, а наоборот, непосредственно в этой внешности выражена» [2].

Приведенные определения — типичный образчик школьной схоластики. Они не представляют собой научной ценности, ибо не улавливают даже самых специфических признаков определяемого. Мы уже отмечали, что изучение *количественных* процессов — признак далеко не специфичный для статистики, хотя бы потому, что их изучают и другие науки. Поясним это еще примером. Возьмем хотя бы такую совокупность, как суточная продукция стальных шариков определенного размера на заводе «Шарикоподшипник». Спрашивается, отвечает ли она признакам *статистического* коллектива по определению нашего учебника? Да, отвечает. «Внутренняя связь, т. е. *общая качественная основа»,* или, как еще поясняется этот признак в учебнике, «качественная *однородность* единиц, коллектива» [3], здесь, несомненно, налицо. Стальные шарики «Шарикоподшипника» уже по самому способу их производства и по своему назначению практически *однородны* до полной неразличимости. «Внешняя их обособленность и независимость» — тоже бесспорны. Число их в суточной продукции может возрастать или падать, и этот «количественный процесс» несомненно, поддается изучению. Все признаки налицо. И все же это не объект для статистики. Совокупность таких шариков можно измерить числом, но это дело арифметики, а не статистики. Там, где дело идет только о суммарном *количественном* подсчете, где нет *качественно* дифференцированной совокупности единиц, т. е. известного их *многообразия,* нуждающегося в *качественном* различении и группировках для комбинированных подсчетов, там нет еще статистического коллектива.

Теперь присмотримся к якобы «коренному» отличию учета от статистики по тем же определениям. Они оба вполне сходны, по-видимому, в том, что предметом их — статистики и учета — являются количественные процессы в коллективах «внутренне связанных» между собой элементов. И это вполне объективный признак сходства. Различаются же между собой статистические коллективы от учетных только тем, что при наличии в обоих случаях вполне определенной *внутренней* связи составляющих их элементов в первых из них эти элементы *представляются* с «внешней» стороны независимыми, во-вторых, не *представляются* таковыми. А это уж, несомненно, момент субъективного порядка. Возьмем хотя бы такой коллектив, как совокупность внешне «независимых» друг от друга, но внутренне связанных между собой узами рынка капиталистических предприятий. Внутренняя их связь — это объективный факт, а внешняя видимость «независимости» — это не более, как иллюзия известной общественной группы, отнюдь не разделяемая другими. Природа, а стало быть, и методы познания такой «совокупности капиталистических предприя-

---

[1] «Статистика», стр. 38.
[2] Там же, стр. 16 и 34.
[3] Там же, стр. 16.

тий» ни в какой мере не зависят от этой «внешней», т. е. кажущейся, *мнимой* их «независимости».

Буржуазные экономисты могут сколь угодно ею обольщаться, но для нас, марксистов, не скользящих по поверхности явлений, она просто не существует. Можно ли, однако, на столь эфемерной базе *субъективных* оценок и, стало быть, мнимых различий строить научные определения? А между тем, если отбросить из определений учебника этот эфемерный признак внешней видимости, то исчезнет всякий критерий различий между объектами статистики и учета, и оба понятия превратятся в синонимы.

Заслуживает внимания еще одно определение статистики из арсенала наших авторов. По этому определению «статистика изучает *стихийно-случайные*, т. е. стохастические процессы». А последний мудреный термин определяется, в свою очередь, так: «Стохастическим, или стихийно-случайным, процессом называется массовый поток случайных событий, внешне независимых и в то же время внутренне связанных». Напомним, что «*внутренняя* связь» изучаемых событий отнюдь не предполагает какой-либо функциональной между ними зависимости, а по общему правилу отражает лишь известную их качественную однородность, а «внешняя независимость» и вообще ничего *реального* собой не отражает. Тем не менее ссылка на стихийно-случайные процессы как предмет статистики делает правдоподобным следующий вывод авторов: «Таким образом, в противоположность капиталистическому хозяйству с его *стихийным* характером, социалистическое хозяйство, как хозяйство *плановое*, не представляющее собой совокупности независимых элементов, является объектом *не статистики, а учета*» [1].

О том, что социалистическое хозяйство является объектом учета, никто не спорит. Но понятие учета само по себе не исключает статистики. А вот план, поскольку он исключил из социалистического хозяйства стихийные факторы, вместе с тем, казалось бы, должен исключить из него и применение статистики, изучающей закономерности стихийных процессов. Базируясь на законе больших чисел, статистика действительно применима везде, где случайность под влиянием *стихийных* факторов складывается в закономерности. Однако опыт нас учит, что в плановом хозяйстве, где на место *слепых* стихий вступают в действие уже *осознанные* экономические закономерности, одни из плановых заданий перевыполняются, другие недовыполняются. Значит, и здесь на долю случая и закона больших чисел в этих *отклонениях* от плана остается еще немало места. Стихийными силами мы обычно называем слепые силы природы. И только по аналогии с ними мы говорим о слепо действующей рыночной стихии в общественном хозяйстве и о всех социально-экономических закономерностях капиталистического уклада, обусловленных *стихийным* проявлением закона стоимости. В социалистическом обществе, где регулятором социальных отношений становится уже план, т. е. сознательная человеческая воля, отпало автоматическое действие стихии капиталистического рынка. Но не более того. Не следует забывать, что понятие хозяйства обнимает собой не только общественные отношения людей между собой, но и производственные отношения общества к природе. Таким образом, исключив из сферы хозяйства общественную рыночную стихию, мы отнюдь еще не исключили из нее воздействия всех стихийных сил *природы*. А поскольку из сферы социалистического планового хозяйства отнюдь не исключено действие такого рода стихийных факторов, всегда заключающих в себе «элементы неизвестного», оно не сможет отказаться и от статистики для изучения этих элементов.

---

[1] «Статистика», стр. 36.

3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Когда нам говорят, что в области социалистического *хозяйства* нет места для статистики, то на это легче всего было бы возразить, что и за пределами хозяйства остается еще широчайшее поле приложения для методов этой науки в области всего многообразия природы от внутриатомной механики до астрономических астральных конфигураций, отнюдь не подверженных, кстати сказать, действию ни плана, ни рыночной стихии. Однако по *предмету* своего изучения ни механика, ни астрономия не относятся нами к разряду наук статистических. Но нас ни в какой мере не удовлетворяет и та концепция, по которой статистика как общественная наука, не совсем отмирая и в социалистическом хозяйстве, обречена все же влачить в нем все более жалкое существование.

Вот почему, не соглашаясь в корне с этой концепцией, мы хотели бы противопоставить ей другую, диаметрально противоположную. Не только статистика вообще, но именно *хозяйственная* статистика, в частности, и даже в особенности только теперь, после социальной революции и только в *плановом* хозяйстве, получает впервые огромное, почти необъятное поле для своего плодотворного развития и расцвета.

Социальные отношения в бесклассовом коммунистическом обществе, конечно, будут настолько прозрачны, что никаких особо сложных проблем для статистической науки не представят. Кстати сказать, немного ими занималась статистика и в капиталистических условиях. Некоторые статистики, имея в виду именно эти условия, категорически утверждают, что «экономические законы общества невозможно открыть *статистическим* путем» [1]. Но если бы даже это было не так, помимо возможности для этой цели нужна еще охота. Буржуазные статистики много сделали для демографии и страховой статистики, кое-что для индексов динамики цен, но отнюдь не проявили особого пыла к анализу тех социальных антагонизмов, которыми столь богата капиталистическая экономика. Социальные закономерности этого уклада были выявлены, как известно, школой Маркса путем абстрактного экономического анализа, а не статистических группировок. И хотя В. И. Ленину и другим марксистам приходилось не раз прибегать к острому статистическому анализу, но чаще всего это делалось ими лишь попутно, для иллюстрации, или — в критических целях — ради разоблачения апологетических фокус-покусов народнической и ревизионистской мелкобуржуазной статистики. И это понятно. Они предпочитали для анализа *социальных* отношений и *классовых* антагонизмов оружие экономической абстракции, ибо для этой цели оно действительно было пригоднее статистической обработки соответствующего эмпирического материала.

Однако *социальные* отношения классов не исчерпывают собой содержания общественного хозяйства и экономики. И в бесклассовом обществе ведется свое плановое *хозяйство*, имеется своя *экономика*. В нее входят проблемы общественного производства, распределения и потребления. Правда, с отпадением классовой борьбы, а стало быть, и всей остроты производственных отношений людей между собой в бесклассовом обществе на первый план в производстве выступают проблемы овладения техникой или, говоря шире, проблема борьбы человека с *природой* за возможно полное использование ее стихийных сил и ресурсов. Иными словами, новая экономика на место разрешенных уже в основном *социально-экономических* проблем выдвигает вперед другие, ныне особенно настоятельные хозяйственные проблемы.

Возьмем хотя бы огромную проблему рационального размещения производительных сил в стране или такие не меньшие, как проблема перма-

---

[1] «Статистика», стр. 15.

нентного повышения производительности труда, сокращения удельных затрат сырья и топлива, использования отходов и отбросов и общего снижения издержек производства. Все эти хозяйственные проблемы, стоявшие и раньше перед каждым отдельным предпринимателем, перекрывались и ограничивались, однако, верховным для капиталистического общества критерием *рентабельности* в данных условиях *рыночного сбыта*. Необеспеченность рентабельного сбыта убивала в этом отношении всякую предприимчивость. Но, если даже *хозяева* капиталистических предприятий интересуются указанными задачами с большой оглядкой, то *рабочие* еще меньше заинтересованы в их разрешении, поскольку плоды всякого успеха в этом деле здесь обычно полностью достаются другим, а самим рабочим остается лишь, как в сказке, недоумевать: по усам, дескать, текло, а в рот не попало. Иное дело у нас. В *общественном* хозяйстве высокая производительность труда, сберегающая человеческие силы, уже сама по себе представляет высший критерий успешности хозяйственных устремлений. Здесь *все* производители одинаково и притом кровно заинтересованы в этом успехе. И потому здесь впервые в истории человечества вышеуказанные хозяйственные задачи встают перед нами во весь свой гигантский рост.

Считаться со стихией рынка нам *уже теперь* не особенно приходится. И совсем не случайно у нас за последние годы так захирели всякие *индексы цен* при все более широком использовании *индексов производительности труда*. Все текущие хозяйственные задачи ставятся у нас и решаются в *плановом* порядке. Но если рыночная стихия за нас в этом деле уже ничего не решает, то тем важнее нам для обоснования наших плановых построений располагать достаточно полным и точным *учетом* как собственных трудовых ресурсов, так и тех материальных масс и стихийных сил природы, которые мы приводим в движение и взаимодействие в процессе нашей хозяйственной деятельности.

В пределах отдельных цехов и предприятий при этом все хозяйственные задачи экономически достаточно просты и ясны и обычно решаются без особых статистических изысканий силами одних инженеров, бухгалтеров и калькуляторов, использующих для этого в случае нужды лишь действующие нормативы, и наличные итоги *первичного* учета и отчетности.

В связях между каждым действием и его результатами в производстве здесь чаще всего господствует весьма элементарная механическая причинность. Закон больших чисел еще не находит себе здесь достаточного приложения. И потому первичный технический учет и бухгалтерская денежная отчетность здесь явно преобладают над статистикой. Но когда мы от управления отдельным предприятием поднимаемся к задачам плановой организации и руководства целыми отраслями хозяйства или всем народным хозяйством в целом, то дело сильно осложняется. От весьма конкретных *технических* трудностей непосредственного управления данной хозяйственной единицей мы восходим к гораздо более общим *экономическим* задачам *межхозяйственной* балансовой увязки общественного производства, распределения, потребления и накопления в масштабах всей страны. Для соответствующих плановых расчетов вместо конкретных технических нормативов, различных для каждого цеха, здесь требуются уже гораздо более обобщенные и укрупненные *технико-экономические измерители*, годные для целых отраслей хозяйства.

Такие укрупненные измерители определенных хозяйственных соотношений или пропорций, закономерно вытекающих из *условий производства* в данных социальных условиях и на данном этапе овладения человечеством силами природы, конечно, весьма изменчивы. Из года в год мы заметно их улучшаем в меру наших успехов в области подъема производительных сил страны. Но при этом — в масштабе народного хозяйства всей страны — здесь вступает во взаимодействие столько скрещивающихся

общественных и естественных факторов их изменчивости, что общий результат этого многообразия воздействий может быть получен и проанализирован лишь в порядке *статистической* обработки текущих данных хозяйственного учета.

Это крайне многообразное сплетение внутренних сил развития общественного хозяйства с внешними на него воздействиями ограничивает в известной мере и действие самого плана. Даже располагая *полным* учетом *основных* общественных и естественных факторов хозяйственного развития при построении своих планов, мы никогда не сможем гарантировать стопроцентного их выполнения *повсеместно и во всех деталях.* Всегда останется еще достаточно *неучтенных* второстепенных факторов и местных особенностей, которые определят собой те или иные «случайные» отклонения от плана. Недостаточный учет *основных* действующих в нашем хозяйстве сил и факторов лишил бы, конечно, наши планы *всякой* реальности. Именно поэтому нам столь необходимо учитывать те основные отчетные *измерители* хозяйственных пропорций за прошлые годы, отправляясь от которых мы проектируем в своих планах достаточно реально соответствующие хозяйственные *задания* на следующий год.

Было бы очень наивно думать, что освобождение от воздействий рыночной стихии на хозяйственную сферу позволит нам уже совершенно произвольно осуществлять в ней свою плановую волю, не считаясь ни с какими иными силами и воздействиями. Правда, социальная революция открывает перед нами новую эру. Мы делаем здесь огромный скачок из царства необходимости в царство свободы. Но это царство свободы, по Марксу, в действительности начнется лишь «по ту сторону сферы собственно *материального производства*». Хозяйственная сфера деятельности человека «при всех возможных способах производства» строго ограничивается силами и законами природы. «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ними; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости» [1]. Вот почему социалистическое хозяйство, даже полностью преодолев стихию рынка, не может, конечно, строить свои планы на песке — в полном отрыве от фактических условий производства и определяющих его весьма многообразных общественных и технико-экономических измерителей, т. е. измерителей в первую очередь всех хозяйственных цепных связей, а в последнем счете и естественных закономерностей. Таким образом, без хозяйственного учета на всех его ступенях — от первичной регистрации до бухгалтерских сводок и статистической обработки учетных данных — нельзя себе и мыслить плодотворной плановой деятельности. Недаром же В. И. Ленин учил нас, что социализм — это прежде всего учет, и так горячо ратовал за *всенародный* учет и контроль нашего хозяйства. Это устраняет всякие кривотолки.

Кстати сказать, В. И. Ленин уже в 1918 г. писал о статистике: «Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения „казенных людей“ или узких специалистов,— мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать,— чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса...» [2]. Итак, В. И. Ленин, говоря именно о статистике, а не о чем-либо ином, требовал внедрения ее

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 833.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 231—232.

в наше советское хозяйство и популяризации среди трудящихся масс. И вот в ответ на это задание у нас кое-кто стал «популяризовать» статистику как зловредное порождение капитализма, к нашему благополучию в советском хозяйстве отнюдь не применимое.

Плановое хозяйство более чем какое-либо иное нуждается в развернутой хозяйственной статистике. В капиталистических хозяйствах нет ни стимулов, ни условий для ее развития. В пределах отдельных предприятий ей было бы слишком тесно и душно, а в широких рамках межхозяйственных отношений для плановых задач она вовсе не требуется, да и для других целей едва терпима — и то в минимальных дозах конъюнктурных показателей состояния рынка и общих итогов числа предприятий, рабочих и суммы продукции. Всякое более углубленное изучение хозяйственных отношений, которое могло бы задеть священные покровы «коммерческой тайны» или вообще превратить статистику в орудие всенародного контроля капиталистических мистерий, было бы здесь просто нестерпимо. Совсем другое дело в плановом хозяйстве. Оно повелительно требует использования хозяйственной статистики. И не только в стадии составления планов, но и в стадии проверки их исполнения; и не только в примитивном виде первичных итогов выполнения плана по всем его участкам — без всякой дальнейшей аналитической сводки этих итогов и обработки для научных обобщений.

Такой учет не смог бы удовлетворить последователей *научного* социализма. Нам мало знать, где и в каком проценте выполняются наши планы на разных микроучастках нашего широкого хозяйственного фронта. Нам необходимо представлять себе ясно, не теряясь в деталях, и общую картину выполнения плана по всему фронту. Чтобы не двигаться вперед вслепую, мы должны выявлять при этом не только масштабы, но и движущие причины или главнейших виновников основных *отклонений* от плана. Мы должны каждый раз исследовать, в какой мере случайны или закономерны отдельные отклонения, где находятся наиболее узкие места плана и за какое звено следует в первую очередь ухватиться, чтобы снова надежно продвинуть вперед в плановом порядке всю многозвенную цепь хозяйственных отношений и достижений. Говоря иначе, перед нами практически неисчерпаемое поле для экономического анализа и ценнейших статистических исследований.

Такие задачи предъявляют очень большие требования к советской статистике. И надо прямо сказать, что мы отнюдь еще не удовлетворяем их.

Правда, уже теперь наш хозяйственный учет опередил в целом ряде отношений те довольно скромные достижения в этой области, какие мы находим в капиталистическом обиходе. В общественном хозяйстве мы давно уже привыкли предъявлять к хозяйственному учету такие требования, какие оказались бы совершенно неприемлемыми с точки зрения индивидуалистических интересов частнохозяйственного оборота. Так, вся продукция нашей социалистической промышленности давно уже регулярно учитывается во всех предприятиях в двойной оценке в тех текущих отпускных ценах, в которых она на деле реализуется, и в совершенно условных неизменных ценах за ряд лет. Можно ли было бы чем-либо оправдать такой *повторный* учет продукции в условных ценах в каждом отдельном частнокапиталистическом предприятии? Конечно, нет. Капиталисты выпускают свою продукцию не для собственного потребления, а для продажи, и поэтому их интересует только рыночная оценка этой продукции. А в наших условиях общественного хозяйства, где каждый продукт должен служить прежде всего целям общественного потребления, неизменные цены, призванные отражать собой объемный рост продукции именно в этом потребительном ее значении, уже ныне выполняют в нашем хозяйственном учете более важную общественную роль, чем колеблющиеся реализационные расценки. Это видно хотя бы из того, что даже *планируется*

советская продукция *в натуре и неизменных* ценах. Соответственно этому и выполнение плана учитывается в тех же ценах. Они же используются для исчисления динамики производительности труда и других решающих измерителей успешности нашего социалистического хозяйства.

Условиями нашего хозяйства диктуется целый ряд и других учетных статистических операций, не осуществимых в частнокапиталистических условиях производства. Возьмем хотя бы такие грандиозные операции, как сплошные переоценки, начиная с 1925 г., и переинвентаризация производственных фондов промышленности, транспорта и других отраслей нашего хозяйства по всей стране или как статистическая перепись всего оборудования в СССР. Можно назвать и целый ряд других пионерных работ в области хозяйственной статистики СССР, не имеющих себе прецедентов в капиталистических странах. Назовем хотя бы такие темы, как о факторах квалификации труда, о влиянии фактора образования на производительность труда, о бюджете времени рабочего и крестьянина, о социальном расслоении деревни, о тяжести обложения различных социальных слоев нашего города и деревни и целую серию балансовых работ последних лет как в области специальных материальных балансов разного рода и балансов труда, так и опытных разработок в области более синтетических построений народнохозяйственного баланса СССР. Все эти работы непосредственно вытекают из потребностей планирования. В капиталистической экономике для них не находилось ни стимулов, ни возможностей. Вот почему они и не производились там никогда.

Уже теперь мы располагаем широко разработанной системой *плановых* показателей, создавших повелительную необходимость в неменьшем составе *статистических* измерителей выполнения плана по всем его показателям. Эти показатели можно подразделить на количественные, качественные и структурные. Наиболее элементарные из них *количественные* показатели определяют только объем того или иного задания, взятого вне связи с другими заданиями плана. Так, по заданию плана 1935 г. мы должны были выплавить за год 12,5 млн. т чугуна, что соответствует 34,2 тыс. т в сутки. Ежедневный подсчет выплавки чугуна по всем домнам страны дает нам в едином итоге весьма четкий отчетный измеритель выполнения данного задания.

Качественные показатели всегда отражают в себе уже некоторые связные *отношения величин.* Показатель производительности труда, например, отражает собой отношение количества произведенного продукта к отработанному времени, показатель успешности работы мартенов равен отношению суточной их выплавки в тоннах к суммарной площади их пода в квадратных метрах, показатель коммерческой скорости движения выражается отношением сделанных поездо-километров к числу поездо-часов, проведенных в движении и на остановках, и т. д. Еще сложнее подчас выражаются плановые показатели задаваемых *структурных* сдвигов в хозяйственных пропорциях. Сюда относятся, например, коэффициенты обобществления, учитывающие смещение соотношений социальных *секторов:* частнохозяйственного, кооперативного и социалистического, показатели *отраслевых сдвигов* как мерило индустриализации страны и смещения *производственных пропорций* между тяжелой и легкой промышленностью или так называемыми группами «А» и «Б» со всеми их подразделениями, показатели *территориальных сдвигов* в размещении производительных сил страны, показатели структурных смещений в народном доходе с его подразделениями на фонды потребления и накопления, смещения в составе издержек производства и обращения и т. д. Такие сложные показатели плана и их статистические измерители выражаются подчас уже целыми совокупностями цифр, организованными в табличные их коллективы.

Для получения и оформления их и ныне производится большая статистическая работа. К сожалению, до сих пор она развивалась главным

образом по линии *количественного* объема работы в ущерб ее *качеству*. В огромном большинстве случаев эта работа заканчивается в стадии весьма элементарной сводки требующихся итогов выполнения плана по тому или иному показателю. За немногими исключениями никаких углубленных *группировок* отчетного материала для анализа скрытых в нем закономерностей и важнейших факторов наблюдаемых явлений наша хозяйственная статистика обычно не дает. Еще реже можно встретить в ней приемы математической обработки статистических рядов для установления характера и тесноты выявляющихся *взаимозависимостей*.

Довольствуясь общими итогами выполнения плана по целым производствам и даже группам производств, наши ведомства еще и не пытаются даже расчленять все подчиненные им предприятия на целый *ряд групп*, хотя бы, скажем, по возрастающему проценту выполнения общего объема заданий с тем, чтобы посмотреть, в каком соотношении в каждой из этих групп окажутся *количественные* измерители выполнения плана с *качественными* и за счет каких именно причин или условий одни из них перевыполняют план, в то время, как другие его недовыполняют. А между тем нет никаких сомнений, что такого рода группировки своими результатами оказали бы очень существенную помощь нашим плановым органам. Не лучше обстоит у нас дело и в области практического применения математических методов статистической обработки. У нас имеется целая плеяда выдающихся статистиков, прекрасно владеющих этими методами. Но многие из них либо вовсе не находят себе места в хозяйственной статистике, либо еще крайне недостаточно в ней используются.

В области *теории* советской статистики мы тоже, к сожалению, располагаем пока гораздо более широкими возможностями, чем фактическими достижениями. И это не случайно. Статистика еще не получила у нас достаточного общественного признания. Ею уже очень широко пользуются, но отнюдь еще не оценивают по достоинству ее научного значения. Недаром нам приходится отстаивать здесь самое право на существование и развитие статистики в советских условиях. У нас нередко замечается даже явное перепроизводство учетной цифири, но, при всех излишествах в учете, реального спроса на *научную* статистическую обработку учетного сырья у нас еще не чувствуется.

Наши издательства выпускают немало цифрового балласта, но, скажем, очень ценную книжку по *теории* статистических группировок выпустить не решаются. Наши плановики находят бумагу для изрядных количеств издаваемой периодически литературной халтуры и макулатуры, но на издание хотя бы одного на весь СССР журнала, посвященного проблемам *социалистического учета*, у них бумаги нет как нет [1]. Спрашивается, где же нам обсуждать эти проблемы и продвигать вперед свою науку?

Мы, однако, ничуть не смущаемся этими временными препятствиями. Статистика в наших условиях и может и должна завоевать себе должное общественное признание. За это нужно, конечно, бороться. Если ведомственный учет, поглощенный текущими злобами дня, не успевает еще подняться до научной разработки своих измерителей, то этим должны заняться статистики-исследователи и на опыте доказать всем скептикам практическую ценность такой работы в плановом хозяйстве. Если кое-кто еще пытается трактовать советскую статистику как изживающую себя в новых условиях буржуазную дисциплину, то мы должны рассеять это зловредное заблуждение. Владея строго диалектическим методом и таким предметом, как *плановое хозяйство*, советская хозяйственная статистика приобретает ныне принципиально иное значение, чем в буржуазном обществе. Буржуазная практика, согласно американской пословице, знает

[1] В последние годы ЦСУ возобновило издание «Вестника статистики», и мы это с удовольствием приветствуем.

три степени лжи: простую ложь, более тонкий обман и статистику. Но если на службе буржуазии хозяйственная статистика действительно нередко превращается в орудие тончайшего всенародного обмана, то в бесклассовом обществе она призвана стать орудием всенародного *контроля* планового хозяйства. И в этой роли, вопреки всем прогнозам статистических Кассандр, ей предстоит у нас, конечно, отнюдь не гибель или резкая деградация и жалкое прозябание, а мощный расцвет и широчайшее общественное признание.

4. О «СТАТИСТИЧЕСКИХ» ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ[1]

Буржуазная статистика, как известно, подкрепляет своим авторитетом даже такие порочные биологические теории, как реакционный менделизм формальных генетиков. И в СССР в качестве отголосков этих зарубежных влияний раздаются иной раз голоса, что пресловутая формула расщепления наследственных признаков $a + b$, по Менделю, на $3\ a + b$ *статистически* вполне обоснована. Но уже биолог Тимирязев отметил порочность этой формулы даже в свете элементарной математики, приводящей нас в комбинировании двух признаков при их наследовании к совсем иной, *трехчленной* формуле их расчленения на $a + 2ab + b$.

Пороки буржуазной науки наших дней вытекают, однако, прежде всего из наиболее общих философских предпосылок мировоззрения упадочной буржуазии, ищущей своего спасения в борьбе с предельно ясной идеологией марксизма-ленинизма в безбрежных туманах агностицизма и идеалистической мистики. Той же задаче призвана, в частности, служить на посылках у буржуазии и питаемая ею статистика уже в своих философских основах. Поэтому в борьбе с буржуазной статистикой нам прежде всего следует обратиться к анализу этих ее основ в трактовке статистики как метода познания и так называемых «статистических» закономерностей.

Выражение «*статистические*» закономерности можно трактовать по-разному. Можно различать известные нам закономерности по целому ряду признаков, например, *незыблемые* законы природы от преходящих общественно-исторических закономерностей, закономерности, *не терпящие* никаких отклонений ни в одной из частных случаев в сфере их применения, от закономерностей заранее *предполагающих* такие отклонения в отдельных случаях, вступая в полную силу своего действия лишь в качестве *средней* или *равнодействующей* силы по всей совокупности явлений данной их сферы. Нет ничего одиозного в различении закономерностей разного рода и по методу их выявления или иным формальным признакам. Закономерности, выявляемые статистическими методами, несомненно существенно отличаются от законов, устанавливаемых путем абстрактно-математической дедукции или физического эксперимента. Однако какими бы методами ни выявлялись те или иные закономерности, все они, утверждая в качестве основной своей предпосылки всеобщий закон причинности, являются обобщениями одной и той же логической природы.

Вытекая всегда из человеческого опыта даже в том случае, когда этот опыт сформулирован наукой в качестве «самоочевидных» аксиом и постулатов, такие обобщения путем определенной логической обработки этого опыта, отделяя в нем наиболее общее от всего частного и таким образом преодолевая все «случайное», выявляют для данного круга явлений известную норму или закон. Все такие обобщения, сколь угодно различаясь по степени своей общности, полноте, точности и достоверности, могут, однако, быть расположены в *непрерывный* ряд все возрастающей сте-

---

[1] «Вопросы статистического измерения связей между явлениями. (Корреляционный анализ)». М., Госпланиздат, 1950, стр. 6—17.

пени их приближения к познанию полной и достоверной истины. И в этом мы усматриваем их диалектическое *единство*.

Совершенно иначе, в духе принципиально непримиримого *дуализма*, различает «статистические» закономерности в полном отрыве от естественно-исторических буржуазная наука. Этот *метафизический* дуализм чреват весьма серьезными для нашей науки последствиями и поэтому, на наш взгляд, заслуживает специального рассмотрения.

Статистическая наука исторически возникла как наука социально-экономическая. И это не случайно. Предметом этой науки можно признать *многообразие* общественных явлений в достаточно обособленных их коллективах или совокупностях, а основным ее методом — *массовое наблюдение* таких явлений и *качественное их расчленение в группировках* по типологическим признакам уже потому, что не найдется другой области, в которой этот метод оказался бы в большем *соответствии* с предметом своего применения, чем в области наиболее сложных и качественно-дифференцированных *общественно-производственных* отношений. Поэтому *специфической* областью применения статистики как науки не только исторически, но и логически мы с наибольшим правом должны признать именно эти *общественно-производственные* отношения, а основной ее задачей исследование присущими ей методами *социально-экономических* закономерностей. У нас нередко такой социально-экономической по самой своей природе науке, как статистика, противополагают в качестве особой и даже первенствующей над ней дисциплины так называемую математическую статистику. Конечно, в статистике, как и во многих других науках, совершенно необходимо все шире пользоваться всеми средствами и методами математики и счетно-вычислительной техники. Но изложение и обоснование этих методов составляет, в сущности, предмет математики, а не статистики. И если статистику полезно знать математику, то еще важнее для него знание политической экономии и других родственных ей дисциплин. И уже поэтому переоценивать особую роль математики для статистической науки нет оснований. Математический инструментарий — не самоцель, а лишь одно из средств в руках статистика.

Однако, различая *предмет* этой общественной науки и ее специальные задачи от присущих ей *методов*, нужно признать, что *применение* статистических *методов* далеко выходит за пределы экономики.

Сфера применения их — это весь необъятный мир конкретных многообразий. К изучению этого мира можно подходить двояко, либо разлагая его на единичные обособленные друг от друга элементы, либо, наоборот, *собирая* их в более или менее однотипные *массовые* совокупности и связные коллективы явлений. Первый метод свойствен всем естественным наукам, второй — составляет специфическое достояние статистики. И это понятно. *Многообразие* явлений, изучаемое статистикой, открывается только при массовом их наблюдении в больших коллективах. В единичных явлениях, изучаемых индивидуально, мудрено было бы исследовать их многообразие.

Каждому из этих подходов свойствен и особый тип закономерности. В мире единичных явлений, изучаемых в розницу, каждое действие рассматривается как вполне определенное звено в однозначной причинной цепи, которому предшествует вполне достаточное его основание или причина, и за которым следует всегда один и тот же, вполне соразмерный его действию результат. В этом мире все прочно детерминировано и обусловлено, установленные для него естественные закономерности принципиально не допускают никаких отклонений или исключений. В мире значительно более сложных *совокупностей* явлений, изучаемых *оптом*, в больших коллективах, открываемые статистическими методами закономерности носят иной характер. Вместо твердых причинозависимостей здесь обычно довольствуются установлением гораздо более рыхлых коррелятивных

связей, допускающих в отдельных случаях далеко идущие отклонения и выявляющих всю полноту своего действия лишь в значительных *массах* явлений, подчиненных действию закона больших чисел.

Область статистических закономерностей в отличие от сферы устойчивых причинозависимостей естествознания, таким образом, представляет собой как будто только некое *поле борьбы случайности с необходимостью*, где вторая тем сильнее ограничивает первую, чем шире становится круг нашего наблюдения. Возьмем для примера хотя бы известный закон, формулированный Марксом, по которому рождаемость и смертность в рабочей среде изменяется *обратно пропорционально уровню заработной платы* рабочих. Его отнюдь нельзя отнести к непреложным законам природы. В отдельных рабочих семьях от него можно найти сколько угодно разительных отступлений. Но чем шире будет рабочий коллектив, который мы возьмем под свое наблюдение, тем убедительнее выявится правильность приведенного закона на определенном этапе исторического развития.

В буржуазной науке два вышеуказанных типа закономерности — естественноисторической и статистической — за последнее время все чаще рассматриваются как принципиально гетерогенные, т. е. совершенно чужеродные. Успехи внутриатомной физики, заставившие отвергнуть в этой области законы ньютоновской механики и заменить их идеями квантовой механики, целиком построенной в духе «*статистических* закономерностей», ставят вопрос о том, не терпит ли здесь ущерба вместе с некоторыми началами механической причинности и сам *всеобщий закон причинности*, на котором до сих пор зиждилась вся наука. И буржуазная наука склонна решать этот вопрос весьма пессимистически. В лице более осторожных ее представителей она ставит под сомнение применимость всеобщего закона причинности лишь в отношении таких микрокосмов, как атомы, или точнее внутриатомный мир явлений. Но и в этом случае закон причинности потерял бы свою *всеобщность*. Другие, более решительные агностики-идеалисты идут в своем скептизме гораздо дальше. «Согласно более широкому взгляду на мир,— утверждает, например, Пирсон в своей «Грамматике науки»,— *все* явления носят коррелятивный, а не причинно обусловленный характер» [1].

Буржуазная наука тем охотнее готова отказаться от признания жестких законов причинной обусловленности всех явлений, что эти законы в своих исторических выводах предвещают уже близкий конец господства буржуазии. И чем ближе и реальнее для нее становится это «мементо мори» — в лице нового неудержимо растущего социалистического уклада и крепнущей социалистической идеологии, тем охотнее идеологи буржуазии пытаются ускользнуть от этой опасности под завесой индетерминизма и агностицизма в болото идеалистической метафизики и религиозной мистики. Можно бы подумать, что эти идеологи, погружаясь с головой в такое болото перед лицом опасности, следуют лишь наивной тактике страусов, зарывающих свои головы в песок в подобных же случаях. Но идеологи загнивающего империализма не столь наивны, поскольку своей проповедью мракобесия норовят увлечь за собой и своих потенциальных могильщиков в то же болото. И с этим приходится бороться.

В печати мы то и дело встречаем такие высказывания серьезнейших представителей буржуазной науки. Английский известный физик Джинс, например, со всей категоричностью заверяет свою аудиторию в своей книге «Таинственная вселенная», что «в событиях, где участвуют атомы и электроны, *нет детерминизма*». «Будущее,— по его словам,— не может быть неизменно детерминировано прошлым, хотя бы частично *оно зависит от богов*, кем бы они ни были». В недавно вышедшей в свет «Истории

---

[1] K. Pearson. The Grammar of Science, 1911, I, p. 174, 177.

науки» англичанина Дэмпиера читаем, что современная наука будто бы доказывает «*окончательную невозможность* точного знания, *фундаментальную неопределенность*, за которую нам не дано выйти» без помощи религии. Американский биохимик Александер в последней своей книге «Жизнь, ее природа и происхождение» пишет: «Расширяя фронт нашего знания, мы соответственно расширяем фронт нашего поведения, все более приходя таким образом в контакт с тем *неведомым и непознаваемым*, что Роберт Ингерсол называет богом». И эту поповщину проповедуют не попы, а патентованные «ученые». Ею заполнены столбцы Британской и Американской энциклопедий.

Конечно, утверждая, с одной стороны, бытие «непознаваемого» бога и наделяя даже электроны «свободой воли», а с другой стороны, удостоверяя, что все в этом мире случайно и *недостоверно*, такие «ученые» и сами заведомо не могут *удостоверить* свои утверждения. Однако, отвергая начисто всеобщий закон причинности, современные индетерминисты для ориентировки в хаосе созданного их воображением мира случайностей не прочь опереться на статистику, которая, дескать, за отсутствием *достоверного* знания призвана дать хотя бы известный *суррогат* его, определяя *меру вероятности* наших утверждений об этом мире. Но это в корне порочная постановка вопроса.

В мире, не признающем закона всеобщей причинной связи всех явлений, в сущности говоря, невозможна была бы никакая наука, в том числе и статистическая. Ведь в основе всех наших конкретных знаний лежит обобщение опыта, а в основе возможности научного предвидения — подтвержденная всем человеческим опытом предпосылка о том, что если между двумя явлениями А и Б установлена однажды причинная связь, то и всякий другой раз за явлением А *неизбежно* в тех же условиях последует Б. А это и есть предпосылка о действии в мире закона всеобщей причинности. Без этой предпосылки нельзя себе мыслить не только никакой науки, но и вообще никакой человеческой деятельности. Человек не смог бы ступить и трех шагов вперед без твердой уверенности на основе прежнего опыта, что каждый из этих шагов приблизит его к цели, а не повлечет по произволу непознаваемых «богов», по капризу сорвавшихся с цепи электронов или иному «случаю» — в сторону, вниз или вверх. И так называемые индетерминисты не хуже других пользуются законом причинности во всех своих практических действиях. Отвергать этот закон, наделяя «свободой воли» электроны и тем самым *принципиально* противополагая *случайное* понятию *причинно обусловленного*, могут поэтому даже самые крайние индетерминисты только в теории, выходящей *за пределы опыта*. Но это уже чистая метафизика.

«Случайное» в нашем мире столь же закономерно обусловлено и детерминировано, как и «необходимое», хотя мы и не можем предвидеть и предсказать его в каждом *отдельном* случае. Однако безошибочно определяя *меру* вероятности проявлений случайности в той или иной совокупности явлений, мы уже тем самым утверждаем незыблемую *закономерность* этих проявлений. Таким образом, сама случайность — это лишь *особая форма проявления* закономерности или, говоря иначе, любое «случайное» отклонение от того, что мы принимаем за норму, следует рассматривать как частный результат всеобщего закона причинности в условиях, где одновременно действует целая совокупность *скрытых от нас причин* в той или иной их комбинации. А различная вероятность таких отклонений определяется именно этой комбинацией действующих причин, которые, по словам Я. Бернулли, «вводят нас в обман бесконечной сложностью и многообразием их *совместного* действия»[1].

---

[1] J. Bernoulli. Wahrscheinlichkeitsrechnung. (Ars conjectandi, 1713). Ostwalds. Klassiker. Bd. 107, S. 77; Bd. 108, S. 89.

Ничто не заставляет нас, однако, поддаваться этому обману. В отличие от естественноисторической закономерности, не допускающей исключений, статистическая закономерность коррелятивных связей не только допускает возможность таких «исключений» в виде бо́льших или меньших отклонений от нормы и соответствующих погрешностей, но даже *предполагает* их, заранее определяя *меру* вероятности таких отклонений и *пределы* возможных при этом погрешностей. Это ограничивает, однако, лишь пределы *познанного*, не ставя никаких границ *познаваемому*. Было бы вместе с тем большой ошибкой рассматривать закономерности, выявляемые статистическим методом, как неполноценные знания «второго сорта» или даже как обманчивый «суррогат» достоверных познаний. Они никого не обманывают уже потому, что в каждом отдельном случае дают вполне определенную меру своей достоверности.

Статистический метод познания при этом следует расценивать лишь как одну из *разновидностей* общего всем наукам метода познания, применяемого в особой области — *массового* наблюдения многообразных явлений, рассматриваемых в больших и многосложных их совокупностях. Однако область этого рода явлений чрезвычайно широка и с углублением наших знаний все расширяется. Вот почему статистический метод открывает перед нами, в сущности, самый широкий, а в известной сфере и единственно доступный нам путь к познанию мира во всех его проявлениях посредством *последовательных приближений* к все более полной и достоверной о нем истине. На этой *большой дороге к полному знанию* вполне «достоверное» появляется, к сожалению, лишь в качестве предельного частного случая «вероятного». Методами других наук достоверное знание обретается, по общему правилу, много легче, поскольку они имеют дело *с простейшими* случаями однозначной причинной связи явлений, изолированной от всех других сторонних на нее воздействий. Но возможности такой изоляции весьма ограничены даже в макромире вполне нам доступных и легко расчленимых единичных объектов. Гораздо более общим правилом во всех областях наблюдения, менее доступных специальному эксперименту, является, однако, невозможность такой изоляции изучаемой причинной связи от многообразных воздействий на нее так называемой среды, т. е. всей совокупности объемлемых ею объектов. И тогда объектом изучения становится уже вся эта совокупность во всем ее многообразии, в отношении которой применимы уже только статистические методы *массового* наблюдения. А ими раскрываются лишь статистические, коррелятивные связи и закономерности.

В элементарной причинной цепи *единичных* явлений, внутренняя функциональная связь которых легче всего нащупывается, не может быть речи о «случайности». Случайность — понятие относительное. Никакое событие само по себе не может быть *случайным* в том смысле, что оно возникает *беспричинно*. Случайным может быть любое событие только *по отношению к другим*, с которыми оно не связано *непосредственно* взаимной причинозависимостью, когда посредствующие между ними звенья теряются в многосложном сплетении причин и действий. Случайность к тому же имеет меру своей вероятности. Чем больше отдаленной и слабой представляется возможная причинная связь между двумя наблюдаемыми явлениями и, стало быть, чем более *неожиданным и редким* становится близкое их соседство во времени и пространстве, тем более «случайной» или, иными словами, *менее вероятной* признаем мы данную их комбинацию. Наиболее естественным местом наблюдения таких случайных сочетаний являются, конечно, те коллективы массовых явлений, с которыми имеет дело статистика. Возможное число сочетаний взаимодействия элементов в таких коллективах даже при относительно ограниченном числе охватываемых ими явлений неимоверно велико. В связи с этим выявить всю сумму возникающих здесь функциональных причинных связей между

ними — обычными элементарными приемами индукции — не представляется возможным. И потому, чтобы преодолеть *видимый* хаос «случайности» в таких сложных совокупностях, статистика пользуется своими приемами.

Пользуясь математической аналогией, можно сказать, что причинные связи единичных явлений обычно настолько элементарны, что их легко изобразить простейшей функцией $y = f(x)$ или в виде несложной *системы* определенных уравнений, дающих однозначные и вполне определенные решения. Но на малых участках больших коллективов явлений взаимозависимости их гораздо сложнее. Выражаются они лишь системой неопределенных уравнений. Огромное число «неизвестных» здесь значительно превышает число известных нам связующих их уравнений, и потому мы получаем здесь и неопределенно большое число возможных решений. Говоря иначе, скрещение причинных рядов на этих малых участках больших коллективов как бы представляет все сущее *одновременно* и необходимым, и случайным. Как же выходит из этого затруднения статистика?

Разлагая основным для нее методом группировки все явления изучаемой совокупности в ряды и наблюдая меру рассеяния этих явлений на разных участках полученной таким образом кривой их распределения, статистика разлагает вместе с тем и комбинации *причин*, определяющих собой разные группы явлений, отделяя наиболее эффективные и постоянные из них от наиболее слабых и «случайных» для данного коллектива. Статистика ставит вопрос примерно так: если невозможно дать *исчерпывающий* перечень причин, образовавших данную комбинацию явлений, то задача исследователя уловить хоть наиболее *влиятельные* из них, игнорируя все остальные. А если уже установлено, что изучаемое многообразие является в основном результатом действия таких-то важнейших причин, то следует еще по возможности определить и особую меру действия каждой из них в отдельности. И если эта мера действия при малом числе наблюдений выражается лишь невысокими степенями вероятности и соответствующими частными коэффициентами корреляции, то, *повышая число наблюдений*, статистика должна отсеять по закону больших чисел все *скрещивающиеся* «случайные» влияния, приближаясь таким образом в пределе от низших степеней коррелятивной связи к определению полной функциональной взаимозависимости изучаемых явлений данного коллектива. Такой подход и позволяет нам статистический метод массового наблюдения рассматривать лишь как особую *разновидность* индуктивного метода, специально приспособленную для изучения целых коллективов явлений сложной структуры.

Различая разное проявление всеобщего закона причинности в единичных явлениях и массовых коллективах, мы и в этом противопоставлении индивидуального коллективному не должны забывать его сугубо диалектической относительности. Дело в том, что всякое изученное нами единичное явление, например, любое физическое тело, любой материальный предмет с точки зрения современной науки является в одно и то же время не только четко отграниченной от всех с ней смежных *единицей* наблюдения, *индивидуальным* предметом, но и *коллективом*. Например, наиболее простые физические тела распадаются на сложные коллективы молекул, молекулы — это коллективы атомов, атомы, еще недавно представлявшиеся нам последними неделимыми элементами вещества, распались на сложнейшие коллективы электронов, позитронов и других корпускул, каждая из которых обладает энергией не менее сложных поступательно-вращательных движений. И кто знает, вплотную ли мы уже подошли к пределу возможного разложения материи и распада энергии? Для характеристики же сложности таких коллективов достаточно сказать, что в одном кубическом миллиметре наименее плотного водородного газа при 0° С и 760 *мм* давления содержится $27{,}8 \cdot 10^{15}$ молекул, находящихся

в непрерывном движении, причем каждая молекула на круг в 1 сек. претерпевает $9520 \cdot 10^6$ столкновений с другими молекулами и скорости их движения не равны, а распределяются в громадном диапазоне колебаний и в биномиальном порядке коэффициентов частоты каждой скорости.

В связи с многообразием столь сложных явлений микро- и макромира мы наталкиваемся в их истолковании на ряд, казалось бы, совершенно непримиримых противоречий. Как, например, можно себе представить совмещение таких исключающих друг друга признаков, как непрерывность и прерывность или дискретность одних и тех же явлений? Явлениям света, в частности, долго приписывалась то корпускулярная, то волновая природа. И это было предметом ожесточенных дискуссий в течение целых столетий. Теперь этот спор разрешен так, что за явлениями света признается одновременно и корпускулярная, и волновая — *прерывно-непрерывная* природа. И современная физика, ставя нас перед лицом такого факта, даже не пытается разъяснить как его следует себе реально представить. А между тем при статистическом анализе сложных явлений подобные «противоречия» легко разрешаются. Представим себе, например, такой коллектив, как «общество». Рассматривая всех его членов в отдельности, как *дискретные корпускулы* составляющие данный коллектив, мы одновременно видим, что этот коллектив как целое подчиняется всем законам *непрерывного процесса* общественного развития, совершенно независимо от судеб отдельных его членов. Подобно этому можно рассматривать и любой поток фотонов света. Каждый из них в отдельности — дискретная корпускула, а взятые вместе, как и капли воды в морской волне, они образуют собой в своем поступательно-вращательном движении *непрерывную волну*, подчиняясь всем условиям преломления и дисперсии света по законам колебательного *волнового* движения.

Таким образом, любое сложное явление или процесс и любой коллектив от атома и молекулы до солнечной системы и галактики, представляя собой, с одной стороны, *единство* целого, а с другой — *многообразие* коллектива, укладывается — в зависимости от подхода и задач исследования — в различного типа закономерности. Так, каждое физическое тело, взятое в целом, полностью подчиняется всем законам строгой механической причинности, а взятое в качестве сложной совокупности многообразного молекулярного движения оно уже требует, как показали Максвелл и Больцман, применения к себе теории вероятностей и отвечает всем предпосылкам *статистической* закономерности. Каждый атом, взятый в его целостной индивидуальности и обособленности от других, следует всем требованиям однозначной *естественноисторической* закономерности, а тот же атом в качестве коллектива электронов и позитронов, при изучении *внутриатомной* механики их многообразного движения, целиком попадает в сферу *статистической* закономерности, где изучаемое действие следует за своей предполагаемой причиной не с полной каждый раз достоверностью, а лишь с большей или меньшей вероятностью.

Все те объекты изучения, которые можно рассматривать и в их единстве, и в многообразии составляющих их элементов, заведомо относятся, однако, к сфере не только коррелятивных, но и строго функциональных причинных связей. В более простых случаях, когда мы берем их как объекты *внешних* воздействий *целиком* и связываем в элементарные причинные ряды с другими такими же объектами, это не вызывает никаких недоразумений. В более же сложных, когда тот же объект рассматривается в своем *разложении* на массовую совокупность элементов, сплетающихся в огромном клубке *внутренних* сочетаний и *взаимодействий*, прежде всего в них выявляются наиболее нам доступные здесь *коррелятивные* связи этих элементов. Но в дальнейшей статистической их обработке и обобщении, с переходом от меньшего числа наблюдений к большему, оказывается, что и такие *коллективы* огромного числа единичных явлений вероятностного ха-

рактера подчиняются в последнем счете однозначным и неразрывным причинозависимостям.

Можно бы рассматривать такие однозначные причинные связи только как известный уже нам результат закона больших чисел, т. е. лишь как *предельный момент и частный случай* действия статистической корреляции. И тогда весь мир явлений представился бы сферой господства зыбких *коррелятивных* связей по Пирсону.

Однако, подходя к вопросу с этого конца, слишком легко сбиться на совершенно неприемлемую для нас стезю агностицизма и прямого идеализма. Всякое познание о мире явлений с этой точки зрения случайно и недостоверно и даже любой наиболее твердо установленный закон природы — это не более, как случайное исключение из этого общего «правила», т. е. лишь некий *мираж* мирового порядка в безбрежном хаосе случайного. Отвергая в корне такое мировоззрение, мы подходим к той же проблеме с другого конца. Мы исходим из основного для всякого научного мышления тезиса о непререкаемом *господстве* всеобщего закона причинности в мире явлений. «Зыбкими» с этой точки зрения могут быть лишь недостаточные еще наши *знания* о тех или иных причинных связях, а не самые эти связи. Так называемые коррелятивные связи явлений, вскрываемые нами здесь и там, сами являются с этой точки зрения лишь одним из естественных *производных* результатов действия многообразных сочетаний элементарных причин или факторов, пребывающих в процессе вечного движения. Существует только два пути для выявления таких элементарных причин и соответствующих им действий. Первый из них — это путь *изоляции* данной причинной связи от других такими методами индукции, свойственными естествознанию, как метод разниц или метод остатков и т. п. К сожалению, этот наиболее прямой путь не всегда открыт для науки. Не поддаются, в частности, изоляции методами индукции взаимодействия отдельных электронов, позитронов и прочих элементов внутриатомного микрокосма, так же как и все другие слишком сложные взаимодействия многообразных влияний. Второй путь — это путь статистической их *интеграции* в большие коллективы, где действие *слабейших* или скрещивающихся в данном их сочетании влияний еще более *ослабляется* и отступает на второй план, а на первый план выступают усиленные этой интеграцией решающие, действующие в одном направлении факторы и наиболее постоянные для данного коллектива причинозависимости. Каждый из этих путей имеет свою особую сферу применения, но оба они ведут к одной и той же цели.

Говоря о таких естественных коллективах, как звездное скопление галактики, солнечная система или любое физическое тело — кристалл, молекула и атом, мы ясно представляем себе, что в этих совокупностях имеем дело не с простой *суммой* составляющих их элементов и с не случайным агрегатом более или менее однородных объектов изучения, а с *сомкнутым целым*, в природе строения и развитии которого заложены такие закономерности и процессы, в коих отдельные особи или группы их интересуют нас уже не сами по себе, а только как части или члены целого. Переходя от физики к миру живой природы и общественных отношений, мы и здесь находим сколько угодно реальных коллективов того же рода, как, например, рой пчел и муравейник, рабочий персонал Магнитки и Уралмаша, население СССР и США, каждому из которых, несомненно, присущ свой собственный внутренний строй и свои особые закономерности коллективного бытия и развития. Но статистик отнюдь не ограничивает сферу своего изучения только такими уже по самой своей природе *сомкнутыми* реальными коллективами. По аналогии с ними он сам собирает и строит свои собственные искусственные коллективы, организуя в правильные ряды и стройные совокупности в своих таблицах многообразия явлений самого различного порядка, как, например, серии метаний играль-

ных костей или наблюдения колебаний погоды во времени и пространстве, или измерения урожайности в стране путем выборочного обмера тысяч метровых площадок и т. д. и т. п.

Существует вредный предрассудок, что закон больших чисел, а вместе с ним и статистика как метод познания может найти свое применение только там, где господствует *случай* и образующее его сплетение *стихийных сил*. Но это совершенно неверное представление о возможностях и задачах статистики. Ни одна наука не ставит своей целью познание случайного. «Случайное» в пределе — это все *неповторимое* в индивидуальном. Но даже искусство, в задачу которого, казалось бы, входит отображение наиболее случайных и неповторимых особенностей *индивидуального*, предпочитает выбирать для своих художественных образов *типичные* индивидуальности и положения, отбрасывая в интересах *художественной правды* все слишком исключительное как заведомо неправдоподобное. Еще сильнее отталкивается от всего слишком исключительного статистика, спецификой которой является изучение массовых коллективов, в которых тонут и погашаются все наиболее случайные черты индивидуальных явлений, в них объединяемых. К случайному в своих коллективах статистика подходит только для того, чтобы его *отмести*, т. е. в целях его *преодоления*. При действии закона больших чисел из хаоса случайности столь же естественно, как цыплята из яиц, вылупливаются закономерность и порядок. Но из этого вовсе не следует, что для действия этого закона требуется не только наличие, но и преобладание или даже исключительное господство стихийно случайных воздействий. Хотя теория вероятности и выросла из опыта азартных игр, представляющих собой классический пример господства случая, но еще отец этой теории Я. Бернулли отмечал, что познавательная ценность *большого числа наблюдений* имеет место и в играх *неслучайного* характера, в которых выигрыш в наибольшей мере зависит от ловкости и умения игрока.

Неверно, что закон больших чисел и статистика применимы лишь там, где господствует стихия случая. Они применимы везде, где мы имеем дело со сложным взаимодействием скрещивающихся сил, хотя бы в их число уже включилась и такая огромная новая сила, как плановое воздействие сознательной воли социалистического общества. Конечно, чем больше роль этого волевого вмешательства в сцепление содействующих ему и противодействующих *случайных* стихийных сил, тем меньше окажется тот остаток, который падает здесь на долю «случая», включая сюда как субъективные плановые просчеты, так и объективные условия среды. Но расчленить все эти моменты и учесть по достоинству удельный вес хотя бы основных, *содействующих и противодействующих* нашему плану внешних сил и факторов в каждом частном случае — это тоже достаточно почтенная задача для статистики.

К сожалению, широкие возможности статистики в этой области далеко еще не использованы в нашей практике и даже в должной мере не осознаны еще в теории. В теории статистики вообще еще очень много спорного и неясного. Спорным остается даже значение основного для нас закона больших чисел, ибо некоторые теоретики, например Тимердинг, оспаривают за ним даже самое звание закона, трактуя его как простой «эмпирический факт, для объяснения которого нам прежде всего не хватает данных» [1]. В теории корреляций предложено до сих пор уже немало формул для измерения тесноты связи статистических рядов, но, к сожалению, все они дают *разные* величины меры корреляции этих рядов, и неизвестно еще, какая из них точнее. Правда, Вельдон и Дербишайр *опытным* путем, а именно путем метания игральных костей, доказали, что в случае прямолинейной регрессии рядов *определенного типа* вполне достаточную меру

[1] H. E. Timerding. Das Gasetz der Grossen Zahlen, Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Band 149, 1913, S. 166

их корреляции дают коэффициенты, построенные по формуле Пирсона [1]. Но как обстоит дело во всех других случаях — неизвестно. По теории статистических группировок тоже еще очень мало сделано. О роли статистической теории для социалистического учета у нас тоже пока только еще вкривь и вкось спорили. Одним словом, поле для теоретической работы советских статистиков огромное.

Условия планового хозяйства для развития статистической науки особенно благоприятны. А между тем теория советской статистики значительно отстает у нас от практики. Не поэтому ли вместо острой борьбы с враждебной нам буржуазной статистической наукой, влекущей своих адептов в болото агностицизма и индетерминизма, у нас подчас отмечается даже холопское преклонение перед ее липовыми авторитетами.

В советской статистике заложены огромные потенции развития в духе диалектического материализма. Диалектикой насыщена вся ее методология. В самом деле. Коррелятивная связь двух признаков, повышаясь только от нуля до единицы, знаменует собой переход от полной *случайности* их совместного пребывания в данной совокупности до теснейшей функциональной их связи и, стало быть, полной *необходимости* их сочетания в этой совокупности. Вероятность появления любого признака в данном их комплексе, возрастая в меняющихся условиях среды от нуля до 100%, перерастает совершенно незаметными переходами из *невероятности* в *достоверность*. *Количество* здесь самым осязательным образом переходит в качество, выявляя попутно внутреннее *единство противоположностей* и раскрывая на конкретном материале диалектику природы и общественного развития.

Эти черты диалектики, столь свойственные *всей области стастистических закономерностей*, казалось бы, должны привлечь к ней особое внимание в стране, в которой диалектический материализм давно уже стал господствующей доктриной. А между тем такого внимания к ней вовсе еще не чувствуется. Не показателен ли в этом отношении хотя бы тот факт, что, как это ни странно, в системе союзных академий наук и доныне не создано еще ни одного научно-исследовательского института статистики? Все попытки поставить вопрос об организации в Академии Института статистики остались здесь доныне гласом вопиющего в пустыне. Весьма прискорбно и то, что в стране социализма, хотя мы и твердим, что социализм это прежде всего учет и что учет «немыслим без статистики», мы в течение целого ряда лет обходились вовсе без какого-либо, хотя бы самого скромного печатного органа, посвященного проблемам статистики. Где же должна была расти и крепнуть эта беспризорная наука?

Нет никакого сомнения, что наше отставание на этом участке научного фронта, как это уже неоднократно отмечалось общественностью, весьма значительно и совершенно нетерпимо. Так не пора ли нам уж хоть теперь тем энергичнее приняться за дело, чтобы тем скорее наверстать все упущенное в этой области?

5. К ДИСКУССИИ О СТАТИСТИКЕ КАК НАУКЕ [2]

В последнее время в рядах советских статистиков возникало немало споров вокруг самых основных позиций нашей науки, споров о предмете и методе советской статистики и ее специфических задачах. При этом выявилось два крайних течения — математическое и экономическое с преобладанием в первом *теоретиков* кафедры, а во втором *практиков* статисти-

---

[1] A. D. Derbischire. Some tables illustrating statistical Correlation. Memoire and Proceedings of the Manchester Literary and Philosophical Society, 1906—1907, vol. 51.

[2] «Вестник статистики», 1952, № 1.

ческого учета, единодушных лишь в одном отношении, а именно в том, что в пылу ожесточенной борьбы и то и другое течение в равной мере упраздняет самое статистику как *самостоятельную* науку, целиком растворяя ее либо в безбрежных дебрях математики, либо в теснейших рамках политической экономии.

Наиболее решительные из теоретиков первого, математического уклона достигают этого уже отказом в признании за статистикой какого-либо специфического *предмета.* Для них статистика — это лишь *метод* и притом универсальный, поскольку он применим к любым объектам статистического наблюдения. А если им замечают, что наука не может быть *беспредметной,* т. е. выхолощенной от всякого конкретного содержания, то они готовы и на словесную уступку. «В таком случае,— гласит их ответ,— считайте *предметом* статистики не что иное, как учение о статистическом *методе* познания». Однако при таком определении предмета этой науки из нее как раз и *выпадает* все ее конкретное социально-экономическое содержание и практическое значение. Но еще хуже то, что такие теоретики в увлечении универсализмом и свое учение о *методе* в такой мере уснащают математикой, что из статистического он на деле превращается в сплошь математический. И, таким образом, на долю собственно статистической науки у них выпадают как побочный продукт лишь самые жалкие крохи.

Это худо, конечно, не потому, что мы должны избегать столь универсальных методов познания, как математический. Там, где дело идет только о *количественном* учете, он остается незаменимым, независимо от области применения. Но, полностью отвлекаясь от анализа качественных различий, математический метод при всей строгости своих формул и суждений о количественной стороне явлений становится явно недостаточным там, где качественные различия достигают такой степени расхождения, как, скажем, между «хозяином» и «рабочим» в политической экономии капитализма.

Признав метод типологических группировок в качестве основного из специфических методов статистической теории, мы тем самым определяем и специфическую область его применения в статистической практике. Сторонники универсальной трактовки статистических методов познания указывают, что эти *методы,* в сущности, применимы повсюду, где мы имеем дело с многообразными совокупностями явлений, требующими качественно-количественного анализа. На это, однако, следует возразить, что, хотя группировку можно применить даже в области звездной астрономии, от этого астрономия не станет еще статистикой, ибо для нее этот метод не является основным и специфическим подобно телескопическим наблюдениям или спектральному анализу и может получить лишь весьма второстепенное, побочное значение. Основное и специфическое свое использование статистический метод может получить лишь там, где уже сам предмет особенно в нем нуждается, образуя в гармоническом сочетании с ним не только теорию, но уже и всю практику *статистической* науки. Таким специфическим предметом статистики всегда было и остается человеческое общество, этот наиболее многообразный и многосложный в своих подразделениях и проявлениях статистический коллектив, конкретному изучению которого посвящен весь цикл дисциплин социально-экономической статистики.

Советские статистики обязаны прежде всего развивать по всем направлениям свою социально-экономическую статистику, всемерно совершенствуя наиболее пригодные к этому *статистические* методы типологических группировок, балансовый, выборочный, индексный и другие, предоставив разработку и обоснование специально математических орудий познания *универсального* назначения специалистам-математикам. Но это не значит, что мы можем одобрить отрыв статистической практики от теории. А между тем наши «практики» не случайно еще недавно яростно отвергали право на существование такой дисциплины, как «общая *теория* статистики»,

специально посвященной проблемам *статистической* методологии. В то же время, донельзя сближая статистику с политической экономией по общему *предмету* их ведения, а основным ее *методом* объявляя диалектический метод познания, равно обязательный для *всех* областей знания, они настолько обезличивают и прикладную экономическую статистику, что тем самым и вообще не оставляют места для статистики как особой *самостоятельной* науки.

И даже в тех случаях, когда метод, допускаемый практиками в нашей науке, именуется «статистическим», под ним подразумеваются только «цифровые данные», обработанные на основе всестороннего анализа «общественно-экономических отношений». Эти отношения, однако, как известно, составляют не что иное, как специфическую область или *предмет* политической экономии. Что же в таком случае в этом «методе» обработки остается собственно на долю статистики? Цифровые данные?

Конечно, это значительно упрощает задачи статистической практики. Знакомство с арифметикой дает уже начальная школа. Всесторонний экономический анализ общественных отношений давно уж дан гениальными классиками марксизма. И рядовому статистику, отмахнувшемуся уже от особой теории *статистики,* если он не претендует на новое открытие уже открытых Америк в политической экономии, остается лишь, повторяя зады экономической науки, «иллюстрировать» их на практике «цифровыми данными».

С такой практикой, по существу игнорирующей статистическую теорию, лишая ее самостоятельных научных методов, на мой взгляд, нужно бороться с той же энергией, как и с противоположным математическим уклоном в сторону беспредметной статистики. Мне скажут, пожалуй, что огромное большинство статистиков не придерживается указанных мной крайних взглядов. И действительно, вполне последовательных ликвидаторов *предмета* или откровенных упразднителей *методов* советской статистики теперь едва ли много найдется. Ведь удерживаться *последовательно* на столь скользких позициях мудрено. Но, если даже ни один из ликвидаторов на словах не признает за собой таких ошибок, наличность соответствующих *тенденций* в теории и практике нашей статистики едва ли может быть оспорена. Не поэтому ли именно мы все еще спорим даже по вопросу о предмете и методе советской статистики? Не случайно, что за 33 года Советской власти у нас нет еще ни одного апробированного учебника по теории статистики. Если же обратиться к практике наших статорганов, то много ли в ней найдется за последние годы работ с использованием хотя бы основного для нас метода статистических группировок?

Игнорирование этого метода на практике, хотя его никто еще не браковал в теории, а наши классики показали непревзойденные образцы его применения, весьма показательно. Типологические группировки, рекомендованные нам В. И. Лениным, это ведь совсем не те «цифровые данные», которыми под именем статистики обильно угощают нас практики. Арифметические итоги в любом числе цифр и цифирек дают нам лишь *количественную* меру явлений, чего совершенно недостаточно для анализа общественных явлений и классовых взаимоотношений, в которых качество столь часто идет в разрез с количеством. Лишь типологическая группировка, расчленяя любую совокупность явлений по их типам и размерам, является достаточно мощным статистическим орудием *качественно-количественного* анализа общественных отношений. А между тем иные «практики» даже принципиально отметают это орудие из арсенала статистической науки. Так, один из них совсем недавно на большом собрании статистиков публично брякнул, что группировка не может рассматриваться в качестве *статистического* метода, потому что ее *впервые* открыл математик Лаплас, известный как автор первого исследования по математической теории вероятностей, столь одиозной в глазах иных практиков. Конечно,

можно было бы привести хронологическую справку, что Лаплас жил в 1749—1827 гг., а методом статистических группировок широко пользовался уже Вильям Петти, «гениальнейший и оригинальнейший, по Марксу,— экономист» и одновременно зачинатель статистической науки, живший в 1623—1689 гг. Ясно, что уже поэтому математик Лаплас не мог опередить статистика Петти. Но речь шла не о группировках вообще, а о методе *типологических* группировок, впервые с *марксистских* позиций обоснованном В. И. Лениным. И приоритет Лапласа на это достижение марксистской науки, заявленный советским статистиком, особенно пикантен. Жаль только, что выявленная при этом глубина невежества не может украсить даже «практиков» от статистики.

В настоящее время можно считать уже общепризнанным, что статистика по своему объекту изучения относится к числу общественных наук и, в частности, включается в цикл дисциплин *экономических*. Но для полного разграничения одной науки от всех других, с ней соприкасающихся, недостаточно деления их по объекту исследования уже потому, что один и тот же объект, например общество, можно рассматривать с разных сторон в зависимости от особенностей применяемых методов и специальных задач исследования.

Система наук, взятая в целом, несмотря на всю тесноту их взаимосвязей, довольно четко расчленяется на ряд крупных подразделений по всем указанным трем признакам. По *объекту* изучения мы различаем науки о природе от наук об обществе, по *методам* познания мы их разделяем на *абстрактные* с преобладанием логических умозаключений от общего к частному и на *конкретные* с выводами от частных наблюдений и экспериментов к их обобщению и, наконец, по *задачам* исследования науки расчленяются на *теоретические,* для выявления на основе установленных фактов определенных закономерностей, и *прикладные,* призванные к применению на деле, в народнохозяйственной практике, установленных наукой теоретических закономерностей.

К группе наиболее абстрактных наук мы относим математику, логику и такие философские дисциплины, как теория познания или диалектический материализм. По предмету ведения их нельзя отнести ни к наукам о природе, ни к наукам об обществе. В своих абстракциях они охватывают всю область знаний, и поэтому можно сказать, что предметом их ведения является само познание или, говоря иначе, те универсальные методы познания, которые равно *обязательны* по своей общности для всех родов знаний, ибо, вступив в противоречие с их требованиями, ни одно суждение не может быть признано *научным.* Однако даже столь общие методы познания, как математический, формально-логический и диалектический, различаясь степенью своей абстрактности, отличаются и разной степенью эффективности в применении к различным областям знания.

Наиболее абстрактная из наук — математика, отправляясь от самых общих истин и оперируя только самыми строгими умозаключениями, по всем правилам формальной логики строит на этом узком фундаменте все величественное здание своего учения о величинах и действиях с ними, совершенно отвлекаясь даже от вопроса о *реальности* этих величин и конкретном их значении. Формулы математики в своих буквенных выражениях обнимают любые величины — и большие, и малые, и постоянные, и переменные, и реальные, и мнимые. Его мир не ограничивается рамками трех измерений, ибо легче любого спирита он может проникнуть в «четвертое» измерение и любое иное многомерное пространство. Пространство ли Эвклида, Лобачевского или Риммана представляет собой при этом реально наша Вселенная — это не меняет формул математики, ибо в любом из этих случаев «Вселенная» уложится все же в его формулы как одна из математических возможностей. Именно в силу этой оторванности от объективной реальности нашего мира буржуазная математика столь

часто уводит своих адептов в дебри метафизики и даже наиболее реакционной идеалистической мистики.

Тем не менее большее или меньшее применение математический метод познания находит себе во всех науках, большее там, где основной задачей является изучение количественных изменений, меньшее там, где чаще дело идет о качественных вариациях, не поддающихся количественному измерению. Всеобщее применение находят себе и *логические* методы суждений и умозаключений, позволяющие судить не только о количественной, но и о качественной стороне изучаемых явлений и процессов. Логика в этом отношении восполняет ограниченность математических формул и исчислений. Однако и у формальной логики имеется своя, впрочем общая с математикой, ахиллесова пята. И та, и другая исходят в своих построениях из незыблемости закона тождества, по которому всякая величина признается тождественной самой себе: $a = a$. Такое допущение, в котором мы заведомо отвлекаемся от фактической *изменчивости* всех явлений во времени и пространстве, можно, однако, признать вполне верным лишь вне времени и пространства или только в моментальных снимках с меняющейся натуры. Но изменчивость явлений не во всех процессах, изучаемых наукой, одинакова. Мертвое вещество медленнее меняется, чем живое. Естественноисторические закономерности мы готовы признать вечными и неизменными, а общественные меняются на наших глазах. Из этого можно заключить, что точность и достоверность математических и формально логических суждений находится в обратной зависимости от степени изменчивости освещаемой ими среды. Говоря иначе, эти методы гораздо эффективнее в естественных науках, чем в общественных.

Лишь диалектический метод познания, требующий от нас изучения всех явлений в их развитии и взаимодействии, свободен от всех дефектов математического и формально логического мышления. Он дает, в отличие от них, не только верные моментальные снимки с изучаемого ими явления, но и увязывает их, подобно киноленте, в динамике их последовательного развития. Исторически диалектический метод познания как один из наиболее ценных плодов марксистской науки возник позже других. Являясь философским увенчанием всех общественных наук, он оказался особенно плодотворным в этой области уже потому, что в ней всего сильнее обнаруживались специфические дефекты математического и формально логического методов. Но эффективность его применения и во всех других областях знания не вызывает никаких сомнений. Диалектический метод, являясь обобщением всего человеческого опыта в области познавательной его деятельности, можно признать наиболее совершенным из всех до него известных универсальных методов познания. Но он отнюдь не исключает собой ни математики с логикой, ни всех других специальных методов познания, лишь обогащая их и организуя своими требованиями, благодаря которым разрозненные кадры знания развертываются в целостную киноленту науки.

Диалектический метод, будучи универсальным по всей применимости во *всех* науках, неизбежно *отвлекается* от конкретных особенностей каждой из них в отдельности, и уже поэтому не может заменить собой тех специальных методов и приемов познания, которые, теряя в своей универсальности, выигрывают в конкретной приуроченности к специфическим особенностям данного объекта или данной группы смежных между собой дисциплин. Диалектика природы и общественных явлений раскрывается *всеми,* присущими отдельным наукам, специальными методами познания, и тем глубже и полнее, чем эти методы конкретнее и разностороннее охватывают свой предмет. В связи с этим хотелось бы рассматривать их лишь как частные модификации и конкретные применения в различных условиях общего для всех наук диалектического метода познания. И во

всяком случае можно сказать, что ни один из таких частных научных методов в своей сфере не исключает требований диалектического мышления, а во всей своей совокупности, взаимно восполняя и контролируя друг друга на службе диалектики, они, в сущности, и являются основным орудием комплексного, диалектического познания о мире.

В числе специальных методов любой самостоятельной науки можно различать *основные* для нее по значению и *вспомогательные, специфические* для данной науки, т. е. возникшие в ее собственных рамках, и заимствованные из других, смежных с ней областей знания. Например, в геологии как науке о земной коре основным и только ей присущим можно считать метод глубокого бурения, а вспомогательных, позаимствованных из геофизики, геохимии, палеонтологии и других родственных дисциплин, очень много, в том числе магнитометрический, гравитационный, сейсмический, химический, микроскопический, рентгеноскопический и др. В статистике мы бы основным считали специфический для нее метод группировок, а выборочный, индексный и прочие — вспомогательными. Но статистика принадлежит к группе экономических наук. И потому не удивительно, что, скажем, политическая экономия так часто прибегает в своих прикладных разветвлениях к использованию *статистических* методов, а статистика, наоборот, в своей области постоянно пользуется заимствованными из политэкономии методами *экономического* анализа. При этом вполне естественно, что если для политэконома основным методом исследования является абстрактный экономический анализ, статистические методы как подсобные служат лишь для цифровой иллюстрации или только для подтверждения уже готовых экономических выводов. Но в той же мере закономерно статистику при разрешении задач *своей* науки признавать для себя основным статистические методы анализа, а экономические — вспомогательными. В тех случаях, когда экономист и статистик, каждый своими средствами, решают одни и те же задачи, и экономические, и статистические методы анализа, восполняя друг друга в этом разделении труда, можно признать равноценными.

В сущности, статистик начинает в этих случаях свою работу как раз с того места, на котором ее кончает политэконом. В таких случаях экономическая постановка вопроса уже ясна статистику, теоретический анализ взаимосвязей и взаимодействий экономических явлений закончен, все поддающиеся абстрактно-экономическому предвидению закономерности и тенденции в пределах поставленной задачи уже выявлены, но в какую *равнодействующую* сложатся все эти взаимодействия и тенденции в противоречивой обстановке конкретно-исторического момента, это уже дело не теории, а факта, который поддается только конкретному статистическому исследованию. Известно, например, что абстрактная теория доказывает лишь *возможность* абсолютной ренты, не нарушающей закона стоимости, вопрос о *наличии* ее в той или иной стране должен быть решен статистически. Известно также, что и вопрос о значении общины в развитии капиталистической России разрешался, по мнению наших классиков, *бесповоротно*, не абстрактно-теоретически, а конкретными статистическими данными. Самостоятельная, а не служебная лишь роль статистики по отношению к политической экономии во всех подобных случаях не вызывает сомнений.

Конечно, статистика в цикле экономических наук принадлежит к числу наиболее конкретных прикладных дисциплин в нашем плановом хозяйстве, а политэкономия отличается своей теоретической абстрактностью. Но, если вредно отрывать практику от теории, то и теория, оторванная от практики не много стоит. Кстати сказать, в нашей стране никакая наука не может рассматриваться как самоцель. Все они призваны *служить* народу в его повседневной практике. Правда, теория должна опережать практику. Но до сих пор это требование далеко еще не стало законом. И практика, а вслед за ней и прикладные науки нередко опережают самую высокую

теорию. Вот почему все те, кто полагает, что новые общественные закономерности призвана открывать лишь политическая экономия, оставляя на долю прикладных наук, включая статистику, лишь применение этих закономерностей на практике, едва ли правы. В частности, мне представляется, что общеизвестный закон больших чисел, имеющий вполне объективное значение и широкое применение в статистике, никак не вытекает из аксиом и теорем абстрактной политэкономии, хотя на каждом шагу обнаруживается и подтверждается статистическим наблюдением. В качестве другого примера явно статистического обобщения, хотя мы его находим на страницах «Капитала», приведем следующий исторический *закон,* установленный Марксом: «не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих» [1]. Маркс, который не имел себе равного не только в теории политэкономии, но и в статистике, приводит в данном случае этот закон без всякого *экономического* обоснования.

Подобные законы можно выразить и словами, и математической формулой, но, поскольку их открывает нам уже статистическое наблюдение и обобщение, возможности статистики как науки следует расценивать значительно шире, чем это делают некоторые практики. Как и всякая другая наука, она, помимо всех прикладных своих применений, должна своими методами служить познанию новых истин, обобщений и закономерностей. Отказывая в этом своей науке и низводя ее тем самым на степень рядового ремесла, в котором творческую работу ума вполне заменяет вращение арифмометров, такие представители статистической науки сами уже становятся лишь заурядными ремесленниками в своей повседневной практике. Но всего показательнее, что и в области практических задач советской статистики такие практики готовы свести все ее назначение к цифровому *иллюстрированию* выводов других наук в области общественно-экономических отношений, забывая, что с тех пор, как в полемике с народниками о судьбах капитализма В. И. Ленин высказал несколько вполне уместных по их адресу замечаний в этом духе [2], прошло свыше полувека, судьбы капитализма окончательно разрешены Великой Октябрьской социалистической революцией, и перед советской статистикой поставлены совсем иные и неизмеримо более важные прикладные задачи: служить активным орудием всенародного контроля и планирования народного хозяйства СССР.

В указанных условиях казалось бы, что только самые беспардонные начетчики, которые, не доверяя собственному разуму, всегда руководствуются лишь чужими мыслями, цитируя их вкривь и вкось и по общему правилу невпопад, могут и ныне, с отставанием на полвека от современности, столь талмудически трактовать основные задачи статистики в СССР. Но, к сожалению, и в более широких рядах наших статистиков недооценка основной роли и важнейших задач советской статистики в народнохозяйственном планировании — обычное явление. Никто не сомневается, что советская статистика давно уже и бесповоротно опередила зарубежную буржуазную статистику во всех ее разветвлениях. Но не рано ли успокаиваться на достигнутом уровне? Конечно, «цифровые данные» для количественной иллюстрации непревзойденных хозяйственных успехов СССР наши практики могут демонстрировать на любую дату сколько угодно. Однако для того чтобы наша статистика стала мощным орудием планирования, недостаточно «иллюстрировать» его *успехи.* Гораздо важнее было бы вскрывать уже на ходу все новые *недочеты* в выполнении текущих планов для своевременной ликвидации таких недочетов. А между тем, как

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 658.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 569.

известно, в нашей статистической практике не применялись до сих пор даже самые элементарные группировки предприятий с расчленением их хотя бы на передовые, рядовые и отстающие по выполнению плана в связи с различным обеспечением их высокой техникой, рабсилой и предметами труда, без чего немыслимы статистический качественно-количественный анализ всех условий перевыполнения и недовыполнения планов и необходимое их уточнение.

Естественно возникает вопрос. К чему же иные из наших практиков столь настойчиво на словах ратуют за «всесторонний *экономический* анализ», который заведомо им непосилен, если на деле они еще не способны обеспечить у себя даже самого элементарного *статистического* анализа, который для них заведомо обязателен? Не потому ли, что статистические методы познания вообще третируются ими как «формалистический универсализм», и, если не на словах, то на деле, отвергаются в применении к советской действительности? А если это так, то не вправе ли мы и эту концепцию рассматривать, как еще один запоздалый вариант пресловутой «теории» отмирания статистики в СССР?

В полемике с этой злополучной «теорией» уже много лет назад мне, как и многим другим, было ясно, что «плановое хозяйство более чем какое-либо иное нуждается в развернутой хозяйственной статистике» [1]. Однако в определении предмета и метода статистики мной допускались тогда еще существенные неточности. Рассматривая статистику, как науку о многообразиях следовало подчеркнуть, что имеются в виду лишь многообразия *общественных* явлений и процессов, и тем самым прежде всего отмежевать статистику как общественную науку от всех естественных, тоже допускающих частичное применение статистических методов, но тем не менее и по своему предмету, и основным методам, четко отличающихся от общественных. Статистические методы исследования по своему применению шире границ специального *предмета* статистики. Однако их никак нельзя отнести к числу универсальных методов, подобных математическому или формально логическому. Они гораздо конкретнее и уже по сфере своего применения, ибо вовсе не применимы во всех случаях, когда явления исследуются индивидуально, а не в той или иной их совокупности. По этой именно причине их применение резко ограничивается не только в естественных, но и в большинстве общественных наук.

В самом деле, в круг общественных наук входят: археология, этнография, языковедение, литературоведение, искусствоведение, правоведение, история и экономика. Но каждая из них, изучая общество в той или другой специальной сфере общественных явлений, располагает не только особым предметом, но и специальными методами исследования, например, археологи — методом раскопок, литературоведы — методом социалистического реализма и т. д. Статистика относится к области экономических наук, в число которых мы включаем: историю экономических учений, теорию политической экономии, историю народного хозяйства, экономическую географию, народнохозяйственное планирование, науку о финансах, экономику и планирование промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, товарооборота и цен, экономику труда, статистику и бухгалтерию. Но особое развитие в связи с ростом потребностей планирования получила в СССР статистика. Уже теперь в ее составе можно назвать не менее дюжины обособившихся дисциплин. Назовем их. Это: 1) история статистики, 2) общая теория статистики, 3) экономическая статистика, 4) финансовая статистика, 5) промышленная статистика, 6) сельскохозяйственная статистика, 7) статистика транспорта и связи, 8) статистика товарооборота и цен, 9) статистика населения, 10) статистика труда, 11) статистика культуры и 12) статистика природных ресурсов.

---

[1] С. Г. Струмилин. К перестройке советского учета. М., 1936, стр. 88.

В своей совокупности статистические дисциплины охватывают все общество в целом от экономического базиса до надстроек, не исключая и всех производительных сил, определяющих общественное развитие. От других родственных им экономических наук они отличаются не объектом, а лишь методом и задачами, а иногда и охватом исследования. Приведенный список отраслей статистики не исчерпывает всех ее подразделений, например, военной, санитарной, уголовной. Но отсутствие в нем «математической статистики» не случайно, поскольку мы рассматриваем ее здесь как специальную отрасль математики. Математический метод применяется во всех науках, в частности, в очень значительных дозах в астрономии, физике, электротехнике, но никто еще не включал на этом основании в систему наук таких научных дисциплин, как математическая астрономия, математическая физика, математическая электротехника и т. д. Не усматривается никакой надобности в такой специальной науке, как математическая статистика, тем более что для вывода применяемых в статистике формул имеется уже специальная математическая дисциплина — теория вероятностей, которую развивают и преподают крупнейшие математики, а использовать в меру потребности могут все желающие.

Суммируя все вышесказанное, можно предложить на обсуждение и нижеследующее определение статистики. Статистика как наука и по своему историческому происхождению, и по современному ее содержанию целиком относится к циклу наук общественно-экономических.

Объектом или предметом ее изучения поэтому, наряду с другими науками об обществе, является *человеческое общество* в процессе его развития и расширенного воспроизводства его производительных сил, общественных отношений в производстве и социально-культурного его уровня. В отличие от политической экономии, изучающей основные закономерности развития экономического *базиса* общественных формаций, статистика охватывает при этом в своем цикле не только базис — экономическая статистика со всеми отраслевыми ее подразделениями, но и общественные *надстройки* над этим базисом, например, в статистике народного образования, здравоохранения, судебно-уголовной и т. п., и даже такие элементы, которые вовсе не *входят* в понятия базиса и надстройки, как само население, его природные богатства и технические ресурсы, они объединяются в понятии *производительных сил общества* и составляют предмет демографической статистики, профессиональной, партийной, статистики естественных ресурсов, статистики оборудования и внедрения новой техники и т. д.

Методом статистики как науки является, помимо общего для всех наук диалектического метода познания всех явлений в их взаимосвязи и процессе развития, специфический метод *массового* наблюдения явлений и *качественно-количественного* анализа их взаимосвязей путем *группировок* и *расчленения* сложнейших многообразий явлений на элементы по их размерам и типологическим признакам сходства и различия. Этот метод, применимый в известных случаях как побочный, и в естественных науках является, однако, *основным* методом статистического познания явлений *общественных,* как наиболее сложных по сцеплению образующих их причин и взаимодействий и потому требующих к себе особого подхода — с учетом действия *закона средних,* общеизвестного под именем «закона больших чисел».

Задачей статистики в СССР, помимо общей теоретической задачи всех общественных наук: изучения присущими каждой из них методами социально-экономических закономерностей, является специальная прикладная задача: повседневное наблюдение за выполнением народнохозяйственных планов и всесторонний анализ наших ресурсов и возможностей в рамках народнохозяйственных балансов СССР в интересах всенародного контроля и успешного управления плановым хозяйством на пути к коммунизму.

К этому еще нужно добавить, что до тех пор, пока СССР и страны народной демократии находятся в окружении агрессивных сил воинствующего империализма, перед советской статистикой как классовой и партийной дисциплиной величайшей республики социалистического труда стоит еще одна задача: бдительно следить за общественными процессами *международного* значения по их отражению в буржуазной статистике, критически воспринимая даже лучшие ее достижения и нацело отметая все лженаучные в ней элементы апологетики.

6. К ИТОГАМ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ[1]

Советская статистическая наука, несмотря на неоднократные попытки самих статистиков либо вовсе ее ликвидировать по весьма печальному недоразумению, либо ограничить ее роль лишь самыми узкими задачами «цифровой иллюстрации» к выводам других наук, оказалась очень жизнеспособной. Она из года в год растет, полнокровно развивается и, к изумлению всех вчерашних ее ликвидаторов и горе-иллюстраторов, приобретает все более актуальное значение в нашей хозяйственной практике. Но статистическая практика развивалась у нас в отрыве от статистической теории. И, хотя в распоряжении практиков в течение многих лет находился целый институт для теоретического воспитания новых статистических кадров, в этом институте студенты и доныне не располагают еще ни одним апробированным учебником по теории статистики. Здесь нет, конечно, нужды выявлять причины и виновников подобной педагогической практики. Но многолетнее существование целого вуза без учебников по основному предмету его специального назначения — это факт криминального значения. И его печальные последствия уже налицо. Их достаточно вскрылось в организованной пару лет назад длительной дискуссии в нашей печати по самым основным вопросам статистической теории.

На обсуждение были поставлены эти вопросы в самой общей форме. Что такое статистика как наука? Каков предмет ее изучения? Каковы методы и задачи этого изучения? Какое место она занимает в общей системе наук? И в ответах на эти вопросы двухлетняя дискуссия обнаружила крайнюю разноголосицу мнений и полнейший разброд высказываний в статистической среде. Поставлено было под сомнение даже самое существование статистики как *науки*. При этом у одних это получилось довольно неожиданно для них самих, поскольку из их определения предмета и метода статистики вытекало полное ее тождество с политической экономией и, таким образом, в дублировании этой общепризнанной науки каким-то еще другим, «статистическим» суррогатом или привеском не представлялось особой надобности. По мнению же других, статистика вообще никаким определенным предметом исследования не располагала и потому уже является *не* наукой, а лишь известным специфическим *методом*, пригодным для изучения самых различных объектов универсума. Третьи объявляли специфическим предметом статистической науки только общественные явления и процессы. Четвертые, соглашаясь признать статистику наукой, настаивали на признании предметом ее охвата не только общество, но и природу, т. е. весь мир явлений, что в сущности, при наличии столь всеобъемлющей универсальной науки делало уже излишней обузой все остальные. И если все же к этому выводу о своевременности упразднения всех остальных наук еще не пришли недавние ликвидаторы одной лишь советской статистики, то в этом можно усмотреть только недостаток в их прямолинейной последовательности. Можно, однако, себе представить, какая неразбериха внедрялась много лет в головы студентов статистического вуза при полном отсутствии толковых учебников и вышеуказанной раз-

[1] Выступление на совещании статистиков 1954 г.

ногласицы по основным вопросам нашей науки даже в рядах патентованных ее представителей.

Широкая дискуссия на указанные темы не осталась все же бесплодной. Крайние точки зрения резко сблизились. Много недоразумений вовсе отпало. И перед нами готовые уже варианты учебников, требующие лишь возможных улучшений и уточнений. Большие коллективы компетентных авторов этих учебников как будто уже не расходятся в том, что статистика является самостоятельной наукой, что она располагает не только определенным методом, но и особым предметом, и что этим предметом является область общественных явлений и притом *только* одна эта область. Однако и одна лишь эта область общественных наук очень обширна. Изучением такого предмета, как общество, занимается не только статистика, но и целый ряд других социально-экономических и общественно-исторических наук. И весьма существенный вопрос о том, какое же место в этом ряду занимает статистическая наука и чем именно, какой спецификой она отличается от всех других наук об обществе, остается очень еще не ясным.

В самом деле, возьмем хотя бы такое «определение статистики», принятое в Экономико-статистическом институте.

«...Статистика есть наука об изменениях размеров и цифровых соотношений общественных явлений и процессов, складывающихся на различных ступенях развития человеческого общества. Она выявляет эти изменения и выясняет проявляющиеся в них закономерности» [1].

Этому определению предшествует другое, посвященное специально предмету или объекту изучения статистики:

«Объектом ее изучения,— определяет учебник,— является общество. Она исследует условия производства и его результаты, производственно-экономические отношения, культуру и многие другие явления и процессы общественной жизни в их конкретно исторической обстановке. Словом, статистика имеет дело с явлениями базисного и надстроечного характера, а также с явлениями, не относящимися ни к базису, ни к надстройке» [2].

Как видим, предмет статистической науки охватывает весьма широкую область, пожалуй, даже слишком широкую. Особенно неясно очерчены здесь границы «многих других» общественных явлений и совсем уж загадочна природа «явлений, не относящихся ни к базису, ни к надстройке». Едва ли это явления языка, как объект мало пригодный для статистики, а вместе с тем к таким явлениям можно отнести и всю область явлений природы, поскольку они не входят в состав ни базиса, ни надстройки. Однако, если даже ограничиться базисом общества и надстройкой, то нельзя забывать, что и помимо статистики их изучают многие другие общественные науки. В чем же состоит специфика статистики в отличие от других наук? Из приведенных выше определений этого не видно. А сами авторы учебника усматривают ее в следующих двух важных чертах статистики.

«1. Статистика, как правило, имеет дело с изменениями размеров и числовых соотношений общественных явлений и процессов...

2. Она выясняет проявляющиеся в этих изменениях закономерности общественного развития» [3].

Несомненно, указанные черты присущи статистике как науке, поскольку они присущи и всем наукам вообще. Диалектика нас учит, что нет таких объектов, которые бы *не изменялись* в каких-либо отношениях, и можно к этому добавить, что нет таких наук, которые бы не ставили в числе своих задач задачу исследовать те или иные *закономерности.* И потому такие черты не приходится рассматривать как специфическую особенность одной лишь статистики.

---

[1] Макет «Курса общей теории статистики». М., 1953, стр. 27.
[2] Там же, стр. 20.
[3] Там же, стр. 21.

Можно было бы еще отметить, что особенность статистики те же авторы готовы видеть еще в том, что она дает «*цифровое изображение* политико-экономической картины действительности», добавляя к этому, будто «никакая другая общественная наука этим не занимается» [1].

Нужно сказать, что к этому признаку наличия цифры как специфической особенности статистической науки прибегали уже многие статистики. Так, И. Шульгин в минувшей дискуссии «предметом» статистики объявлял «*числовые характеристики* конкретных общественных явлений и процессов» [2]. Т. Козлов и С. Гуревич в качестве *специфики* статистической науки выдвигали «*количественную* сторону общественных явлений» [3]. «Статистика дает *цифровое освещение* явлений и процессов общественной жизни»,— отмечал В. Овсиенко [4]. М. Черняк формулировал «задачу статистики как определение при посредстве меры и числа количественных характеристик процесса общественного производства» [5]. К. Матросов определял статистику как общественную науку, изучающую свой предмет «с помощью *цифровых данных*» [6]. Да и всем нам известно, что без цифры в статистике не обойдешься. Но нельзя этот признак изображать как нечто специфическое для одной лишь статистики. Цифровое освещение явлений свойственно всем экономическим наукам. Да и другие науки без помощи меры и числа не обходятся. И потому утверждение, что никакая другая наука таким цифровым освещением своего предмета не занимается, является заведомым ляпсусом.

Такое же решение вопроса о специфике статистики находим и в другом учебнике «Теории статистики», составленном коллективом авторов, организованным коллегией ЦСУ СССР.

«Только статистика,— утверждают эти авторы,— изучая конкретные явления и процессы общественной жизни, определяет размеры, распространенность, темпы развития, выявляет качественные особенности и конкретные закономерности развития явлений» [7].

Это заявлено весьма категорически. Но можно лишь удивляться, что никто из 27 авторов и 5 редакторов этой книги не заметил возможности, исключив одно лишь неуместное здесь слово «только», повторить сказанное ими о статистике в отношении любой отраслевой экономики, истории народного хозяйства, экономической географии и других наук. В самом деле, какой из общественных наук чужды задачи изучения *закономерностей развития* со всеми качественными и количественными его особенностями в той или иной сфере явлений? Но то, что присуще многим наукам, нельзя рассматривать в качестве особой специфики *только* одной из них.

Для определения специфики различных наук нужно отбирать не те признаки, которые свойственны всем или многим из них, а только те, какие составляют существенную особенность данной науки в отличие от всех иных. Наиболее существенными для обособления в общей системе наук одной от других являются различия в *объектах* изучения, особых методах и специальных *задачах,* присущих различным наукам.

Наук без объекта, вообще говоря, не бывает. *Беспредметное* учение о методе, ставящее конкретные вопросы: как изучать неведомо *что*? — пришлось бы уподобить сказочным заданиям: «Поди туда — незнай куда»!.. «Найди то — незнай что»! и т. д. Во всяком случае *наукой* такого незнайства не назовешь. Но, исходя из положения, что каждая наука имеет *свой* предмет, некоторые авторы полагают, что достаточно только назвать

---

[1] Макет «Курса общей теории статистики», стр. 23.
[2] «Вестник статистики», 1952, № 4, стр. 44, 48.
[3] «Вестник статистики», 1953, № 1, стр. 56, 63.
[4] «Вестник статистики», 1953, № 3, стр. 57.
[5] Там же, стр. 62.
[6] Там же.
[7] «Теория статистики». М., Госстатиздат, 1953, стр. 9.

этот предмет, чтобы определить специфику любой науки. Однако этого далеко не всегда достаточно. Бывают и такие объекты, например, *вещество, человек, общество,* для изучения которых требуются уже целые циклы наук. В таких случаях разные науки изучают свой общий предмет с разных сторон, ставя перед собой каждая особые задачи и применяя для решения их особые приемы и методы. Например, в анатомии человека, изучая его *структуру,* пользуются самыми простыми методами трупосечения. Но уже в физиологии, изучая *функции* человека, их нельзя изучать на трупах, ибо трупы не функционируют, и приходится прибегать к гораздо более сложным методам операционной хирургии и живосечения подопытных животных. А в психологии для исследования психической деятельности человека вообще не пригоден нож как орудие познания, и приходится изыскивать иные, более подходящие для решения поставленной задачи научные методы. Таким образом, зачастую, если не всегда, специфика данной самостоятельной науки, в отличие ее от всех других, достаточно определяется лишь совокупностью всех ее наиболее существенных признаков, т. е. предмета, метода и специальных задач исследования.

Здесь следует, однако, рассеять одно недоразумение. Говорят, что «метод науки определяется ее предметом» [1]. «Марксизм утверждает *единство* предмета и метода науки»,— добавляют другие [2] и выводят из этого «единства», что каждой науке, изучающей особый объект, должен соответствовать и особый метод. И обратно: каждый метод может обслуживать только одну науку. А между тем общеизвестно, что, скажем, один и тот же диалектический метод познания обязателен для всех наук. В то же время ряд наук располагает *несколькими* восполняющими друг друга методами исследования, и можно назвать специальные методы, например математический, метод спектрального анализа, метод меченых атомов, приложимые и фактически используемые в весьма различных науках. В таких случаях весьма важно различать *основные* для каждой данной науки и наиболее для нее характерные методы от *подсобных,* заимствованных из других областей науки и представляющих второстепенное значение для данной науки. В частности, для статистической науки мы считаем *основными* методы массового наблюдения и типологической группировки элементов изучаемой их совокупности, в то время как заимствованные из математики методы теории вероятности и другие — *подсобными* и второстепенными по своему значению для статистики. Само собой понятно, что в определении данной науки могут войти только наиболее для нее типичные, основные моменты.

И все же ни один из рассматриваемых двух учебников не включил в свои определения статистической науки столь типичные для нее признаки, как *массовое* наблюдение и качественно-количественная группировка элементов этого наблюдения в стадиях сводки и обработки собранного материала. Нельзя допустить, что статистики не ведают, что творят, несмотря на то, что и массовое наблюдение, и группировка его результатов представляет собой повседневное их занятие. Они, конечно, ведают, что творят. Но, глядя со стороны, получается впечатление, что они боятся некоторых слов и сознательно избегают их использования даже в ущерб точности излагаемого. В самом деле, посмотрим хотя бы следующее определение нашей науки, подчеркнутое курсивом в учебнике ЦСУ.

«*Статистика — общественная наука. Она изучает конкретные общественные явления, типы и формы этих явлений. Особенность статистики как науки состоит в том, что она определяет размеры изучаемых общественных явлений путем статистического наблюдения, разработки и анализа данных наблюдения. Результаты изучения общественных явлений статис-*

---

[1] «Вестник статистики», 1952, № 4, стр. 52.
[2] «Вестник статистики», 1953, № 1, стр. 63.

тикой выражаются в цифровых данных — статистических показателях, характеризующих эти явления» [1].

Как видим, особенность статистики как науки здесь усматривается не в том предмете, какой она изучает наряду с другими науками, а в том специфическом методе, каким она изучает этот предмет, т. е. общественные явления, изучает «путем статистического наблюдения» и т. д. И в этом нет особой беды. Но, определяя «статистику» через такие понятия, как «статистическое» же наблюдение и прочие, авторы отсылают своего читателя от одного неизвестного к другому. Вместо точной формулировки получилась никчемная тавтология. А между тем никто им не мешал вместо слов «путем статистического наблюдения, разработки и анализа» сказать гораздо конкретнее и точнее «путем *массового* наблюдения и типологических группировок элементов наблюдаемых совокупностей общественных явлений».

Почему же столь характерные для статистики понятия, как «массовое наблюдение», выпадают из употребления у наших авторов?

Не потому ли, что массовое наблюдение предполагает закон больших чисел, а этот закон рассматривается ныне кое-кем как законное детище буржуазной статистики, а «буржуазная статистика, по мнению всех 27 авторов учебника ЦСУ, так же, как и вся современная буржуазная наука, служит апологетическим целям, целям защиты и оправдания буржуазного общества» [2], в связи с чем один из этих авторов, С. Гуревич уже грозно призывал «решительно *пресекать* любые проявления буржуазных взглядов в нашей статистической науке»[3].

Пресекать любые проявления... Это не шутка. Вот скажешь эдак нечаянно какое-нибудь словечко, которое было уже известно во времена Д. П. Журавского, Ю. Э. Янсона и И. И. Кауфмана, да попадешь под сердитую руку Н. Михайлова и его друзей, а потом доказывай, что ты не верблюд, что Журавского одобрял еще Чернышевский, а Кауфмана и Янсона знали и ценили даже сам К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Директива «решительно пресекать» звучит непреклонно. И если внушать ее каждодневно, то даже у неробких парней могут задрожать поджилки с эпидемическими припадками соответствующей «словобоязни».

Однако не следует страшиться призраков и бояться слов. Нелепо замалчивать или даже скрывать, как некую секретную болезнь, общеизвестный факт, что статистика наблюдает и изучает массовые общественные явления, а не отдельные фактики или казусы. Конечно, можно сказать, что эта старая истина извлечена из одиозных для нас источников *буржуазной* науки, но это обстоятельство не может послужить во вред истине.

Кстати сказать, классики марксизма не только не отвергли эту истину в отношении статистики, но даже подкрепили, распространяя ее значимость и на другие науки, изучающие такой большой, массовый коллектив, как все общество. Так, В. И. Ленин подчеркивал, что Маркс, анализируя воспроизводство общественного капитала, «берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности». В. И. Ленин называл при этом великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, как раз то, что анализ у него «ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов» [4]. В другом месте, имея уже в виду статистику, В. И. Ленин еще энергичнее предостерегает против таких *несостоятельных* приемов, как «выхватывание *отдельных* фактиков» в области общественных явлений и «игры в примеры». Во избежание «субъективной» стряпни он выдвигает

[1] «Теория статистики», стр. 16.
[2] «Теория статистики», стр. 19.
[3] «Вестник статистики», 1953, № 1, стр. 72.
[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 67.

здесь следующее методологическое требование: «...необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...» [1]. Еще в одной своей работе 1910 г., отмечая «громадные успехи» социальной и экономической статистики в течение двух-трех последних десятилетий в США, Германии и других странах, В. И. Ленин опять-таки подчеркивает, что целый ряд *коренных* социально-экономических вопросов «не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками» [2].

Известны ли эти руководящие указания В. И. Ленина — о необходимости изучать в статистике не отдельные факты, а массовые явления и их совокупности — нашим авторам учебников статистики? Безусловно, известны. И все же, даже процитировав их неоднократно,— цитатология у нас в большом ходу,— принять к руководству эти указания, включив в самое определение статистики со всей ее спецификой, эти авторы остерегаются. И вместо *массового* наблюдения у них получается только либо «*цифровое* изображение» действительности, либо вовсе не расшифрованный «путь статистического наблюдения, разработки и анализа». Неясно читателю даже, попадутся ли ему на этом пути типологические группировки, которые тоже по самой своей природе в качестве неизбежной предпосылки предполагают массовое наблюдение.

Но менее всего повезло в обсуждаемых учебниках закону больших чисел. Ему не посвящено ни одного параграфа в оглавлениях учебников. О нем не упомянуто *ни одним словом* даже в специальных разделах о выборочном методе статистики, хотя самая возможность этого метода базируется на законе больших чисел. И только однажды мелким шрифтом упомянуто о нем в связи с математической теорией вероятности под скорбным заголовком: «ошибочные представления...», где довольно безапелляционно утверждается, что действие закона больших чисел, названного здесь почему-то «теоремой» данного раздела математики, «распространять на общество в целом и тем более на наше плановое хозяйство — *«нельзя»* [3].

Итак, закон больших чисел ликвидируется отныне в Статистическом институте решительно и бесповоротно. Зачисленный с некоторых пор в разряд запретных ересей «буржуазной» математической статистики этот закон становится все более одиозным. Его все былые сторонники уже успели раскаяться в его защите или надолго приумолкли. Один лишь Б. С. Ястремский, даже оставшись в печальном одиночестве, как некий рыцарь без страха и упрека, все еще верен своим идеям и готов сразиться хоть с ветряными мельницами за свою даму сердца, известную под именем «нормальной кривой распределения». Но эта кривая дама, как мне сдается, и сама еще не так плоха и безнадежна, как это представляется тем, кто ее преждевременно хоронит. Закон больших чисел не химера, а объективное отражение реальной действительности. И это о нем писал Ф. Энгельс, говоря, что «необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей» [4]. Такой объективный закон не может потерпеть ровно никакого ущерба только оттого, что от него открещивается, как черт от ладана, некоторое число профессоров статистики. Тем более, что делают они это не слишком последовательно.

Неудобно же, в самом деле, на стр. 33 заявить, что закон больших чисел и вытекающую из него теорию вероятности *нельзя* распространять на общество в целом и тем более на наше плановое хозяйство,

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 351.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 323.
[3] «Курс общей теории статистики». М., Изд-во МГУ, 1956, стр. 33.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 245.

а затем, на стр. 367—399, самым подробнейшим образом излагать, как именно эта неприложимая к обществу теория применяется у нас на практике при выборочных обследованиях в советском плановом хозяйстве [1]. Не обошлось, стало быть, и в данном авторском коллективе без тех «добродетелей», при наличии которых правая рука не знает, что творит левая, или во всяком случае ни один автор не ведает, о чем пишут все другие. Но можно сделать еще и другие выводы. Если в нашей советской статистике общественных явлений закон больших чисел используется с успехом хотя бы в одной лишь области выборочных обследований, а это уже бесспорно, то незачем его стыдливо замалчивать или уже без всякого стыда отрицать его действенность в нашем обществе. Шила в мешке не утаишь. Можно, конечно, сослаться на то, что теория вероятности относится к области математики, и тем самым попытаться сложить с себя за нее всякую ответственность. Но такая попытка не решает вопроса об объективности самого закона больших чисел, лежащего в основе этой теории. А тут возможно только одно из двух решений: либо объявить этот закон пустой выдумкой математиков, либо, раз уж наш собственный статистический опыт подтверждает его объективную реальность, признать, что и этот закон, как и все другие объективные законы общества и природы, не зависит от произвола людей, и потому ни упразднить его, ни как-нибудь иначе отвертеться от его признания в статистике никому не удастся.

Вместо фигуры умолчания о законе больших чисел в наших учебниках статистики гораздо целесообразнее, было бы, на мой взгляд, посвятить ему в них целый раздел, чтобы проследить в нем, как менялась роль и значимость этого закона в нашей науке с изменением всех общественных отношений в СССР. Ведь не случайно же эта роль так резко упала у нас после Октябрьской революции не только субъективно, в оценках отдельных статистиков, но и вполне объективно, в нашей практике. В обществе, где всем управляли господствующие стихии рынка в облике ничем не обузданного *случая*, использование закона больших чисел было действительно если не единственным, то *решающим* методом статистического преодоления этого случая на путях к раскрытию общественных закономерностей. Конечно, в плановом хозяйстве, когда рыночные стихии были уже основательно обузданы и роль случая в общественных отношениях резко сократилась, это не могло не сказаться и на значении закона больших чисел для статистики.

Возникли иллюзии, что в плановом хозяйстве не только законы рынка, но и все другие экономические законы теряют свою обязательность, что вся статистика здесь «перерастает» уже в сплошной социалистический учет и что эту статистику в числе других буржуазных пережитков следует уже ликвидировать. Эти иллюзии, однако, давно уж отброшены. Теперь вместо всей советской статистики кое-кто пытается ликвидировать хоть один закон больших чисел как одно из орудий этой статистики. Но и против этого следует бороться. Советская статистика как наука должна расти во всеоружии своих методов. Перед ней у нас поставлены новые грандиозные прикладные задачи служить орудием планирования, перед которыми блекнут все другие. Отступают перед ними, в частности, и задачи выборочных исследований разного рода, основанные на законе больших чисел. Отступают, но не отпадают. Закон больших чисел в научном арсенале статистики в связи с этим давно уже потерял свое первенствующее значение. И это нужно сказать в учебнике. Но у нас нет никаких оснований ни замалчивать его, ни отрицать его объективное значение в нашей науке.

---

[1] Макет «Курса общей теории статистики».

Еще меньше оснований отказываться от него в качестве наследия *буржуазной* статистики. Конечно, обстановка мирового соревнования двух систем в условиях самой острой классовой борьбы обязывает нас к строжайшей партийной бдительности ко всему чужеродному, в том числе и к буржуазной науке, в которой немало псевдонаучных и антинаучных элементов. Но идея огульного отрицания всей буржуазной науки и культуры никогда не пользовалась в нашей стране успехом. У нас клеймят позором людей, способных на лакейское преклонение перед липовыми авторитетами буржуазной науки, но игнорировать действительные достижения зарубежной науки не лучше, ибо такое преступное зазнайство снижало бы наши шансы продвижения к коммунизму. Правда, бывали и у нас в свое время «теоретики», готовые упразднить не только буржуазные науки, но и «буржуазные» железные дороги, унаследованные нами в результате Октябрьской революции. Но именно за это они получили нелестное имя троглодитов, т. е. пещерных жителей. В отличие от них, В. И. Ленин не только внимательно изучал буржуазную статистику, но и находил в ней *громадные успехи*. Еще недавно у нас призывали советских ученых не только догнать, но и опередить науку зарубежных стран. И если после этого авторы учебника ЦСУ заверяют нас, что не только буржуазная статистика, но и вообще вся буржуазная наука — заметьте, не псевдо-наука, а наука без кавычек,— служит целям оправдания буржуазного общества и только, то возникает недоуменный вопрос: в чем же, собственно, по мнению этих авторов, нам предстоит опередить *такую* науку? В искусстве апологетики, что ли?

Мне лично кажется, однако, что недооценка чужой науки никак не может содействовать ее опережению.

В своем сегодняшнем выступлении мне хотелось сосредоточить внимание только на немногих, наиболее спорных и наименее ясных, с моей точки зрения, исходных позиций обоих предложенных нам на обсуждение учебников. Ни один из них в этих исходных определениях статистики, ее предмета и метода, на мой взгляд, не отличается существенно от другого, а в прочих разделах они взаимно *дополняют* друг друга. Однако заслуживают внимания и другие учебники, не представленные нам здесь в натуре. Мне кажется, например, что учебник Гозулова в некоторых отношениях даже лучше представленных. Думаю, что в дальнейшей дискуссии не будут забыты и другие. Общее впечатление от рассматриваемых новых учебников складывается вполне положительно. Авторы хорошо над ними поработали и сделали все, что могли. А теперь очередь за нами, за внимательной, острой и даже придирчивой, но вполне *товарищеской* критикой, направленной не на опорочивание, а на всемерное улучшение проделанной нашими товарищами нужной нам всем и ценной работы.

Свои критические замечания я группировал вокруг определения статистики как науки. Со своей стороны я предложил бы вниманию товарищей такое определение.

Советская статистика — это самостоятельная социально-экономическая наука, изучающая присущими ей методами конкретные *уровни, темпы и пропорции* общественного развития в различных областях народного хозяйства и культуры. Основными ее специфическими методами, которыми она изучает все многообразие общественных явлений в процессе их развития и взаимосвязи, следует признать методы *массового наблюдения и группировки* по типологическим признакам элементов каждой изучаемой их совокупности. Основной задачей советской статистики является использование ее в качестве мощного орудия социального познания в области *планирования, учета и контроля* народного хозяйства и культуры.

В таком определении особое место статистики в ряду всех других общественных наук отграничивается, на мой взгляд, уже достаточно четко

и определенно. При этом, в отличие от многих других статистиков и экономистов, я полагаю, что статистика не только самостоятельная, но и вполне *равноправная* со всеми другими наука, сотрудничающая с ними на основах координации, а не субординации. Нелепо рассматривать статистику как науку *второго* сорта, *подчиненную* требованиям политэкономии или какой-либо другой особо привилегированной науки. В системе наук *все* науки *взаимно зависят* одна от другой, взаимно обогащая друг друга. Можно и бухгалтерию возвести в сан царицы всех наук, если долго и верно ей служишь. Но это не советский язык. Никакой иерархии в области свободной науки не требуется. Всякий зажим хотя бы одной из них может задержать и быстрое продвижение вперед всех других. В настоящее время, когда внешняя обстановка препятствует свободному обмену своим опытом почти всех областей науки, это особенно чувствительно ощущается в области статистики, которая должна бы обслуживать своими данными всех и каждого, всю нашу общественность, весь советский народ. Этого еще нет. Но мы уверены, что когда эта возможность будет реализована, советская статистика станет еще во много раз более мощным орудием социального познания на путях к коммунизму.

III. К СХЕМЕ БАЛАНСА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

1. ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОДУКТ? [1]

Несмотря на огромное значение понятия «общественный продукт», содержание его до сих пор остается не раскрытым до конца в нашей экономической литературе и статистической практике. Одни, суживая это понятие, отождествляют годовой общественный *продукт* с вновь созданной годовой *стоимостью,* т. е. с народным доходом $(v+m)$. Но эта ошибка со времен Адама Смита уже не раз вскрывалась, и на ней нет нужды останавливаться. Другие чрезвычайно *расширяют* понятие общественного продукта и, впадая в другую крайность, отождествляют его со статистическим понятием *валовой* продукции, допуская тем самым *многократный* в ней учет предметов труда на всех ступенях воспроизводства общественного продукта [2].

Отчасти такие идеологические шатания вытекают из *консерватизма* человеческого мышления, столь часто отстающего в своем развитии от революционных темпов в нынешней смене форм хозяйства на путях от капитализма к коммунизму. Так, в товарно-капиталистическом обществе вполне естественно было рассматривать «годовой продукт» как «общую сумму производимых за год товаров» всех товаропроизводителей, или как «*товарный* продукт» и исчислять его в сумме «валовой выручки» этих товаропроизводителей, вовсе игнорируя при этом все натуральное хозяйство деревни, как исчезающий пережиток феодализма. Но когда и ныне, скажем, В. А. Соболь настаивает на той же трактовке общественного продукта, то он игнорирует уже новые тенденции социалистического развития, где уже ныне в процессе планового распределения производственных фондов выпадают из *товарного* оборота почти все средства и предметы труда. В перспективе выпадут из него и все предметы потребления. А между тем *продукт* коммунистического хозяйства не перестает быть *общественным* продуктом даже с исчезновением последнего продавца и покупателя.

«Общественный продукт,— уверяет нас и ныне В. А. Соболь в «Плановом хозяйстве», — это товарный продукт. Его величина должна корреспондировать выручке производителей или сумме платежей покупателей» [3].

Автор этих уверений, подкрепляя их ссылками на Маркса, мнит себя при этом столпом ортодоксии, упуская из виду, что одни и те же слова, перенесенные со страниц «Капитала» в «Плановое хозяйство», благодаря фактору времени, приобретают совсем новое значение. В частности,

[1] Г. С. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М., Госстатиздат, 1958.

[2] См., например, «Словарь-справочник социально-экономической статистики» (М., 1944), составленный в ЦСУ 32 авторитетными статистиками во главе с И. Ю. Писаревым, где на стр. 38 об исчислении «совокупного общественного продукта» читаем: «Практически это исчисление сводится к определению так называемой валовой продукции всех отдельных отраслей материального производства».

[3] «Плановое хозяйство», 1948, № 3, стр. 65.

«выручка производителей» в условиях капитализма это выручка от реализации своей товарной продукции всех *отдельных предпринимателей капиталистов,* и в этом смысле она действительно сближается с нашим понятием «валовой продукции». Но в плановом хозяйстве уже вовсе нет капиталистов, а с ликвидацией границ разделявшей его частной собственности оно стало единым общественным хозяйством, продуктом которого может считаться поэтому лишь тот продукт, который выходит за пределы всей производственной сферы, взятой в *целом,* т. е. за вычетом всех внутренних оборотов *производственного* потребления этой сферы, независимо от взаимных расчетов между собой отдельных хозрасчетных предприятий. Только при такой трактовке общественного продукта социалистического хозяйства мы сможем, отнюдь не лишаясь всех преимуществ хозрасчета отдельных предприятий, избежать и той ошибки педантов «ортодоксии», когда они, повернувшись лицом к прошлому, теряют перспективу грядущего и из-за деревьев уже не видят леса.

Валовая продукция социалистического хозяйства все в меньшей степени становится *товарной.* Напомним, что понятия, *«продукт»* и *«товар»* не тождественны, ибо, хотя всякий «товар», прежде чем стать товаром, был уже продуктом, но далеко не всякий продукт становится товаром. Товаром в точном значении этого слова именуются только те продукты, какие изготовляются не для себя, а на продажу и притом в расчете на *рыночный* сбыт, т. е. на совершенно неопределенного покупателя. Впрочем, для капиталистического общества это различие не столь уж принципиально, поскольку всякий полезный продукт, даже не предназначенный для сбыта, в любую минуту *может* стать товаром. Но не так обстоит дело в социалистическом хозяйстве, где, по самой его природе, определенные категории общественного продукта *принципиально* изымаются из товарного оборота и, стало быть, *не могут* стать товарами.

Возьмем хотя бы всю продукцию капитального строительства, т. е. прежде всего все средства труда. В капиталистическом обществе фабрики и заводы безвозбранно продаются и покупаются, их акции являются предметом повседневных биржевых спекуляций. А вот в СССР общество строит свои основные фонды исключительно для собственных нужд и уже законом исключает возможность их купли-продажи. Значит, это уже не товар. Но можно ли все создаваемые у нас фабрики и заводы, железные дороги и метрополитены, рудники и шахты, ирригационные сооружения и лесозащитные насаждения сразу изъять в полемическом азарте из общественного продукта СССР? Очень досадно, что столь элементарные вещи приходится разъяснять сторонникам вышеуказанной, насквозь фальшивой, товарной концепции общественного продукта СССР. Но что же делать, если подобная фальшь выдается кое-где уже за последнее слово социалистической науки и практики.

Более сложным вопросом является трактовка материального оборота *предметов труда* в социалистическом производстве. В процессе планового снабжения ими одних хозрасчетных единиц за счет других наша бухгалтерия в интересах хозрасчета оформляет эти обороты по безналичным внутритрестовским и межотраслевым расчетам наряду с другими как товарные обороты. Но экономист не обязан следовать по пятам бухгалтера. В его обязанность, казалось бы, входит как раз обратное: не санкционировать эту практику, а разъяснять бухгалтеру, что между плановым и рыночным снабжением социалистических предприятий лежит принципиальная разница, которую следует отразить в учетной практике. Безналичные обороты сырья, материалов и полуфабрикатов в пределах социалистического производства осуществляются, *минуя рынок.* Соответствующие плановой потребности предметы труда имеют заранее свое строгое назначение в плане производственного их потребления, и поскольку в пределах единого социалистического производства они изготовляются им *для себя,* а не на прода-

жу, это *не товары* в собственном смысле этого слова. И только избыточные для собственного социалистического производства предметы труда, реализуясь на внутреннем или внешнем рынке в порядке купли-продажи, могут быть отнесены и у нас без натяжек, наряду с основной массой предметов личного потребления населения, к товарной продукции СССР.

Вот почему, когда В. А. Соболь принимает без всяких оговорок, что «обмен продуктов между социалистическими предприятиями СССР представляет собой *обмен товарных стоимостей»,* он едва ли избирает правильный путь. Революция вырыла глубокую пропасть между новыми методами планового снабжения социалистических предприятий и старой практикой рыночного товарообмена, сохранившего ныне свое значение главным образом лишь в области снабжения населения предметами потребления. Но если даже допустимо забывать об этом в повседневном учете товароматериального оборота, то игнорировать факт *обобществления* всех средств производства и вытекающее из него *единство* социалистического хозяйства совершенно недопустимо. А признав единство всех хозрасчетных предприятий, даже рыночный между ними обмен предметами труда приходится рассматривать как *внутренний* оборот социалистического производства. И, конечно, этот *внутренний* оборот производственного потребления никак нельзя включить в итоги выпуска общественного продукта *из* производства.

Концепция *товарной* природы всего социалистического продукта настолько внутренне несостоятельна, что провести ее последовательно не могут даже наиболее упорные ее защитники. Так, например, В. А. Соболь, признавая на словах, что «в действительности нетоварный оборот внутри хозяйства *не должен* включаться в общественный продукт», на деле исключает из него лишь межцеховой, а не внутрихозяйственный оборот, произвольно суживая этим самым рамки единого социалистического хозяйства до микромасштабов отдельных хозрасчетных его подразделений. А вместе с тем, отождествляя общественный продукт СССР не с товарной лишь, а со всей *валовой* его продукцией, он включает в нее и всю продукцию капитального строительства, и все *натуральное* потребление многомиллионного колхозного населения, и ряд других его элементов, заведомо выпадающих у нас из *товарного* оборота.

Весь товароматериальный оборот ценностей — и в денежной форме по рыночному обмену, и в порядке безналичных расчетов по плановому снабжению — подлежит, конечно, и у нас полному учету на всех ступенях воспроизводства, и, в частности, в общих итогах товарной и валовой продукции. Но это не отменяет необходимости особого учета общественного продукта, включающего не только товарную его часть, но и натуральную, и в то же время полностью исключающего весь повторный счет внутритрестовских и межотраслевых оборотов предметов труда в процессе их производственного потребления.

Оспаривая ошибку А. Смита, который в стоимости «годового продукта» общества учитывал только элементы $v+m$, Маркс включает в нее «кроме того, все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но *произведены в предыдущий, а отчасти и в ранее истекшие годы...».* Подчеркнув курсивом последние слова этого утверждения, Маркс тут же поясняет, что он имеет в виду «средства производства, стоимость которых *лишь снова появляется* и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года» [1]. И все же В. А. Соболь, странным образом игнорируя столь ясные указания Маркса, приписывает ему свою трактовку понятия «общественный продукт» со включением в него всех элементов валовой продукции.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 423—424.

В совокупный общественный продукт, по Марксу, несомненно, входит «все годовое воспроизводство», или «весь продукт данного года», включая не только всю продукцию, *вновь* созданную полезным трудом за этот год, но и *перенесенную* им «на продукт текущего года со средств производства, произведенных в прошлые годы» [1]. Но это не валовая продукция со включением *двойного* или, говоря общее, повторного счета сырья и материалов за *текущий* год. Это поясняется и следующим прямым указанием Маркса. Определяя «годичный валовой доход нации», Маркс включает в него: «Совокупность *вновь* произведенных в течение года благ. *Туземное сырье* должно быть включено полностью на всю сумму своей стоимости; *изделия, изготовленные из туземного и иностранного сырья*, считаются {во избежание двойного счета сырья} на *сумму повышения стоимости, достигнутого при помощи промышленного труда;* обращающиеся в *торговле* и *транспорте сырье и фабрикаты* считаются на сумму вызванного этим повышения стоимости» [2]. Таким образом, повторный счет при исчислении совокупного общественного продукта, вопреки мнению В. Соболя, П. Москвина и прочих авторитетов ЦСУ СССР, К. Марксом начисто исключался.

Для нас несомненно при этом, что стоимость годового продукта СССР включает в себя не только весь живой труд отчетного года $v+m$, но и весь овеществленный в нем труд прошлых лет — c. Таким образом, стоимость общественного продукта $v+m+c$ за любой год больше народного дохода $v+m$ за тот же год именно на эту величину c, позаимствованную из народного богатства прошлых лет. Вновь созданную стоимость $v+m$ определить нетрудно. И потому для определения общественного продукта нужно лишь с достаточной точностью выделить из валовой продукции элемент c в размере, не превышающем действительных затрат овеществленного в ней труда *прошлых* лет.

В вещном своем составе общественный продукт данного года, как явствует уже из его наименования «продукт» в отличие от полупродукта или полуфабриката, мыслится нами как уже *конечный* результат годового производства, выходящий за рамки всей материальной сферы производства или за пределы отчетного года. Сюда войдут, стало быть, уже *законченные* средства труда и предметы потребления, а из незаконченной продукции только тот остаток к концу года *предметов труда* — в виде материалов и полуфабрикатов, который *увеличивает* переходящие их запасы для расширенного воспроизводства на *следующий* год. Все предметы труда, *потребленные* в материальном производстве в течение года, не могут войти в состав общественного продукта *к концу года* уже потому, что их не существует к этому моменту. В качестве *внутреннего* оборота материальной сферы производства *данного* года они не выходили за рамки этой сферы и не могут выйти за пределы этого года. Таким образом, от *валовой* продукции общественный продукт отличается на всю сумму внутренних оборотов этой продукции в пределах всей материальной сферы производства.

В ценностном выражении общественного продукта за данный год в его стоимость, как известно, *переносится* из ресурсов овеществленного труда прошлых лет вся стоимость *износа* использованных средств труда за этот год. Величина этого износа, являясь вычетом из народного богатства прошлых лет, подлежит возмещению за счет амортизационного фонда, образуемого путем реализации соответствующей доли общественного продукта отчетного года. Сверх износа средств труда c_1 в стоимость общественного продукта данного года могут войти и затраты предметов труда в виде материалов прошлых лет c_2. Однако лишь в той мере, в какой они действительно имели место за счет народного богатства прошлых лет, что

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 495—496.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 398.

в ценностном выражении может быть обнаружено лишь в меру фактического *снижения стоимости* наличных запасов предметов труда за данный год. Некоторые авторы полагают, что в стоимость общественного продукта отчетного года следует включить не разность стоимости наличия предметов труда на начало и конец этого года, а полную их стоимость к началу года, допуская, что за год они *полностью* будут использованы в производстве. Но, во-первых, такое допущение не всегда оправдывается. Например, в столярном деле запасы леса заготовляются для полной их сушки на много лет. А во-вторых, «старые» запасы от «новых» даже *физически* не всегда различимы, а в денежной оценке рублем различать наличие запасов на разные даты иначе, чем по их стоимости, и вообще нет никакой возможности.

В связи с этим даже при учете валовой продукции *отдельного* предприятия к полной стоимости выпуска его изделий на сторону принято прибавлять лишь «прибыль или убыль» запаса предметов труда, включая полуфабрикаты и вообще все незавершенное производство [1].

Подобно этому, анализируя понятие общественного продукта в условиях расширенного производства, Маркс писал во II томе «Капитала»: «Если мы отнесем все производство к текущему году, а следовательно, и ту часть годового продукта, которую он передает следующему году в качестве товарного запаса, но, с другой стороны, вычтем из этого товарного запаса товарный запас, полученный им от предыдущего года, то тем самым мы действительно получим в качестве предмета нашего анализа весь средний годовой продукт» [2]. Здесь переходящие запасы именуются товарными, включая, очевидно, запасы не только полуфабрикатов и материалов, но и готовых изделий. Но это расширение состава переходящих запасов не меняет метода получения годового продукта. Таким образом, и в учете совокупного общественного продукта, помимо полной стоимости его годового выпуска из производства в народное хозяйство, по Марксу, достаточно учесть лишь годовой *прирост* переходящих его запасов в сфере производства, т. е. лишь *разность* их наличия на конец и начало отчетного года. И если эта разность положительная, то увеличить, а если отрицательная, то уменьшить на нее общую величину годового общественного продукта.

Для иных решений этого вопроса нет никаких оснований. А между тем из указанного решения вытекают весьма важные для нас выводы. Если весь общественный продукт отчетного года ($П$) мы разложим на элементы затрат $v+m+c$, где c — овеществленный труд прошлых лет равен c_1+c_2, т. е. износу средств труда за год плюс предметы труда в сумме материальных запасов прошлых лет, использованных без *возмещения* по стоимости в производстве отчетного года, то убедимся, что таких невозмещенных запасов в условиях *расширенного* воспроизводства вовсе не окажется налицо, ибо запасы предметов труда к концу года по общему правилу будут всегда превышать запасы их к началу года. А поскольку в стоимость общественного продукта включается только положительная *разность* этих величин, то затраты переходящих запасов c_2 уже тем самым окажутся воспроизведенными и возмещенными по их стоимости в общественном продукте отчетного года. Этот вывод вполне гармонирует с утверждением Маркса о тех элементах стоимости общественного продукта, какие представляют в нем овеществленный труд *прежних* лет. Это «средства производства, стоимость которых *лишь снова появляется* и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года» [3]. Под это определение подходят только изношенные *средства труда* — c_1. Поскольку соответствую-

---

[1] «Словарь-справочник ЦСУ», 1944. стр. 62; Д. Савинский. Курс промышленной статистики. М., 1949, стр. 101.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 576.
[3] Там же, стр. 424.

щий им фонд амортизации в составе стоимости общественного продукта еще не использован, они еще не воспроизведены, тогда как запас предметов труда воспроизводится в течение года даже не один раз.

Из всего вышесказанного приходится сделать следующий вывод. Трактовка общественного продукта в качестве товарного продукта общества в условиях социализма совершенно неприемлема, так как это исключало бы из него все большую долю натурального и вообще внерыночного оборота производства и потребления этого продукта. Отождествляя условно общественный продукт с валовой продукцией социалистического общества (c_1+c_2+v+m), мы, конечно, можем рассматривать и ее как валовой продукт-брутто, особенно пригодный для использования во всех случаях, когда требуется показ *внутрихозяйственных* экономических связей различных отраслей и хозрасчетных предприятий. При этом шахматный баланс таких взаимосвязей в сфере производства и обращения строится вне всякой зависимости от того, как осуществляется снабжение средствами и предметами труда одних предприятий за счет других — в порядке купли-продажи или планового распределения. Но в отличие от такого брутто-продукта придется все же изучать и общественный нетто-продукт (c_1+v+m), очищенный от повторного счета предметов труда (c_2) и потому более пригодный для международных сопоставлений, а также для таких балансовых построений, где сопоставляются между собой целые подразделения народного хозяйства или изучается общественная производительность труда в масштабах этих подразделений и всей производственной сферы в целом.

Его-то Маркс и называл *годовым продуктом* какой-либо страны или общества.

2. К СХЕМЕ БАЛАНСА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР [1]

Как известно, задача баланса народного хозяйства СССР была поставлена перед революционными марксистами нашей страны еще в 1929 г. Нельзя сказать, чтобы с тех пор никто не занимался этой темой. Трудились над ней и статистики в ЦСУ, и некоторые экономисты, но, за отсутствием широкой дискуссии на эту тему, никакой научно-апробированной схемы народнохозяйственного баланса у нас и доныне не получилось. А отзывы о прежних попытках ЦСУ до 1929 г. всем памятны. Квалифицированные по достоинству, как игра в цифири, они оказались безрезультатными. Недавно перед статистиками ЦСУ вновь была поставлена проблема о схеме баланса народного хозяйства, над которой немало поработала специально созданная для этого комиссия. Мне кажется, однако, что эта задача не одних статистиков. Дело в том, что помимо статистического оформления таблиц разрабатываемой схемы, перед нами неизбежно встанет, как и вставало уже не раз, немало вопросов об экономической трактовке всех тех рубрик и понятий, которые войдут в эту схему. Вот почему эти вопросы хотелось бы поставить на обсуждение перед более широкой аудиторией.

Трудность построения баланса народного хозяйства СССР, в частности, заключается в том, что он должен охватить все народное хозяйство Союза, отображая его хозяйственную целостность и внутреннее единство. Напомним предвидение В. И. Ленина о нашем будущем: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой...» [2]. Оно уже *становится* таким единым комбинатом, в котором все отрасли труда четко подразделяются на:

1) *основные цеха* производственного назначения — промышленный, сельскохозяйственный, транспортный и т. д.;

2) *вспомогательные цеха* непроизводственного назначения по бытовому, учебному и лечебному обслуживанию воспроизводства рабочей силы;

[1] Доклад, сделанный в Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР 18.V 1950.

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 101.

3) плановую *«контору»*, которая организует труд в общественном и государственном аппарате управления.

Но все-таки это сложное единство долго находилось еще в *процессе своего развития* от пятиукладного состава первых лет нэпа к монолитному единству социалистического уклада на последней его стадии постепенного перехода к высшей своей фазе — коммунизму. Процесс этот еще и ныне не вполне завершился, в особенности на новых окраинах Союза. И в этом очень динамическом процессе еще все экономические категории прошлого находятся в движении, одни исчезают, другие возникают и все существенно преобразуют свое прежнее значение. А инерция нашего мышления еще долго придерживается привычных «задов» теории и после того, как они уже почти нацело изжиты в хозяйственной практике.

Давно установлено, что в построении баланса народного хозяйства следует *исходить* из известных схем расширенного воспроизводства Маркса. Однако в дальнейшем нельзя игнорировать, что наш баланс строится для иной уже социальной формации и ставит перед собой иные, более широкие задачи. Схемы Маркса для показа расширенного воспроизводства *капитала* ограничивались рамками одной лишь производственной сферы, в которой он и воспроизводился методами капиталистического накопления. Но у нас, где накопление перестает быть самоцелью, где целью производства, в последнем счете, является *потребление* человека и сам человек, рамки социалистического хозяйства значительно расширяются, включая в себя и всю область потребления в непроизводственных отраслях труда, обслуживающих и организующих социалистическое общество. Маркс ставил в своих схемах теоретическую задачу, для решения которой достаточно было всю производственную сферу рассмотреть всего в двух основных ее подразделениях, абстрагируясь от всех прочих производственных ее связей и пропорций. В плановом хозяйстве баланс народного хозяйства должен служить не только теории, но прежде всего плановой хозяйственной практике. Одной из важнейших задач Госплана является борьба с хозяйственными диспропорциями. И потому наш баланс не может ограничиться двумя лишь подразделениями. Его задача — отобразить все основные пропорции производства и распределения в гораздо более развернутой схеме воспроизводства. Он должен представить состояние народного хозяйства в его *отраслевой* структуре при этом не только на начальный и конечный моменты отчетного периода, но и в процессе всех его изменений, по всем ступеням воспроизводства, до выявления его конечных результатов в итогах потребления и накопления народного дохода за отчетный период.

Отвечающий этим основным требованиям народнохозяйственный баланс может быть представлен в виде статистической таблицы, в подлежащем которой, в горизонтальных строках, даются основные отрасли труда, а в сказуемом, по вертикальным графам, показывается движение ценностей в пределах каждой отрасли труда по всем ступеням их воспроизводства. Вскрывая в своих горизонтальных и вертикальных разрезах, таким образом, всю анатомию и физиологию социалистического общества, такой баланс, помимо практических задач планирования, может быть, несомненно, использован и для теоретического анализа и обобщения тех тенденций экономического развития нашего хозяйства, какие в нем заложены на подступах к коммунизму. В самом сжатом виде подлежащее нашего баланса может быть представлено в таких рубриках отраслевого разреза:

Отрасли труда

(подлежащее баланса)

I. В сфере материального производства:

А. Производство средств производства

$А_1$ — для средств производства,

$А_2$ — для предметов потребления.

Итого (валовая продукция) по А

В том числе внутренний оборот.

Б. Производство предметов потребления

$Б_1$ — общественных учреждений:

а) здания и их оборудование,

б) энергия и материальное снабжение.

$Б_2$ — для личного потребления:

а) жилища и их оборудование,

б) предметы питания,

в) одежда и обувь,

г) предметы культурного обихода.

Итого

Всего

II. В сфере обслуживания:

1. Общественных учреждений и организаций:

а) в жилищно-коммунальном хозяйстве,

б) в социально-культурном обслуживании,

в) в учреждениях управления и обороны.

2. В домашнем быту населения:

а) рабочих и служащих,

б) колхозников и кооперированных кустарей,

в) единоличников.

Итого по сфере обслуживания

Всего по народному хозяйству

В предложенной схеме отраслевого расчленения производственной сферы проводится классификация отраслей труда по единому критерию *назначения* их продукции в производстве и потреблении. Эта классификация, однако, абстрагируется от условий военной экономики. Но для эпохи империализма, в которой милитаризация экономики и гонка вооружений не ограничиваются одним лишь военным временем, в нашу классификацию следовало бы включить еще одно, *третье* подразделение. В странах империализма его следовало бы назвать «производством средств *истребления*», в странах социализма ему будет соответствовать «производство средств *обороны*» со включением в него: а) строительства крепостей и прочих оборонных *сооружений*, б) производства *орудий* войны, военно-морских и воздушных флотов, танков, пушек и пр. оружия и в) боевых к ним *припасов* (взрывчатки, бомб, снарядов и прочих *предметов* военного назначения).

Выделение этого подразделения в особую рубрику целесообразно уже потому, что средства истребления не служат ни производству средств производства, ни потреблению населения. А между тем по своей стоимости они представляют собой в народном хозяйстве стран империализма уже огромную и притом все возрастающую величину, достигая, например, в США 20—25% национального дохода или 70% всего бюджета. Включая продукцию этого третьего подразделения в итог народного дохода, мы существенно искажаем его значение в качестве показателя народного благосостояния. По существу эту статью «дохода» следует скорее рассматривать как весьма тягостную и совершенно бесплодную статью *издержек* труда и продукта современного общества эпохи империализма.

Включая продукт третьего подразделения P_3 в итоги продукции первого P_1 или второго P_2 подразделения, мы тоже рискуем существенно исказить весьма важное для нас соотношение $P_1 : P_2$, принимаемое у нас обычно за меру индустриальной зрелости нашей промышленности. Представим себе, например, такой момент, когда продукция этих подразделений распределялась в следующей пропорции: $P_1 : P_2 : P_3 = 50 : 30 : 20$. В этом случае, включив P_3 в итоги *второго* подразделения, мы получили бы заведомо преуменьшенную меру нашей индустриализации в соотношении $P_1 : P_2 = 50 : 50$. Включив P_3 в P_1, мы, наоборот, преувеличили бы эту меру, получив $P_1 : P_2 = 70 : 30$, в то время как фактически $P_1 : P_2 = 50 : 30$ или $= 62{,}5 : 37{,}5$. Ошибками такого масштаба едва ли можно пренебречь. А избежать их проще всего выделением P_3 в особое подразделение.

Предложенная классификация отраслей производства по их назначению не совпадает с действующей, в которой принимается одновременно несколько критериев для их подразделения. И при распределении отчетных статистических итогов по экономическим категориям баланса могут, конечно, встретиться трудности, которые, однако, можно преодолеть соответствующей инструкцией. Основная трудность при этом будет заключаться в том, что некоторые продукты по своему назначению, например топливо и электроэнергия, могут быть использованы во всех подразделениях производственной сферы. В отношении таких производств можно условиться распределять соответствующую продукцию (и другие сопряженные с ней показатели) по рубрикам баланса в тех соотношениях, в каких их продукция *запланирована* для указанных в этих рубриках потребностей,— в провизорных балансах — и по *фактическому их использованию* — в отчетных балансах.

Доныне статистики довольствовались в своих расчленениях производства по подразделениям А и Б признаком *преимущественного* использования определенной продукции по тому или иному назначению. Этот признак устраивает статистиков, но едва ли может удовлетворить плановиков. Им не достаточно знать, что, скажем, добыча угля по преимуществу идет на потребу тяжелой индустрии по группе А или даже $А_1$, ибо, удовлетворив потребность в угле только этой одной группы, легко обездолить без угля и всю легкую промышленность, и всех прочих его потребителей. Обязанные планировать производственные пропорции по потребностям, мы и учитывать их удовлетворение в балансе должны с возможной полнотой, а не кое-как — в первом приближении, «по преимущественному» использованию. С достаточной точностью эта задача в плане разрешается, конечно, лишь в специальных по каждому продукту *натуральных* балансах производства и распределения топлива, электроэнергии, стройматериалов и т. п. продуктов *широкого* назначения. Но, располагая ими, уже нетрудно отразить те же пропорции и в народнохозяйственном балансе, обобщающем все отрасли и ступени воспроизводства.

В расчленении по всем подразделениям подлежащего необходимо включить не только промышленность, но и все другие отрасли материальной сферы производства. И это тоже связано с известными трудностями. Легче всего подразделить строительство по его объектам *производственного* назначения как «средства труда» $А_1$ и $А_2$ в первом подразделении и *потребительного* по рубрике а) в группах $Б_1$ и $Б_2$ второго подразделения. Продукты сельского хозяйства, в *товарной* ее части, по-видимому, почти целиком можно отнести к *предметам труда* для второго подразделения по группе $А_2$, а в *натуральной* — частью туда же (семена, корм скоту), а в большей части — к *предметам потребления* (зерно, овощи, плоды) по группе $Б_2$.

В расчленении продукции транспорта как материального производства следовало бы применить общий принцип и разделить ее пропорционально оплате транспорта за перевозки соответствующих категорий для первого и второго подразделений. Участие торгово-снабженческих организаций в создании общественного продукта можно было бы расчленить пропорционально *издержкам обращения* товаров народного потребления, т. е. всей розницы (по группе Б), и *издержкам по снабжению* предприятий $А_1$ и $А_2$ средствами и предметами труда.

Но остается не совсем ясным, куда следует отнести всю ту огромную сумму «налогов с оборота», которая реализуется в сфере обращения предметов широкого потребления, хотя как основная доля всего «продукта для общества» или «чистого дохода» общества она «создается во всех отраслях производства» [1]. Отнесение ее почти целиком ко второму подразде-

[1] «Учебник политической экономии», М., 1954, стр. 476.

лению сильно снизило бы интересующее нас отношение $P_1 : P_2$. Может быть, правильнее было бы вынести всю сумму налога с оборота за итог всего общественного продукта или разделить его между первым и вторым подразделениями пропорционально овеществленным в них затратам труда?

Приведенная выше сжатая схема отраслевых подразделений в подлежащем баланса, конечно, не исключает, а даже предполагает развернутую расшифровку ее по целым отраслям хозяйства (строительство, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т. д.), по министерствам и по отдельным производственным их подразделениям, а в общих итогах производства — по социальным его секторам (государственный, колхозно-кооперативный, частный). Однако в этих подразделениях по административному подчинению отдельных хозяйственных объединений можно было бы ограничиться лишь тем их минимумом, который необходим в интересах общегосударственного планирования, уделяя в этом отраслевом разрезе баланса особое внимание тем отраслям труда и их подразделениям, которые существенно *различаются* тенденциями и темпами своего развития на данном этапе нашего продвижения к коммунизму.

Переходя к сказуемому народнохозяйственного баланса, который должен обеспечить возможность экономического анализа процесса производства, обращения, потребления и накопления всего совокупного общественного продукта СССР, необходимо, исходя из схем Маркса, прежде всего предусмотреть расчленение общественных издержек в производстве и обращении на элементы $c + v + m$. В сфере обслуживания общественные издержки тоже следует подразделить на затраты прошлого и живого труда $c + v$. Но здесь, за отсутствием материального продукта, поддающегося реально сбережению и накоплению, отсутствует элемент m. Правда, в *денежной* оценке платных услуг и в этой сфере могут осваиваться *денежные* накопления по рубрике m, например, в зрелищных предприятиях, в страховых и кредитных учреждениях, но их следует рассматривать как результат *перераспределения* ценностей между производственной и непроизводственной сферами. Денежные и кредитные обороты можно было бы и не учитывать в балансе воспроизводства *материального* продукта, поскольку они не отражаются на общей его величине. Но они представляют существенный интерес как *рычаги перераспределения* этого продукта в межотраслевом и социальном разрезах. Денежная оплата «издержек управления» и всех других «издержек производства рабочей силы» в сфере обслуживания в то же время служит мерой перераспределения общественного продукта из сферы материального производства в сферу обслуживания. В такой именно форме осуществляется обмен *деятельностью трудящихся* между этими сферами.

В связи с этим следует напомнить следующее высказывание Маркса: «...Труд врача и учителя не создает непосредственно фонда, из которого они оплачиваются, хотя их труд входит в издержки производства того фонда, который вообще создает все стоимости, а именно в издержки производства рабочей силы» [1]. Естественно, что эти «издержки», реализуемые целиком в *непроизводственной сфере*, нуждаются в возмещении за счет продукта *материальной* сферы производства и потому подлежат учету в общем балансе планового народного хозяйства стран социализма.

Особый интерес представляет различная структура издержек $c + v + m$ в сфере материального производства в связи с особенностями планового ценообразования в различных подразделениях общественного продукта СССР. Особенностью советского хозяйства вообще, как известно, является то, что в нем роль *рыночного* товарооборота, сохранившего полностью свои позиции лишь в розничной торговле *предметами потребления*, резко

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 150.

сокращается за счет *планового* распределения всех *средств и предметов труда* в пределах государственного хозяйства. В частности, полностью выпадает из рыночного оборота вся продукция государственного строительства, передаваемая на балансы государственных предприятий по себестоимости — без всякого эквивалента. Таким образом, все наши фабрики и заводы, культучреждения и жилфонды обычно расцениваются без прибыли и налога и в такой заниженной оценке включаются в народный доход в сумме социалистических накоплений. Подобно этому, машины и орудия и прочие средства труда и обороны, а также предметы труда для первого подразделения, выпадая из рыночного оборота, расцениваются при безналичных расчетах без налога с оборота и с минимальной прибылью. И лишь предметы потребления, поступающие на широкий рынок, и предметы труда для их производства, например пряжа и ткани для производства одежды, оцениваются с прибылью и налогом с оборота по полной их стоимости.

В этой практике ценообразования, не достаточно еще освещенной в теории, между прочим и обнаруживается то внутреннее единство всей сферы социалистического производства, которое позволяет нам лишь *товарный* выпуск продукции на широкий рынок миллионов индивидуальных потребителей расценивать по полной его стоимости. Все же внутренние межотраслевые расчеты в пределах производственной сферы и обслуживающих его общественных организаций, согласно этой практики, можно, как и в обычном межцеховом обороте, производить и по «себестоимости», т. е. без учета затрат «труда для общества». В такой практике, сосредоточивающей почти целиком весь продукт социалистического хозяйства в одном лишь *товарном* выпуске его продукции по второму подразделению, есть, разумеется, своя логика. Но это логика *прошлого* исторического опыта, ибо она не учитывает тенденций нашего развития к последовательному сокращению и в пределе полному уничтожению *товарной* продукции при коммунизме. К тому же она и теперь уже вступает в противоречие с такими важными рычагами социалистического развития, как принцип хозрасчета и практика трудового соревнования отдельных предприятий и отраслей хозяйства. Если в предприятиях различных отраслей при равном уровне техники план по количеству и качеству продукции выполнен одинаково, но благодаря не зависящим от них условиям ценообразования одни из них нуждаются в дотациях, а другие представляются сверхприбыльными и, располагая чрезмерными фондами директоров, расточают их бесхозяйственно, то это ставит их в слишком неравные условия хозрасчета и социалистического соревнования.

Нельзя недооценивать инициативы дельной дирекции и энергичного рабочего коллектива в любом предприятии для его хозяйственных успехов. Но и дотация, как и слишком «легкая жизнь» от избытка незаработанной сверхрентабельности, парализует эту инициативу хозяйственного расчета и угашает пыл соревнования. К тому же следует заметить, что особое поощрение в нашей практике ценообразования получает, в разрез с требованиями социалистической индустриализации, не тяжелая промышленность группы А, а легкая и пищевая. А между тем на данном этапе международного соревнования двух систем особенно важно для решения *основной* экономической задачи ближайших пятилеток обеспечить опережающие темпы развития именно тяжелой промышленности. Для этой цели нам уже давно служит важнейшим рычагом налог с оборота, извлекающий избытки «накоплений» из легкой промышленности для финансирования ими через бюджет тяжелой индустрии. Такой корректив к действующей практике ценообразования, конечно, необходим. Но это *окольный* путь решения важной задачи. И остается под вопросом, не проще ли было бы не умножать, в ущерб интересам хозрасчета, излишков накоплений в легкой промышленности, извлекая их из тяжелой *рычагом* цен

только для того, чтобы вернуть их туда же обратно противодействующим *рычагом налога с оборота*?

Все такие вопросы для своего решения могут потребовать экономического анализа на конкретном материале балансов народного хозяйства, для чего в нем и предусматриваются соответствующие подразделения. Но к решению частного вопроса о ценообразовании можно подойти и теоретически. Исходя уже из тех предпосылок, по которым у нас в плановом хозяйстве действует закон *стоимости*, а не отживший закон *цен производства*, нетрудно заключить, что наши плановые цены во всех отраслях труда должны ориентироваться именно на общественную стоимость продуктов, а не какие-либо иные критерии, различные для разных категорий продукции или потребителей. А в понятие стоимости продуктов включается, как известно, не только так называемая их себестоимость $c + v$, но полностью все общественные издержки их производства $c + v + m$, причем нормой «продукта для общества» у нас, в отличие от изжитых «цен производства», должно быть не зависимое от величины c отношение $m : v$, *равное* для всех отраслей труда.

Напомним, что Маркс в «Капитале» рассматривал как «необходимое следствие закона стоимости» и следующий *закон* политической экономии: «...производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу» [1]. В общепринятых символах этот закон может быть выражен следующим равенством.

$$m_1 : v_1 = m_2 : v_2 = m_3 : v_3 = \ldots = \text{const},$$

где m — стоимость прибавочного продукта,
v — оплаченный живой труд и $m : v$ «норма прибавочной стоимости» или, для наших условий,
m — «продукт для общества»,
v — «продукт для себя» и $m : v$ норма накопления, равная для всех отраслей, независимо от строения их капитальных фондов. В рамках капитализма этот закон настолько модифицировался условиями конкуренции капиталов разного строения, что, по выражению Маркса, «явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений» [2]. Но у нас, в СССР, где уже с ликвидацией конкуренции частных капиталов отпали и связанный с ней «закон цен производства», и тенденция к уравнению «нормы прибыли» во всех отраслях труда, не остается никаких препятствий для сознательного, планового проведения указанного закона в нашей социалистической практике. Тем более, что все теоретические для этого предпосылки у нас налицо.

Признавая принцип социалистического распределения «каждому по количеству и качеству его труда», мы не можем отношение $m : v$ варьировать по-разному для разных отраслей труда и категорий рабочих. Вновь созданная стоимость в любом вещном благе пропорциональна вложенному в него труду, заработная плата в социалистическом обществе тоже пропорциональна труду, а из этого с полной ясностью следует, что и продукт для общества m в любом производстве должен быть пропорционален той же величине оплаченного труда v. И если в среднем по всей производственной сфере величина v по плану 1950 г. из расчета на час простого труда составит, скажем, 2 руб., то для получения полной стоимости любого изделия достаточно будет к его себестоимости просто прибавить произведение

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 316.
[2] Там же.

числа вложенных в него часов живого труда на эти 2 руб. или другую величину, установленную планом. Конечно, плановые цены могут, а в известных случаях и *должны* отклоняться от стоимости. Но известную тенденцию приближения цен к стоимости за последние годы можно усмотреть и в нашей практике пересмотра цен в сторону повышения их для продуктов тяжелой промышленности при неоднократном снижении их для предметов широкого потребления.

Однако независимо от того, по каким ценам в нашей практике реализуются средства производства и предметы потребления, в балансе народного хозяйства наряду с *ценами* должна получить свое отражение и лежащая в их основе *стоимость* продукции каждого подразделения и любой отрасли труда в отдельности. Тем самым определятся и все *отклонения* цен от стоимости, а вместе с тем откроется возможность оперативного регулирования и корректирования текущих цен при каждом их пересмотре. Поясним это цифровым примером, ограничившись лишь итогами издержек по первому и второму подразделениям. Пусть нам даны такие итоги подразделения:

Подразделения общего продукта	Издержки $c+v+m$	Продукт W P	Отклонение цен $P-W$
А	1250 + 750 + 750	2750 — 2250	—500
Б	1000 + 250 + 250	1500 — 2000	+500
Итого	2250 + 1000 + 1000	4250 — 4250	0

Буквой P мы обозначили итог общественного продукта по фактическим ценам, а буквой W — его оценку по стоимости. В общем итоге и по обоим подразделениям отношение $m : v$ принято в равной величине, в соответствии с законом стоимости. Но фактические расценки при том же итоге дают иное его распределение по А и Б. Отсюда заключаем, что из первого подразделения во второе в порядке отклонения цен от стоимости перераспределено 2750 — 2250 = 500 единиц стоимости. В связи с таким перераспределением доля продукта А в общем итоге оказывается в наших плановых расценках явно заниженной. И правильная его величина, соответствующая нормальным трудовым пропорциям, может быть получена в балансе лишь с переходом от цен к общественной стоимости соответствующих долей общественного продукта.

С учетом всего сказанного сказуемое народнохозяйственного баланса в денежном выражении должно бы отразить следующие ступени воспроизводства:

Ступени воспроизводства

(сказуемое баланса)

А. Фонды и резервы к началу года

1. Основные фонды (Φ_1).
2. Оборотные (Φ_2):
   а) материальные,
   б) кассовая наличность
   в) сальдо расчетов (+, —).

Б. Общественные издержки труда

1. Прошлого (с):
   а) средств труда (c'),
   б) предметов труда (c'').
2. Живого ($v + m$):
   а) для себя (v),
   б) для общества ($m = v \cdot q$).
   Итого $W = c + v(1 + q)$.

В. Общественный продукт *

1. По фактическим ценам:
   а) средства труда,
   б) предметы труда,
   в) предметы потребления.
   Итого
2. Отклонения цен (P — W) (+, —)

Г. Обращение

1. Товарно-материальное:
   а) приобретено,
   б) реализовано,
   в) прирост товарных запасов (+, —).
2. Денежное:
   а) приход по кассе,
   б) расход.
3. По безналичным расчетам:
   а) приписано по счетам,
   б) списано со счетов.

Д. Распределение

1. По бюджету:
   а) поступило,
   б) изъято.
2. Сальдо прочих расчетов.

Е. Народный доход ($v + m$)

1. По месту производства.
2. По месту назначения.

Ж. Использование общественного продукта

1. Фонд возмещения ($c' + c''$).
2. Фонд потребления ($v_i + v_0$).
3. Фонд расширения и резервов:
   а) основных фондов,
   б) оборотных фондов.

З. Фонды и резервы к концу года

1. Основные фонды(Φ_1),
2. Оборотные (Φ_2).
   а) материальные,
   б) кассовая наличность,
   в) сальдо расчетов.

* Только в сфере материального производства.

Каждый из приведенных разделов поддается более детальной расшифровке путем расчленения рубрик основной таблицы в других, дополнительных к ней приложениях. Так, рубрика производственных фондов подлежит дальнейшему расчленению на строения и сооружения, силовые установки, машины и орудия, насаждения и мелиорации, транспортный подвижной парк, рабочий и продуктивный скот и т. д. В «труд для себя» включается не только индивидуальная «зарплата» рабочих и служащих (без начислений по соцстраху), но и «трудовые доходы» колхозников, кустарей и единоличников, а также «оплата услуг» по так называемому *безлюдному* фонду. Рубрика «труд для общества» — m, помимо отчисляемых в бюджет изъятий и перечисляемых в другие отрасли народного хозяйства рентных платежей и процентов, должна обеспечить и все капитальные вложения за счет *собственных* средств в свое хозяйство, а также все дополнительные расходы предприятий, сверх зарплаты, в пользу занятых в нем рабочих и служащих, в том числе и начисления по соцстраху.

Для иллюстрации того, как выглядит сводная таблица народнохозяйственного баланса в цифровом ее заполнении и важнейшие пропорции входящих в нее величин, приведем таблицу баланса, опубликованную не-

давно в учебнике статистики коллектива авторов [1]. Она отображает в условных итогах только оборот *материальных* ценностей в народном хозяйстве, поскольку денежные обороты и сальдо межотраслевых расчетов учебник выделяет в особые балансовые таблицы. В этом отношении предлагаемая ниже таблица не вполне отвечает вышеизложенной схеме баланса. Не отражено в нем и третье подразделение «средств обороны». Отсутствуют в ней и специальные графы «отклонений цен от стоимости» и некоторые другие рубрики. Но в общем и в этом, наиболее сжатом виде таблица достаточно наглядно показывает, сколь важным орудием экономического анализа и рационального синтетического планирования могли бы служить отчетные и плановые народнохозяйственные балансы (см. табл. 7).

Одной из основных задач народнохозяйственного баланса нашей страны является четкое выявление в нем трудовых пропорций социалистического хозяйства. Производственно-отраслевая его структура достаточное выражение получает уже и в денежных измерителях *сводной* таблицы баланса. Показателем *трудовых* пропорций в ней служат итоги «оплата труда» по каждой отрасли. Но эта важнейшая графа денежного баланса нуждается еще в детальной расшифровке по специальному балансу трудовых ресурсов, который может быть дан в качестве естественного продолжения той же сводной таблицы баланса, но уже не в денежном, а в натуральном исчислении. Разделы и рубрики подлежащего в этой дополнительной таблице притом сохраняются те же, что и в основной, а в качестве сказуемого может быть предложена нижеследующая схема:

Баланс трудовых ресурсов населения

(сказуемое баланса)

I. Население к началу года (в тыс. чел.):
- а) занятое на службе и работе,
- б) на учебе:
  - 1) в вузах и техникумах,
  - 2) в системе трудовых резервов,
  - 3) в прочих школах (свыше 14 лет).

  Итого по б
- в) в домашнем быту и на иждивении:
  - 1) трудоспособных,
  - 2) нетрудоспособных.

  Итого по в

Всего населения

II. Годовой оборот рабсилы:
- а) поступило на работу за год:
  - 1) из системы госрезервов,
  - 2) из вузов и техникумов (по распределению),
  - 3) по организованному набору из колхозов и пр.,
  - 4) из прочих источников (самотеком).

  Итого
- б) убыло за год:
  - 1) вследствие смерти или инвалидности,
  - 2) ушло в армию, на учебу и пр. (плановое перемещение),
  - 3) по прочим причинам (самотеком).

  Итого
- в) сальдо пополнений (+, —).

III. Население к концу года:
- а) занятое на службе и работе,
- б) на учебе:
  - 1) в вузах и техникумах,
  - 2) в системе трудовых госрезервов,
  - 3) в прочих школах (свыше 14 лет).
- в) в домашнем быту и на иждивении:
  - 1) трудоспособных,
  - 2) нетрудоспособных.

  Итого

[1] «Статистика». М., Госстатиздат, 1956.

Подразделения народного хозяйства	Фазы произ: Фонды и резервы к началу года: основные Φ_1	оборотные Φ_2	Издержки воспроизводства: прошлый труд c: износ средств труда c_1	расход предметов труда, c_2	живой труд $v_i + v_o$: для себя v_i	для общества v_o	Производство ственного продукта: средства труда	предметы труда	предметы потребления
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Сфера производства	2000	200	65	535	230	170	120,8	556,7	322,5
1. Промышленность	1050	100	48	352	110	81,3	50,8	316,7	212,5
2. Сельское хозяйство	350	50	12	138	80	59,1	15	225	60
3. Строительство	225	25	3	32	30	22,2	45	—	35
4. Транспорт и связь	290	10	2	13	10	7,4	10	15	15
5. Снабжение и торговля . .	85	15							
В том числе									
А. Средств производства . . .	1400	100	45	332,5	180	133	120,8	556,7	—
$А_1$ — для первого подразделения	860	40	30	205,0	140	103,5	100,8	354,2	—
$А_2$ — для второго подразделения	540	60	15	127,5	40	29,5	20	202,5	—
Б. Предметов потребления . .	600	100	20	202,5	50	37	—	—	322,5
$Б_1$ — личного	510	90	15	187,5	47	34,8	—	—	296,5
$Б_2$ — общественного	90	10	5	15	3	2,2	—	—	26
II Сфера обслуживания	1000	100	18,5	281,5	64,5	—64,5	—	—	—
1. В общественных учреждениях	910	90	14,0	6,0	64,5	—	—	—	—
а) управление и оборона . .	50	50	2,0	6,0	9,0	—	—	—	—
б) наука, культура и пр. . .	860	40	12,0	—	55,5	—	—	—	—
2. В домашнем хозяйстве . .	90	10	4,5	275,5	—	—	—	—	—
а) рабочих и служащих . . .	14	1	0,7	153,8	—	—	—	—	—
б) колхозно-кооперативного населения	72	8	3,6	116,9	—	—	—	—	—
в) единоличников	4	1	0,2	4,8	—	—	—	—	—
III. Всего по народному хозяйству	3000	300	83,5	816,5	294,5	105,5	120,8	556,7	322,5

* За вычетом потерь (—0,5).

В развитие представленной выше общей схемы баланса народного хозяйства, отражающей принципиальное его единство, может быть предложено, помимо баланса рабочей силы, много других натуральных и ценностных балансов вспомогательного значения, давно уже вошедших в практику нашего учета и планирования. Нужно лишь увязать их в единую систему балансов, чего до сих пор не удавалось достигнуть. А этому препятствовали доныне не столько даже дефекты учетного порядка, хотя и их нельзя скинуть со счета, сколько методологические трудности в результате неясности в трактовке целого ряда экономических категорий в условиях СССР и возникающих вокруг них дискуссий при построении народнохозяйственного баланса.

Деление труда (и продукта) на необходимый и прибавочный в нашем балансе не предусматривается. К. Маркс уже в I томе «Капитала» предви-

СССР (итоги условные)

водства												
обще- P	Обращение P		Сальдо перераспределения	Использование общественного продукта							Фонды и резервы к концу года	
				фонд возмещения $c_1 + c_2$	народный доход $(v_i + v_0)$							
					по месту производства	по месту использования						
						всего (включая потери)	в том числе					
							фонд потребления	фонд накоплений и резервов *				
итого P	приобретено	реализовано						основных	оборотных	итого	основные $Ф_1$	оборотные $Ф_2$
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1000	625,2	890	—324,8	600	400	75,2	—	52,1	22,6	74,7	2052,1	222,6
580	445,1	580	—146,2	400	191,3	45,1	—	35	10	45,0	1085	110
300	115	190	—124,1	150	139,1	15,0	—	9	5,7	14,7	359	55,7
80	45	80	—42,2	35	52,2	10,0	—	4,1	5,9	10,0	229,1	30,9
40	20,1	40	—12,3	15	17,4	5,1	—	4	1	5,0	379	26
677,5	402,5	627,5	—263	377,5	313	50,0	—	39,1	10,6	49,7	1439,1	110,6
455	255,2	430	—213,3	235	243,5	30,2	—	25	5	30	885	45
222,5	147,3	197,5	—49,7	142,5	69,5	19,8	—	14,1	5,6	19,7	554,1	65,6
322,5	222,7	262,5	—61,8	222,5	87	25,2	—	13	12	25	613	112
296,5	199,7	236,5	—59,6	202,5	81,8	22,2	—	12	10	22	521	99
26	23	26	— 2,2	20,0	5,2	3,0	—	1	2	3	92	13
—	264,8	—	+324,8	—	—	324,8	300	15	9,8	24,8	1015	109,8
—	40	—	40	—	—	40	20	11	9	20	921	99
—	13	—	13	—	—	13	8	1	4	5	51	54
—	27	—	27	—	—	27	12	10	5	15	870	45
—	224,8	—	284,8	—	—	284,8	280	4	0,8	4,8	94	10,8
—	145	—	147,1	—	—	155,0	154,5	0,5	—	0,5	14,5	1
—	75,8	—	135,9	—	—	124,8	120,5	3,5	0,8	4,3	75,5	8,8
—	4	—	1,8	—	—	5	5	—	—	—	4	1
1000	890	890	0	600	400	400	300	67,1	32,4	99,5	3067,1	332,4

дел, что после ликвидации капитализма «пришлось бы причислить к необходимому труду... тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления» [1]. В связи с этим весь труд становится равно необходимым коллективу трудящихся. Но сохраняется потребность в делении труда и продукта по его назначению: 1) для себя, в той части v, какая непосредственно поступает в личное распоряжение работника из вновь созданного продукта $(v + m)$ в порядке оплаты его труда по социалистическому принципу распределения, т. е. каждому по его труду, и 2) *для общества*, которая остается в распоряжении общества для всех прочих его потребностей. Но эта вторая часть

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 539.

m, в свою очередь, распадается на фонд общественного потребления m' и фонд накопления m''. Из фонда накопления часть сразу же поступает в фонд расширения производства, а часть резервируется в качестве запасных и страховых фондов специального назначения. А из фонда «общественного потребления» в наших условиях львиная доля, обращаемая безвозмездно на социально-культурные нужды, стипендии, пенсии и пособия населению сверх зарплаты, тоже повышает уровень его благосостояния, хотя и в другом порядке.

Расширяя формальное понятие заработной платы, Маркс упоминал в свое время о «заработной плате (или той части продукта, которая предназначена обратиться снова в доход рабочего)» [1]. Таким образом, и в «продукт для себя», расширяя это понятие, мы должны бы включить не только индивидуальную оплату труда v, но и всю ту часть *продукта* по фонду m' общественного потребления, которая в конечном счете *снова обращается* в доход рабочего. В нашем балансе такой суммарный «продукт для себя», трудящихся, значительно превышающий фонд заработной платы всех категорий труда, подытоживается в общем фонде их *потребления*.

Дополнительный «доход» в бюджете рабочих за счет бесплатного лечения и обучения, пенсий и пособий и прочих все возрастающих затрат бюджета по фонду *общественного* потребления, в отличие от индивидуальной оплаты их по труду, распределяется вне всякой зависимости от труда, по потребностям трудящихся в том или ином виде помощи — и в этом отношении существенно отличается от всех прочих видов заработной платы. Но не следует забывать, что со временем, во второй фазе коммунизма, по потребностям будет распределяться весь общественный продукт, предназначенный обратиться в доход трудящихся. И тем, кто вздумал бы объем этого их дохода ограничить рамками одной лишь «заработной платы» в нынешних ее формах, пришлось бы в условиях коммунистического изобилия, за ликвидацией оплаты по труду, признать трудящихся совершенно обездоленными утратой этого единственного их «продукта для себя» в результате общественного производства. На самом деле в условиях социализма и *личный* трудовой заработок v, и *коллективное* участие каждого в использовании *общественных* фондов потребления m' следует рассматривать лишь как взаимно дополняющие друг друга формы вознаграждения за труд, из которых коллективная призвана возрастать с ростом изобилия, а индивидуальная падать в своем значении в качестве исчезающего придатка к коллективной.

Нужно заметить, что эти соображения имеют для нас не только чисто академический интерес, но и политическое значение. Не выходя за пределы платежных ведомостей в трактовке советских норм оплаты труда, мы, в сущности, повторяли бы лишь зады буржуазной практики, действительно никогда не выходившей за эти пределы. А между тем с такой трактовкой границ оплаты труда в СССР нетрудно проглядеть и ту особенность нашей экономики, в которой наиболее явственно обнаруживаются все более значительные ростки коммунизма. По подсчетам Госплана, как известно, «коллективная» оплата труда в СССР, распределяемая, в отличие от индивидуальной, по *коммунистическому* принципу — «каждому по его потребностям»,— уже в наши дни достигает 38% от уровня индивидуальной, с тенденцией дальнейшего возрастания этого процента. В соревновании двух систем для нас совсем не безразличны соотношения советских норм оплаты труда с зарубежными. И тот, кто в подобных условиях способен проглядеть важность полного учета *всех* элементов оплаты труда в СССР, обнаруживает, пожалуй, не только теоретическую незрелость, но и политическую слепоту.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 854.

Поясним это конкретным примером. По цензу 1947 г. валовой заработок рабочих в США равнялся 2538 долл. за год, что в среднем за месяц дает 211,5 долл., или 190 руб. по нынешнему курсу доллара в СССР. Норма как будто довольно высокая. Но для сравнения с нашими нормами к ней нужно сделать по меньшей мере две весьма существенные поправки. Во-первых, на безработицу, которой в СССР нет, и, во-вторых, на оценку тех социально-культурных услуг, какие в СССР, в отличие от США, предоставляются рабочим *сверх* зарплаты совершенно безвозмездно. Число безработных в США очень значительно, достигает в последнее время свыше 20% от числа всех рабочих [1]. И поскольку эти 20% безработных попадают на иждивение работающих в числе 80%, то валовой заработок последних приходится разделить на 1,25, что дает уже (211,5 : 1,25) только 169 долл., а если еще учесть, что советские рабочие на каждую сотню рублей деньгами получают дополнительно по меньшей мере на 38 руб. даровых услуг, за которые в США платят наличными, то для сравнимости с нашими нормами из учтенного выше номинала придется сделать еще порядочный вычет, и в итоге получим 169 долл. : 1,38 = 122,5 долл., т. е. едва 58% от исходной цифры [2].

Расчленяя в теории продукты для общества m на экономически вполне обособленные фонды общественного потребления m' и на фонд расширения m'', мы наталкиваемся в нашей практике на сходные с ними понятия «налога с оборота» и «прибылей» хозрасчетных предприятий. И прибыль, и налог с оборота несомненно входят целиком в обнимающую их сумму m. Но критерий, по которому они расчленяются между собою в этой сумме *на практике*, не имеет никакого теоретического обоснования. «Налог» от «прибылей» отличается только по способу взимания, безотносительно к их экономическому назначению. И, в частности, налог с оборота используется и на цели расширенного воспроизводства, и на текущее «общественное потребление» всех учреждений непроизводственной сферы. Надо думать, что полная специализация «налога с оборота» на одной лишь задаче финансирования *текущих* издержек управления и прочих бюджетных расходов непроизводственной сферы с тем, чтобы фонд расширения производства и резервов целиком покрывался за счет «прибылей» производственной сферы, помогло бы гораздо более четкому расчленению и планированию этих основных подразделений «продукта для общества» или, говоря иначе, валовых его накоплений. По-видимому, наши финансисты не разделяют этого мнения. Тем более важно было бы подвергнуть и этот вопрос обсуждению в связи со всеми другими проблемами народнохозяйственного баланса.

Не вполне ясным в нашей практике до сих пор остается даже вопрос о разграничении всей производственной сферы от непроизводственных областей труда. Так, доныне весь пассажирский транспорт практики из ЦСУ относят к непроизводственной сфере, а, скажем, практики из Госплана — к производственной. И, стало быть, народный доход у них должен получиться различный.

За счет чего же получаются подобные расхождения?

Здесь спор уже явно выходит даже за рамки экономики, ибо, очевидно, по-разному трактуется даже основное философское понятие *материи*. Одни утверждают, что продукция пассажирского транспорта *не материальна*, поскольку она, в отличие от перевозок товарных грузов, *не ове-*

---

[1] В мае 1954 г. в США, по официальным данным, насчитывалось 3305 тыс. полностью и 12 200 тыс. частично безработных, итого 15,5 млн., а в переводе на полных, по числу проработанных часов в неделю,— до 12,8 млн. безработных из 64 млн. человек.

[2] Мы уже не говорим о том, что после 1947 г. в США покупательная сила доллара падала, а в СССР многократное снижение цен повышало значение рубля.

ществляется ни в каких материальных благах и не переносит на них своей стоимости. Другие опровергают это утверждение ссылками на Маркса, который, как всем известно, весь транспорт, и грузовой и пассажирский, в равной мере относил к *материальному* производству [1]. Но пока что спор этим не решается, а каждая сторона остается при своем мнении.

Конечно, сами по себе цитаты не могут заменить собой аргументов. Но сторонники Маркса в этом споре могли бы привести в защиту своего мнения и серьезные аргументы. В самом деле. Что составляет продукцию транспорта? Очевидно, *перевозки*, или передвижение людей и грузов в пространстве, т. е. производство необходимой для этого *механической энергии,* измеряемой в тонна-километрах, подобно тому как продукт электростанций измеряется в киловатт-часах электроэнергии или в мега-калориях отпускаемой ими тепловой энергии. Лишь самое вульгарное представление о материи может, впадая в наивный идеализм, отрицать *материальность* электронов, фотонов и всех других проявлений энергии только потому, что их не назовешь «вещами». Материальны, т. е. объективно реальны не только вещество, но и энергия движения во всех ее превращениях. В отношении электроэнергии это уже общепризнано, и электростанции никто не исключает из сферы *материального* производства. Ничего, однако, не теряет в своей материальности электроэнергия и в своих превращениях в световую, тепловую и механическую, например в троллейбусах и электропоездах, хотя бы они перевозили только пассажиров.

Работа перевозок, в каких бы единицах производимой на транспорте и отчуждаемой им на сторону энергии мы ее ни выражали, несомненно, предоставляет нам в своей продукции *материальные блага.* И в этом отношении она ничем не отличается от прочей продукции всей материальной сферы производства. Но мы привыкли говорить об *услугах* транспорта. И возникает опасение, не придется ли нам, по аналогии с транспортными, и все услуги вообще отнести к *производственной* сфере, исходя из того, что любые услуги представляют собой работу, измеряемую в единицах энергии, и в этом смысле материальную.

Однако здесь необходимо устранить следующее недоразумение. Конечно, всякая деятельность человека сопряжена с *затратами* его энергии, но не всякая в результате этих затрат *воспроизводит* их в виде новой, годной к реализации энергии или иного овеществленного продукта. Например, услуги учителей и врачей, при всей их несомненной полезности и ценности для общества, требуя больших затрат человеческой энергии, по общему правилу вовсе не образуют собой никаких вещественных или энергетических, т. е. *материальных*, благ. Такие услуги, правда, повышают квалификацию и здоровье людей, содействуя воспроизводству *их рабочей силы.* Но в этой сфере воспроизводства рабочей силы мы имеем дело лишь с *потреблением* материальных благ, поступающих из *производственной* сферы. И если необходимо четко различать эти две основные сферы общественного быта и труда, то следует столь же четко различать и разные виды «услуг». И во всяком случае нельзя смешивать обслуживание *людей*, т. е. услуги потребителям их в непроизводственной сфере, с услугами материальному производству в непосредственном процессе воспроизводства вещественных благ и энергии.

В понятие материи входит неразрывно и вещество, и энергия. Это азбука марксизма. Значит, продукция транспорта *материальна* независимо от способов ее использования. И возражая против этого, казалось бы, можно лишь изобличить свое крайнее невежество. Но все же и эта проблема остается еще спорной.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 64.

Можно было бы отметить и ряд других спорных или неясных вопросов методологии построения и анализа народнохозяйственных балансов. Например, совсем неясно, *в каких ценах* следует исчислять натуральную продукцию деревни вообще, а в том числе и такую, какая вообще никогда не поступает в продажу? Как, скажем, оценить *прирост* молодняка или натул мясного скота в животноводстве? Непонятно, почему, учитывая в народном доходе натуральную продукцию нашей деревни, скажем, в зерне, наша практика отказывается от ее учета в домашнем хлебопечении и приготовлении обедов, хотя «материальное» овеществление такого рода продукции ни у кого не вызывает сомнений.

Все эти и тому подобные неясности убеждают, что теоретическая дискуссия вокруг проблем построения и планового использования отчетных и перспективных балансов народного хозяйства совершенно необходима. И можно лишь пожалеть, что до сих пор она ни разу еще не ставилась по-настоящему в порядок дня академических учреждений.

Вышеизложенная схема баланса с развернутым сказуемым, в котором находят свое отражение не только материальные, но и денежные и безналичные обороты ценностей в цикле их воспроизводства, была предложена мною впервые в докладе Отделению экономики и права уже несколько лет назад. В более сжатом виде баланса одних лишь *материальных* оборотов общественного продукта она изложена мною и в отдельной статье, на которую уже последовал первый критический отклик в печати [1]. Пользуюсь случаем, чтобы устранить излишние недоразумения, возникающие уже в самом начале весьма желательной дискуссии.

Мой критик прежде всего возражает против отражения «общественных издержек воспроизводства» в сфере обслуживания, утверждая, что в этой сфере «*нет средств труда и предметов труда*», а имеются лишь различные элементы «непроизводственного *потребления*», в том числе износ непроизводственных фондов, а также расход топлива и материалов в предприятиях и учреждениях непроизводственного назначения [2]. Этими словесными ухищрениями ему хочется как можно резче противопоставить эту сферу как сферу «потребления» «производственной» сфере. Однако в обоих сферах имеются элементы и производства, и потребления. И отличаются они друг от друга лишь по составу своей продукции и характеру потребления. А именно: в одной сфере производятся только *материальные блага*, а в другой — невещественные услуги, и в первой мы имеем дело с *производственным* потреблением, в котором потребляемые блага, исчезая в натуре, переносят, однако, свою стоимость на вновь создаваемый материальный продукт, а во второй — за отсутствием такого продукта — *непроизводственное* потребление благ является полным и окончательным.

Отрицая наличность средств и предметов труда в сфере обслуживания, П. Москвин должен был бы, последовательности ради, отвергнуть и наличие самого *процесса труда* в производстве услуг. А если его нигилизм не идет столь далеко, то он должен признать, вслед за Марксом, и все моменты этого процесса, т. е. целесообразную деятельность или самый труд, предмет труда и средства труда. И в самом деле, разве успешный труд ученых возможен в отрыве от библиотек и лабораторий или труд педагога без учебников и школьного оборудования, или труд хирурга без хирургических инструментов и перевязочных материалов, или труд художника без кистей и палитры, полотна и красок, или труд актера без декораций, костюмов и грима, не говоря уже о рабочих помещениях, свете и

---

[1] С. Струмилин. Баланс народного хозяйства как орудие социалистического планирования. «Вопросы экономики», 1954, № 11; П. Москвин. Некоторые вопросы построения баланса народного хозяйства. «Вопросы экономики», 1954, № 12.

[2] П. Москвин. Некоторые вопросы построения баланса народного хозяйства. «Вопросы экономики», 1954, № 12, стр. 15.

тепле, нужных каждому из них в процессе их труда. Называть эти вещи можно, как угодно, но производственная их роль от этого не изменится. И не замечать этой их роли можно лишь в состоянии безнадежной куриной слепоты.

Конечно, средства и предметы труда в сфере обслуживания *входят* в общие итоги «непроизводственного потребления». Но выделение их из этих итогов в балансе народного хозяйства на *особый* счет, соответствующий их специальному назначению, тем более необходимо, что без этого не получили бы надлежащего отражения все производственно-трудовые пропорции этого баланса. А в частности, не было бы обеспечено нормальное возмещение убыли и достаточное расширение *непроизводственных* фондов в соответствии с расширенным воспроизводством всего народного хозяйства. И это поставило бы под угрозу выполнение важнейших требований закона планомерного пропорционального развития.

Возражает П. Москвин и против моего предложения об очистке валовой продукции первого подразделения от повторного в ней счета для сопоставлений с продуктом второго подразделения, в стоимостной оценке которого, говоря теоретически, повторный счет отсутствует. Но основным аргументом Москвина против моего предложения служит лишь следующая ссылка его на Маркса: «Годовой товарный продукт общества,— писал К. Маркс,— равняется сумме товарных продуктов индивидуальных капиталов» [1]. Из указанного равенства, однако, никаких выводов в защиту повторного счета товарной продукции, на мой взгляд, не вытекает. Скорее даже наоборот. Ведь, сумма индивидуальных капиталов по всем предприятиям не предполагает *повторного* их счета. В другом месте Маркс рассматривает случай, когда часть постоянного капитала воспроизводит самое *себя*, как, например, применение в земледелии семян собственного производства. Семена имеют двоякое назначение: предметов труда и предметов потребления, представляя собой часть издержек производства, возмещаемую в натуре из валовой продукции зерна. И очень показательно, что при сопоставлениях первого и второго подразделений «эту часть,— по указанию самого Маркса,— надо заранее исключить на обеих сторонах, если мы хотим исследовать в чистом, незатемненном виде обмен между двумя крупными подразделениями общественного производства, между производителями средств производства и производителями предметов потребления» [2].

Только при этом условии исключения повторного счета предметов труда в издержках производства осуществимо, кстати сказать, и то равенство в схемах воспроизводства Маркса, по которому «общая сумма стоимости произведенных товаров равна стоимости всего совокупного капитала, входящего в производство данного года» [3]. Повторный счет предметов труда *увеличивает* стоимость валовой продукции, не требуя при этом никакого реального увеличения капитальных фондов. Значит, равенство их предполагает полное исключение повторного счета по всему первому подразделению при его сопоставлениях со вторым. И это вытекает не из той или иной цитаты и ее толкований, а из самого существа дела при таких сопоставлениях. Сопоставимы только *однородные* величины, и если во втором подразделении нет повторного счета продукции, то нельзя его допускать и в первом.

Отмечу и еще один упрек П. Москвина по моему адресу. «Весьма странно,— по его словам,— звучит утверждение акад. Струмилина, что заработная плата работников, занятых в непроизводственной сфере, представляет

---

[1] П. Москвин. Некоторые вопросы построения баланса народного хозяйства. «Вопросы экономики», 1954, № 12, стр. 16—17.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 593—594.
[3] Там же, стр. 594.

продукт для себя»[1]. Должен, однако, сказать, что такого утверждения я не разделяю. *Продукт* создается только в производственной сфере. Я пытался лишь показать в своей схеме, что 390 единиц оплаченного труда в *учреждениях* получены *за счет* «продукта для общества», в результате его перераспределения из сферы производства. Если это неясно из схемы, то придется уточнить необходимые к ней пояснения.

Замечу в заключение лишь одно. Наша дискуссия с П. Москвиным и его единомышленниками по вопросу о схемах баланса была бы много плодотворнее, если бы они представили читателю и свою схему баланса для сопоставления и встречной критики. Тем более что они могли бы заполнить свою схему гораздо более показательными итогами *отчетного* происхождения, что совершенно недопустимо авторам, далеким от статистических первоисточников.

---

[1] «Вопросы экономики», 1954, № 12, стр. 23.

IV. О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ[1]

1. О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ

Нередко мне приходилось слышать такой вопрос: регулируется ли в каждый отдельный конкретный период истории человечества народонаселение степенью развития производительных сил и сохраняется ли эта закономерность для коммунистического общества?

Вопрос этот не подвергался широким дискуссиям в марксистской литературе. Однако у классиков марксизма имеется целый ряд высказываний, позволяющих подойти к решению предложенного вопроса в данной его конкретной обстановке. Понятие законов народонаселения можно трактовать и шире, и у́же. Авторов поставленного здесь вопроса, по-видимому, интересует прежде всего специальная проблема о *темпах и пределах* расширенного воспроизводства населения на разных этапах развития производительных сил и общественных форм хозяйства. Но закономерности роста населения складываются из таких элементов, как рождаемость и смертность, а рождаемость находится в зависимости от колебаний брачности и плодовитости, биологические моменты этой динамики теснейшим образом связаны с экономическими и социальными. И в сложном переплете всех этих взаимосвязей не мудрено заблудиться без яркого светоча научной теории.

Не вдаваясь в историю вопроса, не мешает отметить, что одно из первых теоретических обобщений в этой области принадлежит еще неизвестному математику Леонарду Эйлеру, который в середине XVIII в. утверждал, что население, или, точнее, число родившихся умножается в геометрической прогрессии. Полвека спустя Мальтус развил эту идею, утверждая, что *тенденция* роста населения в *геометрической* прогрессии наталкивается на непреодолимое препятствие, ибо рост средств существования происходит в арифметической прогрессии. Из этого «естественного закона населения», как известно, извлекался апологетический вывод, по которому, в нищете и всех прочих бедствиях народных масс повинен не кто иной, как они сами, поскольку они не воздерживаются от брака и деторождения. Угрожая перепроизводством населения, этот апологет буржуазии не предвидел, однако, что уже через сотню лет буржуазное общество окажется перед обратной угрозой — недопроизводства его, ибо, несмотря на то, что средства существования в нем, вопреки Мальтусу, возрастают геометрическим темпом, его население все замедляет темпы своего прироста с перспективами даже прямой убыли населения. В 1830 г. некто Садлер выступил со своим «законом населения», согласно которому плодовитость населения, независимо от места и времени, *обратно пропорциональна* его плотности. В противовес всем подобным попыткам установить незыблемый *внеисторический* закон народонаселения по образцу законов природы К. Маркс, как известно, противопоставил свой знаменитый тезис «всякому

[1] С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М., Госстатиздат, 1958.

исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек» [1].

Такой исторический подход еще не отрицает чисто биологических факторов размножения, равным образом действующих не только у людей, но и у животных, как, например, влияние возраста на плодовитость матерей или влияние голода и пресыщения на рождаемость. Он только отводит им строго подчиненную роль в человеческом обществе, поскольку они весьма по-разному проявляются на разных ступенях человеческой истории. В самом деле, можно сказать, что, чем выше возраст матерей, тем ниже их плодовитость. Но брачность женщин — это уже социальное явление. И начало брачного возраста, и процент женщин в браке сильно колеблются в различной общественной среде и обстановке, а в зависимости от этого меняется и средний уровень плодовитости всех женщин разных эпох и в различной среде. Так, в селениях она много выше, чем в городах. В семьях, где матери заняты производственной работой, плодовитость их раза в два ниже, чем у матерей, занятых только в своей семье. Легко понять, в указанных условиях, какие сдвиги в сторону *снижения рождаемости* происходят в результате *индустриализации* различных стран с привлечением рабочей силы из сел в города и с вовлечением женщин в производственную работу. В том же направлении, очевидно, воздействовала на рождаемость и *смена феодальных форм хозяйства капиталистическими,* поскольку она сопровождалась резкой *индустриализацией* феодального общества.

Возьмем еще одну биологическую закономерность. Опыт голодных лет показал нам, что длительное голодание и изнурительный труд, истощая организм женщин и прекращая у них менструации, радикально исключали возможность зачатий, а стало быть, и рождений. Аналогичное действие, по-видимому, оказывает и избыточное питание в условиях праздности, приводящее к ожирению, пресыщению и бесплодию. Ожиревшие куры не несутся, откармливаемые на убой свиноматки не поросятся. Таковы крайние *биологические* пределы, между которыми рождаемость, все возрастая, достигает на каком-то полусытом уровне своего максимума. Вместе с тем те же факторы, голод и пресыщение, снижая рождаемость, одновременно повышают заболеваемость и смертность, минимум которой надо искать между теми же пределами — на полусытом уровне. Но голод и пресыщение это только частные проявления *бедности и богатства,* разные сочетания которых, а стало быть, и определяемый ими уровень благосостояния, рождаемости и смертности целиком зависит от *изменяющихся* форм хозяйства и общего уровня производительных сил. Наблюдая окружающую обстановку, А. Смит еще на заре капитализма подметил, что «*бедность,* по-видимому, благоприятствует *размножению*». Служитель церкви аббат Галиани приписал это, конечно, промыслу божию. «Бог устроил так,— объяснял остроумный аббат,— что люди, исполняющие наиболее полезные работы, рождаются в наибольшем числе» [2]. Но у А. Смита мы находим и другое не менее любопытное наблюдение. «Бесплодие,— замечает он,— столь частое среди светских женщин, весьма редко встречается у женщин из низших слоев народа. Роскошь, может быть, порождает в прекрасном поле страсть к наслаждениям, но, по-видимому, *всегда ослабляет и часто совершенно уничтожает способность к деторождению*» (курсив мой.— *С. С.*) [3].

У К. Маркса эти слабые намеки на закономерность в наблюдениях А. Смита и Галиани приобретают уже совершенно четкую формулировку

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 646.
[2] Приведено у Маркса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 658.
[3] А. Смит. Богатство народов. М., 1935, т. 1, гл. VIII, стр. 72.

закона размножения. «В самом деле,— пишет Маркс о рабочих,— не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих»[1]. Этот закон подтверждается на каждом шагу в рамках капиталистического общества. Однако было бы «бессмыслицей», как это подчеркивает Маркс, если бы мы отнесли его к *дикарям* доклассового общества, вовсе не знавшим наземного труда. Столь же нелепо было бы применять его к условиям коммунистического общества, в котором в соответствии с принципом распределения — «каждому по его потребностям» — не будет зарплаты, имущественного неравенства и различных уровней благосостояния. Таким образом, конкретно-*исторический* характер этого закона стоит вне всяких сомнений. Вопрос о том, в какой мере он применим за рамками капитализма, например на первой ступени социалистического хозяйства, где еще применяется плата за труд, требует уже специального рассмотрения с учетом всех социально-исторических особенностей этой ступени.

«Что значит „ставить вопрос о населении на социально-историческую почву"?» — спрашивал по аналогичному поводу В. И. Ленин и отвечал: «Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой»[2]. В другой, более ранней своей работе В. И. Ленин писал о том же: «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не „абстрактно", без отношения к исторически различным формам общественного устройства»[3]. Следуя именно таким требованиям конкретно-исторического анализа, Маркс ограничил свое исследование закона населения рамками капиталистического общества. Но мы, имея возможность вполне конкретного исследования и первой фазы следующей ступени развития в условиях СССР, могли бы пойти и дальше. Учитывая, что и здесь, в первой фазе развития нового общества, действует еще тот же принцип распределения — «каждому по его труду», который применялся и в практике капиталистического найма, позволительно задаться вопросом: не подтверждается ли и в наших условиях открытый Марксом закон обратной пропорциональности рождаемости и смертности различных социальных групп населения уровню их благосостояния? Для эмпирической проверки этой гипотезы у нас в СССР в 1934 г. было задумано и проведено выборочное обследование с опросом до 10 000 матерей из семей заводских рабочих, служащих и инженерно-технического персонала. Разбив все эти семьи на три группы по среднему душевому доходу в месяц и определив число рождений на 1000 лет брачной жизни для каждой группы семей, мы получили такую зависимость между их благосостоянием и плодовитостью:

Группа по доходу	Доход на душу, руб.	Число рождений
I	до 45	226
II	45—75	192
III	свыше 75	141

Как видим, чем выше заработки и благосостояние советских рабочих семей, тем ниже в них плодовитость матерей и обратно. К тем же выводам приводит нас и другая группировка того же материала по социальному признаку — на семьи рабочих, служащих и инженерно-технического персонала (ИТР), для которых оказалось возможным определить не только

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 658.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 169.
[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 476.

плодовитость на 1000 лет брачной жизни матерей, но и детскую смертность до одного года на 1000 рождений. Итоги получились такие:

Социальная группа	Число рождений	Число смертей
Рабочие	191	160
Служащие	124	143
ИТР	118	118

Как видим, и здесь повышение благосостояния с переходом к высшим группам по квалификации приводит к *снижению* рождаемости и смертности в полном соответствии с вышеуказанным законом Маркса. Но это отнюдь еще не исключает принципиального отличия того основного *закона населения,* какой был установлен Марксом для капиталистических условий, от закономерностей советской эпохи. Влияние уровня благосостояния на темпы воспроизводства населения, как и биологическая его основа,— это только один из элементов, из которых складываются общие закономерности развития различных общественных формаций. «...Свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения», по Марксу, сводится к тому, что «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением» [1]. Это *относительное перенаселение,* образующее резервную армию безработного пролетариата, являясь необходимым продуктом накопления и условием дальнейшего самовозрастания капитала, отнюдь не зависит от масштабов и темпов действительного прироста населения. Оно вытекает не из условий размножения, а из «всеобщего закона капиталистического накопления» с его судорожным циклическим движением от кризиса к кризису, массовой безработицей и прогрессирующим обнищанием пролетариата. В советской экономике этот закон со всеми его проявлениями полностью потерял свою силу. И можно сказать, что рождаемость в СССР и общий естественный прирост населения гораздо выше, чем в странах капитализма, именно потому, что у нас нет ни кризисов, ни безработицы, ни избыточного населения. Вместо обнищания наш рабочий класс все время повышает свой уровень жизни. А вместо перенаселения мы явственно ощущаем, что заселенность наших советских просторов еще совершенно недостаточна для полного использования их богатейших естественных ресурсов.

Все это создает предпосылки для вступления в силу нового, *социалистического* закона населения, по которому, как это предусматривал Энгельс еще в 1865 г. в письме к Ланге, «человечество могло бы размножаться быстрее, чем это совместимо с современным буржуазным обществом» [2]. Такое преимущество социалистической системы хозяйства над капиталистическим хозяйством в темпах размножения представляет собой, наряду с другими, немалый шанс в историческом соревновании этих систем. И потому, отнюдь не страшась всех угроз перенаселения, какими нас пугают пропагандисты абортов, презервативов и прочих рецептов неомальтузианской кухни, советское хозяйство сознательно применяет ряд плановых мероприятий к усилению этого шанса. *Бездетные* семьи штрафуются специальным налогом, а многодетные матери обеспечиваются прогрессивной шкалой единовременных и ежемесячных пособий за каждого следующего ребенка сверх двух и награждаются почетными званиями и орденами — «Мать героиня», «Материнская слава» и др. Мы уже не говорим о всей системе мер по охране детства и материнства, столь характерной для советской организации хозяйства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 645—646.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 450; ср. Б. Маркус. Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 299.

Наличие совершенно бесспорного преимущества социалистической системы хозяйства над капиталистической в темпах размножения, однако, вовсе еще не предрешает вопроса о вековых тенденциях этих темпов и направления их в пределах каждой отдельной формации. Абстрактно он не решается. Однако имеются уже попытки его решения и на базе конкретно-исторического исследования. Мы имеем в виду весьма любопытную в этом отношении работу Урланиса [1]. Давно уже отмечался в литературе факт теснейшей связи между плотностью населения и уровнем хозяйственного развития. Так, периоду охоты и рыболовства, по Левассеру, соответствовала плотность населения от 0,02 до 0,03 чел. на 1 кв. км, скотоводческому — от 0,5 до 2,7, земледельческому — до 40, промышленному — до 160 чел. Это эмпирическое наблюдение зависимости между степенью населенности страны и уровнем ее производительных сил поддается, однако различным толкованиям, тем более что и само население представляет собой одну из важнейших производительных сил. Естественно возникает гипотеза, что именно рост населения является движущей силой прогресса, ибо, достигнув того предела плотности, когда ему уже не хватает средств существования при данном способе производства, оно вынуждено перейти к другому, более продуктивному. Этой концепции, в частности, придерживался даже такой крупный ученый, как М. М. Ковалевский. «Продолжительные изыскания привели меня,— пишет он,— к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения». Возражая против этой теории, можно, между прочим, отметить следующие факты.

Если бы рост народонаселения являлся определяющей силой общественного развития, более высокая плотность населения обязательно должна была бы вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. На деле, однако, этого не наблюдается. Плотность населения в Китае [2] в четыре раза выше, чем в США, однако США стоят выше с точки зрения общественного развития, чем Китай, ибо в Китае все еще господствует полуфеодальный строй, тогда как США давно уже достигли высшей стадии развития капитализма. Плотность населения в Бельгии в 19 раз выше, чем в США, и в 25 раз выше, чем в СССР, однако США стоят выше Бельгии с точки зрения общественного развития, а от СССР Бельгия отстала на целую историческую эпоху, ибо в Бельгии господствует капиталистический строй, тогда как СССР уже покончил с капитализмом и установил у себя социалистический строй. Но если рост населения еще не определяет собой смены способов производства и экономических формаций, то обратное их воздействие на законы размножения у нас, марксистов, не вызывает сомнений.

По Урланису, не только рост, но и *темп* роста населения зависит от уровня производительных сил, скачкообразно повышаясь от формации к формации на протяжении почти всего исследованного им периода с 1000 г. нашей эры. В частности, за период феодализма от 1000 до 1500 г. в Европе он определяет этот темп ежегодного природа всего в 0,09%, для «эпохи первоначального накопления» (1500—1800 гг.) этот прирост определяется им в 0,22% и для эпохи промышленного капитализма (1800—1900 гг.) — 0,69%. Но уже за 1900—1940 гг. эпохи империализма, по Урланису, намечается некоторое снижение этого темпа — до 0,64%. А более тщательный анализ коэффициентов рождаемости *капиталистической* Европы показывает, что уже накануне второй мировой войны, к 1939 г., плодовитость ее населения настолько иссякла, что полностью перекрывалась смертностью с перспективой не только стабилизации, но и прямой даже убыли населения в ближайшие годы [3]. Вместе с тем имеющиеся

[1] Б. Ц. Урланис. Рост населения Европы. М., 1941, стр. 371, 365.
[2] Речь идет о Китае 1939 г.
[3] Б. Ц. Урланис. Указ. соч., стр. 380—381, 388, 315.

данные о динамике темпов рождаемости и смертности за последние пару столетий убеждают в том, что возрастание темпов естественного прироста населения за это время почти целиком объясняется лишь *снижением смертности* при довольно устойчивых коэффициентах рождаемости. Все XVIII столетие и около 70 лет XIX в. число рождений колебалось около 3,9% от численности населения. Но с 70-х годов XIX в. начинается непрерывное снижение и этого показателя — до 2% в 1939 г., т. е. почти вдвое. За первую половину этого периода, до начала XX в., однако, снижение рождаемости еще *отставало* от падения смертности, и потому прирост населения все еще *ускорялся,* а затем, начиная с 1904 г., падение рождаемости уже неуклонно *опережает* падение смертности, что приводит к общему затуханию темпов прироста населения капиталистической Европы[1].

Вторая мировая война на время как будто нарушила эту тенденцию, и во многих странах Запада показатели воспроизводства населения значительно возросли. Но, по-видимому, важнейшей причиной этого явления была сама война своим воздействием на возрастно-половую структуру населения. И за последние годы наблюдается уже новое усиление довоенных тенденций развития в этой области. Обобщая их, можно сказать, что на первой, *восходящей* линии развития капитализма возрастала и показатели так называемого естественного прироста населения, этой главнейшей производительной силы каждого общества. Но затем, начиная с эпохи империализма, наблюдается обратное явление — очень заметное замедление в росте этой важнейшей производительной силы. И эта затухающая кривая роста населения вполне соответствует одновременному замедлению темпов роста самого капитализма на второй, *нисходящей* линии развития этой хозяйственной формации.

Подобная же закономерность подтверждается данными новейшего исследования А. Г. Рашина о динамике населения России за целое столетие (1811—1913 гг.)[2]. В годы расцвета крепостничества в России (1742—1796 гг.) рост ее населения значительно превышал темпы его прироста к концу феодальной эпохи, когда за 1850—1860 гг. этот прирост даже по всему населению не превышал 6,5 промилей, а в *крепостном* крестьянстве смертность уже превышала рождаемость, ярко свидетельствуя об исторической обреченности на близкую гибель всей феодальной формации. Победа капитализма в России сразу обусловила целый скачок в ежегодных приростах населения — с 6,5 до 13,3 промиля за 1861—1871 гг. А затем из десятилетия в десятилетие этот показатель возрастал до своего максимума в 1896—1900 гг. в 17,4 промиля и снова упал в эпоху империализма до 16,7 промиля за 1901—1905 гг., 16,3 — за 1906—1910 гг. и 15,7 промиля — за 1913 г. И здесь, таким образом, падение этого показателя по нисходящей кривой предвещало капитализму близкий конец еще до начала Октябрьской революции.

Обращаясь к опыту СССР, легко убедиться, что и на этом этапе смены формаций имело место скачкообразное повышение темпов размножения населения. О масштабах этого скачка с переходом от капитализма к новым формам социалистического общежития и к новому подъему производительных сил можно судить по следующим цифрам. Сопоставляя данные 1912 г. в пределах 50 губерний Европейской части царской России с итогами 1925 г. по Европейской части СССР, мы можем отметить такие сдвиги в темпах роста населения. В то время как во всех других странах наблюдалось резкое падение рождаемости, в СССР рождаемость *возросла с 42,7 до 44,2* промиля, а смертность, наоборот, упала с 26,0 до 22,9 смертей на 1000 душ населения, в связи с чем годовой естественный прирост

---

[1] Там же, стр. 231, 238, 248, 271, 281.
[2] А. Г. Рашин. Население России за 100 лет. М., 1956, стр. 40, 154, 156.

населения поднялся за те же годы с 16,7 до 21,3 промиля в 1925 г. и даже до 23,6 промиля в 1926 г., т. е. почти на 42%, и достигал огромной цифры до 3 млн. душ по всему Союзу[1].

На переломе — от эпохи мануфактуры к фабричному строю — капиталистической Европе для такого же скачка не хватило всего XIX в., за который темпы прироста населения поднялись всего с 7,1 до 10 промилей, не достигнув в своем максимуме половины советской нормы 1926 г. Правда, в дальнейшем ходе развития СССР в результате индустриализации, роста городов и подъема благосостояния трудящихся у нас имело место значительное снижение коэффициента рождаемости, а вместе с ним и общих темпов расширенного воспроизводства населения. Но в странах капитализма это снижение шло еще быстрее. И в то время, как в СССР среднегодовой прирост населения за 1926—1939 гг. составлял 1,23%, в США он не превышал уже 0,67, в Германии — 0,62, в Англии — 0,36%, а во Франции с 1935 г. и вовсе уже представлял отрицательную величину.

В настоящее время, после второй мировой войны, в которой особенно выиграли США, это заметно отразилось и на темпах роста населения в этой стране. Франция в новых границах улучшила, а Западная Германия еще ухудшила свои показатели воспроизводства. И в общем, по данным 1954—1955 гг., эти показатели в процентах к населению выражались в таких цифрах:

	Рождаемость		Смертность		Прирост	
	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.	1954 г.	1955 г.
Соединенное королевство	1,56	1,54	1,14	1,17	0,42	0,37
Западная Германия	1,57	1,57	1,04	1,08	0,53	0,49
Франция	1,88	1,86	1,20	1,22	0,68	0,64
Япония	2,01	1,94	0,82	0,78	1,19	1,16
США	2,49	2,46	0,92	0,93	1,57	1,53
В среднем	1,90	1,88	1,02	1,04	0,88	0,84
СССР	2,65	2,56	0,89	0,82	1,76	1,74

Как видим, в старейших странах капитализма самые низкие показатели воспроизводства, в самых молодых — Японии и США — они еще значительно выше. Но и им не избежать общей тенденции к падению. И в СССР, стране социализма, они не случайно выше, чем даже в самой богатой стране капитализма. Это объясняется прежде всего резким снижением смертности в СССР после Великой Октябрьской революции. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на следующие цифры:

	Смертность на 1000 душ, %		
	1913 г.	1927 г.	1953—1955 гг.
Франция	17,7	16,5	12,5
Англия	14,3	12,5	11,5
США	13,8	11,3	9,4
В среднем	15,3	13,4	11,1
СССР	30,2	22,8	8,8 *

* В 1960 г. смертность в СССР понизилась до 7,1 промиля.

Влияние на снижение смертности в СССР таких экономических факторов, как рост благосостояния трудящихся, ликвидация кризисов и безработицы и прогрессивное социальное законодательство в стране, совершенно бесспорно, и вот его результаты: в США, самой передовой из стран капитализма, за 40 с лишним лет смертность снизилась всего на одну треть, а в СССР, первой из стран социализма, *в три с половиной раза!* Продви-

[1] «Естественное движение населения СССР за 1923—1925 гг.», М., 1928 и за 1926 г. М., 1929.

жение СССР с последних мест по этому показателю на одно из самых первых в мире, с удвоением средней продолжительности жизни более чем в два раза за этот срок, можно рассматривать как нагляднейшее доказательство, что в закономерностях воспроизводства населения *примат экономики над биологией* неоспорим.

Таким образом, подводя итоги всему сказанному о темпах воспроизводства населения, можно ответить на поставленный вопрос вполне удовлетворительно. Конкретные факты подтверждают, что народонаселение на всех уже пройденных ступенях развития «регулировалось» достигаемой степенью развития производительных сил. Этот фактор воздействует на рост населения и прямо, умножая материальные фонды расширенного воспроизводства рабочей силы, и косвенно, воздействуя через новые способы воспроизводства и новые формы общежития, со всеми идеологическими над ними надстройками, на психику и физиологию новых поколений. Это сложное воздействие, однако, нельзя выразить слишком упрощенной *формулой роста* уже потому, что даже самый мощный *экономический фактор* растущего благосостояния, преломляясь через призму физиологии, только до известного уровня благоприятствует ускорению темпов размножения, а затем замедляет их и даже угрожает прямой деградацией, вырождением и вымиранием тех классов и прослоек общества, которые достигают, казалось бы, вершин благосостояния.

Заслуживает также внимания факт весьма эффективного сознательного вмешательства организованного человечества в область регулирования процессов воспроизводства населения методами законодательного, финансового и морального воздействий, доступных нам на достигнутой ступени планового хозяйства. Такое вмешательство, отнюдь *не отменяя* общих закономерностей экономического развития, все же, несомненно, позволит наилучше их *использовать* в соревновании с другими формами хозяйства и тем самым избежать многих опасностей. В отношении грядущих форм коммунистического хозяйства было бы еще преждевременно *абстрактно* конструировать те или иные закономерности в интересующей нас области. Однако нет никаких оснований предполагать, что эти закономерности на *высшей* ступени того развития, *первой* фазой которого является социализм, принципиально отличались бы от известных уже нам их проявлений в плановом советском хозяйстве. Весьма вероятен новый скачок вверх приростов населения с организацией общественного питания и воспитания детей, что в огромной степени облегчит бремя материнства. Возрастут возможности и планового использования всех объективных закономерностей. Но не исчезнет необходимость *познавать* их все глубже и *считаться* с ними, хотя бы в интересах того же практического их использования.

2. О НОРМАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Богатейший материал о движении населения в России за целое столетие, умело собранный, проанализированный и систематизированный А. Г. Рашиным в его книге, несомненно, представит большой интерес не только для статистиков-демографов, но и для широкого круга историков и экономистов.

Динамика показателей рождаемости и смертности за сто лет очень ярко отображает в себе и смену общественных формаций в стране от феодализма к капитализму, и развитие капитализма в разных его фазах, и зависимость ее от занятий индустриального и земледельческого населения, и заметное воздействие на эту динамику даже таких социальных явлений, как отдельные промышленные кризисы, войны и революции. Все это доказывает, что трактовка *общественных* законов населения как законов *биологических* становится явно абсурдной и невозможной.

Еще и доныне некоторые просвещенные авторы повторяют ошибочное мнение, по которому так называемый естественный прирост населения в феодальной России был выше, чем в последующую эпоху капитализма. Но, приписывая таким образом дряхлеющему феодализму большую жизнеспособность, чем юному капитализму в его восходящей фазе, эти авторы глубоко заблуждаются. И А. Г. Рашин своим анализом данных крепостной статистики вскрывает корни этой ошибки. Он показывает, что смертность учитывалась до реформы приходским духовенством значительно хуже, чем рождаемость по метрическим свидетельствам. И те, кто пользуется только этими дефектными данными о числе смертей и рождений в крепостной России при исчислении роста населения, неизбежно *преувеличивают* жизнеспособность феодально-крепостнического строя. Но, пользуясь более достоверными данными переписей и «ревизий», А. Г. Рашин убедительно обнаруживает всю необоснованность таких преувеличений. Еще в XVIII в. крепостное населения России *росло* в своей численности, хотя и со значительным отставанием от роста всего населения. В частности, с 1742 по 1796 г.— между 2-й и 5-й ревизиями — число крепостных, по подсчетам В. И. Семевского, возросло за 54 года всего на 62%, что в среднем за год не превышает 8,8 душ на 1000. В дальнейшем ежегодный прирост *всего* населения России, достигавший за 1800—1860 гг., даже по *преувеличенным* данным ЦСК, не свыше 14,8 промиля, резко падает в 1830—1860 гг. до 9,2 промиля, а за 1850—1860 гг. он не превышает даже 6,5 промилей на 1000 душ. Но данные о *всем* населении не характерны для крепостной России этого периода, в особенности за 1830—1860 гг., когда в ней уже обозначилось начало промышленного переворота и протекал глубокий кризис всей крепостной системы хозяйства. За эти годы наиболее характерной является динамика *крепостного* населения.

Дело в том, что крепостное население, т. е. основная производительная сила феодальной России, за последние десятилетия перед реформой уже *вовсе не росло,* а падало, свидетельствуя тем самым об исторической обреченности феодальной формации на близкую гибель. В самом деле, с 1835 по 1858 г. крепостное население Европейской России за 23 года сократилось с 22 888 тыс. до 21 164 тыс., т. е. на 1724 тыс. чел., или на 7,5%. Эта убыль, как признавал в свое время царский министр финансов Н. Х. Бунге, «тем более поразительна, что ее нельзя объяснить ни перечислением в сословие крестьян государственных, ни отпущением на волю» [1]. Все остальное крестьянство за те же годы выросло с 16,81 до 20,05 млн., т. е. на 3,24 млн. чел., или на 19,3%, что в среднем за год дает едва 0,76%. Однако даже при таком скромном перевесе рождаемости над смертностью число крепостных за 23 года должно бы возрасти на 4,41 млн. душ. И, если оно, наоборот, еще упало на 1,72 млн., поглотив весь этот прирост, то общие потери крепостного населения определяются в 4,41 + 1,72 = 6,13 млн. душ. Исключив из этого итога убыль за счет переходов крепостных в другие категории населения до 1410 тыс., получим дефицит в 4,7 млн. душ. Почти целиком этот дефицит приходится отнести уже только за счет высокой смертности крепостного населения, которая за эти годы, как видно, превысила на 4,7 млн. число всех рождений.

В среднем за год это превышение смертности достигало, стало быть, около 9 на 1000 душ. Средняя рождаемость всего населения, включая города и села Европейской России, к моменту крестьянской реформы 1861 г. равнялась 49,7 рождений на 1000 душ. Таким образом, смертность *крепостного* населения, при указанном ее превышении рождаемости, достигала уже примерно 58,7 промиля. А его жизнеспособность, измеряемая отношением числа рождений к числу смертей, составляла не свыше

[1] Все эти «перечисления» за 1835—1851 гг. не превышали, по имеющимся данным, 470 тыс. чел. И если даже эту цифру утроить за счет перехода крепостных в иные сословия, то вся объяснимая этим убыль не превысит 1410 тыс. чел.

49,7 : 58,7, т. е. около 0,85. Иными словами, крепостное хозяйство, не обеспечивая даже *простого воспроизводства* своей вымирающей рабочей силы, тем самым уже явно обнаружило свое полное банкротство.

С освобождением вымирающей крепостной деревни в России капитализм сразу же снизил в ней столь высокую смертность, заметно повышая вместе с тем и общие показатели роста всего населения. Наемный труд стал производительнее крепостного. Развитие капитализма в его восходящей фазе сопровождалось ростом технического прогресса, повышением народного богатства и культурного уровня населения. Сложные машины требовали за собой ухода культурных рабочих. А возрастающий уровень культуры уже сам по себе означает падение смертности. А. Г. Рашин показывает, как даже самое скромное повышение элементарной грамотности матерей в России сопровождалось заметным снижением наиболее высокой *детской,* а вместе с тем и общей смертности населения. Все это обусловило такую динамику ежегодных показателей его роста в Европейской России за 1861—1913 гг. (в промилях):

Годы	Рождаемость	Смертность	Прирост
1861—1870	50,2	36,9	13,3
1871—1880	50,4	36,4	14,0
1881—1890	50,4	35,5	14,9
1891—1900	49,2	34,2	15,0
1901—1905	47,7	31,0	16,7
1906—1910	45,8	29,5	16,3
1911	45,0	27,4	17,6
1912	43,7	26,5	17,2
1913	43,1	27,4	15,7
1861—1913	48,9	34,0	14,9

К этому еще можно добавить, что с началом мировой войны прирост населения Европейской части России, не считая боевых потерь и притока беженцев, не превышал 15,2 промиля, а за 1915 г. определилась уже прямая убыль в 13 человек на 1000 душ [1]. Таким образом, в среднем за 1911—1915 гг. ежегодный прирост едва ли превышал 10,5 промиля.

Как видим, по сравнению с приростом населения феодальной России за 1851—1860 гг., который для *всего* населения не превышал 6,5 промиля в год, а для *крепостного* падал ниже нуля, годовой прирост в эпоху капитализма за первое же десятилетие возрастает до 13,3 промиля, т. е. более чем вдвое. Очень характерно при этом, что наибольшей высоты — 17,4 промиля — этот показатель, повышаясь в отдельные годы до 18,3 промиля, достигает в среднем за пятилетие 1896—1900 гг., т. е. в годы максимальных темпов роста капиталистической промышленности в России. После чего, в эпоху империализма, падают и темпы индустриального развития и намечается явная тенденция к снижению показателей роста всего населения, прерванная лишь Великой Октябрьской социалистической революцией. И темпы этого снижения от пятилетия к пятилетию можно выразить в следующих цифрах:

Годы	Прирост на 1000 душ	%
1896—1900	17,4	100
1901—1905	16,7	96
1906—1910	16,3	94
1911—1915	10,5	60
1901—1915	14,5	83

Особо резкое падение годового прироста за 1911—1915 гг. связано, конечно, с началом первой империалистической войны. Но войны, как

[1] Е. З. Волков. Динамика народонаселения СССР. М.— Л., 1930, стр. 100.

вполне закономерное порождение империализма, не нарушают, а лишь подчеркивают свойственные ему закономерности и в области демографических процессов. Ни войн, ни кризисов, как слова из песни, не выкинешь из истории закономерностей движения населения в эпоху капитализма. Но А. Г. Рашина можно упрекнуть в том, что он недостаточно внимания уделил в своей книге явлениям этого рода.

Движение населения на капиталистическом Западе подчинено тем же закономерностям, какие наблюдались и в дореволюционной России. В начале капиталистического развития прирост населения повсюду возрастал, а затем, с ростом монополий и застойной безработицы, начинает падать. Особенно резко это падение сказывается после 1900 г. в странах загнивающего империализма. Так, ежегодный прирост населения в Германии с 1870-х гг. XIX столетия к 1901—1910 гг. поднялся за 30 лет с 11,9 до 14,3 промиля, а затем уже к 1925—1932 гг. он скатился к 6—7 промилей, т. е. снизился более чем вдвое. В Англии, где капитализм был много старше германского и падение прироста населения началось раньше, чем в Германии, а в общем с 1871—1880 до 1925—1932 гг. он упал здесь с 14 до 4,4 промиля, т. е. более чем втрое. Во Франции падение прироста началось еще раньше, и здесь он еще в 1859—1863 гг. не превышал 2,9 на 1000 душ, а к 1926—1939 гг. он падал уже до 0,8 на 1000 душ и ниже.

Такое снижение перевеса рождений над смертностью в странах империализма уже само по себе свидетельствует о падающих шансах этой системы хозяйства в экономическом ее соревновании с социализмом. Отношение числа рождений к числу смертей, которое может служить мерой расширенного воспроизводства *населения,* т. е. основной производительной силы любого общества, еще накануне второй мировой войны, к 1939 г., было не одинаково в разных странах: во Франции оно не превышало 110%, в Англии — 121, в США — 131%. В это же время в СССР этот показатель жизнеспособности наций, именуемый коэффициентом Покровского, достигал 215,7%.

Но коэффициент Покровского еще не обладает полной сравнимостью для разных стран с различной возрастно-половой структурой общества. Для полной сравнимости показателей воспроизводства населения демографы исчисляют обычно так называемый нэтто-коэффициент воспроизводства, показывающий, сколько *в среднем каждая* женщина родит девочек, которые доживут до возраста своей матери, достигнутого ею к моменту их рождения. Если этот показатель меньше единицы, значит в данном обществе не обеспечено даже простое воспроизводство его населения. А между тем, как показывают вполне надежные расчеты, этот коэффициент, по данным 1933 г., не превышал в США 0,94, во Франции — 0,88, в Англии — 0,76, а в гитлеровской Германии, столь жаждавшей для своей экспансии захвата чужих «пространств», едва достигал 0,71. Такие показатели воспроизводства, возвещающие начало прямого вымирания ближайших поколений в странах загнивающего капитализма, предвещают и приближающийся конец этой изживающей себя общественной формации [1]. Такое же вымирание крепостного населения предвещало собой банкротство феодальной системы хозяйства. Да и банкротству рабовладельческой формации предшествовало, по-видимому, подобное же вымирание рабочей силы — рабов, после того как ряды их перестали восполняться все новыми пополнениями с расширением границ мировой Римской империи.

В основе всех этих формаций, как известно, лежали классовое господство и классовая эксплуатация трудящихся масс. В связи с этим и смерт-

[1] Правда, после второй мировой войны этот индекс воспроизводства населения во многих странах Запада по ряду причин значительно возрос. В частности, этому содействовало и влияние войны на возрастно-половую структуру населения. Однако все такие временные влияния не могут изменить исторических судеб обреченного империализма.

ность, и рождаемость, и все другие показатели воспроизводства населения не могут быть одинаковыми для разных классов и в различных условиях эксплуатации труда. Давно уже замечено, например, что в буржуазных кварталах смертность много ниже, чем на рабочих окраинах. А рождаемость у бедноты как будто даже возрастает. А. Смит полагал, что «бедность, по-видимому, *благоприятствует* размножению». А Маркс, как известно, формулировал в качестве *закона* капиталистического общества следующее важное наблюдение: «...не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы...» [1]. И в книге А. Г. Рашина мы находим немало фактических иллюстраций, соответствующих данной закономерности. Но остаются неясными причинные связи, лежащие в основе этой закономерности.

Заслуживает внимания прежде всего теснейшая связь между рождаемостью и смертностью, которые по закону, сформулированному Марксом, возрастают и падают одновременно от одних и тех же причин. Достаточно ясна и причинная связь между уровнем оплаты труда и смертностью рабочих в условиях капиталистической их эксплуатации. Смертность тех категорий рабочих, которым достается *меньшая* масса средств существования, естественно *выше* по сравнению с теми, которые получают их больше других. Как известно, в условиях капитализма заработная плата рабочих даже *в среднем* близка к *минимуму* средств существования. И, стало быть, для тех категорий рабочих, где она опускается *ниже* такого минимума, а в случае возрастающей безработицы падает и до нуля, повышенная смертность неизбежна. Это не требует объяснений. Однако и в данной среде «бедность *благоприятствует*» не столько «размножению», сколько вымиранию.

Тем не менее показатели рождаемости с повышением смертности тоже вполне закономерно повышаются, а с понижением падают. И эта закономерность вытекает уже из различий в показателях возрастной *смертности* и в *возрастной структуре* населения при различных условиях смертности. Как известно, максимальная смертность наблюдается в самых нежных, детских и самых дряхлых, старческих возрастах. Поэтому при *снижении* смертности всего быстрее возрастает удельный вес детей и стариков и падает удельный вес *брачного* возраста, а стало быть, и число рождений на 1000 душ всех возрастов. При повышении смертности, наоборот, самыми стойкими оказываются средние возрасты. Удельный вес детей и стариков падает, а доля лиц брачного возраста растет, а вместе с тем растут и показатели рождаемости. Поясним это конкретным числовым примером.

Пусть нам дана структура населения за *два* периода с высокой пониженной смертностью при неизменной плодовитости матерей брачного возраста за оба периода. В результате снижения смертности, скажем на 20%, изменилась и структура населения за счет снижения доли лиц брачного возраста, и в общем получается картина, показанная в табл. 8.

Смертность в среднем по всем возрастам снизилась с 34 до 30 промилей, рождаемость — с 40 до 33 промилей, а годовой прирост упал с 6 до 3 промилей. Средний возраст населения при этом возрос примерно с 28,6 до 31,9 лет, т. е. на 3,3 года, или 11,5%, а все население из расчета на 100 рождений увеличилось с 2500 до 3000 душ, т. е. на 20%. При возрастании смертности на 25% получилась бы обратная картина. Доля населения в брачном возрасте, а вместе с тем и коэффициент рождаемости повысился бы на 20%. Такой же эффект обусловливают и длительные войны, причиняя, помимо фронтовых потерь взрослого мужского населения, особо значительные потери в наиболее слабых контингентах детей и стариков. Женщины брачного возраста несут при этом относительно наименьшие

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 658.

Таблица 8

Структура населения и показатели воспроизводства
(цифры условные)

Показатель	Возрастные группы			
	до 15 лет	16—45 лет	46 лет и выше	по всем группам
Первый период				
Население	300	400	300	1000
Смертность на 1000 душ	80	10	20	34
Рождаемость » 1000 »	—	100	—	40
Второй период				
Население	350	330	320	1000
Смертность на 1000 душ	64	8	16	30
Рождаемость » 1000 »	—	100	—	33

потери, и потому число рождений по отношению к сократившейся общей численности населения после войн на ряд лет возрастает. Демографы называют этот рост компенсационным. Но никакой реальной компенсации за жертвы войны он не дает.

Господствующей тенденцией в условиях мирной жизни является, однако, тенденция к сокращению смертности, а вместе с тем и к снижению показателей рождаемости. Темпы снижения этих показателей на разных этапах развития менялись. На восходящих линиях развития капитализма рождаемость снижалась, по общему правилу, медленнее смертности. Например, в Европейской России с 1861—1865 до 1911—1913 гг., т. е. примерно за полвека, смертность упала с 36,5 до 27,1 промиля, т. е. на 26%, а рождаемость — с 50,7 до 43,9 на 1000 душ, т. е. всего на 13%, что обусловливает даже некоторое повышение чистого прироста населения за указанный период. Впрочем, это общее «правило» вполне оправдывается, по-видимому, лишь на восходящих линиях развития буржуазного общества. В период общего кризиса капитализма, как было уже указано, берут верх совсем другие тенденции — к заведомо суженному процессу воспроизводства населения.

Закон капитализма, сформулированный Марксом в отношении обратной пропорциональности между уровнем заработной платы и показателями рождаемости и смертности трудящихся, в свете сказанного сводится к следующему. Уровень оплаты труда в условиях капитализма определяется, как известно, не чьей-нибудь прихотью или капризом, а вполне объективными экономическими законами. Средний уровень заработной платы и его динамика регулируются законом стоимости, а все ее колебания вокруг этого уровня в связи с различной квалификацией труда, а также подъемом конъюнктуры и кризисными ее падениями определяются стихийными законами рыночного спроса и предложения. Оплата труда — чисто экономический фактор. Но именно он является решающим фактором, который определяет такие, казалось бы, биологические явления, как рождаемость и смертность, и все связанные с ними закономерности. Низкая оплата, на уровне нищеты и голода, *повышает смертность* и, сокращая долю детского населения и стариков, т. е. понижая знаменатель в дроби $\frac{N}{S}$, где N — число рождений, а S — население, повышает *показатели рождаемости* из расчета на 1000 душ. Более высокая плата снижает смертность и, умножая общую численность населения, т. е. увеличивая знаменатель дроби $\frac{N}{S}$, тем самым *снижает* видимые размеры рождаемости.

Биологический предел долголетия не ниже 150 лет. А экономические законы капитализма ограничивают среднюю продолжительность жизни человека в три-четыре и даже пять раз более краткими сроками. В царской России они не превышали для лиц мужского пола в 1874—1884 гг. 26,3 лет, в 1896 г.— 30 лет и лишь к 1910 г. поднялись примерно до 32 лет. Понятна гордость советских людей, которые, сокрушив царский режим, вместе с тем примерно в два раза превзошли и эти жалкие средние пределы долголетия трудящихся времен царизма.

Сокращая в несколько раз жизнь целых поколений или удлиняя ее, законы экономики в человеческом обществе всецело *подчиняют* себе биологические законы, угнетая, или, наоборот, повышая жизнеспособность народов. Угнетающим фактором является прежде всего народная нищета. Но и большие богатства в руках немногих, порождая праздность и пресыщение, ожирение и апоплексии, распутство и вырождение, вовсе не благоприятствуют повышению жизнеспособности господствующих эксплуататорских классов.

И если даже в условиях капиталистической эксплуатации на протяжении многих десятилетий смертность трудящихся масс обнаруживает явную тенденцию к сокращению, то это отнюдь нельзя приписать росту их благосостояния. Конечно, на *восходящей* линии капиталистического развития, требующего высоких темпов *расширенного* воспроизводства, не только возможно, но даже неизбежно некоторое повышение уровня жизни трудящихся. Но это временное повышение в тесных рамках *средств существования* рабочей силы весьма ограничено. И решающим является другое. Технический прогресс в производстве объективно невозможен без соответствующего *роста культуры в рабочей среде*, а стало быть, и роста сознательности и сопротивляемости рабочего класса, обеспечившей ему и сокращение рабочего дня, и охрану здоровья, и многие другие блага культуры. А культура уже сама по себе могущественный фактор снижения смертности. Но в стадии загнивания капитализма, когда ему уже не требуется значительный рост рабочей силы, обнищание пролетариата, все возрастая, становится еще тягостнее в условиях растущих требований культуры и вызывает уже новое повышение смертности в ряде стран[1].

Прослеживая погодные колебания рождаемости и смертности в дореволюционной России, мы и в них находим яркое проявление примата экономики над биологией в динамике населения за весь капиталистический период. Общей закономерностью этого периода был хотя и медленный, но все же возрастающий ежегодный прирост населения, в основном за счет снижения смертности. За 50 лет, с 1861 по 1911 г., этот прирост по Европейской России повысился с 14,3 до 17,6 промилей, т. е. всего на 23%. Но за все годы промышленных кризисов мы неизменно отмечаем вместо увеличения снижение этих приростов, с непременным снижением в том же году или в следующем рождаемости и повышением смертности. Приводим здесь все *изменения* этих показателей в промилях (+, —):

Годы	Рождаемость	Смертность	Прирост
1867—1868	—2,4	2,9	—5,3
1872	—1,0	3,3	—4,3
1882—1883	—1,0	2,9	—3,9
1890	—0,7	1,2	—1,9
1900—1901	—1,4	1,0	—2,4
1907—1908	—2,7	—0,1	—2,6
В среднем	—1,5	1,9	—3,4

[1] А. Я. Боярский и П. П. Шушерин. Демографическая статистика. М., 1951, стр. 143.

Сопоставляя чистый прирост в среднем за все эти кризисные годы с предшествующими им годами, получаем на круг снижение его с 15,1 до 11,7, т. е. на очень значительную величину в 23%. А за некоторые кризисные годы прирост падал и до 8—9 промилей. Даже война 1877—1878 гг. и революция 1905 г. не повлияли на большее его снижение. И лишь совместное действие кризиса и голодовки 1890—1891 гг. сказалось в 1892 г. еще более тягостными в этом отношении последствиями. Чрезвычайно высокая смертность населения царской России, испытывавшей двойной гнет, не только капитализма, но и весьма еще живучих остатков феодализма, в годы кризисов достигала своего максимума, поднимаясь до 40 промилей и выше. На капиталистическом Западе, много раньше покончившем с феодализмом, она была намного ниже. Но тем поразительнее тот скачок, каким ныне снижается смертность в новой России после того, как, покончив сразу и с капитализмом и с феодализмом, она вступила на путь социалистического развития. В сопоставлении с важнейшими странами Запада смертность в границах СССР снижалась с 1913 г. такими, еще никем непревзойденными темпами (в промилях):

	1913 г.	1927 г.	1961 г.
Франция	17,7	16,5	10,9
Англия	14,3	12,5	12,0
США	13,8	11,3	9,3
в среднем	15,3	13,4	10,7
СССР	30,2	22,8	7,2

Как видим, перед Великой Октябрьской социалистической революцией смертность в России еще раза в два превышала зарубежные нормы. Но в то время, как на Западе эти нормы за 48 лет снизились в среднем всего на 30%, в СССР, несмотря на двухкратное вторжение с Запада и неисчислимые потери в двух мировых войнах, смертность удалось снизить в 4 раза. И благодаря значительно более высокой рождаемости, чем на Западе, чистый прирост населения в нашей стране достигает уже свыше 3,6 миллионов человек в год.

Само собой разумеется, что столь различные достижения в этой области разных стран никакими различиями в «биологических» или «расовых» особенностях их населения не объяснить. Объяснения таких различий приходится искать в *экономике* соревнующихся систем, а не в биологии. И когда наши демографы все еще пользуются столь устарелыми терминами, как «естественный» прирост, «естественное» движение населения и т. п., они явно недооценивают этот примат экономики над биологией в современном обществе.

V. О СОИЗМЕРЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ПРОДУКТОВ ТРУДА[1]

По мысли классиков марксизма, в задачи планирования, во избежание вредных народнохозяйственных диспропорций, входит такое распределение рабочей силы и материальных средств производства, какое в наибольшей мере способно удовлетворить все потребности общества. Оптимально эта задача разрешается в условиях *равномерного* их удовлетворения, т. е. когда ресурсы труда распределены прямо пропорционально выявленным массам различных потребностей общества. Но эта задача не может быть разрешена раз навсегда. С развитием общества и его производительных сил постоянно возникают новые потребности, ослабляя и полностью вытесняя старые, менее настоятельные, меняется их напряжение и структура, иными словами, меняются пропорции растущих потребностей общества. А вместе с тем меняется и сравнительная трудоемкость различных предметов потребления, и потому тем более изменчивыми становятся оптимальные производственно-трудовые пропорции. И если они надолго закрепляются в плане, то вчерашние пропорции становятся завтрашними диспропорциями. Дремать на плановом фронте, твердо уповая на устоявшиеся лишь догмы и застывшие шаблоны вчерашнего дня, в связи с этим отнюдь не рекомендуется.

«Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать,— учили нас классики, имея в виду задачи планового хозяйства,— сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления» [2]. Как видим, это требование явно выходит за рамки товарных отношений, распространяясь и на вторую фазу коммунизма. Для построения плана необходимо учесть, *сколько труда стоит,* т. е. учесть трудовую стоимость *не товарных* лишь благ, изготовляемых на продажу, а «каждого предмета потребления». Но помимо этого нужно еще знать и сравнительную меру «полезности» каждого из них. Без этого не мыслится классиками завершение плановых построений. «Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда» [3].

Такая проблема — о соизмеримости различных предметов потребления по степени их полезности — не решалась у нас еще всерьез в современной нам экономической литературе. Теоретики, по-видимому, считают ее неразрешимой. А плановики разрешают ее на практике обычно ощупью, ориентируясь задним числом на реакцию колебаний рыночного спроса, затоваривание «неходовых» изделий, хвосты спекулянтов за «ходовыми» и т. п. объективные показатели своих плановых просчетов. Такие воздействия слепого закона стоимости на плановый разум, однако, не дешево нам обходятся, ибо за каждый просчет приходится расплачиваться либо интересами массового потребителя, либо потерями общественных накоплений. И признать их на слишком долгий срок терпимыми не приходится.

---

[1] С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М., Госстатиздат, 1958.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 321.
[3] Там же.

Ведь во второй фазе коммунизма ориентировка на рыночные условия в планировании производственных пропорций вообще исключается. На чем же тогда будет базировать плановый разум проектировку нужных производственно-трудовых пропорций, лишенный и этих временных костылей рыночной стихии?

Признать поставленную еще классиками проблему соизмеримости разных благ по их потребительному значению неразрешимой — нет достаточных оснований. Наука знает лишь нерешенные еще проблемы, но, не отступая перед возникающими на пути трудностями, с каждым шагом вперед приближается к полному их разрешению.

Первой трудностью является вопрос об измерении *потребительного* значения всех *средств* и *предметов труда,* которые в отличие от предметов непосредственного потребления качественно отличаются от них уже по своему целевому назначению. Однако поскольку они располагают трудовой стоимостью, за ними приходится признать и потребительную ценность, ибо без последней не могла бы возникнуть и первая. Правда, эта потребительная их ценность непосредственно реализуется в производстве. Но конечной его целью является потребление. Поэтому можно сказать, что и предметы труда, в *конечном счете,* не только переносят свою стоимость на создаваемый продукт, но и обеспечивают те его природные качества, благодаря которым он, в законченном обработкой виде, становится пригодной к использованию *потребительной ценностью.* Так, потребительная ценность хлеба в основном определяется природными качествами использованных в его производстве зерна и муки, потребительная ценность медного кофейника или стальных коньков — качествами использованных при их изготовлении руд и металлов. Содействуют также приобретению необходимых потребителю ценных качеств в таких продуктах качество и количество овеществленного в них труда. Нельзя игнорировать также в этом творческом процессе труда и важной роли облегчающих его средств труда.

Все эти элементы в своей совокупности образуют и стоимость, и потребительную ценность создаваемых продуктов, причем и та, и другая — если неизменны качества данной продукции — изменяются пропорционально ее количеству, в натуральном измерении. 2 кг хлеба равного качества всегда расцениваются обществом как *равные* между собой величины — и в потребительном их значении, и по стоимости, независимо от условий производства,— но *вдвое выше* одного килограмма того же качества. Исходя из этой пропорциональности между потребительной ценностью продуктов и овеществленной в них их стоимостью,— до тех пор пока мы имеем дело с продуктами *одного и того же назначения* и равного качества,— можно из элементарной структуры их по *стоимости* определить и долю *потребительной* ценности в изготовленном продукте, падающую на каждый из элементов, участвовавших в ее воспроизводстве. А это открывает уже принципиальную возможность соизмерения предметов потребления со всеми предметами и средствами труда производственного назначения не только по их стоимости, скажем в рублях, но и по потребительной стоимости, например в килограммах хлеба, мяса, молока или любой иной избранной нами меры потребительной ценности.

Допустим, например, что на 100 кг черного хлеба требуется 83 кг зерна, эквивалентных по стоимости 58 кг хлеба. Заключаем, что за счет 83 кг зерна образуется лишь 58% потребительной ценности хлеба и, стало быть, 1 кг зерна эквивалентен 0,7 кг хлеба. В производстве хлебов используются в значительном количестве машины, горючее и другие средства производства. Значит, и их потребительную ценность можно выразить в килограммах зерна и хлеба. В производстве машин используются металлы, металлы выплавляются из руд... И, значит, все эти самые разнокачественные продукты труда могут быть соизмеримы в единицах того потребительного эффекта, какой получается как конечный результат их производственного

использования. Это позволяет думать, что если бы мы сумели соизмерить какой-либо единой мерой потребительную для нас ценность всех многоразличных в качественном отношении *предметов потребления*, то смогли бы в тех же единицах соизмерить с их общей суммой и потребительную ценность всех необходимых обществу в их производстве *предметов труда*, т. е. всех видов топлива и энергии, сырья и материалов. В самом деле, обозначим потребительную ценность всех созданных предметов потребления через П, а стоимость их через Т, в таком случае, если стоимость предметов труда равна $Т_1$, то потребительная их ценность $П_1$ определится из пропорции $П : Т = П_1 : Т_1$.

В отношении *отдельных* машин и орудий различного качества такой пропорциональности между их продуктивностью и стоимостью не существует, конечно. И, скажем, автоматический ткацкий станок новейшей конструкции по сравнению с ручным может оказаться в несколько раз производительнее, а стало быть, и *полезнее* в производстве из расчета на единицу своей стоимости. Но в общих итогах по всему народному хозяйству, где все такие различия обезличиваются в общих суммах и средних нормах эффективности и стоимости всех средств труда, с этими различиями не приходится считаться. Говоря иначе, можно считать, что и потребительная ценность средств труда в общем их итоге находится в той же пропорции к их стоимости, какая на данном уровне производительных сил определяется отношением П : Т в производстве средств существования, т. е. измеряется той же мерой, какую мы примем для всех предметов потребления на данный момент.

Однако как же решить эту основную для нас задачу?

В частных случаях, когда предметы потребления служат удовлетворению одной и той же потребности и являются взаимно заменимыми в той или иной пропорции, соизмеримость их потребительной ценности не вызывает особых затруднений. Так, питательная ценность различных пищевых продуктов соизмеряется по их калорийности, т. е. количеством усвояемой организмом энергии, заключающейся в этих продуктах. Подобно этому, сравнительная ценность различных кормов в животноводстве соизмеряется в так называемых крахмальных эквивалентах или соответствующим количеством калорий. Таким образом, и все пищевые продукты, и все корма животных по своей энергетической ценности могут быть выражены в одной и той же мере, например в килограммах пшеницы или кукурузы.

Но этот один признак — *количество* энергии — отнюдь еще не отражает всех *качеств* соизмеряемых в килограммах продуктов. Так, одно и то же число калорий в белках и углеводах не может вполне заменить друг друга в питании. Калории животного происхождения обладают более высоким качеством в питании по сравнению с растительными. В частности, для получения сотни калорий в виде молока, яиц или мяса в животноводстве расходуется в четыре или даже в пять раз больше растительных калорий. И все же *качество* такой животноводческой продукции окупает в оценке потребителей этот *количественный* перерасход калорий. Таким образом, счет на калории без существенных поправок на их качество в потреблении может быть использован лишь для самых грубых сопоставлений. Если же от пищевых продуктов обратиться к предметам одежды и обуви, мебели и посуды или книгам, картинам и прочим продуктам, обслуживающим наши культурные потребности, то о соизмеримости их потребительной ценности в *калориях* и речи быть не может.

Много больше обещает для сравнительной оценки потребительного значения пищевых и непищевых предметов потребления другой подход. Мы имеем в виду изучение фактических размеров и структуры потребления различных слоев населения и всего общества в целом по бюджетным исследованиям и другим источникам. Мерой своих потребностей прежде всего становится сам человек. И если он свободен в распоряжении своим

трудом и заработком, то, несомненно, постарается распределить эти свои ресурсы так, чтобы все его наличные потребности достигали равномерного насыщения.

В первую очередь при этом будут насыщаться, конечно, наиболее настоятельные и несложные потребности, и лишь в меру растущего их насыщения избытки неиспользованных еще бюджетных ресурсов обратятся на удовлетворение и менее острых, второочередных потребностей. Но если все потребности удовлетворены уже равномерно, то тем самым обнаруживается и принципиальная соизмеримость насыщающих эти потребности разнокачественных благ в их потребительном значении. Всю сумму таких благ можно в этом случае рассматривать как единый комплекс, в котором отдельные элементы различаются только по связанным с ними затратам, и потому сравнительная их потребительная ценность или «степень полезности» может быть соизмерена по этим затратам, т. е. по их трудовой стоимости. Так, если потребность в питании поглощает 40% расходного бюджета, а все остальные нужды — 60%, то, в условиях равномерного удовлетворения всех нужд, можно заключить, что и потребительная ценность пищевых и остальных благ, учтенных на данном уровне потребления, расчленяется в той же пропорции.

Пропорция эта, однако, не остается постоянной. Она постоянно меняется в связи с неравномерным ростом производительности труда в производстве различных предметов потребления и соответствующим изменением их производственной структуры. Меняет ее и общий подъем уровня благосостояния населения, расширяющий круг его потребностей, и многие другие причины, меняющие общую структуру производства и потребления в стране. Наиболее настоятельные из наших потребностей в утолении голода и жажды в то же время и наименее эластичны. Желудок не терпит пустоты, но вместимость его весьма ограничена, а всякое переполнение угрожает лишь несварением и прочими бедствиями. Поэтому при любом росте производительных сил и благосостояния трудящихся потребность в пищевых продуктах возрастает наиболее замедленными темпами по сравнению с другими, да и то лишь главным образом за счет роста их качества и разнообразия, при стабильном или даже падающем общем их объеме. Черный хлеб вытесняется при этом белым, растительные белки и жиры — более удобоваримыми животными, общее душевное потребление их в калориях даже несколько сокращается. Но зато тем быстрее возрастает насыщение всех других более эластичных культурно-бытовых потребностей.

Конечно, на любом уровне производительных сил и благосостояния страны ее трудовые ресурсы теоретически мыслимо распределить в производстве *пропорционально* ее потребностям, т. е. так, что каждая единица овеществленного в предметах потребления труда насыщает равную долю общественных потребностей. Но как достигается это практически? И по каким признакам можно судить о достижении такой пропорциональности?

В капиталистическом обществе, как известно, на страже такой пропорциональности стоит стихийный закон спроса и предложения. До тех пор, пока все потребности насыщаются равномерно и спрос на любой товар в равной мере покрывается предложением, этот закон бездействует. Но как только обнаружится, что одних потребительных благ не хватает для такого равномерного насыщения наличных потребностей, а другие предлагаются в избытке, закон спроса и предложения сразу же проявляется в растущих отклонениях рыночных цен этих благ от их общественной стоимости. Дефицитные товары возрастают в цене, избыточные — падают. Наличие этих отклонений, таким образом, является наиболее объективным и осязательным признаком того, что производство и потребление в стране развиваются в явной диспропорции. И, наоборот, признаком про-

порциональности в их развитии может служить, стало быть, отсутствие таких отклонений в процессе стихийного ценообразования.

В социалистическом хозяйстве плановые цены устанавливаются независимо от рыночной конъюнктуры. Но, даже ориентируясь на «себестоимости» продукции, они все же могут отклоняться вниз и вверх от стоимости. И в этих случаях уже не спрос воздействует на цены, а, наоборот, цены воздействуют на спрос, повышая его на те товары, цены которых ниже стоимости, и снижая на те, цены которых устанавливаются выше стоимости. Однако и здесь, в плановом хозяйстве, отклонения цен от стоимости являются безошибочным признаком наличия тех самых народнохозяйственных диспропорций, с которыми призвано *бороться* плановое хозяйство.

Нередко с такими диспропорциями вынуждено временно мириться даже плановое хозяйство. Например, обнаружив отставание сельского хозяйства от растущих потребностей города и опередившей все другие отрасли труда советской индустрии, наши плановые органы наметили целую систему мероприятий для ликвидации этого отставания. Но для их реализации требуется время. И в течение этого времени, пока некоторые продукты деревни будут заведомо отставать от городского на них спроса, не считаться в нашем планировании отпускных цен с такой относительной дефицитностью этих продуктов было бы грубой ошибкой, ибо она пошла бы на пользу только одним перекупщикам-спекулянтам. Повышение цен таких продуктов над уровнем их стоимости вполне оправдано. Важно лишь соблюсти меру этого повышения в надлежащей пропорции с относительной дефицитностью различных предметов потребления трудящихся масс.

Но вполне возможны в плановом хозяйстве и такие отклонения цен от стоимости, которые уже и сами, без всякой нужды, становятся не только признаком, но и *причиной* новых хозяйственных диспропорций. Представим себе, например, что на продукты *a, b, c,* производство которых в стране могло бы вполне удовлетворить наличную в них потребность, отпускные цены, в результате плановых неувязок, установлены на различных уровнях от их реальной стоимости. И, скажем, цена продукта $a = 90\%$, $b = 100\%$, $c = 120\%$ от уровня их стоимости. Вполне естественно, что по законам рынка платежеспособный спрос на продукт *a* при этом превысит наличие его на рынке, а спрос на продукт *c* окажется недостаточным для полной его реализации. И применительно к этим ценам, в интересах полной реализации всех видов продукции придется производство продукта *a* расширить, а производство продукта *c* сокращать в соответствующей пропорции. Однако, устраняя таким образом диспропорции в области обмена, мы создаем еще более глубокие диспропорции в производстве.

Дело в том, что и в производстве благ все элементы, независимо от их цен, скованы между собой прочной цепной связью производственно-технических пропорций, малейшее нарушение которых не может пройти безнаказанно. Так, в жилищном строительстве на каждую тонну кирпича расходуется едва одна двадцатая тонны цемента, но без цемента дом разрушится. В кулинарии на долю поваренной соли выпадает еще меньшая доля в общем весе обеда, но и самый изысканный обед без единой щепотки соли будет забракован.

Многие думают, что если отклонение цен одних товаров вверх от стоимости вполне уравновешивается отклонением цен других товаров в обратном направлении и общая сумма цен этих товаров равна общей их меновой стоимости, то и закон стоимости соблюден и регулируемые им пропорции не нуждаются ни в каких коррективах. Однако это совсем не так. Во всяком случае без большого ущерба народному хозяйству такое формальное соблюдение закона стоимости не обходится. Поясним это одним лишь примером. Допустим, что, испытывая острую потребность в жилье для рабочих какого-нибудь завода, мы строим для них дом. И пусть необ-

ходимые для этого материальные элементы строительства даны нам в нижепоказанных пропорциях:

Элемент стройки	Пропорции по стоимости	по ценам	В натуре
Кирпич	60	54	80
Древесина	30	33	16
Цемент (известь) . . .	10	13	4
Всего	100	100	100

В нашем примере цены кирпича понижены на 10% от уровня стоимости, но в результате повышения цен древесины на 10% и цемента — на 30% сумма цен равна общей стоимости данного наличия этих товаров. Однако такие сдвиги цен не могли бы не отразиться и на производственных пропорциях. В каких именно количественных размерах — это еще подлежит исследованию. Весьма вероятно, что пропорции производства, обладая большей инерцией, чем цены, реагируют с известным отставанием от тех или иных ценовых сдвигов. Но допустим для простоты, что кирпича по удешевленным ценам у нас оказалось уже (100 : 90 = 111%) на 11% больше нормальной в нем потребности, т. е. с запасом, но зато древесины (100 : 110 = 91%) поступило с нехваткой в 9%, а дефицит по цементу (100 : 130 = 77%) определился в 23% нормальной потребности. Результаты такой диспропорции очевидны.

Равняясь по минимальному наличию цемента, наше строительство сможет быть завершено не свыше 77% полной его готовности. Значит, остатки с ущербом для народного хозяйства *вовсе не использованных* материалов составят до 23% ассигнованной суммы. Но хуже всего то, что и все использованные в производстве затраты труда и материалов остаются еще безрезультатными, ибо в недостроенных домах нельзя еще жить, и, стало быть, жилищная нужда при таком использовании произведенных затрат вовсе не снижается в предусмотренные планом сроки. А без нового жилья отсрочится и пуск в работу новых машин и заводов, в результате чего народное хозяйство, омертвляя надолго свои средства труда, потерпит новый ущерб. И наряду с растущей жилищной нуждой умножатся и другие нужды. А между тем все это никак не входит в задачу планового хозяйства.

Эффективная плановая политика в области ценообразования не может довольствоваться в качестве высшего своего достижения лишь тем, что, несмотря на все отклонения товарных цен от стоимости, сумма этих цен по всей товарной продукции равна их стоимости, ибо такое равенство не исключает реальных диспропорций в народном хозяйстве. Необходимо добиваться возможно полной ликвидации именно этих опаснейших диспропорций, имея в виду, что в условиях *равномерного* удовлетворения всех потребностей цены не только по всей товарной массе, но и по каждому отдельному товару могут и должны совпасть с их стоимостью. Исходя из этой общей установки и колебаний фактических отклонений цен от стоимости, можно установить, между прочим, и такую закономерность.

Степень насыщенности потребностей различными благами в товарном обществе находится в *обратной зависимости* от разности между стоимостью и фактической ценой их реализации на каждом данном уровне благосостояния общества. При средней насыщенности каждым данным благом эта разность равна нулю. При падающей — она возрастает, при растущей — она падает до нуля и ниже. А в среднем по всем товарным благам она снова обращается в нуль.

Пользуясь этой закономерностью, можно думать, что если потребители переплачивают за благо *x*, скажем, 50%, а за благо *y* готовы платить не

свыше 50% его стоимости, то, увеличив дефицитную продукцию x на 50% и сократив избыточное производство y вдвое, мы при тех же затратах потребителей, но уже по ценам, *равным* стоимости, несомненно насытили бы эти потребности значительно равномернее и полнее. Конечно, столь резкие сдвиги в производственной структуре, в полтора-два раза, едва ли осуществимы полностью в пределах текущего ежегодного планирования, но в рамках перспективного планирования на ряд лет они могут и должны быть предусмотрены. Таким образом, анализ отклонений цен от стоимости различных благ в нашем хозяйстве, если им займутся у нас всерьез, может стать очень важным и, пожалуй, совершенно незаменимым орудием перспективного планирования наиболее целесообразных производственных пропорций.

Вместе с тем такой анализ вносит новую ясность и в проблему соизмеримости потребительной ценности различных благ, без которой нельзя правильно измерить и общий, суммарный рост всего общественного продукта в потребительном его значении.

Дело в том, что общественную полезность каждого предмета потребления, например килограмма белого хлеба, поскольку она зависит лишь от объективно присущих ему свойств и качеств, мы можем считать постоянной и в СССР, и в США, и в прошлой, и будущей пятилетке. Но в субъективных оценках потребителей, в зависимости от достигнутого уровня потребления и степени их насыщения, эта полезность существенно *меняется во времени и пространстве.*

Различную степень насыщения разных потребностей в любой стране, как ясно из вышеуказанной закономерности, можно считать соразмерной степени отклонения цен от стоимости различных товарных благ. Мы знаем, однако, что только ликвидация этих отклонений свидетельствует о равномерном насыщении всех потребностей, при котором потребительное значение разных благ можно считать пропорциональным их ценам, поскольку они в этом случае совпадают с их стоимостью. Отсюда вытекает первый весьма важный вывод. Значит, при наличии отклонений цен от стоимости пользоваться *ценами* для соизмерения объемов различной продукции в потребительном ее значении неправомерно.

Мы знаем также, что для ликвидации таких отклонений достаточно только изменить производственные пропорции создаваемых предметов потребления, увеличив продукцию дефицитных и сократив производство относительно избыточных, без всяких изменений в условиях производства тех и других. При этом условии изменятся только цены при неизменной *стоимости* каждого из них. Но в этом случае насыщение всех потребностей будет уже равномерным, и, стало быть, потребительная стоимость разных благ будет вполне пропорциональной их стоимости. И поэтому, поскольку нас интересуют не случайные колебания оценок разных благ в зависимости от различного *насыщения* ими потребителей, а те, которые можно считать нормальными в условиях равномерного насыщения всеми благами, мы имеем возможность соизмерить эту *нормальную* потребительную ценность разных благ в любых условиях колебания цен по вполне объективно складывающимся пропорциям их стоимости.

И это второй не менее важный для нашей темы вывод.

Отвлекаясь от преходящих различий в насыщенности потребителей разными благами и считаясь только с теми постоянными свойствами и качествами этих благ в потреблении, которые объективно их различают, мы можем, стало быть, считать, что их потребительная ценность при всех прочих равных условиях всегда пропорциональна их стоимости. Эту зависимость можно выразить следующей формулой:

$$p_1 : t_1 = p_2 : t_2 = p_3 : t_3 = p : t = q \text{ const},$$

где буквой p обозначается потребительная ценность благ, а буквой t — их меновая стоимость в товарном обществе, или овеществленный труд в условиях коммунизма. Зная эти величины, можно было бы любой состав общественного продукта измерить не только по стоимости, в рублях, но и по объему потребительной его ценности, *по весу*, скажем, в тоннах хлеба, сахара, масла, или *числом*, например, в миллионах нормальных рабочих пайков определенного состава, потребительное значение которых можно принять за постоянную величину даже в международных сопоставлениях.

Однако тут мы наталкиваемся на новую трудность. Дело в том, что всем известные *цены* товарных благ, как уже отмечалось, не могут заменить собой для указанной цели *стоимости* этих благ. А стоимость их и поныне не только там, где цены определяются рыночной стихией, но и у нас, в плановом хозяйстве, остается никому неизвестной, хотя здесь она очень пригодилась бы нам и в интересах рационального ценообразования. Очень долго этому благоприятствовали ошибочные «теории», либо начисто изгонявшие категорию стоимости из политической экономии социализма, либо прокламировавшие ее *непознаваемость* в условиях социализма. Не учитывается у нас вовсе доныне не только меновая стоимость товарных благ в рублях, но и овеществленный в них прошлый и живой труд в человеко-днях или человеко-часах. А между тем мы уже не первый десяток лет живем в условиях социализма, и наши статистики давно уже повторяют известное указание Ф. Энгельса, по которому именно в этих условиях «общество *должно* знать, сколько труда требует каждый предмет потребления для своего производства».

Почему же все еще не выполнен этот наш долг? Может быть, старик Энгельс потребовал от нас невозможного? Но в таком случае встала бы под вопрос и самая возможность рационального планирования в условиях коммунизма. Или, может быть, эта задача упирается лишь в трудности учетного порядка? В таком случае действующие формы и методы учета необходимо пересмотреть.

Мне лично кажется, что для данной цели достаточно было бы пересмотреть лишь принятые ныне формы бухгалтерской калькуляции издержек производства различных продуктов. Эти формы, заимствованные еще из буржуазной практики, несомненно, кое в чем давно уже устарели. В условиях капитализма каждого заводовладельца в калькуляции его частных издержек производства интересует только оплаченная им доля стоимости, и он так и называл ее — «*себе* стоимость». Но, когда все предприятия становятся *общественной* собственностью, то для общества в целом его издержки из частных становятся общественными. И их необходимо учесть полностью, независимо от того, где и когда они оплачиваются. В этих условиях и самый термин «себестоимость» становится уже только одним из досадных пережитков капитализма в сознании людей.

Отсюда в калькуляциях издержек *каждого* предприятия подлежат учету *все* общественные издержки производства, включая не только заработную плату, но и все отчисления в фонды общественного потребления и накопления, созданные трудом рабочих данного предприятия в интересах всего общества.

Возможно ли это сделать? Да, возможно. Размер фондов общественного потребления и накопления у нас зафиксирован во всех планах. Известно, что в целях расширенного воспроизводства у нас ежегодно используется около 25% народного дохода, а на цели личного и общественного потребления через бюджет, включая фонды социального страхования,— около 75% народного дохода. Можно выразить эти величины и в процентах к фондам оплаты труда по всей производственной сфере в качестве твердого планового задания для обеспечения полной реализации этих важнейших целевых фондов в каждом отчетном году. Тогда и все бухгалтера получат

полную возможность включать в свои калькуляции эти статьи издержек общественного назначения. И тогда вместо неполноценной «себестоимости» продуктов или издержек *предприятия* мы сможем располагать *общественными* издержками производства этих продуктов и определять полную их стоимость не только по отдельным предприятиям, но и в среднем по всей стране.

Чтобы показать полную осуществимость такого учета, воспользуемся отчетными данными о структуре «себестоимости» в советской промышленности за 1955 г.[1] и, дополнив их необходимыми отчислениями в общест-

Таблица 9

Структура издержек производства в промышленности СССР за 1955 г.
(в % к итогу)

Статья издержек	Вся промышленность	Электростанции и электросети	Угледобыча	Нефтедобыча	Черная металлургия	Машиностроение	Хлопчатобумажная	Сахарная
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Издержки предприятий								
1. Сырье и основные материалы	61,4	0,5	—	—	42,0	49,4	82,6	74,9
2. Вспомогательные материалы	5,4	4,6	17,6	8,7	5,6	4,9	3,0	4,3
3. Топливо	4,3	57,2	0,7	2,2	22,5	2,6	0,7	5,7
4. Энергия	1,7	1,0	3,2	9,5	1,6	2,1	1,1	0,1
5. Амортизация	3,3	16,8	6,3	42,8	5,1	4,1	1,1	2,9
6. Прочие (услуги)	3,0	4,1	8,1	11,4	2,5	3,7	0,6	2,4
Итого материальных затрат	79,1	84,2	35,9	74,6	79,3	66,8	89,1	90,3
7. Заработная плата	19,5	14,8	59,0	23,5	19,1	30,9	10,2	9,1
8. Отчисления в соцстрах	1,4	1,0	5,1	1,9	1,6	2,3	0,7	0,6
Итого («себестоимость»)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
9. Прочие, неучтенные отчисления	13,2	10,1	39,1	15,7	12,7	21,0	7,0	6,3
Всего («себестоимость»)	113,2	110,1	139,1	115,7	112,7	121,0	107,0	106,3
II. Общественные издержки								
1. Материальные								
а) амортизация c_1	2,9	15,3	4,5	37,0	4,5	3,4	1,0	2,7
б) прочие c_2	67,0	61,0	21,2	27,5	65,8	51,8	82,4	82,2
Итого по а + б	69,9	76,3	25,7	64,5	70,3	55,2	83,4	84,9
2. Заработная плата	17,2	13,5	42,5	20,3	17,0	25,6	9,5	8,6
3. Отчисления в фонды								
а) общественного потребления	5,4	4,2	13,1	6,3	5,2	7,9	2,9	2,7
б) общественного накопления	7,5	6,0	18,7	8,9	7,5	11,3	4,2	3,8
Народный доход	30,1	23,7	74,3	35,5	29,7	44,8	16,6	15,1
Общественный продукт	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

[1] «Народное хозяйство СССР». Статист. сб. М., 1956, стр. 93.

венные целевые фонды по нормам последних лет, получим структуру полных «общественных издержек производства» по важнейшим отраслям промышленности (табл. 9).

Фонд общественного накопления m_2 в табл. 9 достигает 25% народного дохода. На долю потребления — личного и общественного — остается, значит, 75%, в том числе фонд заработной платы v составляет 57% и фонд общественного потребления m_1 — 18% народного дохода. Стоимость этих фондов $(m_1 + m_2)$ создается только трудом, а потому и распределяется в табл. 9 по отраслям *пропорционально фактическим затратам труда.* Общая норма необходимых отчислений из продукта отдельных предприятий $m : v$ определилась при этом в 75% от заработной платы. Но по отдельным отраслям производства в связи с различной их трудоемкостью расхождение между «себестоимостью» и общественными издержками производства колеблется в очень широком диапазоне, в табл. 9 от 6,3 до 39%. Всего сильнее при этом искажаются в структуре «себестоимости» наиболее важные в планировании показатели *трудоемкости* и соотношения между *живым и прошлым трудом* в различных отраслях труда. Так, в угледобыче на долю живого труда v в «себестоимости» падает 59% итога затрат, а с полным учетом этих затрат $(v + m)$ она возрастает до 74% общественного продукта, т. е. на 26%, в машиностроении эта доля живого труда возрастает с 30,9 до 44,8% затрат, т. е. на 45%, в производстве сахара — с 9,1 до 15,1% затрат, т. е. на 66%. А главное — только такой полноценный учет живого и прошлого труда, вполне осуществимый уже сегодня, вплотную приблизит нас к познанию реальной *стоимости* всех создаваемых нами потребительных благ.

Вместе с тем это позволило бы определить и размер фактических отклонений цен от стоимости в нашей практике планирования. Не учитывая стоимости, наша отчетность не знает и меры этих отклонений. Но они не так уж малы. Об этом можно судить хотя бы по масштабам налога с оборота, который почти целиком включается в цены одних лишь предметов потребления, хотя создается трудом во всех подразделениях производства. Налогом с оборота перебрасываются из одних производств в другие десятки миллиардов рублей.

Правда, отнесенные ко всей огромной массе валовой продукции эти сотни миллиардов рублей составляют небольшой процент. Но игнорировать их все же не рекомендуется.

Пользуясь предложенным выше методом учета стоимости, можно определить примерно такие от нее отклонения в ценах последних лет. В общем по всему народному хозяйству все средства производства недооцениваются у нас, по-видимому, всего процента на *два,* а вся масса средств существования по отпускным ценам переоценивается на *четыре* с небольшим процента. Однако, в частности, в нашем строительстве недооценка продукции достигает уже 8%, а продукция, добавляемая на транспорте и в торговых предприятиях, переоценивается даже на 23%, не говоря уже о ценах отдельных товаров, отклонения которых от стоимости колеблются, конечно, в еще более широком диапазоне. Еще значительнее эти отклонения при оценке масштабов народного дохода, создаваемого в различных подразделениях. Недооценка *народного дохода* по всей сумме средств производства (группы А) составляет в текущих ценах уже более 4%, а, в частности, по строительству — около 14%, переоценка народного дохода по всему кругу предметов потребления (группы Б) достигает уже 18%, а, в частности, в составе транспортно-торговой накидки в опте и рознице доходит уже до 45% от уровня его по стоимости.

Такие отклонения, несомненно, не только искажают структуру исчисляемого в текущих ценах народного дохода, но могут сказаться и на общем его объеме, когда его, по действующей практике, определяют в неизменных ценах.

В самом деле, допустим, что наш народный доход распределяется по группам А и Б по стоимости и в «сопоставимых» ценах в следующих пропорциях:

	По стоимости	По ценам
А. Средства производства	815	782
Б. Предметы потребления	185	218
Всего	1000	1000

В приведенном случае как раз средства производства недооценены на 4%, а предметы потребления переоценены на 18% против уровня действительной их стоимости. Но, переходя от цен к объемам продукции в потребительном ее значении, мы не можем отвлечься от того факта, что в той и другой оценке мы имеем дело с одним и тем же физическим составом и объемом потребительных ценностей. Однако, приняв объем предметов потребления в нашем примере за 100, объем средств производства в потребительном их значении, в зависимости от их различной расценки, а вместе с тем и общий объем народного дохода оказываются различными. Вот этот расчет:

	По стоимости	По ценам
Б. Предметы потребления . . .	100	100
А. Средства производства . . .	440	359
Общий объем (абс.)	540	459
%	100	85

Средства производства, как уже отмечалось выше, не обладают самостоятельной *потребительной* ценностью помимо той, какую приобретают своей долей участия в *производстве* предметов потребления, а эта доля участия может быть соизмерена лишь по соотношению затрат труда в производстве или стоимости тех и других продуктов. В данном примере, стало быть, действительный объем народного дохода в потребительном его значении не меньше 540 условных единиц. И если, исходя из пропорции *цен,* его пришлось бы оценить в 459 таких единиц, с ошибкой в 15%, то это свидетельствует лишь о дефектности общепринятого в нашей практике метода, допускающего такие ошибки.

Метод неизменных цен при меняющейся стоимости и структуры разнокачественной продукции мало пригоден и для динамических сопоставлений объема этой продукции за разные годы [1]. Неизменные цены правильно отражают объемный рост продукции только при неизменной ее структуре. Но эта структура с изменением стоимости и цен различных благ постоянно меняется. Меняются все время при этом и соотношения потребностей общества, а вместе с тем и потребительное значение для него различных благ. *Постоянные* цены, даже если в начальный момент они были пропорциональны затратам труда, в дальнейшем неизбежно расходятся с ними все больше и, стало быть, становятся *все менее сопоставимыми* с теми трудовыми пропорциями, к соблюдению которых стремится плановое хозяйство.

Эти пропорции могут быть правильно учтены лишь в текущих оценках *стоимости* различных благ. Такая оценка вполне осуществима, и в ней именно мы усматриваем возможность соизмерения и потребительной ценности этих благ на каждом уровне производительности труда. С повышением этого уровня, скажем, на 20%, при *неизменной* структуре

[1] Критика этого метода дана в нашей статье «Об изменении благосостояния народов». «Вестник статистики», 1954, № 5.

трудовых затрат и той же стоимости произведенных благ можно считать, что на столько же процентов поднимется количество и потребительная ценность каждого из них в отдельности и всех вместе. Но в более общем случае, при меняющихся структуре затрат и полученной продукции, для той же цели — измерения объемного роста этой продукции — правильнее воспользоваться другим методом. Допустим, что стоимость народного дохода возросла за отчетный период в текущей его оценке с 800 до 840 млрд. руб., а стоимость определенного набора продуктов в натуре, достаточного для нормального душевого их потребления, скажем, за год, снизила свою стоимость за тот же период с 4200 до 4000 руб. Тогда национальный продукт, измеренный за этот период неизменным мерилом потребительной ценности такого пайка, поднимется со 190 до 210 млн. душевых норм, или на 10,5%.

Преимущества такого измерения перед всякими иными, индексными, на базе неизменных цен, или иными, денежными измерителями объемов продукции, очевидны. Покупательное значение и золота, и бумажных денег изменчиво во времени и различно даже для одноименных единиц (доллара или фунта стерлингов) в разных странах. Индексы дают только относительную меру изменений. А предложенный метод дает прямой ответ на вопрос о потребительной ценности продукции в сопоставимом для всех времен и стран измерителе, пригоден для измерения и уровней, и темпов, и пропорций сопоставляемых величин. В то же время он исключает необходимость каких-либо сложных расчетов и пересчетов из текущих цен в неизменные для других целей. Например, для исчисления индексов производительности труда по всему народному хозяйству, достаточно разделить объем национального продукта, измеренного числом «душевых норм» потребления, на число трудящихся в сфере материального производства, и мы получим абсолютный уровень производительности данного общества, годный для любых сопоставлений во времени и пространстве.

Таковы некоторые выводы, связанные с еще очень слабо изученной проблемой учета потребительной ценности общественной продукции. Думаю, что самые настоятельные интересы народнохозяйственного планирования потребуют и в дальнейшем серьезного внимания к этой проблеме.

VI. К ОЦЕНКЕ ДАРОВЫХ БЛАГ ПРИРОДЫ[1]

Естественные блага даже такой высокой для нас ценности, как воздух и вода, до тех пор, пока они имеются в неограниченном количестве и для пользования ими не требуется предварительных затрат труда, мы называем *даровыми* благами природы и не признаем за ними никакой стоимости. Не имеют они и никакой цены в обороте общественных благ. Даровыми благами природы можно назвать также естественное плодородие всех неосвоенных еще целинных земель и девственных лесов, энергию нескованных еще водопадов и рек, запасы неизведанных еще рудных месторождений в недрах земной коры и тому подобные потенциальные богатства народов. Но их количество становится все более ограниченным. И когда земли и воды, поверхность и недра, объемлющие эти потенциальные богатства, становятся частной собственностью, то, даже не представляя собой *стоимости*, т. е. не будучи продуктом труда, они приобретают определенную *цену*.

В условиях капитализма оценка эта, как известно, определяется капитализированным доходом, или рентой — земельной или горной, какую может обеспечить использование оцениваемого участка поверхности или недр на правах его собственника или арендатора. Чем больше этот доход, тем выше и цена этого участка, при падающем доходе падает и цена его, а участки вовсе бездоходные и вообще теряют всякую цену. Законы образования абсолютной и дифференциальной земельной (и горной) ренты в частнохозяйственных условиях капиталистического общества достаточно освещены Марксом и потому не нуждаются в комментариях. Еще Марксом предуказано и то, что с национализацией земли отпадает только возможность абсолютной земельной ренты. А дифференциальная рентабельность различных участков поверхности и недр сохраняется. Естественно возникает вопрос: как же эта дифференциальная рентабельность земель и рудных месторождений должна сказаться на сравнительной их оценке в условиях СССР, где все земли и недра давно уже национализированы и, представляя собой всенародную собственность, не могут уже быть предметом рыночной купли и продажи?

Из этого, конечно, легко сделать вывод, что эти земли и недра не могут у нас иметь и *рыночной цены*, поскольку раз и навсегда выпали из рыночного оборота всех ценностей. Но из этого отнюдь еще не вытекает, что все участки земельных угодий и рудных месторождений для нас *равноценны* в планомерном их производственном использовании и налоговом обложении. Планируя капиталовложения, мы в первую очередь направляем их туда, где они сулят нам наибольший производственный эффект, например, в распашку наиболее плодородных целинных угодий, в производство наиболее дешевых видов энергии, в добычу наиболее богатых содержанием ископаемых. Национализация земли предполагает и национализацию земельной ренты, по крайней мере тех ее видов, которые не являются результатом труда непосредственных производителей. Но ни очередность

---

[1] «Промышленно-экономическая газета», 7.IV 1957, № 42.

вложений, ни пропорциональность обложения дифференциальной ренты с различных участков наших природных богатств невозможны без сравнительной оценки экономической их значимости или потенциальной доходности.

Отказываясь от такой дифференциальной оценки даровых благ природы, составляющих у нас всенародное достояние, плановое хозяйство ничего не выиграло бы, а даже многое потеряло бы в соревновании со странами империализма, где частнохозяйственный интерес расценивает эти хозяйственные блага так же, как и все другие товары в денежном эквиваленте и тем самым служит повседневным задачам хозяйственного расчета.

Хозяйственный расчет и у нас пользуется большим почетом, но далеко еще не на всех участках хозяйственного фронта находится на должной высоте. Мешают этому, в частности, и некоторые теоретические неясности в области учета. Так, очень слабо разработана методика учета дифференциальной рентабельности всех наших предприятий. Но особенно сильно это чувствуется в сельском хозяйстве колхозов, а также там, где мы имеем дело с учетом элементов горной ренты. Тем интереснее новая методика, предлагаемая К. Л. Пожарицким, для денежной оценки месторождений полезных ископаемых. Методика эта, возможно, потребует еще известной доработки в теоретическом отношении, но она уже теперь, на мой взгляд, вполне приемлема для практического использования, разрешая целый ряд трудностей.

Так, для сравнительной оценки доходности различных рудных месторождений нужно как-то оценить не только потребные для ее разведки и добычи вложения, но и самую руду весьма различных качеств и в далеко не равных условиях геологического ее залегания. Как же ее оценить, если она еще не имеет не только стоимости, но и цены, ибо, представляя собой даровое благо природы и находясь в недрах, не может стать предметом купли-продажи?

На это можно было бы ответить следующее. В условиях СССР ни одно предприятие не подлежит отчуждению и, стало быть, не будучи товаром, не имеет *цены,* а некоторые мудрецы полагают к тому же, что наши фабрики и заводы не обладают и стоимостью. Тем не менее на балансе любого предприятия записывается его начальная оценка по сумме вложенных в него затрат прошлого и живого труда. Помимо «начальной оценки» наших основных фондов, наша практика знает и восстановительную их «оценку» и «оценку» их с учетом износа. Ни одна из этих оценок не может быть названа *ценой* соответствующих средств производства, и тем не менее *оценки* их представляют немаловажное значение в экономике нашей страны. Но запасы полезных ископаемых, вовлекаемые в производство, тоже представляют собой один из важнейших фондов наших средств производства, в расходовании которого необходимо соблюдать разумную экономию не в меньшей мере, чем в отношении любых иных. А для этого и критерии их оценки не должны существенно отличаться от тех, какими мы пользуемся и во всех других экономических своих оценках — в денежном или в трудовом измерении.

К. Л. Пожарицкий пытается в своей методике опереться и на общие законы образования горной ренты. Однако не следует при этом упускать из виду, что эти законы в условиях социализма претерпели весьма существенные принципиальные изменения. Прежде всего само понятие ренты в условиях капитализма, как элемент прибавочной стоимости, предполагает эксплуатацию труда и уже поэтому совершенно чужеродно категориям социалистической экономики. Дифференциальная рентабельность различных месторождений, поскольку она зависит только от природных условий их использования, ни в какой мере не может быть объяснена различиями в эксплуатации трудящихся на разных рудниках и шахтах СССР. Она объясняется здесь целиком лишь различиями в *экономии труда,*

достигаемой за счет бо́льших или меньших естественных богатств и *даровых сил природы*. Мерой этой ожидаемой *экономии труда* или ценой соответствующего «продукта для общества» за счет этой экономии и следовало бы оценивать сравнительные достоинства различных руд и дифференциальную рентабельность различных месторождений в условиях социализма.

В основу таких оценок, стало быть, кладется исчисляемая в сметных калькуляциях сравнительная производительность труда в различных природных условиях, а вместе с тем и индивидуальная стоимость полезных ископаемых различных месторождений. Но и в этом отношении трактовка земельной и горной «ренты» в условиях капитализма существенно отличается от наших советских условий. В условиях капитализма дифференциальная рента измеряется разностью между «ценой производства» на *худших* и всех других, более рентабельных участках земли или горных месторождений. Но «цена производства» даже на худших участках включает не только издержки производства, но и нормальную прибыль предпринимателей. В условиях социализма закон равной нормы прибыли, которым определяются цены производства, как известно, отпадает. Они отклоняются от стоимости, в то время как при социализме, по Марксу, распределение происходит по принципу: «известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой», что предполагает эквивалентный обмен («Коммунист», 1957, № 3, стр. 33). Отпадают, стало быть, и цены производства. И чтобы определить дифференциальную рентабельность *лучших* участков, здесь достаточно сравнить их доходность с вовсе *бездоходными*. За базу сравнения здесь принимаются, стало быть, *издержки производства* на худших из участков, вовлекаемых в производство, в предположении, что и они в цене своей продукции все же полностью должны окупить не только материальные затраты, но и нормальную оплату живого труда.

Это условие расширяет круг привлекаемых к разработке потенциальных богатств страны по сравнению с условиями капиталистической их эксплуатации, но все же ставит определенный предел их вовлечению в работу. Этот предел определяется требованием их *безубыточности* при *данном* уровне цен и технического прогресса[1]. Но, установив этот предел, мы получаем возможность вполне удовлетворительной оценки не только в натуре, но и в денежном выражении и земель, и полезных ископаемых, и любых иных потенциальных богатств.

В частности, применительно к ископаемым богатствам, эта задача сводится к следующему. Все участки месторождений или пласты, удовлетворяющие требованию безубыточной их эксплуатации при данном уровне цен и техники, оцениваются по сумме чистого дохода, или провизорной стоимости «продукта для общества», ожидаемого от их разработки в течение определенного периода лет. Чтобы возможно правильнее учесть в этих провизорных калькуляциях не только количество, но и сравнительное качество этого продукта на разных участках, сравнительные издержки исчисляются при этом на единицу продукта одного и того же качества. Например, для сравнения железных руд разных месторождений сравниваются издержки на тонну передельного чугуна из той или иной руды. И уже исходя из разницы между ценой этого металла в момент оценки и всей суммой провизорных издержек по добыче и обработке его из разных руд, может быть получена сравнительная оценка этих руд на единицу веса, а затем, в результате умножения этой оценки на сумму утвержденных запасов, и общая оценка всего месторождения.

Для иллюстрации указанного метода приведем цифровой пример сравнительной оценки руд по трем месторождениям при цене тонны чугуна, скажем, в 300 руб. (табл. 10).

[1] С изменением плановых цен или уровня техники этот предел, конечно, может существенно изменяться во времени.

Таблица 10

Провизорная оценка разведанных руд в недрах месторождений
(цифры условные)

Издержки и оценка месторождений	Лучшее месторождение			Среднее месторождение			Худшее месторождение			Всего
	рудник	завод	итого	рудник	завод	итого	рудник	завод	итого	
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Издержки производства на 1 т металла										
1. Руда (сырая)	—	60	—	—	70	—	—	80	—	—
2. Энергия, топливо и прочие материалы	11,4	65	76,4	15,4	89,5	104,9	33	101	134	315,3
3. Амортизация	2	13	15	3	13	16	4	13	17	48
4. Разведка руд	6	—	6	7	—	7	8	—	8	21
5. Потери их в недрах	0,6	—	0,6	1,6	—	1,6	—	—	—	2,2
6. Доставка добытой руды на завод	—	28	28	—	33	33	—	36	36	97
7. Обогащение руд и агломерация	—	2	2	—	7	7	—	10	10	19
8. Итого материальных затрат — c	20	168	128	27	212,5	169,5	45	240	205	502,5
9. Оплаченный живой труд (v)	17	40	57	25	50	75	35	60	95	227
10. Продукт для общества (m)	23	92	115	18	37,5	55,5	—	—	—	170,5
Всего по сметным ценам, руб.	60	300	300	70	300	300	80	300	300	900
Всего по индивидуальной стоимости, в руб.	50	238	228	70	300	300	106	346	372	900
II. Сравнительная оценка месторождений										
1. Запасы разведанных руд, млн. т.	—	—	200	—	—	600	—	—	200	1000
2. Содержание металла, %	—	—	60	—	—	45	—	—	35	46
3. Потери руд при добыче, %	—	—	5	—	—	10	—	—	15	10
4. Удельные расходы руды на 1 т металла										
а) добытой руды	—	—	1,7	—	—	2,3	—	—	3	2,2
б) всей, включая потери	—	—	1,79	—	—	2,55	—	—	3,53	2,5
5. Продукт для общества на 1 т запасов, руб.	—	—	64,2	—	—	21,7	—	—	0	25,8
Продукт для общества на всю сумму запасов, млрд. руб.	—	—	12,8	—	—	13,0	—	—	—	25,8

В табл. 10 мы исходим из допущения, что средней плановой нормой накопления является отношение $m : v = 75\%$. По этой норме чугун из лучшей руды по индивидуальной стоимости обошелся бы в 228 руб. за тонну, на 72 руб. ниже средней цены в 300 руб., а из худшей руды — в 372 руб., т. е. на 72 руб. выше этой цены. Это обеспечивает дифференциальную рентабельность производства на лучших рудах в 115 руб. на тонну чугуна и на средних — в 55,5 руб., в то время как худшие руды гарантируют лишь безубыточность производства при данной цене металла. Но лучшей руды расходуется на тонну чугуна (с потерями) — 1,79 т, значит, разделив 115 руб. чистого дохода на 1,79 т руды, обеспечившей этот доход, получим 115 : 1,79 = 64,2 руб. на тонну рудных запасов этого качества. Для средних руд эта оценка снижается до 55,5 : 2,55 = 21,7 руб. на тонну руды в недрах, а для худших — падает до нуля. Исходя из этих

сравнительных расценок руд разного качества, становится возможной и общая оценка наших потенциальных богатств, уже разведанных и заприходованных в недрах для предстоящего их использования.

В предположении, что рудник и завод составляют единый комбинат при каждом месторождении, мы сопоставляем дифференциальную их рентабельность в *целом* по каждому комбинату. При этом уровень техники и вся технология выплавки из руд чугуна в доменных цехах заводов предполагаются одними и теми же для всех руд. И потому вся разница в издержках может быть отнесена лишь за счет различий в качестве и количестве перерабатываемых руд на тонну металла. Худшие руды при данной цене металла в нашем примере окупают полностью только овеществленный в нем прошлый труд и нормальную оплату живого труда. В условиях капитализма такое бесприбыльное предприятие не могло бы возникнуть и, стало быть, осталась бы без использования и руда, обеспечивающая лишь безубыточность ее добычи и превращения в металл.

С частнохозяйственной точки зрения *производительным* считался только тот рабочий, который увеличивает богатство своего хозяина. Но с тех пор, как хозяевами стали сами рабочие, изменились и критерии, по которым определяются грани между производительным и непроизводительным трудом. В условиях социализма труд, окупающий в своем продукте полностью его «себестоимость», если этот продукт необходим обществу и не может быть получен на данном участке дешевле, является *общественно необходимым* и не может почитаться *непроизводительным*. Тем самым он определяет и нормальную цену данного продукта, исходя из предельно допустимых условий трудоемкости его производства на данном участке без прибыли и дотаций. Конечно, с учетом и всех других менее трудоемких участков производства или более богатых месторождений руд та же цена продукта в общем итоге по всем участкам обеспечит и необходимую нам норму накоплений. А в общем возможность эксплуатации в СССР и столь бедных месторождений, какие являются вовсе бездоходными, позволяет нам значительно расширить использование наших природных богатств по сравнению с условиями капиталистической экономики.

В табл. 10 сравнительная оценка рудных запасов различных месторождений исчислена, исходя из той дифференциальной рентабельности сопоставляемых предприятий, какая обусловлена различиями в геологическом составе этих запасов и их географическим размещением по отношению к заводам. Принимая условно, что потенциальное богатство этих природных благ реализуется со временем в тех добавочных количествах металла по сравнению с беднейшими рудами, какие учтены нами в «продукте для общества» за счет лучших месторождений, мы измеряем их ценой этого металла. Но момент реализации этих разведанных руд относится к будущему и для разных месторождений в зависимости от размера наличных запасов и других условий их эксплуатации весьма различен. А цена металла, положенная в основу расчетов, относится к настоящему моменту и к моменту реализации всех наличных запасов оцениваемых руд, несомненно, будет совсем иная. Отсюда возникает новая задача: оценки этих запасов с учетом «фактора времени».

Исходя из естественного допущения, что исходная цена металла с ростом технического прогресса будет снижаться в обратной зависимости от планируемого роста производительности труда, легко избрать подходящую формулу для внесения необходимых поправок в начальные расчеты [1]. Нужно лишь учесть следующее обстоятельство. Технический прогресс в отдельных отраслях труда протекает неравномерно. Но покупа-

---

[1] См., например, С. Струмилин. Фактор времени в проектировках капитальных вложений. М.— Л., Изд-во Главсевморпути, 1945.

тельная сила рубля определяется снижением цен не в той или иной отдельной отрасли производства, а общим их снижением в целом по всему народному хозяйству. И для поправок на фактор времени решающее влияние должен оказать именно этот обобщающий показатель. Известно, например, что за истекшую пятилетку цены нашей продукции предполагалось снизить в связи с ростом производительности за 5 лет на 30%, за 10 лет при таких темпах снижения они упали бы более чем вдвое, за 15 лет — почти втрое. При этом рубль как мера стоимости не изменился бы, сохраняя в обмене эквивалентность одному и тому же числу часов овеществленного труда. Но все «оценки» различных благ, выраженные в таком твердом рубле, снизятся через 15 лет во столько же раз, что и цены.

В оценке рудных запасов, для извлечения которых требуются большие и далеко неравные сроки, от 30 до 60 лет и больше, учет фактора времени может оказать очень значительное влияние, снижая исходные итоги калькуляций во много раз. Это лишний раз подчеркивает условность таких оценок, если их брать вне времени и пространства, но отнюдь не лишает их весьма реального экономического значения.

В чем же мы усматриваем это их значение?

Даровые блага природы, не требующие для своего освоения затрат труда, не обладают, вообще говоря, ни ценой, ни стоимостью. Но это общее правило не распространяется на целый ряд весьма распространенных случаев. Например, самородок золота, подобранный случайно на дороге, оценивается и действительно стóит не менее тех общественно необходимых затрат труда, каких требует вся добыча золота из расчета на единицу веса. Говоря иначе, следует строго различать *общественную* стоимость благ от их *индивидуальной* стоимости *на отдельных участках* общественного производства. И если на отдельных его участках *индивидуальная* стоимость продукта ниже общественной, то полученная на этом участке экономия в труде или соответствующая добавочная доля продукта отнюдь еще не снижает его *общественной* стоимости. Металл, выплавленный из более богатой руды, стоит столько же, сколько и металл из беднейших руд или даже найденный в готовом виде на дороге. Полученный при этом добавочный продукт можно рассматривать как дар природы, но это не мешает его вполне реальной общественной стоимости. И если носителем этой добавочной стоимости являются рудные запасы определенных качеств, то в их оценке мы и предвосхищаем будущую общественную стоимость такого «дара природы». Рачительный хозяин должен и даровые блага строго учитывать и бережно расходовать, оценивая их по той экономии в *труде*, какую они могут обеспечить ему в производстве, или в денежной оценке на тот или иной момент.

Такую оценку рудных запасов можно было бы рассматривать как провизорную цену безубыточной их реализации в международном товарообмене. Но и во внутреннем обороте ценностей в социалистическом хозяйстве использование таких оценок во многом облегчило бы задачи планирования очередности вложений в новостройки и много других текущих проблем хозяйственного расчета. В частности, включая в калькуляцию издержек производства металлов и провизорные оценки используемых в нем даровых рудных богатств, мы получили бы и вполне сравнимые для разных предприятий плановые задания в области накоплений продукта для общества и твердую основу для определения сдаточных цен соответствующей продукции, и равные условия для успешного социалистического соревнования работников этих предприятий.

Но те же принципы дифференциальной оценки, применимые в условиях горной промышленности, применимы и в других отраслях хозяйства. В особенности важно было бы их применять к сравнительной оценке земельных угодий различной рентабельности. Земли различного естествен-

ного плодородия тоже могут и даже должны получить в нашем хозяйстве дифференциальную оценку, по мере того как они включаются в хозяйственное использование. Правда, для проведения такой оценки потребуются весьма трудоемкие и дорогие работы. Но они, несомненно, окупятся в плановом хозяйстве значительно более целесообразным использованием угодий различного назначения. Земли в СССР принадлежат всему обществу, и та доля дохода, которая определяется не прошлым и живым трудом земледельцев, а естественными различиями в плодородии земли или расстоянием их до рынков, должна принадлежать всему обществу.

Конечно, исчисляя «продукт для общества» в любом хозяйстве, мы должны различать в нем по их назначению фонды общественного потребления от целевых фондов расширенного производства и резервных. Это тем более важно, что из колхозных накоплений эти последние целевые фонды не подлежат изъятию в госбюджет, оставаясь в распоряжении самих колхозов. Но это не исключает целесообразности оценки и в колхозах дифференциальной их рентабельности в полном ее объеме.

Такие оценки земли по ожидаемой ее доходности с учетом фактора времени за много лет вперед, меняясь в зависимости и от падающих цен, и от растущей производительности труда во времени, не могут быть особенно точными. К тому же плодородие земли, в отличие от запасов полезных ископаемых, не истощается, а даже возрастает в условиях разумного ее использования. И уже поэтому оценки земельных угодий подлежат периодическому пересмотру и переоценке. В связи с этим можно было бы ограничиться в оценке провизорной доходности сравниваемых участков земли определенным сроком их использования, скажем, не свыше 30 лет. Не будучи *ценой* земли в наших условиях, поскольку земля у нас не отчуждается, такая дифференциальная оценка земель разного достоинства могла бы все же послужить вполне надежной мерой природных богатств, ожидающих реализации в течение одного лишь поколения в нашей стране.

Провизорные оценки разведанных природных ресурсов приобретают особо важное значение не столько в валовых итогах по всей стране, сколько в географическом размещении этих ресурсов по стране. В проектировках капитальных вложений, при выборе наиболее эффективных вариантов их размещения, такие оценки сразу же отвечают на важнейший вопрос: в каком именно районе и в какой очередности их использования наличные природные ресурсы из расчета на единицу вложений могут дать в кратчайшие сроки максимальный эффект. При этом попутно решается и задача сопоставимости затрат *текущего* момента с их *будущим* эффектом за тот или иной срок. Для этого будущий продукт с учетом предстоящего за данный срок снижения его стоимости переоценивается по более низким ценам соответствующего в перспективе момента.

В этом случае наши планы можно бы уподобить надежным векселям с уплатой по ним в указанные планом сроки. Приобретая срочные векселя за наличный расчет, банки всегда «учитывали» их, снижая их оценку из расчета тех или иных сложных процентов. И это лишний раз подтверждает, что даже *грядущие* блага могут представлять для нас известную цену в текущий момент, правда, с известным понижением текущей их оценки, но все же вполне реальную. Но есть и весьма существенное отличие наших плановых оценок от банковского учета векселей. Капиталистический учет векселей исходит из совершенно произвольного убеждения банкиров в том, что их деньги рождают «нормальный» банковский процент с той же закономерностью, как овцы рожают ягнят, но всегда готовы прикинуть кое-что в своем «учете» сверх этой нормы и за свой личный предпринимательский риск и в порядке общей перестраховки от кризисов, и даже без всяких оснований при благоприятной конъюнктуре. Плановые оценки грядущей рентабельности социалистических предприятий строятся на гораздо более надежном основании перспективных расчетов, в кото-

рых нам известны и наличные ресурсы, и возможные вложения, и осуществимый рост производительности труда, и заданные масштабы снижения цен. Конечно, и плановые оценки не застрахованы от просчетов, но в огромном масштабе всего народного хозяйства, при взаимном погашении случайных просчетов в ту и другую сторону, не приходится считаться с какими-нибудь индивидуальными рисками. Застрахованы мы накрепко и от общих циклических кризисов. И как показал уже многолетний опыт, расплачиваемся мы по нашим плановым «векселям» всегда не только в срок, но и досрочно.

До сих пор мы имели в виду лишь те факторы дифференциальной рентабельности отдельных наших хозяйств и предприятий, в основе которых лежат различия в богатстве используемых на разных участках даров природы. Но есть еще один мощный фактор дифференциальной рентабельности всех наших предприятий. Это различный уровень использования в них техники. Мы непрерывно строим и вводим в эксплуатацию все новые предприятия. Но новые предприятия со временем стареют. Стареет в них и уровень техники. А вместе с тем, по сравнению с более новыми, они становятся все менее рентабельными, наконец, вовсе бездоходными и даже убыточными.

Спрашивается, до какой же степени устарения допустимо продолжать эксплуатацию таких все более отсталых в техническом отношении предприятий?

По-видимому, и здесь пригодилась бы такая же установка, какая завоевывает уже все большее признание в отношении ряда полезных ископаемых. Должен быть установлен твердый предел допустимого устарения, за которым предприятие либо вовсе ликвидируется, либо подвергается основательной модернизации. И таким пределом даже в условиях товарного голода должна бы, на мой взгляд, стать грань между вовсе бездоходным и прямо убыточным уже уровнем технологии и организации производства. Плодить заведомо уже негодную технику, не окупающую даже содержание обслуживающих ее работников, было бы, в условиях соревнования с передовой техникой Запада, совсем неважной политикой. А чтобы ее избежать, необходимо в статистической отчетности и в планировании очередных вложений в модернизацию убыточных предприятий держать их на особом текущем учете.

Экономический анализ дифференциальной рентабельности предприятий в соответствующей группировке их, в связи со сроками службы их оборудования и структурой издержек производства, вообще мог бы оказаться весьма полезным орудием планирования. И остается лишь пожалеть об отсутствии таких группировок в нашей практике.

Методика, предложенная К. Л. Пожарицким для оценки полезных ископаемых по дифференциальной их рентабельности, как видно из вышесказанного, могла бы найти себе применение и в гораздо более широкой сфере задач планирования. Предлагаемые им провизорные оценки даров природы с загадом на много лет вперед весьма условны. Но разве менее условны и другие наши расчеты в перспективном планировании, часто гораздо более сложные и ответственные. Провизорные материальные и денежные балансы, предрешаемые на 5 или 10 лет вперед капитальные вложения и общественные накопления, решающие директивы о необходимом повышении производительности и снижении цен и вообще вся эта плановая «музыка будущего» представляет собой лишь продуманную систему провизорных оценок. Но это реальные оценки.

Без таких директивных прорывов в грядущее мы не мыслим уже себе и плодотворного настоящего.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

I. СТАТИСТИКА ЛЬНА В ЦАРСКОЙ РОССИИ К 1914 г.[1]

Статистика в любой области хозяйства возникает, развивается и достигает известной степени совершенства всегда лишь в теснейшей связи с развитием соответствующей отрасли хозяйства и жизненными интересами общества, определяющими это развитие. В индивидуальном хозяйстве не возникает потребности в статистике. Лишь с общественным разделением труда и развитием товарных отношений, под воздействием требований *закона стоимости* об эквивалентности в обмене товарных ценностей, получают свое начало учет издержек производства и цен и все другие элементы хозяйственной статистики. Плодотворно изучать статистику в отрыве от тех специальных задач и интересов, которым она служит в общественном производстве, едва ли возможно. А с другой стороны, изучая ту или иную отрасль общественного хозяйства на разных этапах ее развития, мы уже тем самым показываем и развитие статистики в данной области на каждом из этих этапов. Чем значительнее становится при этом роль данной отрасли труда в ряду других, тем большее внимание уделяется и развитию обслуживающего ее учета и статистики.

Это общее положение особенно наглядно подтверждается на примере сравнительного развития статистики в области мелкого крестьянского льноводства и крупного фабричного производства льняных тканей в царской России.

* * *

Культура льна на волокно получила известность в Европе уже в эпоху неолитических свайных построек и мотыжного земледелия, т. е. около 3 тыс. лет до нашей эры. С древнейших времен льноводство ведет свое начало и в России.

По свидетельству летописца, монахи Киево-Печорского монастыря еще при жизни св. Феодосия печорского изготовляли масло из льняного семени и выделывали пряжу, полотно и одежды из льняного волокна. А великий князь Ярослав в свой церковный устав 1051 г. включил особую статью, карающую за кражу льна и льняной одежды.

По этим и тому подобным признакам легко заключить, что льноводство уже в те времена играло довольно заметную роль в хозяйстве страны. Впрочем, это ясно уже из того, что потребность в одежде наших предков по условиям нашего климата всегда была значительной. Серьезных же конкурентов у льна в этом отношении, если не считать звериных шкур, в то время вовсе не было. Но о сколько-нибудь определенном учете количественной стороны льноводства той эпохи да и вообще за всю эпоху натурального хозяйства, разумеется, не может быть и речи. Учета засеваемых под лен площадей и величины сборов в эту эпоху производить было некому да и незачем. Поскольку лен производился не на продажу, а только для своих собственных нужд, каждый хозяин прекрасно учитывал нужды своей семьи и без помощи статистики. Говоря короче, статистика в эпоху

[1] «Очерки по истории статистики СССР», сб. 2, 1957.

натурального хозяйства, если бы она даже существовала в эту эпоху, не представляла бы для населения никакого практического интереса.

Но натуральное хозяйство постепенно разлагалось. Как видно из договорных грамот XIII и XIV столетий, лен и льняные изделия уже в то время составляли заметную статью торговли Новгорода и Пскова, и лен был обложен особой пошлиной с «короба». Конечно, в ту пору лен еще не сеялся специально на продажу, как это делается теперь. Наши предки сеяли его прежде всего для себя, сами собственноручно перерабатывали его в пряжу и ткани и сами же их изнашивали. Таким образом, лишь случайные избытки волокна и его продуктов у их производителей могли поступать в продажу в удовлетворение спроса оторванного от земли городского населения.

Однако по мере того, как преимущества общественного разделения труда с усовершенствованием орудий и усложнением технических приемов производства становились все осязательнее, специализация занятий и расслоение населения на профессии шло все быстрее.

Вместе с тем все возрастающее городское и вообще промышленное население предъявляло все больший спрос на продукты сельского хозяйства и, в частности льноводства.

Несложный некогда процесс изготовления одежды, протекавший в старину от начала до конца в границах одного и того же индивидуального хозяйства, распадается ныне на целый ряд специальных процессов, разделенных между собою не только по времени и роду специалистов-выполнителей, но и по месту выполнения. Рожденное скромным голубым цветочком в глухом углу какого-либо Пошехонья льняное волокно нынче десятки раз переходит из рук в руки в своих странствиях по белому свету. Его орошает своим потом крестьянин на пашне, с ним упорно бьются, не разгибая спины, трепачи, чесали, прядильщики, ткачи и красильщики в светелках, мастерских и на фабриках, над ним слепнут в долгие ночи портнихи и белошвейки на своих чердаках и в подвалах. При этом оно странствует из деревни в город, из края в край, по суше и по морю, за сотни и тысячи верст, пока не достигнет, наконец, своего назначения где-нибудь в столице мира, вплетенное в одежды модного денди или блестящей красавицы. И если бы только когда-нибудь такое волоконце льна сумело рассказать историю своих похождений, оно смогло бы заполнить ими много страниц, не менее причудливых, чем сказки Шехерезады.

Говоря короче, характер льноводства с течением времени коренным образом изменился. Лен культивируется ныне по общему правилу уже не для домашних нужд, а с промышленною целью, на продажу.

Уже в XVII в. льняное волокно и полотняные ткани в России стали предметом не только внутренней торговли, но и вывоза за границу. По сообщению Кильбургера, псковский лен-волокно покупался на внутреннем рынке по 7 руб. за шиффунт или берковец в 10 пудов «и в 1673 году через Нарву было вывезено кораблями 3605 шиффунтов». «Полотно,— по словам Кильбургера,— больше всего делается в Ярославской, Валдайской и Каргопольской областях и у Северной Двины и Ваги по направлению внутрь страны и редко бывает свыше $^{3}/_{4}$ аршина ширины. Аршин в Москве продается от 2 до 5 и 6 копеек, и во всякое время его можно достать в большом количестве. Иногда за море отпускали за один год свыше 30 000 аршин». Вывозили холст не только купцы, но и казна. Тонкие полотна привозили из Голландии. «Но,— замечает Кильбургер,— так как царица никогда не носит на своем теле никакого иностранного полотна, то для нее, а также для царского двора, делается совершенно тонкое полотно в Москве, в Кадашовой Слободе...» [1]. Значит, русские мастера и в

[1] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле... Киев, 1915, стр. 100, 101.

этом отношении не уступали голландским. А из царской мастерской выросла вскоре и значительная Кадашевская полотняная мануфактура (в 1631 г. 115 ткацких станков) [1].

Конечно, здесь применялся только ручной труд. Первую прялку, долженствовавшую вытеснить из употребления ручное веретено, изобрел Иоганн Юргенс еще в 1530 г. И все же, хотя с тех пор, за 400 лет, в области механической переработки льна совершены очень крупные завоевания, и льнопромышленность не только за границей, но и в России достигла огромного развития, однако известная доля льна еще очень долго перерабатывалась здесь весьма первобытным способом в грубую пряжу и домотканые холсты и полотна для собственных нужд самими производителями волокна.

Как велика эта доля, учесть довольно трудно. Весьма возможно, что она представляет собой и доныне очень значительную величину. Но во всяком случае можно сказать с уверенностью, что доля эта с каждым годом неизбежно падает и роль ее в общественном хозяйстве страны уже теперь ничтожна.

Дело в том, что конкуренция ручного труда с современной машиной в области льнообработки становится ныне делом совершенно безнадежным. Известно, например, что труд фабричного рабочего за прядильной машиной во много раз производительнее труда ручного прядильщика. Работу, которую первый производит, скажем, в один день, второй не сделает и в две недели. При таких условиях фабричные продукты обходятся настолько дешевле домашних, что заниматься ручным их изготовлением было бы совершенно непроизводительной тратой времени. Конечно, при более или менее вынужденном безделье, какое наступало иной раз в зимнее время в более глухих углах русской деревни, не приходилось очень экономить время. И тогда даже ручное веретено не без пользы могло найти себе свое применение. Но такое зимнее «безделье» в современных условиях и само по себе нужно признать уже историческим пережитком. В той же мере историческим пережитком с народнохозяйственной точки зрения является уже давно и домашняя переработка волокна в сколько-нибудь значительных размерах.

Это сводит к минимуму хозяйственное значение льноводства для домашнего потребления, но тем осязательнее становится все возрастающее значение льноводства промышленного на продажу.

Одним из естественнейших последствий отмеченной эволюции характера льноводства от потребительного типа к промышленному является все растущая потребность в статистике льноводства.

Однако в крепостной России товарность льноводства развивалась еще довольно медленно. И сколько-нибудь достоверную калькуляцию связанных с культурой льна трудовых затрат мы находим впервые только в первой половине XIX в. [2] Правительственная комиссия летом 1844 г. посетила важнейшие из наших льноводных губерний и путем опроса сведущих лиц собрала много довольно ценных для нас сведений о производстве льна и льняных изделий.

Эти сведения рисуют довольно пеструю картину условий культуры льна для разных губерний. Очень резко различались и высевы на десятину, и урожайность льна, и выход волокна из льняной соломы, и приемы обработки волокна. Никаких средних статистических норм нам комиссия эта не дает. Денежный счет ведется ею на ассигнации, однако известно, что 3 р. 50 к. ассигнациями оценивались до 1844 г. в 1 руб. серебром.

---

[1] С. Г. Струмилин. Царская мануфактура XVII века (в кн. «Крепостная мануфактура в России», ч. III. Л., Изд-во АН СССР, 1932).

[2] «Исследования о состоянии льняной промышленности в России». Изд. от Деп. сел. хоз. МГИ. СПб., 1847.

В Псковской губернии сеяли на десятине от 3,5 до 4,5 мер семени весом около 1,05 пуда в мере, в Костромской и Ярославской — по 6—7 мер, а в Вологодской — от 9 до 10 мер, в одних губерниях вырабатывали ленсланец, в других — моченец, в одних районах продавали лен *сырцом* прямо из под мялки, в других — *трепаный,* а иной раз даже *чесаный.* Это сказывалось, конечно, и на нормах урожайности. Урожай льняного семени почти нигде не превышал сам-двух, сам-трех, но колебания его в *пудах* с десятины, из-за резкого колебания норм высева, были гораздо резче. Еще значительнее были колебания сборов льняного волокна — от 9 до 40 пуд. волокна с десятины даже в пределах одного и того же имения за разные годы. Говоря о средних сборах за ряд лет, можно привести такие цифры. В Ярославской губернии крестьяне собрали при хорошей обработке около 25 пуд. волокна с десятины. В Костромской губернии в имении Лопухина за 1833—1842 гг. при высеве по четверти семян на десятину семян получилось по 11,2 меры, а волокна 18,5 пуд. на десятину. В Псковской губернии, по выводам члена Комиссии Война-Куринского, при высеве 4 мер на десятину получилось семян 8 мер и льна подтрепанного около 15 пуд., а, в частности, у помещика Крекшина за 1833—1844 гг., т. е. в среднем за целое десятилетие, получилось всего 23 пуд. льна на четверть высева, т. е. не выше 13 пуд. на десятину (при высеве $4^1/_2$ мер). В Лифляндии один из лучших хозяев, барон Штейнгель, за 1825—1833 гг. получил на четверть высева всего 9,3 меры семян, 14,6 пуд. льна и 7,9 пуд. пакли [1]. В среднем по 4 губерниям это дает не более 18 пуд. волокна. Не всегда ясно при этом, о каком волокне идет речь. А между тем волокно волокну рознь.

Известно, что из 100 пуд. льняной соломы после мочки или рошения на стлищах остается не больше 70 пуд. так называемой тресты. Треста поступает на мялки для отделения костры, после чего мятый лен-сырец подвергается трепке с отделением пакли, а трепаный лен чешется с выделением чесаного льна (кужель) и очесов (кудель). По средним данным, из 100 пуд. соломы выходит около (в %) [2]:

Тресты	70	Трепаного	25
Мятого	50	Чесаного . .	17 и меньше

В значительной мере эти выходы колеблются и от качества урожая, и от качества обработки. По материалам Комиссии 1844 г., в Лифляндии в одни годы из пуда льняных стеблей выходило до 40% чистого трепаного льна, а в других — только 15%. По выработке различали «подтрепанное» волокно и «пробойный трепанец». Последнего выходило примерно фунтов на пять в пуде, т. е. на 12,5% меньше, чем подтрепанного. При ческе льна вручную в Ярославской губернии в зависимости от характера щеток — щетинных крестьянских или металлических у помещика Карновича — получались в 1844 г. такие выходы из пуда трепаного ярославского сланца (в %):

	Щетинные щетки	Металлические щетки
Льна чесаного	55,3	24,2
Кудели со щеток	38,2	73,2
Угара	6,5	2,6

На господской фабрике в с. Великом в те же годы на тонкие полотна вычесывали из пуда льна около 22,5% *чесаного* волокна, 65% *кудели* и охлопков и т. д. [3]

[1] «Исследования...», стр. 11, 26—27 и др.

[2] С. Г. Петрашкевич. Задачи и планы организации текущей статистики льна. СПб., 1913, стр. 20.

[3] «Исследования...», стр. 54—57.

Таким образом, урожай «волокна» без точного указания, о каком волокне идет речь, не представляет собой определенной величины. Учитывая, однако, что в большинстве губерний лен поступал на рынок в трепаном или подтрепанном виде, отметим, что по подсчетам И. Вильсона к началу 1860 г. в России сбор волокна с 650 тыс. десятин оценивался в 12 млн. пуд., что дает около 18,5 пуд. на 1 десятину [1]. По анкете 1884 г., средний урожай волокна по 13 льноводным губерниям тоже составлял около 18,8 пуд. на десятину [2]. На том же уровне он колебался и через 20 лет.

По собранным мною в свое время для Льняного комитета данным урожай льняного волокна за 1913 г. по 20 льноводным губерниям составлял (в пуд. на 1 десятину):

1) Льна-сырца	30,8
2) Трепаного	18,4
Пакли	4,3
	22,7
3) Чесаного	9,4
Очесов	5,3
	14,7

Говоря иначе, можно считать, что в 1913 г. у нас в России льняных стеблей или соломы собиралось около 60 пуд. с десятины, каковое количество с превращением в лен-сырец из-под мялки сокращалось до 31 пуд., после второго передела (трепки) выходило не свыше 23 пуд. трепаного волокна и пакли, а после третьего передела — большей частью уже на фабрике — оставалось едва 15 пуд. волокна с 1 десятины (не считая пакли) [3].

Таким образом, особых сдвигов в урожайности льна за весь вышеуказанный период не заметно. Что же касается трудовых затрат на единицу площади в культуре и первичной обработке льна, то у нас имеются следующие данные.

По расчетам крестьян с. Великого Ярославской губернии, затраты и выручка с 1 десятины льна выражались по местным расценкам около 1844 г. в таких цифрах (см. табл. 1).

Семена здесь взяты по рыночной цене, хотя они могли быть получены и в собственном хозяйстве. Женский рабочий день расценивался тогда примерно в 50 коп. ассигнациями, или 14,3 коп. серебром, мужской пеший и конный, конечно, дороже. Конный день расценивался примерно в два раза дороже пешего, а потому при переводе в человеко-дни мы условно приравняли коне-день одному человеко-дню. Навоз непосредственно под лен не употреблялся, и в табл. 1 учтена половина навоза, уложенного под рожь, за которой следовал посев льна. Прополка льна не производилась обычно, а в тех редких случаях, когда она производилась, расходовалось дополнительно только на эту одну операцию до 40 женских дней на 1 десятину льна. И тем не менее по разверстке трудовых затрат пропорционально валовой выручке на 1 пуд трепаного волокна приходилось затрачивать около 6,15 трудодня, а на тонну, стало быть, до 375 дней.

[1] «Современное состояние льноводства в 25-ти губерниях Европейской России». СПб., 1912, стр. VII.

[2] «Льняная промышленность в России». СПб., Изд. Вольно-экон. об-ва, 1885, табл. к стр. 208.

[3] Центральный статистический комитет за 1912 г. давал цифру 31,2 пуд., за 1913 г. — 29 пуд. «волокна» на 1 десятину. Можно бы думать, что он имел в виду лен-сырец, но, по-видимому, это иное, совершенно бюрократическое «волокно». Из вопросных листков ЦСК видно, что начиная с 1901 г. он собирал данные об урожаях льна в стеблях, но каким образом эти «стебли» перерабатывались при публикации в «волокно», никому неизвестно.

Таблица 1

Издержки производства льняного волокна в Ярославской губернии за 1844 г.

Издержки на 1 десятину	Человеко-дней		Коне-дней	Всего дней	На сумму руб. и коп. серебром
	муж.	жен.			
1	2	3	4	5	6
А. Затраты					
I. По культуре льна					
1. Вспахать весною	1,5	—	3,0	4,5	2,28
2. Заборонить	1,0	—	2,0	3,0	1,23
3. Засошить и заборонить	1,0	—	2,0	3,0	1,23
4. Посеять и заборонить	1,3	—	2,0	3,3	1,33
5. Вытеребить	—	11,0	—	11,0	1,51
6. Перевезти	1,0	1,0	1,0	3,0	0,77
7. Околотить семя	4,0	5,0	—	9,0	1,37
8. Семени 8 мер	—	—	—	(37,0)	10,28
9. Навоз 35 возов по 17,1 коп.	—	—	—	(40,0)	6,00
10. Раскидка навоза и пр.	—	—	—	(5,0)	0,74
Итого	9,8	17,0	10,0	118,8	26,74
II. Первичная обработка					
1. Перевезти на стлище	1,0	1,0	1,0	3,0	0,77
2. Разостлать	—	11,0	—	11,0	1,57
3. Поднять, связать и перевезти	—	11,0	1,0	12,0	2,00
4. Сажать на овин	1,0	1,0	—	2,0	0,34
5. Мять и трепать	—	87,5	—	87,5	12,50
Итого	2,0	111,5	2,0	115,5	17,18
Всего (по I и II)	11,8	128,5	12,0	234,3	43,92
Б. Выручка от продажи					
1. Сбор семян 16 мер	—	—	—	74,0	20,57
2. Сбор льна 25 пуд.	—	—	—	154,0	42,86
3. Головицы 30 плетух	—	—	—	6,3	1,71
Итого	—	—	—	234,3	65,14
В. Прибыль и рента					
1. Наем земли	—	—	—	—	3,43
2. Чистая прибыль	—	—	—	—	17,79
Итого					21,22

В другой калькуляции того же времени для лифляндских условий при расценке конного рабочего дня в 30 и пешего на круг в 15 коп. серебром получаются результаты, показанные в табл. 2.

Об удобрении в этом расчете не упомянуто. Зато и урожай ниже, чем в табл. 1, а в общем и здесь на 1 пуд волокна падает по раскладке затрат около 6,3 трудодней, а на тонну — до 383 дней. Цифры эти, конечно, не отличаются особой точностью. Представляя собою не отчетную, а, скорее, сметную калькуляцию, они дают нам лишь *типичные нормативы* для дан-

Таблица 2

Издержки производства льна в Лифляндии к 1844 г.

Издержки на 1 десятину	Число		Итого	
	человеко-дней	коне-дней	дней	на сумму руб. и коп.
1	2	3	4	5
А. Затраты				
I. По культуре				
1. Семена, 8 пуд. × 75 коп.	—	—	(17,1)	6,00
2. Пахота (3 раза)	9,0	9,0	18,0	2,70
3. Боронование (3 раза)	4,5	4,5	9,0	1,35
4. Сев	0,5	—	0,5	0,08
5. Теребление и отдел головок	24,0	—	24,0	3,60
6. Молочение и уборка семян	3,0	—	3,0	0,45
Итого	41,0	13,5	71,6	14,18
II. По первичной обработке				
1. Подвоз льна к мочилу	4,5	3,0	7,5	1,12
2. Вывоз льна из мочки	7,5	1,5	9,0	1,35
3. Стланье льна	9,0	—	9,0	1,35
4. Уборка льна с поля	4,5	1,5	6,0	0,90
5. Сортировка, мятье и трепка	90,0	—	90,0	13,50
Итого	115,5	6,0	121,5	18,22
Всего	156,5	19,5	193,1	32,40
Б. Выручка				
1 Лен-семя, 24 пуд. × 75 коп.	—	—	51,4	18,00
2. Волокно, 22,5 пуд. × 2 р. 20 к.	—	—	141,7	49,50
Итого	—	—	193,1	67,50
В. Прибыль и рента	—	—	—	35,10

ного места и времени. Но именно поэтому они представляют для нас, пожалуй, даже больше интереса, чем какая-либо специальная калькуляция, хотя бы и более точная для данного конкретного случая, но отнюдь не отражающая собою *средних* условий производства в дореформенной России. В приведенных расчетах, вероятно, имеются и пропуски кое-каких второстепенных статей расхода. Например, отсутствует учет так называемых общих накладных расходов, текущего ремонта и амортизации оборудования. Но в мелком крестьянском льноводстве эти затраты, по-видимому, были относительно весьма незначительны.

Ко времени крестьянской реформы по «Урочному положению работ» для временно обязанных крестьян, остающихся на издельной повинности, за пахоту 1 десятины целины записывалось 3 дня, за десятину паханой земли — 2 дня, за боронование 1 десятины — 1 день, за посев 1 десятины — 1/4 дня, за теребление льна и вязку его в снопы — 15 дней за 1 десятину и т. д. [1] Эти нормы, продиктованные помещиками в своих интере-

[1] «Памятная книжка Екатеринославслой губернии на 1864 г.» Изд. Екат. губ. стат. комитета, 1864.

Таблица 3

Издержки производства льна около 1870 г. в Псковской губернии *

Издержки на 1 десятину	Человеко-дни		Коне-дни	Всего	
	муж.	жен.		дней	руб. и коп.
1	2	3	4	5	6
А. Затраты					
1. Семена, 5 мер×2 руб.	—	—	—	(10,9)	10,00
2. Вспахать 1-й раз	2	—	2	4,0	2,00
3. Забороновать	2	—	2	4,0	2,00
4. Вспахать и забороновать 2-й раз	4	—	4	8,0	4,00
5. Посеять	1	—	—	1,0	0,50
6. Забороновать и закатать	2	—	3	5,0	2,50
7. Вытягать лен, по 40+ 20 коп.	15	—	—	15,0	9,00
8. Обрезать головки	2	—	—	2,0	1,20
9. Свезти и погрузить в мочила	2	—	3	5,0	3,30
10. Развести и разбросать	2	—	2	4,0	2,40
11. Разостлать лен	—	5	—	5,0	2,50
12. Собрать	—	4	—	4,0	2,00
13. Свезти на гумно	1	—	1	2,0	1,10
14. Смять, по 45 коп.	—	30	—	30,0	13,50
15. Отрепать, 20 пуд. × 40 коп.	—	20	—	20,0	8,00
Итого	33	59	17	119,9	64,00
Б. Выручка					
1. Семена, 10 мер по 2 руб.	—	—	—	21,8	20,00
2. Волокно, 20 пуд. по 4 р. 50 к.	—	—	—	98,1	90,00
Итого	—	—	—	119,9	110,00
В. Прибыль и рента					
1. Арендная плата	—	—	—	—	15,00
2. Прибыль	—	—	—	—	31,00
Итого	—	—	—	—	46,00

* И. И. Васильев. Лен и Псковская губерния. Псков, изд. Псков. губ. стат. комитета, 1872, стр. 104 и сл.

сах, были, вероятно, в достаточной степени жестки. Но для новых условий освобожденного труда при вольном его найме следовало ожидать известного подъема производительности труда, и пореформенные калькуляции этот подъем фиксируют. Приведем прежде всего калькуляцию для Псковской губернии (табл. 3).

Это тоже сметная калькуляция, как и вышеприведенные расчеты 40-х годов. Но оценка труда здесь значительно выше дореформенных норм. Если в 1844 г. женский день даже в Лифляндии — в условиях более интенсивного хозяйства, чем в Псковской губернии,— расценивался в 15 коп. и конный в 30 коп. серебром, то после реформы в Псковской губернии пеший день женский оценивался уже в 40—45 коп., мужской — в 50—60 коп. (40 коп. деньгами + 20 коп. харчей), а конный — в 1 руб. серебром. Мы не располагаем, к сожалению, точными данными о росте дороговизны жизни в деревне за указанный период. Однако, если судить по имеющимся индексам городских цен, которые с 1840 до 1870 г. примерно

удвоились, мы имеем здесь не только номинальный, но и реальный рост оплаты труда раза в два или около того. Вместе с тем выросла и производительность труда. В 40-х годах XIX в. на тонну трепаного волокна расходовалось, как мы видим выше, от 376 до 383 человеко-дней, а в 70-х годах — около 299 дней труда.

Никаких крупных сдвигов за это время в технике выращивания и первичной обработки льна в литературе не отмечается. Об искусственных удобрениях в то время, конечно, и речи быть не могло. Навозное удобрение тоже непосредственно под лен не употреблялось. О прополке льняных посевов читаем: «Полотье, говоря вообще, *не употребляется нигде*: оно требует много рук и потому стоило бы дорого и не соответствовало бы прочим несовершенным способам хозяйства» [1]. Мочка и стланье льна в естественных условиях требовали новых огромных затрат времени и труда. Мятье и отрепка льна примитивнейшими ручными орудиями очень долго практиковались повсеместно, опять-таки поглощая огромное количество крестьянского, главным образом женского труда. А в общем культура льна без удобрений в 1870 г. показывает даже снижение его урожайности по сравнению с крепостной эпохой.

Можно еще привести для сравнения аналогичные данные по анкете 1909 г., охватившей 16 льноводных губерний. Затраты труда на 1 десятину льна по этой анкете колебались от 66 до 88 дней, на сумму до 50 руб. при стоимости чистой продукции, за вычетом семян, в 102 руб. А в частности, по самой льноводной Псковской губернии затраты труда составляли 16,5 дней конных и 69,7 пеших, а всего 86,2 человеко-дня, по оценке этих работ на 49 р. 35 к. Валовой сбор семян *опрошенных* хозяев определился при этом в 16,4 пуд. при высеве на 1 десятину 5,8 пуд., трепаного волокна —24,9 пуд. При цене льняного семени в 1 р. 50 к. за пуд и волокна в 4 руб. за пуд валовой доход с 1 десятины достигал здесь 124 р. 20 к., а за вычетом семян (11 р. 60 к.) — около 112 р. 60 к. [2]

Сопоставляя затраты со сбором на десятину по Псковской губернии за 1870 и 1909 гг. в человеко-днях, получаем такой результат:

	1870 г.	1909 г.
I. *Чистый сбор в пудах*		
а) волокна трепаного	20	24,9
б) льняного семени (за вычетом семян)	5,25	10,6
Итого в переводе на волокно	22,2	28,9
II. *Затраты труда в днях*		
а) конных	17,0	16,5
б) пеших	74,0	69,7
Итого человеко-дней на 1 десятину	91,0	86,2
Тоже, в переводе на мужской пеший труд	109,9	112
Тоже, из расчета на 100 пуд. волокна	494	388
%	100	78,5

Как видим, с переводом всех затрат на пеший мужской труд по текущим расценкам поденной платы затраты труда из расчета на 1 десятину даже несколько возросли за 39 лет (на 2%), а на 100 пуд. сбора (по ценам волокна) они упали на 21,5%. И стало быть, производительность труда поднялась на 27%. Но все такие оценки трудоемкости льноводства по опросам немногих, обычно верхушечных слоев деревни, не очень надежны и мало сравнимы между собой за разные годы, хотя и отражают в себе

[1] «Исследования о состоянии льняной промышленности в России», СПб., 1847, стр. 13.

[2] «Современное состояние льноводства в 25-ти губерниях Европейской России», стр. XCV и 43.

возрастающий интерес рынка к условиям производства данной культуры.

Возрастание этого интереса можно усмотреть и в организации казенной, а затем и земской текущей статистики льноводства. Наиболее достоверными при этом оказались, конечно, таможенные данные о вывозе льна за границу. По этим данным ежегодный вывоз льна из России уже в 1758—1760 гг. достигал 548 тыс. пуд., а в 1790—1792 гг. он превысил уже 1115 тыс. пуд., не считая внутреннего его потребления в стране. К началу 60-х годов XIX в. общий сбор льняного волокна в одной лишь Псковской губернии определялся в 2,6 млн. пуд. при вывозе в 1,8 млн. пуд.[1] К тому же времени, по исчислениям И. Вильсона, посевная площадь льна по всей России определялась в размерах около 650 тыс. десятин, а общий сбор — в 12 млн. пуд. волокна и 1,6 млн. четвертей льняного семени[2]. Однако достоверность подобных исчислений и прочие качества тогдашней статистики нельзя признать слишком высокими.

Начиная с 1880-х годов налаживается Центральным статистическим комитетом уже и регулярная текущая статистика льноводства. В 1881 г. в 25 льноводных губерниях Европейской России под посевами льна-долгунца учтено было 804,5 тыс. десятин, в 1887 г.— 778 тыс. десятин, а затем, по данным ЦСК, дальнейший рост льноводства выражается в таких итогах (табл. 4).

Таблица 4

Динамика льноводства по данным ЦСК

Годы	Посевные площади		Сбор волокна		Урожай, пуд/дес.
	тыс. десятин	%	тыс. пуд.	%	
1	2	3	4	5	6
1860	(650)	70	(12 000)	70	18,5
1894	929	100	17 051	100	18,4
1898	1075	116	19 967	117	18,6
1900	985	106	15 631	92	15,9
1901	1014	109	16 387	96	16,2
1902	1055	114	20 486	120	19,4
1903	984	106	17 735	104	18,0
1904	1016	109	21 057	123	20,7
1905	1018	110	21 528	126	21,1
1906	1033	111	30 945	181	30,0
1907	1071	115	34 563	203	32,3
1908	1007	108	35 466	208	35,2
1909	982	106	22 410	131	22,8
1910	969	104	19 453	114	20,1
1911	1026	110	21 741	128	21,2
1912	1039	112	32 456	190	31,2
1913	1100	118	31 910	187	29,0
1914	1023	110	24 053	141	23,5
1900—1904	5054	100	91 296	100	18,1
1905—1909	5111	103	144 912	158	28,4
1910—1914	5157	104	129 613	142	25,1

Эти данные охватывают, включая Тобольскую и Томскую губернии Западной Сибири, все 27 губерний льноводной полосы дореволюционной России, на которой культивировался лен на волокно. Но и эти общие итоги казенной статистики, «по сведениям волостных правлений и уездной полиции», не заслуживают особого доверия. Как явствует из сопо-

[1] «Современное состояние льноводства в 25-ти губерниях Европейской России», стр. V—VII.

[2] И. Вильсон. Объяснение к хозяйственному статистическому атласу Европейской России, 1869.

ставлений с более достоверными данными земской статистики льна по ряду губерний, данные ЦСК, сильно преуменьшая посевные площади и преувеличивая урожайность льна-волокна, искажали и общую динамику развития льноводства. Например, по данным земской статистики, посевная площадь льна в Псковской губернии *выросла* с 1905 по 1912 г. со 132 тыс. до 154 тыс. десятин, т. е. на целых 17%, а по данным ЦСК, наоборот, *сократилась* со 102 до 96 тыс. десятин, т. е. на 6%, причем расхождения между этими данными за разные годы поднимались до 60% и выше. В учете урожайности льна эти расхождения были нередко еще значительнее, но в обратную сторону. Так, по земским данным урожай льна-волокна (трепаного) во Владимирской губернии за 1907 г. достигал 19,7 пуд., а по Смоленской губернии в 1908 г. не превышал и 12,3 пуд. на одну десятину. А соответствующие данные ЦСК для тех же губерний и за те же годы — 57,9 и 58,2 пуд. волокна на 1 десятину — превышают земские в несколько раз. И если, скажем, 1908 г. по земским данным Псковской губернии дал наименьший урожай за ряд лет, то по ЦСК этот год, наоборот, представляется рекордным по урожайности и сбору волокна за те же годы [1].

При таких качествах казенной статистики льноводства пользоваться ею для каких-либо практических выводов было опасно. Земские данные были лучше, но они вовсе отсутствовали по многим льноводным губерниям. А между тем значение русского льноводства во внутренней и внешней торговле России все возрастало. Достаточно сказать, что внутреннее фабрично-заводское потребление льна в России, которое к началу 1860-х годов не превышало 1 млн. пуд., к 1910 г. поднялось до 4,9 млн. пуд., т. е. возросло за полвека почти в пять раз. Вывоз льняного волокна за границу за те же полвека возрос с 4 до 15,5 млн. пуд., т. е. раза в четыре. А посевные площади под льном с 1894 по 1914 г., по данным ЦСК, выросли в 27 губерниях за 20 лет с 929 до 1023 тыс. десятин, т. е. всего на 10%.

Это было мало правдоподобно. Вывоз льна становился все значительнее, превосходя по стоимости в общем экспорте даже такие его статьи, как экспорт ржи или овса. Товарность льняной культуры намного превышала товарность всех зерновых хлебов. Так, из урожая льняного волокна за 1912 г. в среднем по 20 льноводным губерниям для себя производилось не свыше 16%, а на продажу — 84% всего волокна. Причем, в наиболее льноводных губерниях эта доля товарного льна возрастала, достигая 90% и выше. Правда, рост льняной промышленности в России сильно сдерживался конкуренцией с более дешевой продукцией хлопковой пряжи и тканей, несмотря на худшее их качество. Но заграничный спрос на русский лен все возрастал. Возрастали и цены, что затрагивало весьма чувствительно интересы российских фабрикантов льняных тканей. Например, в Риге лифляндский лен сорта «крон» с 1890 до 1912 г. поднялся в цене с 2 р. 48 к. до 5 р. 71 к. за пуд, т. е. в 2,3 раза. Борьба интересов экспортеров льна и российских фабрикантов, объединившихся во всероссийский синдикат льнозаводчиков, скрещивалась при этом и между собою, и с интересами льноводов.

Особенное оживление интереса к льняному делу замечается после кризиса 1900-х годов, в эпоху империализма. Создаются опытные льнодельные станции и показательные поля. Созываются по льняному делу съезды заинтересованных организаций: в 1908 г. в Петрограде, в 1909 и 1910 гг.— в Пскове, в 1911 и 1913 гг.— в Москве. Организуется специальный Льняной комитет при Департаменте земледелия. Кредиты его на развитие льняного дела возрастают с 1906 по 1913 г. с 20 до 307 млн. руб., т. е. в 15 раз. Появляется целый ряд новых статистико-экономических

[1] Подробнее об этом смотри в моей работе «Задачи и план организации текущей статистики льна». СПб., 1913, стр. 34—45 и сл.

исследований, посвященных льняному делу [1]. Налаживается новая текущая статистика при Льняном комитете.

Особый интерес в постановке этой статистики заключается в том, что здесь впервые нашел себе у нас применение *балансовый* метод проверки данных урожайной статистики льна сопоставлением их с итогом потребления льняного волокна на фабриках и вывозом его по железным дорогам и водным путям из каждой льноводной губернии в соседние и за границу. Несомненно, что данные транспортной и торгово-промышленной статистики и в царской России были достовернее данных ЦСК о посевах и урожаях. В особенности с тех пор, как данные заводской статистики по переработке льна были организованы льнозаводчиками в своих собственных деловых интересах. И потому в общем балансе производства и потребления льна *товарная* доля его продукции определялась с полной достоверностью. А возможные погрешности в нетоварной его доле ввиду ее незначительности не могли заметно изменить общей картины.

Наиболее достоверные данные таможенной статистики о вывозе льняного волокна показывают такую его динамику в капиталистической России (в тыс. пуд.):

Годы	Лен	Кудель и пакля	Итого	Годы	Лен	Кудель и пакля	Итого
1890	12 129	1176	13 305	1909	14 354	2438	16 792
1900	10 571	1967	12 538	1910	13 272	2264	15 536
1901	8518	1975	10 483	1911	11 897	1883	13 780
1902	10 741	1676	12 417	1912	19 313	2257	21 570
1903	15 743	2484	18 227	1913	16 632	1994	18 626
1904	9115	1646	10 761	1914	12 487	1651	14 138
1905	14 757	1787	16 544	1900—1904	54 688	9748	64 436
1906	13 817	2164	15 981	1905—1909	71 014	11 048	82 062
1907	13 574	2299	15 873	1910—1914	73 601	10 049	83 650
1908	14 512	2360	16 872				

С 1900 по 1912 г. вывоз льна вырос на 72%. Это немалый рост для того времени. Снижение вывоза в 1900—1901 и 1907 гг. объясняется мировыми кризисами, в 1904 и 1914 гг.— японской и мировой войнами, в 1911 г.— сговором заграничных экспортеров русского льна.

О промышленном потреблении льна в России можно судить по следующим данным. Число веретен в льняной промышленности (прядильных и крутильных) возрастало (в тыс.): в 1868 г.— 110, в 1878 г.— 160, в 1888 г.— 249, в 1893 г.— 310, в 1898 г.— 313, в 1900 г.— 327, в 1910 г.— 412, а в 1912/13 г.— не свыше 395, т. е. с явным замедлением за последние 20 лет [2]. Что же касается переработанного на русских фабриках волокна, то за последние годы можно привести вполне достоверные цифры (табл. 5).

В целом по всей России уже простым сложением вывоза льна за границу и переработку его на русских фабриках за каждый сельскохозяйственный год получается достаточно полный учет всего товарного волокна за каждый год. Для распределения его по губерниям оказалось возможным использовать данные железнодорожных и водных перевозок волокна по соответствующим станциям и пристаням. А собранные Льняным комитетом показания льноводов о доле льна, оставляемого ими для собственных нужд, по каждому уезду и губернии позволили исчислить и общее оседание льняного волокна в русской деревне.

[1] А. Рыбников. Очерк положения крестьянского льноводства в Смоленской губернии. Смоленск, 1911; А. А. Рыбников. Очерки развития крестьянского промышленного льноводства нечерноземной полосы России, в «Сборнике статистических сведений по Костромской губ.», вып. III. Кострома, 1912, стр. 114; В. А. Черневский. Льноводство во Владимирской губернии. Владимир, 1913, стр. 178; А. Чаянов. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства..., вып. I. М., 1912; вып. II, М., 1913, стр. 198, 209 и др.

[2] «Вестник финансов», 1912, № 35 и 1914, № 11.

Таблица 5

Переработка льна в России *

Год	Переработано, тыс. пуд.			%
	льна	кудели и пр.	итого	
1880	—	—	1 899	100
1900	2 282	851	3 133	165
1907	3 330	1 272	4 602	242
1908/09	3 303	1 417	4 720	248
1909/10	3 436	1 048	4 484	236
1910/11	3 604	1 335	4 939	260
1911/12	3 360	1 305	4 665	246
1912/13	3 496	1 224	4 720	248

* «Отчеты о деятельности Совета об-ва льнопромышленников» за соответствующие годы; А. А. Нольде. Льноводство и льняная промышленность в России. В кн.: Автольон. Борьба хлопка и льна. М., 1909, стр. 199.

Размещение льняной промышленности в России по губерниям и потребление ею волокна, по данным фабричной инспекции, показаны в табл. 6.

Таблица 6

Льнопрядильная промышленность России в 1912/13 г. *

Губерния	Число заведений	Число рабочих	Число веретен			Переработано сырья за год, тыс. пуд.		
			прядильных	крутильных	всего	льна	очесов	всего
А	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Владимирская. . . .	16	9 999	90 483	14 209	104 692	390,0	1080,2	1470,2
2. Костромская	10	9 057	106 004	8 494	114 498	332,9	643,6	976,5
3. Ярославская	3	4 529	47 544	3 620	51 164	292,4	296,0	588,4
4. Пермская.	3	2 118	8 482	1 104	9 586	72,9	177,5	250,4
5. Витебская	1	1 253	9 784	400	10 184	162,2	24,6	186,8
6. Варшавская	1	1 312	18 463	—	18 463	76,8	104,1	180,9
7. С. Петербургская . .	1	657	3 650	860	4 510	118,8	38,4	157,2
8. Рязанская	1	2 850	9 322	3 736	13 058	36,9	86,4	123,3
9. Казанская	1	720	10 636	1 000	11 636	25,4	93,3	118,7
10. Лифляндская . . .	9	1 788	9 624	190	9 814	109,4	5,1	114,5
11. Самарская	1	394	2 816	180	2 996	88,1	23,6	111,7
12. Курляндская	3	712	12 123	1 230	13 353	93,5	—	93,5
13. Вологодская	1	1 831	8 732	1 212	9 944	30,2	57,9	88,1
14. Нижегородская . .	2	2 540	17 392	3 174	20 566	38,9	48,2	87,1
15. Вятская	1	188	1 180	60	1 240	28,0	17,1	45,1
16. Могилевская	1	318	2 040	528	2 568	9,7	11,7	21,4
17. Харьковская	1	—	—	—	—	21,0	—	21,0
18. Тверская	1	40	408	—	408	8,0	—	8,0
19. Эстляндская	1	34	384	70	454	1,2	0,6	1,8
Итого	58	40 340	359 067	40 067	399 134	1936,3	2708,3	4644,6

* Сведения получены через фабричную инспекцию в ноябре 1913 г. и в общем представляют итоги переработки волокна за истекший сезон, считая таковой с 1 сентября по 31 августа, но по многим фабрикам отчеты составляются к пасхе и в другие сроки, вследствие чего все итоги не могли быть приурочены к 1 сентября 1913 г. В табл. 6 отсутствуют сведения по 1-й фабрике Лифляндской губернии (льнообрабатывающая фабрика Дукат — 93 рабочих) и по 1-й фабрике Куликовых Костромской губернии. Кроме того, нужно отметить, что Нижнегородская льнопромышленная мануфактура (19918 веретен) работала в отчетном сезоне только 4,5 месяца (в конкурсе), льнопрядильноткацкая фабрика торгового дома В. С. Жирякова в Пермской губернии (2900 веретен) работала около 7 месяцев (сгорела и возобновляется), льнопрядильная фабрика т-ва Петровской мануфактуры Вязниковского уезда (773 рабочих) вовсе не работала. В Харьковской губернии лен перерабатывался на джутопрядильной фабрике.

Итог потребленного волокна по этим данным — 4644,6 тыс. пуд., полученный уже в ноябре 1913 г., очень мало отличается от окончательной цифры в отчете льнозаводчиков (4720 тыс. пуд.). Заслуживает внимания концентрация производства. Только в двух губерниях, Владимирской и Костромской, перерабатывалось свыше 52% всего заводского потребления льняного волокна.

Изучая вывоз льна из России, нетрудно убедиться в резко выраженной его сезонности, с минимумом в сентябре и максимумом в декабре каждого года. Таким образом, для сопоставления со сбором, скажем, за 1912 г. следует брать вывоз льна не за 1912 календарный год, равный 21570 тыс. пуд., а за 1912/13 сельскохозяйственный год, с 1 сентября по 31 августа, равный 19758 тыс. пуд. С таким уточнением в учете вывоза и с добавкой на оседание по норме 1912/13 г. мы получаем следующее сопоставление сборов льна в нашем исчислении за последние годы царской России с данными официальных публикаций ЦСК (табл. 7).

Таблица 7

Потребление, вывоз и общий сбор волокна в России
(в тыс. пуд.)

Годы	Потребление фабрик	Вывоз за границу	Итого товарного льна	Оседание на селе	Общий сбор волокна: исчисление, абс.	исчисление, %	итоги ЦСК, абс.	итоги ЦСК, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1900	3 133	12 538	15 671	2 899	18 570	100	15 631	100
1906—1910	4 221	16 211	20 432	3 777	24 209	131	28 567	183
1907/08	4 602	15 537	20 139	3 726	23 865	129	34 563	221
1908/09	4 720	15 655	20 375	3 769	24 144	130	35 464	227
1909/10	4 484	14 154	18 638	3 448	22 086	119	22 410	143
1910/11	4 939	15 126	20 065	3 712	23 777	128	19 453	124
1911/12	4 665	18 907	23 572	4 361	27 933	150	21 741	139
1907—1911	4 682	15 876	20 558	3 803	24 361	131	26 726	171
1912/13	4 920	19 713	24 633	4 557	29 190	157	32 456	208
1913/14	4 270	19 430	23 700	4 384	28 084	151	31 910	204

В приведенном исчислении оседание льна в деревне принято нами за все годы в одном и том же проценте к итогам товарной продукции льна — 18,5%, исходя из показаний льноводов, полученных в 1912 и 1913 гг. За более ранние годы мы не располагаем соответствующими данными, но, судя по устойчивым итогам *товарной* продукции, едва ли существенно менялась и *натуральная* доля потребляемого волокна у самих льноводов. Однако, если это верно, общие сборы льна в стране, по данным ЦСК, были очень далеки от реальности. Особенно сильно они преувеличены за 1907 и 1908 гг., на 45—48%, но существенно занижены за 1900, 1910 и 1911 гг., за которые общий сбор оказался даже меньше одной лишь товарной его части. А вместе с тем сборы, по данным ЦСК, и в темпах своего роста значительно разошлись с реальными темпами роста рыночной продукции льна. За отдельные годы эти расхождения особенно показательны. Например, за 1910 г. сбор льна, по данным ЦСК, будто бы упал на 2 млн. пуд. (—13,4%), а между тем потребление льна и вывоз его за границу, наоборот, возросли за счет этого сбора на 1,4 млн. (+7,5%), причем цены льна этого урожая после кратковременного подъема осенью резко упали, на 2 с лишним рубля за пуд уже с весны 1911 г. И, конечно, это рекордное за ряд лет *падение* цен свидетельствовало, вопреки данным ЦСК, о росте, а не сокращении запасов льна в стране, т. е. о повышении сбора волокна за данный год по сравнению с предшествующим.

Еще нагляднее уясняется дефектность текущей статистики льна, организованной ЦСК, в сопоставлении с данными о вывозе и потреблении льна по отдельным губерниям. Вот, например, итоги такого сопоставления по отчетным данным 1912/13 г. (табл. 8).

Таблица 8

Производство и потребление льна-волокна в России

(в тыс. пуд.)

Губерния	Средний товарный сбор 1906—1910 гг.	1912/13 г. (1 сентября — 31 августа)								Сбор за 1912 г. по данным ЦСК
		товарный сбор				оседание в деревне		всего за год		
		потреблено фабриками	сальдо вывоза (+) и ввоза (—)		итого продано	тыс. пуд.	% к итогу			
			по железным дорогам	водой						
А	1	2	3	4	5	6	7	8		9
1. Тверская	2 984	10	3 722	15	3 747	344	8,4	4 091		3 037
2. Смоленская	2 523	1	3 632	2	3 635	364	10,0	3 999		4 246
3. Псковская	2 521	4	2 944	4	2 952	209	6,6	3 161		2 251
4. Лифляндская	2 482	116	—7 835	9 723	2 004	193	8,8	2 197		1 630
5. Витебская	1 784	187	1 744	—3	1 928	263	12,0	2 191		1 305
6. Костромская	918	977	—109	—27	841	340	28,8	1 181		1 485
7. Могилевская	878	58	1 423	1	1 482	143	8,8	1 625		1 063
8. Вятская	797	45	1 014	75	1 134	613	35,1	1 747		3 690
9. Ярославская	781	588	281	—72	797	82	9,3	879		1 419
10. Владимирская	718	1 473	—620	—85	768	125	14,0	893		1 516
11. Вологодская	602	88	570	57	715	475	39,9	1 190		834
12. Ковенская	443	16	409	—	425	116	21,5	541		1 405
13. Нижегородская	412	87	636	112	835	92	0,9	927		1 011
14. Казанская	346	118	—49	34	103	55	(35,0)	158		—
15. Московская	301	21	657	—2	676	12	1,7	688		372
16. Эстляндская	265	2	—798	1 020	224	23	(9,3)	247		88
17. Пермская	250	258	—82	174	350	107	75,3	457		1 767
18. Новгородская	209	56	419	2	477	523	62,3	1 000		660
19. Курляндская	172	95	—2 464	2 635	266	29	9,8	295		404
20. Минская	153	1	168	—	169	20	(10,5)	189		805
21. Виленская	149	5	168	2	175	18	9,2	193		512
22. С.-Петербургская	117	158	—106	179	231	265	53,7	496		211
23. Рязанская	112	123	30	—72	81	—	—	81		—
24. Калужская	98	—	151	—	151	28	15,5	179		685
25. Томская	75	2	68	34	104	38	(27,0)	142		1 183
Итого	20 090	4 489	5 973	13 808	24 270	4 477	15,6	28 747		31 619
Прочие губернии (в 4 губ.)	542	431	—	(—68)	363	80	—	443		837
Всего	20 632	4 920		19 713	24 633	4 557	15,6	29 190		32 456

Вывоз льна по железным дорогам и водным путям из 25 губерний в табл. 8, равный 19 781 тыс. пуд., на 68 тыс. пуд. превышает общий вывоз из России в 19 713 тыс. пуд. По-видимому, это объясняется переотправками льна с водных путей на железные дороги и обратно. Но в пределах каждой отдельной губернии такие переотправки не могут играть заметной роли. А между тем расхождение итогов сбора, по данным ЦСК и более достоверным данным о вывозе и потреблении волокна, по отдельным губерниям еще разительнее, чем в общих итогах по всей стране. И если общий итог ЦСК за 1912/13 г. преувеличен, по нашим расчетам, всего на

11%, то, скажем, сбор по Костромской губернии преувеличен на 26%, по Курляндской — на 37, по Ярославской — на 61, по Владимирской — на 70, по Вятской — на 111, по Ковенской — на 160, по Виленской — на 165, по Калужской — на 283, по Пермской — на 287, по Минской — на 326%. А вместе с тем по другим губерниям, наоборот, фактический сбор волокна резко превышает итоги его по данным ЦСК: в Лифляндской и Вологодской губерниях — на 35—36%, в Псковской — на 40, в Новгородской и Могилевской — на 52—53, в Витебской — на 68, в Московской — на 87, в Петербургской — на 135, в Эстляндской — на 181%. При этом по ряду губерний не только валовой сбор, но и товарная его доля на десятки и сотни процентов превышали итоги всего сбора по данным ЦСК. Таким образом, независимо от возможных погрешностей в учете потребления в деревне самих льноводов, по их собственным показаниям, совершенно недопустимая дефектность данных ЦСК по этим губерниям не может вызывать сомнений. Не лучше были, конечно, его данные, собираемые органами уездной полиции, и по всем другим губерниям.

Статистика ЦСК в области хозяйственного учета вообще была слабейшим звеном в системе всех других видов учета царской России. Она не могла уже удовлетворять даже самым скромным требованиям товарооборота капиталистического хозяйства в эпоху империализма. Тем интереснее попытки Льняного комитета еще в последние годы царского режима наладить текущую статистику льняного дела, опираясь на всю совокупность данных тогдашней торгово-промышленной статистики, в *комплексном* их использовании и с применением балансового метода их увязки и взаимной проверки.

Думается, что этот метод заключает в себе еще больше возможностей в условиях социалистического хозяйства.

II. ИЗ ИТОГОВ ОДНОЙ АНКЕТЫ[1]

Весной 1909 г. по инициативе студенческой Кассы взаимопомощи у нас в Политехническом институте произведена была анкета «о социально-экономических и духовно-физиологических условиях быта студентов-политехников». Не имея возможности опубликовать результаты ее полностью, ограничимся здесь по необходимости сообщением хотя бы некоторых итогов этой крайне поучительной во многих отношениях анкеты.

Из 3000 розданных вопросных листков возвращено было студентами всего 994, т. е. около 30%, что объясняется, по-видимому, обычной инертностью студенческой массы. Но зато собранные ответы, благодаря своей несомненной серьезности и правдивости, столь ценны по качеству, что разработка их представляет немалый научный интерес, несмотря даже на относительно небольшое их количество.

Забраковать по несерьезности или полному отсутствию ответов пришлось всего 4 листка. Из остальных 990 листов, поступивших в разработку, 571 (57,7%) собрано на технических отделениях и 419 (42,3%) на экономическом.

По годам приема ответившие студенты распределяются так:

Год приема	Число студентов, %
1902—1904	63—6,4
1905	72—7,3
1906	94—9,5
1907	301—30,4
1908	446—45,0
Год не известен	14—1,4
Итого . . .	990—100,0

Резкое повышение числа ответов с 1907 г. объясняется значительным расширением контингента принимаемых в институт, начиная с этого года, на старые отделения и открытием в том же году новых отделений.

По вопросу о свободе выбора факультета вновь поступающими ответ дают следующие цифры. По свободному влечению к данному роду наук поступило в наш институт 583 чел., или 58,9%; по другим причинам, как-то: нежелание держать конкурсные экзамены, невозможность поступить в университет без латыни, карьерные и другие соображения — 232 чел., или 23,4%; случайно — 149 чел., или 15,1%; не ответили на данный вопрос — 26 чел., или 2,6%. Рассматривая этот вопрос в отношении техников и экономистов раздельно, можно отметить, что среди техников число поступающих по свободному влечению несколько больше — 354 чел., или 62%, чем среди экономистов — 229 чел., или 54,6%. Объясняется это, конечно, большей доступностью Экономического отделения: ведь многие из нас самим положением вещей вынуждались идти не туда, куда их влечет, а куда легче попасть.

Переходя к вопросу о посещаемости лекций, приходится констатировать явление, довольно прискорбное для лекционной системы

[1] «Голос политехника», 1912, № 7.

преподавания. Оказывается, что *регулярно* слушает *всех* подлежащих профессоров всего 26 студентов, или 2,6%; *некоторых* излюбленных профессоров слушает 566 студентов, или 57,2%, и ни одного профессора не слушает 350 студентов, или 35,4% (48 чел., или 4,2%, не ответили на этот вопрос). При этом из техников не посещает ни одного профессора 207 чел., или 36,3%, из экономистов — 143 чел., или 34,1%.

Впрочем, в объяснение этого факта можно привести следующие соображения Ф. Меринга: «Хотя академические лекции вообще стали анахронизмом с тех пор, как было изобретено искусство книгопечатания, все-таки можно допустить их полезность и целесообразность для посредственных голов, которых они медленно питают научным материалом. Но тем невыносимее для живых умов давать вливать в себя в течение полугодий или целых лет капля за каплей то, что можно гораздо основательнее усвоить в несколько дней беспрерывного, и потому тем более прочно запечатлевающего чтения» [1].

Как видно, «живые умы» среди политехников преобладали.

Небезынтересно отметить, сколь мало распространено знание иностранных языков (французского, немецкого и английского) среди наших студентов. Всеми тремя из названных языков владеют настолько, чтобы читать на них книги (a livre ouvert), 15 чел., или 1,5%, по два иностранных языка знают 84 чел., или 8,5%, одним из названных языков владеют 198 чел., или 20%, и ни одним — 667 чел., или 67,4%. Без ответа данный вопрос оставили 26 чел., или 2,6%.

О социальном составе нашего студенчества дают представление следующие цифры. В общем числе опрошенных назвали себя детьми:

а) Наемных рабочих	28 чел.
б) Кустарей и ремесленников	27 »
в) Земледельцев-пахарей	36 »
г) Служащих	89 »
д) Духовенства, военных, чиновников	294 »
е) Представителей либеральных профессий (врачей, литераторов, etc)	141 »
ж) Помещиков-землевладельцев	82 »
з) Представителей торгово-промышленной буржуазии	253 »
и) Не ответило	40 »

Классифицируя эти подразделения по главному источнику средств существования и соединяя рубрики а, б, в в группу физического труда, г, д, е — в группу труда умственного и ж, з — в группу представителей нетрудовых доходов, мы видим, что главная масса нашего студенчества, а именно 524 чел., или 52,9%, принадлежит по своему происхождению к так называемой интеллигенции (группа умственного труда); 335 чел., или 33,8%, приходится на долю группы с нетрудовыми доходами, и лишь 91 студент, или 9,2%, можно отнести к группе труда физического.

Переходя к данным, характеризующим духовный облик студенчества в нашей *анонимной* анкете, укажем прежде всего на его отношение к кардинальнейшему вопросу всякой религии о бытии личного бога. Ответы по данному вопросу дают такие итоги: признают бытие бога без колебаний 232 чел. (23,4%), колеблются ответить решительно 226 чел. (22,8%), отрицают его вполне определенно 478 чел. (48,3%) и уклонились от ответа 54 (5,5%). Как видим, студенчество наше почти наполовину атеистично [2].

---

[1] Собрание сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса, 1841—1850, т. 1, изд. «Освобождение труда», 1908, стр. 37—38.

[2] Для сравнения можно указать, что по данным юрьевской анкеты 1907 г. верующих в бытие бога было 27,2%, отрицающих же его — 40,1%, т. е. значительно меньше, чем у нас.

Не менее рельефно обнаруживает анкета и его политический радикализм. Правда, к нижеследующим данным о партийности нашего студенчества нужно относиться крайне осторожно. Студенческая партийность — вещь крайне условная, определяется она обычно не убеждениями, а лишь настроениями, почему и самый вопрос в анкете сформулирован следующим образом: «К какой из существующих политических партий *чувствуете* себя всего ближе?» Как бы то ни было, полученные ответы дали следующую картину:

		%
«Анархистов»	29 чел.	(3,0)
«Социал-демократов»	227 »	(23,0)
«Социалистов-революционеров»	121 »	(12,2)
«Народных социалистов»	19 »	(1,9)
«Трудовиков»	26 »	(2,7)
Просто «левых кадетов»	153 »	(15,5)
«Мирнообновленцев»	12 »	(1,2)
«Прогрессистов»	10 »	(1,0)
«Октябристов»	22 »	(2,2)
Правых'	27 »	(2,8)
Беспартийных	279 »	(28,2)
Уклонившихся от ответа	21 »	(2,1)

Таким образом, к оппозиционному лагерю надо отнести по меньшей мере 63,7% студенчества, тогда как октябристы и правые в его рядах едва составляют 5% [1].

Спрашивается, однако, к какому лагерю приближаются по своему настроению наши беспартийные? Может быть, *среди них* большинство правых? Ответом может послужить следующее. Из числа 279 беспартийных на вопрос анкеты: «Какую из газет *предпочитаете* другим?» — 167 чел. назвали оппозиционные газеты («Нашу газету», «Речь», «Русь», «Слово») и только 16 чел. назвали «Новое время». Остальные беспартийные или читают что-нибудь совсем беспартийное, вроде «Петербургской газеты», или вовсе никаких газет не читали, и поэтому отнести их к какому-либо лагерю не представляется никакой возможности. Но за вычетом этих воистину «беспартийных» обывателей мы имеем, таким образом, в итоге не менее 80,6% оппозиционно настроенного студенчества и лишь 6% правого.

Небезынтересно здесь же отметить весьма тесную зависимость между степенью политического радикализма и имущественной необеспеченностью разных групп студенчества. Вычислив средние расходные бюджеты для этих групп, мы получили следующую картину:

Анархисты проживают в месяц на круг	31,0 руб.
Радикалы (социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты и т. п.)	33,4 »
Прогрессисты (кадеты, мирнообновленцы и т. п.)	40,1 »
Октябристы	44,8 »
Правые	48,9 »

Как видим, наиболее правые группы студенчества являются в то же время и наиболее обеспеченными. Прибавим к этому, что средний месячный бюджет беспартийных составляет 37,7 руб. [2]

Для характеристики культурного уровня нашего студенчества некоторый интерес представляют следующие суммарные цифры. На вопрос анкеты: «Регулярно ли читаете газеты?» — положительно ответило

---

[1] Юрьевская анкета насчитывает даже 80,9% оппозиционного и только 3,2% правооктябристского студенчества, но там, по-видимому, слишком мало ответов собрано от беспартийных (7,4%).

[2] Все бюджеты исчислены, не включая платы за учение и расходов на одежду.

650 чел. (65,7%), отрицательно — 323 чел. (32,6%); 10 чел. (1%) ответили, что совсем не читают газет и 7 чел. (0,7%) уклонились от ответа.

По вопросу о студенческих организациях выяснилось следующее. Состоит, по крайней мере, в одной из таких организаций 595 чел., или 60,1% опрошенных, не состоит ни в одной 342 чел., или 34,6%, уклонились от ответа 53 чел., или 5,3%. При этом на первом месте стоят организации экономического характера (землячества), в которых состояло 407 чел., или 41,1% всего опрошенного студенчества (не считая членов Кассы взаимопомощи, каковыми считаются все студенты); в кружках научного характера среди одних техников числилось 92 чел., что составляет 16,1% всех техников [1]; затем следуют ныне уже прекратившие свое бытие кружки политического характера, в которых в 1909 г. еще формально числилось 79 чел., или 8% из числа опрошенных; затем идут спортивные кружки — 78 чел., или 7,9%; затем кружки, посвященные искусству (литературный, драматический, музыкальный),— 71 чел., или 7,2%; затем особо выделим «академический союз» — 25 чел., или 2,5%; кроме того, в разных других кружках (студенческая библиотека, шахматный и другие) состояло еще 146 чел., или 14,7%.

О некоторых бытовых условиях существования нашего студенчества, в частности о благотворном влиянии нашей столовой на студенческие желудки, говорят следующие цифры. На вопрос: «Страдаете ли расстройством органов пищеварения?» — ответило утвердительно 462 чел., или 46,7%, оставило вопрос без ответа 41 чел., или 4,1%.

Не лишено интереса широкое распространение разных видов гимнастики и спорта среди студенчества.

Занимаются спортом, по нашим данным, 484 чел., или 48,9% всех опрошенных, не занимаются — 400 чел., или 40%; затруднились ответить 106 чел., или 10,7%.

Но, быть может, еще больше интереса представляют зловещие цифры о распространении алкоголизма, увлечении картами и т. п. играми и процветании разного рода непотребства среди студенчества. Ограничимся, однако, пока лишь наиболее общими итогами.

Употребляют спиртные напитки (не считая пива) из числа опрошенных 673 чел., или 68%, не употребляют — 303 чел., или 30,6%, уклонились от ответа 14 чел., или 1,4%.

Играют *на деньги* в карты, на биллиарде, на бегах и скачках и т. п. 373 чел., или 37,7%, не играют — 509 чел., или 51,4%, уклонились от ответа 108 чел. (!), или 10,9%.

Вступало уже в половые внебрачные отношения 513 чел., или 51,8%, не вступало — 421 чел., или 42,5%, уклонились от ответа 56 чел., или 5,7%.

Страдали тайным пороком (онанизмом) 457 чел., или 46,2%, не страдали — 387 чел., или 39,1%, уклонились от ответа 146 чел. (!), или 14,7%.

Конечно, все эти валовые итоги сами по себе еще мало говорят уму и сердцу. Лишь при сопоставлении их с другими данными о социальной среде и моральном облике разных групп студенчества, в комбинационных таблицах по различным бюджетным и партийным группировкам, они расскажут более красноречиво о своих источниках и значении.

Но, к сожалению, с комбинационными таблицами придется подождать до другого раза. А пока закончим на этом в надежде, что и в приведенном виде наши цифры наведут многих на размышления о том, что в буржуазных кругах студенчества, как некогда «в царстве датском», увы, далеко не все обстояло благополучно.

---

[1] Число членов научных кружков и необязательных семинариев среди экономистов по оплошности составителей опросного листка не выяснено, но оно, несомненно, отнюдь не менее соответствующего числа техников.

III. О НОРМИРОВКЕ РАБОЧЕГО ДНЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ[1]

Как известно из газет, в социал-демократической думской фракции разрабатывается в настоящее время законопроект о 8-часовом рабочем дне. И это снова ставит в порядок обсуждения давно наболевший вопрос о сокращении рабочего времени.

Вопрос этот не раз уже вставал за последние годы и в правительственных сферах. Но там ему как-то не посчастливилось с самого начала, и правительственный законопроект о $10^1/_2$-часовом рабочем дне (60 час. в неделю) вот уже целых четыре года не выходит из стадии предварительной разработки. История четырехлетних мытарств этого законопроекта настолько поучительна, что мы не можем не напомнить ее здесь хотя бы в общих чертах.

Впервые названный законопроект в правительственных сферах был выдвинут на очередь январскими событиями 1905 г. Для разработки этого и целого ряда других законодательных предположений по рабочему вопросу в феврале 1905 г. спешно была организована под председательством В. Н. Коковцова особая комиссия, которая уже через несколько недель представила свои труды на обсуждение промышленников. Но тут подоспела Цусима, и, опечаленные столь тяжким для их национальной гордости ударом, промышленники заявили, что они не могут в такое время работать, и покинули съезд. Рабочие законопроекты комиссии г. Коковцова вследствие этой оригинальной забастовки предпринимателей остались без движения, а сама комиссия надолго погрузилась в состояние оцепенения. Вышла она из этого состояния лишь через год, перед открытием первой Думы. К этому времени комиссия получила нового председателя в лице бывшего министра торговли М. М. Федорова и снова представила свои труды на благовоззрение предпринимателей. На этот раз, однако, результаты выборов в Государственную Думу заставили промышленников отнестись к делу серьезнее. И во избежание *худшего* они поспешили примириться с *правительственным* законопроектом, высказавшись почти единогласно за предложенную комиссией норму — 60 час. в неделю.

После роспуска Думы министерская комиссия занялась переработкой собственных рабочих законопроектов. Собралась она с промышленниками и еще раз, в декабре 1906 г., для того чтобы под председательством нового министра торговли Д. А. Философова заблаговременно подготовиться ко второй Думе. Но тут, как известно, изменились времена, а вместе с тем переменилось и настроение промышленных кругов[2].

Напрасно проф. И. Х. Озеров предостерегал промышленников, указывая им на «все последние волнения среди рабочих», напрасно он им твердил, что «между предпринимателями и рабочими развивается опасный для промышленности антагонизм» и что «лучше удовлетворить их меньшим

[1] «Познание России», 1909, кн. 3.

[2] «Стенографический отчет особого совещания... Д. А. Философова для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству» (Заседания 14—21 декабря 1906 г.).

(т. е. 10-часовой нормой), потому что всякая оттяжка будет увеличивать их требования» (стр. 34 и 327). Тщетно склонял промышленников к «уступкам» из «политических соображений» и нынешний министр В. И. Тимирязев. «Все, что произошло в последние два года,— говорил он на совещании,— конечно, лучше было бы, если бы совсем не происходило». Но сделанного не воротишь! «...Само правительство, с которым нужно считаться..., желает улучшить положение наемного труда... И в этом деле правительство руководилось не только соображениями по существу, но и соображениями политическими — в целях достижения успокоения страны. Успокоение это крайне необходимо, и... не беда, если это успокоение будет достигнуто даже ценой некоторых жертв» (стр. 335).

Промышленники, однако, чувствовали вокруг себя полное «успокоение» и меньше всего думали о «жертвах»; они решительно заявили правительству: «Относительно рабочего времени для взрослых рабочих вообще совещание *всеми голосами против одного*, против мнения Совета съездов горнопромышленников юга России, *высказалось за принцип устранения всякой нормировки* с тем, чтобы это было предоставлено добровольному соглашению между рабочими и работодателями» (стр. 289). Мотивировалось это решение в совещании Д. А. Философова весьма различно — и нежеланием «идти в разрез с принципом гражданской свободы», и «интересами самих рабочих» и т. д. «Для них,— заявляли промышленники,— является интересным работать даже 24 часа» подряд (стр. 291). Но истинная подкладка всего этого «либерализма» проскользнула лишь в словах Э. Л. Нобеля, еще в апреле того же года голосовавшего за 10,5-часовую норму. «Только сознание, что мы теперь живем при других условиях, чем жили 1,5 года тому назад...,— сказал он,— привело нас к заключению, что не нужно ставить ограничений» (стр. 316).

Впрочем, своеобразное фритредерство этого совещания заходило вообще недалеко в смысле принципиальности. Так, с 11,5-часовой нормой оно вполне мирилось. «Язык не повернется сказать против 11,5 час.,— заявил М. Н. Триполитов,— потому что это внесет известного рода *смуту*». «Мы не решаемся ее отменять»,— добавлял к этому другой представитель капитала А. Д. Оболенский, «и потому, что она практического значения все равно не имеет,— в настоящее время никто больше 11½ часов не работает» (стр. 323—324). Но идти на дальнейшие уступки, имеющие *практическое* значение, промышленники решительно отказались. «Путь уступок — путь рискованный!» — возражал Тимирязеву Триполитов. «Мы все восстаем,— поддерживал его Ю. П. Гужон,— против того, что вы по каким-то (!) политическим соображениям, из боязни идти вперед (?) хотите уменьшить время работы. Нельзя поддаваться всяким требованиям рабочих» (стр. 337—338).

Те же приблизительно соображения были, впрочем, развиты уже в первой речи, которой открылось совещание. Указывалось, между прочим, что предположенная реформа выдвигается не жизнью, а «посторонней агитацией», она, несомненно, повлечет за собой гибель промышленности и безработицу. «Таким образом,— говорил представитель петербургских фабрикантов С. П. Глезмер,— для самих рабочих, относительно улучшения участи которых мы собрались здесь хлопотать, мы можем принести не пользу, а существенный вред». И потому, «чем позже будут рассматриваться эти законы в новой Государственной Думе, тем правильнее будет их решение» (стр. 22—25).

Как известно, правительство не осталось глухим к этому совету, и его законопроект о сокращении рабочего дня, переживший, не выходя из эмбрионального состояния, две Думы, переживет, по всей вероятности, и третью.

Об отсталости нашей промышленности, как мы знаем, много говорить не приходится. Лишь китайская стена таможенной охраны ставит ее вне

конкуренции и обеспечивает высокие дивиденды. Однако нельзя же думать, что эта таможенная стена, так губительно отражающаяся на интересах сотни миллионов русских потребителей, просуществует вечно. Правда, разрушить ее *немедленно* до основания было бы, пожалуй, слишком рискованно; это могло бы вызвать грандиознейший крах всей нашей промышленности. Но если последняя и нуждается еще в охране вследствие своей крайней отсталости, то отсталой она является прежде всего именно вследствие этой усиленной таможенной охраны, наличность которой делает излишним всякие затраты на техническое перевооружение. Это заколдованный круг, и выход из него может открыть лишь значительное сокращение рабочего дня. Защищенная таможенным забором русская промышленность легко вынесет такое сокращение. Это последнее поднимает на должную высоту и технику и культуру рабочего, и тогда всякий таможенный забор окажется уже совершенно излишней обузой.

Всякое ли, однако, сокращение рабочего дня может вынести без серьезных потрясений наша промышленность? Не слишком ли резким скачком было бы немедленное введение во всех областях наемного труда, например, 8-часовой нормы? Вопрос этот очень сложен, и ответы на него могут быть весьма различны в зависимости от того, какие именно отрасли труда мы станем рассматривать. Например, экономическая возможность подобной реформы в приложении к *земледельческому* труду находится более чем под сомнением. С другой стороны, для наиболее капитализованной и наилучше обследованной текстильной промышленности эту возможность можно считать более или менее доказанной [1]. Новейшие данные промышленной статистики дают, как нам кажется, достаточно материала, чтобы распространить этот же вывод и вообще на все главнейшие отрасли фабрично-заводского труда. В самом деле, приведем здесь несколько наиболее общих соображений и подсчетов.

Средний рабочий день в главнейших отраслях фабрично-заводской промышленности колеблется, по новейшим данным, от 9,9 до 10,8 час. в сутки, и, стало быть, 8-часовая норма предполагает его сокращение на величину 19—26% [2]. Нам предстоит разрешить следующие три вопроса: 1) не вызовет ли такая реформа слишком большого недопроизводства товаров; 2) найдется ли на рынке достаточное число свободных рабочих, чтобы увеличением наличного их комплекта компенсировать это недопроизводство, и, наконец, 3) как отразится соответствующее возрастание «себестоимости» продуктов на прибылях капиталистов?

Казалось бы, что легче всего уравновесить проектируемое сокращение рабочего дня соответствующей реформой техники производства. Ведь масса предприятий довольствуется у нас доныне крайне примитивными орудиями и машинами. А между тем, наряду со старыми станками, дающими 160—180 прокидок челнока в минуту, имеются новые, которые дают их 230—250, т. е. процентов на 40 больше; наряду с устаревшими прядильными машинами, дающими 7000 оборотов веретена в минуту, техника знает новые, сообщающие ему до 13 000 оборотов, т. е. на 85% больше, и т. д. Это цифры, перед которыми совершенно бледнеют скромные 20—25% ожидаемого сокращения рабочего дня. Но дело в том, что хотя 8-часовая норма и дает громаднейший толчок техническому прогрессу, но все же для того, чтобы произвести в промышленности подобную техническую революцию, нужно время и время. Чем же в таком случае

---

[1] См., например, работы: Н. Саввин. 8-ми часовой рабочий день в России. Опыт исследования экономической возможности введения его в текстильной и металлической промышленности. «Свобода и культура» 1906, № 6 и М. Кесслер. К вопросу о сокращении рабочего времени в текстильной промышленности. «Записки Моск. отд. И. Русск., Техн. об-ва», 1908, № 1 и 8.

[2] Вычислено по «Данным о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг.». СПб., Изд. Отд. пром., 1908.

компенсировать сокращение рабочего дня в ближайший момент, непосредственно следующий за реформой?

Чтобы ответить на это, напомним, что малоуспешность труда русских рабочих зависит не только от отсталой техники производства, но и от многих других причин, первое место в ряду которых надо отвести переутомлению рабочих вследствие слишком продолжительной работы. Поэтому сокращение рабочего дня уже само по себе, *даже при старой технике*, значительно повысит производительность труда, сократит издержки на лечение больных и премии увечным рабочим, уменьшит число прогулов, понизит процент брака и угара и вообще уничтожит много непроизводительных расходов. Попробуем учесть хотя бы приблизительно возможное повышение производительности труда.

Зависимость успешности труда от продолжительности работы всего заметнее, конечно, в тех отраслях промышленности, где преобладающее значение имеет умение рабочего и вообще ручной труд. Так, наш шахтер Донецкого бассейна в 1901 г. в 10,5—11 час. едва добывал 30 пуд. угля, в то время как домбровский в 10 час. добывал 51 пуд, а верхнесилезский в 9 час.— 82 пуд. [1] В данном случае весьма значительную роль играет короткий рабочий день в связи с лучшими условиями питания; тот же фактор проявляет себя и в области преобладания машинного труда. Так, в России рабочий обычно наблюдает лишь за одним-двумя станками, ибо на большее количество его не хватает; в Германии же — за двумя, тремя и четырьмя, в Англии — часто за шестью, а в Америке — даже за восемью. Более того. Даже быстрота хода исполнительных механизмов зависит не только от совершенства техники, но и от свежести наблюдающих за ними рабочих. Так, например, «последовавшее в 1897 г. сокращение рабочего времени,— по свидетельству официального источника,— несомненно послужило толчком к введению более усовершенствованных машин». Но, добавляет тот же источник, «с другой стороны сокращение рабочего времени, *обусловив собою облегчение труда рабочего*, дало возможность увеличить скорость вращения веретен *на существующих* машинах, что и наблюдалось в действительности на тех фабриках, которые были принуждены вследствие закона 2 июня 1897 г. сократить продолжительность работ» [2].

Все это общеизвестно и не подлежит спору. Но какова же численная величина коэффициента возрастания производительности труда в связи с сокращением рабочего дня? К сожалению, ответить на этот вопрос вполне точно и строго обоснованной цифрой пока невозможно. Для приблизительного же ответа немало данных имеется в донесениях старших фабричных инспекторов. Не приводя всех сгруппированных там фактов и цифр, ограничимся здесь следующей их выдержкой:

«Сказанное увеличение производительности далеко не одинаково для разных производств, которые могут быть в этом отношении разделены на 3 группы: а) в первой будут те фабрики, в которых главное значение имеет совершенство машин, рабочий же стоит на втором плане, таковы прежде всего прядильные и затем ткацкие фабрики; б) во вторую категорию должны быть отнесены такие, в которых совершенство и быстрота хода машин имеют приблизительно одинаковое с рабочим значение, таковыми следует признать отбельные, красильные, ситценабивные и т. п. заведения; в) наконец, в третью следует поместить такие производства, в которых личный труд рабочего, степень его бодрости и умение имеют первостепенное значение. Таковы, например, некоторые отделения меха-

[1] Ф. Расинский. Статистика доходности русских акционерных горнозаводских и механических предприятий: «Русское экономическое обозрение», 1904, № 3, стр. 42—63.

[2] «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России». СПб., 1901, стр. VII.

нических заводов, стеклянные и т. п. Принимая во внимание только что указанные подразделения, можно считать, что продуктивность труда рабочего в единицу времени, происходящая вследствие отмены ночных работ при переходе на 18-часовую работу или вследствие сокращения дневного труда на 1—2 часа, возрастает приблизительно следующим образом: для прядильных фабрик — на 3—5%, для ткацких — на 7—10, для красильно-набивных и механических — до 15%, для остальных, в которых преобладает ручной труд,— в еще большей степени, не поддающийся, однако, учету» [1].

Что же говорят эти выводы? Сокращение дневной работы на 1 час (от 12—13 час.) составляет в среднем 8%, сокращение на 2 часа — 16%. Приурочивая низшие пределы повышения производительности труда к сокращению рабочего дня на 1 час, а высшие — к сокращению его на 2 часа, получим: в первой группе сокращение дня на 8% соответствует возрастание производительности у прядильщиков приблизительно на 3%, у ткачей — на 7%, а в среднем — на 5%. Сокращению дня на 16% соответствует возрастание производительности на 5 и 10, в среднем на $7^1/_2$%. В общем же по этой группе повышение производительности при сокращении рабочего дня на 1—2 часа должно поглотить от $^1/_3$ до $^2/_3$ ожидаемого сокращения выработки, а *в среднем — около половины.* По второй категории производств сокращению дня на 16% соответствует повышение производительности до 15%, т. е. ожидаемое сокращение выработки почти поглощается возрастанием успешности труда. По третьей категории производств следует сделать тот же вывод, но в более решительной форме.

Само собою понятно, что при более резких сокращениях рабочего дня, чем на 1—2 часа, повышение производительности не может следовать за ним *в той же пропорции.* Но и тут оно все-таки весьма значительно. Что же касается указанных выше пределов, то по отношению к ним наши выводы надо признать довольно осторожными. В самом деле, укажем несколько конкретных случаев влияния сокращения рабочего дня из числа приведенных в вышеназванной анкете фабричных инспекторов (табл. 9):

Приведенные случаи тем более знаменательны, что отмеченное в них повышение производительности достигалось уже месяца через три, а то даже и через 3—4 недели вслед за сокращением рабочего дня и притом без каких-либо предварительных улучшений техники. Эти данные показывают, что повышение производительности труда даже при резком сокращении рабочего дня способно поглотить в прядильно-ткацкой группе около *половины*, а в остальных свыше *двух третей* ожидаемого понижения выработки [2].

Эти последние коэффициенты мы и положим в основу дальнейших расчетов. Текстильную промышленность, ради большей осторожности, мы относем целиком в ту категорию, сокращение рабочего дня в которой лишь наполовину компенсируется соответствующим возрастанием производительности, хотя целый ряд предприятий этой отрасли (как, например, все отбельные, красильные, ситценабивные и т. п.) относится скорее к

---

[1] «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России». По донесениям старших фабричных инспекторов. Деп. торг. и ман. СПб., 1896, стр. 49—50.

[2] Специально для прядильно-ткацкой группы у нас имеется массовый опыт сокращения рабочего дня по закону 1897 г. Этот опыт говорит, что, несмотря на весьма значительное сокращение рабочего дня (для бумагопрядилен — 10,7, для бумажно-ткацких — 6,0%), годовая производительность этой группы не только не падала, но даже неуклонно возрастала (за 1896—1899 гг. на 19 и 21%), причем рост производительности шел гораздо быстрее возрастания оборудования фабрик новыми машинами («Материалы по вопросам о продолжительности рабочего времени на фабриках, обрабатывающих волокнистые вещества». Изд. Отд. пром. СПб., 1903; «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России» и Н. Савин. Указ. соч., стр. 405).

Таблица 9

Эффективность сокращения рабочего дня

Фабрика и род производства	Сокращение рабочего дня, час		Сокращение выработки, %		Повышение производительности, %
	с	до	ожидаемое	действительное	
1	2	3	4	5	6
1. Бумагопрядильная Кенига . . .	14	13	7,1	0	7,1
2. Бумагопрядильная Российской мануфактуры.	13$^1/_2$	12$^1/_2$	7,4	0	7,4
3. Бумаготкацкая Занегина	12	11	8,3	0	8,3
4. Бумаготкацкая А. Ганшина . . .	13$^1/_2$	12	10,6	0	10,6
5. Прядильно-ткацкая Реутовской мануфактуры.	12	9	25,0	—13$^1/_2$	11,8
6. Прядильно-ткацкая Высоковской мануфактуры	12	9	25,0	—10	15,0
7. Ручные ткачи Петроковской губернии	14	8	43,0	—13	30,0
8. Меднолитейный и арматурный завод Краснова.	12	11	8,3	0	8,3
9. Котельный завод Н. Смита . . .	11	10	9,1	0	9,1
10. Машиностроительный завод Н. Бромлея	11$^1/_4$	10	11,0	0	11,0
11. Машиностроительный завод В. Гоппера	11$^1/_2$	10	13,0	0	13,0
12. Металлический завод Тауссона . .	10$^1/_2$	8	24,0	0	24,0
13. Литейное отделение механического завода С. Морозова	12	11	8,3	+22	30,3
14. Фабрика гнутой мебели «Войцехов»	13	10	23,0	—14,6	8,4
15. Водочный завод Ю. Фукса . . .	13$^1/_2$	11$^1/_2$	15,0	0	15,0
16. Механическая фабрика резиновых лент Петроковской губернии	12	10	16,6	0	16,6
17. Писчебумажная Кувшинова, в паккамере	11	9	18,1	0	18,1
18. Писчебумажная Попинковская Волынской губернии	11$^1/_2$	8	30,4	—7,7	22,7
19. Писчебумажная Кувшинова на самочерпке	12	8	33,3	—4,9	28,4
20. Паточное отделение сахарного завода в Волынской губернии	12	8	33,3	0	33,3

следующей категории. И тогда, располагая различные отрасли фабрично-заводской промышленности в порядке их относительного значения в общей сумме по ценности всего производства (I — обработка волокна, II — обработка металла, III — обработка питательных продуктов, IV — обработка животных продуктов, V — обработка дерева, VI — химическое производство, VII — обработка минеральных веществ, VIII — бумагомассное производство), получим следующую картину (табл. 10).

Исчисленные здесь показатели возрастания производительности труда при сокращении рабочего дня на 2—3 часа нужно признать, по сравнению с вышеприведенными (см. табл. 9), весьма умеренными. Но и эти цифры нуждаются еще в значительной поправке. Дело в том, что они указывают понижение *суточной* выработки, а не годовой. Последняя же зависит не только от продолжительности рабочего дня, но и от числа рабочих дней в году.

Сравнивая длину рабочего года в разных странах, г. Ю. Гужон в своей брошюре о «Нормальном рабочем дне» принимает эту длину для Германии в 302 дня, для Австрии, Голландии, Швейцарии и Франции — в 305,

Ожидаемое сокращение дневной выработки *

Показатели	Группа производств								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	I—VIII
Ценность производства в 1900 г., млн. руб.	813,7	371,9	361,6	110,9	95,3	92,5	80,6	77,4	2003,9
Ценность производства, % к общей сумме	40,6	18,6	18,1	5,5	4,8	4,6	4,0	3,8	100
Рабочий день в 1905 г., час. **	10,1	9,9	10,8	10,5	10,6	10,4	10,6	10,1	10,3
Сокращение рабочего дня (до 8 час.), %	20,7	19,2	25,9	23,8	24,5	23,0	24,5	20,7	22,3
Компенсация его повышением производительности, % . .	10,3	12,8	17,2	15,8	16,4	15,4	16,4	13,8	13,4
Сокращение дневной выработки, %..	10,4	6,4	8,6	7,9	8,2	7,7	8,2	6,9	8,9

* В основу этой и последней таблиц положены главным образом «Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг.» СПб., 1906. «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 год». СПб., VIII и «Ежегодник Министерства финансов», вып. 1906/07 г.

** Нужно отметить, что принятые здесь нормы рабочего дня с 1905 г. еще более понизились. Так, по обработке хлопка средний рабочий день (для одной и двух смен) сократился с 1905 по 1907 г. на целых полчаса (с 9,9 до 9,4 часа) (Вл. Громан. Продолжительность рабочего времени в предприятиях по обработке хлопка, «Вестник финансов», 1908, № 40).

для Англии — 306, для Бельгии — 307, для США — 308 дней, тогда как для России он исчисляет ее всего в 280 рабочих дней. Последняя цифра, по-видимому, уже устарела, ибо, по «Данным о продолжительности рабочего времени за 1905 г.», средний рабочий год для всех фабрично-заводских рабочих составляет 286,5 дня. Но и с этой поправкой его можно смело признать кратчайшим в культурной части Европы. Еще более понижает его, однако, необычайно большой в русской промышленности процент прогульных дней, обусловливаемый главным образом тем, что наш рабочий слишком переутомляется при чрезмерном рабочем дне и плохом питании.

Что это именно так, мы можем подтвердить таким фактом. Сопоставляя данные о рабочем времени и прогулах на машиностроительных заводах Виганда и Лаусмана в Ревеле, фабричный инспектор Эстляндской губернии иллюстрирует свое общее положение о том, что «с увеличением рабочего дня увеличивается и размер прогулов переутомленных рабочих, не говоря уже о понижении качества самой работы», следующими цифрами.

Сравнивая данные за ноябрь и декабрь 1895 г., когда сверхурочных работ было относительно мало, с данными за май и июнь 1896 г., когда вследствие спешки сверх урока работало свыше 25% всего состава, он получает результат, приведенный в табл. 11.

Как видим, чрезмерное удлинение рабочего дня, истощая силы рабочего, настолько повышает прогульность, что в конце концов средний рабочий день фактически не только не увеличивается, но даже уменьшается, что уже, конечно, не входит в интересы предпринимателей. И если сказанное служит достаточным аргументом даже против временных сверхурочных работ, то тем более оно является аргументом против *хронического* переутомления рабочих высокой нормой продолжительности рабочего дня.

Нет сомнения, что введение 8-часовой нормы скажется прежде всего заметным уменьшением числа праздничных и прогульных дней, а это в свою очередь, значительно понизит ожидаемое падение годовой выработки.

Таблица 11

Увеличение рабочего дня и прогулы *

Показатели	1895 г.	1896 г.
Нормальное число рабочих дней для всех рабочих	20 472	18 059
Номинальный рабочий день, час	11	11
Фактически отработанно часов всеми рабочими	213 352	179 498
Число прогульных часов за 2 месяца	11 810	19 475
Прогульные часы, % к рабочим часам	5,6	17,8
Средний фактический рабочий день, час	10,4	9,2
Недостача до номинального	0,6	1,8

* «Продолжительность рабочего дня...», стр. 188—190.

Не учитывая отдельно уменьшения прогулов, примем, что номинальный рабочий год после реформы возрастет примерно до 300 дней[1]. Возможная в этом отношении ошибка с избытком покроется, конечно, неучитываемым нами сокращением прогульности, которое, как показывает вышеприведенный расчет, может достигать весьма почтенного процента по отношению к общей годовой сумме рабочего времени (17,8 — 5,6 = 12,2%). И тогда вся сумма годового недопроизводства определится расчетом, приведенным в табл. 12.

Таблица 12

Возможное сокращение производств

Показатели	Группа производств								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	I—VIII
1. Число рабочих дней в году (1905 г.)	283,0	288,3	291,4	287,5	289,7	290,7	289,7	291,4	286,5
2. Предполагаемое увеличение до 300 дней	17,0	11,7	8,6	12,5	10,3	9,3	10,3	8,6	13,5
3. То же, % к рабочему году в 300 дней	5,7	3,9	2,9	4,2	3,4	3,1	3,4	2,9	4,5
4. Ожидаемое сокращение дневной выработки, %	10,4	6,4	8,6	7,9	8,2	7,7	8,2	6,9	8,9
5. Сокращение годовой выработки (4 стр.— 3 стр.), %	4,7	2,5	5,7	3,7	4,8	4,6	4,8	4,0	4,4

Теперь уже можем более или менее определенно ответить на первый из поставленных нами вопросов. *Все недопроизводство, возможное в результате введения 8-часовой нормы, не достигнет в среднем и 5% обычной годовой выработки,* так что сколько-нибудь значительных потрясений рынка оно не вызовет. К тому же его нетрудно было бы уравновесить соответствующим расширением производства путем частичного перехода однокомплектных фабрик на две смены и т. д. Конечно, для этого пришлось бы увеличить комплект рабочих. Но это увеличение в пределах от 2,5 до 5,7% наличного состава по группам, а в среднем 4,4%, так ничтожно, что

[1] Законопроект Министерства торговли и промышленности (Отд. II, стр. 11) сокращает число праздников до 61, что дает 365 — 61 = 304 рабочих дня в год.

не вызвало бы никаких затруднений. Как видно из данных статистики, процент безработных за последние годы промышленной депрессии даже в рядах организованных рабочих Англии и Соединенных Штатов достигал 5—6 [1]. Таков наш ответ на второй из поставленных в настоящей статье вопросов.

Но увеличение комплекта рабочих потребует соответственного повышения затрат на заработную плату, а это вызовет удорожание «себестоимости» продукта, что в свою очередь либо ляжет новым налогом на потребителя, либо понизит норму прибыли предпринимателей. Путем разумной политики представляется возможным не допустить первый исход; для этого необходимо своевременно пустить в ход регулятор таможенной охраны, и тогда все удорожание продукта отразится лишь на норме прибыли. В какой же мере оно отразится?

Предполагая, что годичный заработок рабочего не изменится резко непосредственно за реформой, можно принять, что повышение затрат на заработную плату будет пропорционально увеличению комплекта рабочих. Но сама заработная плата входит обычно лишь весьма незначительным процентом в общую стоимость производства. Таким образом, повышение «себестоимости» продуктов определится, в цифрах, приведенных в табл. 13.

Таблица 13

Расход на заработную плату

Показатели	Группа производств								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	I—VIII
Цена производства, млн. руб.	813,7	371,9	361,6	110,9	95,3	92,5	80,6	77,4	2003,9
Расход на заработную плату, млн. руб.	105,47	80,40	12,96	9,18	13,82	7,58	25,86	14,45	270
То же, % от цены производства	12,9	21,6	3,6	8,3	14,5	8,2	32,0	18,7	13,5
Увеличение расхода, % к заработной плате *	4,4	2,5	5,7	3,7	4,8	4,6	4,8	4,0	4,4
Увеличение расхода, % к цене производства	0,57	0,43	0,20	0,30	0,69	0,37	1,53	0,75	0,59

* См. стр. 5 в табл. 12.

Как видим, сколько-нибудь заметное повышение расхода — в 1,5 коп. на 1 руб. цены продукта — получается лишь в VII группе (обработка минеральных веществ). На первом месте в этой группе стоит стеклянное производство, на втором — кирпичное, затем гончарное и т. д., все это — производства с преобладанием ручного труда над машинами. Но именно поэтому нужно думать, что и повышение производительности в результате сокращения рабочего дня на 2,5 часа будет здесь значительно выше исчисленного нами, а стало быть, повышение расходов — ниже исчисленного.

[1] По данным английских тред-юнионов и «American Federation of Labour», процент безработных членов в этих организациях составлял:

	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
в Англии . .	2,4	3,8	4,4	5,1	6,5	—
в США . . .	2,1	3,1	3,4	6,1	6,4	6,3

(«Страхование на случай безработицы в Западной Европе и Соединенных Штатах», отд. промышленности. СПб., 1908).

Насколько же, однако, понизится норма прибыли? О высоте прибылей, за неимением других, более достоверных данных, нам придется судить по дивидендам акционерных предприятий. Но так как они, несомненно, скорее преуменьшены, чем преувеличены, то основанные на них выводы в пользу реформы могут быть лишь усилены более достоверными данными. Преуменьшенной же величину дивидендов, показываемых в официальных отчетах, мы имеем основание считать уже потому, что они... облагаются особым процентным сбором. И, действительно, факты показывают, что предприниматели понижают подотчетные дивиденды не только путем отчислений из валовой прибыли в разные резервные фонды, на расширение производства и т. п., но и путем таких бухгалтерских приемов, как, например, назначение громадных окладов фиктивным директорам, в роли которых, по свидетельству проф. Озерова, фигурируют иной раз даже семилетние дети. Для иллюстрации того, насколько дивиденды акционерных предприятий ниже чистой их прибыли, мы можем сослаться даже на такого нерасположенного к реформе свидетеля, как Сергей Четвериков[1]. То же самое подтверждают и официальные данные за последнее пятилетие, как это видно из данных табл. 14.

Таблица 14

Процент дивиденда по группам производств

	Группа производств							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
За 1901 г.	6,75	7,29	9,03	8,10	9,97	8,15	5,25	7,09
» 1902 г.	7,15	7,80	10,20	8,77	9,43	9,65	5,68	6,67
» 1903 г.	7,75	7,14	8,70	8,60	8,31	9,43	4,61	6,66
» 1904 г.	6,47	7,11	8,17	8,91	7,33	9,12	4,19	5,67
» 1905 г.	6,30	7,14	9,28	9,69	5,80	9,79	3,61	5,44
Средний	6,88	7,35	9,47	8,81	8,16	9,22	4,66	6,30

Такова средняя прибыльность. Но так как она выражена в процентах от основного капитала, а исчисленное нами выше (см. табл. 13) увеличение расхода на заработную плату — в процентах от цены производства, то для сравнимости этих величин необходимо предварительно определить соотношение основного капитала и цены производства. Проделав это и определив процент повышения расхода на заработную плату по отношению к основному капиталу, мы будем иметь предстоящее в результате реформы понижение процента прибыли. А за вычетом ее из среднего в настоящее время дивиденда получим, стало быть, и примерную величину будущей нормы прибыли (табл. 15).

Итак, нынешняя норма прибыльности понизилась бы в результате введения 8-часового рабочего дня приблизительно на 0,5%, оставаясь еще значительно выше тех 3—4%, которыми обычно довольствуются в странах развитого капитализма. И этот статистический вывод, пока его не опровергнут, говорит в пользу экономической осуществимости данной реформы.

---

[1] «К вопросу о 8-часовом рабочем дне». «Русские ведомости», 1906, № 39. Как видно из его данных по текстильной промышленности, действительная польза netto (за вычетом всех погашений) еще раза в полтора по меньшей мере больше показного дивиденда.

Таблица 15

Ожидаемая норма прибыли при 8-часовом рабочем дне

Показатели	Группа производств							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Отношение цены производства к основному капиталу, %	100,2	80,6	114,5	105,5	77,2	131,2	39,2	100,0
Повышение заработной платы, % к цене производства . . .	0,57	0,43	0,20	0,30	0,69	0,37	1,53	0,75
То же, % к основному капиталу	0,57	0,35	0,23	0,32	0,53	0,48	0,60	0,75
Средний дивиденд, % к основному капиталу	6,88	7,35	9,47	8,81	8,16	9,22	4,60	6,30
Остаток дивиденда за вычетом повышенных расходов	6,31	7,00	9,24	8,49	7,63	8,74	4,06	5,55

К сожалению, не статистическими подсчетами решаются в последнем счете подобные вопросы, а реальным соотношением сил заинтересованных социальных групп. Реальное же соотношение сил в данный момент — не в пользу рабочих.

IV. ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

1. ТРУДОВЫЕ ПОТЕРИ РОССИИ В ВОЙНЕ[1]

Всем известно, какие громадные трудности на пути к возрождению и обновлению своей страны встречает русский пролетариат. Тяжелым кошмаром давит его грудь жестокое наследие мировой войны со всеми произведенными ею разрушениями. А каждая попытка освободиться от этого кровавого кошмара очень долго оставалась тщетной, ибо руки творца новой жизни — русского рабочего — все время были крепко скованы новым бременем непрерывных вспышек навязанной ему гражданской войны.

Все это общеизвестно. Но даже многие друзья русского пролетариата не оценивают по достоинству всей тяжести лежащего на нем бремени. Ясное представление об этом может дать лишь цифровая оценка причиненного нам войной ущерба в главнейшем достоянии рабочего государства — в его рабочей силе, в его труде.

По произведенным нами исчислениям на основании имеющихся данных, этот ущерб должен выразиться в грандиозных итогах.

За время мировой войны 1914—1917 гг. в России было призвано под знамена свыше 15 млн. чел. Учитывая разновременность призывов, каждый из этих призванных за $3^1/_2$ года войны был оторван от мирного труда в среднем по 32 месяца, что дает в общем итоге 40 млн. лет потерянного труда. И притом какого труда! Самого ценного, мужского, в полном расцвете сил и здоровья.

Правда, необходимо учесть, что часть этого ущерба падает на население, выбывшее из состава Российского государства. К началу мировой войны население России составляло до 161 млн. чел., из которых на Царство Польское, Литву и Прибалтику падало около 21 млн. чел. Значит, на долю остальной России оставалось не менее 140 млн. чел. Но для осторожности примем население Советской России, за исключением всех окраин, в 100 млн. чел. Тогда на ее долю придется лишь 62% общих потерь бывшего Российского государства. В частности, из 40 млн. лет потерянного старой армией труда на нашу долю придется только 24,8 млн. лет.

Соответствующее исчисление для гражданской войны 1918—1920 гг. (по 1 июля 1920 г.) дает еще 5 млн. лет потерянного труда Красной Армии.

К этим итогам надо прибавить убитых, умерших и искалеченных воинов. Их труд для нас потерян не только на время войны. В лице каждого староармейца, погибшего в возрасте 25,5 лет, общество, по исчисленным таблицам смертности и инвалидности, теряет не менее 30 лет трудоспособности. Для более молодых красноармейцев эта норма потерь повышается до 31 года.

Общее число убитых и умерших от ран и болезней в рядах старой армии за 1914—1917 гг., по весьма неполным данным, исчисляется в

---

[1] «Народное хозяйство», 1920, № 12.

975 тыс. чел. Отсюда мы должны исключить обычную убыль вследствие естественной смертности в соответствующих возрастах (128 тыс.), а затем остаток понизить до 62%, падающих на 100 млн. населения, и умножить на 30 лет. Получаем общую сумму потерь трудоспособности для погибших на войне староармейцев — 15,8 млн. лет. Гражданская война прибавляет к этому итогу — за счет убитых и умерших красноармейцев — еще 5,3 млн. лет потерянной трудоспособности.

Полных и частичных инвалидов старой войны нами учтено 2 080 000. Это тоже крайне неполный итог. В него вовсе не вошли наши воины-калеки, попавшие в австро-германский плен. Надо думать, что из числа русских пленных, которых было не менее 2 700 000, еще очень большой процент вернется на работу никуда негодными инвалидами. Средняя потеря трудоспособности на каждого инвалида-староармейца, по имеющимся у нас данным медицинской экспертизы, не менее 36%, для инвалида гражданской войны — 43%. Сделав перевод по этим коэффициентам частичных инвалидов на полных, получим, со скидкой на естественную инвалидность и на отошедшие от Советской России окраины, 464 000 полных инвалидов мировой войны, в лице каждого из которых мы потеряли 30 лет трудоспособности, а всего 14,9 млн. лет. Для гражданской войны соответствующий подсчет дает еще 11,4 млн. лет потерянной трудоспособности.

Далее следует учесть трудовые потери вследствие усиленной смертности гражданского населения за время войны. По приблизительным подсчетам на основании имеющихся русских и заграничных коэффициентов, эти потери вследствие преждевременной смертности дают на 100 млн. населения Советской России за 1914—1917 гг. 2258 тыс. и за 1918—1920 гг. (по 1 июля) — 7050 тыс. жизней. Отсюда мы должны исключить исчисленные выше потери убитыми и умершими в армии. Средний возраст преждевременно умерших, по имеющимся русским данным, около 37 лет. Каждая преждевременная смерть, принимая в учет возрастный состав умерших, представляет у нас утрату 18,5 лет трудоспособности. Общий итог потерь вследствие прироста гражданской смертности составляет для империалистической войны 32,1 млн., для гражданской — 127 млн. лет трудоспособности.

Не менее тяжелым последствием войны является сопровождающее ее сокращение рождаемости. Отвлечение на войну свыше 50% мужчин брачного возраста, с одной стороны, а затем усиленное недоедание трудящихся масс, вызывавшее массовую приостановку регул у голодающих работниц, с другой стороны, понизило у нас норму рождаемости за время войны почти вдвое.

По довольно скромному расчету, общий итог наших потерь в рождаемости на 100 млн. населения составляет для мировой войны 3 855 000 и для гражданской — 4 920 000 потерянных жизней. А так как каждый новорожденный, по русским данным, имеет шансы проработать на своем веку в среднем 19,3 года, то указанное сокращение рождаемости означает для нас потерю в мировой войне 74,5 млн. и в гражданской — 95 млн. лет трудоспособности.

По исчислениям датского статистика Деринга («Экономическая жизнь» 1920, № 112), потери всех европейских участников мировой войны с населением в 401 млн. чел. составляют до 35 млн. преждевременных смертей и несостоявшихся рождений, т. е. около 8,8% населения, причем на долю России из этих 35 млн. падает, по его расчету, 13 млн. жизней. Но мировая война для других стран кончилась уже в 1918 г., около двух лет назад, а для нас она все еще продолжается в форме субсидируемой Антантой войны гражданской. И каждый новый год войны в стране, уже истощенной прежними бедствиями, увеличивает эти бедствия в геометрической прогрессии. Немудрено, что к итогу, исчисленному для нас по европейским нормам Деринга, приходится сделать весьма изрядную прибавку. По

нашему расчету, итог потерь Советской России в гражданском населении за все время мировой и гражданской войн до 1 июля 1920 г. составляет не менее 17,4 млн. жизней.

Общие же итоги потерь армии и населения в переводе на труд выражаются в цифрах, приведенных в табл. 16.

Таблица 16

Военные потери Советской России
(в млн. лет трудоспособности)

	Мировая война 1914—1917 гг.	Гражданская война	Итого 1914—1920 гг.
I. Потери армии в труде			
1. Мобилизованных	24,8	5,0	29,8
2. Убитых и умерших	15,8	5,3	21,1
3. Инвалидов войны	14,9	11,4	26,3
Итого	55,5	21,7	77,2
II. Потери гражданского населения в труде			
1. Преждевременно умерших	32,1	127,0	159,1
2. Неродившихся	74,5	95,0	169,5
Итого	106,6	222,0	328,6
Всего	162,1	243,7	405,8

Чтобы оценить по достоинству полученный итог, надо указать, что до войны у нас на 100 млн. чел. приходилось не более 57,5 млн. трудоспособных, т. е. в 7 раз меньше исчисленного итога в 406 млн. лет потерянной трудоспособности. Иными словами, этот итог шестилетней войны превышает валовую производительность семилетнего труда всего населения страны.

По имеющимся исчислениям народного дохода России, опубликованным С. Н. Прокоповичем, этот доход составлял в 1913 г. на 116,5 млн. населения Европейской России 11,8 млрд. руб. золотом, причем в учет вовсе не был принят труд всех лиц, занятых вне производства и распределения материальных ценностей. В этой последней области — за вычетом, стало быть, врачей, педагогов, чиновников, прислуги, домашних хозяек и т. п. занятий — было занято не более 53,5% всех трудоспособных, т. е. 35,9 млн. чел. обоего пола, на каждого из которых падает в среднем до 330 руб., а по расчету на полного работника — мужчину — не менее 420 руб. годовой производительности.

Это чрезвычайно скромный расчет, так как, по вполне точным данным промышленной статистики, чистая производительность русского рабочего в обрабатывающей промышленности и железнодорожном деле за 1913 г. составляла не менее 635 руб. на работника обоего пола и до 800 руб. на полного работника — мужчину. И тем не менее, исходя даже из этого скромного расчета 405,8 млн. лет утерянной трудоспособности пришлось бы оценить на золото суммой в 133,9 млрд. руб. Таков валовой итог нанесенного нам ущерба.

Конечно, убыль преждевременно умершими и нерожденными обозначает не только сокращение производительности общества, но и сокращение его затрат на содержание соответствующего числа едоков. Однако

известно, что каждый работник в течение своей жизни больше производит благ, чем потребляет их. За счет этого избытка содержится постоянный прирост населения в нетрудоспособных возрастах. За счет него же происходит постоянное накопление средств производства, без которого невозможен был бы никакой прогресс человечества. Спрашивается, как же велик этот избыток чистой производительности работника, который, за покрытием издержек собственного содержания, он может отдать и отдаст семье и обществу? По данным 1913 г., этот избыток составлял не менее $^{3}/_{4}$ чистой производительности русского рабочего, так как на собственное содержание он ежегодно расходовал не более 25% своей годовой производительности. Остальное шло семье, хозяину и государству.

Считая, что каждого новорожденного обществу приходится содержать в течение всей его жизни, т. е. 32,4 года, а работать он сможет лишь 19,3 года, нетрудно исчислить чистый остаток производительности в пользу общества, даваемый каждым его членом. Этот остаток равен 19,3 — — (32,4 : 4) = 11,2 года трудоспособности, что при годовой норме производительности в 330 руб. дает до 3700 руб. золотом.

Таков общественный ущерб, падающий на каждую нерожденную во время войны душу по сравнению с нормальной рождаемостью. Подобно этому исчисляется чистый ущерб и по всем другим видам трудовых потерь войны, с тою лишь разницей, что год трудоспособности взрослого мужчины армейца оценивается не в 330, а в 420 руб., по норме полного работника.

Результаты таких оценок на основании имеющихся данных дают цифры, приведенные в табл. 17.

Таблица 17

Ущерб в производительности на 1914—1920 гг.

Категория населения	Средний возраст	Потеряно лет		Ущерб производительности	
		жизни	труда	в годах	в рублях
Армия					
I. Убитые и умершие					
а) староармейцы	25,5	37	30	20,8	8 750
б) красноармейцы	24,5	38	31	21,4	9 000
II. Инвалиды войны					
а) староармейцы	25,5	18	30	25,5	10 710
б) красноармейцы	24,5	19	31	26,2	11 000
Население					
1. Преждевременно умершие	37	29	18,5	11,3	3 730
2. Неродившиеся	0	32,4	19,3	11,2	3 700

Приведенные коэффициенты потерь на единицу каждой категории населения дают в общем итоге для Советской России суммы, показанные в табл. 18.

Итак, свыше 40 млрд. русский народ потерял в борьбе с австро-германским империализмом, вытаскивая своими голыми мозолистыми руками из огня мировой бойни каштаны для буржуазии Антанты. А в награду за это благодарная Антанта отплатила нам новой войной и блокадой, которые, не считая цены крови, стоили нам еще свыше 50 млрд. золотом.

Разумеется, это далеко еще не весь ущерб, нанесенный нам войной. Сюда не вошли еще ни прямые расходы по ведению войны и производству средств истребления, ни стоимость произведенных войной разрушений,

Таблица 18

Оценка чистого ущерба Советской России
(в млн. руб. золотом на 100 млн. чел.)

	Мировая война	Гражданская война	Итого
I. Потери армии в труде			
1. Мобилизованные	10 416	2 100	12 516
2. Убитые и умершие	4 586	1 537	6 123
3. Инвалиды войны	4 970	4 050	9 020
Итого	19 972	7 687	27 659
II. Потери гражданского населения в труде			
4. Преждевременно умершие .	6 462	25 608	32 070
5. Неродившиеся	14 249	18 184	32 433
Итого	20 711	43 792	64 503
Всего	40 683	51 479	92 162

ни отвлечение средств транспорта для целей войны, ни вызванное последствиями войны падение производительности труда, ни целый ряд других, столь же крупных статей. Да и вышеисчисленный итог потерь в труде сильно преуменьшен за неполнотой учета убитых, инвалидов и прочих категорий жертв войны, а также за исключением из учета потерь всех окраин России. А там, на окраинах, всевозможные Колчаки, Юденичи, Деникины и прочие приказчики Антанты тоже ведь производили мобилизации и формировали армии, отвлекая сотни тысяч людей от мирного труда и сея вокруг себя щедрой рукой эпидемии, смерть и разрушение трудоспособности населения, ныне вошедшего в состав Советской России.

Но даже если иметь в виду лишь вышеисчисленные частичные итоги ущерба, которые нам придется покрывать еще много лет, питая миллионы инвалидов и сирот войны ценою нищеты чрезмерного труда уцелевших работников, нетрудно понять, почему мы стали жертвой столь тяжелой хозяйственной разрухи. Ведь за все время войны и блокады наши трудовые потери были гораздо больше наших текущих трудовых ресурсов. И, значит, мы все это время жили и боролись за счет труда прошлых и будущих поколений.

Русский пролетариат знает, кому он должен воздать благодарность за все это. И когда придет час расплаты с мировой буржуазией, он сможет кому следует предъявить свой счет за все эти миллионы загубленных жизней, сотни миллионов лет потерянного труда и десятки миллиардов рублей имущественного ущерба в достоянии трудящихся.

2. ВОЕННЫЕ ПРИБЫЛИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ФАБРИКАНТОВ в 1914—1916 гг.[1]

Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов весной 1917 г. была произведена довольно интересная анкета о прибылях членов общества за 1913—1916 гг. Нам неизвестно, с какою целью производилась эта анкета. Но, во всяком случае, можно думать, что членам общества была

[1] «Экономическая жизнь», 20.X 1919, № 260.

гарантирована полная тайна по столь щекотливому вопросу и что они могли давать своему союзу более откровенные показания, чем те, какие им приходится давать в ответ на официальные запросы податных органов.

К сожалению, архив общества, поступивший ныне в распоряжение петербургского отдела труда, сохранялся, по-видимому, далеко не в образцовом порядке. В частности, из указанной анкеты в архиве сохранилось лишь весьма ограниченное число ответов. Тем не менее, ввиду большого их интереса они вполне заслуживают опубликования.

Всего в нашем распоряжении оказался пригодным к разработке 21 ответ, в числе которых имеются такие крупные фирмы, как товарищество «Треугольник» — с основным капиталом в 30 млн. руб., общество средних механических заводов — 12 млн. руб., товарищество Лаферм — 8,5 млн. руб. Соединенные кабельные заводы — 6 млн. руб., Сименс и Гальске — 5,6 млн. руб., Лангензипен и К° — 4 млн. руб., Тентелевский химический завод — 3 млн. руб., кожевенный завод Брусницина с сыновьями — 2 млн. руб. и т. п.

Общие итоги по всем этим предприятиям показаны в табл. 19.

Таблица 19

Общие итоги анкеты *

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
1. Основной капитал,				
тыс. руб.	72 400	72 525	72 525	82 925
% к итогу 1913 г.	100	100	100	115
2. Число рабочих и служащих				
аболютное	29 568	29 797	35 884	44 067
% нормы 1913 г.	100	101	121	149
3. Средний заработок,				
руб. за год	(423)	483	667	1066
% нормы 1913 г.	100	114	158	252
4. Общий заработок всех рабочих и служащих,				
тыс. руб. за год	12 500	14 380	23 921	46 964
% нормы 1913 г.	100	115	191	376
5. Чистая прибыль (дивиденд),				
тыс. руб.	12 525	16 330	29 734	54 038
% нормы 1913 г.	100	130	257	431
6. Валовая прибыль,				
тыс. руб.	27 335	38 504	72 632	137 761
% нормы 1913 г.	100	141	266	504
7. Цены пищевого пайка,				
руб. к концу года	0,26	0,26	0,36	0,50
% нормы 1913 г.	100	100	138	192
8. Реальный рост дохода				
рабочего (заработок) . . .	100	115	115	132
хозяев (дивиденд)	100	113	167	225

* Итоги, показанные в скобках, за отсутствием данных в анкете исчислены приблизительно по другим источникам.

В то время, как основной капитал возрос всего на 15%, а число рабочих и служащих на 49%, средний заработок рабочих и служащих в связи с повышением спроса на труд и падением курса рубля поднялся на 152%, общий расход на заработную плату и содержание служащих увеличился на 276%, прибыли же росли еще быстрее, и в общем итоге за время войны чистая прибыль увеличилась на 331, а валовая — даже на 404%.

Правда, отчасти указанный рост прибылей и заработной платы объясняется падением курса рубля. Из приведенных выше цен суточного пище-

вого пайка[1] в Петербурге видно, что покупательная сила рубля на внутреннем рынке по отношению к предметам питания упала за время войны довольно значительно: к концу 1915 г. она составляла лишь 72%, а еще через год — уже только 52% довоенной нормы[2]. Но все это падение курса далеко не покрывает вышеуказанного роста как заработной платы, так и в особенности прибылей. В самом деле, если даже учесть полностью падение покупательной способности рубля, то все же реальный заработок рабочего показывает увеличение за время войны на 32%, а реальный дивиденд предпринимателей — даже на 125%.

Как видим, пышный расцвет военной промышленности принес на первых порах пользу не только хозяйскому карману, но и рабочему желудку. С тою лишь разницей, что рабочему вскоре предстояло дорогою ценою расплатиться за кратковременное улучшение своей участи: перед ним уже реял в кровавом тумане призрак тяжелой безработицы и жестокого голода в связи с неизбежной демобилизацией военной промышленности, ничего не создававшей, кроме орудий смерти и разрушений, в то время как хозяева, накопившие за время войны ценою потоков крови и разорения страны огромные богатства, и с прекращением войны могли ожидать, если бы их не пристукнула революция, лишь дальнейшего обогащения за счет предстоящего после заключения мира повышения курса всякого рода накопленных ими ценностей.

Таблица 20

Чистая прибыль (дивиденд) по отдельным отраслям промышленности
(в % к основному капиталу)

Группа производств	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Обработка кож (2 предприятия)	12,4	33,3	116,9	148,1
Обработка волокна (4 предприятия)	12,0	15,5	67,9	96,2
Обработка металла (6 предприятий)	10,4	18,6	28,5	79,5
Химическое производство (6 предприятий)	27,6	31,5	51,0	49,6
Прочие производства (3 предприятия)	13,6	12,2	23,1	47,6
В среднем . . .	17,3	22,5	41,0	65,2

В табл. 20 мы видим, как быстро росли военные прибыли петербургских фабрикантов в общих итогах для всех ответивших предприятий.

Как видим, норма прибыли возросла за три года по всем предприятиям почти в 4 раза, хотя и для 1913 г. считать ее особо скромной не приходится[3]. Но это — средний прирост прибыли; в предприятиях же, работающих специально на военные нужды, по заказам интендантства и т. п. учреждений, прибыли достигали гораздо более высокой нормы, например, у Лангензипена — 150%, на Соединенных кабельных заводах — 167, на Кулетинской мануфактуре — 170, на фабрике Кебке — до 190, на кожевенном заводе Осипова — даже 1457% (1166 тыс. руб. чистой прибыли при основном капитале в 80 тыс. руб.).

Цифры почти невероятные. Но, знакомясь ближе с данными анкеты,

[1] Состав пайка: 1,5 фунта черного хлеба, 0,5 фунта белого, 0,25 фунта пшена, 0,5 фунта мяса, 0,33 фунта жиров, 1,5 фунта картофеля и 0,125 фунта сахару.

[2] На внешнем рынке русский рубль к 1 января 1917 г. стоил: в Нью-Йорке на золото — 52 коп., в Лондоне — 58 коп.

[3] Средняя норма прибыли для всех акционерных предприятий в России за 1913 г., по официальным данным отчета, не достигала и 7%, для 1914 г. она была показана еще ниже — 5%.

приходится и их считать явно преуменьшенными. В самом деле, чистая прибыль, или дивиденд, это лишь та часть прибыли, которая остается за всеми отчислениями из валовой прибыли в капитал погашения орудий производства, в разного рода запасные капиталы на случай возможных в будущем убытков, на стотысячные тантьемы директорам-распорядителям из числа влиятельнейших акционеров и т. п. нужды. Как росла валовая прибыль за указанные годы видно из табл. 21.

Таблица 21

Валовая прибыль
(в % к основному капиталу)

Группа производств	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Обработка металла	31,8	57,4	120,7	269,6
» кожи	66,0	89,8	194,1	254,7
» волокна	81,5	77,3	169,9	233,9
Химические производства . . .	44,0	55,3	84,2	94,7
Прочие	19,5	19,6	37,9	71,9
В среднем по 21 предприятию	37,8	53,1	100,1	166,1
Излишек сверх чистой прибыли	20,5	30,6	59,1	100,9

Как видим, отчисления в разные капиталы росли еще быстрее, чем дивиденд. Спрашивается, почему же это и на какие именно нужды? На погашение основного капитала? Но ведь на эту цель обычно отчисляется 5—10, а не 50—100% [1]. Допустим, что, ввиду падения курса рубля за время войны, нужно и эти отчисления исчислять в довоенной, золотой валюте.

Исходя из данных по всей акционерной промышленности, заключаем, что за норму отчисления в капитал погашения можно принять 10% основного капитала в золотом исчислении, а между тем они возросли к 1916 г. до 100%. Чем же объяснить столь несоразмерный рост этих отчислений? Да, очевидно, не чем иным, как необходимостью как-нибудь утаить от общественного внимания и податного надзора слишком чрезмерный процент дивиденда.

В самом деле, если бы все отчисления, сверх дивиденда, производились ежегодно примерно в той же норме 1913 г., то мы получили бы такой темп роста чистой прибыли в золотом исчислении:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
1. Основной капитал млн руб.				
в текущей валюте	72,4	72,5	72,5	82,9
в золотой »	72,4	72,5	72,5	77,9
2. Валовая прибыль, млн. руб.				
в текущей валюте	27,3	38,5	72,6	137,8
в золотой »	27,3	38,5	52,6	71,8
3. Нормальное отчисление (10%)	7,2	7,3	7,3	7,8
4. Остаток чистой прибыли, в млн. руб. . .	20,1	31,2	45,3	64,0
Остаток чистой прибыли, % к основному капиталу	27,8	43,0	62,5	77,2

[1] По официальным отчетам акционерных предприятий всей России, все отчисления из валовой прибыли (сверх дивиденда) составляли в 1912 г. 9,4%, в 1913 г.—10,1, в 1914 г.— 10,7% основного капитала. («Ежегодник Министерства финансов», вып. 1916 г. СПб., 1917).

Разумеется, норма прибыли в 77% могла бы показаться чрезмерной даже буржуазному правительству, и, чего доброго, частью этой прибыли пришлось бы кое с кем поделиться. Вот почему само благоразумие диктовало хозяевам тактику сокращения дивиденда за счет разных отчислений. т. е. по существу за счет накопления разного рода резервных капиталов предприятий.

Мы помним, как в первые месяцы после революции петербургские фабриканты горько жаловались на своих рабочих, требовавших увеличение заработной платы. Хозяева уверяли, что они и без того накануне разорения. Насколько соответствовали истине эти уверения, можно видеть из вышеприведенных данных о норме прибылей за последний год перед революцией. По самому скромному расчету, исходя из приведенных данных нетрудно исчислить, что норма прибавочной стоимости, т. е. чистый доход, извлекаемый хозяином на каждые 100 руб. выплаченной им заработной платы, составляла:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
1. Остаток чистой прибыли, млн. золотых руб. (m)	20,1	31,2	45,3	64,0
2. Фонд заработной платы, в млн. руб.				
в текущей валюте	12,5	14,4	23,9	47,0
в золотой » (v)	12,5	14,4	17,3	24,5
3. Норма прибавочной стоимости ($m : v$)	160,8	216,7	261,8	261,2

На каждую сотню рублей заработка рабочий приносил своему хозяину по меньшей мере 260 руб. чистой прибыли. Вот как «разоряли» рабочие своих хозяев.

Конечно, такие доходы возможны были даже при господстве капиталистической эксплуатации лишь в условиях мировой войны — за счет высочайшего напряжения всех ресурсов страны, за счет бесплодной гибели миллионов трудящихся на поле брани, и не только за счет эксплуатации наличного населения, но и ценою порабощения грядущих поколений, которым пришлось бы много десятилетий расплачиваться за «грехи» родителей, погашая миллиарды военных займов.

Господа капиталисты, собирая свои военные прибыли, накопляли цену крови. Но это была хорошая цена, а потому они не щадили крови — чужой, конечно,— и в порыве патриотизма готовы были воевать до «победного» конца — без конца.

Однако всему бывает конец. Наступил конец и терпению серого пушечного мяса в окопах и за станками. Удары Февральской и Октябрьской революций прорвали фронт мировой войны и надломили мощь отечественной буржуазии. Недавние наши патриоты еще разоряют собственную страну при благосклонном содействии благожелательных иностранцев. Но и эта последняя война уже при последнем издыхании. Отечественная буржуазия не имеет более оснований жаловаться на «разоряющих» ее рабочих, ибо она уже лишена возможности собирать с них жатву пота и крови.

А как ей должно быть это прискорбно!

Ведь богатая эта была жатва и дорога ее цена... Цена крови...

3. УЩЕРБ В ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА, ВЫЗВАННЫЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ И БЛОКАДОЙ [1]

Оценивая понижение продуктивности наших промышленных предприятий, следует различать прежде всего две основные причины такого понижения: во-первых, понижение нормы использования рабочего времени и, во-вторых, понижение нормы производительности эффективного труда.

[1] «Вестник труда», 1921, № 3.

Обе эти рубрики, в свою очередь, распадаются на ряд подразделений весьма существенного значения, ибо одни из них находятся в теснейшей связи с последствиями гражданской войны и блокады, а другие — нет.

Начнем с исследования нормы использования рабочего времени. Она может понизиться вследствие увеличения числа праздников и сокращения нормального рабочего дня, за счет увеличения простоев и прогулов, за счет расширения дополнительного отдыха путем отпусков, за счет увеличения заболеваемости и целого ряда других, менее важных факторов, например, вследствие отвлечения части рабочих от производительной работы к выполнению функций представительства интересов своих товарищей в различных заводских организациях, вследствие учащения забастовок и т. д.

Спрашивается, какие же из перечисленных обстоятельств имели место в действительности и какова доля влияния на общий результат каждого из них, взятого в отдельности?

Средний номинальный рабочий год русского фабрично-заводского предприятия по массовому обследованию 1900 г., охватившему свыше миллиона рабочих, составлял всего 264 рабочих дня. На праздники, стало быть, приходилось до 101 дня [1]. За время мировой войны 1914—1916 гг. рабочий год предприятия у нас, по-видимому, несколько увеличился. По массовым данным Москвотопа для центральнопромышленных губерний он достигал в 1914 г. 268, в 1915 г.— 271 и в 1916 г.— 276 дней, в среднем 272 дня, стало быть, на праздники в эти годы падает на круг около 93 дней [2]. После Октябрьской революции по нормам советского законодательства рабочий год увеличен до 300 дней. Число легальных праздников, таким образом, составляет около 65 в год. Фактически же празднуют у нас за последнее время еще меньше, так как и часть праздничного времени используется — с оплатой в полуторном размере — для сверхурочной работы. Так, по данным ЦСУ, число фактически использованных праздников за сентябрь — декабрь 1919 г. по шести губерниям составляло 4,2 дня в месяц, что дает всего 50 дней на 1 рабочего в год [3].

Таким образом, за счет увеличения праздников после революции никакого понижения нормы использования рабочего времени не произошло.

Правда, советское законодательство наряду с праздничным отдыхом установило еще право двухнедельного отпуска для всех трудящихся, благодаря чему легальный срок отдыха повышается для каждого работника с 65 до 77 дней в год, а легальный рабочий год соответственно сокращается до 288 дней. Но и за этим сокращением мы имеем все же после революции на 16 дней, или 6%, более длинный рабочий год, чем в 1914—1916 гг. (272 дня). К этому еще нужно прибавить, что фактически на легальные отпуска, по данным конца 1919 г., падало всего 0,3 рабочих дня в месяц, что дает меньше четырех дней в год на каждого рабочего вместо 12. Говоря иначе, можно думать, что значительная часть рабочих пока еще не пользовалась по разным причинам своим правом отпуска [4].

Средний рабочий день фабрично-заводских рабочих в России без сверхурочных составлял, по имеющимся статистическим данным, для всей России в 1904 г. 10,5 час., в 1905 г.— 10, в 1913 г.— 9,7 часа. За более позднее время у нас нет всероссийских данных. Но для Петроградской губернии мы имеем в 1914 г. 9,5 часа, в 1916—9,3 часа. Для всей центральной области, по данным Москвотопа в 1916 г., получаем опять-таки ту же

---

[1] А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 112.

[2] «Статистика труда», 1919, № 8—10, стр. 10.

[3] Г. С. Полляк. Работа и прогулы в фабрично-заводских предприятиях. «Бюллетень ЦСУ», 1920, № 25. Этот вывод вполне подтверждается и данными НКТ за сентябрь — февраль 1919—1920 гг.

[4] «Бюллетень ЦСУ», 1920, № 25. Данные по 5 губерниям, за сентябрь — декабрь 1919 г.

цифру — 9,3 часа в день Эту норму можно принять за среднюю перед революцией. Конечно, оно заметно удлиняется сверхурочными работами, которые в связи с военными заказами получили к концу войны в петроградской оборонной промышленности особенно сильное распространение. В центральнопромышленном районе за 1914—1916 гг. сверхурочные работы составляли в среднем до 0,2 часа в день, в Петроградском в 1914 г.— 0,8 часа, давая вместе с урочными 10,1 часа труда в день. Февральская революция уже в марте 1917 г. сократила эту норму до 8,4 часа для всей петроградской промышленности. В Московском районе за первое полугодие 1917 г. мы имеем еще среднюю норму 9,2 урочных часа, но во втором полугодии и здесь она сокращается до 8,4 часа без сверхурочных и 8,5 часа, включая сверхурочные. Октябрьская революция декретировала 8-часовой рабочий день, и, как показывают имеющиеся цифровые данные по Петроградскому и Московскому промышленным районам, этот декрет сразу вошел в жизнь в полной мере. В 1918 г. рабочий день, даже включая сверхурочные работы, колеблется из месяца в месяц от 7,9 до 8,2 часа, давая в среднем для всех видов фабрично-заводского труда не более 8 час. в день [1]. Лишь к концу 1919 г., в связи с нуждами войны, эта норма вновь повысилась в Советской России за счет сверхурочных работ до 8,3 часа, а в январе — марте 1920 г.— до 8,6 часа в день [2]. Таким образом, оставляя в стороне сверхурочные работы, мы можем отметить сокращение нормального рабочего дня с 9,3 до 8 час., т. е. на 14%.

По русскому опыту 1897 г. можно считать, что такое сокращение рабочего дня должно было бы вызвать значительное повышение успешности труда, способное сразу же уравновесить до 60% этого сокращения [3]. Значит, декрет о 8-часовом рабочем дне в худшем случае мог бы понизить дневную выработку рабочих на 5—6%. Принимая же в расчет одновременное сокращение праздничного отдыха, повышающее рабочий год с 272 минимум до 288 (с учетом отпуска), а то и до 310 дней по фактическому использованию дней отдыха, т. е. на 6—14%, приходится заключить, что советское рабочее законодательство само по себе вызвать понижения успешности труда отнюдь не могло.

Гораздо важнее в этом отношении увеличение простоев и прогулов рабочих, вызванное условиями переживаемого момента.

Простои рабочих в довоенное время были совершенно исключительным явлением. Неявки по болезни, по материалам больничных касс за 1913—1916 гг., не превышали 7,4 дня в год. Прочие неявки, по данным Москвотопа, исчисляются в 16,6 дня в году. После революции, в связи с расстройством транспорта, недостатком сырья и топлива и продовольственными затруднениями, картина резко изменилась. И в общем распределение рабочего года среднего рабочего, по новейшим данным Наркомтруда, к началу 1920 г. претерпело изменения (табл. 22).

Как видим, заболевания увеличились в $2^1/_4$ раза, а прочие неявки даже утроились. Если же сюда еще прибавить и простои, то в общем теперь рабочий по этим статьям теряет в год до 124 дней, т. е. в пять раз больше, чем до войны. Но вследствие сокращения числа дней отдыха, общее сокращение работы, выраженное в днях, составляет лишь 25% прежней нормы. А если выразить его в часах, учитывая урочную и сверхурочную работу, то получим сокращение рабочего года с 2530 до 1600 час., т. е. на 930 час., или 37%.

Влияние революции на использование рабочего времени можно усматривать в том, что она сократила рабочий день с 10,1 до 8,6 час., т. е. на

[1] «Материалы по статистике труда Северной области», вып. 3, 1919, стр. 62; «Материалы по статистике труда», вып. 6, 1919, стр. 51.

[2] По неопубликованным данным Народного Комиссариата труда.

[3] С. Струмилин. К вопросу о нормировке рабочего дня в России. «Познание России», 1909, № 3, стр. 30—32.

Распределение рабочего года
(в днях)

	До революции	После революции	Изменения в днях	Изменения в %
1. Простои	?	53	+53	?
2. Болезни	7,4	19	+11,6	157
3. Прочие неявки	16,6	52	+35,4	214
Итого	24	124	+100	416
4. Отдых	93	55	— 38	41
5. Работа	248	186	— 62	25
Всего	365	365	—	—

1,5 часа в день, что составит при умножении на 186 дней 279 час. в год, но если учесть одновременное увеличение работы за счет сокращения праздников на 38 дней, или 327 час., то получится даже некоторый выигрыш рабочего времени — в 48 час. Говоря иначе, без сокращения рабочего дня и праздничного отдыха, но при тех же простоях и прогулах, рабочий год сократился бы не на 37, а на 40,2%.

Таково влияние революционного законодательства и практики в области регулирования рабочего времени.

Что же касается простоев, прогулов и прочих неявок, то отнесение их хотя бы в части за счет революции было бы по меньшей мере спорным. Поскольку простои вызываются отсутствием сырья и топлива, решающее значение блокады и гражданской войны, отрезавших нас от источников этих материалов, на создание простоев очевидно. Увеличение заболеваний и прочих неявок связано прежде всего с голодом, отлучками за продовольствием и т. п. причинами, связь которых с войной и блокадой не менее ясна и очевидна.

Подкармливая в меру сил наиболее голодных и водворяя всеми мерами революционного воздействия дисциплину труда в промышленности, рабочая власть, несомненно, в значительной степени уменьшает влияние вышеуказанных причин. Без нее, при наличии того же голода, болезни и прогулы, вероятно, достигли бы еще более высокой нормы, ибо если уж рабочий не находит сил и усердия работать для укрепления своего собственного классового господства, то работать на потребу хозяина при тех же условиях он во всяком случае не смог и не захотел бы.

Таким образом, понижение нормы использования рабочего времени за счет прогулов и простоев приходится отнести полностью за счет влияния последствий гражданской войны и блокады.

Переходя к учету падения часовой выработки рабочего, мы можем привести следующие данные. По обследованию петроградской статистики труда, в декабре 1918 г. *часовая* производительность среднего рабочего по всем обследованным производствам составляла 64% довоенной нормы[1]. Данные текущей статистики за весь 1919 г. по целому ряду петроградских заводов дали в среднем 66,9%. Аналогичные цифры давали монографические обследования производительности разных предприятий и в других *областях России.* Суммарных итогов для всей России мы не имеем. Но в общем можно считать, что в среднем для всех видов промышленного труда часовая выработка упала по меньшей мере на 35%.

[1] С. Струмилин. Производительность труда после революции. «Новый путь», 1919, № 1—2.

За счет каких же причин произошло это падение? Напомним, что по экспертным оценкам петроградской анкеты 1918 г. общее падение производительности можно распределить по отдельным причинам следующим образом:

	%
Истощение организма	44
Падение дисциплины труда	21
Переход к поденной оплате	19
Дефекты организации труда	6
Ухудшение сырья	6
Износ оборудования	4
Итого	100

В качестве главнейшей причины все показания отмечают голод рабочего. Но и вторая по значению причина — падение дисциплины, выражающееся в массовых опозданиях, отлучках с работы и прочих видах манкирования,— в последнем счете сводится к тому же голоду. Истощение организма — вот объективная причина различных проявлений «лени». В конце 1918 г. ее в значительной степени связывали еще с поденной формой оплаты. Но с тех пор сдельные и премиальные формы оплаты вновь стали господствующими в неменьшей степени, чем до революции. Тем не менее, поскольку основная причина малоуспешности работы, т. е. голод, сохранилась, повышение выработки в среднем приходится признать весьма незначительным. Голод есть прямое следствие войны и блокады. Ухудшение сырья и износ оборудования тоже приходится поставить в счет тех же основных причин. Лишь дефекты организации труда как естественное, хотя и временное следствие перехода к новым формам хозяйства можно бы поставить в счет революции. Но, как видим, даже отнюдь не «коммунистически» настроенные агенты предпринимателей, дававшие ответы на вышеуказанную анкету, оценили относительную роль этой причины едва в 6% общего итога влияний.

Разумеется, влияние голода неравномерно распределяется на разные виды труда и разные группы трудящихся. Тяжкий труд и группы наиболее низкооплачиваемых рабочих в условиях голода наименее производительны. Легкий труд, или лучше оплачиваемый, легче переносит голод и менее теряет в производительности. Для подтверждения сказанного сошлемся на конкретные цифры петроградского обследования 1918 г.

Обследовано было 119 различных работ, которыми было занято 1056 рабочих. Все они работали сдельно. Среднее падение часовой производительности для них составляло 16% нормы 1914 г., но на разных работах наблюдались следующие колебания этого процента:

	%
Тяжелые — ручные работы	20,3
Средние — машинные	14,4
Легкие — полуавтоматы	10,5
В среднем	16,0

На тяжелых работах падение успешности оказалось вдвое больше, чем на более легких. Соотношение же между нормой обеспечения рабочего заработком и падением успешности его труда в условиях голода дает следующие цифры того же обследования:

Тарифная группа	Норма	Падение производительности, %
IV	100	18,3
III	122	8,8
II	139	8,5
I	155	6,7
В среднем		16

Решающее влияние голода на производительность труда может быть еще иллюстрировано следующими данными. Суточная норма питания взрослого городского рабочего, по бюджетным обследованиям дореволюционного времени, составляла 3820 больших калорий (1908—1916 гг.). К началу же 1919 г., по обследованию Народного Комиссариата труда, эта норма упала до 2680 калорий в сутки, т. е. на 30%. К началу 1920 г. новое обследование Центрального статистического управления обнаружило некоторое улучшение питания рабочих, которое достигало уже с поправками на величину «полного работника» для сравнимости с нормами НКТ 2980 калорий в сутки, что составляет 111% нормы 1919 г., или 78% норм мирного времени. Тем не менее, если считать нынешнее питание рабочего в среднем достигающим 2830 калорий, то при сопоставлении этой нормы с дореволюционной, за вычетом из них минимума, необходимого для поддержания жизни без всякой работы, т. е. 2000 калорий (проф. Словцов), получим следующее соотношение. Суточное число калорий, расходуемых на работу, составляло:

	Калории	%
До революции . . .	1820	100
В 1919/20 г.	830	45,6

Из приведенных данных явствует, что вследствие одного лишь недоедания суточная производительность русских рабочих должна бы упасть, по меньшей мере, на 54%. А между тем она упала по совокупности всех причин только на 35%.

Чем же можно объяснить это несоответствие? Очевидно, русский рабочий работал лучше, чем ему позволяло его питание, истощая свои старые запасы, истощая свой организм и тем самым уменьшая свою работоспособность на будущие времена. Значит, не лень, а повышенное усердие, как и следовало ожидать, вызвала к жизни в русском рабочем пролетарская революция. И, как видно из приведенных цифр, это повышенное усердие с лихвой покрывает собою те неизбежные организационные дефекты, какие без этого могли бы несколько понизить успешность его труда.

Таким образом, все фактическое падение производительности целиком мы должны объяснить исключительно влиянием войны и блокады.

В каких же цифрах может быть исчислен соответствующий ущерб?

Русский рабочий использует в настоящее время в часах лишь 63% своего прежнего рабочего года, причем часовая его производительность не превышает 65% прежней. Значит, общая годовая его выработка равна 0,63 × 0,65, что равняется 0,41 нормы мирного времени. Но полная выработка, т. е. вся чистая производительность русского фабрично-заводского рабочего, по данным 1913 г., оценивалась в 635 руб. золотом. Стало быть, средняя потеря в производительности составит 59% этой суммы, или 375 руб. на каждого рабочего в год. По весьма неполному учету профсоюзов, в советской промышленности к апрелю 1920 г. числилось более 1575 тыс. рабочих. Считая за 2 года гражданской войны, такая армия труда потеряла в производительности не менее 1180 млн. руб.

В области железнодорожного транспорта у нас занято было к маю 1920 г., по данным союза железнодорожников, свыше 1270 тыс. работников, а по данным Продпути и того больше — свыше 1,5 млн. работников. Успешность труда в связи с особенно крупными разрушениями и изношенностью средств транспорта за время гражданской войны понизилась здесь более чем где-либо. По расчетам специалистов, если исходить из из нормы 1913 г. и нынешней длины эксплуатационной сети, нам нужно было бы для всей этой сети не больше 682 тыс. работников, т. е. менее половины того числа, которое мы сейчас кормим. Успешность же работы

на 1 версту сети измерялась в 1913 г. 18 поездо-верстами в сутки, а в 1919 г.— только шестью [1].

Таким образом, по расчету на одного рабочего она сократилась, по меньшей мере, в шесть раз и составляет не более 16,7% нормальной.

Состав железнодорожников квалифицированнее, чем в промышленности, а заработок и чистая производительность выше. Но, если даже исходить из той же цифры в 635 руб., то общий ущерб за 2 года гражданской войны на $1^1/_2$ млн. железнодорожников составит до 1590 млн. руб.

В области водного и местного транспорта, в строительном деле, а также в учреждениях разного рода занято более 2,5 млн. рабочих и служащих. У нас нет данных о норме падения производительности в этих областях труда. Но исходя из того, что питание служащих в массе стоит даже ниже питания рабочих, надо думать, что успешность их труда не слишком сильно отличается от успешности труда рабочих. Допустим, однако, что для этих групп труда она упала лишь до 50% нормы мирного времени. И пусть чистая производительность их не ниже средней нормы фабрично-заводского рабочего. В таком случае ущерб за 2 года составит до 1580 млн. руб.

Что касается главной массы сельскохозяйственного труда, где занято не менее 20 млн. чел., то питание в этой отрасли труда несравненно выше, чем у городских рабочих. Тем не менее из-за лишений в связи с мобилизациями рабочего скота, изношенности инвентаря, отвлечения на войну наиболее сильных работников и целого ряда других причин того же порядка успешность труда и здесь испытала значительное понижение. По крайней мере, площадь посева на одного человека в сельском хозяйстве с 1917 по 1919 г. сократилась за 2 года на целых 24%. За последний год это сокращение достигло, по-видимому, еще более значительной цифры. Но если считать, что в среднем успешность труда в сельском хозяйстве упала только на 25% и что чистая производительность одного работника здесь вдвое ниже нормы городских рабочих, то общий итог ущерба за 2 года составит на 20 млн. работников в сельском хозяйстве 6350 млн. руб.

Таким образом, для всех главнейших отраслей труда получаем следующий итог ущерба за 2 года гражданской войны:

	Млн. руб.
Промышленность	1 180
Железнодорожный транспорт	1 590
Прочие виды городского труда	1 580
Сельское хозяйство	6 350
Итого	10 700

Указанную цифру надо считать минимальной прежде всего потому, что гражданская война длилась не 2, а по меньшей мере 2,5 года. А затем и общая цифра трудящегося населения в России, несомненно, гораздо выше принятой в наших примерных расчетах.

Предстоящее в ближайшем будущем опубликование предварительных итогов, недавно законченных профессионально-демографической и промышленной переписи, позволит внести необходимые поправки в вышеприведенное исчисление ущерба. Эти поправки могут оказаться весьма значительными. Но надо думать все же, что они лишь увеличат вышеприведенный, чрезвычайно осторожно исчисленный итог в 10 млрд. руб.

---

[1] И. Вегер. Сравнительные данные о положении железнодорожного транспорта. «Известия ВЦИК», 1920, № 132.

V. ДИНАМИКА ЦЕН ЗА 1918—1922 гг.

1. ДВИЖЕНИЕ ЦЕН И ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА [1]

Изучение движения цен в стране представляет для тарификатора интерес громадной практической важности. Тарификатор должен постоянно следить как за общим темпом возрастания цен по всей стране, так и за пределами расхождения местных цен в каждый данный момент.

Таблица 23

Рыночные цены пищевого пайка
(в относительных цифрах)

	Движение цен пайка			
	по Москве		по Петербургу	
	цены	прирост за месяц, %	цены	прирост за месяц, %
1	2	3	4	5
1913 г.	1	—	1	—
1914 г.	—	—	1	0
1915 г.	—	—	1,2	+20
1916 г.	1,7	—	1,5	+25
Январь 1917 г.	2,5	+47	2,0	+33
Февраль 1917 г.	2,8	+12	2,5	+25
Март 1917 г.	3,0	+ 7	2,8	+12
Апрель 1917 г.	3,1	+ 3	2,9	+ 4
Май 1917 г.	3,9	+26	3,5	+21
Июнь 1917 г.	4,4	+13	3,7	+ 6
Январь 1918 г.	23,2	—	—	—
Февраль 1918 г.	30,3	+31	—	—
Март 1918 г.	36,3	+20	—	—
Апрель 1918 г.	51,0	+40	—	—
Май 1918 г.	65,2	+28	110	—
Июнь 1918 г.	78,3	+20	122	+11
Июль 1918 г.	103	+32	168	+38
Август 1918 г.	106	+ 3	167	— 1
Сентябрь 1918 г.	89	—16	177	+ 6
Октябрь 1918 г.	109	+23	196	+11
Ноябрь 1918 г.	121	+11	220	+12
Декабрь 1918 г.	170	+40	344	+56
Январь 1919 г.	239	+40	400	+16
Февраль 1919 г.	285	+19	379	— 5
Март 1919 г.	401	+41	598	+58
Апрель 1919 г.	441	+10	739	+24
Май 1919 г.	407	— 8	845	+14
Июнь 1919 г.	589	+45	993	+17
Июль 1919 г.	822	+40	2240	+126
Август 1919 г.	785	— 4	1504	—33
Сентябрь 1919 г.	888	+13	—	—

[1] «Экономическая жизнь», 18.XII 1919, № 284.

Возьмем хоть такой вопрос.

Существует мнение, что цены продуктов в точности отражают колебания тарифных ставок. Повышается, скажем, тариф заработной платы вдвое и тотчас же вслед за этим удваиваются цены всех продуктов, откуда делается вполне последовательный вывод, что никакое повышение тарифа не может облегчить положение трудящихся.

Если предпосылка верна, то вывод не подлежит спору. Спрашивается, однако, насколько подтверждается фактами эта предпосылка?

Обращаясь к статистике цен, можно сказать смело, что предпосылка эта вовсе не соответствует фактам. А именно: цены на все продукты действительно растут неудержимо по всей стране, но растут они совершенно независимо от повышения тарифов.

В табл. 23 показано снижение цен на продукты питания, входящие в состав среднего пищевого пайка рабочего по городам Москве и Петербургу.

Данные табл. 22 показывают, что рост цен начался еще до революции. Но до революции он протекал еще сравнительно медленным темпом, давая до 20—25% прироста за год. После революции за последние 1,5—2 года соответствующий прирост цен приходится уже не на год, а на месяц. Анализируя прирост цен по отдельным периодам, можно отметить, что в первые месяцы после Февральской революции, несмотря на резкое увеличение заработков за это время, прирост цен даже несколько замедлился по сравнению с последним месяцем до революции. Наиболее резкий прирост цен, по-видимому, имел место за второе полугодие 1917 г. в Москве, например, с июня 1917 г. по январь 1918 г. цены возросли за 7 месяцев в 5,3 раза, или на 427%, тогда как тарифные ставки за то же время в лучшем случае лишь удвоились. Отсюда нетрудно заключить, что указанный резкий скачок цен отнюдь не приходится связывать с увеличением тарифных ставок. Что же касается последующего периода, за который уже четырежды имела место одновременная ломка тарифов (1 июня и 1 сентября 1918 г., 1 февраля и 1 сентября 1919 г.), то средний ежемесячный прирост цен за соответствующие тарифные периода изменялся следующим образом (в %):

	В Москве	В Петербурге
Июнь — август 1918 г.	18,3	15,3
Сентябрь — январь 1918/19 г.	19,6	20,2
Февраль — август 1919 г. . . .	20,3	28,7
Июнь 1918 г. — август 1919 г. .	19,7	23,2

Как видим, темп возрастания рыночных цен несколько ускоряется — медленнее в Москве, быстрее в Петербурге, но в общем этот темп все же несравненно медленнее того резкого скачка, какой мы выше отметили за вторую половину 1917 г.

Какую же зависимость можно усмотреть между вышеуказанным движением цен и повышением тарифных ставок?

Петербургский рынок, наиболее оторванный от всех других, мог бы отразить эту зависимость (если бы она была) особенно ярко. Но что же мы видим? Ставки повышались прыжками, а цены росли непрерывно, ставки с мая 1918 г. по сентябрь 1919 г. выросли только в 7 раз (с 260 до 1800 руб. для чернорабочего), а рыночные цены — в 14 раз, причем, несмотря на столь быстрый рост последних, на месяцы, непосредственно следующие за повышением ставок, падает лишь ничтожная доля общего прироста цен. В самом деле, вот что говорят цифры табл. 24.

Итак, непосредственно вслед за повышением ставок соответствующего ему повышения цен не наблюдается.

Понять это, разумеется, нетрудно.

Таблица 24

Сопоставление ставок и рыночных цен за 1918—1919 гг.

Месяц и год ломки тарифов	Прирост максимальных ставок, %		Прирост рыночных цен за месяц, %	
	в Москве	в Петербурге	в Москве	в Петербурге
Июнь 1918 г.	?	+ 38	+20	+11
Сентябрь 1918 г.	+17	+ 39	—16	+ 6
Февраль 1919 г.	+43	+ 44	+19	— 5
Сентябрь 1919 г.	+100	+150	+13	?

Конечно, при наличной системе бумажно-денежного обращения каждый новый выпуск денежных знаков на рынок, увеличивая общую их сумму в обращении при неподвижном или даже падающем обороте ценностей, неизбежно будет взвинчивать цены или, что то же, понижать курс рубля. Но разве, если мы удваиваем ставки, количество денежных знаков в обращении тоже удваивается?

Вовсе нет.

Ежемесячно выплачиваемые суммы заработной платы, несмотря на всю их значительность, совершенно ничтожны по сравнению с общим итогом денежных знаков, выпущенных в обращение за все предыдущее время как на оплату труда, так и на военные расходы и прочие нужды страны.

К моменту Октябрьской революции, например, в обращении уже находилось до 16 млрд. кредитных рублей, а месячный заработок 3 млн. русских рабочих, считая на круг рублей по 200, едва достигал 0,6 млрд. Значит, ежемесячная прибавка кредитных знаков, необходимых для оплаты труда, увеличивала общее их количество в обращении процента на 4 или около того. Теперь на оплату наемного труда в Советской России ежемесячно расходуется, вероятно, раз в 10 больше, но зато и сумма денежных знаков в обращении за истекшие 2 года, надо думать, возросла в соответствующей же пропорции [1].

Таким образом, если бы даже курс рубля находился в полном соответствии с количеством денежных знаков, выпущенных в обращение, то удвоение ставок выбросило бы на рынок всего 3—4% лишних знаков по сравнению с уже выпущенной в оборот суммой и прирост дороговизны не превысил бы указанного процента, т. е. при удвоении номинального заработка реальный, правда, не удвоился бы, но все же возрос бы процентов на 92 или около того.

На самом деле, однако, курс рубля падает, по-видимому, несколько медленнее суммы денежных знаков, выпущенных в обращение (табл. 25).

Рост дороговизны в Петербурге, несомненно, был интенсивнее, чем где-либо в провинции, и все же этот рост дороговизны шел вдвое медленнее выпущенных в обращение сумм.

Объясняется это, вероятно, тем, что значительная часть этих сумм извлекалась из обращения крестьянством, накопляясь в виде неподвижных сбережений в разного рода деревенских «банках» в виде коробок из-под монпасье и тому подобных кубышек.

Процесс этого извлечения происходит и ныне. За неимением возможности реализовать свой денежный доход крестьянство волей-неволей накопляет его в форме сокровищ. Вот почему ныне совсем не редкость услышать рассказ о какой-нибудь подмосковной молочнице, обладательнице 1,5 млн. кредитных рублей, которая сама даже сосчитать своих «сокровищ» не в состоянии без помощи приглашенной по секрету счетчицы

[1] К 1 октября 1919 г.— 144 млрд., к 1 декабря 1919 г.— 185 млрд.

Таблица 25

Соотношение между суммой денежных знаков в обращении и ростом дороговизны

Даты	Сумма кредитных рублей, выпущенных в обращение в России		Рост дороговизны в Петербурге
	в млн. руб.	в отн. цифрах	
1	2	3	4
1 июля 1914 г.	1 630	1	1
1 января 1915 г.	3 030	1,9	1
1 января 1916 г.	5 622	3,5	1,3
1 января 1917 г.	9 133	5,6	2,0
1 февраля 1917 г.	9 439	5,8	2,5
1 марта 1917 г.	9 997	6,1	2,8
1 апреля 1917 г.	10 980	6,7	2,9
1 мая 1917 г.	11 457	7,0	3,5
1 июня 1917 г.	12 185	7,5	3,7

из города, и о тому подобных доморощенных «миллионерах». Конечно, нынешний миллион на Сухаревке стоит всего пудов 150 хлеба или ведер 400 молока, но важно то, что эти миллионы постоянно извлекаются с Сухаревки и хранятся мертвым капиталом в кубышках, не появляясь снова и снова на той же Сухаревке наряду с новыми выпусками свеже отпечатанных бумажек.

Естественно, что при таких условиях падение курса рубля должно значительно отставать от роста сумм, выпускаемых в обращение. И если это не всегда имеет место, то причинами тут обычно являются наши временные политические или военные неудачи, затруднения в транспорте и тому подобные, так сказать, посторонние состоянию финансов обстоятельства.

Как бы то ни было, но курс рубля неизменно падает, и пересмотр тарифов от времени до времени является совершенно неизбежным. Спрашивается, в каком же порядке и когда именно их надлежит пересматривать?

Ответ на это, разумеется, должна дать статистика движения цен.

Если, например, тарифные ставки при пересмотре удваиваются, то такие пересмотры должны, очевидно, происходить не реже, чем происходит удвоение цен в стране. Причем, если такое удвоение цен происходит, скажем, раз в полгода, то ставки должны быть исчислены так, чтобы в первые 3 месяца действия тарифа они значительно превышали прожиточный минимум, а к концу шестого месяца были ниже его не более чем на 50%.

Определить момент пересмотра при указанных условиях не составило бы особой трудности. Но, разумеется, неудобства такой тарифной политики, посезонно ввергающей рабочего из крайности в крайность — от избытков заработка к крайнему его недостатку,— сами собой очевидны. Рабочий не привык делать сбережения на черные дни, а при падающей валюте такие сбережения к тому же были бы крайне убыточными, ибо обесценивались бы с каждым днем.

Вот почему самой идеальной тарифной политикой пришлось бы признать такую, которая обеспечит рабочему возможно устойчивый реальный заработок, несмотря ни на какие колебания цен. Проще всего это достигалось бы тем, что установленные тарифом ставки при каждой уплате заработка выплачивались бы с учетом курса рубля на местном рынке.

Поясним это примером.

Минимальная ставка для Москвы с 1 сентября 1919 г.— 1200 руб. Допустим, что к моменту первой уплаты заработка по новому тарифу,

т. е. к 15 сентября, цены на предметы первой необходимости и курс рубля остались неизменными, тогда заработок уплачивается в точности по тарифу — рубль за рубль. Но пусть к 3 сентября вследствие роста дороговизны, скажем, на 10%, курс рубля на московском рынке упал на соответствующую величину — тогда заработок выплачивается по курсу дня, т. е. с 10-процентной надбавкой на дороговизну. Рабочий получит при этом за две недели вместо 600 руб.— 660 и сможет на них купить столько же продуктов, сколько раньше купил бы за установленный тарифом минимум.

Конечно, для проведения в жизнь такой скользящей шкалы заработной платы необходима большая подготовительная организационная и статистическая работа. Во избежание злоупотреблений прирост дороговизны или соответствующий ему курс рубля должен бы определяться при этом вполне компетентным учреждением и с учетом не только рыночных, но и нормированных цен, взвешенных в надлежащей пропорции.

При таких условиях по мере натурализации заработной платы, т. е. по мере увеличения удешевленных и бесплатных выдач по карточкам, колебания рыночных цен оказывали бы все меньшее и меньшее влияние на средний «курс рубля» и общие нормы оплаты труда. Но и до того, независимо от каких бы то ни было колебаний цен, каждому рабочему посредством дополнительных выдач на дороговизну был бы вполне обеспечен твердый минимум заработной платы, неподверженный никаким случайностям. А сверх того и колебания цен происходили бы плавнее, так как вместо выбрасываемых ныне на рынок скачками громадных прибавок ставок прибавки на дороговизну имели бы место чаще, но в гораздо более скромных размерах.

Скользящая шкала заработной платы совершенно устранила бы необходимость в частых пересмотрах тарифного минимума и тарифных поясов. Но зато эти пересмотры можно было бы производить более основательным образом, с использованием данных бюджетных обследований и тому подобных статистических материалов.

Особенно серьезных принципиальных возражений против предлагаемой системы оплаты труда мы не предполагаем. Но практическая ее осуществимость, несомненно, может быть подвергнута большим сомнениям. Как исчислять сметы на оплату труда при скользящей шкале заработной платы? Как наладить достаточно своевременный и точный учет движения цен? Как поставить на должную высоту необходимый контроль текущих приплат на дороговизну? Все это довольно сложные вопросы, требующие еще надлежащего освещения и разработки. Однако и наиболее трудные из них, как мы надеемся показать в другой раз, вполне разрешимы.

Во всяком случае выдвинутая проблема заслуживает внимания тарификаторов. И надо думать, что они не оставят ее без серьезного обсуждения.

2. ДИНАМИКА ЦЕН И НАША ПРОМЫШЛЕННОСТЬ [1]

Мы указывали в печати на чрезвычайно характерный для переживаемого момента, хотя и довольно неожиданный факт попятного движения цен за июль—сентябрь 1921 г. [2]

Спрашивается, как же оценивать указанный поворот в движении цен? Временное ли это явление случайного порядка или длительное? И если длительное, то почему именно? Какие причины его вызывают, в какой связи они находятся с новым экономическим курсом и какие перспективы они открывают перед нами в области нашего денежного обращения?

---

[1] «Экономическая жизнь», 29.X 1921, № 243.

[2] См. нашу статью «Перелом в движении цен». «Экономическая жизнь», № 239, 25.X 1921.

Чтобы ответить на это, следовало бы прежде всего сопоставить движение цен с размерами выпусков бумажных денег за соответствующие периоды. Но мы вынуждены предпослать этому несколько предварительных замечаний.

С. А. Фалькнер для определения покупательной способности денег считает наиболее пригодными цены уездных рынков как средние между ценами в более крупных губернских центрах и в сельских местностях. Мне кажется, однако, что это было бы не совсем правильно. Мы видели уже, как резко расходится темп движения цен в губернских и уездных городах за разные периоды. Это ясно говорит, что мерилом среднего роста цен ни те, ни другие, взятые в отдельности, служить не могут. Отсюда вывод, что мерилом того среднего роста должны служить средние взвешенные цены и губернских и уездных рынков.

Конечно, желательно было бы учесть в этих средних и все своеобразие динамики сельских цен, какое может быть теоретически предусмотрено. Но, к сожалению, мы не имеем для этого ровно никаких фактических данных. К тому же большого своеобразия в движении сельских цен и теоретически допускать не приходится. Сельское население, как известно, всегда ориентируется в своих расценках на городские цены. Мало того, крестьянин очень неохотно и только по мелочам продает что-либо или покупает у себя в деревне. Большей же частью пользуется для этого поездками в город в базарные дни. А кроме того, если бы мы все же учли и сельские цены, то это, разумеется, понизило бы все наши средние индексы, но в числе их понизились бы и наши исходные индексы для 1913/14 г., от которых мы должны отправляться. Значит, поскольку нас интересует общее возрастание цен в *относительных* величинах, такое пропорциональное понижение всех индексов не имеет для нас никакого значения.

Для 1913/14 г. у нас нет возможности исчислить стоимость пайка в 2700 калорий по средним для всей городской России ценам. Но мы знаем, что в Москве такой суточный паек стоил 23 коп. А кроме того, нам известно, что годовой заработок московского рабочего в 1913/14 г. составлял 336 руб., а средний для всей России достигал в 1913 г. 267 и в 1914 — 271 руб. за год. Исходя из этого, допускаем, что уровень цен в среднем по всей России составлял для 1913/14 г. около 80% московского, т. е. паек в 2700 калорий в среднем по России стоил 18,4 коп. Для 1916 г., по такому же методу, уровень общерусских цен определится в 67,7% по отношению к Москве.

Исходя из этих цен и пользуясь за последующее время вышеприведенными индексами, мы можем построить их ряд, приведенный в табл. 26.

Индексы, заключенные в скобки, исчислены приблизительно, исходя из московских цен и соотношения между общерусскими и московскими индексами. Данные табл. 25 позволяют заключить, что наш бумажный рубль уже к началу революции стоил не более 46 коп. золотом, к октябрю 1917 г. он упал до 19 коп., через год, ко второй годовщине Октябрьской революции, он стоил уже только 1,4 коп., а еще через 3 года, к октябрю 1921 г., приходится уже 1 тыс. руб. бумажных оценивать в 2 коп. золотом. При этом до весны текущего года в провинции бумажный рубль расценивался значительно выше, чем в Москве, а в настоящее время мы достигли примерно такого же соотношения между Москвой и провинцией, какое в этом отношении наблюдалось до революции.

В среднем по всей стране падение рубля протекало несколько равномернее, чем на московском рынке, и, в частности, начиная с 1917 г. ценность бумажного рубля падала ежегодно почти ровно в 10 раз. Такой быстрый темп падения ни в коем случае не объясняется ростом эмиссии, ибо эмиссия возрастала за то же время гораздо более медленным темпом, как это легко усмотреть из данных табл. 27.

Таблица 26

Динамика цен за 1914—1921 гг.

Даты	Индексы цен по Москве	Индексы цен по России (39 губ.)	Общерусские цены, % к московским
1	2	3	4
1913/14 г.	1,0	1,0	80
1915 г.	1,3	(1,2)	(74)
Январь 1916 г.	1,41	(1,27)	(72)
Апрель 1916 г.	1,51	(1,31)	(70)
Июль 1916 г.	1,83	(1,55)	(68)
Октябрь 1916 г.	2,24	(1,86)	(66)
Январь 1917 г.	2,72	(2,18)	(64)
Апрель 1917 г.	3,33	(2,42)	(60)
Июль 1917 г.	6,56	(4,76)	(58)
Октябрь 1917 г.	7,50	(5,25)	(56)
Январь 1918 г.	23,2	(16,3)	(56)
Апрель 1918 г.	51,3	(35,9)	(64)
Июль 1918 г.	103	(67,5)	(52)
Октябрь 1918 г.	109	(68,6)	(50)
1 января 1919 г.	229	103	36
1 апреля 1919 г.	468	212	36
1 июля 1919 г.	657	413	50
1 октября 1919 г.	968	636	53
1 января 1920 г.	3 460	1 670	39
1 апреля 1920 г.	5 110	3 460	54
1 июля 1920 г.	9 390	5 940	51
1 октября 1920 г.	10 240	7 480	58
1 января 1921 г.	20 339	12 900	51
1 апреля 1921 г.	40 100	32 630	64
1 июля 1921 г.	70 022	75 400	86
1 октября 1921 г.	48 660	(52 806)	(87)
Среднее за			
1914 г.	1,0	1,0	80
1915 г.	1,3	(1,2)	(74)
1916 г.	1,9	1,6	68
1917 г.	8,7	(6,3)	(58)
1918 г.	100	(62)	(48)
1919 г.	1 156	605	42
1920 г.	9 713	6 290	52
Январь — июнь 1921 г.	43 687	40 304	74

К началу мировой войны у нас в обращении находилось 650 млн. руб. золотом и 1630 млн. руб. кредитными бумажками, а всего 2280 млн. руб. Золото с прекращением размена, разумеется, сразу же исчезло из обращения. Тем не менее к началу 1917 г. у нас было в обращении вместо 2280 млн. уже 9180 млн. кредитных рублей, т. е. раза в 4 больше, чем до войны. Цены же за этот первый период увеличились только в 2 раза с небольшим.

Совершенно иную картину наблюдаем мы за следующий период 1917—1920 гг. За это время, наоборот, рост цен во много раз обгоняет эмиссию. Принимая во внимание сужение границ Советской России за первые годы революции, мы можем установить, что из расчета на душу населения сумма денежных знаков, выпущенных в обращение, возросла к концу 1920 г. в 674 раза, тогда как цены к тому же сроку вздорожали в 12 900 раз, т. е. в 19 раз быстрее [1].

[1] Количество населения за годы революции в пределах Советской России исчислено нами приблизительно, исходя из данных об ежемесячных изменениях длины сети железных дорог, остававшихся в нашем распоряжении за время гражданской войны.

Таблица 27

Результаты эмиссии за 1914—1920 гг.

	Население, млн. чел.	Выпущено денежных знаков за отчетный период на сумму				Сумма денежных знаков в обращении к концу периода				Относительный рост к концу периода	
		всего, млрд. руб.		на душу населения, руб.		всего, млрд. руб.		на душу населения, руб.		денежных знаков в обращении на душу	индекса розничных цен
		номинал	валютой 1914 г.	номинал	валютой 1914 г.	номинал	валютой 1914 г.	номинал	валютой 1914 г.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1 июля 1914 г.	160	—	—	—	—	2,28	2,28	14,25	14,25	1,0	1,0
1 января 1917 г.	152	7,5	5,75	40,4	37,8	9,18	4,21	60,5	27,70	4,25	2,18
1917 г.	132	18,1	2,98	137	22,6	27,3	1,67	207	12,57	14,5	16,3
1918 г.	70	34,0	0,55	487	7,9	61,3	0,59	876	8,45	61,4	103
1919 г.	69	163,7	0,27	2 375	3,9	225	0,135	3 265	1,96	229	1 670
1920 г.	122	943,6	0,156	7 750	1,28	1168,6	0,091	9 600	0,75	674	12 900
1917—1920 г.	—	1159,4	3,956	10 749	35,68	1168,6	0,091	9 600	0,75	674	12 900

Мы знаем, что покупательная способность бумажных денег при одной и той же потребности оборота в орудиях обращения обратно пропорциональна их количеству. Отсюда заключаем, что потребность оборота в орудиях обращения за указанное время резко менялась, ибо ожидаемой обратной пропорциональности в наших данных отнюдь не наблюдается. Мы можем даже определить, что с 1914 по 1917 г. потребность оборота в деньгах увеличилась в 2 раза, а в следующий период, с 1917 по конец 1920 г., она, наоборот, сократилась в 37 раз. В общем же за весь период с 1914 по 1920 г. включительно это даст сокращение в 19,1 раза.

Но чем же определяется размер потребности оборота в денежных знаках? И что означает указанное ее сокращение?

Не вдаваясь в подробности, укажем, что прежде всего эта потребность пропорциональна сумме товарных ценностей, производимых обществом, за вычетом той доли товарной продукции, которая находит своего потребителя путем безденежного товарообмена, например, путем кредитных сделок с зачетом взаимных требований и т. п. Во-вторых, эта величина прямо пропорциональна среднему числу оборотов каждой единицы товаров в единицу времени, например, в год, и обратно пропорциональна числу оборотов каждого рубля за то же время. Обозначая искомую величину потребности в деньгах через *Д*, можно выразить ее формулой $Д = \frac{m}{n} \times (T - Tк)$, где буквой *Т* обозначена ценность всей товарной массы, поступающей в обращение за год.

Т со значком *к* служит для обозначения роли безденежного оборота товаров, *m* означает число оборотов средней единицы товара за год и *n* — число годовых оборотов рубля.

Из работы С. Н. Прокоповича «Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг.» известно, что весь народный доход по этим губерниям с населением в 116,5 млн. чел. оценивался для 1913 г. в 11,8 млрд. руб., а собственно товарная его доля составляла лишь 63,5% этой суммы, т. е. 7,5 млрд., что даст из расчета на одну душу 64 р. 50 к. Таково значение величины *Т* для 1913 г. Величина *Д* нам также известна для этого года из табл. 27. Она равна 14 р. 25 к. на душу. Отсюда, пользуясь нашей формулой, можно написать равенство:

$$14 \text{ р. } 25 \text{ к.} = \frac{m}{n} (64 \text{ р. } 50 \text{ к.} - Tк).$$

За время войны не произошло никаких особо резких изменений ни в общей товарной продукции, ни в темпе денежного товарооборота. Правда, производительность труда в индустрии уже несколько сократилась, но зато значительно возросло число занятых в ней рабочих в связи с потребностями войны. В сельском хозяйстве тоже можно отметить сокращение посевов процентов на 7 для 1916 г., но за прекращением вывоза за границу можно думать, что по расчету на душу товарное обращение сельскохозяйственных продуктов в стране тоже не изменилось существенным образом. А между тем мы видим, что к январю 1917 г. величина *Д* возросла с 14 р. 25 к. до 27 р. 70 к. Объяснить это можно, стало быть, лишь соответствующим сокращением безденежных кредитных сделок, т. е. величины *Тк*, с одной стороны, и увеличением платежей нетоварных (армии) — с другой.

И действительно, мы знаем, что война разрушила кредит до основания. Всякие кредитные сделки при неустойчивой бумажно-денежной валюте становятся крайне рискованными, и весь товарообмен волей-неволей приходится совершить лишь за наличный расчет. За наличный расчет осуществлялись и все военные платежи.

Допустим поэтому, что к началу революции величина *Тк* в нашей формуле приблизилась к нулю. Тогда мы получаем равенство (27 р. 70 к. $= \frac{m}{n}$ 64 р. 50 к., откуда отношение $\frac{m}{n} = 0{,}43$ или, говоря иначе, скорость обращения денег у нас была в это время примерно в 2,3 раза больше скорости обращения товаров. А если признать, что это соотношение можно применить и к довоенному обороту, то определится и *Тк*, которое для 1913 г. придется оценить в 31 р. 50 к. на душу, или в 48,5% величины *Т*, т. е. всей товарной массы, поступающий в обращение.

Расчеты эти, разумеется, очень грубы. Но они дают вполне отчетливое представление о порядке величин, входящих в нашу формулу. Посмотрим теперь, что же случилось с этими величинами в следующий период — от революции до весны 1921 г., т. е. до восстановления свободного товарообмена.

Мы видим, что уже к началу 1921 г. величина потребности в деньгах на душу (*Д*) упала с 27 р. 70 к. до 75 коп., т. е. в 37 раз. Обращаясь к нашей формуле и сопоставляя ее с данными табл. 27 для различных моментов, легко убедиться, что объяснить это сокращение целиком за счет одного лишь сокращения товарной продукции невозможно. В 1918 и 1919 гг. мы производили едва ли много больше, чем теперь, в 1921 г., а между тем потребность в деньгах на душу еще тогда в десятки раз превосходила нынешнюю. Если исходить из бюджетных данных о потреблении городских рабочих за последние 2—3 года, то можно установить даже некоторое увеличение товарных ценностей, поступающих в потребление города с 1918 г. по 1920—1921 гг. Так, пищевой бюджет рабочего, составлявший в 1913 г. около 4000 калорий в сутки, в 1916 г. упал до 3750, а 1918 г.— до 2700, а к 1920—1921 гг. снова поднялся до 2800 калорий. Если бы вся товарная масса, поступающая в оборот, изменялась в той же пропорции, то величина *Т* в нашей формуле упала бы к 1921 г. всего на 30%, т. е. с 64,5 до 45 руб. на душу в год.

Мы готовы, однако, допустить, что общее сокращение продукции значительно больше. Пищевая потребность в мирное время поглощала не более 45% всего расходного бюджета рабочего, а теперь поглощает до 70% этого бюджета. Значит, если питание сократилось на 30%, то весь расход упал до 45% прежней нормы. Но и в таком случае чистая продукция страны и соответствующая ей товарная масса понизится с 64 р. 50 к. только до 29 руб. на душу в год.

Правда, значительная доля этой товарной массы поступает к потребителю путем безденежных оборотов — по разверстке или продналогу в

порядке государственного снабжения продорганами. Но все же эта доля даже в области снабжения хлебом, где она особенно высока, не превышала до сих пор по бюджетным данным 30—40% [1]. Кредитные сделки по-прежнему не играют заметной роли в обороте, а потому можно принять, что весь безденежный оборот (*Тк*) не превышает 40% *Т*, т. е. 14 р. 60 к. на душу в год. Таким образом, если *Д* к 1921 г. равно 75 коп., то получаем 75 коп. $= \frac{m}{n}$ (29 р.—11 р. 60 к.), откуда $\frac{m}{n} = 0{,}043$, т. е. ровно в 10 раз ниже нормальной его величины. Конечно, отношение $\frac{m}{n}$ могло уменьшиться и за счет уменьшения числителя, т. е. товарной массы, и за счет увеличения знаменателя *n*, т. е. числа оборотов рубля. До сих пор, однако, почти вся эмиссия попадала в деревню, где и застревала до нэпа весьма основательно, за отсутствием избытка городских изделий для сбыта в деревню. Таким образом, приходится заключить, что сокращение потребности в орудиях обращения и соответствующее падение покупательной способности рубля надо объяснить не столько сокращением товарной продукции и безденежным снабжением населения через продорганы, сколько сокращением числа оборотов каждой товарной единицы на ее пути от производителя к потребителю, из деревни в город и обратно.

И действительно, в прежнее время каждый товар на этом пути переходил из рук в руки десятки раз — от производителя к скупщику, перекупщику, оптовому торговцу и т. д. и т. п. А с прекращением «свободы торговли» мы чаще всего наблюдаем одно из двух: либо производитель в качестве мешочника лично доставлял свои продукты в город и сам непосредственно сбывал его потребителю, либо, наоборот, потребитель отправлялся в деревню и там непосредственно у производителя покупал или выменивал необходимые ему продукты. Вместо десятка сделок товар совершал всего один оборот и то не всегда денежный. Естественно, что и денег при этом требовалось во столько же раз меньше.

Но с восстановлением более или менее широкой свободы торговых оборотов мы, несомненно, возвращаемся к нормальному разделению труда в области обращения товаров. На сцену вновь появляется целая рать мелких, средних и крупных посредников между производителем и потребителем. Число оборотов каждой единицы товара очень скоро вновь достигнет прежней нормы. И, говоря иначе, потребность в деньгах даже при пониженных нормах производительности труда снова возрастет, по меньшей мере, раз в 10. Это возрастание, как мы видели выше, уже началось, и совершается оно довольно быстрым темпом. Но, разумеется, быстрота эта весьма относительная. И необходимый срок для полного восстановления торгового оборота займет, наверное, еще не один месяц.

Чтобы несколько точнее определить этот срок, обратимся к следующим данным. Если при оценке курса рубля за последнее время исключить влияние на него эмиссии, предполагая количество денежных знаков в стране на душу населения неизменным, то колебания рубля за счет всех остальных факторов представят картину, показанную в табл. 28.

В табл. 28 мы исходим из населения на данную дату, тогда как в табл. 27 давалось среднее за год население, а потому потребность оборота в денежных знаках выразилась в несколько иных величинах, чем в табл. 27. Но в общем это мало меняет результаты расчета. Как видим, даже при одном и том же количестве денег в обращении величина рубля за счет других причин за первые 2,5 года удваивается, за следующие 4,5 года падает в 120 раз и, наконец, за последние 3 месяца снова возрастает более чем 2,5 раза, достигая примерно того уровня, на котором она стояла к началу текущего года. Характерно, что процесс разрушения торгового оборота совершался гораздо медленнее, чем ныне идет процесс его восста-

[1] См., например, «Бюллетень ЦСУ» от 6 мая 1920, № 23.

	Население, млн. чел.	Потребность оборота, в денежных знаках на душу	Колебания рубля, %, принимая за 100 его величину на		
			1 июля 1914 г.	1 января 1917 г.	1 июля 1921 г.
1	2	3	4	5	6
Июль 1914 г.	160	14 р. 25 к.	100	—	—
Январь 1915 г.	156	19 р. 49 к.	136	—	—
» 1916 г.	156	28 р. 40 к.	200	—	—
» 1917 г.	144	29 р. 10 к.	204	100	—
» 1918 г.	109	15 р. 40 к.	108	53	—
1 января 1919 г.	57	10 р. 40 к.	73	36	—
1 » 1920 г.	108	1 р. 25 к.	8,8	4,3	—
1 » 1921 г.	132	69 к.	4,8	2,4	—
1 июля 1921 г.	132	24 к.	1,7	0,8	100
1 августа 1921 г.	132	32 к.	2,3	—	134
1 сентября 1921 г.	132	46 к.	3,2	—	192
1 октября 1921 г.	132	64 к.	4,5	—	267

новления. С января 1917 г. по июль 1921 г. сокращение оборота за 54 месяца в 120 раз соответствует среднему геометрическому падению его всего на 9% в месяц. А нынешний процент прироста значения рубля в зависимости от восстановления товарного оборота достигает 38% в месяц, т. е. раза в 4 больше. Тем не менее, для того чтобы подняться над нынешним уровнем, согласно нашему расчету, еще раз в 10 потребовалось бы, даже при указанном темпе, по меньшей мере месяцев 7, не учитывая даже предстоящего расширения товарной массы.

В чем же наша задача перед лицом такой перспективы?

Конечно, ожидать пассивно повышения курса рубля было бы совсем нецелесообразно. От такого повышения, быть может, и выиграли бы отдельные держатели бумажных денег, но оборот одинаково страдает от всяких колебаний рубля — вверх или вниз, безразлично. Наиболее выгодным было бы, значит, регулировать оборот рычагом эмиссии так, чтобы по возможности дольше удержать рубль на одном и том же стабильном уровне.

Стабилизация рубля еще недавно казалась нам почти недосягаемым идеалом. Но теперь, на ближайшие месяцы, она становится более чем вероятной. Мы должны лишь для этого выпускать столько новых денежных знаков, чтобы вполне покрыть ими быстро возрастающую в них потребность. Задача эта не маленькая. Если наш расчет о предстоящем на ближайшее время увеличении потребности в денежных знаках раз в 10 верен и если нам предстоит, стало быть, выпустить для этого столько знаков, чтобы на каждую душу вместо 64—75 коп. приходилось до 7 р. 50 к. золотом, то при 132 млн. населения и цене 1000 бумажных рублей в 2 коп. золотом для этого придется выпустить свыше 44,5 триллионов номинальных рублей. А это такая программа, с которой Гознак едва ли справится и за год.

Будем надеяться, однако, что времени нам хватит для выполнения этой программы. И тогда мы достигнем не только крайне для нас важной стабилизации рубля, но и весьма основательно укрепим свой бюджет, ибо такая эмиссия может дать нашей казне не менее 890 млн. руб. золотом [1].

[1] Последующая практика Госбанка вполне подтвердила наши надежды. Перелом оказался подмеченным своевременно. Денежная масса в обращении, упавшая к 1 декабря 1921 г. до своего минимума — около 31 млн. руб. золотом на всю страну, непрерывно с тех пор возрастая, уже к 1 октября 1924 г. достигала 1780 млн. червонных рублей.

3. КУРС ЗОЛОТОГО РУБЛЯ[1]

Недавний резкий прыжок вверх рыночного курса золотого рубля в Москве вызвал большие споры. Суть спора заключается в том, случайное ли это и в этом смысле преходящее явление, связанное лишь с какими-нибудь спекулятивными махинациями дельцов, или вполне закономерное, вытекающее из общих тенденций мирового и русского рынка.

Наилучшим методом для разрешения этого спора было бы точное уяснение этих общих тенденций золотого рынка и сопоставление интересующего нас частного случая с более общими явлениями того же порядка. Некоторый цифровой материал для таких сопоставлений, не использованный доныне в контроверзе, имеется и в нашем распоряжении. Этот материал мы и хотели бы предложить вниманию интересующихся.

Прежде всего каковы тенденции мирового рынка? По индексу Бредстрита в Соединенных Штатах Америки покупательная стоимость золотого доллара, выраженная в центах довоенного (товарного) доллара, изменилась следующим образом

	Центы		Центы
1913 г.	100	1918 г.	49
1914 г.	103	1919 г.	49
1915 г.	93	1920 г.	50
1916 г.	77	1921 г.	82
1917 г.	58		

Как видим, вплоть до 1920 г. золото падает в цене, а затем наступает перелом, и оно быстро оправляется.

Чтобы точнее нащупать момент этого перелома, обратимся к *ежемесячным* колебаниям индекса (к концу месяца).

По месяцам покупательная способность доллара колебалась так:

	Центы		Центы
Июнь 1919 г. . . .	49	Июнь 1921 г. . . .	86
Декабрь 1919 г. . .	45	Декабрь 1921 г. . .	81
Январь 1920 г. . .	44	Январь 1922 г. . .	81
Июнь 1920 г. . . .	48	Февраль 1922 г. . .	79
Декабрь 1920 г. . .	73	Март 1922 г. . . .	80
Январь 1921 г. . .	74	Апрель 1922 г. . .	79

В январе 1920 г. доллар падает до 44% своей довоенной цены в товарах, затем к июню 1921 г. поднимается до 86% и в дальнейшем колеблется на уровне около 80 центов.

Посмотрим теперь соответствующие колебания русского золотого рубля. К сожалению, никаких данных о курсе золотого рубля в России до 1920 г. у нас нет. За 1920 и 1921 гг. имеются данные Конъюнктурного института только по Москве. И лишь с 1922 г. мы можем сопоставить их по данным Статистики труда со всероссийскими средними. По Москве мы имеем данные, приведенные в табл. 29.

Как видим, своего минимума золотой рубль достигал в августе 1920 г., когда он расценивался всего в 16 довоенных коп. Для американского доллара минимальная расценка имела место уже в январе того же года. Таким образом, у нас перелом в расценке золота по сравнению с Америкой запоздал месяцев на 8. Дальше, хотя и с большими колебаниями, расценка золота в Москве, как и за границей, растет, достигая в среднем за год в 1920 г. 26 коп., в 1921 г.— 35 коп. и за 9 месяцев 1922 г.— 50 коп. в довоенной валюте. Это, по-видимому, вполне совпадает с тем, чего следовало ожидать, имея в виду тенденции мирового рынка. Несомненно, у нас, хотя бы и с запозданием, цены золота как мирового товара должны

[1] «Правда», 27.X 1922, № 243.

Рыночный курс золотого рубля в Москве (средний за месяц) * Таблица 29

	Золотой рубль		Товарный индекс по Москве
	в совзнаках старого образца, руб.	в довоенной товарной валюте, коп.	
1	2	3	4
1920 г.			
Январь	1 256	27	4 570
Февраль	1 356	24	5 600
Март	1 450	23	6 220
Апрель	1 750	26	6 770
Май	2 000	24	8 365
Июнь	2 000	19	10 405
Июль	2 000	17	12 130
Август	2 000	16	12 400
Сентябрь	2 500	21	12 150
Октябрь	3 500	28	12 700
Ноябрь	5 750	40	14 300
Декабрь	8 750	44	20 100
1921 г.			
Январь	9 500	35	26 900
Февраль	8 750	24	36 850
Март	9 200	20	46 450
Апрель	11 500	21	54 300
Май	14 000	24	58 600
Июнь	14 250	20	71 600
Июль	14 750	19	79 000
Август	20 200	28	72 800
Сентябрь	29 000	41	70 700
Октябрь	40 700	51	80 000
Ноябрь	62 100	57	108 500
Декабрь	138 400	74	186 300
1922 г.			
Январь	186 000	50	371 000
Февраль	389 000	50	784 000
Март	911 000	56	1 632 000
Апрель	1 619 000	50	3 264 000
Май	2 246 000	52	4 350 000
Июнь	1 997 000	46	4 367 000
Июль	2 070 000	42	4 927 000
Август	2 244 000	40	5 602 000
Сентябрь	3 787 000	61	6 240 000
15 Октября	9 300 000	103	8 995 000
Сезоны:			
1920 г.			
Январь — март	1 354	25	5 416
Апрель — июнь	1 917	23	8 335
Июль — сентябрь	2 167	18	12 039
Октябрь — декабрь	6 000	37	16 217
1921 г.			
Январь — март	9 150	26	35 192
Апрель — июнь	13 250	22	60 227
Июль — сентябрь	21 317	29	73 507
Октябрь — декабрь	80 400	61	131 804
1922 г.			
Январь — март	495 330	52	952 558
Апрель — июнь	1 954 000	49	3 987 760
Июль — сентябрь	2 700 300	48	5 625 000

* М. П. Кохн. Русские индексы цен М., 1926, стр. 161—163.

подняться до того уровня, какого они уже достигли на заграничных рынках (около 80% довоенной цены).

Но если взглянуть на последние отметки черной биржи, по которым золотой рубль к 15 октября уже достиг 103% своей довоенной покупательной силы, то никаких аналогий на мировом рынке для объяснения подобных явлений у нас, разумеется, не найдется. Неожиданность этого скачка еще более подчеркивается тем фактом, что до сентября 1922 г. расценка золота в Москве все время падала. В январе—марте золотой рубль стоил 52 довоенных коп., в апреле—июне — 49 коп., в июле—сентябре — 48 коп.,

Таблица 30

Рыночный курс золотого рубля в 1922—1924 гг. *

	В совзнаках, руб.		В довоенной товарной валюте, коп.	
	Москва	Россия	Москва	Россия
1	2	3	4	5
1922 г.				
1 января	16,0	28,8	66	79
1 февраля	18,5	37,8	33	69
1 марта	63,0	66,0	61	57
1 апреля	95,0	109,7	43	44
1 мая	240,0	157,0	52	38
1 июня	210,0	176,2	50	35
1 июля	190,0	190,3	43	33
1 августа	205,0	196,9	34	35
1 сентября	265,0	225,5	49	38
1 октября	535,0	394,6	72	54
1 ноября	970,0	805,9	77	70
1 декабря	1350,0	1 215,4	85	74
Сезон				
Январь — март	32,5	44,2	53	68
Апрель — июнь	181,7	147,6	48	39
Июль — сентябрь	220,0	204,2	42	35
Октябрь — декабрь	951,7	805,3	78	66
В среднем за год	346,5	300,3	55	52
1923 г.				
1 января	23,3	17,9	112	84
1 февраля	26,2	21,8	104	80
1 марта	27,8	26,4	89	85
1 апреля	41,5	32,9	110	84
1 мая	75,0	66,7	138	122
1 июня	104,0	91,6	132	118
1 июля	114,0	111,1	90	94
1 августа	165,0	152,4	83	78
1 сентября	250,0	240,3	68	72
1 октября	530,0	484,8	83	73
1 ноября	975,0	871,9	85	79
1 декабря	2 007,1	1 813,9	91	78
Сезон				
Январь — март	25,8	22,0	102	83
Апрель — июнь	73,5	63,7	127	108
Июль — сентябрь	176,3	167,9	80	81
Октябрь — декабрь	1 170,7	1 056,9	86	77
В среднем за год	361,6	327,6	99	87
1924 г.				
1 января	4 575,0	4 182,0	85	77

* М. П. Кохн. Указ. соч., стр. 163, 187—188.

и вдруг с половины сентября такие головокружительные скачки вверх,— более чем на 100% за один месяц.

Всероссийский курс золотого рубля по сравнению с московским колебался за последние годы следующим образом (табл. 30).

Как видим, по всей России в 1922 г. курс золотого рубля, выраженный в твердой валюте, падал с января по август резче даже, чем в Москве,— с 68 коп. в январе—марте до 35 товарных коп. в июле—сентябре, т. е. на 49%. Стало быть, и всероссийские цены *золота не объясняют* октябрьского скачка цен золота в Москве. И тем не менее, известная закономерность в этом подъеме есть.

В чем же следует усматривать здесь элементы закономерности?

Если анализировать *ежемесячные* колебания курса золотого рубля, то они слишком капризны для того, чтобы найти в них отражение какого-либо экономического закона. Но обратимся к посезонным средним, и тогда объяснение интересующего нас явления сейчас же найдется. В самом деле, сопоставим курс золотого рубля в товарной валюте с темпом возрастания общетоварного индекса цен по Москве за 1920—1922 гг. (табл. 31).

Таблица 31

Курс золотого рубля и темп обесценения рубля бумажного в Москве по сезонам

Сезон	1920 г.		1921 г.		1922 г.	
	золотой рубль, товарные коп.	средний месячный прирост цен, %	золотой рубль, товарные коп.	средний месячный прирост цен, %	золотой рубль, товарные коп.	средний месячный прирост цен, %
Январь — апрель . . .	25	15,3	25	24,0	50	108,9
Май — август	19	14,0	23	6,9	45	5,8
Сентябрь — декабрь. . .	33	9,7	56	23,8	71	44,2

Из данных табл. 31 видно, что в летние месяцы темп возрастания цен или, говоря иначе, темп обесценения бумажного рубля резко замедляется, т. е. шансы бумажного рубля заметно подпимаются, а золотой рубль, наоборот, за это время падает в цене. В зимние месяцы наблюдается обратная картина: бумажный рубль стремительно летит вниз, а золотой — вверх.

Еще рельефнее эта зависимость выявится, если сопоставлять данные лишь за наиболее характерные в указанном отношении месяцы:

Сезон	Курс золотого рубля в довоенной валюте, коп.	Месячный прирост цен, %
Июнь — август 1920 г.	16,0	1,5
Декабрь — январь 1920—1921 гг. .	39,5	37,0
Июль — август 1921 г.	23,5	8,7
Декабрь — январь 1921—1922 гг. .	62,0	109,0
Июль — август 1922 г.	41,0	12,5

Чем же объясняется эта столь закономерная периодичность? И почему это всякое улучшение положения с бумажным рублем так сильно понижает расценку рубля золотого?

Ответить на эти вопросы нетрудно. Реализация урожая, периодически расширяя в соответствующие месяцы размеры товарного оборота, повышает потребность в денежных знаках в качестве орудий обращения. Эту роль у нас выполняют советские знаки. Поэтому потребность в них растет в эти месяцы настолько, что, несмотря даже на новые выпуски денежных знаков, бумажный рубль крепнет, делается довольно устойчивым, а в иные месяцы даже несколько поднимается в цене.

Золото у нас не служит орудием обращения, поэтому расширение оборота, создавая спрос на деньги, вынуждает держателей золота реализовать его на бумажки, необходимые для товарооборота. Это повышает предложение золота при пониженном спросе, и золотой рубль падает в цене. При стабилизации бумажного рубля золото на внутреннем рынке не имело бы никаких шансов конкурировать с ним в роли денег. Но когда наступает период нового падения бумажного рубля, то золото выступает в роли средства сбережения и накопления. Спрос на него резко повышается. Все сбережения и вообще оборотные средства, накопленные в торговле и промышленности в виде бумажных денег, во избежание угрожающего им обесценения предлагаются к обмену на золото. Золота у нас в стране крайне немного. Отсюда ажиотаж и резкое повышение курса на золото. И чем быстрее падает бумажный рубль, тем энергичнее повышается спрос на золото и тем стремительнее, стало быть, растет рубль золотой.

В 1920 г. бумажный рубль держался довольно устойчиво до октября. В 1922 г. уже за сентябрь цены в Москве вскочили на 36%, а за первую половину октября — на 21%. Этого толчка было совершенно достаточно для того, чтобы уже с сентября создать повышенный спрос на золото.

В обозначившемся подъеме золотого рубля нет ничего нового. То же самое было и в прошлом — 1920 и 1921 гг. В 1920 г. мы наблюдали вздорожание золотого рубля за осень с 16 до 39,5 довоенных коп., т. е. на 147%, в 1921 г.— с 23,5 до 62,0 коп., т. е. на 164%, а в 1922 г. (на 15 октября) повышение с 41 до 103 коп., т. е. на 151%. Если судить по опыту прошлых лет, то такой рост далек еще от возможных рекордов. С увеличением оборотных средств как государственных, так и частных предприятий размах возможных колебаний спроса и цен на золото должен увеличиваться, а не сокращаться. Поэтому чрезвычайно важно принять своевременные меры к предупреждению дальнейшего ажиотажа на почве острого недостатка запасов твердой валюты.

Меры эти уже известны Наркомфину. Если бы Госбанк не задерживался несколько с выпуском своих банкнот, с гарантией их твердого курса соответствующим товарным и металлическим фондам, то, вероятно, мы не наблюдали бы таких резких скачков курса на золото. Государственная промышленность страховала бы свои оборотные фонды от обесценения не в золоте, а в банкнотах. И ничего ровно она на этом не потеряла бы, разумеется. А на покупках золота ей придется потерять очень много.

У нас до сих пор не изжит еще старый предрассудок о несравненных преимуществах золотой валюты перед всякой иной. Но в чем они? В устойчивости этой валюты, что ли?

Конечно, по сравнению с нашим бумажным рублем золотой рубль устойчивее. Но если, тем не менее, ежегодно этот рубль к декабрю увеличивается в 2—3 раза, а к июлю снова падает процентов на 30—50, то чего же стоит такая устойчивость? Можно ли при таких колебаниях принять его за мерило ценности? Можно ли в нем заключать обязательства на срок? Возможна ли вообще с таким рублем какая-либо точная калькуляция и хозяйственный расчет?

Нормальная прибыль на капитал до войны составляла 6—8%. 12% годовых граничили даже с ростовщичеством. Но, спрашивается, на сколько же процентов прибыли должен рассчитывать современный коммерсант, если только на курсе рубля он ежегодно рискует потерять до 50%? Правда, он может на нем и выиграть не меньше. Но ведь это уже нездоровый азарт, лотерея, рулетка, а не коммерческий расчет.

Гарантированная банкнота, в особенности если разменный курс ее на советские денежные знаки определить не по «ильинскому» курсу золота, а по всероссийскому товарному индексу, будет гораздо устойчивее и надежнее. Выпуск ее в обращение гораздо легче сообразовать с потребностью оборота. Крупные купюры банкнот не позволяют, разумеется,

превратить их в повседневное орудие обращения. Для всякого рода платежей эти банкноты все равно придется постоянно разменивать на денежные знаки. И в виде банкнот новая госбанковская валюта, отнюдь не конкурируя с государственными денежными знаками, пойдет прежде всего на удовлетворение потребности оборота в средствах сбережения и накопления. К зиме их потребуется больше, к лету, наоборот, меньше, ибо для реализации урожая пойдет прежде всего разменная советская валюта. Что же касается золота, то при наличии гарантированных банкнот его роль в качестве *единственного* средства сбережения будет кончена. И спекуляция с золотом потеряет всякий специфический интерес и угрожающую остроту.

А те дельцы, которые ныне с таким азартом, не щадя издержек, запасаются золотом, горько-прегорько заплачут, ибо их золотые рубли очень скоро снова превратятся в полтинники, если не в четвертаки.

VI. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТА И СТАТИСТИКА[1]

До сих пор не подвергалось сомнениям, что в железнодорожном деле статистика поставлена лучше, чем в какой-либо иной отрасли хозяйства. А между тем характерный факт — когда мы бросили все силы на транспортный фронт для восстановления нашего железнодорожного хозяйства, то оказалось, что эта наилучшая из существующих статистик не способна дать ясного ответа даже на самый важный для нас вопрос: каковы же результаты наших усилий? Мы и доныне не знаем точно, каким темпом мы приближаемся к разрешению поставленной нам задачи. И даже существуют сомнения, приближаемся ли мы к ней вообще.

Конечно, железнодорожная статистика дает сколько угодно цифр для печатных дискуссий на эту тему. Но прямого ответа на вопрос она не дает.

Возьмем, например, хотя бы следующий статистический парадокс: чем больше мы выпускаем из ремонта паровозов, тем больше их заболевает вновь, а в результате процент здоровых паровозов отнюдь не обнаруживает ожидаемого оздоровления парка. На 1 января 1920 г. мы имели 41,9% здоровых паровозов, а к сентябрю, несмотря на учетверенный выпуск из ремонта, их оказалось 41%.

Объяснить этот факт, разумеется, нетрудно. Паровозный наш парк страшно запущен. Если раньше в ремонт ставился паровоз с прокатом шин в 5—6 мм, то теперь его зачастую оставляют в работе до износа в 8—9 мм. Здоровыми такие паровозы можно считать лишь в весьма условном значении — ожидающих ремонта, так сказать, на ходу. Вот почему с освобождением мест в ремонтных мастерских такие «здоровые» паровозы немедленно перечисляются в больные и замещают эти места. При таких условиях если не увеличивается процент «здоровых» паровозов, то это еще ровно ничего не доказывает, ибо вместо того, очевидно, повышается уровень их «здоровья».

Однако нам нужны в этом отношении не глазомерные догадки, а точные числовые измерения состояния здоровья нашего транспорта. Мы должны точно знать, через сколько месяцев или лет при данном темпе работы мы получим здоровый транспорт. И если для этой цели не может служить процент паровозов, именуемых больными или здоровыми, то должен быть дан другой, более чувствительный измеритель.

Но может ли быть такой измеритель в порядке статистического учета?

Несомненно, может. Надо лишь поставить перед собой эту задачу. Допустим, например, что за меру здоровья паровоза мы приняли бы состояние его шин. Пусть пробегу паровоза в n верст соответствует прокат шин в m мм, откуда получаем коэффициент $q = \frac{n}{m}$, т. е. средний пробег, соответствующий износу шин на 1 мм. Текущий учет пробега всех паровозов, а также пробега паровозов, поступающих в ремонт, ведется и ныне. Стало быть, все необходимые элементы для измерения уровня здоровья паровозного парка налицо. Необходимо лишь один раз учесть по паспор-

[1] «Экономическая жизнь», 24.X 1920, № 238.

там паровозов на какой-нибудь момент, например к 1 января 1920 г., сколько ими сделано было верст до этого момента со дня последнего ремонта. Тогда, разделив эту сумму непогашенного ремонтом пробега N на число всех паровозов — p, получим среднюю норму непогашенного пробега на один паровоз, а разделив полученное частное на q, будем иметь $\frac{N}{pq}$ — среднюю норму проката всех паровозов к 1 января 1920 г.

Для любого последующего момента средняя норма проката выразится формулой $\frac{(N + \Delta N - R)}{pq}$, где ΔN — приращение непогашенного ремонтом пробега за время с 1 января 1920 г., а R — пробег, погашенный ремонтом за то же время.

Подставив в эти формулы соответствующие величины для каких-нибудь двух моментов, например на 1 января и 1 июля, мы получили бы вполне точную картину, на сколько миллиметров увеличился или уменьшился за это время средний прокат всех паровозов и каким темпом должна пойти дальнейшая работа, чтобы достигнуть известной заранее заданной нормы проката.

Собственно говоря, достаточно показательным измерителем работы ремонта является уже одна разность $\Delta N—R$, которую можно получить и без предварительного основного обследования всех паровозов. Паровозы с «кладбищ» с потерянными паспортами можно было бы учесть по среднему пробегу других ремонтируемых паровозов, сохранивших записи о своих пробегах, принимая во внимание сравнительный износ шин тех и других. Если бы R оказалось значительно больше ΔN, то это ясно указывало бы, что мы не только справляемся с текущим изнашиванием парка, но даже работаем на восстановление износа прежних лет.

Таков один из возможных измерителей. Однако норма проката сама по себе является лишь косвенным показателем «здоровья» паровозного парка. Гораздо более прямое выражение «здоровья» паровоза даст нам такой измеритель, который оценит его в единицах стоимости нового паровоза или непосредственно в соответствующей паровозоспособности, измеряемой паровозоверстами ожидаемого пробега.

Осуществить это возможно было бы следующим образом. Пусть нам дано, что средний срок службы паровоза при условии нормального ремонта 15 лет, общий пробег его 300 000 верст, после чего он годен лишь на слом. Пусть далее средний ремонт равен по трудовым затратам $^1/_6$ ценности нового паровоза, а совокупность всех ремонтных работ за 15-летнюю службу паровоза равна 6 единицам среднего ремонта. И пусть первоначальная стоимость нового паровоза равна 100%, а к концу службы, при сдаче на слом,— 10%. Тогда 300 000 верст пробега соответствует трудовым затратам в 190% стоимости нового паровоза, новый паровоз — 100%, или 158 000 верст пробега, а единица среднего ремонта — 16,6%, или 23 800 верст пробега.

Средний ремонт повторяется по этому примерному расчету через каждые 50 000 верст пробега, что соответствует изнашиванию паровоза на 31,5% первоначальной стоимости, а восстанавливает этот ремонт его стоимость лишь на 16,6%, т. е. едва на 53% соответствующего изнашивания.

Пользуясь этими соотношениями, нетрудно выразить состояние инвентаря на любой момент в единицах его первоначальной ценности. Пусть у нас p паровозов, сделавших сначала службы всего n паровозоверст пробега, и в том числе еще не погашенного ремонтом — n_1 паровозоверст. Тогда наличная ценность этого инвентаря, равная первоначальной его ценности минус изнашивание плюс ремонт, выразится формулой:

$$p - \frac{n}{158\,000} + \frac{(n - n_1)\cdot 0{,}53}{158\,000}.$$

Та же величина, умноженная на 158 000, даст нам потенциальную провозоспособность данного парка в паровозоверстах до момента полного его изнашивания.

Для постановки такого учета тоже не потребовалось бы сложных изысканий. Достаточно было бы только раз произвести полный учет пробега всех паровозов на какое-нибудь число, и затем корректировать этот учет соответствующими данными текущей статистики.

В нашу задачу не входит детальное развитие предложенной схемы учета. Мы хотели лишь показать, что ничего неосуществимого в задачах, поставленных жизнью перед железнодорожной статистикой, нет.

Спрашивается, почему же она их до сих пор не разрешила?

В ответ на это придется указать несколько причин, большей частью «исторического» происхождения. Прежде всего статистика нашего железнодорожного ведомства никогда не имела над собой какого-нибудь объединяющего ее усилия разума. В каждом управлении занимались статистикой совершенно сепаратно от других управлений, каждый на свой собственный страх и риск. Правда, наряду с этими специальными статистиками до революции имелся еще один общий отдел статистики и картографии. Но этот отдел тоже ничем не был связан со всеми остальными и представлял собою настолько мертворожденное учреждение, абсолютно никому и не для чего не нужное, что его и упразднили при первой же подходящей оказии. Статистика Наркомпути и доныне представляет еще собой весьма многочленный организм без головы, совершенно неспособный возвыситься над мелкими повседневными заботами отдельных управлений и поставить перед собой общие задачи регулирования всего транспорта в целом, со всеми вытекающими из них заданиями для статистики. Но за последнее время сделан уже целый ряд усилий сверху, чтобы связать все отдельные звенья железнодорожной статистики в единый целостный организм, и надо надеяться, что скоро эта задача, несмотря на довольно сильную центробежную инерцию периферии, будет благополучно разрешена.

Отмеченная инерция представляет собою тоже весьма характерное историческое наследие былых времен. Каждая специальная статистика разнообразных служб имеет за собой многолетние навыки и традиции, от которых не так легко отделаться. А главное, не так легко воспринять многим людям старого закала те новые задачи, какие выдвигаются ныне условиями нового строя. Инерция настроения и мысли, которую здесь придется на каждом шагу преодолевать, так велика, что потребуется, повидимому, специальный нажим, чтобы дело окончательно не заглохло.

А между тем перспективы для развития железнодорожной статистики блестящи. Она и до революции была здесь лучше обставлена, чем где-либо. И это понятно. Во всяком другом предприятии, например в банкирской конторе или на заводе, можно было управлять делом и без статистики. Хозяйский глаз заменял ее с успехом. Но там, где управление становится заглазным, как, например, в крупных синдикатах и трестах, там волей-неволей приходится заменять глаза статистикой. Вот почему у нас только в тех областях промышленности и была кое-какая статистика, где были широкие хозяйские организации: например, у нефтепромышленников, горнопромышленников юга России, у разных «обществ фабрикантов и заводчиков» и т. п. Централизованное управление — вот корни и нити промышленной статистики. Но на железных дорогах это управление стало централизованным раньше, чем где-либо. Здесь статистика искони заменяет и глаза, и уши, и все другие органы внешнего наблюдения. А кроме того здесь и технические возможности для статистики прямо исключительные, ибо служба связи здесь идеальная. И почта, и телеграф, и телефон — все свое, все под рукой. Все к услугам статистика.

Но если это так было уже в капиталистическом хозяйстве, то теперь задача и возможности статистики еще расширились. В сферу государствен-

ного регулирования попал целый ряд новых областей, и из них возникли новые отрасли статистики. Например, статистика продовольствия. Такова же и статистика труда, без которой старое железнодорожное ведомство обходилось в течение многих десятков лет. Еще недавно мы в этом отношении должны были довольствоваться таким учетом, что прямо диву даешься. Даже общее число железнодорожников учитывалось с такой точностью, что мобилизационное управление дает цифру 900 000, в то время как Продпуть насчитывал их ровно вдвое более. Мы понимаем, что охотников получать паек всегда будет больше, чем желающих мобилизоваться, но едва ли терпима статистика, которая столь зависима от таких субъективных обстоятельств. Теперь в Наркомпути организуется особый отдел статистики труда, который имеет уже местные ячейки на 18 дорогах. Ему предстоит громадная работа по учету рабочей силы и производительности труда.

Но для того чтобы справиться с этими новыми задачами, потребуются, по-видимому, и новые люди. Их еще мало в наших статистических рядах. За отсутствием опытных статистиков нам часто приходится рекрутировать работников из самых разнообразных кругов. Так, в Тюмени статистикой труда руководит кузнец. Работали у нас в статистике труда в разных местах и слесари, и токари. И вот что я должен сказать об этих новых людях в статистике. У них нет, конечно, технических навыков, не хватает часто и специальных знаний. Хотя, кстати сказать, в некоторых случаях, например для участия в профессиональной переписи, они оказались подготовленными лучше многих специалистов статистиков. Но привычка к напряженной работе, энергия, а главное живой интерес к вопросам труда делает их многообещающими работниками. Во всяком случае уже теперь они имеют несомненное преимущество перед некоторыми, гораздо более подготовленными людьми другой специальной складки. Не надо забывать, что и в области статистики мы стоим перед новым делом, которое надо не только суметь, но и захотеть сделать.

Для новых песен нужны новые птицы.

VII. К РЕФОРМЕ УРОЖАЙНОЙ СТАТИСТИКИ

1. О СТАТИСТИЧЕСКОЙ РАЗНОГОЛОСИЦЕ[1]

На страницах «Экономической жизни» прошла недавно оживленная дискуссия по поводу различных исчислений валовой продукции конкурирующих между собой в нашей статистической литературе. Подводя итоги этому спору («Экономическая жизнь», 1924, № 133), Г. И. Крумин делает целый ряд правильных выводов, из которых наиболее бесспорным, разумеется, следует признать тот, что нельзя без всяких оговорок сопоставлять в одной таблице данные по самому своему происхождению и значению несравнимые.

Но, присоединяясь всецело к этому выводу, я никак не могу присоединиться к другому его критическому замечанию по адресу ведомственной статистики. «Я считаю необходимым,— замечает Г. И. Крумин,— резко подчеркнуть, что во многих наших ведомствах (отчасти и в Госплане) укоренился обычай — каждому исчислять свои цифры (как они исчисляются, об этом авторы слишком часто умалчивают) и торжественно противопоставлять их цифрам специальных статистических органов, в частности ЦСУ».

Этот упрек слишком серьезен и чреват всякими последствиями, чтобы оставить его без реплики.

Статистическая разноголосица, конечно, вещь весьма неприятная. И, конечно, проще всего ее ликвидировать, издав соответствующий декрет о статистической цензуре, запрещающий публиковать какие-либо ведомственные или вневедомственные статистические исчисления без специального одобрения их центральным статистическим органом. Такого рода законопроекты, как хорошо известно Г. И. Крумину, уже имеются в обращении. Но является ли столь простое решение вопроса и наиболее целесообразным? Г. И. Крумин определенно отвергает это. Но в таком случае, в чем же соль его упрека?

Это, надо сказать, ясно без всяких недомолвок.

И прежде всего надо пояснить точнее, кого именно и в чем именно упрекает наш автор по поводу наличной статистической разноголосицы? Кто это «каждый» — «во многих наших ведомствах»? Отдельные авторы, выступающие за свой собственный страх и риск? Например, В. Г. Громан, А. Е. Лосицкий, Л. Б. Кафенгауз, Н. П. Огановский? Но в таком случае причем здесь «ведомства»? Или ведомственные органы статистики? Но в таком случае для чего же они созданы, если не для того, чтобы «каждому исчислять свои цифры», в пределах своего ведения, разумеется. И в чем усматривается основной грех этих исчислений? В том, что они иной раз ошибочны? Но разве есть такие авторы или органы, которые имеют патент на непогрешимость? Или в том, что эти цифры противопоставляются цифрам ЦСУ? Но раз мы уже имеем параллельные исчисления, то разве польза дела не требует их сопоставления для взаимной проверки?

[1] «Экономическая жизнь», 20.III 1924, № 139.

Может быть, однако, основная мысль упрека заключается именно в том, что признается вредным этот самый *параллелизм* в работах разных статистических органов, приводящий к излишней и притом совершенно бесплодной затрате сил?

С этим аргументом следовало бы очень посчитаться. Но имеется ли у нас такого рода бесплодный параллелизм? Речь идет, конечно, не о формальной стороне дела. Формально все ведомственные статистические органы согласуют по закону программы своих работ с ЦСУ и не могут вести таких работ, какие не предусмотрены общим их планом. Но по существу дело обстоит гораздо сложнее. Фактически известный параллелизм у нас все же имеется. И ЦСУ устранить его не ставит своей задачей.

Какой же это параллелизм? И в чем его корни?

Возьмем совершенно конкретный пример. Вот, например, исчисление нашей индустриальной продукции ведется и в Госплане, и в ВСНХ, и в ЦСУ. И притом даже в этом последнем в нескольких вариантах. Спрашивается, почему бы не устранить этот параллелизм? Но, во-первых, тут выступает на сцену момент своевременности. Госплан и ВСНХ по роду своих задач не могут ждать публикаций ЦСУ, которые опаздывают на целые годы по сравнению с отчетной датой. Так, до настоящей минуты (март 1924 г.) ЦСУ опубликовало лишь продукцию 1921 г., а по отчетности ВСНХ мы располагаем данными за декабрь 1923 г. Кроме того, данные ЦСУ суммируются по своей собственной классификации производств, несомненно, имеющей свои достоинства, но, к сожалению, совершенно не той, по какой фактически группируются предприятия по союзной и производственным линиям. И, наконец, итоги ЦСУ суммируются по календарным годам, а производственные планы строятся, и вся хозяйственная отчетность ведется по годам бюджетным.

Представим себе теперь, что исчисления ЦСУ с академической точки зрения идеально хороши. И все же, поскольку они игнорируют элементарнейшие потребности практики, можно ли удивляться, что эта практика, в свою очередь, игнорирует их и «исчисляет свои цифры» — может быть, далекие от совершенства, но зато во-время и прямо отвечающие на те вопросы, какие к ним предъявляются жизнью. В самом деле, как мы могли бы использовать продукцию 1921 г. для сравнения с производственной программой 1921/22 г. или исчислить процент выполнения программ отдельных производственных объединений ВСНХ по цифрам ЦСУ, которые относятся к совершенно иным группам предприятий?

Конечно, это горе легко бы еще исправить, заставив кого нужно более посчитаться с практическими потребностями жизни, чем это делалось доныне. Классификацию, методы и сроки наблюдения согласовать в разных статистических органах нетрудно [1]. И это было бы, конечно, давно уже сделано, если бы данные ЦСУ носили характер срочной статистики, отвечающей непосредственно на злобы текущего дня — в интересах повседневного регулирования народного хозяйства. Но этого нет. Да, пожалуй, этого и желать не следует.

Дело в том, что для срочной статистики ведомственные органы гораздо лучше приспособлены, чем ЦСУ. Но ведь срочная статистика свои достоинства своевременности всегда приобретает дорогой ценой — ценой крупных пробелов в регистрации и других сознательно допускаемых дефектов в процессе собирания и спешной обработки материала. Например, срочная статистика ВСНХ вовсе не охватывает частной промышленности, далеко не полностью охватывает даже государственные предприятия, притом за каждый месяц не одно и то же их число, продукцию учитывает не всю, а лишь по главнейшим изделиям и полуфабрикатам и т. д. Правда, для

[1] Например, Госплану уже удалось достигнуть в этом отношении полного согласования с ВСНХ, что позволит нам пользоваться данными ВСНХ без всяких дальнейших пересчетов их в Госплане.

текущего регулирования промышленности в рамках ВСНХ и этого достаточно. Но для планового регулирования всего народного хозяйства нужны и другие более исчерпывающие хотя бы и менее срочные данные. И в этой именно плоскости происходит не параллелизм, а *разделение труда* между ведомственной статистикой и работой ЦСУ. По существу параллелизма здесь нет уже потому, что «каждый» из указанных органов «исчисляет свои цифры» в разные сроки и разными методами *для различных целей*.

Отсюда и разноголосица. Огорчаться ею,— если, разумеется, она не достигает геркулесовых столбов,— не следует, ибо в известных границах она совершенно неизбежна. Но если можно признать ее вполне законной для статистических органов, то тем меньше оснований возражать против разноголосицы в исчислениях различных лиц. В особенности смешной в этом отношении была бы роль того статистического органа, который вздумал бы ограждать достоинство своих исчислений прямым цензурным запретом всяких иных ему не угодных.

Конечно, «головокружительности» в статистических исчислениях и сопоставлениях следует по возможности избегать. А если уже она допущена кем-либо, то следует ее критически выявить и внести надлежащую ясность. Но такой критике должны подлежать *все* расчеты, независимо от того, кто их производит или из какого высокоавторитетного места они исходят. Ибо если бы ВСНХ или Госплан, или другой регулирующий орган воспользовался без всякой критики ошибочными исчислениями какого-либо другого ведомства и нанес бы благодаря этому существенный ущерб стране, то разве он искупил бы этот ущерб ссылкой на то, что его подвели чьи-то неправильные расчеты, принятые им *на веру*.

Существует проект гарантировать нас всех от таких ошибок тем, что допускаться к публикации будут только апробированные для этого специальным органам исчисления. Но это было бы самым вредным для нас подарком, ибо это усыпило бы здоровый скепсис по отношению к таким исчислениям и вынудило бы, за отсутствием их критики в печати, принимать их на веру. А между тем гарантирует ли что-либо одобрительное клеймо на том или ином исчислении какой угодно компетентной коллегии? Отнюдь нет. В лучшем случае оно доказывает, что в момент одобрения этой коллегии не были известны никакие иные факты и расчеты, опорачивающие одобренное исчисление. Но на завтра такие факты и цифры могут появиться. И коллегия должна будет или признать свою ошибку, или замолчать эти факты и цифры. А какой из этих двух исходов более соответствует человеческой природе — говорить излишне.

Вообще говоря, подобные проекты напоминают мне следующий анекдот. В одной бане всем клиентам предлагалось пользоваться, разумеется, за приличную мзду, только простынями этого почтенного заведения. Причем, во избежание недоразумений предприимчивый администратор на каждой казенной простыне изобразил клеймо со следующей надписью:

—«Сия простыня без клейма не действительна».

В настоящее время таким клеймом хотят снабдить во избежание досадной разноголосицы статистические исчисления.

Но будут ли эти клейменые простыни даже при этом условии «действительнее» неклейменых?

2. О ТОЧНОСТИ УЧЕТА УРОЖАЙНОСТИ[1]

В № 179 «Правды» 1921 г. П. И. Попов поместил заметку об урожае, в которой, между прочим, почтил своим вниманием и одну из моих работ о производственных ресурсах на предстоящий год («Экономическая жизнь» от 30 июля 1921 г., № 166).

---

[1] «Экономическая жизнь», 27.VIII 1921, № 186.

В своей статье я доказывал, что данные нашей урожайной статистики крайне неточны, а именно: из сопоставления данных о хлебной продукции 1920/21 г. с фактическим потреблением населения за этот год, по данным ЦСУ, можно установить, что валовой сбор хлебов 1920 г. был исчислен ниже действительного, по меньшей мере, на 600 млн. пуд., или на 23%.

П. И. Попов крайне недоволен этим выводом, считает его в корне ошибочным и обещает «через несколько дней» указать в точности, «где и в чем» ошибка. А пока, будучи занят выполнением срочных поручений СТО и Совнаркома, он нашел возможным ограничиться лишь этим кратким анонсом о своей будущей критической работе.

Попутно он успел уже, однако, выразить свое неудовольствие и по поводу того, что критикуемые им авторы отличаются весьма своеобразной «особенностью» — откликаться на статистические злобы дня, «не дождавшись моих (т. е. П. И. Попова) исчислений» на соответствующую тему, и по поводу того, что они оперируют с цифровыми данными, «вычитанными» и «выписанными» все у того же П. И. Попова из его статей и докладов в Госплане.

Охотно верю, что это было с нашей стороны совершенно непростительной ошибкой. Не знаю только, почему именно. До сих пор я думал, что своевременно откликаться на злобы дня не грех, а долг каждого публициста. Но, может быть, и впрямь уважающий себя статистик должен писать о видах на урожай и ресурсах 1921 г. не в июле того же года, а этак примерно через год или два после сбора, к какому сроку тов. Попов, несомненно, уже успеет закончить и опубликовать все свои на сей предмет исчисления.

С другой стороны, до сих пор я полагал, что П. И. Попов не такой легкомысленный человек, чтобы выступать в государственных учреждениях, подобных Госплану, с непроверенными или недостоверными данными, а потому смело оперировал его цифрами с точным указанием источника. Оказывается, однако, что и это неладно. Но почему же? И что именно здесь неладно? То ли плохо, что я вообще оперировал в своих расчетах с «вычитанными» и «записанными» цифрами, вместо того, чтобы самому «творчески» сочинять их, не пользуясь для сего никакими источниками? Или плохо только то, что они заимствованы из недостаточно надежного источника?

Надеюсь, что тов. Попов разъяснит нам все эти недоумения в обещанном им «через несколько дней» ответе. А, кстати, не мешало бы разъяснить и следующее, более существенное недоразумение.

Упрекая меня в пользовании преувеличенными нормами потребления зерна и фуража в 1920 г., тов. Попов заключает: «Благодаря произвольно взятым нормам... тов. Струмилин пришел к своему изумительному выводу о неточности исчисления продукции в 1920 г. на 60%».

Весьма возможно, что взятые мною нормы действительно преувеличены и «произвольны». Но так как я «взял» их не с потолка, а из самых последних опубликованных, а частью даже еще неопубликованных, но тем не менее вполне официально оглашенных в Госплане работ Центрального статистического управления, то следовало бы пояснить, на основании каких еще более новых и точных сведений оспаривается пригодность норм, мною использованных. Если они не вполне точны, то какова именно степень их неточности? А если вовсе произвольны, то зачем ЦСУ их публиковало и предлагало к услугам Госплана?

Но еще загадочнее следующее обстоятельство. В моей статье я определял неточность исчисления продукции, т. е. валового сбора 1920 г. в 23%. Спрашивается, откуда же П. И. Попов «вычитал» и «выписал» цифру — 60%. Что это? Полемическое влечение к максимальному «изумлению» читателя или простая описка? А если это описка и самому П. И. Попову представляется в достаточной степени изумительным и подлинный мой

вывод о недоучете урожайности в 23%, то чем объяснить его поведение в комиссии о продналоге, где он сам отстаивал этот изумительный вывод и провел надбавку к оценкам урожая по показаниям с мест ровно в 25%?

Поистине это весьма «изумительное» совпадение.

Конечно, нам всем очень неприятно, что наш учет урожайности требует таких поправок. Гораздо приятнее было бы, если бы ЦСУ действительно могло давать нам ежегодно уже к 15 июля статистический учет предстоящего сбора с точностью до 5%, как это еще недавно обещал нам в Госплане П. И. Попов. Но поскольку этот идеал оказывается на деле весьма далеким от осуществления, делать нечего, приходится мириться на том, что есть. А сердиться на тех, кто устанавливает подобного рода факты, и впадать в полемическое «изумление» по поводу таких выводов, которые сам уже практически проводишь в жизнь,— это уже совсем несерьезное занятие.

3. О БАЛАНСОВОМ МЕТОДЕ В УРОЖАЙНОЙ СТАТИСТИКЕ[1]

Жить в такой сельскохозяйственной стране, как Россия, где искони «господин», а ныне «товарищ урожай» определял и определяет собой всю хозяйственную коньюнктуру страны на целый год вперед, и не знать ничего достоверного об истинных размерах этого урожая не только за текущий год, но и за прошлые — это значит заранее обречь себя на прискорбнейшие ошибки в текущей плановой работе важнейших хозяйственных органов страны.

А между тем, как известно, сельскохозяйственная статистика никогда не стояла у нас доныне на должной высоте. Конечно, для характеристики многолетних процессов и тенденций в наиболее суммарном их выражении эта статистика давала и раньше немало ценных материалов исследователю. Но для практических целей данного года, например в интересах равномерной раскладки по губерниям и уездам налогового бремени крестьянского населения и тому подобного употребления, эти материалы были уже в гораздо меньшей степени пригодны. Пессимисты, вроде В. Г. Михайловского, оценивали довоенную урожайную статистику в таких выражениях: «В общем насчитывается не менее 15 различных источников сведений об урожаях, и, несмотря на такое перепроизводство урожайной статистики, в конце концов нельзя даже с уверенностью сказать, каковы результаты в данном году, *большой ли у нас урожай или голодный год*». Д. Н. Иванцов в известной работе «К критике русской урожайной статистики» (Пб., 1915) более оптимистичен. Иванцов в результате тщательного анализа математическими методами сопоставляемых им источников определенно поддерживает тезис «*средней, массовой правдоподобности и однородности*» суммарных данных русской урожайной статистики (стр. 53). Но и у него то и дело наталкиваешься на самые «безрадостные впечатления» и «резкие приговоры». Разноречие данных Центрального статистического комитета и земской статистики и в площадях посевов, и в урожаях, и в сборах *в погодных* итогах значительно превышает те 10—15%, какие автор считает статистически допустимой погрешностью. В отдельных случаях, в особенности в поуездных итогах, оно достигало и 30, и 60, и даже 100%. Причем, и колебания этих данных от года к году зачастую шли в диаметрально противоположном направлении. «Один источник,— по словам Иванцова,— говорит о форменном бедствии, другой торжествует триумф!». Немудрено, что при таких условиях автор констатировал «абсолютную непригодность для *утилизации*» такого рода данных и еще до революции выдвигал идею «радикальной реформы русской урожайной статистики» (стр. 115—127, 130—133, 149).

---

[1] «Плановое хозяйство», 1924, № 4—5.

Иванцов исследовал ценность данных об урожаях и сборах *зерновых* хлебов. Но еще хуже обстояло дело в области учета урожайности специальных культур. Так, в отношении текущей статистики льна мною установлены были еще в 1913 г. такие расхождения. Посевная площадь льна-долгунца, по данным Центрального статистического комитета, составляла 14,2% ярового клина по семи льняным губерниям, а по земским данным — 20,8%, т. е. на 45,8% больше; средний сбор волокна в тех же губерниях земская статистика оценивала в 13,8 пуд. на десятину, а Центральный статистический комитет — в 31,1 пуд., т. е. на 125% выше! Вследствие чего мною уже тогда предлагался проект коренной реорганизации текущей статистики льна путем *балансового метода* проверки урожайности данными о потреблении волокна, вывозе и запасах его в стране (см. мою брошюру «Задачи и план организации текущей статистики льна». Пб., 1913).

После революции все статистические органы, ведущие текущую статистику урожайности, объединились в недрах единого Центрального Статистического Управления. И потому никаких разноречий прежнего порядка в этой области выявить нет возможности. Но значит ли это, что новая постановка дела в указанной области стала лучше прежней? К сожалению, нет.

В сущности новым в этой области до сего дня было лишь то, что данными урожайной статистики пришлось пользоваться в фискальных целях, отчего правдивость показаний населения возрасти ни в коем случае не могла. Наоборот, такое прикладное использование статистических данных привело лишь к повышению их дефектности.

Немудрено поэтому, что Госплан с первых же шагов своей деятельности обратил внимание на эту дефектность, выдвигая для ее установления и устранения наиболее простой и рациональный балансовый метод проверки урожайности по потреблению. Первая же работа Госплана, произведенная по этому методу, установила, что оценка валового сбора главнейших зерновых хлебов за 1920 г., исчисленная П. И. Поповым по данным текущей статистики ЦСУ («Производство хлеба в РСФСР и федерирующих с нею республиках». Госиздат, 1921) преуменьшена по меньшей мере на 670 млн. пуд., или 25% от фактического сбора, определившегося по данным в потреблении примерно в 2632 млн. пуд.[1]

В сущности говоря, если бы брать цифры сельскохозяйственной статистики без всяких поправок, то указанный недоучет выразился бы в еще более крупной величине. П. И. Попов, определяя в названной брошюре валовой сбор важнейших продовольственных и зерновых хлебов по Союзу Республик (по-видимому, без Туркестана и Закавказья) в 1975 млн. пуд., исходит из посевной площади в 56,7 млн. дес., что дает урожай на десятину в 34,8 пуда (стр. 28 и 30). Сам автор не дает в своей работе никаких указаний о методе своего исчисления. Но сопоставление приведенной цифры урожайности в 34,8 пуда на десятину с позднейшими публикациями ЦСУ, где урожайность 1920 г. без поправок определяется в 30,4 пуда на десятину, показывает, что в названной работе П. И. Попова мы имели дело с урожайностью, уже повышенной против фактических данных урожайной статистики примерно процентов на 15[2]. Валовой сбор без этой поправки определился бы, значит, всего в $(56{,}7 \times 30{,}4) =$ 1720 млн. пуд., а недоучет против данных о потреблении составил бы до 35%.

На первых порах ЦСУ встретило весьма неодобрительно наши указания, отстаивая безусловную правильность применяемых им методов в области учета сельскохозяйственных явлений. Всякая критика этих методов

---

[1] С. Струмилин. К хозяйственному плану на 1921 г. «Народное хозяйство», 1921, кн. V.

[2] «Труды ЦСУ», т. VIII, вып. 4. М., 1921, стр. 393.

со стороны казалась ему, по-видимому, совершенно недопустимым посягательством на статистический авторитет и неоспоримую по своей компетенции монополию ЦСУ в этой области. П. И. Попов еще в августе 1921 г. обещал в печати «через несколько дней» опровергнуть наш расчет, указав в точности, «где и в чем» наша ошибка (см. выступление П. И. Попова: в «Правде» от 14 августа № 179 и мой ответ ему в «Экономической жизни» от 24 августа 1921 г. № 186). Но, к сожалению, хотя с тех пор прошло почти уже 3 года, уважаемый оппонент не успел еще выполнить своего обещания.

Тем временем, однако, спор по поводу достоинств наличных данных сельскохозяйственной статистики вступил в новую стадию. С появлением в свет работы Н. М. Вишневского «Статистика и сельскохозяйственная действительность» (М., 1922) главное внимание было обращено на крайнюю неполноту учета посевных площадей. Точка зрения Н. М. Вишневского в общем и целом была поддержана целым рядом авторитетных статистиков и экономистов (из числа которых назовем В. Г. Громана, А. Е. Лосицкого, Н. П. Огановского, Н. Д. Кондратьева). Ввиду особой важности спора отголоски его попали и в общую прессу (Ю. Л а р и н. Тайны и чудеса советского земледелия. «Правда» от 31 октября 1922 г.) нашли свое карикатурное отражение в «Крокодиле», попали даже в историю (С. М. Д у б р о в с к и й. Очерки русской революции, вып. I. «Сельское хозяйство», изд. 2, 1923, стр. 287—299).

Преодолеть всякую инерцию бывает очень трудно. Но в особенности трудно преодолеть инерцию слишком привычных навыков в работе и привычных ошибок. Вот почему мы отнюдь не удивляемся, что наши статистические органы, в течение целого *ряда лет* практиковавшие в области урожайной статистики определенные методы наблюдения и учета, не могли без упорной борьбы признать их заведомо недостаточными, а потому и явно непригодными для тех практических потребностей, какие они призваны ныне обслуживать. К счастью, в эпоху революционных сдвигов во всех областях народного хозяйства всякая инерция застоя легче всего поддается напору жизни. Поддалась она и в области урожайной статистики. В некотором роде «исторический» спор о достоинствах доныне применявшихся в этой области методов и приемов можно считать разрешенным.

В конце марта 1924 г. мы имели удовольствие заслушать в стенах Госплана коллективный доклад Центрального статистического управления о хлебофуражном балансе Республики на 1923/24 г., из которого узнали следующее: ЦСУ признало, наконец, недостаточность доныне применявшихся методов наблюдения и учета в области урожайной статистики и решило отныне перейти к *балансовому методу* взаимного корректирования показаний населения и своих собственных органов наблюдения о посевных площадях, сборах, потреблении и запасах хлебной продукции Республики. Конечно, в полной мере этот метод применим лишь в отношении *истекших* лет, т. е. задним числом. Но установленные таким образом коэффициенты погрешности показаний населения о площадях и сборах за прошлые годы могут быть легко использованы и для предварительного учета площадей и урожайности текущего года.

На будущее время ЦСУ решило производить через свои органы на местах такую балансовую поверку всех данных текущей урожайной статистики в *погубернском* масштабе, для чего ему придется, конечно, наряду с другими источниками рекомендовать еще широкое использование данных транспортной статистики о хлебных перевозках. Основное значение, однако, при балансовом методе получат, конечно, данные массовых обследований питания и бюджетных обследований сельского и городского населения. В настоящее время ЦСУ смогло использовать эти данные для корректирования показаний урожайной статистики лишь в суммарном хле-

бофуражном балансе Республики. Но и такая суммарная их поверка привела ЦСУ к установлению необходимости следующих поправок. Данные текущей сельскохозяйственной статистики о посевных площадях подлежат увеличению от 5 до 20%, а в среднем, по меньшей мере,— на 16%, об урожаях — на 30—32% и, стало быть, о валовых сборах — минимум на (1,16 × 1,30) = 51%.

Коэффициент «уклонения от истины», как видим, далеко не шуточный.

В сущности, поправку к показаниям населения на урожайность в «полбалла», т. е. на 18—19%, ЦСУ практикует уже не первый год. Но теперь оно убедилось, что и такой «поправки» еще совершенно недостаточно для того, чтобы свести концы с концами в нашем хлебофуражном балансе и увеличило ее еще процентов на 12. Что же касается посевных площадей, то до 1924 г. ЦСУ не решалось ни на какие поправки в этой области, и постановление последней конференции о поправке в 16% является для него решительным сдвигом с мертвой точки.

Достаточна ли, однако, эта поправка? Почему именно ЦСУ думает, что в своих показаниях о посевах население, говоря грубо, врет только на 16%, если в оценках урожайности вранье достигает 30—32%, т. е. чуть ли не вдвое выше? Это еще неясные и далеко не разрешенные вопросы.

В довоенное время наиболее точной считалась земская статистика. По сравнению с ней данные Центрального статистического комитета о крестьянских землях, ныне положенные в основу исчислений ЦСУ, были преуменьшены и нуждались в поправке; по Иванцову, в отношении урожайности в среднем процентов на 9, а в отношении посевов — тоже на такой же процент («К критике русской урожайной статистики», стр. 26 и 129). Валовые сборы по ЦСК нуждались поэтому в поправке не свыше 19% (1,0% × 1,09 = 1,19). Сделанная нами в Госплане поверка балансовым методом итогов валовых сборов ЦСК за 1906—1914 гг. путем сопоставления их с данными о потреблении и вывозе хлебов дала расхождение указанных данных в 19,3%. Таким образом, можно считать в полном согласии с расчетами Иванцова, что до войны ЦСК давал примерно совершенно одинаковый недоучет как в площадях, так и в урожайности. Такое предположение вполне отвечает условиям довоенного времени, когда население не имело специальных причин сознательно преуменьшать свои посевы и урожай.

Но в годы продразверстки и продналога такие причины, несомненно, появились у населения. А при сознательном желании соврать врут, разумеется, в большей мере там, где легче соврать. Но где же легче соврать, чем в посевных площадях? В этой области никакой регистратор без помощи землемера проверить показаний населения не сможет. Тогда как балльную оценку урожая, определяемую на глазок, проверять может каждый волостной статистик, любой агроном местного совхоза и вообще все местные власти. Здесь, стало быть, имеются уже известные пределы вранью.

Вот почему гипотеза ЦСУ о том, что главнейшая доля недоучета валовых сборов должна быть отнесена за счет преуменьшения коэффициентов урожайности до тех пор, пока она ничем не подтверждена, представляется нам крайне сомнительной.

Весьма спорным является для нас и общий размер поправки на валовой сбор не свыше 55—59%. Дело в том, что ЦСУ по целому ряду соображений считает данные обследований питания населения преувеличенными и снижает их в своих балансовых расчетах на целых 10%, сокращая тем самым и величину необходимой поправки к валовому сбору. Однако, судя по весьма тщательному анализу точности обследований питания, произведенному А. Е. Лосицким в «Экономическом обозрении» (вып. 1, 1924, стр. 45), такая поправка чрезмерно велика. Сам А. Е. Лосицкий

определяет ее в размере не свыше 3,2%. Но и эту величину мы рассматриваем лишь как предельный максимум. И вот почему.

Преувеличенными нормы потребления хлеба в обследованиях питания признаются потому, что они охватывают хозяйства несколько повышенного типа по обеспечению посевами и рабочей силой в отношении ко всему крестьянскому населению. Однако сумма всех поправок на переучет по указанным причинам не превышает, по В. М. Обухову, 6—10%, по А. Е. Лосицкому — 3,2%. Причем, в расчетах В. М. Обухова содержится та ошибка, что он оперирует калорийными нормами *общего* питания, для хлебного же баланса нас должно интересовать лишь *хлебное* питание. А между тем из анализа бюджетных материалов нетрудно установить, что хлебное питание в группах среднего благосостояния колеблется гораздо менее резко, чем общее питание. Так, по декабрьским бюджетам 1922 г. при отклонении общего итога расходов в рублях на «едока» даже в 20—30% от средней величины нормы общего питания возрастали или падали всего на 7—8%, а нормы хлебного потребления — только на 3—4%, т. е. еще в 2—3 раза медленнее.

Расчеты А. Е. Лосицкого гораздо правдоподобнее. Но и они несколько односторонни, ибо вовсе не учитывают тех обстоятельств, которые уравновешивают погрешность в сторону переучета. Из такого рода обстоятельств одно указано самим Лосицким. Это повышенный процент промысловых хозяйств среди обследованного по питанию населения; в промысловых хозяйствах потребление хлеба ниже среднего, и этот момент, как видно из справки, приведенной Лосицким, может снизить среднюю норму процента на два, если не больше («Экономическое обозрение», вып. 1, стр. 45). Вторым обстоятельством, упущенным и Обуховым, и Лосицким, является недоучет обследований питания, вытекающий из дефектов памяти опрашиваемых. Никакой бухгалтерии в крестьянских хозяйствах не ведется. Крестьяне дают свои показания регистратору по памяти. Правда, за очень короткий срок, всего за одну неделю. Но специальная работа, произведенная по заданию Госплана по 226 бюджетам железнодорожников за ноябрь 1923 г., где регистраторы приходили к рабочим *через каждые три дня* и записывали их приходо-расход за каждый день, при балансовой поверке точности записей показала все же недоучет в 2,5%. Наконец, большое сомнение вызывает общее молчаливое допущение методологов ЦСУ, что явная тенденция крестьян сознательно преуменьшать свое благосостояние в показаниях о своих посевах и урожаях вовсе не находит никакого отражения в их показаниях о потреблении. Правда, при *добровольческом* составе опрашиваемых эта тенденция должна сильно смягчиться, но едва ли вовсе отпадает. Ведь и крестьяне-добровольцы не могут забыть о существующих методах обложения и возможностях налогового использования всякого рода статистических обследований.

Исходя из указанных соображений, мы думаем, что абсолютные цифры площадей посевов и сборов, вытекающие из принятых в настоящее время ЦСУ поправок, далеко еще не являются окончательными. Тем не менее приведем их для иллюстрации в сопоставлении с прежними данными ЦСУ (табл. 32).

Данные довоенного времени исчислены нами в табл. 31 для тех же границ, для которых даются итоги ЦСУ. Все же остальные либо извлечены из публикаций ЦСУ и докладов его в Госплане, либо исчислены нами на основании тех поправочных коэффициентов, которые установлены ныне ЦСУ. Для 1923 г. имеется еще один промежуточный вариант (№ 3), извлеченный нами из статьи Н. О. Дубенецкого со ссылкой на «Бюллетень ЦСУ» (№ 82), доныне не вышедший в свет. В этом варианте Комиссия ЦСУ не решалась еще окончательно порвать с прежними своими данными о посевах и вносила в них поправку всего в 7%. Для того же 1923 г. мы вынуждены были еще самостоятельно исчислить валовой сбор по ва-

Таблица 32

Итоги нашей урожайной статистики 7-ми главнейших зерновых хлебов по СССР
(без Закавказья, ДВО и Туркестана *)

Год урожая	Вариант исчислений	Посевы		Урожай		Валовой сбор	
		млн. дес.	%	пуд.	%	млн. пуд.	%
1	2	3	4	5	6	7	8
1906	№ 1 по ЦСК, без поправок . .	75,0	100	47,5	100	3 563	100
1914	№ 2, с поправками по Иванцову	81,8	109	51,8	109	4 237	119
1920	№ 1 по ЦСУ, без поправок . .	58,2	100	30,4	100	1 770	100
	№ 2 » » с одной поправкой .	58,2	100	36,3	119	2 110	119
	№ 3 » » с двумя поправками	(67,5)	116	(39,5)	130	(2 666)	151
1921	№ 1 » », без поправок . . .	53,4	100	26,8	100	1 432	100
	№ 2 » », с одной поправкой	53,4	100	31,6	118	1 689	118
	№ 3 « », с двумя поправками	(62,0)	116	(34,8)	130	(2 160)	151
1922	№ 1 » », без поправок . . .	43,6	100	42,7	100	1 862	100
	№ 2 » », с одной поправкой .	43,6	100	50,7	119	2 212	119
	№ 3а » », с двумя поправками	50,4	116	55,6	130	2 807	151
	№ 3б » », » »	50,4	116	57,2	134	2 889	155
1923	№ 1 » », без поправок . . .	51,8	100	(35,2)	100	(1 823)	100
	№ 2 » », с одной поправкой	51,8	100	41,5	118	2 151	118
	№ 3 » », с двумя поправками	(55,5)	107	(43,8)	125	2 432	133
	№ 4а » », » »	60,3	116	45,1	128	2 716	149
	№ 4б » », » »	60,3	116	46,4	132	2 795	159

* «Труды ЦСУ», т. VIII, вып. 4. М., 1923, стр. 389—397; «Экономическое обозрение», 1924, вып. 3, стр. 12—17 и доклад ЦСУ в Госплане от 25/III 1924 г. Итоги, заключенные в скобки, исчислены нами по коэффициентам поправок, принятых ЦСУ для 1922 гг. Данные 1906—1914 гг. исчислены для всей России и приведены к сравнимым с данными ЦСУ границами приблизительно снижением площади на 18% и урожайности на 2% (по данным 1910—1914 гг.)

рианту № 1. Дело в том, что само ЦСУ настолько уже привыкло к своей поправке в «полбалла» к урожаю, что перестало о ней даже упоминать в своих публикациях. И, в частности, за 1923 г. Н. О. Дубенецкий опубликовал пока только наш вариант № 2 с величиной сбора в 2153 млн. пуд., сопроводив его в тексте указанием, что этот итог есть «статистическая величина *без всяких поправок к ней*» («Экономическое обозрение», вып. 3, стр. 15). Однако сопоставление приведенных им там же на стр. 12 итогов урожайности за разные годы с данными, опубликованными в VIII томе «Трудов ЦСУ», обнаруживает, что это уже исправленные на «полбалла» сборы.

Понятно, что поправочка в «полбалла», дающая в валовом сборе прибавку всего на 300 млн. пуд. хлеба или около того, совершенно бледнеет перед общей суммой ныне принятых поправок в целый миллиард пудов сбора. И забыть о ней немудрено. Но к чему же вводить в заблуждение не искушенного в статистике читателя категорическими утверждениями, что ему даются «статистические» величины «без всяких поправок».

Однако, не желая быть слишком придирчивыми, не станем останавливаться на мелочах этого рода и прямо перейдем к выводам. Табл. 32 сама по себе достаточно показательна для оценки тех успехов, какие означает собой отказ ЦСУ от его прежней веры в непогрешимость непосредственных данных нашей урожайной статистики.

Впрочем, может быть, мы не совсем точно выразились. Весьма возможно, что в недрах самого ЦСУ такой веры и не было. Об этом можно догадываться потому, что сам глава ЦСУ П. И. Попов — надо отдать ему в этом полную справедливость — никогда не предлагал ни одному правительственному органу пользоваться для практических целей теми данными о валовых сборах, какие доныне исчислялись и публиковались отделом

текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ. Так, уже в первом своем докладе на эту тему, предложенном членам X съезда РКП, П. И. Попов привел цифру *чистого* сбора хлебов за 1920 г. в 1773 млн. пуд., т. е. на 482 млн. пуд., или на 27% выше той цифры, которая позже была опубликована в качестве официальной статистической цифры без поправок[1]. Правда, члены съезда не были посвящены в тайны той статистической кухни, из которой вышла эта цифра, но это уже второстепенная подробность. Далее валовой сбор 1921 г. П. И. Попов определял в Госплане не в 1432 млн. и не в 1689 млн. пуд., а в 2 млрд. Сборы 1922 и 1923 гг. для определения возможной цифры налога оценивались им тоже в соответствующих учреждениях не ниже 2,8—3 млрд. пуд., хотя это было еще задолго до принятых ЦСУ в 1924 г. новых поправок к посевным площадям и урожайности.

Тем не менее в официальных публикациях ЦСУ мы все время встречали другие, гораздо менее вероятные итоги, и как бы их ни оценивали в статистическом мире, всем непосвященным оставалось лишь верить им и изумляться живучести русского крестьянства, которое до сих пор не вымерло еще при столь «катастрофическом» падении нашего сельского хозяйства.

Теперь это глубоко ненормальное положение, наконец, изжито. С большими трениями и изрядной нерешительностью — по кусочкам (на четверть балла, на полбалла, на 7%, на 16% и т. д.), но все же в общей сложности уже на целый миллиард пудов отошли мы преблагополучно от первоначальных итогов нашей урожайной статистики.

Весь этот скорбный путь поправок невольно напоминает нам известный анекдот об одном ученом пуделе, у которого «из жалости» отрубали хвост по кусочкам. У наших просвещенных деятелей из области урожайной статистики их престиж непогрешимости отсекался в течение целых трех лет по кусочкам, очевидно, тоже из столь же утонченного чувства гуманности. Но раз операция эта была неизбежна, то рано или поздно, оптом или в розницу произвести ее все же пришлось бы.

Самым ценным, однако, завоеванием в этой области мы считаем то, что отныне необходимые поправки в итоге урожайной статистики будут вноситься не случайно по более или менее счастливой интуиции того или другого статистика, хотя бы даже столь авторитетного, как П. И. Попов, а вполне закономерно, по строго установленному и вполне надежному методу. И если работы Госплана в области народнохозяйственного баланса хоть отчасти помогли ЦСУ оценить и надлежащим образом использовать этот метод в применении к реформе урожайной статистики, то мы можем чувствовать себя вполне удовлетворенными.

Ибо эта реформа представляет собою, на наш взгляд, колоссальное завоевание в области нашего хозяйственного учета, а стало быть, и в области связанной с ним плановой работы.

---

[1] Ср. брош. «Хлебная продукция», предлож. в 1921 г. X съезду, стр. 5 и «Труды ЦСУ», т. VIII, вып. 4, стр. 401.

VIII. СОСТАВ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К 1922 г.[1]

1. ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕПИСИ

Предпринятая в 1922 г. и уже частью разработанная всероссийская перепись членов РКП впервые дает нам возможность осветить с достаточной определенностью целый ряд существеннейших для жизни партии вопросов. Одним из таких вопросов является проблема роста и динамики социального состава партии.

Каким темпом растет она в различные моменты революции? И за счет каких именно социальных элементов? И далее: какие элементы привлекает к себе партия с наибольшей силой на разных этапах своей борьбы, в зависимости от тех или иных изменений в объективной хозяйственной обстановке страны и от соответствующих им изгибов политической линии партии? Вот вопросы, представляющие собой глубочайший интерес не только для грядущих историков русской революции, но и для всех практических политиков современности.

Такие политики, являясь в известном смысле строителями грядущего, должны, разумеется, очень хорошо знать состав и качество той глины, из которой ныне лепятся новые формы жизни. И нужно сказать, что программа разрабатываемой ныне переписи обеспечивает им в этом отношении богатейшие возможности.

В ней даются статистические подходы к изучению не только статистики, но и социальной динамики состава РКП. Вместе с тем она позволяет разложить партию на ее составные социальные элементы, молекулы и атомы и выявить степень их взаимного революционного сродства почти с такой точностью и детальностью, какая доступна лишь химическому анализу.

Разумеется, для того чтобы разрешить исчерпывающим образом столь сложную задачу из области социальной химии, как всесторонний качественный и количественный анализ состава той глины, из которой лепится РКП, потребуется еще немало времени и труда.

В таких словах мы оценивали значение произведенной переписи уже несколько месяцев назад, когда мы впервые, располагая итогами только по 26 губерниям РСФСР, попытались извлечь из нее некоторые наиболее общие выводы [2]. С тех пор разработка нашей переписи подвинулась гораздо дальше, и мы можем заново пересмотреть и прокорректировать эти выводы. Главнейшие итоги краткой погубернской разработки опубликованы нами уже по 95 губерниям России. Помимо этого, в нашем распоряжении имеется целый ряд других, еще не опубликованных сводок результатов переписи по всей России или по отдельным ее районам.

Конечно, это только наиболее общие предварительные итоги. Более углубленная разработка с целым рядом новых комбинационных группиро-

[1] «Всероссийская перепись членов РКП(б), 1922», вып. 4, М., 1923.
[2] С. Г. Струмилин. Динамика состава РКП. «Правда», 1922, № 97, 99.

вок материала закончена только по Москве и Петрограду. И пока, может быть, было бы еще рано делать на основании имеющегося материала окончательные выводы по тем или иным вопросам. Но и та суммарная сводка, которую мы можем сейчас предложить читателю, представляет собой, надеемся мы, немало здоровой пищи для весьма поучительных наблюдений и обобщений.

2. ЧИСЛЕННОСТЬ ПАРТИИ

Для характеристики общей численности членов партии к началу 1922 г. по главнейшим районам и республикам Советской Федерации можно привести табл. 33.

Таблица 33

Порайонное распределение членов РКП и их соотношение с населением

Район	Число губерний, областей и республик	Население на 28 августа 1920 г., тыс. чел.	Число членов РКП по переписи 1922 г.: числилось, абс.	числилось, на 1000 душ населения	переписано, абс.	переписано, на 1000 душ населения
1	2	3	4	5	6	7
Москва	—	1 028,2	27 625	26,9	27 912	27,1
Петроград	—	705,9	18 272	25,9	19 752	28,0
Итого	—	1 734,1	45 897	26,5	47 664	27,4
А. Центральная Россия (включая Москву и Петроград)						
1. Промышленные губернии	12	18 177,9	106 076	5,84	106 663	5,87
2. Земледельческие губернии	28	42 708,9	95 145	2,23	93 792	2,20
Итого	40	60 886,8	201 221	3,31	200 455	3,29
Б. Окраины						
3. Украина	12	26 001,8	54 386	2,09	53 901	2,07
4. Сибирь	7	7 759,5	38 897	5,01	34 873	4,50
5. Кавказская республика	7	7 290,5	31 041	4,26	27 770	3,80
6. Туркестан	6	7 201,6	22 400	3,11	18 964	2,63
7. Юго-Восток	4	6 042,3	23 025	3,81	22 554	3,73
8. Мелкие автономные области республики	11	9 172,3	18 982	2,07	18 967	2,07
9. Киргизская республика	8	5 058,6	11 803	2,34	8 829	1,74
Итого	55	68 526,6	200 534	2,93	185 858	2,71
Всего по 95 губерниям, областям и республикам	95	129 413,4	401 755	3,10	386 313	2,98
Сверх того по ДВР	3	1 110,7	7 115	6,40	—	—

В приведенные итоги не вошли только Якутская республика и Камчатка, где перепись еще не закончена. Данные по Дальнему Востоку тоже выделены особо, ибо это данные текущего учета на 1 октября 1922 г., а не переписи, и притом без Приморской области, в то время занятой япон-

скими войсками. Таким образом, общий итог членов РКП по всей Федерации даже без кандидатов превышал к началу переписи 400 тыс. чел. Часть из них осталась непереписанной на индивидуальных бланках и учтена лишь суммарно по ячейковым спискам, причем вследствие большой подвижности членов РКП многие из них оказались переписанными уже не в тех районах, где они числились по спискам. Отсюда расхождение итогов в гр. 4, 6 табл. 33. Но общий недоучет по индивидуальным бланкам 3,8% списочного состава весьма невелик и, надо надеяться, еще сократится, ибо из многих губерний и до сих пор еще поступает дополнительный материал на членов, переписанных по разным причинам со значительным запозданием [1].

Конечно, 400 000 членов на всю РКП — это цифра, которая как по абсолютной ее величине, так и в особенности по отношению к населению может показаться чрезвычайно скромной, 3 коммуниста-революционера на 1000 обывателей (с чадами и домочадцами) — это действительно немного. Но разве для того, чтобы оживить и привести в состояние бурного брожения какие угодно инертные массы бесформенного теста или иного пресного сусла, требуется больше дрожжевой закваски? В современной обстановке малочисленные кадры РКП — это те же революционные дрожжи, тот же все оживляющий и организующий фермент, значение которого на творческом пути от аморфной стихии современного мещанства к высшим формам человеческого общежития отнюдь не определяется арифметическим его весом.

Но всякий фермент требует для своего развития и наилучшего действия подходящей среды. Какая же среда является наиболее подходящей для умножения и наиболее результативной работы коммунистического фермента в России? Сравнительный анализ уже достигнутых РКП успехов в различных районах и слоях населения и прежде всего анализ различий в относительной численности коммунистов среди различных возрастно-половых, производственно-профессиональных и иных группировок населения может дать нам наиболее точный цифровой ответ на поставленный вопрос и наилучшую характеристику интересующей нас социально-экономической среды.

Различия эти чрезвычайно велики и весьма поучительны.

Возьмем, например, возрастную группировку. К сожалению, у нас еще нет соответствующих данных по всей России, но для иллюстрации достаточно будет привести хотя бы следующее сопоставление по Москве (табл. 34) [2].

Как видим, тяготение различных возрастно-половых групп к РКП далеко не одинаковое, и средние величины сами по себе говорят здесь еще весьма немного. Чрезвычайно благоприятно для такой партии революционного действия, как РКП, то, что максимальное тяготение к ней проявляют наиболее мужественные и дееспособные элементы населения. Во всяком случае среди мужчин партия пользуется в несколько раз большим успехом, чем среди женщин, а среди тех и других максимальный процент коммунистов выделяют из себя наиболее цветущие энергией и силой возрасты — от 20 до 30 лет. В этой группе плотность коммунистов раза в три выше среднего уровня.

В отношении преобладания мужчин над женщинами среди коммунистов московские данные недостаточно характерны. В Москве коммунистки дают свыше 17% общего итога членов партии. По всей России этот процент, как видно из данных табл. 35, вдвое ниже.

---

[1] К моменту печатания этого выпуска поступило еще 11 000 бланков, что понижает недоучет до 1,1%.

[2] Итоги населения и коммунистов, распределенные в табл. 33 по возрастам, не вполне сравнимы вследствие некоторой неполноты их и разновременности получения. Но более сравнимых данных не имеется.

Таблица 34

Плотность членов РКП в различных возрастных группах по городу Москве

Возраст	Население на 28 августа 1920 г., чел.			Члены РКП к началу 1922 г.					
				в абсолютных цифрах			на 1000 душ населения		
	мужчины	женщины	обоего пола	мужчин	женщин	обоего пола	мужчин	женщин	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
0—16 лет	134 251	140 266	274 517	—	—	—	0,0	0,0	0,0
17 »	9 022	10 704	19 726	49	14	63	5,4	1,3	3,2
18 »	7 792	12 067	19 859	270	70	340	34,7	5,8	17,2
19 »	5 236	11 654	16 890	633	173	806	121,0	14,9	47,0
20—24 года	33 803	62 554	96 357	6 261	1 650	7 911	185,0	26,4	82,2
25—29 лет . . .	41 162	58 670	99 832	5 763	1 187	6 950	140,5	20,2	69,8
30—39 » . . .	80 208	83 856	164 064	6 039	940	6 979	75,3	13,6	42,5
40—49 » . .	64 064	65 528	129 592	1 683	292	1 975	26,3	4,5	15,2
50—59 » . . .	35 403	46 437	81 840	359	54	413	10,1	1,2	5,0
60 лет и выше . .	13 624	32 682	46 306	49	5	54	3,6	0,2	1,2
Итого	424 565	524 418	948 983	21 106	4 385	25 491	49,8	8,4	26,9
В том числе 18—49 . . .	232 265	294 329	526 594	20 649	4 312	24 961	89,0	14,6	47,5
20—29	74 965	121 224	196 189	12 024	2 837	14 861	160,6	23,4	75,7

Особенно низок процент женщин среди членов РКП в деревне. Среди более юной группы кандидатов партии, а также в городах он несколько выше. Но по отношению к населению соответствующего пола мужчины и в городе, и в деревне раз в 10—12 сильнее представлены в партии по сравнению с женщинами. Таким образом, если исключить из расчета женское население, а также детей и стариков, то число членов РКП на 1000 граждан в наиболее активном возрасте 20—30 лет поднимается раз в 6 выше среднего уровня для обоих полов и всех возрастов (с 3 до 18%).

Эта концентрация коммунистических ферментов в тех группах населения, которые принимают наиболее активное участие в хозяйственной жизни страны, наблюдается при всех группировках.

Мы уже отмечали, например, повышенную плотность коммунистов в столицах и промышленных губерниях, где жизнь бьет ключом, по сравнению с более отсталыми в этом отношении сельскохозяйственными районами. В этом явлении, разумеется, нет никакой загадки. Коммунизм — это естественный продукт крупной и высококонцентрированной промышленности, а не распыленного индивидуального сельского хозяйства. Поэтому его «химически» выделяет из своих недр повсюду город, а не деревня.

Для иллюстрации сказанного можно привести следующее сопоставление. На 1000 чел. населения в каждом из наших районов приходилось, по последним имеющимся данным, следующее количество горожан (показатель «урбанизации» района), работников промышленности и транспорта (показатель индустриализации их населения) и членов РКП (показатель относительной плотности коммунистов) (табл. 36).

Как видим, порайонная плотность коммунистов среди населения изменяется в прямой зависимости от колебаний относительной численности горожан вообще и рабочих в особенности в том или ином районе. Довольно заметные уклонения от этого правила можно отметить только для Украины и Сибири. На Украине можно было бы ожидать, по меньшей

Таблица 35

Порайонное распределение коммунистов по полу в абсолютных и относительных величинах по 95 губерниям РСФСР к началу 1922 г.

Район	Члены РКП			Кандидаты			Члены и кандидаты		
	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Абсолютные величины									
1. Промышленный	93 324	12 752	106 076	10 561	1 975	12 536	103 885	14 727	118 612
2. Земледельческий	88 480	6 665	95 145	22 031	2 496	24 527	110 511	9 161	119 672
3. Украина	50 616	3 770	54 386	17 583	1 835	19 418	68 199	5 605	73 804
4. Кавказ	29 836	1 205	31 041	13 357	443	13 800	43 193	1 648	44 841
5. Юго-Восток	21 482	1 543	23 025	6 088	667	6 755	27 570	2 210	29 780
6. Сибирь	36 942	1 955	38 897	16 562	1 105	17 667	53 504	3 060	56 564
7. Мелкие автономные области	17 803	1 179	18 982	6 033	481	6 514	23 836	1 660	25 496
8. Киргизская республика	11 087	716	11 803	4 573	331	4 904	15 660	1 047	16 707
9. Туркестан	21 751	649	22 400	6 486	167	6 653	28 237	816	29 053
Итого	371 321	30 434	401 755	103 274	9 500	112 774	474 595	39 934	514 529
В том числе									
в городах	238 478	24 191	262 669	44 972	6 139	51 111	283 450	30 330	313 780
в селениях	132 843	6 243	139 086	58 302	3 361	61 663	191 145	9 604	200 749

Таблица 35 (окончание)

Район	Члены РКП			Кандидаты			Члены и кондидаты		
	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
К итогу									
1. Промышленный	88,0	12,0	100,0	84,2	15,8	100,0	87,6	12,4	100,0
2. Земледельческий	93,0	7,0	100,0	89,8	10,2	100,0	92,4	7,6	100,0
3. Украина	93,1	6,9	100,0	90,6	9,4	100,0	92,3	7,7	100,0
4. Кавказ	96,1	3,9	100,0	96,8	3,2	100,0	96,3	3,7	100,0
5. Юго-Восток	93,3	6,7	100,0	90,1	9,9	100,0	92,6	7,4	100,0
6. Сибирь	95,0	5,0	100,0	93,8	6,2	100,0	94,6	5,4	100,0
7. Мелкие автономные области	93,8	6,2	100,0	92,6	7,4	100,0	93,5	6,5	100,0
8. Киргизская республика	93,9	6,1	100,0	93,3	6,7	100,0	93,7	6,3	100,0
9. Туркестан	97,1	2,9	100,0	97,5	2,5	100,0	97,2	2,8	100,0
Итого	92,4	7,6	100,0	91,6	8,4	100,0	92,2	7,8	100,0
В городах	90,8	9,2	100,0	88,0	12,0	100,0	90,3	9,7	100,0
В селениях	95,5	4,5	100,0	94,5	5,5	100,0	95,2	4,8	100,0
То же, на 1000 душ населения соответствующего пола									
В городах	25,10	2,26	12,98	4,72	0,57	2,52	29,80	2,83	15,50
В селениях	2,64	0,11	1,27	1,15	0,06	0,57	3,79	0,17	1,84
Всего	6,20	0,44	3,10	1,72	0,14	0,87	7,92	0,58	3,97

Таблица 36

Порайонная плотность коммунистов (на 1000 чел. населения) в связи с показателями плотности городского и индустриального населения *

Район, город	Горожане		Работники промышленности и транспорта		Члены РКП на 1000 чел. населения	
	тыс. чел.	на 1000 чел. населения	тыс. чел.	на 1000 чел. населения	по ячейковым спискам	переписано
1	2	3	4	5	6	7
1. Москва	1 028,2	1 000	253,3	246,2	26,90	27,10
2. Петроград	705,9	1 000	118,5	167,7	25,90	28,00
3. Промышленный центр (12 губ.)	4 412,2	242	1 230,5	67,8	5,84	5,87
4. Кавказская республика (7 губ.)	1 463,4	201	104,0	14,3	4,26	3,80
5. Украина (12 губ.)	5 163,8	198	635,7	24,4	2,09	2,07
6. Юго-Восток (4 губ.)	1 145,4	190	57,3	9,5	3,81	3,73
7. Туркестан (6 губ.)	1 071,2	149	77,1	10,1	3,11	2,63
8. Мелкие автономные республики (11 губ.)	1 188,6	130	141,5	15,4	2,07	2,07
9. Сибирь (7 губ.)	967,4	124	151,4	19,5	5,01	4,50
10. Земледельческий центр (28 губ.)	4 431,0	103	785,6	18,4	2,23	2,20
11. Киргизская республика (8 губ.)	396,5	78	35,2	6,8	2,34	1,74
Итого по 95 губерниям (стр. 3—11)	20 239,5	157	3 218,3	24,9	3,10	2,98

* Население исчислено по переписи 1920 г. («Статистический ежегодник. 1918—1920 гг.», вып. 1. М., 1921), число работников промышленности и транспорта — по данным профсоюзов на 1 апреля 1922 г. («Материалы по статистике труда», вып. 14, 1922).

море, вдвое больше коммунистов, чем их значится по переписи, а в Сибири, наоборот, процент их несоразмерно велик по сравнению с другими районами.

Не менее показательно в указанном отношении и нижеследующее сопоставление (табл. 37).

Как видим, революционное сродство города с партией пролетарской революции в 10 раз сильнее сродства этой партии с деревней. Далее следует отметить, что в селениях РКП пользуется наибольшим успехом в тех районах, где она всего сильнее, и в городах. Говоря иначе, успех в деревне как будто непосредственно следует за успехом в городах. Несколько выше нормы в этом отношении по успеху в деревне выделились Кавказ и Юго-Восток. Возможно, что это объясняется особенностями дислокации Красной Армии к моменту переписи членов партии или какими-нибудь другими местными условиями. Но, во всяком случае, эти частные уклонения не колеблют общего правила.

Наконец, обращает на себя внимание факт, что Сибирь по тяготению ее населения к вступлению в ряды РКП — как в городах, так и в селениях — выступает чуть ли не на первом месте, в то время как Украина оказалась в самом хвосте перечисленных районов.

В объяснение этого явления можно привести многое. В Сибири почти не было голода и тех резких столкновений на его почве между городом и деревней, которые вносили до сих пор немало затруднений в работу пролетарской партии в других частях России. Не было там, с другой стороны, и той национальной розни, которая так осложняет и затемняет классовую подоплеку всякой гражданской войны.

Таблица 37

Порайонная плотность коммунистов среди городского и сельского населения

Район, город	Население 1920 г., тыс. чел.		Члены РКП к началу 1922 г.			
			чел.		на 1000 чел. населения	
	в городах	в селениях	в городах	в селениях	в городах	в селениях
1	2	3	4	5	6	7
1. Москва	1 028,2	—	27 625	—	26,9	—
2. Петроград	705,9	—	18 958	—	26,8	—
3. Сибирь	967,4	6 770,1	19 859	19 038	20,6	2,8
4. Промышленный центр	4 412,2	13 765,9	78 473	27 603	17,8	2,0
5. Киргизский край	396,5	4 662,1	6 038	5 765	15,2	1,2
6. Юго-Восток	1 145,4	4 897,0	15 405	7 620	13,5	1,5
7. Земледельческий центр	4 431,0	38 277,9	59 674	35 471	13,4	0,9
8. Туркестан	1 071,2	6 130,4	12 645	9 755	11,8	1,6
9. Кавказ	1 463,4	5 827,1	17 001	14 040	11,6	2,4
10. Автономные области и республики	1 188,6	7 983,7	12 708	6274	10,7	0,8
11. Украина	1 163,8	20 838,0	40 866	13 520	7,9	0,7
Итого по 95 губерниям, областям и республикам (стр. 3—11)	20 239,5	109 152,2	262 669	139 086	13,0	1,27

На Украине, кроме белых армий Деникина, работали против коммунистов и Петлюра, и антисемиты, и махновщина, и меньшевики, и боротьбисты, и многие другие течения всех цветов радуги. Для того чтобы сравняться в успехе с Сибирью, на Украине партии придется, по-видимому, еще немало поработать, компенсируя утроенной энергией относительно втрое более слабые кадры своих сочленов.

Вышеотмеченная концентрация коммунистических кадров в городах и вообще промышленных районах сказывается и в организационном отношении. В городах число партийных ячеек сравнительно невелико, но зато они в 2—3 раза крупнее сельских. В селениях, наоборот, коммунисты распылены в многочисленных, но чрезвычайно мелких ячейках (табл. 38).

Из данных табл. 37 прежде всего видно, что в земледельческих районах и городские, и сельские ячейки мельче соответствующих ячеек в губерниях промышленных. Но еще больше отличаются по размерам городские ячейки от сельских. Во всех решительно районах средний размер последних не превышает 6—13 членов на ячейку, тогда как в городах эта норма повышается от 15 до 25 членов и выше.

Далее заслуживает внимания соотношение членов и кандидатов. В промышленных районах и в городах кандидаты составляют значительно меньший процент по отношению к членам, чем в земледельческих районах и в селениях. Точно так же окраины дают более высокий процент, чем центр. Особенно низок процент их в столицах (около 10%), особенно велик он в Сибири и на Кавказе (свыше 40%). Вообще же по всем городским ячейкам кандидаты составляют 19% членов партии, а по всем сельским на круг — 45%.

Таблица 38

Парторганизации к началу 1922 г.

Район	Число парторганизаций					Средний размер укома		Средний размер ячейки (число членов и кандидатов на 1 ячейку)						
	укомов	горкомов и райкомов	ячеек			число ячеек на 1 уком	число членов и кандидатов	городских		сельских		в городах и селениях		
			городских	сельских	итого			членов	кандидатов	членов	кандидатов	членов	кандидатов	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
А. Центральная Россия														
Москва	—	7	862	—	862	—	—	32,0	3,8	—	—	—	—	35,8
Петроград	—	11	661	—	661	—	—	27,7	2,8	—	—	—	—	30,5
Промышленные губернии без столиц	124	75	1 599	2 816	4 415	35,7	545	20,3	2,2	9,8	1,4	13,6	1,6	15,2
1. Промышленные губернии со столицами	124	93	3 122	2 816	5 938	48	957	25,1	2,8	9,8	1,4	17,8	2,1	19,9
2. Земледельческие губернии	231	137	3 317	5 437	8 754	38	518	17,1	3,1	6,5	2,5	10,9	2,8	13,7
Итого	355	230	6 439	8 253	14 692	41	671	21,4	3,0	7,6	2,1	13,7	2,5	16,2
Б. Окраины														
3. Украина	101	130	2 565	2 202	4 767	47	731	16,0	4,0	6,0	4,0	11,4	4,0	15,4
4. Сибирь	39	33	1 064	2 781	3 845	99	1.450	18,6	5,0	7,0	4,2	10,1	4,6	14,7
5. Кавказская республика	69	19	1 136	1 587	2 723	40	650	15,0	4,6	8,9	5,4	11,4	5,0	16,4
6. Туркестан	30	48	767	733	1 500	50	968	16,5	3,3	13,3	5,6	14,9	4,4	19,3
7. Юго-Восток	29	10	871	883	1 754	60	1.027	17,7	4,2	8,6	3,5	13,1	3,9	17,0
8. Мелкие автономные области	67	40	845	925	1 770	26	380	15,0	3,2	6,8	4,0	10,7	3,7	14,4
9. Киргизская республика	44	23	307	923	1 230	28	380	19,7	4,3	6,2	3,9	9,6	4,0	13,6
Итого	379	303	7 555	10 034	17 589	47	730	16,5	4,1	7,6	4,4	11,4	4,3	15,7
Всего по 95 губерниям	734	533	13 994	18 287	32 281	44	701	18,7	3,6	7,6	3,4	12,4	3,5	15,9
То же, %	—	—	43,4	56,6	100,0	—	—	100,0	19,2	100,0	44,8	100,0	28,2	128,2

Таблица 39

Общие итоги чистки партии по 95 губерниям, областям и республикам РСФСР к началу 1922 г.

Район	Число коммунистов						В результате чистки			Убыль, %	
	до чистки			после чистки							
	членов	кандидатов	итого	членов	кандидатов	итого	выбыло и исключено из РКП	переведено в кандидаты	всего выбыло из числа членов	к числу членов партии гр. 10 : гр. 2	к общему числу коммунистов гр. 8 : гр. 4
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
А. Центральная Россия											
1. Промышленные губернии	138 438	12 010	150 448	106 076	12 536	118 612	31 836	526	32 362	23,4	21,2
2. Земледельческие губернии	142 000	21 734	163 734	95 145	24 527	119 672	44 062	2793	46 855	33,0	26,9
Итого	280 438	33 744	314 182	201 221	37 063	238 284	75 898	3319	79 217	28,2	24,1
То же, %	100	12,0	112,0	100	18,4	118,4	27,1	1,1	28,2	—	—
Б. Окраины											
3. Сибирь	52 699	17 057	69 756	38 897	17 667	56 564	13 192	610	13 802	26,2	18,9
4. Украина	75 816	19 418	95 234	54 386	19 418	73 804	21 430	—	21 430	28,3	22,5
5. Киргизская республика . . .	16 658	4 212	20 870	11 803	4 904	16 707	4 163	692	4 855	29,2	19,9
6. Мелкие автономные области	27 852	6 368	34 220	18 982	6 514	25 496	8 724	146	8 870	31,9	25,5
7. Туркестан	34 194	6 653	40 847	22 400	6 653	29 053	11 794	—	11 794	34,5	23,9
8. Кавказская республика . .	48 786	13 518	62 304	31 041	13 800	44 841	17 463	282	17 745	36,4	28,0
9. Юго-Восток	40 243	6 621	46 864	24 025	6 755	29 780	17 084	134	17 218	42,8	36,5
Итого	296 248	73 847	370 095	200 534	75 711	276 245	93 850	1 864	95 714	32,3	25,4
То же, %	100	24,9	124,9	100	37,8	137,8	31,7	0,6	32,3	—	—
Всего по 95 губерниям, областям и республикам.	576 686	107 591	684 277	401 755	112 774	514 529	169 748	5 183	174 931	30,4	24,8
То же, %	100	18,7	118,7	100	27,0	127,0	29,5	0,9	30,4	—	—

Последнее явление надо объяснить, по-видимому, прежде всего тем, что сельские (и окраинные) ячейки моложе городских, и потому даже меньший в абсолютных цифрах прирост их дает в процентном отношении большее увеличение. Да и подготовка для перевода из кандидатов в члены партии в селениях и на периферии требуется более длительная, чем в крупных пролетарских центрах.

Общий итог членов РКП после чистки к началу 1922 г. мы определили выше круглым счетом в 400 000 чел. Этот итог переписи значительно ниже прежних исчислений. Если к нему даже прибавить около сотни тысяч кандидатов (112,8 тыс.), то все же общий итог коммунистов составит всего полмиллиона или около того (без Дальнего Востока — 514,5 тыс.). Тогда как, например, по данным проверочных комиссий, после чистки в партии должно было остаться к началу 1922 г. до 550 тыс. одних лишь членов партии. Впрочем, весьма возможно, что во многих случаях в итоги проверочных комиссий включались по недоразумению и члены, и кандидаты. Но, во всяком случае, по тем губерниям, где учет членов был поставлен лучше, чем обыкновенно в провинции, данные проверочных комиссий кандидатов не включают и довольно близко сходятся с итогами всероссийской переписи РКП по тем же губерниям. Мера неточности текущего учета членов партии по всей Федерации до 1922 г., т. е. до переписи, определяется следующими цифрами.

К концу 1921 г. до чистки партии в ней было, по данным проверочных комиссий, до 725 тыс. членов. Если же к итогу переписи — 402 тыс. членов — прибавить итог выбывших за время чистки — до 175 тыс. по всей Федерации, то получим вместо 725 тыс. всего около 577 тыс. Откуда следует, что данные текущего учета для сравнимости с переписью следует уменьшить на 148 тыс., или на целых 20% [1].

Такая крупная поправка в итогах наличия РКП к моменту чистки должна, конечно, заметно изменить и относительный вес тех кадров, которые были выброшены из партии за время чистки, хотя абсолютные итоги «вычищенных» останутся при этом без всякого изменения. В самом деле, в табл. 39 приведены результаты чистки партии, исходя из исправленных по переписи итогов состава РКП к моменту чистки.

По учету проверочных комиссий в среднем по всей Советской России чистка удалила около 24%, т. е. меньше четверти наличного состава партии. А с поправкой по более точным данным переписи табл. 38 повышает этот процент до 30, т. е. почти до трети состава партии. С этой поправкой серьезность хирургической операции, именуемой «чистка РКП» 1921 г., становится еще более ощутительной. Нужно, однако, заметить, что если в состав РКП до чистки включить и кандидатов к зачислению в эту партию, как это ошибочно делали, по-видимому, в большинстве случаев проверкомы, то общий итог выбывших из партии понизится до 25% начального состава. А расхождение в исчислении этого начального состава, по данным переписи, в сравнении с итогами проверкомов упадет при этом допущении с 20 всего до 2—3%.

3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИСТОВ ПО ТИПАМ ЯЧЕЕК

Если в основу социальных группировок положить тип ячейки, объединяющей ту или иную группу членов партии, то получим картину, показанную в табл. 40.

В табл. 40 прежде всего обращает на себя внимание факт, что первое место в партии по общей численности членов занимают крестьянские, а не

[1] В первом выпуске «Материалов» нашей переписи мы на основании разработанных тогда данных по 20 губерниям определили расхождение данных учета от переписи всего в 10%. Но за исключением столичных губерний размер среднего расхождения по остальным 18 губерниям и тогда достигал около 18%.

Таблица 40

Группировка коммунистов по типам ячеек по 95 губерниям, областям и республикам России к началу 1922 г.

Тип ячейки	Ячейки		Члены партии	Кандидаты		Всего		Средний размер ячеек (число коммунистов на 1 ячейку)			% женщин среди	
	число	% к итогу	чел.	число	% к членам	число	% к итогу	членов	кандидатов	итого	членов	кандидатов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Фабрично-заводские	3 053	9,4	47 351	6 932	14,6	54 283	10,5	15,5	2,3	17,8	13,1	19,8
Транспортные	1 732	5,4	32 332	4 294	13,3	36 626	7,1	18,7	2,5	21,2	6,1	11,4
Военные	6 013	18,6	94 814	27 728	29,2	122 542	23,8	15,8	4,6	20,4	1,9	2,8
Крестьянские	14 983	46,4	103 465	51 763	50,5	154 228	30,0	6,8	3,5	10,3	3,8	5,1
Советские	4 989	15,5	83 690	13 881	16,6	97 571	19,0	16,8	2,8	19,6	11,6	18,0
Школьные и прочие	1 511	4,7	41 103	8 176	19,9	49 279	9,6	27,2	5,4	32,6	16,6	20,5
Итого	32 281	100,0	401 755	112 774	28,1	514 529	100,0	12,4	3,5	15,9	7,6	8,4

рабочие ячейки. За «плугом» (если бы допустить, что все крестьянские ячейки состоят сплошь из крестьян-землепашцев) мы имеем до 30% коммунистов, а занятых производственной работой на транспорте и в промышленности — «за станком» (тоже при допущении, что все члены производственных ячеек состоят из рабочих у станка) — всего около 18%[1]. Но эти цифры отнюдь не соответствуют фактическому соотношению крестьян и рабочих в рядах партии. Число пролетариев коммунистов за станком так мало потому, что пролетарская революция в очень значительном числе отвлекла их от станка к управлению государственной машиной — в советах и советских учреждениях — к защите завоеваний революции в рядах Красной Армии и Флота, к подготовке на рабфаках, в партшколах и в высшей школе новых кадров красных командиров и спецов из рядов самого пролетариата. Крестьянские ячейки, по вполне понятным причинам, могли выделить из своей среды гораздо меньший процент достаточно подготовленных для всех этих функций коммунистов. И потому их гораздо больше осталось у себя дома в деревне за плугом.

По размеру ячеек на первом месте стоят школьные, затем следуют транспортные, военные, советские, индустриальные и на последнем месте крестьянские. По проценту коммунисток первое место тоже принадлежит школьным ячейкам, за ними идут индустриальные, затем советские, транспортные, крестьянские и воинские. Но, конечно, без учета соотношения коммунистов и коммунисток к общему числу мужчин и женщин, занятых в данной группе учреждений, предприятий и хозяйств, приведенные в табл. 40 проценты недостаточно еще показательны. По проценту кандидатов к числу членов РКП первое место занимают крестьянские ячейки, затем следуют военные, школьные, советские, индустриальные и транспортные.

Отношение числа кандидатов к членам предопределяет темп роста партии. Но для партии далеко не безразлично, за счет каких именно социальных элементов ей предстоит возрастать в ближайшие годы. Поэтому

[1] Из них собственно физическим трудом занят еще меньший процент, так как сюда вошли и служащие, и вообще все члены крестьянских и рабочих ячеек.

отмеченный факт заслуживает особого внимания, и мы к нему еще вернемся в другой связи при исследовании динамики численности и состава партии. Пока же ограничимся лишь следующими замечаниями.

До известной степени высокий процент кандидатов в крестьянских ячейках по сравнению с индустриальными объясним результатами чистки. Чистке по инструкции подвергались лишь члены партии, причем многие из них не исключались, а лишь переводились в кандидаты. Наибольший урон за время чистки претерпели, как известно, крестьянские элементы партии, наименьший — пролетарские. Поэтому процент кандидатов по отношению к оставшимся в партии членам для крестьян и рабочих изменился по разному и в разной степени отличается от обычной нормы. Так, до чистки процент кандидатов в рабочих ячейках составлял не менее 12, а в крестьянских — не более 31 общего числа членов. Таким образом, отмеченное выше (см. табл. 40) расхождение этих процентов заметно сокращается, хотя и остается еще весьма значительным.

Вторая причина отмеченной разницы сводится к разнице в условиях вступления в партию различных социальных групп. Как известно, для рабочих срок кандидатского стажа и фактически и формально является наиболее коротким. Для всех других групп он существенно удлиняется. В деревне не так просто, например, получить требуемые по уставу рекомендации старых членов партии, ибо их там на каждом шагу не встретишь. Но удлинение срока стажа, естественно, повышает и процент кандидатов, не закончивших этого стажа. И, наконец, последняя причина уже отмечена выше. Сельские ячейки, военные, школьные и советские моложе индустриальных, а потому естественный их прирост и выражается более высокими процентами «кандидатов» по отношению к относительно небольшим еще основным кадрам старых членов.

Порайонное распределение партийных сил по типам ячеек видно из данных табл. 41.

В табл. 41 дана абсолютная численность коммунистов в ячейках разного рода. Однако для сравнимости разных районов между собой гораздо показательнее процентное распределение тех же партийных сил в пределах каждого района, представленное в табл. 42.

Как видим, процент коммунистов, состоящих в производственных ячейках (фабрично-заводских, транспортных и крестьянских), колеблется по отдельным районам довольно резко от 35 до 62 общего их итога. Особенно велик он повсюду, где велик удельный вес крестьянских ячеек, и падает там, где крестьянских элементов меньше. Факт весьма понятный, ибо на общегосударственную работу, как уже отмечалось, наша революция отвлекает от мирного профессионального труда главным образом чисто пролетарские элементы.

Больше всего коммунистических элементов, как и следовало ожидать, отвлекалось у нас доныне по условиям времени на военную работу. Почти четвертая доля партийных сил (24%) даже после победоносного завершения гражданской войны и демобилизации оставалась к началу 1922 г. на своих постах в Красной Армии. Как велика была эта доля в период гражданской войны, можно видеть из данных табл. 43.

Как видим, до 1922 г. даже в столицах, где масса сил уходила на поддержание центрального аппарата власти, партия концентрировала на военной работе свыше 50% всего своего боеспособного состава, т. е. всех членов партии мужского пола. Концентрация эта, как известно, принесла свои плоды. На фронте войны победа осталась за нами. Тем более оснований рассчитывать на то, что с переброской большей части партийных сил на хозяйственный фронт партия пролетариата и здесь в конце концов добьется решительных успехов.

Довольно значительные силы партия уделяет и административному аппарату Советской власти. Как видно из данных табл. 41, особенно

Таблица 41

Порайонные итоги коммунистов (членов и кандидатов) по типам ячеек к началу 1922 г.

Район	Число обследованных ячеек	Число коммунистов в ячейках						
		фабрично-заводских	транспортных	крестьянских	военных	советских	школьных	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Центральная Россия								
1. Промышленные губернии	5 938	23 397	9 570	19 415	24 124	26 839	15 263	118 612
2. Земледельческие губернии	8 754	8 813	9 987	38 690	24 428	24 271	13 487	119 672
Итого	14 692	32 210	19 557	58 105	48 552	51 110	28 750	238 284
В том числе								
в Москве	862	5 429	2 347	—	6 880	8 216	7 990	30 862
в Петрограде	661	3 348	1 837	—	7 755	4 689	2 539	20 168
Б. Окраины								
3. Украина	4 767	9 211	4 935	11 938	25 957	16 102	5 661	73 804
4. Сибирь	3 845	3 752	4 458	26 655	11 427	7 184	3 088	56 564
5. Кавказская республика	2 723	3 354	1 965	20 999	10 199	4 895	3 429	44 841
6. Юго-Восток	1 754	1 719	2 045	9 251	9 077	5 930	1 758	29 780
7. Туркестан	1 500	969	1 843	11 853	8 382	2 878	3 128	29 053
8. Мелкие автономные области	1 770	2 315	1 139	6 751	6 625	6 256	2 410	25 496
9. Киргизская республика	1 230	753	684	8 666	2 323	3 216	1 065	16 707
Итого	17 589	22 073	17 069	96 113	73 990	46 461	20 539	276 245
Всего по 95 губерниям и областям	32 281	54 283	36 626	154 218	122 542	97 571	49 289	514 529

Таблица 42

Порайонные итоги коммунистов (членов и кандидатов) по типам ячеек к началу 1922 г. (в %)

Район	% распределения ячеек	Из каждых 100 коммунистов состояли в ячейках							
		фабрично-заводских	транспортных	крестьянских	военных	советских	школьных и прочих	итого	в том числе в рабочих и крестьянских
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Центральная Россия									
1. Промышленные губернии .	18,4	19,7	8,1	16,4	20,3	22,6	12,9	100,0	44,2
2. Земледельческие губернии .	27,1	7,4	8,3	32,4	20,4	20,3	11,2	100,0	48,1
Итого	45,5	13,5	8,2	24,4	20,4	21,4	12,1	100,0	46,1
В том числе									
в Москве	2,7	17,6	7,6	—	22,3	26,6	25,9	100,0	25,2
в Петрограде	2,0	16,6	9,1	—	38,5	23,3	12,5	100,0	25,7
Б. Окраины									
3. Украина	14,8	12,5	6,7	16,2	35,2	21,8	7,6	100,0	35,4
4. Сибирь	11,9	6,6	8,0	47,1	20,2	12,7	5,4	100,0	61,7
5. Кавказская республика . .	8,4	7,5	4,4	46,8	22,8	10,9	7,6	100,0	58,7
6. Юго-Восток	5,4	5,8	6,9	31,1	30,4	19,9	5,9	100,0	43,8
7. Туркестан	4,7	3,3	6,4	40,8	28,8	9,9	10,8	100,0	50,5
8. Мелкие автономные области	5,5	9,1	4,5	26,5	26,0	24,5	9,4	100,0	40,1
9. Киргизская республика . .	3,8	4,5	4,1	51,9	13,9	19,2	6,4	100,0	60,5
Итого	54,5	8,0	6,2	34,8	26,8	16,8	7,4	100,0	49,0
Всего по 95 губерниям . . .	100,0	10,5	7,1	30,0	23,8	19,0	9,6	100,0	47,6

Таблица 43

Отвлечение партийных сил на военную работу за 1918—1921 гг.

	Петроград			Москва			Петроград и Москва		
	мужчин	женщин	обоего пола	мужчин	женщин	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число обследованных членов РКП . .	14 595	2 404	16 999	21 106	4 385	25 491	35 701	6 789	42 490
Из них служило в Красной Армии	11 220	422	11 642	13 902	696	14 598	25 122	1 118	26 240
То же, % к общей численности членов	77,0	17,6	68,5	65,9	17,9	57,3	68,4	16,5	61,8
Средний срок работы за 1918—1921 гг. на одного члена:									
в партии, лет	2,50	2,29	2,47	2,61	2,66	2,61	2,56	2,52	2,56
в Красной Армии на каждого служащего, мес.	22,80	11,10	22,50	22,80	16,80	22,50	22,80	16,10	22,50
Общая продолжительность работы всех членов за 1918—1922 гг.									
в партии, тыс. лет	36,5	5,5	42,0	55,0	11,6	66,6	91,5	17,1	108,6
в армии	21,3	0,5	21,8	26,4	1,0	27,4	47,7	1,5	49,2
% партийных сил, затраченных на военную работу	58,5	9,1	52,0	48,0	8,6	41,2	52,2	8,8	45,3

значительный запас партийных сил — до 25% и выше — расходуется на эту цель в столицах и административных центрах, независимо от их размера. Так, даже в наиболее мелких автономных областях и республиках Советской Федерации, советский аппарат получает почти такой же процент партийных сил (24,5%), как Москва и Петроград.

Не безынтересно рассмотреть детальнее, на каких именно отраслях советской работы концентрируется максимум партийных сил. Для этого обратимся к табл. 44, охватывающей весь центральный район РСФСР.

Лучше всего, как и следовало ожидать, обслужены партийными силами учреждения наибольшего политического значения, призванные стоять на страже классовой диктатуры пролетариата — в органах ГПУ, рабочей инспекции, классовой юстиции, социального обеспечения и охраны труда и т. п. Но может быть именно поэтому гораздо слабее обслужены пока культурный фронт нашей работы (Наркомпрос, Наркомздрав), и, что еще важнее, хозяйственный. Совнархозы, Наркомпуть, Наркомфин, Наркомпочтель,— по крайней мере, постольку, поскольку здесь речь идет о центральном их аппарате,— стоят в самом конце табл. 44. С переходом к мирной производственной работе кадры коммунистов на хозяйственной работе, несомненно, придется еще весьма значительно усилить.

Значительная плотность коммунистов в специально партийных и профессиональных органах не представляет, разумеется, ничего неожиданного. Что же касается школьных ячеек, то здесь среди учащихся с развитием сети рабфаков можно ожидать еще весьма значительного усиления партии по сравнению с отмеченным выше процентом, исчисленным для школ всех типов, в которых к моменту переписи имелись организованные партячейки.

В связи с отвлечением партийных сил на военную и советскую работу плотность коммунистических кадров в производственных объединениях выражается гораздо более скромными процентами, чем даже в большинстве парткомов. Вот, например, какое распределение коммунистов дает нам перепись по 44 губерниям Центральной России (табл. 45).

В табл. 45 приведены данные обследования весьма широкого круга предприятий, в которых к началу 1922 г. было занято свыше миллиона работников. Но это, конечно, далеко не полный итог работников, занятых производством в Центральной России, ибо партийная перепись охватила лишь те предприятия, в которых к моменту переписи были комячейки, а они имеются налицо далеко еще не во всех предприятиях. Таким образом, в табл. 45 показана плотность коммунистов среди разных профессиональных групп не во всей их массе, а лишь в той части, которая уже охвачена сетью парторганизаций. А с другой стороны, не следует забывать, что в этой таблице учтена лишь часть соответствующих партсил. Это только коммунисты «за станком», не отвлеченные на другие виды работы, иначе говоря, здесь далеко не все металлисты, горняки, железнодорожники и т. д. из числа коммунистов. И в частности, скажем, металлисты занимают здесь, за станком, столь скромное место именно потому, что из их среды особенно много коммунистических сил отвлечено на общегосударственную работу.

Сделанные оговорки показывают, что приведенные в табл. 44 и 45 коэффициенты плотности коммунистов среди различных производственно-профессиональных групп отнюдь не могут характеризовать большее или меньшее тяготение этих групп к партии. В советских учреждениях 8,2% коммунистов, а в индустриальных предприятиях — только 3,5%. Но это вовсе не означает, что советские служащие выделяют из своей среды в 2—3 раза больше коммунистов, чем рабочие. Означает же это лишь следующее: партия находила нужным доныне перераспределять свои наличные силы так, чтобы советские учреждения были обслужены ими в 2—3 раза сильнее по сравнению с фабриками и заводами. Но если бы партия признала свой советский аппарат уже достаточно окрепшим и прекратила пересадку

Таблица 44

Относительная плотность коммунистов в различных государственных и общественных учреждениях по 40 губерниям Центральной России

Наименование учреждения	Число обследованных ячеек	В них состояло коммунистов				Число коммунистов на одну ячейку	Число коммунистов на 100 работников соответствующего пола		
		членов	кандидатов	всего	из них женщин, %		мужчин	женщин	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Советские учреждения									
1. Учреждения ГПУ	105	3 535	286	3 821	8,8	36,3	43,4	18,3	38,7
2. Наркомнац	4	109	12	121	12,4	30,2	22,8	7,8	18,4
3. РКИ	17	412	28	440	15,7	25,8	16,1	7,3	13,6
4. Наркомюст	38	503	60	563	7,5	14,8	15,3	4,1	12,7
5. Наркомсобес	31	289	80	396	27,6	11,8	15,4	8,2	12,4
6. Наркомвнудел	408	6 726	886	7 612	9,8	18,6	14,4	5,1	12,2
7. Наркомтруд	15	131	20	151	9,9	10,0	16,2	2,4	10,2
8. Наркомвнешторг	4	229	16	245	9,8	61,2	11,5	2,8	9,2
9. Наркоминдел	3	57	1	58	10,3	19,3	11,8	2,5	8,5
10. Аппараты Исполкома	222	5 336	565	5 901	14,2	26,5	10,4	3,9	8,5
11. Наркомпрод	91	1 107	112	1 219	4,7	13,3	11,5	1,3	8,4
12. Наркомзем	68	884	60	944	6,7	13,8	9,6	2,2	7,9
13. Совет народного хозяйства	82	2 088	165	2 253	9,9	27,4	7,1	1,8	5,5
14. Наркомпрос	138	2 005	293	2 298	39,9	16,6	6,3	3,5	4,8
15. Наркомздрав	149	1 361	178	1 539	43,9	10,3	6,6	3,4	4,6
16. Наркомпуть	22	770	58	828	8,5	37,6	6,4	1,1	4,6
17. Наркомфин	7	132	28	160	13,1	22,8	4,5	1,7	3,7
18. Наркомпочтель	60	753	144	897	17,1	14,9	4,5	1,2	3,0
Итого	1 464	26 427	2 992	29 419	13,8	20,1	11,1	3,1	8,2
19. Парторганизации	53	1 751	142	1 893	33,5	35,7	43,0	37,8	41,1
20. Профорганизации	58	1 342	130	1 472	19,1	25,3	17,0	5,0	11,7
21. Школьные ячейки	226	6 617	1 365	7 982	25,2	35,3	7,9	4,8	6,8
22. Кооперация	77	1 154	105	1 259	19,2	16,3	7,5	3,8	6,5
23. Прочие ячейки	17	260	61	321	19,9	18,8	12,8	12,1	12,6

Таблица 45

Относительная плотность коммунистов по производствам в 40 губерниях Центральной России

Группа производственных объединений (по союзам)	Число обследованных ячеек	В производстве занято коммунистов					Число коммунистов на 100 работников соответствующего пола		
		членов	кандидатов	всего	из них женщин, %	Число коммунистов на одну ячейку	мужчин	женщин	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Пищевики	105	1 130	198	1 328	18,7	12,6	7,1	4,5	6,4
2. Печатники	53	766	66	832	15,1	15,6	6,5	2,8	5,4
3. Деревообделочники	66	800	114	914	10,1	13,8	5,5	2,8	5,1
4. Кожевники	71	1 156	87	1 243	16,2	17,5	5,6	2,2	4,5
5. Коммунальное хозяйство	30	424	43	467	14,6	15,5	5,0	2,7	4,4
6. Швейники	61	1 008	141	1 149	52,8	18,8	7,3	3,2	4,3
7. Табачники	15	460	43	503	38,8	33,8	3,7	3,7	3,7
8. Металлисты	357	6 709	665	7 374	10,5	20,6	3,9	2,0	3,6
9. Химики	101	1 528	173	1 701	19,0	16,8	4,5	1,8	3,5
10. Горняки	47	955	131	1 086	11,5	23,1	3,5	2,6	3,3
11. Сахарники	10	82	13	95	2,1	9,5	4,0	0,3	3,2
12. Текстильщики	162	3 460	365	3 825	24,5	23,6	4,1	1,1	2,4
13. Писчебумажники	16	291	27	318	10,4	19,8	3,4	0,5	2,2
14. Строительные рабочие	43	519	78	597	7,9	13,8	2,5	1,0	2,2
Итого	1 137	19 288	2 144	21 432	17,6	18,9	4,3	1,8	3,5
15. Водники	127	2 165	185	2 350	4,2	18,5	5,5	1,7	5,1
16. Железнодорожники	533	10 612	1 178	11 790	6,4	22,1	3,9	1,5	3,6
17. Местные транспортники	53	809	56	865	11,9	16,3	4,5	1,5	3,6
Итого	713	13 586	1 419	15 005	6,4	21,0	4,1	1,6	3,7
18. Всемедикосантр	3	62	5	67	59,7	20,7	3,2	7,2	4,8
19. Работники земледелия и леса	8	58	8	66	6,1	8,2	4,1	1,5	2,9
20. Работники народного питания	5	47	12	59	39,0	11,8	2,6	1,8	2,2
Всего	1 866	33 041	3 588	36 629	13,1	19,6	4,2	1,7	3,5

Таблица 46

Относительная плотность коммунистов в предприятиях различного размера по 40 губерниям Центральной России

Отрасль труда и размер предприятия (число работников)	Число обследованных ячеек	В предприятиях занято лиц		В том числе коммунистов						Число коммунистов на одну ячейку	Число коммунистов на 100 работников соответствующего пола		
				членов		кандидатов		итого					
		обоего пола	% женщин	обоего пола	% женщин	обоего пола	% женщин	обоего пола	% женщин среди них		мужчин	женщин	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
А. Промышленность (14 союзов)													
До 50	65	2 219	20,7	491	15,5	55	16,4	546	15,5	8,4	26,2	18,5	24,6
От 51 до 500	731	162 298	29,3	8 194	15,7	980	23,3	9 174	16,5	12,5	6,7	3,2	5,7
От 501 и выше	341	457 260	35,2	10 603	18,0	1 109	25,5	11 712	18,7	34,4	3,2	1,4	2,6
Итого	1 137	621 777	33,6	19 288	16,9	2 144	24,0	21 432	17,6	18,9	4,3	1,8	3,5
Б. Транспорт (3 союза)													
До 50	70	1 858	10,3	541	3,5	88	11,4	629	4,6	9,0	36,0	15,1	33,9
От 51 до 500	386	84 468	15,8	5 420	5,1	609	14,6	6 029	6,1	15,6	8,0	2,8	7,1
От 501 и выше	257	313 923	15,2	7 625	6,0	722	14,5	8 347	6,7	32,4	2,9	1,2	2,7
Итого	713	400 249	15,3	13 586	5,5	1 419	14,4	15 005	6,4	21,0	4,1	1,6	3,7
Всего по А и Б (17 союзов) .													
До 50	135	4 077	16,0	1 032	9,2	143	13,3	1 175	9,7	8,7	31,0	17,5	28,4
От 51 до 500	1 117	246 766	24,7	13 614	11,5	1 589	20,0	15 203	12,3	13,6	7,1	3,1	6,1
От 501 и выше	598	771 183	27,0	18 228	12,9	1 831	20,9	20 059	13,7	33,5	3,1	1,3	2,6
Всего	1 850	1 022 026	26,4	32 874	12,2	3 563	20,2	36 437	13,0	19,6	4,2	1,7	3,6

в него все новых кадров, отрываемых от станка, то указанное соотношение очень быстро и существенно изменилось бы. То же самое можно повторить и в отношении отдельных производственно-профессиональных группировок. Но к этому лучше будет вернуться при изучении профессионально-социального состава партии.

Большой интерес представляет распределение партии на производственной работе в предприятиях разного размера. Проделав соответствующую группировку материала по Центральной России, мы получим результат, показанный в табл. 46.

Чем крупнее предприятия, тем крупнее, разумеется, и ячейки коммунистов. Процент женщин как среди всех работников, так и среди коммунистов также возрастает с возрастанием размера предприятий. Еще быстрее растет абсолютное число членов партии в крупных предприятиях. Но процент кандидатов по отношению к числу членов, наоборот, падает с ростом предприятий. Сопоставляя этот процент со средним возрастом комячеек с момента их образования к началу 1922 г., исчисленным нами для каждой группы, получим следующую картину:

Группа предприятий (по 17 союзам) по числу работников	% членов	% кандидатов к числу членов	Средний возраст ячеек, мес.
До 50	3,1	12,2	20,1
51—500	41,5	10,4	26,4
Свыше 500	55,4	9,1	34,3
Итого	100,0	9,8	28,6

Наиболее крупные заводы раньше всех других образовали у себя партийные ячейки, сильно обогнали по числу членов партии менее крупные заводы, и потому наличные в них ныне кадры кандидатов, несмотря на весьма значительную их величину, выражаются более скромным процентом, чем в других группах. Явление, которое нам приходилось уже отмечать не раз.

Другое характерное явление, отраженное в табл. 46, выражается в том, что мелкие предприятия, охваченные сетью парторганизаций, несмотря на гораздо меньший в них размер ячеек, обслужены коммунистами в 10 раз лучше наиболее крупных. В самом деле, в мельчайших предприятиях коммунисты составляют 28,4% общего числа занятых в них работников, а в наиболее крупных — всего 2,6%.

Спрашивается, что же это значит? Что наибольший успех партии пролетариата ей суждено пожинать в наименее зрелых в индустриальном отношении мелких предприятиях? Что идеология коммунизма всего ближе наименее сплоченным и во всех отношениях наиболее отсталым слоям полуремесленного пролетариата?

Конечно, нет. Мы уже видели, что не менее 55% членов РКП из числа остающихся у станка сосредоточено не в мелких и не в средних, а именно в наиболее крупных заведениях — на заводах-«большевиках». Но мало этого. Если мы не ограничимся только теми заводами, где уже имеются компартячейки, а включим в сферу наблюдения всю совокупность их, по данным промышленной переписи 1920 г., то соотношение между партийной и беспартийной массой пролетариата в предприятиях разного размера получится совсем иное, чем в табл. 46. Вот, например, что дает такое сопоставление по 35 губерниям центра, для которых нам удалось получить из ЦСУ в достаточной степени сравнимые данные (табл. 47).

Как видим, здесь число коммунистов растет с ростом размера предприятий не только в абсолютных, но и в относительных цифрах. Да и немудрено, ибо в мелких предприятиях одна комячейка приходится на 250 предприятий, а в крупных—на 1,5. И в результате, если в мелких предприятиях на 1000 рабочих приходится всего 2,7 членов партии, то на

Таблица 47

Соотношение членов РКП с числом всех рабочих, занятых в промышленных заведениях, по 35 губерниям Центральной России

	Группа заведений по числу занятых в них рабочих			
	11—50	51—500	501 и выше	итого
1	2	3	4	5
Число заведений на 28 августа 1920 г. с наемными рабочими	14 645	3 280	476	18 401
Комячейки в них к 1922 г., число ячеек	57	669	317	1 043
% к числу заведений 1920 г.	0,4	20,4	66,6	2,67
Число всех наемных рабочих в производстве на 28 августа 1920 г.	160 522	479 479	612 777	1 252 778
Рабочие, обслуживаемые комячейками число рабочих	1 914	148 747	426 875	577 536
% к числу всех рабочих	1,2	31,0	69,7	44,2
Члены РКП, общее число	432	8 309	11 158	19 899
на 1000 обслуживающих работников	225	55,8	26,2	34,4
на 1000 всех рабочих	2,7	17,3	18,2	15,2

заводах-«большевиках» их насчитываем не менее 18,2, т. е. почти в 7 раз больше. Очевидно, основной базой коммунизма и наиболее надежным источником пополнений РКП были и остаются именно эти самые заводы-великаны, заводы-«большевики».

Этот немаловажный вывод лишь усиливается в своем значении, если мы учтем факт отвлечения коммунистов с заводов в армию, советские учреждения и пр. Нет никакого сомнения, что для всех этих целей приходилось черпать щедрой рукой необходимые кадры пополнений из тех резервуаров, которые оказались раньше всего связанными с партией и давали наибольший выбор работников различного масштаба для разных назначений. Такими резервуарами были всегда самые старые и крупные ячейки заводов-великанов. Стало быть, их следует считать наиболее обескровленными за счет перебросок партийных сил на другие виды работы. И все же в них и доныне остался максимальный процент коммунистов.

В заключение приведем еще одно сопоставление из табл. 47. Если исчислить средний размер предприятия по числу занятых в нем работников, то в предприятиях, организационно связанных с партией (комячейками), он окажется во много раз больше, чем во всех предприятиях вообще. Вот конкретные цифры для 35 губерний Центральной России:

Группа предприятий	Среднее число рабочих в предприятиях, связанных с РКП	Среднее число рабочих во всех предприятиях
Мелкие (11—50 рабочих)	34	11
Средние (51—500 »)	222	146
Крупные (свыше 500 рабочих)	1343	1285
Итого	554	33

Как видим, во всех группах наибольшее сродство с партией неизменно проявляют и в теснейшей связи с нею оказываются крупнейшие предприятия. В итоге по всей промышленности заводы, связанные с партией, в 17 раз больше среднего размера для всех предприятий. При этом не только в высшей, но и в средней группе размер заводов, связанных с партией, чрезвычайно высок. Предприятия свыше 200 рабочих даже по германскому

и американскому масштабу можно отнести к числу крупных. А это означает, что не 55, а все 97% партийных сил, остающихся у станка, сосредоточены у нас в крупной промышленности. Такова степень связи партии пролетариата с наиболее передовыми его отрядами, концентрированными на заводах-«большевиках».

Эти заводы оказываются наилучше приспособленными не только для массового производства материальных ценностей, но и для воспитания широких коммунистических кадров в масштабе не менее крупного заводского производства.

4. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПАРТИИ

Революция сильнейшим образом перетасовала все социальные группировки. Хозяева, служащие, прислуга и тому подобные подразделения потеряли всю свою определенность, ибо вчерашний хозяин стал нынче дворником, вчерашний рабочий ныне занимает пост наркома и т. д. и т. п. Поэтому в основу определения социальной физиономии членов партии нами при разработке переписи была положена основная профессия или занятие опрашиваемого до революции 1917 г. И лишь в отношении наиболее юных коммунистов, которым было меньше 20 лет в 1917 г., если их постоянный род занятий еще не определился до революции, принималось во внимание их нынешнее занятие.

В качестве наиболее определенной основной группы выделены были наемные рабочие. Вторую группу составили крестьяне-земледельцы, работавшие в своем хозяйстве, в третью отнесены служащие всех рангов, не исключая и служителей, в четвертую сборную группу вошли самостоятельные ремесленники и кустари, лица так называемых свободных профессий, учащиеся и все прочие лица, если они не могли войти в одну из первых трех групп. Красноармейцы, кроме старых кадровых офицеров, подразделялись по их довоенной профессии и попадали главным образом в первую или во вторую группу.

Общие порайонные итоги такого подразделения даны в табл. 48.

Районы здесь расположены нами в порядке убывающего процента рабочих. В центре на первом месте по этому признаку оказались, конечно, промышленные губернии, а на окраинах — Украина (с Донбассом) и Юго-восток (с Грозным).

В городах при этом господствующее место принадлежит рабочим, а в селениях — крестьянам. Но по сравнению с данными табл. 40 соотношения здесь получаются уже совсем иные. По табл. 40 в рабочих ячейках числилось всего около 80 тыс. членов, или 19,8% общего их числа, а между тем из табл. 48 мы видим, что общий процент рабочих в партии равен 44,4, т. е. в 2,25 раза больше. Это значит, что за время революции до сотни тысяч рабочих-коммунистов было оторвано партией от станка и переброшено на другую работу. И потому в рабочих ячейках их осталось менее 80 тыс. Иное дело с крестьянским элементом. По табл. 38 крестьяне в партии составляют около 103 тыс., или 26,7%, а по данным табл. 39 в крестьянских ячейках числилось всего на несколько сот человек меньше (102 тыс., или 25,5% итога). Из этого приходится заключить, что если известный процент крестьян и отвлекался от плуга в армию или иную работу, то он целиком возмещался обратным притоком в крестьянские ячейки из городов — рабочих, ремесленников и т. п. элементов.

Подразделить все население страны на те же социальные группы с достаточной точностью мы пока не можем до разработки демографической переписи 1920 г. Но, не гоняясь за особой точностью, сделать это можно и сейчас, исходя из предварительных итогов переписи о разделении на профессии трудоспособного населения и данных текущей отчетности проф-

Таблица 48

Порайонное распределение членов партии по социальному положению к началу 1922 г.

Район	Абсолютные величины					% к итогу				
	рабочие	крестьяне	служащие	прочие	итого	рабочие	крестьяне	служащие	прочие	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Центральная Россия										
1. Промышленные губернии	55 556	17 476	27 433	6 198	106 663	52,1	16,4	25,7	5,8	100,0
2. Земледельческие губернии	37 945	28 260	22 916	4 671	93 792	40,4	30,1	24,5	5,0	100,0
Итого	93 501	45 736	50 349	10 869	200 455	46,7	22,8	25,1	5,4	100,0
В том числе										
в Петрограде	11 563	1 879	4 973	1 337	19 752	58,6	9,5	25,1	6,8	100,0
в Москве	13 704	2 158	9 895	2 155	27 912	49,1	7,7	35,5	7,7	100,0
Б. Окраины										
3. Украина	27 631	9 526	12 632	4 112	53 901	51,3	17,7	23,4	7,6	100,0
4. Юго-Восток	10 730	6 251	4 207	1 366	22 554	47,6	27,7	18,6	6,1	100,0
5. Мелкие автономные области . . .	7 832	5 415	4 924	796	18 967	41,3	28,5	26,0	4,2	100,0
6. Сибирь	14 103	13 463	4 982	2 325	34 873	40,4	38,6	14,3	6,7	100,0
7. Кавказская республика	9 704	10 546	4 468	3 052	27 770	35,0	37,9	16,1	11,0	100,0
8. Киргизская »	2 591	3 980	1 340	918	8 829	29,3	45,1	15,2	10,4	100,0
9. Туркестан	5 533	8 080	2 921	2 430	18 964	29,2	42,6	15,4	12,8	100,0
Итого	78 124	57 261	35 474	14 999	185 858	42,0	30,8	19,1	8,1	100,0
Всего по России	171 625	102 997	85 823	25 868	386 313	44,4	26,7	22,2	6,7	100,0
В том числе										
в городах	130 176	41 724	72 483	19 546	263 929	49,4	15,8	27,4	7,4	100,0
в селениях	41 449	61 273	13 340	6 322	122 384	33,9	50,0	10,9	5,2	100,0

союзов. И тогда в сопоставлении с числом членов РКП получим следующие показатели плотности коммунистов в различных социальных группах:

Социальная группа	Трудоспособное население, млн. чел.	Число членов РКП, тыс. чел.	Число членов РКП на 1000 трудоспособного населения
Крестьяне-земледельцы	50,0	103	2,0
Ремесленники, торговцы и пр. .	9,2	26	2,8
Служащие и прислуга	2,9	86	29,7
Наемные рабочие	2,9	172	59,3
По всем группам	65,0	387	6,0

Как видим, революционное сродство пролетариата вообще, а рабочих физического труда в особенности с коммунистической партией весьма высоко. Рабочие выделяют из своей среды в 2 раза больше коммунистов, чем служащие, в 20 раз больше, чем мелкая буржуазия городского типа, и в 30 раз больше, чем крестьянство. В среднем же для всего населения коэффициент тяготения к партии в 5 раз меньше, чем у служащих, и в 10 раз меньше, чем у рабочих.

Конечно, такие коэффициенты нельзя считать совершенно неизменными. Социальный состав партии меняется. Она захватывает в сферу своего влияния все новые социальные слои. Поэтому приведенные показатели характеризуют лишь данный момент. Но тем более показательны они для этого изучаемого нами момента.

Более детальное сопоставление данных партийной переписи с материалами демографической переписи мы могли бы дать в настоящее время только по Москве. В отношении социальных группировок и профессионального состава обе переписи разработаны по одной и той же классификации занятий ЦСУ[1] и потому дают полную возможность для весьма поучительных сопоставлений. Классификация ЦСУ дает разбивку трудящихся не только по группам профессий, но и по их квалификации, исходя из среднего тарифного разряда каждой профессии, взятой в целом. Применительно к существующей 17-разрядной сетке можно группу квалифицированных профессий оценить в среднем 8-м тарифным разрядом, полуквалифицированных — 5-м и неквалифицированных — 2-м. Подобно этому квалификацию старшей группы служащих можно грубо оценить 15-м разрядом, средней — 11-м и младшей — 5-м. И тогда получается возможность сравнения не только относительной численности членов партии в различных профессионально-социальных группах, но и их относительной квалификации по сравнению со всей массой трудящихся.

Посмотрим, что же дает такое сравнение. Возьмем для начала рабочую группу (табл. 49).

Имея в виду желательность исключить влияние послереволюционных перебросок членов партии с одной работы на другую, мы для них берем здесь в основу деления не фактическое их занятие в момент переписи, а основную дореволюционную профессию. В связи с этим результат получается совсем иной, чем в табл. 45. Металлисты, которые там стояли на восьмом месте по относительной плотности среди них коммунистов (36 на 1000, а если исключить кандидатов, то еще меньше — 33%), здесь выдвигаются на первое место, выделяя из своей среды вчетверо более высокую норму членов партии (126 на 1000). А пищевики, стоявшие там на первом месте, спускаются здесь на 11. Подобные же перемещения можно отметить и в отношении многих других групп. Эти перемещения при переходе от производственной группировки к профессиональной вполне понятны. При первой группа металлистов означала всех рабочих, занятых на заводах по обработке металлов, не исключая занятых там плотников, печников, черно-

[1] «Классификация занятий, производств и отраслей труда для разработки» Всерос. демогр.-профес. переписи 1920 г. М., 1921.

Таблица 49

Профессиональная группировка всех рабочих по их занятию на 28 августа 1920 г. и членов РКП по их основной профессии до 1917 г. в Москве

Профессиональная группа	Все рабочие на 28 августа 1920 г.			Члены РКП из рабочих к 1922 г.					
				абсолютные числа			на 1000 всех рабочих того же пола		
	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Металлисты	31 017	2 374	33 391	4 173	50	4 223	134,0	21,1	126,0
2. Деревообделочники	5 260	264	5 524	654	—	654	124,0	—	118,0
3. Писчебумажники	214	479	693	52	25	77	243,0	52,2	111,0
4. Рабочие силовых установок	2 097	77	2 175	184	7	191	88,0	91,0	88,0
5. Печатники	6 768	3 332	10 100	802	75	877	119,0	22,5	86,8
6. Кожевники	7 362	1 439	8 801	604	18	622	82,1	12,5	70,7
7. Текстильщики	1 994	9 021	11 015	444	208	652	223,0	23,1	59,3
8. Строители	10 654	108	10 762	610	3	613	57,2	27,8	57,0
9. Швейники	3 400	19 906	23 306	468	760	1 228	138,0	38,2	52,7
10. Табачники	194	1 258	1 452	15	54	69	77,3	43,0	47,5
11. Пищевики	5 825	4 237	10 062	389	75	464	66,8	17,7	46,1
12. Рабочие местного транспорта	17 105	2 543	19 648	372	20	392	21,8	7,9	19,9
13. Химики	1 433	2 354	3 787	49	25	74	34,2	10,6	19,6
14. Железнодорожники	13 380	4 664	18 044	274	3	277	20,5	0,6	15,4
15. Разные	17 642	29 771	47 413	1 776	312	2 088	101,0	10,5	44,0
Итого	124 345	81 827	206 172	10 866	1 635	12 501	87,0	20,0	60,7
В том числе рабочих квалифицированных (8-й разряд)	75 986	19 691	95 677	8 199	939	9 138	108,0	47,7	95,5
полуквалифицированных (5-й разряд)	19 248	21 995	41 243	1 175	347	1 522	61,0	15,8	36,9
неквалифицированных (2-й разряд)	29 111	40 141	69 252	1 492	349	1 841	51,3	8,7	26,6
Средняя квалификация в баллах (тарифный разряд)	6,13	4,25	5,41	6,85	6,08	6,75	—	—	—

рабочих и т. п., а при второй все эти профессии отходят к деревообделочникам, строителям и т. д., но зато все слесари и токари по металлу и т. п. профессии собираются воедино со всех заводов, железнодорожных мастерских, армейских частей и советских учреждений, где бы они ни работали. Именно поэтому, если мы ставим своей задачей уяснить, у каких именно профессий РКП пользуется наибольшим успехом, показательнее вторая, профессиональная группировка.

Конечно, московские данные едва ли могут заменить собой отсутствие массовых, всероссийских коэффициентов, но, поскольку можно судить по ним, максимальную политическую зрелость и классовое самосознание в отношении партии пролетариата выявляют наиболее квалифицированные группы профессий: металлисты, деревообделочники, печатники и т. д.[1] В особенности ярко это сказывается в итогах по всем группам профессий. Неквалифицированные профессии дают всего 27 членов РКП на 1000, а квалифицированные почти 96, т. е. в 3,5 раза больше.

Чрезвычайно характерно, что средняя квалификация рабочих коммунистов и в особенности коммунисток значительно выше средней нормы для всех рабочих. Очевидно, в партию вовлекаются в первую очередь наиболее культурные элементы из рабочей среды. В связи с этим приобретает особое освещение и относительно низкий процент работниц-коммунисток. Среди членов партии квалификация работниц мало отличается от квалификации рабочих-мужчин. Но в общей массе рабочих работницы стоят еще на очень низкой ступени квалификации. Среди них еще очень низок процент таких, которые по своему общему развитию и выучке стояли бы на одном уровне с квалифицированным рабочим-мужчиной. Тем самым сокращается и естественный приток их в партию. И стало быть, для значительного повышения этого притока, помимо чисто политической работы среди женщин, необходимо поднять их общий культурный уровень и квалификацию.

В отношении служащих мы можем привести следующее сопоставление.

По сравнению с табл. 44, по учреждениям, табл. 50 дает совсем иную картину и служит к ней прекрасным дополнением. Там, например, мы видим Наркомпрос на 14-м месте по числу обслуживающих его партийных сил (48 на 1000). А здесь мы убеждаемся, что это произошло вовсе не потому, что работники просвещения не способны выделить из своей среды большой процент коммунистов. Совсем напротив, эта группа, в которую помимо учительства и профессуры входят литераторы и журналисты, дает, если судить по московским данным, очень высокий процент членов партии (133 на 1000). Но, очевидно, большей частью этих сил партия дает иное назначение, вне учреждений Наркомпроса.

Обратную картину наблюдаем в отношении работников охраны безопасности (агенты розыска, милиция, пожарные и т. п.). По своей основной профессии до революции члены партии едва ли часто практиковали такого рода специальности и потому в табл. 50 эта группа занимает последнее место. В нее вошли, очевидно, лишь те наиболее юные члены партии, которые до революции не имели никакой профессии и для которых поэтому нынешнее их занятие и является основной профессией. Но это не мешает тому, что в табл. 44 ГПУ занимает первое место по насыщению партийными силами, ибо эти силы привлекались туда из весьма различных профессиональных групп.

Высокий процент членов партии из числа юристов надо объяснить, по-видимому, весьма неполным учетом этих последних в 1920 г. В табл. 44

---

[1] Высокое место писчебумажников при незначительном абсолютном числе их может объясниться случайностью. Рабочие силовых установок, т. е. прежде всего машинисты и кочегары, очень близки по своей квалификации и условиям работы к металлистам, и потому их можно не упоминать особо.

Таблица 50

Профессиональная группировка всех служащих по их занятию на 28 августа 1920 г. и членов РКП по их основной профессии до 1917 г. в Москве

Профессиональная группа	Все служащие на 28 августа 1920 г.			Члены РКП из служащих к 1922 г.					
				абсолютное число			на 1000 всех служащих того же пола		
	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола	мужчин	женщин	обоего пола
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Работники просвещения	4 920	6 671	11 591	890	653	1 543	181,0	98,0	133,2
2. Юридический персонал	843	37	880	83	7	90	98,5	189,0	102,0
3. Технический »	12 071	1 874	13 945	787	36	823	65,2	19,2	59,0
4. Делопроизводительный персонал	17 319	40 866	58 185	1 494	610	2 104	86,4	14,9	36,2
5. Хозяйственно-распредственный персонал	16 204	7 883	24 087	656	94	750	40,5	11,9	31,1
6. Медико-санитарный персонал	5 879	16 678	22 557	361	282	643	61,4	16,9	28,6
7. Учетно-контрольный »	17 303	13 430	30 733	696	169	865	40,2	12,6	28,2
8. Работники искусства	2 691	2 360	5 051	115	12	127	42,8	5,1	25,2
9. Административный персонал	8 291	1 844	10 135	189	35	224	22,8	19,0	22,1
10. Работники связи	8 362	12 677	21 039	339	63	402	40,6	5,0	19,1
11. Работники гигиены	678	4 812	5 490	49	30	79	72,2	6,2	14,4
12. Работники питания и общежития	7 166	23 230	30 396	171	139	310	23,9	6,0	10,2
13. Работники охраны безопасности	13 740	1 661	15 401	117	5	122	8,5	3,0	7,9
14. Прочие служащие	11 416	8 607	20 023	119	13	132	10,4	1,5	6,6
Итого	126 883	142 630	269 513	6 066	2 148	8 214	47,3	15,1	30,5
В том числе служащие									
старшие	16 175	3 105	19 280	677	99	776	41,8	31,8	40,2
средние	59 848	48 328	108 176	3 235	1 337	4 572	54,0	27,7	42,3
младшие	50 860	91 197	142 057	2 154	712	2 866	42,3	7,8	20,2
Средняя квалификация в баллах (тарифный разряд)	9,10	7,25	8,12	9,32	9,20	9,28	—	—	—

учтены лишь служившие тогда по своей специальности юристы, т. е. ничтожное их меньшинство. Зато низкий процент коммунистов по 10—12-й группам табл. 50 — явление вполне закономерное. В эти группы вошли в очень большом числе служители и прислуга, никогда не отличавшиеся слишком большой политической зрелостью и классовым самосознанием. Довольно понятно и низкое место административного персонала в нашей таблице, хотя и по другой причине. Директора заводов и всякие другие администраторы, конечно, достаточно зрелы в политическом отношении, но, к сожалению, их классовое самоопределение далеко не всегда направлено в сторону пролетариата.

Именно по этой причине и в общих итогах по всем группам профессий старшие служащие дают меньший процент коммунистов, чем средние, нарушая этим общий закон, отмеченный нами для работников физического труда, закон, по которому чем выше квалификация работников, тем больше они выделяют из своей среды членов партии.

Но другое наблюдение, отмеченное в отношении рабочих и служащих, сохраняет всю свою силу. Квалификация членов партии из среды служащих (9,28 балла) значительно выше общего уровня квалификации для этой среды (8,12 балла). И опять-таки особенно заметное повышение над общим уровнем приходится отмечать у членов партии женского пола. Причем, указанное явление отнюдь нельзя объяснить тем, что служащие-коммунисты оказались выше других на служебной лестнице благодаря своему партийному весу. Напомним, что разбивка членов РКП по квалификации проведена в нашей таблице не по нынешней их должности, а по основной профессии до революции, когда «партийный вес» революционеров отнюдь не мог облегчать его служебную карьеру.

Уже из данных вышеприведенных таблиц видно, что социальные группы, именуемые «рабочими» и «служащими», далеко не однородны. Правда, формально и те и другие одинаково существуют за счет продажи своей рабочей силы и в этом смысле покрываются общим понятием пролетариата. Но и по сумме психологических навыков, и по своему происхождению, скажем, группа старших служащих довольно далека от рабочих, во всяком случае гораздо дальше средней группы конторско-канцелярского труда и в особенности младшей группы служащих физического труда или прислуги, которая непосредственно примыкает к менее обученным слоям рабочих. Поэтому изучение социального состава партии без некоторого, хотя бы грубого, расчленения таких больших групп, как рабочие и служащие, на дальнейшие подгруппы едва ли возможно. Насколько различны показатели тяготения к партии таких подгрупп, мы уже видели выше. Но не менее различны они и во многих других отношениях. Особенный интерес в этом отношении представляет вопрос о социальном происхождении членов партии во всех ее основных подразделениях.

Пользуясь итоговыми данными по Москве, мы можем установить, что из каждой тысячи членов РКП 356 являются детьми крестьян-земледельцев, 346 — дети рабочих, в том числе у 104 членов и дед и отец рабочие, 147 — дети служащих (11 старших, 54 средних и 82 младших), 71 — дети ремесленников, кустарей и т. п., 32 — дети торговцев, 17 — назвали своими родителями лиц свободных профессий, 9 — лиц духовного звания, 4 — предпринимателей с наемными рабочими и 2 — помещиков (16 не дали точных указаний). Во избежание излишнего распыления дробных показателей мы объединяем в дальнейшем малочисленные группы и сводим всех родителей в конце концов в следующие три рубрики: 1) лица чисто пролетарского состава — рабочие и младшие служащие, 2) лица полупролетарского состава — крестьяне-земледельцы, ремесленники и средние служащие и 3) лица непролетарского состава, куда включены все остальные группы, в том числе и не указанного происхождения. Для еще более краткой характеристики чистоты пролетарского происхождения каждой группы

Таблица 51

Социальное происхождение членов РКП по переписи 1922 г. в Москве

Социальный состав членов РКП (по основной профессии)	Процент членов РКП, родители которых: наемные рабочие	служащие и служители	крестьяне-земледельцы	ремесленники, кустари и пр.	разные и не указанные	торговцы, предприниматели и помещики	итого	из них лиц состава: пролетарского	полупролетарского	не пролетарского	Средний балл пролетарского происхождения (гр. 9 + 1/2 гр. 10)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. *Рабочие*											
квалифицированные	47,4	7,1	33,6	7,7	2,7	1,5	100	52,0	43,4	4,6	73,7
полуквалифицированные	45,9	6,3	38,5	5,1	3,0	1,2	100	50,4	45,0	4,6	72,9
неквалифицированные	37,5	4,6	50,5	3,8	2,8	0,8	100	41,0	55,3	3,7	68,7
Итого	45,7	6,6	36,7	6,8	2,9	1,3	100	50,2	45,3	4,5	72,9
Из них в возрасте											
до 24 лет	49,9	7,9	30,4	7,8	2,7	1,3	100	54,9	40,7	4,4	75,3
от 25 до 34 лет	45,9	5,6	38,4	6,4	2,2	1,5	100	49,6	46,3	4,1	72,8
от 35 лет и выше	40,3	7,1	40,8	6,4	4,2	1,2	100	45,7	48,6	5,7	70,0
2. *Служащие*											
старшие	13,2	37,3	15,6	9,6	10,7	13,6	100	29,7	40,7	29,6	50,1
средние	24,9	27,4	25,5	8,0	6,9	7,3	100	38,7	45,2	16,1	61,3
младшие	34,2	17,2	34,8	7,3	3,5	3,1	100	45,5	47,2	7,3	69,1
Итого	27,0	24,8	27,7	7,9	6,1	6,5	100	40,2	45,4	14,4	62,9
3. *Крестьяне*	4,2	0,8	93,8	0,7	0,4	0,1	100	4,6	94,9	0,5	52,1
4. *Прочие*	22,6	23,6	32,9	8,1	5,6	7,2	100	34,3	50,2	15,5	59,4
По всем группам											
мужчины	34,9	13,3	38,5	6,6	3,7	3,0	100	42,5	49,8	7,7	67,4
женщины	32,9	21,6	21,8	9,4	6,5	7,8	100	43,8	40,1	16,1	63,9
Всего	34,6	14,7	35,6	7,1	4,2	3,8	100	42,8	48,1	9,1	66,9
Из них в возрасте											
до 24 лет	35,8	16,5	32,9	7,5	3,7	3,6	100	44,6	46,6	8,8	67,9
от 25 до 34 лет	34,9	13,4	37,5	6,6	3,7	3,9	100	42,6	49,0	8,4	67,1
от 35 лет и выше	31,9	14,3	36,4	7,5	6,0	3,9	100	39,9	88,9	11,2	64,4

одним общим баллом показателем мы условно оцениваем чисто пролетарское происхождение в 100%, полупролетарское — в 50%, непролетарское — 0% и выводим на основании этих оценок средний балл из всех показаний. Общий результат соответствующей группировки представлен в табл. 51.

Данные табл. 51 позволяют сделать целый ряд выводов и обобщений. Прежде всего при сопоставлении между собой различных слоев служащих и рабочих легко обнаружить, что никакой социальной пропасти или даже перегородки между ними нет. Переходы от квалифицированного слоя рабочих к полуквалифицированному и неквалифицированному иной раз резче, чем такой же переход последней группы рабочих к группе младших служащих, а затем средних и старших.

Если за мерку кровного родства каждой из названных шести групп с формирующимся у нас из элементов деревни и города вполне оседлым рабочим классом городского типа принять процент работников с родителями — наемными рабочими, то получим следующий чрезвычайно плавный ряд (в %): 47,4, 45,9, 37,5, 34,2, 24,9 и 13,2. И разница заключается лишь в том, что для рабочих падение этого процента означает вместе с тем и падение их квалификации, а для служащих, наоборот, падение процента выходцев из рабочей среды сопровождается повышением их квалификации. Иначе действует примесь крестьянской крови. Сокращение процента выходцев из крестьянства одинаково повышает квалификацию группы и у служащих и у рабочих. Все другие социальные элементы, по сравнению с рабочими и крестьянами, играют в процессе консолидации у нас рабочего класса, а с ним и РКП гораздо меньшую роль. Даже в жилах служащих рабоче-крестьянская кровь составляет 54,7%, у группы партийных разночинцев («прочих») он поднимается до 55,5, у рабочих — до 82,4 и у крестьян — до 98. Лишь у группы старших служащих этот процент падает до 28,8 за счет сильно повышенного у них процента выходцев из определенно буржуазной среды (13,6). Эта ложка буржуазного дегтя обесценивает, конечно, в известном смысле всю группу старших служащих, но отнюдь не колеблет подлинного демократизма всех остальных групп.

Особого внимания в табл. 51 заслуживают возрастные группировки по рабочей группе и по итогам всех групп. Они характеризуют собой известные динамические процессы не только в партии пролетариата, но и в самой рабочей среде. В лице возрастных групп мы, в сущности, имеем на выборку достаточное представительство трех различных поколений московского пролетариата. Средний возраст их нам известен. Старшая группа рабочих насчитывает в среднем 40,9 года, средняя — 29,1 и младшая — 21,9. Говоря иначе, мы имеем дело с поколением, родившимся около 1880 и 1900 г.

И вот оказывается, что уже 40 лет назад, задолго до разрешения жарких споров народников и марксистов о судьбах капитализма в России, рабочий класс у нас консолидировался и осел в городах столь мощным пластом, что уже до 40% все возрастающей потребности в рабочих руках капиталистического рынка покрывал за счет своего естественного прироста и лишь в той же цифре, около 40%, расширялся за счет притока свежих сил из деревни. Через 10 лет мы наблюдаем уже перевес естественного прироста городского пролетариата над увеличением его за счет притока из деревни на 7,5%, а еще через 10 лет этот перевес достигает уже 19,5%. И это наблюдается не только в Москве. Петроградские данные партийной переписи рисуют нам в этом отношении совершенно аналогичную картину. И мы не сомневаемся, что и всероссийская разработка даст те же результаты, понизив лишь несколько соответствующие проценты.

Но что же означает эта столь ярко выявившаяся тенденция развития городского пролетариата? Выше отмеченные закономерности не оставляют в этом никаких сомнений. Она означает, что с каждым поколением, с каждым годом состав городского пролетариата, с точки зрения чистоты и

классовой однородности его социального происхождения, будет улучшаться. Процент понижающих квалификацию крестьянских примесей будет падать. Квалификация и вообще весь культурный уровень рабочего класса в целом будет в той же мере расти, а вместе с тем возрастет и коэффициент его тяготения к партии пролетариата.

Но уже и теперь из анализа данных табл. 51 нетрудно заключить, что пролетарский состав РКП гораздо выше, чем об этом можно судить по проценту одних лишь рабочих — членов партии. В Москве, например, лишь 48,2% членов партии — рабочие по основной своей профессии. Но, если сюда прибавить еще ту часть служащих и прочих членов партии, которые если не по занятию в данный момент, то по крови и воспитанию в рабочей среде, с молоком матери всосали в себя пролетарские навыки мыслить, чувствовать и трудиться, то этот процент повысится, по крайней мере, до 59,8, а если к работникам физического труда прибавить и прислугу, то еще выше — до 72,2. Для всей же России по московским коэффициентам[1] процент рабочих (44,4) с прибавкой всех остальных бесспорно пролетарских элементов достиг бы по аналогичному расчету минимум 61. Процент более чем удовлетворительный для состава рабочей партии в такой крестьянской стране, как Россия.

В заключение для характеристики масштаба социально-профессиональных перегруппировок в рядах РКП за время революции приведем еще одну таблицу по Москве (табл. 52).

Как видим, не говоря уже о крестьянах, которые, попав в столицу, естественно оказались на все 100% оторванными от своей основной работы за плугом,— и все другие социальные группы внутри РКП претерпели весьма основательные перетасовки. Достаточно указать, что из членов РКП, бывших до революции служащими, всего за 5 лет к 1922 г. переменили род занятий не менее 63%, т. е. около 2/3, а из числа коммунистов-рабочих — до 80%, или около 4/5. Если за годы революции аналогичного масштаба социальные перегруппировки происходили и за пределами партии пролетариата, а это более чем вероятно, ибо антипролетарские группы крупной буржуазии, помещиков, черного духовенства и т. п. и вовсе были сметены за это время с лица земли, то нашу эпоху придется характеризовать как эпоху поистине небывалых в истории социальных сдвигов геологического порядка.

Любопытно отметить, что максимальную подвижность в партии проявила рабочая молодежь до 24 лет, из которых свыше 54%, оторвавшись от станка, засели за книгу на всякого рода курсах и в школах, готовясь занять со временем важнейшие командные посты на военном и хозяйственном фронтах молодой пролетарской республики.

Сборная группа «прочих» коммунистов, как видно из данных табл. 52 тоже более чем на половину занята на тех же курсах и в школах. По возрасту это самая молодая группа[2]. Большинство членов этой группы не могло иметь самостоятельной профессии до 1917 г., да и теперь еще в качестве учащейся молодежи ее не имеет. Поэтому они и попали в «прочие», хотя лиц непролетарского происхождения в этой группе не более 15%, все же остальные — дети крестьян, служащих и рабочих (см. табл. 51). И, конечно, среди учащихся коммунистов этой группы дети рабочих занимают по праву первое место.

Если табл. 52 пересчитать в процентах итога по каждой вертикальной графе, то мы увидим, что рабочим принадлежит первое место не только в школе, а и на всех важнейших поприщах практической партийной работы (табл. 53).

---

[1] Считая до 60% служащих и служителей, около 35% «прочих» членов и до 5% крестьян-коммунистов, вышедших из рядов пролетариата.

[2] Средний возраст этой группы 24,9 года, тогда как для крестьян он равен 25,1, для служащих — 28,5 и для рабочих — 29,9 года.

Таблица 52

Основная профессия и род занятий членов РКП в Москве в 1922 г.
Число работников по группам занятий (в % к итогу)

Основная профессия до 1917 г.	Род занятий в 1922 г.: рабочие	служащие	ответственные политические руководители	командный состав армии	военные курсанты	учащиеся	красноармейцы и военные служащие	крестьяне-земледельцы	ремесленники и пр.	итого	из них состоят в армии
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. *Рабочие*											
квалифицированные	21,6	25,3	14,7	2,3	8,0	18,1	7,0	0,0	3,0	100,0	20,1
полуквалифицированные	22,0	25,3	12,0	1,8	8,6	21,7	5,1	0,1	3,4	100,0	18,1
неквалифицированные	20,3	29,8	8,4	1,6	10,6	20,3	5,9	—	3,1	100,0	21,0
Итого	21,5	26,0	13,4	2,1	8,4	18,9	6,6	0,0	3,1	100,0	20,0
Из них в возрасте											
до 24 лет	12,5	13,9	6,5	2,3	20,8	33,4	8,6	—	2,0	100,0	34,9
от 25 до 34 лет	19,5	27,9	16,0	2,7	5,1	17,9	7,1	0,0	3,8	100,0	18,2
от 35 лет и выше	35,5	36,3	16,6	0,8	0,4	3,9	3,5	0,0	3,0	100,0	5,5
2. *Служащие*											
старшие	0,3	25,4	55,8	0,5	1,5	8,4	4,1	0,1	3,9	100,0	11,3
средние	1,1	36,0	22,5	1,3	6,3	22,4	6,8	—	3,6	100,0	18,4
младшие	4,6	42,0	13,6	1,6	9,0	17,2	8,5	—	3,5	100,0	23,0
Итого	2,3	37,0	22,5	1,4	6,8	19,3	7,1	0,0	3,6	100,0	19,3
3. *Крестьяне*	2,5	10,8	7,1	5,3	37,1	23,2	12,3	0,1	1,6	100,0	58,5
4. *Прочие*	1,3	17,0	14,4	3,7	25,5	26,8	7,2	—	4,1	100,0	40,9
По всем группам											
мужчины	11,1	25,0	17,9	2,7	13,8	18,5	8,0	0,0	3,0	100,0	28,6
женщины	13,7	40,2	8,5	0,1	0,7	29,3	2,7	0,0	4,8	100,0	4,1
Обоего пола	11,6	27,6	16,3	2,2	11,6	20,3	7,1	0,0	3,3	100,0	24,4
Из них в возрасте											
до 24 лет	5,8	18,1	7,9	2,3	21,4	33,4	8,7	—	2,4	100,0	36,1
от 25 до 34 лет	11,0	29,7	19,7	2,8	8,5	17,0	7,3	0,0	4,0	100,0	22,1
от 35 лет выше	23,3	40,2	23,7	0,8	0,8	3,9	3,6	0,0	3,7	100,0	7,0

Таблица 53

Основная профессия и род занятий членов РКП в Москве в 1922 г. Распределение работников по группам занятий (в % к итогу)

Основная профессия до 1917 г.	Род занятий в 1922 г. Рабочие	Служащие	Ответственные политические руководители	Командный состав	Военные курсанты	Учащиеся	Красноармейцы и военные служащие	Крестьяне-земледельцы	Ремесленники и пр.	Итого	Из них состоит в армии
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. *Рабочие*											
квалифицированные	67,0	32,8	32,4	36,1	24,7	31,9	35,5	40,0	32,6	35,9	29,5
полуквалифицированные	11,4	5,5	4,4	4,9	4,4	6,4	4,3	20,0	6,1	6,0	4,4
неквалифицированные	12,7	7,8	3,8	5,1	6,6	7,2	6,0	—	9,9	7,2	6,2
Итого	91,1	46,1	40,6	46,1	35,7	45,5	45,8	60,0	45,6	49,1	40,1
В том числе											
до 24 лет	15,2	7,0	5,6	14,5	26,2	23,1	17,0	—	8,6	14,1	20,2
от 25 до 34 лет	38,5	23,1	22,5	27,1	10,1	20,1	22,8	20,0	25,9	22,8	17,0
от 35 лет и выше	37,4	16,0	12,5	4,5	0,4	2,3	6,0	40,0	11,1	12,2	2,9
2. *Служащие*											
старшие	0,1	2,8	10,5	0,7	0,4	1,3	1,8	20,0	3,6	3,0	1,4
средние	1,7	23,4	24,8	10,3	9,8	19,8	17,1	—	19,4	17,9	13,5
младшие	4,5	17,1	9,4	8,6	8,7	9,5	13,5	—	12,0	11,3	10,6
Итого	6,3	43,3	44,7	19,6	18,9	30,6	32,4	20,0	35,0	32,2	25,5
3. *Крестьяне*	0,9	1,6	1,8	10,0	13,4	4,8	7,2	20,0	2,0	4,2	10,0
4. *Прочие*	1,7	9,0	12,9	24,3	32,0	19,1	14,6	—	17,4	14,5	24,4
По всем группам											
мужчины	79,7	74,9	91,0	99,0	99,0	75,2	93,5	80,0	75,0	82,8	97,1
женщины	20,3	25,1	9,0	1,0	1,0	24,8	6,5	20,0	25,0	17,2	2,9
Обоего пола	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Из них в возрасте											
до 24 лет	18,0	23,4	17,5	37,6	66,1	58,8	43,7	—	25,5	35,8	52,9
от 25 до 34 лет	42,3	47,9	53,8	55,4	32,6	37,4	46,3	40,0	52,8	44,5	41,5
от 35 лет и выше	39,7	28,7	28,7	7,0	1,3	3,8	10,0	60,0	21,7	19,7	5,6

Как видим, рабочие довольно равномерно распределяются по всем графам табл. 52 и везде стоят на первом месте, за одним лишь исключением. В группе так называемых ответственных работников и политических руководителей с ними численно конкурируют коммунисты из служащих. Но и здесь, на политической работе в тесном смысле этого слова, рабочие преобладают над служащими, и лишь там, где требуется прежде всего большая техническая ответственность, более подготовленными к руководству работой являются пока бывшие служащие.

В среде рабочих-коммунистов численно преобладает повсюду наиболее квалифицированная группа. Но заслуживает внимания, что и наименее обученные группы рабочих и служащих находят себе место во всех областях работы, не исключая командования в армии и политического руководства государственными делами. При оценке этого факта не следует лишь забывать одного обстоятельства. Необученными эти группы являются с точки зрения их основной профессии до революции. Но за время революции они должны же были научиться кое-чему. И надо думать, что пятилетний опыт великой русской революции в области государственного управления научил их многому, чему невозможно было бы научиться ни в одном из лучших европейских университетов.

Поучительно в табл. 53 еще одно обстоятельство — это возраст той группы работников, которые призваны партией пролетариата к политическому руководству страной. Громадное большинство их насчитывает от 25 до 35 лет, а в среднем по всей группе получается не более 32 лет. Такого молодого правительства еще не было, по-видимому, в нашем довольно уже дряхлом буржуазном мире. Особенно резкий контраст получается при сопоставлении этого возраста со средним возрастом старцев дореволюционного государственного совета и тому подобных правительственных учреждений времен царизма.

С этим достаточно сопоставить другой ныне вполне статистически доказанный факт, что максимум не только физической, но и умственной энергии и силы человек развивает в возрасте от 30 до 35 лет, а затем эта энергия постепенно идет на убыль и к старости,— за редким исключением, резко падает на целые десятки процентов ниже своей максимальной нормы.

Выводов из этого сопоставления мы пока делать не станем, будем надеяться, что их скоро выявит за нас сама история нашего дальнейшего государственного и хозяйственного развития.

5. ПАРТИЙНЫЙ СТАЖ И ОБРАЗОВАНИЕ

Порайонные итоги членов партии с распределением их по партийному стажу представлены в табл. 54.

Как видим, процент членов РКП с подпольным стажем до 1917 г. невелик (2,7%), но это объясняется прежде всего быстрым ростом партии, увеличившей свой состав с 1917 г. в десятки раз, а затем и некоторой неполнотой учета членов с подпольным стажем. Дело в том, что весь подпольный стаж революционеров, вступивших в фракцию большевиков РСДРП, переименованную с 1918 г. в РКП, до момента перехода их туда из других фракций или партий, не вошел в учет их партстажа по РКП. Но отдельно учтен и этот стаж, и на основании уже разработанных данных по Москве и Петрограду можно сказать, что с прибавкой выходцев из других, главным образом социал-демократических организаций (бунд, интернационалисты, меньшевики), процент членов РКП с подпольным революционным стажем возрос бы на 50 или около того.

Наибольший процент старейших членов партии сосредоточен, конечно, в Москве (7,3 с подпольным стажем). По Центральной России впереди других в этом отношении стоят промышленные губернии, на окраинах — Кавказ и Украина.

Таблица 54

Группировка членов РКП по партстажу к началу 1922 г.

Район	Год вступления в партию									
	до 1904	1905—1916	1917	1918	1919	1920	1921	без указания	итого	средний партийный стаж к середине 1922 г., лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
АБСОЛЮТНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ										
А. Центральная Россия										
1. Промышленные губернии	1 129	3 515	12 619	20 478	35 653	22 552	9 231	1 486	106 663	3,51
2. Земледельческие губернии	462	1 387	7 501	19 398	29 867	25 468	8 112	1 597	93 792	3,14
Итого	1 591	4 902	20 120	39 876	65 520	48 020	17 343	3 083	200 455	3,34
В том числе										
в Москве	543	1 485	3 901	5 243	8 076	5 813	2 610	241	27 912	3,88
в Петрограде	132	685	2 194	3 399	6 841	4 533	1 690	278	19 752	3,40
Б. Окраины										
3. Кавказская республика	277	772	3 302	4 910	4 997	9 106	4 081	325	27 770	3,20
4. Украина	295	995	5 566	6 918	14 819	17 359	6 225	1 724	53 901	3,04
5. Мелкие автономные области	47	235	1 401	3 397	5 946	4 943	2 829	169	18 967	2,92
6. Туркестан	43	138	854	3 365	6 230	5 149	2 658	527	18 964	2,81
7. Юго-Восток	81	369	1 392	2 678	4 550	10 766	2 230	488	22 554	2,77
8. Киргизская республика	14	61	387	743	2 177	3 899	1 247	301	8 829	2,52
9. Сибирь	169	442	2 132	1 756	3 601	22 547	3 806	420	34 873	2,49
Итого	926	3 012	15 034	23 767	42 320	73 769	23 076	3 954	185 858	2,86
Всего по 95 губерниям	2 517	7 914	35 154	63 643	107 840	121 789	40 419	7 037	386 313	3,11

Таблица 54 (продолжение)

Район	Год вступления в партию									
	до 1904	1905—1916	1917	1918	1919	1920	1921	без указания	итого	средний партийный стаж к середине 1922 г., лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ, % к итогу (гр. 10)										
А. Центральная Россия										
1. Промышленные губернии	1,0	3,3	11,8	19,2	33,4	21,2	8,7	1,4	100,0	113,0
2. Земледельческие губернии	0,5	1,5	8,0	20,7	31,8	27,2	8,6	1,7	100,0	101,0
Итого	0,8	2,4	10,0	19,9	32,7	24,0	8,7	1,5	100,0	107,0
В том числе.										
в Москве	2,0	5,3	14,0	18,8	28,9	20,8	9,3	0,9	100,0	125,0
в Петрограде	0,7	3,4	11,1	17,2	34,6	23,0	8,6	1,4	100,0	109,0
Б. Окраины										
3. Кавказская республика.	1,0	2,8	11,9	17,7	18,0	32,8	14,7	1,1	100,0	103,0
4. Украина	0,6	1,8	10,3	12,8	27,5	32,2	11,6	3,2	100,0	97,7
5. Мелкие автономные области	0,2	1,2	7,4	18,0	31,3	26,1	15,0	0,8	100,0	94,0
6. Туркестан	0,2	0,7	4,5	17,7	32,9	27,2	14,0	2,8	100,0	90,4
7. Юго-Восток	0,4	1,6	6,2	11,9	20,2	47,7	9,9	2,1	100,0	89,2
8. Киргизская республика	0,2	0,7	4,4	8,4	24,7	44,2	14,1	3,3	100,0	81,0
9. Сибирь	0,5	1,3	6,1	5,0	10,3	64,7	10,9	1,2	100,0	80,0
Итого	0,5	1,6	8,1	12,8	22,8	39,7	12,4	2,1	100,0	92,0
Всего по 95 губерниям	0,7	2,0	9,1	16,5	27,9	31,5	10,5	1,8	100,0	100,0

Таблица 55

Распределение членов РКП по партстажу в связи с социальным их положением по России к 1922 г.

Социальное положение	Год вступления в партию									
	до 1904	1905—1916	1917	1918	1919	1920	1921	без указания	итого	средний партстаж к середине 1922 г., лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Абсолютные величины										
Рабочие	1 587	5 014	21 675	28 898	47 310	48 800	15 121	3 220	171 625	3,37
Крестьяне	85	409	4 122	14 792	26 655	39 694	55 295	1 945	102 997	2,58
Служащие	687	1 980	7 391	16 023	26 769	24 866	6 836	1 271	85 823	3,25
Прочие	158	511	1 966	3 930	7 106	8 429	3 167	601	25 868	3,01
Итого	2 517	7 914	35 154	63 643	107 840	121 789	40 419	7 037	386 313	3,11
В том числе										
в городах	2 167	6 806	27 731	44 847	77 105	76 131	24 853	4 289	263 929	3,22
в селениях	350	1 108	7 423	18 796	30 735	45 658	15 566	2 748	122 384	2,70
Относительные величины										
Рабочие	0,9	2,9	12,6	16,9	27,6	28,4	8,8	1,9	100,0	100
Крестьяне	0,1	0,4	4,0	14,4	25,9	38,5	14,8	1,9	100,0	77
Служащие	0,8	2,3	8,6	18,7	31,2	29,0	7,9	1,5	100,0	96
Прочие	0,6	2,0	7,6	15,2	27,5	32,6	12,2	2,3	100,0	89
Итого	0,7	2,0	9,1	16,5	27,9	31,5	10,5	1,8	100,0	92
В том числе										
в городах	0,8	2,6	10,5	17,0	29,2	28,9	9,4	1,6	100,0	96
в селениях	0,3	0,9	6,1	15,4	25,1	37,3	12,7	2,2	100,0	80

Средний стаж всей партии к середине 1922 г. достигал 3,11 года, с максимумом в Москве (3,88 года) и минимумом в Сибири (2,49). Эта весьма крупная разница в стаже между отдельными районами в значительной степени связана с перипетиями гражданской войны и сроками распространения советской власти от центра к окраинам. Правда, партия не прекращала своего роста на окраинах и в подполье под властью белых генералов в 1918—1919 гг., но все же белый террор временно задерживал темп этого роста. Так, в Сибири за 1918 г. мы можем отметить даже некоторое абсолютное сокращение прироста. В 1919 г., который благодаря партийной неделе дал рекордный за все годы прирост партии в Центральной России, на окраинах мы наблюдали гораздо более скромный прирост. Но зато в 1920 г. с освобождением их от последних банд Колчака и Деникина окраины резко перегоняют центр в темпе прироста своих организаций, с лихвой возмещая результаты временной задержки роста.

Переходя к изучению партстажа различных социальных групп внутри партии, имеем следующие данные (табл. 55).

Наибольший процент старых членов-подпольщиков и наиболее высокий средний стаж, как видим, дают рабочие. За ними на втором месте идут служащие, на третьем — «прочие» коммунисты и лишь на последнем — крестьяне. Крестьяне моложе по партстажу рабочих на целых $^{4}/_{5}$ года, или 23%, сельчане вообще моложе горожан на $^{1}/_{2}$ года. В связи с этим любопытно отметить, что, если наибольший прирост партии в городе приходится на 1919 г., в деревне он несколько запаздывает и приходится уже на 1920 г. Главной причиной этой передвижки является резкий прирост крестьян в 1920 г., в городах же замедление роста в 1920 г. произошло исключительно из-за сокращения прироста служащих, так как другие группы в этом году давали еще увеличение прироста.

Этот усиленный успех партии среди крестьянства в 1920 г., т. е. еще до новой экономической политики, объясняется, конечно, не особыми симпатиями крестьянства к продразверстке и тому подобным соблазнам эпохи военного коммунизма, а просто значительным расширением границ Советской России, начиная с этого года. Включение в сферу влияния партии Сибири, Юго-Востока и других окраин с преимущественно крестьянским населением, да еще непосредственно после того, как это население получило целый ряд предметных уроков конституции на своей спине и отлично узнало от доблестных сподвижников Колчака, Деникина, Врангеля и К^{0}, чего оно могло бы ждать от помещичьей власти, если бы его не выручила власть советская,— после этого усиленный приток крестьянства в партию не мог быть неожиданным.

Тем не менее приток этот оказался настолько стремительным, что заставил призадуматься многих в партии о том, не лучше ли в интересах большей чистоты и однородности состава партии в условиях момента предпочесть качественное усиление ее состава количественному. В марте 1921 г., на X съезде партии, это мнение отлилось в соответствующее решение. Намечено было проведение генеральной чистки партии, и впредь до нее приостановлен нормальный прием новых членов. Чистка закончилась только к концу года. Таким образом, около 9 месяцев из 12 приема в партию не было. Такова главнейшая причина того чрезвычайно заметного сокращения, по сравнению с прежними годами, числа членов РКП, вступивших в партию в 1921 г., какое нашло себе отражение в табл. 54.

Постановка на очередь вопроса о качественном улучшении состава партии повышает интерес к данным переписи об образовательном уровне членов РКП. Данные табл. 56 позволяют нам составить о нем некоторое представление.

Сравнивая наши данные по районам, мы видим, что в столицах и промышленных губерниях средний образовательный ценз выше всего, на окраинах ниже, чем в центре, в селениях значительно ниже, чем в горо-

Таблица 56

Порайонное распределение коммунистов по образовательному цензу к началу 1922 г.

Район	Абсолютные величины: высшее	среднее	низшее	домашнее и самоучки	неграмотные	без указаний	итого	Средняя продолжительность обучения, лет	% к итогу (гр. 8): высшее	среднее	низшее	домашнее и самоучки	неграмотные	без указания	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
А. Центральная Россия															
1. Промышленные губернии	1 047	9 221	86 374	8 224	1 416	381	106 663	4,6	1,0	8,6	81,0	7,7	1,3	0,4	100,0
2. Земледельческие губернии	294	4 215	77 342	10 023	1 485	433	93 792	4,2	0,3	4,5	82,4	10,7	1,6	0,5	100,0
Итого	1 341	13 436	163 716	18 247	2 901	814	200 455	4,4	0,7	6,7	81,7	9,1	1,4	0,4	100,0
В том числе															
в Москве	808	4 593	18 270	1 650	121	49	25 491	5,3	3,2	18,0	71,6	6,5	0,5	0,2	100,0
в Петрограде	168	1 902	13 698	1 164	39	28	16 999	4,8	1,0	11,2	80,6	6,8	0,2	0,2	100,0
Б. Окраины															
3. Украина	391	4 286	40 614	7 960	475	175	53 901	4,3	0,7	8,0	75,3	14,8	0,9	0,3	100,0
4. Мелкие автономные области	105	1 280	14 939	2 230	307	106	18 967	4,3	0,5	6,7	78,8	11,8	1,6	0,6	100,0
5. Юго-Восток	78	1 195	16 481	4 214	462	124	22 554	3,9	0,3	5,3	73,1	18,7	2,0	0,6	100,0
6. Киргизская Республика	21	283	6 116	1 842	489	78	8 829	3,6	0,2	3,2	69,3	20,9	5,5	0,9	100,0
7. Сибирь	101	1 215	22 617	8 063	2 777	100	34 873	3,5	0,3	3,5	64,8	23,1	8,0	0,3	100,0
8. Кавказская республика	209	1 677	15 898	4 973	4 830	183	27 770	3,4	0,8	6,0	57,2	17,9	17,4	0,7	100,0
9. Туркестан	71	853	9 806	2 688	5 431	115	18 964	2,9	0,4	4,5	51,7	14,2	28,6	0,6	100,0
Итого	976	10 789	126 471	31 970	14 771	881	185 858	3,8	0,5	5,8	68,0	17,2	8,0	0,5	100,0
Всего по 95 губерниям	2 317	24 225	290 187	50 217	17 672	1 695	386 313	4,0	0,6	6,3	75,0	13,0	4,7	0,4	100,0

дах[1]. Всего сильнее понижают этот ценз значительные группы неграмотных членов партии в селениях (8%) и на глухих окраинах — в Сибири (8%), на Кавказе (17,4%) и особенно в Туркестане (28,6%). Что же касается среднего уровня образования членов РКП по всей стране, то оценка его будет зависеть от той мерки, с какой мы подойдем к этому вопросу.

Если за мерку принять средний уровень образования всего населения страны, то образовательный ценз партии придется признать очень высоким. И это очень понятно. Ведь особенно низок у нас в стране культурный уровень деревни, которая представлена в партии гораздо слабее, чем более культурные группы горожан — рабочие и служащие. Процент неграмотных в стране измеряется и доныне еще целыми десятками, а в партии он не достигает и на круг и 5. Но можно посмотреть на дело и с другой стороны. И тогда мы скажем, что для партии, поставившей перед собой задачу ликвидации безграмотности во всей стране, и 5% неграмотных в своей собственной среде — дело совершенно недопустимое. Тем более, что обучение грамоте 18 тыс. неграмотных, но жаждущих просвещения коммунистов — задача гораздо более осуществимая, чем упорная возня с таким же примерно числом миллионов деревенских баб и стариков, жаждущих только того, чтобы их на склоне лет оставили в покое.

Было бы, однако, несправедливым сделать отсюда вывод, что партия мало усилий затрачивает на просвещение своих членов. Мы уже приводили в табл. 52 данные, из которых явствует, что, например, в Москве до 55% всей партийной молодежи (до 24 лет) посажены за школьную науку, не говоря уже о всевозможных культурных учреждениях и образовательных кружках в недрах самой партии. Но 18 тыс. неграмотных членов РКП остается все же вопиющим фактом, о котором приходится кричать до тех пор, пока на него не будет обращено должного внимания.

По отдельным социальным группам образовательный ценз членов РКП приведен в табл. 57. Как видим, наиболее высокий образовательный ценз и минимум неграмотных дает группа служащих. Но характерно, что даже в этой группе лица с низшим образованием или без всякого составляют свыше 3/4 всей группы. Это лучшее доказательство в наших условиях теснейшего родства группы служащих с самым подлинным пролетарским демосом. И не только группы членов РКП из служащих, но и вообще всех служащих, ибо мы уже видели выше, что общая масса служащих, как и рабочих, ниже по своей квалификации, а стало быть, и культурному уровню по сравнению с группой коммунистов, вышедшей из этой среды.

По отношению к рабочим это нетрудно подтвердить и прямым сопоставлением процента грамотных и неграмотных среди всех рабочих и среди рабочих-коммунистов. Среди рабочих-коммунистов по всей России неграмотные составляют всего 2,7% (в Петрограде 0,3%), а среди рабочих вообще даже в Петрограде их оказалось по профессиональной переписи 1918 г. 11% среди мужчин и 35% среди женщин, а в среднем — 20,8%, т. е. в 7,7 раза больше, чем среди коммунистов по всей России и раз в 70 больше, чем среди питерских рабочих-коммунистов[2].

В отношении служащих мы можем — до разработки профессионально-демографической переписи 1920 г. во всероссийском масштабе — сопоставить наши данные с итогами аналогичной разработки профессиональных

---

[1] Среднее число лет обучения, принятое нами за меру этого ценза, для столиц подсчитано по индивидуальным показаниям самих членов партии, для остальных районов оно исчислено более грубо по столичным нормам, считая высшее образование за 13 лет, среднее — 9 лет, низшее — от 4 до 5 лет, по разным социальным группам — в среднем 4,4 года, самоучки — 1 год, неграмотные — 0.

[2] «Статистический сборник по Петрограду», 1922, стр. 51.

Таблица 57

Образовательный ценз членов РКП в связи с их социальным положением к началу 1922 г.

Социальное положение	Высшее	Среднее	Низшее	Домашнее и самоучки	Неграмотные	Без указания	Итого	Средняя продолжительность обучения, лет
1	2	3	4	5	6	7	8	9
				Абсолютные величины				
Рабочие	24	1 584	138 226	26 486	4 633	672	171 625	3,48
Крестьяне	5	624	72 443	17 618	11 607	700	102 997	3,46
Служащие (и служители)	1 845	16 972	62 558	4 063	261	124	85 823	5,77
Прочие	443	5 045	16 960	2 050	1 171	199	25 868	5,37
Итого	2 317	24 225	290 187	50 217	17 672	1 695	386 313	4,00
В том числе								
в городах	2 204	22 302	207 377	28 173	3 115	758	263 929	4,5
в селениях	113	1 923	82 810	22 044	14 557	937	122 384	3,1
				Относительные величины				
Рабочие	0,0	0,9	80,6	15,4	2,7	0,4	100,0	100
Крестьяне	0,0	0,6	70,2	17,1	11,3	0,8	100,0	99
Служащие	2,2	19,8	72,9	4,7	0,3	0,1	100,0	165
Прочие	1,7	19,5	65,6	7,9	4,5	0,8	100,0	154
Итого	0,6	6,3	75,1	13,0	4,6	0,4	100,0	115
В том числе								
в городах	0,8	8,4	78,6	10,7	1,2	0,3	100,0	112
в селениях	0,1	1,6	67,6	18,0	11,9	0,8	100,0	77

листков союза советских служащих за 1918—1919 гг. по Москве, произведенной Л. Магазинером. Это сопоставление приведено в табл. 58.

Таблица 58

Образовательный ценз служащих Москвы

	Число наблюдений среди		Ценз в годах		Разница	
	членов союза	членов РКП	в союзе	в РКП	лет	%
1	2	3	4	5	6	7
Мужчины	21 998	6 066	4,8	6,7	1,9	28
Женщины	23 402	2 148	6,3	7,1	0,8	13
Всего	45 400	8 214	5,6	6,8	1,2	21

Как видим, члены партии из служащих по своему образованию стоят процентов на 20 выше всех служащих, зарегистрированных в профсоюзе совработников. При этом характерно, что женщины как среди членов союза, так и в партии стоят выше мужчин, что объясняется, по-видимому,

значительным процентом младшего служительского персонала среди мужчин.

Более высокий образовательный ценз крестьян-коммунистов по сравнению со всеми крестьянами и подавно доказывать не приходится. Таким образом, и в общем для всех групп образовательный уровень коммунистов значительно превысит средний уровень для всей страны.

Надо думать, эта разница является лишь результатом вполне естественного отбора в партию наиболее зрелых элементов пролетариата из весьма еще ограниченного их наличия в стране. Но со временем указанная разница в уровне культурности членов партии по сравнению с беспартийной массой пролетариата должна возрасти еще в большей мере. Ведь партия сама усиленно работает над просвещением своих сочленов. И если это еще не успело сказаться за первые годы революции заметными результатами, если, например, пока что рабочие и крестьяне-коммунисты с высшим образованием насчитываются единицами, а со средним — сотнями, то лет через пять партшколы, рабфаки и пролетарские кадры высшей школы дадут нам их сотни и многие тысячи.

Это можно предсказать с полной уверенностью.

6. ДИНАМИКА СОСТАВА ПАРТИИ

Выше было установлено, что к моменту генеральной чистки, предшествовавшей переписи, в рядах партии насчитывалось свыше полумиллиона членов. Спрашивается, каким же темпом росла эта огромная армия в разные моменты российской революции?

В материалах по чистке партии итоги выбывших с распределением их по стажу не отличаются исчерпывающей полнотой и не вполне сравнимы с данными переписи. В частности, группы со стажем до 1917 г. и за 1920—1921 гг. даны суммарными итогами без дальнейших подразделений. Но прогрессия стажа настолько закономерна, что исчислить недостающие члены этой прогрессии путем экстраполяции возможно с вполне достаточной для наших целей степенью приближения. И тогда распределение по стажу всех наличных к моменту переписи членов РКП с учетом вычищенных в 1921 г. представится в следующем виде (табл. 59).

Особенно жестоко почищенными, как видим, оказались наиболее молодые группы членов партии. Если приведенные погодные группы в полном их составе — до чистки — рассматривать как ежегодный прирост партии,

Таблица 59

Результаты чистки РКП в 95 губерниях, областях и республиках РСФСР (исчисление)

Время поступления в партию	Число членов РКП				% распределения членов		
	до чистки	после чистки	убыло		до чистки	после чистки	убывших
			всего	% к гр. 2			
1	2	3	4	5	6	7	8
До 1904 г.	2 770	2 680	(90)	3,2	0,48	0,67	0,05
» 1905 — 1916 гг.	9 327	8 367	960	10,3	1,62	2,08	0,55
» 1917 г.	43 189	37 239	5 950	13,8	7,5	9,25	3,4
» 1918 г.	86 501	67 421	19 080	22,1	15,0	16,8	10,9
» 1919 г.	152 040	114 220	37 820	24,9	26,4	28,4	21,6
» 1920 г.	201 293	128 828	72 465	36,0	34,9	32,1	41,4
» 1921 г.	81 566	43 000	(38 566)	47,3	14,1	10,7	22,1
Всего	576 686	401 755	174 931	30,4	100,0	100,0	100,0

то резкое сокращение этого прироста более чем вдвое придется отметить лишь для 1921 г.

Однако эти цифры сами по себе еще недостаточно показательны. Перепись 1922 г., разумеется, не дает точного ответа на вопрос о размере прироста партии за тот или иной год. Она дает нам лишь остатки к 1922 г. от фактического прироста соответствующих лет, не включая сюда ни естественной убыли в рядах партии за счет смертности, ни механической — за счет ухода и исключений. А между тем эта убыль за время войны и революции, несомненно, огромна.

Средний геометрический коэффициент смертности для соответствующих составу партии возрастных групп составляет у нас по мирному времени не менее 0,75% в год, а за время мировой и гражданской войн он, по нашим исчислениям, возрос для всего трудоспособного населения, подвергавшегося мобилизации, до 7,5%, т. е. раз в 10 [1]. Коммунисты подвергались всем невзгодам войны и революции, конечно, даже в большей мере, чем все население, а поэтому для них следовало бы взять еще более высокий коэффициент.

С другой стороны, необходимо учесть, что в партию, несомненно, всегда проникали всякого рода чужеродные элементы, которые в качестве временных попутчиков становились в ее ряды, чтобы затем, при первом же подходящем повороте, покинуть их. Количество всех этих размагниченных революционеров разного сорта, «поумневших» мещан и прочих взволнованных прибоем революции лоботрясов, временно находивших себе убежище под знаменем партии, весьма велико. По данным текущей партийной статистики, у нас даже за последние полгода, т. е. непосредственно после генеральной чистки партии, выбыло и извергнуто из рядов РКП не менее 7,45% ее состава, что за год дает до 15%, из которых до 2/3 извергается и лишь 1/3 сама уходит добровольно.

Пользуясь итогами табл. 59 со всеми необходимыми к ней поправками на смертность и механическую убыль для различных возрастно-половых групп и периодов, мы определяем общую численность членов партии по России на разные моменты в следующих цифрах [2] (табл. 60).

Как видим, несмотря на громадные потери — одна смерть унесла из ее рядов не менее 64 тыс.— состав партии пополнялся всегда с таким избытком, что за 12 лет — с 1905 до 1917 г.— она почти утроила свою численность, а после победоносной революции 1917 г. только за 5 лет выросла раз в 25.

Выраженный в проценте наличия средний геометрический прирост партии за подпольный период до 1917 г. едва достигал 9% в год. Революционный 1917 г., легализовавший партию, дал сразу громадное увеличение прироста: с 9 до 387%. А затем, как и следовало ожидать после такого скачка, наблюдается постепенное замедление ежегодного процента прироста. Тем не менее *выраженный в абсолютных цифрах* этот прирост и далее, вплоть до 1917 г., дает весьма еще значительное ежегодное увели-

---

[1] С. Струмилин. Наши трудовые ресурсы. М., Изд. Госплана, 1922. Для женщин указанный процент несколько ниже. Но в общем для всех членов партии, за вычетом естественной смертности, добавочный коэффициент смертности военного времени можно принять для 1914—1917 гг. не ниже 4,2%, а для 1918—1920 гг.— 6,4%.

[2] Отметим, что все вышеуказанные поправочные коэффициенты мы должны были пересчитать, выражая в проценте членов партии к 1922 г., чтобы потом восходить попятным путем от этого года к предшествующим. При этом смертность в партии мы исчисляли, исключая из ее состава «попутчиков», дабы не учесть их убыль дважды. Механическая убыль этих последних исчислена в 15% только для последних лет. Для подпольного периода до 1905 г. она понижена втрое, до 5%, ибо тогда исключения из партии почти не практиковались, а добровольный уход и ныне не превышает 5%. Для 1905—1916 гг., с большим приливом в партию новых сил в начале революции и с соответствующим отливом их в годы реакции, мы приняли для механической убыли среднюю цифру в 10% за год.

Динамика численности членов РКП
(исчисление)

Годы	Состояло в партии к началу периода		Вступило в партию, тыс. чел.	Выбыло из партии, тыс. чел.					Прирост (+) или убыль (—)	
				смертность						
	тыс. чел.	% к 1905 г.		норм.	воен.	итого	по другим причинам (попутчики)	всего (гр. 7+8)	за весь период (гр. 4 — 9)	за год, % к гр. 2
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1886—1904 гг.	—	—	9,2	0,05	—	0,1	0,7	0,8	+8,4	—
1905—1916	8,4	1,0	34,3	0,76	1,30	2,1	17,0	19,1	+15,2	+9,2
1917	23,6	2,8	101,9	0,28	1,90	2,2	8,3	10,5	+91,4	+387,0
1918	115,0	13,7	170,0	0,82	7,70	8,5	25,0	33,5	+136,5	+119,0
1919	251,5	29,9	247,1	1,85	14,60	16,5	50,7	67,2	+179,9	+72,0
1920	431,4	51,3	265,4	3,10	27,21	30,3	80,9	111,2	+154,2	+36,0
1921	585,6	69,8	88,5	4,20	—	4,2	93,2	97,4	—8,9	—1,5
1922	576,7	68,7	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого к 1922 г.										
до чистки	576,7	68,7	916,4	11,1	52,7	63,9	275,8	339,7	+576,7	—
после чистки	401,8	47,7	916,4	11,1	52,7	63,9	450,7	514,6	+401,8	—

чение. И лишь в 1920 г. впервые наблюдается абсолютное сокращение прироста, а в следующем году — еще до чистки — даже некоторое абсолютное сокращение самого состава партии.

Однако при оценке динамики состава партии за 1919—1921 гг. необходимо учесть два обстоятельства: значение партийной недели 1919 г. и постановлений X съезда РКП в марте 1921 г.

Дело в том, что осенью 1919 г. партийная неделя, открыв настежь двери партии для всех желающих, позволила сразу значительному числу наличных кандидатов стать действительными членами РКП. Таким образом, 1919 г. поглотил частью в лице этих кандидатов и будущий нормальный прирост 1920 г. Если для 1919 г. принять такое же соотношение между членами и кандидатами, какое оказалось два года спустя перед чисткой, т. е. до 18,7 на каждую сотню членов, то общий их итог к половине 1919 г. составил бы до 63 тыс. кандидатов. Кандидатский стаж в то время требовал от 2 до 6 месяцев. И если допустить, что хотя бы 1/3 из этих 63 тыс. вошла в ряды партии благодаря партийной неделе в 1919 г. вместо 1920 г., то уже с одной этой поправкой прирост 1919 г. выразился бы цифрой в 159 тыс. против 175 тыс. для 1920 г. Таким образом, ясно, что никакого перелома в условиях роста партии за 1920 г. не произошло.

Другое дело 1921 г. Здесь, несомненно, имел место очень крутой поворот в методах привлечения в партию новых сил. С этого года партия вступила на тернистый для нее во многих отношениях путь новой экономической политики. Чтобы сохранить в сложной обстановке нэпа во всей чистоте и неприкосновенности как принципиальную выдержанность своих программных устремлений, так и революционную спайку своих рядов во всех активных выступлениях партии, она вынуждена была проявить особую заботливость об очищении своих рядов от всяких социально неустойчивых, колеблющихся элементов. Отсюда вытекло решение X съезда РКП о чистке партии и о приостановке приема новых членов впредь до пересмотра и проверки всего наличного ее состава. В силу этого решения с апреля 1921 г. приток новых членов в партию фактически прекратился. И стало быть, весь прием 1921 г.— около 88,5 тыс. членов — падает целиком на первые три месяца этого года.

Для трех месяцев эту цифру можно признать очень крупной. Если бы и в дальнейшие месяцы приток новых членов шел тем же темпом, то за весь 1921 г. в партию вошло бы до 350 тыс. новых членов — цифра рекордная за весь период ее существования. Но этого не было, ибо партия плотно захлопнула свои двери для всех желающих войти. Не были лишь закрыты двери для выхода. И в результате состав партии за этот год не только не вырос, но даже упал на 1,5%.

Весьма возможно, что в условиях нэпа некоторое сокращение притока свежих сил в партию имело бы место и при отсутствии партийного запрета принимать новых членов. И, конечно, если бы такое сокращение прироста действительно произошло в непосредственной связи с нэпом, т. е. за счет тех элементов, которые ранее устремлялись в партию только ради личных выгод и которые ныне находят более широкое и свободное поприще для своих своекорыстных устремлений в другом месте, то партия пролетариата могла бы лишь поздравить себя с этим. Но во всяком случае такого факта пока не установлено. А для предположений о каком-либо сокращении обычной тяги в партию наиболее родственных к ней рабоче-крестьянских элементов и подавно нет никаких серьезных оснований.

В табл. 60 заслуживают особого внимания исчисленные там цифры попутчиков. Цифры эти, конечно, не претендуют на большую точность, но все же они очень показательны. Как видим, помимо нормального прироста и убыли за смертностью, партия ежегодно поглощает, чтобы затем через несколько месяцев вновь из себя извергнуть, целые десятки тысяч чужеродных элементов.

Такой основательный балласт попутчиков может показаться преувеличенным. Но если сопоставить наши исчисления на разные даты с фактическими данными о числе членов РКП, представленных на разных партийных съездах и конференциях прошлых лет, то никакого преувеличения в наших данных не обнаружится.

В самом деле, наши исчисления приурочены к началу календарного года, а съезды и конференции последних лет происходили обычно в марте-апреле. Но, сделав соответствующую поправку для сравнимости сопоставляемых данных, для чего мы допускаем, что в течение каждого года число членов нарастало от месяца к месяцу более или менее равномерно, и, приводя сравниваемые данные к одним и тем же датам, получим результат, приведенный в табл. 61.

Сравнение данных на 1905 г. мало показательно, ибо число членов партии для этого периода определялось до сих пор совершенно глазомерно [1]. Чрезвычайно гадательны и противоречивы также имеющиеся подсчеты к моменту апрельской конференции 1917 г., когда по одним данным числилось уже до 80 тыс. членов, а по другим и, по-видимому, более правдоподобным, только 40 тыс. [2] Что же касается остальных дат, то данные мандатных комиссий всех съездов и проверкомов 1921 г. неизменно превышают наши исчисления в среднем процентов на 20 или около того. Значительно меньше разница для 1919 г. Но в этом году, когда целые огромные области России были оторваны от центра, едва ли съезд собрал полное представительство от всех своих местных, зачастую подпольных организаций. Таким образом, можно считать, что и в 1919 г. разница между данными современного учета и нашим исчислением значительно превышала 10%. Но в этом нет ничего неожиданного. Данные мандатных комиссий при отсутствии в прошлом правильного текущего учета членов неизбежно должны были грешить в сторону переучета. Поступление новых членов

---

[1] Далин. После войн и революции. Берлин, 1922, стр. 29. Бюллетень № 6 от 2 апреля 1922 г., стр. 13.

[2] А. Бубнов. Основные моменты в развитии РКП. М., 1921, стр. 30 и брошюра «К проверке, пересмотру и очистке партии», изд. РКП, стр. 2.

учитывается гораздо проще и раньше, чем текущая их убыль, и потому известный переучет наличия за счет давно уже выбывших мертвых душ для изучаемого нами периода,— явление вполне нормальное. Данные переписи устанавливают и размер такого переучета. К концу 1921 г. для всей России он достиг 20%. Понятно, это не значит, что цифру 20% надо считать неизменной и для всех предшествующих лет. Для марта 1921 г.

Таблица 61

Число членов РКП на разные моменты по исчислению из данных переписи в сопоставлении с другими источниками (в тыс.)

	Число членов партии		Разница	
	по исчислению	по другим источникам	тыс.	% к гр. 3
1	2	3	4	5
Начало 1905 г.	8,4	5—10	—	—
Апрель 1917 г. (конференция 24—29 апреля)	46	40—79	—	—
Март 1919 г. (VIII съезд)	281	314	33	10,5
Март 1920 г. (IX съезд)	457	612	155	25,3
Март 1921 г. (X съезд)	626	730	104	16,7
Конец 1921 г. (проверкомы)	577	725	148	20,4

она могла быть несколько ниже, для 1920 г.— несколько выше. Но в общем данные мандатных комиссий при вышеуказанной степени их точности довольно хорошо согласуются с нашими исчислениями. Последние не отражают, конечно, всех случайных колебаний в притоке попутчиков. К марту 1920 г., например, он был, по-видимому, особенно значительным в связи с партийной неделей конца 1919 г., но уже к концу 1920 г., а тем более к моменту всероссийской партпереписи этот временный приток бесследно схлынул и не отразился в итогах переписи. Если, однако, оставить в стороне такие случайные колебания в притоке попутчиков, то численность основного ядра партии, определенная нами выше для разных моментов по данным переписи, явится, несомненно, наиболее достоверной и точной по сравнению со всеми иными данными, ибо по существу более достоверных источников для прошлого у нас нет и *не будет*.

Динамика роста партии может быть охарактеризована, однако, и с другой еще стороны — по темпу роста парторганизаций. Перепись всех наличных к 1922 г. комячеек с отметкой времени их возникновения не дала нам, конечно, полной в этом отношении картины.

Множество старейших ячеек за время гражданской войны и бесчисленных партийных мобилизаций не раз прерывали и вновь возобновляли свое бытие, каждый раз в новом составе. Для переписи 1922 г. все такие ячейки существуют лишь с момента последнего их возрождения. Кроме того, из 32 тыс. переписанных ячеек, за отсутствием записей, только около 24 тыс. сумели указать год (а в большинстве случаев и месяц) своего рождения. Тем не менее массовый материал о порайонном распределении и среднем возрасте разработанных ячеек представляет собой незаурядный интерес. Обратимся, например, к порайонным итогам (табл. 62).

Из дореволюционной эпохи к моменту переписи по всей России оставалось всего 15 ячеек, не забывших еще о своем подпольном существовании. Но зато за последующие годы число ячеек растет с тем большей

Таблица 62

Численность и средний возраст комячеек по районам и времени их возникновения

Район	Год возникновения ячеек							Средний возраст ячеек, мес.
	до 1917 г.	1917	1918	1919	1920	1921	итого	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
АБСОЛЮТНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ								
А Центральная Россия								
1. Промышленные губернии. .	6	305	1 156	1 163	837	1 109	4 579	25,9
2. Земледельческие губернии .	3	153	1 733	1 444	1 313	1 440	6 086	25,4
Итого	9	458	2 892	2 607	2 150	2 549	10 665	25,6
Б. Окраины								
3. Туркестан	—	9	162	241	217	317	946	22,0
4. Сибирь	—	2	22	179	2 464	693	3 360	17,8
5. Мелкие автономные области	—	16	171	270	375	682	1 514	17,2
6. Юго-Восток	—	2	13	60	923	449	1 447	15,8
7. Киргизская республика . . .	—	—	14	143	321	248	726	15,8
8. Украина	3	38	120	382	1 292	1 787	3 622	14,9
9. Кавказ	3	52	66	138	723	1 255	2 237	14,2
Итого	6	119	568	1 413	6 315	5 431	13 852	16,4
Всего	15	577	3 460	4 020	8 465	7 980	24 517	20,4
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ								
А. Центральная Россия								
1. Промышленные губернии . .	0,1	6,7	25,3	25,4	18,3	24,2	100,0	127,0
2. Земледельческие губернии .	0,0	2,5	28,5	23,7	21,6	23,7	100,0	124,0
Итого.	0,1	4,3	27,1	24,4	20,2	23,9	100,0	125,0
Б. Окраины								
3. Туркестан	—	1,0	17,1	25,5	22,9	33,5	100,0	108,0
4. Сибирь	—	0,1	0,6	5,3	73,4	20,6	100,0	87,3
5. Мелкие автономные области	—	1,1	11,3	17,8	24,8	45,0	100,0	84,4
6. Юго-Восток	—	0,1	0,9	4,2	63,8	31,0	100,0	77,5
7. Киргизская республика . .	—	—	1,9	19,7	44,2	34,2	100,0	77,5
8. Украина	0,1	1,1	3,3	10,5	35,7	49,3	100,0	73,1
9. Кавказ	0,1	2,3	3,0	6,2	32,3	56,1	100,0	69,7
Итого	0,0	0,9	4,1	10,2	45,6	39,2	100,0	80,3
Всего	0,1	2,4	14,1	16,4	34,5	32,5	100,0	100,0

быстротой гигантскими скачками. Максимальная цифра прироста ячеек по всей России падает на 1920 г. В центре этот максимум достигается уже в 1918 г., а в Туркестане, Закавказье и на Украине — только в 1921 г. Характерен громадный прирост числа ячеек, возникших после разгрома армий Колчака и Деникина, в 1920 г., по Сибири и на Юго-Востоке.

Средний возраст всех ячеек по России к началу 1922 г. составляет всего 20,4 месяца, т. е. менее 2 лет. Но в центрально-промышленном районе, где партия раньше всего укрепилась, он достигает 26 месяцев, а на отдаленном Кавказе, воссоединенном с Советской Россией лишь в 1921 г., этот средний возраст ячеек падает всего до 14 месяцев.

Таблица 63

Численность и средний возраст комячеек по типам и времени их возникновения в России к началу 1922 г.

Типы ячеек	Год возникновения ячеек						Итого	Средний возраст ячеек, мес.
	до 1917	1917	1918	1919	1920	1921		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
АБСОЛЮТНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ								
Рабочие	11	303	615	751	1 405	911	3 996	24,0
Крестьянские	4	203	2 304	2 285	4 868	2 958	12 622	22,6
Советские	—	43	198	336	1 029	1 488	3 094	15,7
Военные	—	20	327	614	1 020	2 308	4 289	15,0
Прочие	—	8	614	34	143	315	516	11,9
Всего	15	577	3 460	4 020	8 465	7 980	24 517	20,4
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ								
Рабочие	0,3	7,6	15,4	18,8	35,1	22,8	100,0	118,0
Крестьянские	0,0	1,6	18,3	18,1	38,6	23,4	100,0	111,0
Советские	—	1,4	6,4	10,9	33,2	48,1	100,0	77,0
Военные	—	0,5	7,6	14,3	23,8	53,8	100,0	73,5
Прочие	—	1,5	3,1	6,6	27,8	61,0	100,0	58,4
Всего	0,1	2,4	14,1	16,4	34,5	32,5	100,0	100,0

Данные табл. 63 дают средний возраст тех же ячеек с разделением по основным их типам.

Здесь на первом месте по своему возрасту выделяются рабочие ячейки. За ними идут крестьянские, советские, военные и прочие. Но для некоторых районов этот обычный порядок, как видно из данных табл. 64, довольно неожиданно изменяется. И старейшими оказываются крестьянские ячейки. Особенно резко заметно такое уклонение в центрально-земледельческом районе, а также в мелких автономных областях и Туркестане.

Чтобы надлежащим образом осветить причины этого уклонения, сопоставим темп развития крестьянских и рабочих ячеек, хотя бы по следующим районам (табл. 65).

Как видим, дело объясняется просто. До 1919 г. крестьянские ячейки и в центре, и на Украине отставали в возрасте от рабочих. Но после 1919 г. картина меняется. До 1919 г., т. е. до завершения аграрной революции и полной ликвидации помещичьего землевладения, число крестьянских ячеек в земледельческих губерниях центра нарастало прямо бешеным темпом, рассеиваясь широкой волной по всему сермяжному морю и, как лавина, обрушиваясь на головы поместного дворянства. Но к 1919 г. это дело было завершено. А бремя продолжающейся гражданской войны в виде усиленных продразверсток и всяких реквизиций с каждым годом все тяжелее ощущалось в деревне по мере истощения ее запасов. Атмосфера для восприятия коммунистических идей в деревне в связи с этим становилась все менее благоприятной. И мы видим, как в земледельческом центре, который вынес на своих плечах всю тяжесть продовольственных компаний 1919 и 1920 гг., а затем еще вдобавок и голода 1921 г., прирост новых ячеек с каждым годом все более сокращается. Но всякое сокращение процента наиболее юных ячеек повышает общий их средний возраст, откуда и возникло отмеченное уклонение.

Таблица 64

Средний возраст комячеек в России с момента их возникновения до начала 1922 г.
(в мес.)

Район	Тип ячеек					
	рабочие	крестьянские	советские	военные	прочие	всех типов
1	2	3	4	5	6	7
А. Центральная Россия						
1. Промышленные губернии	28,9	28,3	20,4	19,6	15,4	25,9
2. Земледельческие губернии	25,9	28,4	18,0	17,2	9,9	25,4
Итого . . .	27,7	28,4	19,2	18,3	12,8	25,6
Б. Окраины						
3. Туркестан	24,5	25,5	17,2	16,9	9,8	22,0
4. Сибирь	19,8	18,5	15,4	14,5	11,1	17,8
5. Мелкие автономные области	14,3	22,5	13,0	13,5	9,7	17,2
6. Юго-Восток	17,8	17,0	14,8	14,0	12,4	15,8
7. Киргизская республика . .	22,0	18,2	15,1	10,7	14,6	15,8
8. Украина	20,0	15,6	11,6	13,4	10,5	14,9
9. Кавказ	19,2	15,0	11,3	11,3	12,9	14,2
Итого	19,1	18,1	13,3	13,5	11,2	16,4
Всего	24,0	22,6	15,7	15,0	11,9	20,4

Рабочие ячейки не дают такого сокращения в приросте вплоть до 1921 г., т. е. вплоть до X съезда, сознательно приостановившего на время прием новых членов, а стало быть, и организацию новых ячеек. А на крестьянские ячейки на Украине (и на Кавказе) не подействовала даже указанная приостановка. На этих окраинах, дольше других оставшихся за пределами Советской власти, задерживалось, по-видимому, и завершение аграрной революции. И там, в деревне, доныне наблюдается все еще довольно заметное ускорение в ежегодном приросте комячеек.

В каком темпе пойдет дальнейшее развитие парторганизаций в русской деревне, сказать труднее. С одной стороны, судя по опыту центра можно было бы думать, что деревня уже близка к состоянию насыщения партийными ячейками и что дальнейший рост их численности не только в центре, но и повсеместно пойдет все более замедленным темпом. А с другой стороны, новая экономическая политика, ставящая своей задачей более тесную смычку города с деревней, может на некоторое время снова усилить тягу крестьянства к партии пролетариата. Во всяком случае, думается нам, уже из выявленных нами тенденций и ныне можно заключить с уверенностью, что известное охлаждение крестьянства, после вступления революции в берега, к политике вообще и к политической партии пролетариата в частности совершенно неизбежно. А это значит, что несмотря на свое преобладание в стране, крестьянство отнюдь не угрожает заполнить собою ряды партии пролетариата в такой мере, чтобы стать в ней социально-господствующим элементом и окрашивать в свои цвета классовые идеалы.

Однако некоторая почва для опасений этого рода, несомненно, была в объективных условиях развития партии. Если взглянуть на динамику социального состава партии за последние пять лет, то по произведенному

Таблица 65

Число комячеек по годам и средний их возраст
(в мес.)

	Земледельческий центр		Украина	
	рабочие ячейки	крестьянские ячейки	рабочие ячейки	крестьянские ячейки
Число ячеек, возникших				
до 1917 г.	1	2	3	—
1917 г.	45	91	24	7
1918 г.	211	1 353	43	34
Итого ячеек до 1919 г.	257	1 446	70	41
Средний их возраст к 1922 г.	42,8	40,9	45,6	44,7
Число ячеек, возникших за				
1919 г.	231	1 000	63	138
1920 г	241	725	320	485
1921 г.	171	600	190	551
Итого ячеек за 1919—1921 гг.	643	2 325	573	1 174
Средний их возраст к 1922 г.	19,2	20,6	16,8	14,6
Всего ячеек	900	3 771	643	1 215
Средний их возраст к 1922 г.	25,9	28,4	20,0	15,6

Таблица 66

Динамика социального состава РКП по России за 1905—1922гг. Количество членов РКП к началу года (в тыс. чел.)
(исчисление)

Год	Абсолютные величины					Относительные величины				
	рабочие	крестьяне	служащие	прочие	итого	рабочие	крестьяне	служащие	прочие	итого
1905	5,2	0,4	2,3	0,5	8,4	61,7	4,7	27,2	6,4	100,0
1917	14,2	1,8	6,1	1,5	23,6	60,2	7,6	25,8	6,4	100,0
1918	65,4	16,7	25,8	7,1	115,0	56,9	14,5	22,4	6,2	100,0
1919	120,1	54,9	60,1	16,4	251,5	47,8	21,8	23,9	6,5	100,0
1920	188,8	108,4	104,7	29,5	431,4	43,8	25,1	24,3	6,8	100,0
1921	240,0	165,3	138,8	41,5	585,6	41,0	28,2	23,7	7,1	100,0
1922	215,3	185,2	133,1	43,1	576,7	37,3	32,1	23,1	7,5	100,0
После чистки	178,5	107,1	89,3	26,9	401,8	44,4	26,7	22,2	6,7	100,0

нами исчислению, исходя из данных партпереписи, получим картину, показанную в табл. 66.

Табл. 65 вопреки довольно общепринятому мнению о засорении партии все возрастающими кадрами служилой интеллигенции показывает, что фактически угроза чистого классового состава партии надвигалась с совершенно другой стороны. Процент служащих в рядах партии определенно

падает за последние годы. Но зато процент крестьян, даже после урона, нанесенного им чисткой, возрос с 4,7 до 26,7, т. е. раз в 6. И всего характернее, что все это огромное увеличение удельного веса крестьян-земледельцев в партии пролетариата произошло целиком за счет соответствующего снижения в ней процента рабочих. Остальные группы почти ничего не потеряли при этом в своем относительном весе в партии.

Очевидно, в лице крестьянства в партию входит и все сильнее в ней укрепляется новая политическая сила. Это знаменательный факт сам по себе не вызывает еще особых опасений. Власть советов в России всегда мыслилась как власть, основанная на политическом союзе пролетариата и крестьянства. Мы недаром говорим вполне официально о *рабоче-крестьянском* правительстве. Состав правящей партии лишь отражает собой то соотношение сил, какое нашло свое воплощение во всей конструкции Советской республики.

До сих пор это соотношение явно склонялось в пользу пролетариата. Ему принадлежит несомненная гегемония и в партии, и во всей политической жизни страны. Вот почему, несмотря на громадное численное преобладание крестьянства в России, мы фактически с таким же правом можем говорить просто о диктатуре пролетариата в нашей Советской республике, с каким говорим о рабоче-крестьянской власти.

Но тенденция к усилению крестьянства в рядах партии принимала за последние годы угрожающие размеры. Особенно ярко означенная тенденция выявится, если от динамики социального состава партии в целом обратиться к изучению изменений социального состава ежегодного прироста РКП. Данные переписи в сочетании с данными о социальном составе вычищенных дают следующие соотношения для состава групп различного партийного стажа до чистки[1] (табл. 67).

Таблица 67

Социальный состав ежегодного прироста РКП по всей России за 1904—1922 гг. и состав РКСМ в 1922 г.

(исчисление)

Период прироста	Рабочие	Крестьяне		Служащие		Прочие		Итого	
	% к итогу	% к итогу	% к численности рабочих	% к итогу	% к численности рабочих	% к итогу	% к численности рабочих	%	% к численности рабочих
До 1904 г.	61,7	4,7	7,6	27,2	44,1	6,4	10,4	100,0	162,1
За 1905—1916 г.	59,0	9,2	15,6	25,0	42,4	6,8	11,5	100,0	169,5
» 1917 г.	56,0	16,3	29,1	21,6	38,6	6,1	10,9	100,0	178,6
» 1918 г.	40,1	28,0	69,9	25,1	62,6	6,8	17,0	100,0	249,5
» 1919 г.	38,2	29,7	77,8	24,8	65,0	7,3	19,1	100,0	261,9
» 1920 г.	33,2	36,9	111,0	22,1	66,6	7,8	23,5	100,0	301,1
» 1921 г.	29,7	41,0	138,0	20,8	70,1	8,5	28,6	100,0	336,7
РКСМ в 1922 г. .	29,9	38,0	127,0	19,4	65,0	12,7	42,5	100,0	334,5

Как видим, хотя в общей массе членов партии крестьяне и доныне составляют незначительное меньшинство (26,7%), но в ежегодном приросте последних лет доля их настолько быстро росла по сравнению с рабочими, что не только сравнялась, но даже обогнала их на 38% к концу 1921 г. Особенно крупные скачки в этом отношении дают 1918 г. (год

[1] К данным о составе прироста РКП мы прибавили последней строкой состав Коммунистического Союза молодежи, являющегося естественным резервом РКП для предстоящих пополнений ее рядов. Состав этот, как видно из данных табл. 67, весьма мало отличается от состава прироста за последний 1921 г.

аграрной революции в Центральной России) и 1920—1921 гг. (за счет резкого расширения территории с незаконченной аграрной революцией).

За последние три года процент крестьян в партии возрастал ежегодно в среднем на 3,4% (см. табл. 65). При дальнейшем росте в том же темпе через какой-нибудь десяток лет мы имели бы в партии уже свыше 60% крестьян. Как ни желателен политический союз пролетариата с крестьянством, но столь быстрый темп возрастания симпатий крестьянства к партии пролетариата мог бы оказаться для нее серьезной угрозой. Крестьяне-земледельцы в России раз в десять многочисленнее всего российского пролетариата. Поэтому даже при вдвое меньшем тяготении к РКП они способны были бы очень скоро заполнить собою ее ряды минимум на 80%. А тогда, естественно, мы могли бы иметь, пожалуй, и очень мощную по своей численности партию, но только не партию пролетариата.

Вышеприведенный анализ динамики прироста крестьянских ячеек в разных районах показывает, однако, что особо преувеличивать опасность окрестьянивания партии в ближайшем будущем отнюдь не следует. Громадный приток крестьян в рабочую партию в те годы был, по нашему мнению, явлением временным и даже, можно сказать, кратковременным, как и причины, его обусловившие[1]. Главную из них мы уже указали. Это революция аграрных отношений в деревне или даже, говоря точнее, первый наиболее драматический акт этой революции, для обозначения которого лучше всего подходит старонароднический термин: «*черный передел*» земельных ресурсов деревни. Для завершения этого акта крестьянство нуждалось в сочувствии правящей партии и платило ей за это сочувствие взаимностью. Но эта глава романа городского пролетариата с революционной деревней уже закончена. И мы видели, что там, где раньше прошел «черный передел», там раньше отошел в прошлое и максимальный «успех» РКП в деревне, а там, где он несколько запоздал, с соответствующей фазой запоздания передвигалась и максимальная тяга крестьянства в партию.

Но есть и еще одна существенная причина ускоренного роста партии в деревне за первые годы революции. Это небывалое распыление городского пролетариата за эти годы. Из одного Петрограда под влиянием демобилизации военной промышленности и голода в 1918 г. убыло около 300 тыс. рабочих. Громадное большинство из этих 300 тыс. апостолов пролетарской революции, рассыпавшихся по всему лицу русской земли, в последнем счете оказалось, конечно, в деревне. А сколько их пришло туда из всех других городов — это еще не сосчитано. К чему должен был привести этот великий исход пролетариата из египетского плена голодающих городов, понять нетрудно. В деревне рабочие не только помогали крестьянам довершить начатый ими «черный передел», но и сами стали там первыми пионерами партийной организации. Это, несомненно, они составили там основное ядро и фундамент так называемых крестьянских ячеек. Детально социальный состав этих ячеек нами пока, к сожалению, не мог быть изучен. Но уже теперь мы можем сказать на основании данных переписи, что во всех ячейках крестьянского типа по России (14 983) из 102 465 состоявших в них членов коренные крестьяне-земледельцы составляют не свыше 62%. Таким образом, едва ли можно сомневаться, что основным ферментом и спайкой этих крестьянских ячеек с партией доныне являлись повсюду именно эти выходцы из городов — бывшие индустриальные рабочие.

Ныне, однако, этот фактор отпадает. Эпоха великого исхода пролетариата из городов уже в прошлом. Гражданская война позади. Голод тоже. Заработная плата в промышленности растет. И обратная тяга в города налицо. Завершив, насколько это было возможно, благополучно свой

[1] К 1927 г. доля крестьян в партии снизилась уже до 14%.

переход через Чермное море гражданской войны и блокады, русский пролетариат, после долгих и мучительных скитаний в бесплодной пустыне хозяйственной разрухи, находится ныне уже у цели своих устремлений.

Дружным потоком он снова устремляется в опустевшие города, чтобы оживить их своим творческим трудом и снова обратить, но на этот раз уже для себя, в землю обетованную.

Для нас нет сомнений, что этот мощный поток очень скоро увлечет за собой из деревни в город все наиболее культурные ее элементы — не только бывших рабочих, но и большую часть настоящих крестьян-коммунистов.

Тем не менее целый ряд предупредительных мер к поддержанию своей классовой чистоты РКП принят. Мы уже видели, какое оздоровление состава партии в указанном отношении дала чистка 1921 г. Хотя ее острие и было направлено специально против крестьян, однако именно эта группа оказалась наиболее засоренной случайными элементами и потерпела наибольший урон. Из сотни рабочих в результате чистки выбыло только 17 чел., из сотни служащих — 33, из сотни «прочих» — 38, а из сотни крестьян — 42 чел. И в общем после чистки процент рабочих в партии повысился с 37,3 до 44,4.

Но еще большее значение имеет другая мера. Августовская конференция РКП 1922 г. утвердила новый устав партии со следующими изменениями против прежнего. Уже для вступления в кандидаты от крестьян требуется рекомендация трех членов партии с 3-летним стажем (раньше достаточно было двух членов с 6-месячным стажем), а для служащих и пр.— пяти членов с 5-летним стажем. Далее требуется для перевода в члены прохождение школы политической грамоты, годичный стаж для крестьян (вместо 2-месячного), и 2-годичный для служащих (вместо 6-месячного), повторение рекомендаций того же числа лиц с таким же стажем и т. д. Для рабочих эти условия, конечно, значительно облегчены. Но каково их значение для крестьян и служащих, можно показать ссылкой на следующий факт.

В селениях, по переписи 1922 г., значится всего 18 287 ячеек. Считая на каждую из них только ровно по три члена с 3-летним стажем для возможности дальнейшего их самовосполнения путем рекомендации новых кандидатов и членов, получим 54 861 чел. А на самом деле их было в указанных ячейках только 27 677 чел. или 50% потребного максимума Если к этому еще принять во внимание разбросанность сельских ячеек, то станет ясно, что для сбора нужных рекомендаций неофиту пришлось бы обыскать иной раз волостей пять-шесть и выпрашивать их у совершенно неведомых ему людей. Не лучше, однако, и положение служащих, желающих войти в ряды партии. Откуда, спрашивается, курьер или конторщик соберет необходимые ему пять рекомендаций с 5-летним стажем рекомендующих, если даже в городах на 13 994 городских комячеек доныне числилось всего 8 973 члена с таким стажем? Чтобы собрать пять нужных рекомендаций, таковому курьеру необходимо было бы на круг стяжать популярность, по меньшей мере, в 7—8 ячейках различных учреждений. Но много ли курьеров с такой, можно сказать, междуведомственной популярностью?

Нужно ли говорить, что при наличии таких формальных рогаток, поскольку партия не допустит повседневного их обхода, состав грядущих пополнений партии должен резко измениться.

Отныне, по-видимому, поистине легче будет верблюду пройти через игольное ушко, чем даже весьма революционно настроенному мелкому буржуа войти в партию пролетариата.

Разумеется, если по ходу дел столь суровые условия окажутся излишними, их нетрудно будет и устранить. Но, приводя на справку выдержки

из нового устава, мы хотели лишь показать, какими сильно действующими средствами располагает партия против засорения своей среды социально неустойчивыми элементами, когда она находит их для себя почему-либо излишними или опасными.

В конце концов, отвлекаясь от частностей и подводя итоги сказанному, мы могли бы закончить наш обзор следующей краткой характеристикой состава партии.

Всероссийская перепись показала, что РКП привлекает в свои ряды наиболее цветущие по возрасту, физической активности и умственной энергии элементы страны. По своей квалификации и культурности они стоят несравненно выше среднего уровня выделяющей их среды. По социальному составу, если проанализировать основное занятие нынешних членов РКП до революции и классовое их происхождение, партия обнаруживает решительное преобладание чистопролетарских элементов вообще и среди них рабочих крупной городской индустрии, в частности. Правда, динамика состава партии показывает, что за время революции произошло некоторое понижение процента рабочих за счет чрезвычайно ускоренного повышения процента членов партии из крестьян. Но это вполне естественная болезнь роста рабочей партии в крестьянской стране, потрясенной величайшей в мире социальной революцией. До тех пор пока возбужденная великим земельным поравнением крестьянская стихия не войдет в свои берега и пока в соотношениях социальных группировок сначала в стране, а затем в партии не установится известное подвижное равновесие, такие болезни совершенно неизбежны. Однако здоровый организм, перерабатывая в себе чужеродные элементы, вносимые такого рода болезнями, обычно вполне усваивает их, сообщая им свою собственную природу, и лишь укрепляется за их счет. Болезнь роста, переживаемая РКП, не требует для своего излечения вмешательства хирургии и терапии.

В таких случаях обычно довольствуются лишь мерами гигиенической предосторожности. Но и в этих мерах, во избежание излишнего истощения организма от слишком суровой социальной диеты, следует избегать пересола.

* * *

После переписи 1922 г. была произведена еще одна партийная перепись на 10 января 1927 г., наладился и более точный учет, и по данным о числе членов партии, учтенным к моменту созыва последних съездов партии, мы располагаем такими итогами ее роста:

Год	Тыс. членов	%
1922	402	100
1927	775	193
1939	1589	396
1954	6013	1495
1961	8873	2210

Приведенные итоги очень показательны. К открытию XXII съезда нашей партии в октябре 1961 г. население страны за последние 40 лет возросло менее чем в два раза, численность всего рабочего класса увеличилась в 5—6 раз, а передовой авангард этого класса — коммунистическая партия — в 22 раза!

Нет никакого сомнения, что столь уверенный рост этого авангарда за целых сорок лет можно признать вполне здоровым. Тем более, что высокие его темпы даже в условиях, когда их сдерживают, становятся неудержимыми.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

I. НАРОДНОЕ БОГАТСТВО РОССИИ И СССР[1]

1. РОССИЯ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ЗАПАДА

Данные о нашем народном богатстве из времен царизма чрезвычайно скудны и малодостоверны. Из русских ученых почти никто не занимался соответствующими подсчетами. А если они и подходили иногда к этому вопросу, то обычно пользовались готовыми подсчетами иностранных авторов, без всякой их критики или анализа. Так, приводятся некоторые итоговые сопоставления народного богатства России с другими великими державами у С. И. Гулишамбарова, заимствованные им из работ Мэлголла[2]. Имеются и более свежие сопоставления того же рода к началу мировой войны у проф. С. А. Фалькнера в изданном под его редакцией сборнике[3]. Но и здесь цифры для России приводятся с довольно глухой ссылкой на иностранный источник (Ньюмарк). Точность, за которую в отношении этих цифр берет на себя ручательство источник, не свыше 40%. Какую долю в них занимают оценки земли и вовсе нереальных бумажных «ценностей» — неизвестно. Метод их исчисления и объем территории, к которой они относятся, редакцией не указаны. А если сопоставить валовые итоги по всей России со средними на душу, приведенными в той же таблице, то получаем, что население России к 1914 г. по данным об имуществе составляло всего 141 млн. чел., а по данным о годовом доходе — 182 млн. чел.[4] Почему именно столь несопоставимые данные сопоставляются между собою без всяких оговорок, сказать трудно. Возможно, однако, что редакция сборника и сама не отдавала себе ясного отчета в точном значении сопоставляемых ею цифр.

Уже сказанное дает меру той осторожности, с какой необходимо пользоваться такого рода данными, научная ценность и значение которых нам точно не известны. Тем не менее приведем как справку пару наиболее общих сопоставлений. Пользуясь вышеуказанными источниками с необходимыми поправками для приведения их к более сравнимому виду[5], мы

[1] «Очерки советской экономики». М.— Л., 1928.

[2] С. И. Гулишамбаров. Россия в мировом хозяйстве и в ряду великих держав при вступлении на престол имп. Александра III и Николая II в 1881—1894 гг. Ашхабад, 1911, стр. 33 и 68; Mulhall. Statistical Dictionary, 1884 и Industries and Wealth of Nations, 1896.

[3] «Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 год». Статист. ежегодник. Изд. Всероссийского центрального союза потребительных обществ. М., 1922, стр. 289. Ср. также Вл. Войтинский. Весь мир в цифрах, кн. 1, Берлин, 1925, стр. 160.

[4] Первая цифра соответствует населению 60 губерний Европейской России к началу 1914 г., вторая — населению всей России, включая Финляндию, к концу того же года.

[5] Для сравнимости с 1881 и 1894 г. мы берем Россию в старых границах 1914 г. здесь и при всех дальнейших расчетах, без Финляндии, принимая население ее, по данным ЦСК, без поправок, в 175,1 млн. Соответственно этому народное богатство России в 1914 г. выражается у нас вместо 113 400 млн. руб. на 141 млн. чел. цифрой 140 900 млн. руб. (доллар при пересчетах принят равным 1 р. $94^1/_3$ к.). Народный до-

Таблица 1

Народное имущество и народный доход великих держав
(в млн. золотых руб.)

	Народное имущество			Народный доход		
	1881 г.	1894 г.	1914 г.	1881 г.	1894 г.	1914 г.
1	2	3	4	5	6	7
Соединенные Штаты . .	88 000	153 000	397 400	13 100	29 200	67 400
Великобритания (без колоний) *	82 500	111 200	137 100	11 800	13 400	21 600
Франция	76 100	91 700	113 400	9 100	11 400	14 250
Германия	64 300	79 200	156 600	8 000	12 600	19 200
Россия	40 500	60 300	140 900	6 110	9 360	16 400
Австро-Венгрия	33 400	43 500	58 550	5 580	6 820	10 120
Италия	22 200	29 900	42 400	2 730	4 130	7 630
Итого	407 000	568 800	1 046 350	56 420	86 910	156 600
То же, % к 1881 г.	100,0	140,0	257,0	100,0	154,0	278,0

* Включая Ирландию.

можем выразить народное имущество и народный доход семи важнейших великих держав в цифрах, приведенных в табл. 1.

Отнюдь не ручаясь за достаточную сравнимость между собою приведенных цифр, мы можем все же отметить, что к началу изучаемого периода Россия по общему богатству и по годовому доходу занимала пятое место в ряду великих держав, а к моменту мировой войны она по доходу стояла уже на четвертом и по богатству — на третьем месте. Это наблюдение можно обобщить в отношении всех наиболее юных капиталистических стран. Они, несомненно, обогащаются более быстрым темпом, чем старейшие твердыни капитализма, вроде Англии и Франции. Но любопытно, что решающим в этом отношении фактором является, по-видимому, не столько более быстрый темп первоначального накопления юных стран, сколько обгоняющий в них все старые страны прирост населения. В самом деле, если расположить сравниваемые державы по убывающему темпу прироста населения, то получим следующие ряды для прироста народного богатства и народного ежегодного дохода (табл. 2).

Как видим, первое место в табл. 2 занимают Соединенные Штаты, население которых умножается не только за счет естественного прироста, но и за счет иммиграции. Но рост населения означает прежде всего рост армии труда, руками которой только и создаются всякие богатства. Вот почему и по темпу прироста народного богатства Соединенные Штаты занимают первое место. Второе место в этом ряду занимает Россия, третье — Германия. А Франция с минимальным приростом населения занимает последнее место и в отношении темпа обогащения.

Некоторое исключение в табл. 2 представляет Италия. При очень низком проценте прироста населения она, если верить имеющимся исчислениям ее народного дохода, дает чрезвычайно высокий прирост дохода. Но исчисления эти, вообще говоря, весьма приблизительны, и потому большого значения отмеченному отступлению придавать не приходится [1].

ход России к 1914 г. в тех же границах принят, по Прокоповичу, в 16 400 млн. руб. Небольшие поправки пришлось принять и для других стран, поскольку и для них цифры населения по доходу и по народному богатству не всегда в точности совпадали.

[1] Точность исчислений для Италии, по указаниям нашего источника, не превышает 30%, т. е. втрое ниже точности соответствующих подсчетов для Англии. А меж-

Таблица 2

Население, народное имущество и доход великих держав
(в относительных цифрах; данные 1881 г. — 100)

	Население		Народное имущество		Народный доход	
	1894 г.	1914 г.	1894 г.	1914 г.	1894 г.	1914 г.
1	2	3	4	5	6	7
Соединенные Штаты	135	198	174	452	223	515
Россия	125	179	149	348	153	268
Германия	114	150	123	244	158	240
Австро-Венгрия	120	138	130	175	122	181
Великобритания	111	131	135	166	114	183
Италия	109	123	135	191	151	280
Франция	102	105	120	149	125	157
В среднем	119	155	140	257	154	278

Заслуживает внимания в табл. 2, что прирост населения в среднем для всех стран значительно отстает от прироста народных богатств и в еще большей мере отстает от прироста ежегодного национального дохода в текущих ценах. И, если считать, что число производительных работников в стране возрастает пропорционально населению, из соотношения между народным доходом в сопоставимых ценах и населением нетрудно было бы заключить о заметном прогрессе в области подъема квалификации и производительности труда за последнее десятилетие перед войной. За 13 лет — с 1881 по 1894 г.— эффективность труда в среднем по семи великим державам как будто возросла на 29%, а всего за 33 года — на 80%. К сожалению, цены разных лет и стран в приведенных итогах малосопоставимы.

Более наглядное представление о динамике эффективности труда различных стран за изучаемый период дают сопоставления, приведенные в табл. 3.

Как видим, при расположении стран по абсолютной величине их богатств и доходов на одного жителя Россия заняла последнее место в ряду других держав. Но если обратить внимание на относительный темп возрастания национального годового дохода, а стало быть, и эффективности труда, то Россия поднимается на четвертое место, определенно обгоняя в этом отношении Великобританию и Францию. По темпу нарастания народного богатства она заняла бы даже еще более высокое — второе — место непосредственно за Соединенными Штатами. Но, к сожалению, исчисления народного имущества, на которых мы базируемся, еще менее надежны, чем исчисления народного дохода. А потому сделать сколько-нибудь ценные выводы на основании таких сопоставлений не представляется возможным.

К этому нужно еще добавить, что исчисления богатств и доходов за *разные* сроки и в *разных* странах, выраженные в золотой валюте, даже если бы они были гораздо надежнее, далеко еще не обеспечивают полной сравнимости абсолютных цифр, ибо покупательная способность золотого измерителя во времени и пространстве за изучаемый период колебалась на целые десятки процентов. Так, если покупательную способность золо-

---

ду тем, достаточно допустить, что народный доход Италии к 1884 г. преуменьшен только на 20%, а 1914 г. преувеличен на такую же величину, чтобы темп прироста народного дохода в этой стране оказался в полном соответствии с местом Италии по приросту ее населения в ряду других держав.

Таблица 3

Народное имущество и народный доход в среднем на одного жителя

	Народное имущество 1891 г.	1894 г.	1914 г.	Народный доход 1881 г.	1894 г.	1914 г.
1	2	3	4	5	6	7
	Абсолютные цифры, руб.					
Великобритания (без колоний)	2 363	2 861	3 008	338	344	473
Франция	2 022	2 393	2 868	242	297	360
Соединенные Штаты	1 751	2 264	4 010	262	432	680
Германия	1 380	1 542	2 305	177	246	284
Австро-Венгрия	902	981	1 143	150	154	198
Италия	780	967	1 210	96	134	218
Россия	413	491	805	62	46	94
В среднем	1 230	1 440	2 040	170	220	305
	Относительные цифры, %					
Соединенные Штаты	100	129	229	100	165	260
Италия	100	124	155	100	140	227
Германия	100	112	168	100	139	160
Россия	100	119	195	100	123	152
Франция	100	118	142	100	123	149
Великобритания	100	122	127	100	102	140
Австро-Венгрия	100	109	127	100	103	132
В среднем	100	117	166	100	129	180

того рубля, выраженную в товарах, для 1914 г. в России принять за 100, то для 1894 г. ее пришлось бы выразить цифрой 151. Подобно этому установлено известным бюджетным обследованием английского департамента труда 1905—1909 гг., что в переводе на товарную валюту американский золотой доллар в Германии стоил бы на 27%, во Франции — на 32, в Англии — на 45, в Бельгии — даже на 56% дороже, чем в Соединенных Штатах. Таким образом, при замене золота другим, более устойчивым измерителем ценности мы могли бы получить совсем иные соотношения сопоставляемых величин и во времени и в пространстве.

Однако в тех случаях, где различия между разными моментами и сроками измеряются уже не десятками, а целыми сотнями процентов, как это чаще всего имеет место в наших таблицах, даже очень большие погрешности не могут существенно изменить общую картину.

В отношении России можно привести еще следующие более детальные итоги о составе народного имущества за 1864—1894 гг. по подсчетам Мэлголла (табл. 4).

В понятие национального богатства мы считали бы правильным включать только материальные блага, стоимость которых определяется овеществленным в них общественным трудом. Но в зарубежной статистике в это понятие включаются и такие виды имущества, как земельные владения, цена которых в условиях капитализма представляет собой капитализированный доход их собственников, а в наших условиях национализации земельных владений они и вообще, не имея цены, не могут быть учтены в составе народного богатства. По расчетам Мэлголла, оценка земли в царской России поднялась за 30 лет на 215%, значительно обгоняя рост всех остальных вещных элементов национального богатства, рост которых не превышает 100%. Впрочем, ни источников, ни методов своих подсчетов

Таблица 4

Народное богатство России
(в млн. ф .ст.)

	1864 г.	1882 г.	1888 г.	1894 г.
1	2	3	4	5
Все имущество				
Земля	670	1 940	1 514	2 113
Скот и прочее	360	345	576	597
Государственные и общественные сооружения	?	224	(310)	?
Дома	550	880	900	892
Мебель и домашний инвентарь	275	440	450	446
Железные дороги	20	309	314	349
Флот	?	7	?	?
Фабрики	59	?	?	127
Товары	280	60	120	515
Драгоценные металлы	40	34	50	101
Разное	564	104	1 566	1 285
Итого	2 818	4 343	5 800	6 425
%	100	154	206	228
Народное богатство				
Всего (без земли) (абс.)	2 148	2 403	4 286	4 312
%	100	112	200	201

Мэлголл не раскрывает. И пользоваться ими приходится с очень большой осторожностью.

Гораздо больший для нас интерес представляет законченная недавно работа А. Л. Вайнштейна по исчислению народного богатства России к началу 1914 г.[1] Извлечем из нее здесь только наиболее общие итоги (табл. 5, 5а).

Весьма характерно для такой аграрной страны, как царская Россия, что на долю сельского хозяйства из 55,4 млрд. руб. золотом материальных фондов, даже не считая земли и леса, в ней приходилось 43% всего народного богатства, в то время как все городские фонды не превышали и 25%, на транспорте их насчитывалось до 13%, а во всей промышленности — не более 11,3%. Любопытна и социальная структура в распределении всех материальных фондов страны. На долю буржуазии и помещиков падало 56% этих фондов (в том числе на долю аграриев не менее 23%, не считая земли), в государственной и коммунальной собственности состояло 25% и на долю всего трудового населения страны оставалось менее 19%. Конечно, и расчеты Вайнштейна нуждаются еще в проверке и поправках по ряду трудно поддающихся учету статей. Например, все домашнее имущество населения, включая мебель, посуду, утварь, одежду и обувь, белье и прочее Вайнштейн оценивает всего в 11,8 млрд. руб. А между тем по нашим инвентарным описям этого имущества в 1922/23 г., после тяжкой войны и блокады, даже в рабочих семьях его учтено на сумму от 114 до 126 руб. на душу в ценах 1913 г. В буржуазных кругах нашлось бы его гораздо больше. Но, считая даже только по 120 руб. на 160 млн. чел., мы получили бы 19,2 млрд., т. е. на 78% больше, чем у Вайнштейна. Имеются у меня расхождения с его расчетами и по другим статьям. Но в общем это единственная сводка всех имеющихся данных и

[1] А. Л. Вайнштейн. Ученые записки по статистике, 1957, № III, стр. 142.

Таблица 5

Народное богатство России к началу 1914 г. (без Финляндии) (в млн. зол. руб.)

Отрасль хозяйства	Вид имущества: строения и сооружения	оборудование	товары и материалы	прочее имущество	итого
А	1	2	3	4	5
1. Сельское и лесное хозяйство	9 797	2 489	3 368	8 201	23 855
2. Промышленность					
гражданская	1 705	1 563	2 028	—	5 296
военные заводы и верфи	38	55	47	—	140
железнодорожные мастерские	20	23	21	—	64
коммунальные промпредприятия	326	197	142	—	665
3. Транспорт					
железнодорожный и водный	3 705	1 861	162	—	5 728
автогужевые дороги	754	—	—	—	754
грузы в пути	—	—	680	—	680
4. Связь	111	14	1	2	128
5. Городские фонды					
городское хозяйство и благоустройство	1 101	98	6	35	1 240
жилой фонд, торговые помещения и пр.	7 959	231	2 328	144	10 662
6. Государственные учреждения					
военные	706	955	693	135	2 489
прочие	317	60	59	—	436
7. Учреждения культа	960	161	—	—	1 121
8. Монеты и драгоценные металлы в обращении и запасах	—	—	2 175	—	2 175
Итого основных и оборотных фондов	2 7499	7 707	11 710	8 517	55 433
9. Домашнее имущество населения	—	—	—	11 788	11 788
Всего	2 7499	7 707	11 710	20 305 *	67 221 **
%	41,0	11,5	17,5	30,0	100,0

Таблица 5а

Социальная структура собственности

	Капитал. сектор	Госкоммунальный	Трудового населения: сельского	Трудового населения: городского	Итого
Сельское и лесное хозяйство	12 952	1 071	9 832	—	23 855
Промышленность	5 227	902	—	36	6 165
Прочие отрасли	12 604	10 394	—	240	23 238
Звонкая монета и драгоценные металлы	454	1 598	90	33	2 175
Итого учтено (абс.)	3 1237 ***	13 965	9 922	309	55 433
%	56	25	18	1	100
Домашнее имущество населения	—	—	—	—	11 788

* В том числе живой инвентарь — 7367 млн., насаждения—1055 млн. и потребит. домашнее имущество — 11 883 млн. руб. Пассивное сальдо по расчетам с заграницей — 7284 млн. руб.

** Кроме того, в границах бывшей империи нами учтено на 50,8 млрд. руб. земель и на 28,6 млрд. руб. лесных угодий по ценам и попенным расценкам к 1914 г. Таким образом, все национальное имущество Российской империи для сравнений с зарубежными странами может быть оценено в 1914 г. в 146,6 млрд. руб. золотом, или 75,4 млрд. долл.

*** Включая имущество крестьянской буржуазии.

расчетов о народном богатстве России к 1914 г., и, конечно, она гораздо выше по качеству расчетов Мэлголла и других зарубежных авторов.

Наибольший интерес для нас представляют сопоставления темпов обогащения различных стран. Но для этого пригоднее всего исчисления национальных богатств по их потребительному значению в неизменных ценах. Для США, в частности, можно привести такие данные за весьма большое число лет. Как одна из наиболее юных стран капитализма она опережала в своем развитии целый ряд более старых. Но для всех этих стран характерно и следующее обстоятельство.

Развитие капиталистических стран происходит чрезвычайно неравномерно, не только в том отношении, что страны молодого капитализма растут быстрее старых, но и в пределах одной и той же страны анархия капиталистического производства и периодические кризисы приводят к неменьшей неравномерности этого развития во времени. Лучшей иллюстрацией сказанного может служить хотя бы пример Соединенных Штатов Северной Америки (табл. 6).

Таблица 6

Динамика народного имущества Соединенных Штатов Северной Америки*

Год	Номинальная сумма народного имущества, млн. руб.	Средний годичный процент прироста за последний период	Население, млн. чел.	Индекс оптовых цен (1912=100)	Реальный объем народного имущества в ценах 1912 г.		Средний годичный процент прироста его за период	
					общая сумма	на душу населения руб.	общая сумма	на душу населения, руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1840	7 380	—	17,0	118	6 188	362	—	—
1850	13 855	6,60	23,2	93	14 910	644	9,18	+5,93
1860	31 400	8,52	31,4	95	33 080	1 051	8,29	+5,03
1870	58 400	6,41	38,6	145	40 320	1 045	2,00	—0,06
1880	84 780	3,79	50,2	91	93 200	1 857	8,75	+6,17
1890	126 400	4,07	63,1	89	141 950	2 252	4,31	+1,99
1900	172 000	3,13	76,1	81	212 200	2 792	4,10	+2,13
1904	208 100	4,88	82,6	92	226 080	2 740	1,51	—0,10
1912	361 900	7,16	95,1	100	362 000	3 710	6,05	+3,94
1922	622 800	5,59	109,9	159	392 000	3 570	0,80	—0,36

* С. А. Фалькнер. Соединенные Штаты в мировом хозяйстве. М.— Л., «Плановое хозяйство», 1926, стр. 27.

Как видим, реальное обогащение этой страны шло каким-то, в буквальном смысле этого слова, *лихорадочным* темпом: то огромные скачки вперед, то замедление и полная остановка в росте или даже попятное движение.

В итогах табл. 6 включена и оценка земельных владений. Поэтому приведем еще новейшие данные с выделением земельного имущества из общих итогов и сопоставлением динамики народного богатства — без земли — в текущих и неизменных ценах 1929 г. (табл. 7).

В приведенные итоги включено и сальдо расчетов с заграницей, которое меняет свой знак и быстро возрастает в последние годы в связи с вложениями американцев за пределами своей страны. Земли поднялись в цене за 1900—1949 гг. в США на 417%, а вещные блага в текущих ценах — более чем в 12 раз. Но в огромной доле этот рост объясняется лишь обесценением доллара за эти годы в 3,7 раза. В долларах 1929 г. народное богатство США за целых 58 лет выросло всего на 344%, а с учетом роста населения за это время — с 76 до 173,2 млн. из расчета на душу — это богатство поднялось за 58 лет всего на 128%. В среднем за год такой прирост не достигает и одного процента. При братской дележке из этого богатства каждому американцу досталось бы в 1958 г. около 3200 долл.

Таблица 7

Динамика национального богатства США за 1900—1958 гг.
(в млрд. долл.) *

Год	В текущих ценах			Сальдо расчетов с заграницей	В долларах 1929 г. вещные блага	
	всего	в том числе			абс.	%
		вещные блага	земельные владения			
1	2	3	4	5	6	7
1900	87,7	59,1	30,9	—2,3	122,6	100
1905	117,1	76,5	42,6	—2,0	146,2	119
1910	152,0	99,6	54,5	—2,1	175,8	143
1915	191,8	126,9	65,2	—0,3	202,6	165
1920	374,4	264,6	103,4	6,3	230,2	188
1925	384,2	272,9	101,6	9,7	273,3	223
1930	410,0	293,4	104,0	12,6	322,7	263
1935	344,9	256,1	82,6	6,1	297,1	242
1940	424,2	331,2	92,2	0,8	329,6	269
1945	570,6	441,5	128,1	1,1	331,5	270
1950	1 054,7	852,0	189,8	13,4	405,7	331
1955	1 384,3	1 130,7	238,2	15,4	494,3	403
1958	1 682,1	1 366,9	290,9	24,3	544,4	444

* «Statistical Abstract of the United States», 1960, p. 326, 327.

с шансами умножить это богатство за год долларов на 30. При заработке свыше 3000 долл. в год американских рабочих такой средний прирост душевого богатства не так уж и велик для богатейшей страны капиталистического мира. Но дело в том, что никакой братской дележки богатств между миллиардерами и рабочими в США не практикуется. Миллиардеры наживают миллиарды, а рабочие сбережения исчезают бесследно при первом же кризисе или заминке и лишении работы. А потому о *среднем* «богатстве» миллиардера и безработного и говорить не стоит. Но и общее национальное богатство в странах капитализма не слишком прочно. В годы периодических кризисов оно вовсе не растет, а даже падает, и такие лихорадочные темпы развития характерны, как известно, для всего капиталистического мира.

Октябрьская революция, обеспечив у нас возможность планового хозяйства, представляет для СССР достаточно радикальную прививку от такой капиталистической лихорадки. Мы имеем все шансы здорового хозяйственного роста без *кризисов и провалов*. А это означает такое ускорение в темпе нашего роста по сравнению с капиталистическими странами, которое рано или поздно сделает у нас излишним и слишком жесткий режим экономии и всякие другие проявления вынужденного аскетизма трудящихся масс.

Конечно, издержки войны и революции, а еще в большей мере издержки контрреволюции 1918—1920 гг. надолго задержали хозяйственное развитие СССР. По расчетам Госплана, по уровню производства и народного дохода мы только в 1925/26 г. приблизились к довоенному их уровню 1913 г.

Приведем здесь только важнейшие итоги этих подсчетов (табл. 8 и 9).

2. НАРОДНОЕ БОГАТСТВО СССР

После Октябрьской революции наиболее полный учет народного богатства СССР и по линии народного имущества, и по линии народного дохода произведен Центральным статистическим управлением в его «Балансе народного хозяйства СССР 1923/24 г.» [1].

[1] «Труды ЦСУ», т. XXIX. М., 1926.

Таблица 8

Валовая продукция СССР
(в млн. руб.)*

Отрасль хозяйства	1913 г.		1925/26 г. СССР		
	по бывшей империи	по СССР	в червонной валюте	по ценам 1913 г.	
				абс.	% к гр. 3
1	2	3	4	5	6
I. Сельское хозяйство					
Земледелие и животноводство	11 770	10 225	13 987	10 165	99,4
Лесное хозяйство	974	812	1 558	923	113,7
Рыболовство и охота	259	244	339	201	82,3
Итого	13 003	11 281	15 886	11 289	100,0
II. Промышленность					
Фабрично-заводская	7 690	6 354	10 355	5 850	92,1
Кустарно-ремесленная	1 695	1 395	1 916	1 083	77,6
Итого	8 385	7 749	12 271	6 933	89,4
Акциз	816	691	915	517	74,8
Итого с акцизом	10 201	8 440	13 186	7 450	88,3
III. Строительство					
Новые постройки и капитальный ремонт	958	787	1 286	562	71,3
Сельское строительство	591	487	769	513	105,4
Итого	1 549	1 274	2 055	1 075	84,3
IV. Транспорт					
Железнодорожный	1 186	970	1 406	1 068	110,0
Речной	154	144	138	110	76,4
Морской	116	95	45	31	32,6
Гужевой	377	329	197	243	73,9
Итого	1 833	1 538	1 786	1 452	94,4
V. Связь (выручка)	121	105	134	127	120,8
VI. Торговый оборот	11 775	9 703	20 986	9 470	97,6
Всего	38 482	32 341	54 033	30 863	95,3

* «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». Изд. Госплана СССР, 1927, стр. 23.

Наиболее общие итоги этого подсчета по линии имущества сведены в табл. 10.

Приведенный интересный во многих отношениях подсчет потребовал от ЦСУ для своего осуществления огромной работы. Но, как и все подсчеты этого рода, он заключает в себе все же столько условностей и пробелов, что пользоваться им можно лишь в целях самой общей ориентировки. Особенный интерес подсчета заключается в выявлении относительного веса обобществленного частнохозяйственного сектора в нашей стране. Но в этом отношении мы располагаем в приведенном подсчете далеко не без-

Таблица 9

Народный доход СССР
(в млн. руб.) *

Отрасль хозяйства	1913 г.		1925/26 г. СССР		
	по бывшей империи	по СССР	в червонной валюте	по ценам 1913 г.	
				абс.	% к гр. 3
1	2	3	4	5	6
I. Сельское хозяйство					
Земледелие и животноводство	7 740	6 720	9 138	6 681	99,4
Лесное хозяйство	793	661	1 268	751	113,7
Рыболовство и охота	259	244	339	201	82,3
Итого	8 792	7 625	10 745	7 633	100,0
II. Промышленность					
Фабрично-заводская	3 075	2 541	4 141	2 342	92,2
Кустарно-ремесленная	902	742	1 020	576	77,6
Итого	3 977	3 283	5 161	2 918	88,9
Акциз	816	691	915	517	74,8
Итого с акцизом	4 793	3 974	6 076	3 435	86,4
III. Строительство					
Новые постройки и капитальный ремонт	433	354	579	253	71,6
Сельское строительство	266	219	346	231	105,4
Итого	699	573	925	484	84,5
IV. Транспорт					
Железнодорожный	807	669	872	663	99,2
Речной	105	98	94	75	76,4
Морской	67	55	26	18	32,6
Гужевой	377	329	197	243	73,9
Итого	1 356	1 151	1 189	999	86,9
V. Связь	103	89	144	108	121,4
VI. Торговая накидка	1 365	1 126	2 492	1 098	97,6
Всего	17 108	14 538	21 541	13 757	94,7
Доход на душу, руб.	102,2	104,1	152,0	97,1	93,4

* «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 25.

упречными цифрами, ибо точность подсчета народного богатства в разных секторах весьма различна. Например, сельскохозяйственный инвентарь приведен без учета износа прежних лет, т. е. преувеличен, а имущество железнодорожного транспорта — с учетом износа, и притом в цифре миллионов на 700 ниже, чем значится по официальному балансу ведомства на ту же дату в ценах 1913 г.[1]. Такого же порядка расхождения

[1] «Сводный баланс железных дорог и других учреждений железнодорожного транспорта за 1923/24 г.» М., Изд. НКПС, 1925.

Таблица 10

Народное имущество СССР на 1 октября 1924 г.

Вид имущества	Сектор хозяйства, млн. червонных руб.: обобществленный: государственный	обобществленный: кооперативный	обобществленный: итого	частный	Всего: млн. червонных руб.	Всего: в довоенных ценах
1	2	3	4	5	6	7
I. Сельское хозяйство						
Рабочий скот	16,4	—	16,4	2 486,4	2 502,8	2 195,5
Прочий скот и птица	7,2	—	7,2	2 431,3	2 438,5	2 139,1
Сельскохозяйственный и транспортный инвентарь	—	—	—	1 634,8	1 634,8	1 257,5
Пчеловодство	—	—	—	23,6	23,6	20,7
Итого	23,6	—	23,6	6 576,1	6 599,7	5 612,8
II. Промышленность						
Постройки	2 858,9	89,8	2 948,7	258,0	3 206,7	1 669,0
Машины и орудия	2 351,2	76,0	2 427,2	306,6	2 733,8	1 698,1
Прочий инвентарь	228,1	3,6	231,7	1,5	233,2	117,7
Итого	5 438,2	169,4	5 607,6	566,1	6173,7	3 484,8
В том числе						
по фабрично-заводской промышленности	5 383,7	105,3	5 489,0	39,5	5 528,5	3 108,9
по ремесленно-кустарной промышленности	54,5	64,1	118,6	526,6	645,2	375,9
III. Строительство						
Городские постройки *	(5 771,7)	—	(5771,7)	(3 779,8)	9 551,5	5 451,2
Сельские постройки	(400,0)	—	(400,0	10 653,4	11 053,4	8 842,7
В том числе						
жилые	(267)	—	(267)	7105,0	7 372,0	5 900,0
хозяйственные	(133)	—	(133)	3548,4	3 681,4	2 942,7
Итого в городе и деревне	6171,7	—	6171,7	14433,2	20 604,9	1 4293,9
IV. Сооружения по городскому благоустройству	338,0	—	338,0	—	338,0	(338)
V. Транспорт						
Железные дороги	5 330,3	—	5 330,3	—	5 330,3	4 806,9
Речной	194,5	—	194,5	—	194,5	156,1
Морской	256,9	—	256,9	—	256,9	206,9
Местный	268,6	—	268,6	—	268,6	229,2
В том числе						
шоссейные дороги	120,6	—	120,6	—	120,6	109,4
автотранспорт	70,2	—	70,2	—	70,2	54,4
трамваи	77,8	—	77,8	—	77,8	65,4
Итого	6 050,3	—	6 050,3	—	6 050,3	5 399,1

* Из 278,1 млн. руб., не распределенных по владельцам городских строений, отнесено к частному владению 110,1 млн. и к государственному 168 млн. руб. (пропорционально распределенным).

Вид имущества	Сектор хозяйства, млн. червонных руб.				Всего	
	обобществленный			частный	млн. червонных руб.	в довоенных ценах
	государственный	кооперативный	итого			
1	2	3	4	5	6	7
VI. Земля						
Освоенная	50 204,2	—	50 204,2	—	50 204,2	50 204,2
Неосвоенная	9 426,1	—	94 26,1	—	94 26,1	94 26,1
Итого	59 630,3	—	59 630,3	—	59 630,3	59 630,3
Всего	77 652,5	169,4	77 821,5	21 575,4	99 396,9	88 758,9
% итога	78,1	0,2	78,3	21,7	100,0	
То же, без земли						
жилищный фонд						
абс.	6 038,7	—	6 038,7	10 884,8	16 923,5	11 135,0
%	35,7	—	35,7	64,3	100,0	—
производственный						
абс.	11 983,1	169,4	12 152,5	10 690,6	22 843,1	17 994,0
%	52,4	0,7	53,1	46,9	100,0	—
Итого, млн. руб.	18 021,8	169,4	18 191,2	21 575,4	39 766,6	29 129,0
%	45,4	0,4	45,8	54,2	100,0	—

с балансовыми данными мы можем отметить и по другим отраслям хозяйства и видам имущества.

Чрезвычайно странными являются также некоторые коэффициенты перехода от довоенных оценок к современным. Едва ли правильно также, что в учет имущества не включены оборотные фонды страны, т. е. запасы товаров и материалов в производстве, в каналах обращения и у потребителей, достигающие многих миллиардов рублей. А если иметь в виду сравнимость с данными довоенных лет по имеющимся подсчетам иностранных авторов, то пришлось бы принять к учету и всякого рода биржевые ценности, бумаги государственных займов, внутренних и внешних, и т. п. процентные бумаги.

Чтобы иметь представление, какую роль эти *бумажные* богатства играют в подсчетах народного имущества капиталистических стран, укажем только, что в Италии, по данным 1908/09 г., они составляли 24,9%, во Франции — 48,8 и в Великобритании — даже 56,5% общего итога[1]. Мы не знаем, в какой доле бумажные ценности фигурировали в той цифре 140 млрд. руб., в которой выше оценивалось народное имущество довоенной России к 1914 г. Надо думать, однако, что и в эту цифру бумажные ценности входили достаточно крупной суммой, быть может, не менее 2—3 десятков миллиардов рублей[2].

Уже из этого ясно, что всякое сопоставление исчисленной ЦСУ для 1924 г. цифры народного богатства СССР с какими-либо другими исчис-

[1] Вл. Войтинский. Весь мир в цифрах, кн. 1, стр. 185.

[2] Одних лишь государственных займов и гарантированных процентных бумаг к 1 января 1914 г. у нас было выпущено в обращение на сумму свыше 19 млрд. руб., а частня эмиссия процентных бумаг за последние годы перед войной значительно превышала казенную.

лениями, сделанными иным методом, было бы весьма рискованным. А без мерила сравнения абсолютные цифры приведенного выше подсчета малопоказательны.

3. ЗЕМЕЛЬНЫЕ И ЛЕСНЫЕ БОГАТСТВА РОССИИ

Оценивая народное богатство России к 1914 г. в табл. 10 в огромную сумму — около 140 млрд. руб. золотом, мы не должны забывать одного: в эту сумму, по общепринятому за рубежом методу оценки народных богатств, входит не только весь уже овеществленный и накопленный в вещном виде труд нации, но и значительная доля капитализированного дохода нации [1]. Сюда входит прежде всего стоимость всей земли, т. е. капитализированная рента всей страны, а затем, по-видимому, и стоимость акций и тому подобных «ценных бумаг», находящихся в обороте страны. Но стоимость акций, как известно, определяют не по личному имуществу акционерных предприятий, а по начисляемым в пользу акционеров дивидендам кредитных, торговых и промышленных предприятий, так что эта стоимость представляет собой тоже не более как капитализированный доход соответствующих предприятий. Капитализация ренты и всякого рода иных нетрудовых доходов есть, однако, не что иное, как оценка — в замаскированном виде, конечно,— наличной *продуктивности труда* в данной стране и предвосхищение той доли еще не овеществленного труда, какая может быть по наличным в стране условиям присвоена экономически господствующим классом, т. е. владельцами земли и капитала, в течение ряда ближайших будущих лет.

Ничуть не возражая против того, что богатство народа определяется не только величиной накопленных им мертвых ценностей, но и количеством и качеством живой рабочей силы, какой этот народ в каждый данный момент располагает, мы думаем все же, что учет и оценку этих живых производительных сил страны следует производить без всякой маскировки и подмены их капитализированной рентой, «ценными» бумагами и тому подобными фетишами. Насколько это изменит результаты оценки «народного богатства» в предлагаемом нами истолковании его как *валютированной суммы производительных сил данной страны,* мы будем иметь случай увидеть в дальнейшем. А пока попытаемся учесть основные элементы народного богатства России применительно к общепринятым в этом отношении методам оценки.

Как было уже упомянуто выше, в довоенной русской экономической литературе до сих пор не было ни одной самостоятельной попытки исчисления народного богатства России. Более повезло в этом отношении вопросу о народном *доходе.* Ему посвящены две специальные работы, которыми нам не раз придется пользоваться [2]. Однако и для оценки народного *богатства* России по отдельным его составным элементам у нас найдутся довольно многочисленные источники.

Начнем с учета земельных богатств России.

Общая площадь земли в России без Финляндии до войны исчислялась в 2142,5 млн. га. Из них после войны отошло от России к концу 1920 г. не свыше 50 млн. га. Таким образом, осталось не менее 2090 млн. га. Чтобы

---

[1] В оценке одних лишь вещных благ у А. Л. Вайнштейна эта сумма сразу же снижается до 67 млрд. руб., т. е. более чем вдвое.

[2] «Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. Материалы к проекту положения о государственном подоходном налоге». СПб., 1906, 95 стр. и «Опыт исчисления народного дохода 50-ти губерний Европейской России в 1900—1913 гг.», под ред. С. Н. Прокоповича. М., Изд. Совета Всероссийских кооперативных съездов, 1918, 86 стр.

представить себе наглядно, что это за величина, сопоставим ее с приведенными ниже площадями других великих держав [1].

	Млн. га	%
Россия	2 142,5	100,0
Соединенные Штаты	783,3	36,6
Австро-Венгрия	67,5	3,2
Германия	54,1	2,5
Франция	53,6	2,5
Великобритания (без колоний)	31,3	1,5
Италия	28,7	1,3
Итого по 2—7 стр.	1 018,5	47,6

Как видим, землею Россия раз в 40 богаче даже таких крупных стран. как Германия или Франция. Но, к сожалению, земля сама по себе никакой ценности не представляет. Лишь там, где есть кому приложить к ней свой труд, она начинает приобретать известную цену. А громадные пространства России заселены чрезвычайно слабо, и громадные запасы земельной площади остаются у нас и доныне без всякого использования, а стало быть, и без всякой расценки.

Насколько тесна связь между ценами на землю и густотой населения, можно убедиться из следующих сопоставлений. Издававшиеся Департаментом окладных сборов «Материалы по статистике движения землевладения в России» позволяют изучить динамику цен на землю в Европейской России почти за 50 лет [2]. Сопоставляя эти цены с движением народонаселения по бывшей Российской империи (без Финляндии), получаем ряды, приведенные в табл. 11.

Таблица 11

Густота населения и цена земли

Год	Густота населения		Цена земли за 1 га	
	на 1 км²	%	руб.	%
1870	12,8	100	18,3	100
1880	14,8	116	20,7	113
1890	17,9	140	37,2	203
1900	20,2	158	63,1	345
1910	24,4	190	101,8	556

Цены земли за 40 лет выросли в 5,5 раза, значительно обгоняя прирост населения. Правда, 20 руб. кредитных к концу 1870 г. стоили на золото не менее 25 руб. позднейшего образца. Поэтому выраженные в золотой валюте цены земли за 40 лет выросли не в 5,5, а всего в 4,4 раза. А если сделать еще поправку на удешевление золота по сравнению с товарами за 40 лет, то эта цифра еще понизится на несколько десятков процентов. Но это лишь сблизит между собою кривые роста населения и расценок земли.

Аналогичная зависимость между указанными факторами наблюдается не только во времени, но и в пространстве. В вып. XXIV «Материалов по статистике движения землевладения» приведены данные, показанные в табл. 12.

Здесь особенно наглядно видно, что густота населения воздействует на повышение цен земли совершенно независимо от ее естественных качеств.

[1] В границах 1914 г.

[2] «Материалы по статистике движений землевладения в России, вып. XXIV». Петроград, 1915, стр. IX. В среднем по всей черноземной полосе в 1907—1909 гг. гектар земли стоил 114 руб., в нечерноземной полосе — 53 руб. (там же, стр. XXIV).

Таблица 12

Цены на землю за гектар и густота населения за 1907—1909 гг. по 432 уездам Европейской России *

Группа уездов по густоте сельского населения на 1,14 км² (1 версту)		Черноземные губернии (245 уездов)		Нечерноземные губернии (187 уездов)		Итого по 432 уездам и 43 губерниям	
от — до	в среднем	руб.	%	руб.	%	руб.	%
1	2	3	4	5	6	7	8
До 30 чел.	?	78	100	39	100	54	100
31—40 чел.	35	104	133	83	213	92	170
41—50 »	45	128	164	84	215	100	185
51—60 »	55	134	172	82	210	125	231
61—70 »	65	169	217	88	226	161	298
Свыше 70 »	?	212	272	292	749	217	400

* «Купля-продажа земель в 30-летие 1863—1892 гг.», вып. IV. СПб., 1901 и сл. Всего опубликовано за 1893—1910 гг. 25 выпусков, последний, XXV выпуск за 1910 г., вышел в 1917 г.

При достаточном приложении труда, как видно, нечерноземные земли могут оказаться даже более доходными и ценными, чем черноземные. К сожалению, табл. 12 не определяет с достаточной точностью средней густоты населения в крайних группах уездов. Но если сравнить между собою 5-ю и 2-ю группы, то нетрудно убедиться, что повышение густоты населения с 35 до 65 чел. на 1,14 км², т. е. примерно на 85%, соответствует возрастанию земельных цен на 76%, т. е. почти на такую же величину.

Пользуясь другим источником, на основании оценок земель, заложенных в земельных банках[1], мы произвели аналогичную группировку по 40 губерниям Европейской России по более свежим данным к началу мировой войны. Расположив эти губернии по убывающему коэффициенту плотности сельского населения на 1 км² и соединив их в группы по 5 губерний в каждой, мы получаем картину, приведенную в табл. 13.

Таблица 13

Густота сельского населения и земельные цены по оценкам банков в 40 губерниях Европейской России к 1914 г.

Группа губерний	Население на 1 км²		Цена за 1 га	
	чел.	%	%	руб.
1	2	3	4	5
1-я	71,6	100	100	145,9
2-я	53,5	74,7	75,5	110,1
3-я	48,6	67,9	73,6	107,4
4-я	40,8	57,0	60,6	88,4
5-я	35,7	49,9	37,1	54,2
6-я	29,8	41,6	33,2	48,5
7-я	19,7	27,5	26,2	38,2
8-я	6,7	9,4	14,9	21,7

В табл. 13 наблюдается настолько полный параллелизм в падении цен на землю с понижением плотности населения и обратно, что его можно формулировать следующим выводом: всякий лишний житель из расчета на 1 км², или, что то же, на сотню гектаров земли, удорожает каждую из этой сотни гектаров рубля на два или около того. В переводе на язык

[1] «Статистика долгосрочного кредита в России за 1913 г.», СПб., 1915, вып. 1.

труда это означает следующее: каждый лишний работник, который у нас в среднем приходится души на две населения, повышает своим повседневным трудом доходность земли, а стало быть, и общее «богатство» России, по крайней мере, рублей на 400.

Уже из сказанного ясно, что из всей огромной земельной площади России денежной расценке подлежит лишь более или менее заселенная, т. е. фактически освоенная и оплодотворяемая трудом часть этой площади. В части земель сельскохозяйственного пользования для Европейской России мы включаем сюда всю удобную сельскохозяйственную площадь, облагаемую налогами [1]. На окраинах мы учли лишь ту освоенную оседлым населением удобную земельную площадь, которая учтена в качестве таковой переписью 1917 г. [2] Таким образом, землепользование кочевников, как

Таблица 14

Площадь и стоимость земель сельскохозяйственного использования в России 1914 г.

Район	Площадь: общие итоги, млн. га	Площадь: из них в сельскохозяйственном использовании: млн. га	Площадь: из них в сельскохозяйственном использовании: % к гр. 2	Стоимость земель сельскохозяйственного использования по оценке банков: за 1 га, руб.	Стоимость земель сельскохозяйственного использования по оценке банков: всего, млн. руб.
1	2	3	4	5	6
Северный (2 губ.)	124,4	66,8	53,7	17,3	1161,6
Приозерный (4 губ.)	33,4	26,1	78,1	25,9	674,3
Центрально-промышленный (6 губ.)	29,6	27,0	91,2	49 5	1339,1
Центрально-земледельческий (6 губ.)	29,8	27,6	92,8	128,4	3548,5
Западный (4 губ.)	20,6	17,8	86,2	49,2	874,9
Средне-Волжский (5 губ.)	28,7	25,7	89,8	79,4	2039,7
Приуральский (3 губ.)	60,5	54,5	90,1	20,4	1108,9
Нижне-Волжский (3 губ.)	57,6	25,4	43,2	52,5	1331,3
Малороссийский (3 губ.)	15,7	14,2	90,4	134,2	1905,2
Юго-Западный (3 губ.)	13,4	12,0	89,4	132,2	1584,4
Новороссийский (4 губ.)	35,9	21,7	60,5	104,6	2272,9
Итого	449,6	318,8	71,0	56,0	17840,8
Северный Кавказ (5 губ.)	25,9	17,5	67,7	111,3	1952,1
Закавказье (7 губ.)	19,0	2,0	10,3	65,0	127,2
Степной край (4 губ.)	183,7	11,9	6,5	58,1	690,0
Сибирь (6 губ.)	1074,4	21,7	2,0	31,4	681,3
Дальний Восток (3 губ.)	174,3	4,4	2,6	100,6	439,2
Туркестан	169,5	7,6	4,5	194,8	1486,0
Итого	1646,8	65,1	4,0	82,6	5375,8
Всего по СССР	2096,4	383,9	18,3	60,2	23216,6
Отошло от России *	46,4	36,3	78,2	101,6	3683,3
Всего по бывшей империи (без Финляндии)	2142,8	420,2	19,6	64,0	26899,9

* Включая Бессарабию (4,5 млн. га), оккупированную Румынией. Площадь земли в губерниях, отошедших от России лишь в части своей территории, исчислена приблизительно.

[1] «Статистический справочник». СПб., Изд. «Земля и воля», 1906, вып. 1, стр. 36.

[2] «Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.» «Труды ЦСУ», т. V, вып. 1. М., 1921; по тем губерниям, по которым данные переписи не опубликованы, соответственные итоги исчислены по соотношению посевной площади с прочими удобными землями в соседних губерниях.

не поддающееся учету, совсем отпало. Не вошли по Азиатской России в учет и все так называемые кабинетские и прочие казенные леса и земли. Умножая эти удобные площади на средние губернские банковские оценки гектара земли, заложенной в земельных банках за 1913 г., получим табл. 14.

В табл. 14 прежде всего поражает чрезвычайно низкий процент, в особенности для окраин, освоенных населением для сельскохозяйственного пользования земель. И все же общая их оценка достигает для всей бывшей империи (без Финляндии) огромной суммы — 26 900 млн. руб. А если сюда еще прибавить 104,9 млн. га только *удобной* площади казенного леса, неучтенного нами по окраинам России в табл. 14, то, считая по средним ценам земли соответствующих губерний, получим еще около 7535 млн. руб. Но банковские оценки земли, как показывает сравнение их с фактическими ценами по сделкам за соответствующие годы, сильно преуменьшены, а именно, их в среднем для всей Европейской России 1913 г. следует повысить на 46%. Внося указанные поправки, получаем стоимость земель сельскохозяйственного пользования к 1914 г. для России в границах бывшей империи 50,8 млрд. руб., а за вычетом отошедших земель в границах СССР — 44,8 млрд. руб.

Но это еще не вся земля. Сюда надо прибавить землю под городскими строениями, фабриками, рудниками, заводами и железнодорожными линиями.

В оценку земель сельскохозяйственного значения мы включили и лесную площадь, но без специального учета в этой оценке стоимости наличных запасов древесины на учтенной площади лесных насаждений. Такую ценность учтенная площадь представляла бы даже в том случае, если бы все леса уже были вырублены и превращены, таким образом, в полевые и луговые угодья. Но взрощенная на этой площади древесина представляет собою самостоятельную и притом вполне реальную ценность, ибо

Таблица 15

Лесные богатства России в 1913 г.

Район	удобная площадь, тыс. га	Запас древесины: общий, млн. м³	Запас древесины: общий, млн. руб.	Запас древесины: на 1 га, м³	Запас древесины: на 1 га, руб.	Средняя попенная плата на 1м³ руб.
1	2	3	4	5	6	7
Северный (2 губ.)	67 240	12 011	6 566	178	97,4	0,55
Северо-Западный (5 губ.)	13 170	2 560	2 009	195	152,6	0,78
Западный (2 губ.)	3 699	1 252	1 630	338	440,5	1,30
Центрально-промышленный (10 губ.)	15 210	3 892	3 399	256	223,5	0,87
Северо-Восточный (3 губ.)	31 150	7 783	4 095	250	131,5	0,53
Поволжье (5 губ.)	5 535	1 356	1 010	245	182,9	0,75
Черноземный(5 губ.)	3 240	690	882	213	272,5	1,28
Юго-Восточный (6 губ.)	1 399	279	86	200	61,6	0,31
Украина (9 губ.)	4 073	937	1 566	230	485,0	1,67
Киргизия (5 губ.)	5 918	1 454	561	246	94,9	0,38
Сибирь (8 губ.)	95 410	23 834	1 540	249	16,2	0,06
Туркестан (4 губ.)	12 400	3 097	1 010	249	81,4	0,33
Закавказье (8 губ.)	3 048	756	280	249	91,7	0,37
Итого по СССР (72 губ.)	261 492	59 901	24 634	229	94,2	0,41
По отошедшим губерниям (17 губ.)	8 540	2 221	3 970	260	465,0	1,79
Всего по бывшей империи (89 губ.)	270 032	62 122	28 604	229	115,3	0,46

для воспроизводства вырубленного леса требуется немалое количество времени и труда.

Вся площадь лесов в пределах СССР исчисляется ныне в 920 млн. га, из которых на долю удобной лесной площади приходится до 598 млн. га. Но если исключить отсюда огромные площади неосвоенных лесов Сибири и принять к учету только те удобные лесные площади, которые находились на учете Лесного департамента, то получим к 1913 г. около 270 млн. га леса по всей бывшей империи, в том числе 204,8 млн. га казенного и 47,2 млн. га прочей лесной площади.

Исходя из размеров попенной платы и запаса древесины на этой площади, получим оценку учтенных нами лесных насаждений, приведенную в табл. 15.

В табл. 15 ярко проявляется все тот же закон, какой мы наблюдали в оценке сельскохозяйственных земельных площадей. Оценка леса является прежде всего функцией *населенности* территории. Огромная лесная площадь Сибири представляет в настоящих условиях меньшую для нас ценность, чем, скажем, в 23 раза меньшая площадь Украины, ибо в малонаселенной Сибири кубическая сажень древесины расценивается в 27 раз дешевле, чем на Украине.

4. ЖИЛИЩНЫЙ ФОНД

а) Городские недвижимости

Для оценки городских недвижимостей, и в том числе земли, мы можем идти различными путями. Основная трудность, которую при этом приходится преодолеть, заключается в том, что при оценке городских недвижимостей мы имеем обычно общую оценку и земли и строений. Поэтому нам придется иметь дело сразу с обоими названными элементами нашего национального богатства.

Наиболее полный учет городских недвижимостей в части городских земель и живых строений мы находим в обследованиях ЦСК за 1904 и 1910 гг.[1] Материалы этих обширных исследований, к сожалению, изданы в чрезвычайно сыром виде, без всякой сводки данных о каждом отдельном городе хотя бы в погубернские итоги. Но, произведя соответствующие подсчеты, с внесением возможных поправок по другим источникам на некоторые весьма незначительные пропуски и пробелы указанных обследований, получаем следующие итоги (табл. 16).

Для сравнения с другими источниками данных табл. 16 укажем, что по более ранним исчислениям ЦСК городское население России в 1904 г. (к концу года) составляло 18,4 млн. и в 1910 г. — 22,7 млн. чел., что почти совпадает с соответствующими итогами таблицы. Общая площадь городской земли в 50 губерниях Европейской России и по обследованию 1905 г. достигала 2230 тыс. га; у нас получилось для 1910 г., если брать только города в тесном смысле этого слова, значительно меньше — всего 1532 тыс. га, а если прибавить сюда и земельную площадь посадов, местечек и прочих поселений городского типа, то гораздо больше — до 3737 тыс. га. Разница здесь, очевидно, объясняется неопределенностью понятия «городские земли». В более узком смысле сюда входят только земли городов как юридических лиц, в широком — и земли всех горожан как в пределах городской черты, так и в пригородной полосе, являющейся естественным резервом для расширения каждого данного города. В более мелких поселениях городского типа сюда входят даже полевые пахотные земли некоторой части жителей, не порвавших еще с земледелием.

---

[1] «Города России в 1904 г.», СПб., 1906, стр. 410 и сл. и «Города России в 1910 г.», СПб., 1914, 1158 стр.

Таблица 16

Города России в 1904 и 1910 гг. *

Район и тип поселения	Число губерний	Число поселений		Население, тыс. чел.		Число жилых строений, тыс.		Земельная площадь, тыс. га			
								заселенная		незаселенная	вся
		1904 г.	1910 г.	1904 г.	1910 г.	1904г.	1910г.	1904	1910	1904	1910
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Города.											
Европейская Россия . . .	50	672	678	13 787	16 118	1 153	1 343	319,4	329	1 203	1 532
Привислинский край . .	10	115	120	2 416	2 821	78	106	27,7	24	96	120
Кавказ	12	50	51	1 266	1 488	152	147	34,6	36	159	195
Средняя Азия	9	49	51	1 090	1 330	162	170	38,2	70	184	254
Сибирь	8	49	50	634	946	70	83	20,8	22	293	315
Итого . .	89	935	950	19 189	22 703	1 615	1 859	440,7	481	1 935	2 416
Прирост за 6 лет, %. .	—	100	102	100	118	100	115	100	109	—	—
II. Поселки городского типа											
Европейская Россия . .	50	114	183	1 909	3 135	265	461	139,3	178	2 027	2 205
Привислинский край . .	10	6	8	156	249	6	6	1,5	1	2	3
Кавказ	12	54	84	731	1 075	114	200	48,6	86	1 568	1 654
Средняя Азия	9	—	1	—	24	—	4	—	0	1	1
Сибирь	8	1	2	7	14	1	2	0,3	0	13	13
Итого . .	89	175	278	2 803	4 497	386	673	189,7	265	3 611	3 876
Прирост за 6 лет, % . .	—	100	159	100	161	100	174	100	140	—	—
III. Города и поселки											
Европейская Россия . .	50	786	861	15 696	19 253	1 419	1 804	458,8	507	3 230	3 737
Привислинский край . .	10	121	128	2 568	3 070	85	112	29,2	25	98	123
Кавказ	12	104	135	1 997	2 563	265	346	83,2	122	1 727	1 849
Средняя Азия	9	49	52	1 090	1 354	162	174	38,2	70	185	255
Сибирь	8	50	52	641	960	71	95	21,1	22	306	328
Всего . .	89	1 110	1 228	21 992	27 200	2 002	2 531	630,4	746	5 546	6 292
Прирост за 6 лет, % . .	—	100	111	100	124	100	126	100	118	—	—
В отошедших губерниях	18	235	250	4 617	5 418	225	288	73,7	81	224	305
В границах СССР . . .	71	875	978	17 375	21 782	1 777	2 243	556,8	665	5 322	5 987

* Подсчитано по данным обследования ЦСК с поправками на пропуски регистрации. Общая сумма этих поправок по числу жилых строений не превышает 1% итога, по заселенной площади — 5%, по всей площади — 9%.

Правда, в табл. 16 помимо «городов всех размеров» включены лишь такие поселения иных наименований, население которых превышает 10 тыс. жителей. В большинстве случаев это очень крупные фабрично-заводские поселения, вовсе не тяготеющие к землепашеству. Но есть среди них также большие торговые села и станицы, в особенности на Кубани, владеющие громадными площадями *полевой* земли. Поэтому, во избежание двойного учета земель сельскохозяйственного назначения, нашей оценке в качестве городских земель мы подвергнем лишь часть площади, учтенной в табл. 16. А именно — исходя из заселенной площади городской земли (746 тыс. га в 1910 г.) и прибавляя к ней лишь такой резерв незаселенных земель, какой характерен для городов в тесном смысле этого

слова, т. е. около 400%, мы примем к оценке в городах и поселках для 1904 г. 3,2 млн. га и для 1910 г.— 3,7 млн. га городской земли.

Средний размер *частного* владения в городах, по данным о безвозмездных — по наследованию и дарению — переходах городских недвижимостей за 1905—1910 гг., составлял 0,5 га[1]. Число владений можно определить по числу жилых строений, считая, по данным переписи 1923 г., что на сотню городских застроенных владений (дворовых мест) приходится по всему СССР, включая разрушенные дома, 130 жилых строений[2] и около 110 нежилых, куда входят учреждения, торговые помещения и всякого рода службы: склады, сараи, конюшни, гаражи[3].

Таким образом, исходя из данных табл. 16 и выявленного в ней темпа роста городов, мы получим следующие итоги для характеристики движения городских недвижимостей за последнее десятилетие перед мировой войной (табл. 17).

Таблица 17

Динамика городских недвижимостей

Год	Население		Число владений		Площадь их, тыс. га	Общая площадь городских земель	
	млн. чел.	%	тыс.	%		тыс. га	%
1	2	3	4	5	6	7	8
1904	22,0	100	1 540	100	840	3 160	100
1910	27,2	123	1 941	126	1 060	3 710	117
1914	32,2	147	(2 260)	147	(1 231)	(4 110)	130

Исчисленный нами на основании данных 1904—1910 гг. прирост общей площади городских земель (заселенная часть плюс резерв) за 1910—1914 гг., как видим, несколько отстает от фактического прироста населения. Но это весьма вероятно, поскольку рост городов совершается не только за счет расширения площади и числа владений, но и за счет *уплотнения* числа строений и населения на данной площади.

Площадь частных владений занимает, по нашей прикидке, лишь около $1/3$ доли (в 1914 г.— 30%) всех городских земель, включая площади, сады и бульвары, улицы, также городские выгоны и т. п. общественные угодья. Но они все же значительно выше всей «заселенной» городской площади, т. е. включают в свой состав и гораздо более дешевые пригородные огороды, пустыри и т. п. земли. Это необходимо отметить, потому что в дальнейшем мы будем иметь дело с расценками одних лишь частных владений. Городские площади и бульвары не служат ведь предметом купли-продажи.

Переходя к оценке вышеисчисленных городских владений, мы прежде всего сможем использовать некоторые итоги подсчетов народного дохода России к 1904 г.[4] Доходность городских недвижимостей к этому году оценивалась в вышеуказанной работе из расчета 7% от их стоимости, и,

[1] «Материалы по статистике движения землевладения за 1905—1910 гг.» Материал обнимает до 18 тыс. случаев перехода, но все же по отдельным годам слишком мал, чтобы выявить определенную тенденцию к росту или сокращению среднего размера владений; во всяком случае, если она и есть, то скорее к росту, чем к сокращению: в 1905—1907 гг. имеем 0,52 га, а в 1908—1910 гг.— 0,59 га на один случай.

[2] Раньше («Плановое хозяйство», 1925, № 7), по неполным данным переписи 1920 г., мы принимали ошибочно 108 жилых строений на 100 владений, что привело к некоторому преувеличению числа владений и их расценки в наших прежних расчетах.

[3] По 30 губерниям данные, по которым опубликованы в «Бюллетенях» переписи 1923 г., № 1—3, на 697 тыс. застроенных владений было подсчитано 1683 тыс. жилых и нежилых строений (242%), из них учреждений без жилья — 31,4 тыс., торгово-промышленных помещений — 216 тыс. и надворных служб — 412 тыс.

[4] «Опыт приблизительного исчисления народного хозяйства». СПб., 1906, табл. XI, XII, XIII.

стало быть, переход от доходности к капитализированной стоимости соответствующих имуществ не сложен. Правда, упомянутый расчет доходности касается только городов в тесном смысле этого слова, не охватывает всех районов России (в нем нет данных по Сибири и 8 губерниях Средней Азии) и всех категорий владений. Доходность владений ниже 1000 руб. в год определена в нем только по городам 50 губерний Европейской России. Но, пользуясь данными табл. 16 и допуская, что в поселках вовсе нет владений с доходом свыше 1000 руб. в год, мы без особого труда сможем восполнить указанные пробелы. И тогда получаются итоги, приведенные в табл. 18.

Общая доходность городских недвижимостей в 477,6 млн. руб. при допущенной их рентабельности в 7% годовых соответствует капитальной оценке их в 6830 млн. руб., что на 1 га застроенных владений дает 8140 руб., на одно владение — 4430 руб. и на один жилой городской дом с землей и службами — 3410 руб. Однако такая оценка не может быть принята нами без существенных поправок. Оценка эта производилась в данном случае по закону 8 июня 1893 г. путем выборок из окладных книг городских учреждений и материалов казенных палат, с теми только поправками, какие оказались необходимыми для приведения слишком устаревших оценок к оценкам 1904 г. А между тем нам известно из других источников, насколько такие «законные» оценки отстают от фактических рыночных цен недвижимостей. По массовым данным за целое пятилетие (1902—1906 гг.), средняя цена земли в уездах по 47 губерниям Европейской России определялась казенными палатами при безвозмездных переходах земли (дарение, наследование) в 50,1 руб. за 1 га, тогда как по сделкам купли-продажи она расценивалась в 84,4 руб., т. е. на 68% выше законной оценки [1]. Приняв эту поправку к нашей цифре 6830 млн. руб., получим 11470 млн., причем средняя оценка владения поднимается с 4430 до 7460 руб.

Из других материалов для оценки городских недвижимостей можно привлечь данные налоговой статистики за 1912 г. По данным специальной «переписи» владений по 1869 городам, посадам и местечкам в 87 губерниях России, произведенной в 1911 г. для проведения в жизнь с 1912 г. преобразованного по закону 6 июня 1910 г. государственного налога с городских недвижимых имуществ получились итоги, приведенные в табл. 19 [2].

Для оценки их полноты и точности необходимо учесть следующие обстоятельства. Кем и как производилась указанная перепись — в названном издании Департамента окладных сборов не указано. Но, во всяком случае, сплошной и исчерпывающей ее признать не приходится. Прежде всего по четырем областям России (Закаспийской, Уральской, Тургайской и Якутской), с городским населением в 170 тыс., перепись вовсе не про-

[1] «Материалы по статистике движения землевладений», вып. XXIV, стр. VI и предыдущие выпуски. В частности, для 1904 г. соответствующие данные: 47 руб. по оценке и 98,1 руб. по сделкам расходятся еще сильнее (на 109%). По отдельным годам мы имеем следующие соотношения (в руб. за 1 га):

Год	По сделкам	По оценке	
		земельных банков	казенных палат
1902	67,8	56	65,4
1903	82,8	58	48,4
1904	90,0	61	43,1
1905	82,3	61	45,0
1906	99,3	62	43,1
1902—06	84,4	60	50,1

[2] «Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный налог с городских недвижимых имуществ на 1912 г.». Министерство финансов. Департамент окладных сборов. СПб., 1914, 889 стр.

Таблица 18

Доходность городских недвижимых имуществ в России 1904 г. *

Район	Число губерний	Число владений с доходом			Сумма дохода в млн. руб. по владениям с доходом			Средний доход в руб. на одно владение с доходом		
		до 1000 руб.	свыше 1000 руб.	всего	до 1000 руб.	свыше 1000 руб.	всего	до 1000 руб.	свыше 1000 руб.	всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Европейская Россия	50	1 044 857	46 143	1 091 000	143,4	214,3	357,7	137	4 644	329
Царство Польское	10	57 877	7 523	65 400	(7,9)	37,6	45,5	(137)	4 995	696
Кавказ	12	199 953	4 047	204 000	(27,4)	12,4	39,8	(137)	3 070	195
Закаспийская область	1	8 522	151	8 673	(1,2)	0,3	1,5	(137)	2 113	173
Прочие среднеазиатские владения	8	113 647	(2 280)	115 927	(15,6)	(6,9)	22,5	(137)	3 040	194
Сибирь	8	53 523	(1 077)	54 600	(7,3)	(3,3)	10,6	(137)	3 040	194
Всего	89	1 478 379	61 221	1 539 600	(202,8)	274,8	477,6	(137)	4 495	310
%	—	96,0	4,0	100,0	48,4	57,6	100,0	44	1 450	100
В том числе отошло от России	18	159 081	13 919	173 000	(21,8)	57,2	79,0	(137)	4 106	457
%	—	92,0	8,0	100,0	27,6	72,4	100,0	30	899	100
Всего в границах СССР	71	1 319 298	47 302	1 366 600	(181,0)	217,6	398,6	(137)	4 600	292
%	—	96,5	3,5	100,0	45,4	54,6	100,0	47	1 575	100

* Для Сибири и среднеазиатских владений пропорция владений разной доходности и средние нормы оценки этой доходности приняты те же, какие получались в среднем для прочих окраин России (Кавказ и Закаспий). Исчисленные приблизительно величины заключены в скобки. Сумма их по таблице не превышает 15% общего итога доходов.

Город с населением	Число городов, посадов и местечек	Число обложенных имуществ (владений)			
		жилых	земельных участков	торговопромышленных	итого
1	2	3	4	5	6
Свыше 1 млн. чел. . .	2	35 038	6 487	3 488	45 013
400 тыс. — 1 млн. чел.	4	35 433	4 761	1 844	42 038
200—400 тыс. чел. . .	6	61 664	10 702	2 933	75 299
100—200 » » . .	17	103 499	8 611	7 600	119 710
50—100 » » . .	50	192 883	14 861	10 319	218 063
25— 50 » » . .	96	241 865	20 065	17 093	279 023
10— 15 » » . .	254	337 877	28 340	26 265	392 482
5— 10 » » . .	245	167 259	18 566	11 700	197 525
2— 5 » » . .	179	73 520	9 315	5 319	88 154
Ниже 2 » » . .	1016	224 041	8 429	14 592	247 062
Итого .	1869	1 473 079	130 137	101 153	1 704 369
%	—	86,5	7,6	5,9	100,0
В том числе по группам					
1—7 (выше 10 тыс.)	429	1 008 259	93 827	69 542	1 171 628
8—10 (ниже 10 тыс)	1440	464 820	36 310	31 611	532 741

* Оценка производилась в части владений по их валовой доходности за вычетом издержек по дений, исходя из законной оценки их чистой [доходности в 5%. По первому методу учтено 87 5%

изводилась. Затем она вовсе не охватывает те зачастую очень крупные фабричные и торговые поселения городского типа, независимо от их размера, которые формально не именуются городами и местечками. Сюда относятся такие поселения, как, например, «село» Сормово в 40 тыс. жителей, «поселок» Юзовка в 48 тыс., «станица» Каменская в 50 тыс., «хутор» Атаманский в 24 тыс., «усадьба» Жирардов в 32 тыс., еще более внушительная «усадьба» Балуты-Новы в 97 тыс. и т. д. и т. п. Всего, по данным 1910 г., мы насчитали поименно 167 таких пропущенных поселений с населением в 3393 тыс. чел. Далее даже из числа «городов» и «местечек», в официальном смысле этого слова, мы насчитали, по данным 1910 г., 485 поселений с цензом выше 10 тыс. жителей на каждое, а наша «перепись» охватила всего 429 таких поселений. Значит, пропущено не менее 56 довольно крупных городов целиком. В общей сложности, по нашим подсчетам, ускользнуло от переписи свыше 5 млн. чел. городского населения и свыше 500 тыс. владений. И стало быть, поправка на пропуски регистрации составит величину от 22 (по населению) до 34% (по числу владений) в отношении к итогам переписи 1911 г.

Если для оценки стоимости пропущенных переписью владений взять средний из этих процентов (28), то общая стоимость городских недвижимостей с 11,3 млрд. руб., учтенных в табл. 19, повысится до 14,5 млрд. руб.

Но оценки податных органов, несомненно, следует считать сильно преуменьшенными. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести следующие данные. Свыше $^2/_3$ всех обложенных владений, а именно 1151 тыс., по данным переписи, давал к 1912 г. всего 27,8 млн. руб. чистого дохода и, стало быть, оценивалась в 556 млн. руб., что дает в среднем на одно владение годового дохода 24 р. 20 к., а полной стоимости вместе с землей — 484 руб. В то же время нам известно, что стоимость строений среднего

по данным о государственном их обложении к 1912 г. *

Сумма обложенного (чистого) дохода, тыс. руб.				Стоимость обложенных имуществ, млн. руб.			
жилых	земельных участков	торговопромышленных	итого	жилых	земельных участков	торгово-промышленных	итого
7	8	9	10	11	12	13	14
149 379	4 413	24 090	177 882	2987,6	88,3	481,8	3557,7
81 517	1 858	7 667	91 042	1630,3	37,2	153,3	1820,8
41 908	1 982	7 724	51 614	838,2	39,6	154,5	1032,3
37 357	1 999	9 603	48 959	747,1	40,0	192,1	979,2
54 131	2 269	10 371	66 771	1082,6	45,4	207,4	1335,4
41 837	1 940	9 627	53 404	836,7	38,8	192,5	1068,0
34 439	1 692	6 442	42 573	688,8	33,8	128,8	851,4
13 355	644	1 942	15 941	267,1	12,9	38,8	318,8
5 192	293	713	6 198	103,8	5,9	14,3	124,0
9 855	345	1 570	11 770	197,1	6,9	31,4	235,4
468 970	17 435	79 749	566 154	9379,3	348,8	1594,9	11323,0
82,8	3,1	14,1	100,0	82,8	3,1	14,1	100,0
440 568	16 153	75 524	532 245	8811,3	323,1	1510,4	10644,8
28 402	1 282	4 215	33 909	568,0	25,7	84,5	678,2

ремонту, амортизации и прочих эксплуатационных расходов, а в другой части — по стоимости вла-
всей «доходности к обложению», по второму — остальные 12,5%.

крестьянского двора без земли достигала до войны 557 руб., а квартирная плата даже в наименее значительных городах (до 10 тыс. жителей) и поселках достигала в 1910 г. за 1—3 комнаты не менее 109—116 руб. в год[1]. Если даже с этой цифры скинуть процентов 40 на расходы по ремонту домов и пр., то чистая доходность одной квартиры составит все же 65—70 руб. при доходности целого владения будто бы в 24 р. 20 к. Конечно, допустить, что 2/3 городских владений стоили дешевле рядового крестьянского двора, невозможно. Если же принять, что в каждом из этих владений имелась хотя бы одна квартира в 1—3 комнаты, общую доходность их пришлось бы повысить, по крайней мере, в 2,8 раза. Однако эту поправку было бы весьма рискованно распространять на все владения, ибо в крупных домах, где квартиры сдаются по контрактам, доходность их учитывается, конечно, гораздо точнее.

Для определения вероятного размера средней поправки на недооценку доходности обратимся к табл. 20, дающей оценку валового дохода жилых строений и прочих недвижимостей.

Валовой доход, по данным табл. 20, составлял к 1912 г. 751 млн. руб. на 1473 тыс. жилых владений, или 518 руб. в год на одно владение. Считая, по данным переписи 1923 г., 1,3 жилых строений на одно владение и по 1,6 квартиры по 2 комнаты на один жилой дом, получим валовую доходность одной квартиры в 249 руб., а одной комнаты в 14,1 м^2 — 125 руб. в год. Эту величину можно уже сопоставлять с нормами квартирной платы (см. табл. 25).

По обследованию ЦСК, средняя по России квартирная плата в 1910 г. достигала за квартиру в 1—3 комнаты 224 руб., по переписи 1923 г., средний размер таких квартир — 1,55 комнаты. Отсюда получаем валовой

[1] См. ниже табл. 25.

Таблица 20

Валовая доходность и эксплуатационные издержки по городским недвижимостям России в 1912 г.
(в тыс. руб.) *

Город с населением	Валовой доход с имуществ				Издержки по эксплуатации имуществ				% издержек к валовому доходу с имуществ			
	жилых	земельных участков	торгово-промышленных	всех	жилых	земельных участков	торгово-промышленных	всех	жилых	земельных участков	торгово-промышленных	всех
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Свыше 1 млн. чел. . . .	228 000	5 160	30 230	263 390	78 621	747	6 140	85 508	34,5	14,4	20,3	32,8
400 тыс.— 1 млн. чел.	120 300	2 334	11 400	134 034	38 783	476	3 733	42 992	32,3	20,4	32,8	32,1
200—400 тыс. »	66 200	2 405	10 170	78 775	24 292	423	2 446	27 161	36,6	17,5	24,0	34,5
100—200 » »	64 300	2 500	13 270	80 070	26 943	501	3 667	31 111	41,9	20,1	27,7	38,8
50—100 » »	93 400	2 830	14 700	110 930	39 269	561	4 329	44 159	42,0	19,7	29,5	39,8
25— 50 » »	71 600	2 400	14 070	88 070	29 763	460	4 443	34 666	41,5	19,2	31,6	39,3
10— 25 » »	58 200	2 130	9 420	69 750	23 761	438	2 978	27 177	40,8	20,4	31,6	39,0
5— 10 » »	23 030	806	2 950	26 786	9 675	162	1 008	10 845	42,0	20,1	34,2	40,4
2— 5 » »	9 130	360	1 153	10 643	3 938	67	440	4 445	43,2	18,5	38,2	41,7
Ниже 2 млн. чел. . .	16 860	427	2 350	19 637	7 005	82	780	7 867	41,6	19,2	33,2	40,0
Итого . .	751 024	21 352	109 713	882 085	282 050	3 917	29 964	315 931	37,5	18,4	27,3	35,8
В среднем на одно владение, руб.	510	164	1 086	518	191	30	296	180	—	—	—	—

* В освобождаемые от обложения эксплуатационные издержки, помимо расходов по ремонту, содержанию и охране имущества, содержанию и ремонту мостовых, а также скидок на вероятный простой помещений, здесь включены также суммы земского и городского оценочных сборов (статья IX работы «Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный налог недвижимых имуществ на 1912 г.»). Городской оценочный сбор по справке, приведенной в том же издании (стр. 889), в 1910 г. составлял 28,6 млн. руб. с 1 091 303 владениями, государственный налог с которых на 1912 г. был исчислен в 25,8 млн. руб. И стало быть, если последний составлял по закону 6% чистой доходности, вычисленной в наших таблицах (кроме Царства Польского, где он составлял 10%), то городской оценочный сбор надо считать минимально в 6,4% тех же итогов. Если и земские сборы достигали такой же величины, то эксплуатационные расходы, в тесном смысле этого слова, без налогов надо считать вместо 35,8 не свыше 27,6% валового дохода, а общую сумму государственного городского и земского сборов — около 12% валового дохода.

Таблица 21

Число недвижимых городских владений, привлеченных к обложению, и сумма обложенного (чистого) дохода с них за 1912 г. *

Район и показатель	Жилые владения				Торгово-промышленные владения	Земельные участки			Итого по всем обложенным владениям
	каменные	деревянные	смешанные	итого		незастроенные	застроенные арендаторами	итого	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Европейская Россия (50 губ.)									
Число владений	147 220	921 479	106 225	1 174 924	76 552	69 640	24 059	93 699	1 345 175
Сумма дохода, тыс. руб.	229 369	76 413	54 633	360 415	60 514	8 101	5 486	13 587	434 516
Доход на одного владельца, руб.	1557,0	83,0	51,5	307,0	791,0	116,3	228,0	145,0	323,0
2. Царство Польское (10 губ.)									
Число владений	35 048	40 981	3 803	79 832	2 813	5 735	579	6 314	88 959
Сумма дохода, тыс. руб.	58 296	4 556	1 947	64 799	6 385	711	18	729	71 913
Доход на одного владельца, руб.	1667,0	111,0	53,3	811,7	2270,0	124,0	33,0	115,4	909,0
3. Кавказ (14 губ.)									
Число владений	75 544	24 216	26 350	126 110	15 101	14 924	5 832	20 756	161 967
Сумма дохода, тыс. руб	20 786	1 149	3 043	24 978	8 328	1 209	813	2 022	35 328
Доход на одного владельца, руб	275,0	47,4	115,5	198,0	552,0	81,1	139,5	97,6	218,0
4. Степные губернии (3 губ.)									
Число владений	4 446	15 054	4 531	24 031	2 385	896	638	1 534	27 950
Сумма дохода, тыс. руб.	501	1 469	691	2 661	569	59	82	141	3 371
Доход на одного владельца, руб.	112,6	96,2	152,4	110,8	239,0	66,0	128,0	92,2	120,5

* «Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный налог с городских недвижимых имуществ на 1912 г.». СПб., Министерство финансов, 1912.

Таблица 21 (окончание)

Район и показатель	Жилые владения				Торгово-промышленные владения	Земельные участки			Итого по всем обложенным владениям
	каменные	деревянные	смешанные	итого		незастроенные	застроенные арендаторами	итого	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
5. Туркестан (3 губ.)									
Число владений. . . .	7 318	7	804	8 129	1 386	2 632	146	2 778	12 293
умма дохода, тыс. руб.	2 376	1,3	375	2 752	1 055	292	19	311	4 118
Доход на одного владельца, руб.	325,0	185,7	266,0	388,0	762,0	110,9	130,2	112,0	335,0
6. Сибирь (7 губ.)									
Число владений	1 079	56 705	2 269	60 053	2 816	2 823	2 053	4 876	67 745
Сумма дохода, тыс. руб.	3 142	7 499	2 724	13 365	2 898	192	454	646	16 909
Цоход на одного владельца, руб.	2912,0	132,2	1200,5	222,6	1029,1	68,0	221,1	132,5	249,6
7. Всего по империи (87 губ.)									
Число владений	270 655	1 058 442	143 982	1 473 079	101 053	96 650	33 307	129 957	1 704 089
Сумма дохода, тыс. руб.	314 470	91 087	63 413	468 970	79 749	10 564	6 872	17 436	566 155
Доход на одного владельца, руб.	1161,9	86,1	440,4	318,4	789,2	109,3	206,3	134,2	332,2
8. Отошло от России (18 губ.)									
Число владений	34 563	198 684	19 859	253 106	12 339	8 120	2 774	10 894	276 339
Сумма дохода, тыс руб.	81 974	19 062	6 805	107 841	12 032	1 796	255	2 051	121 924
Доход на одного владельца, руб	2371,7	95,9	342,7	426,1	975,0	221,2	91,9	188,3	441,2

доход на одну комнату в 144 руб., т. е. на 15% выше исчисленного по данным Департамента окладных сборов. Если исходить из этих данных, общая стоимость городских недвижимостей к 1921 г. определится уже не в 14,5 млрд., а в 16,7 млрд. руб.

Процентное распределение этой суммы по разного рода владениям и по районам можно установить из данных табл. 21, без поправок на пропуски регистрации и недооценку доходности.

Как видим, торгово-промышленные владения, к оценке которых мы должны будем вернуться в другой связи, ибо они располагаются не только в городах, занимают в общем итоге городских недвижимостей всего 14,1% их стоимости. Не подлежащие обложению бездоходные владения государственных и общественных учреждений в количестве 39 302 вовсе не вошли здесь в учет, равно как и наиболее малодоходные частные владения с чистым доходом не свыше 4 р. 17 к. в год (83 049 владений). Однако эти пропуски не могут иметь серьезного значения в общем итоге. Если условно оценить чистую «доходность» учреждений по норме наиболее доходной категории — *каменных* жилых владений (1165 руб. в год), то общая сумма их доходности составит 45,7 млн. руб., или 8% итога табл. 19. Еще меньшее значение имеет пропуск малодоходных владений. Исходя из предельной для них нормы дохода в 4 р. 17 к., общую их доходность придется определить не свыше 346 тыс. руб. в год, или 0,06% итога вышеприведенной таблицы.

К сожалению, и данные этой таблицы не позволяют установить соотношение между стоимостью городских строений и оценкой той земли, на которой они выстроены. Правда, мы узнаем из нее, что средняя чистая доходность незастроенного земельного участка достигала к 1912 г. 109 руб. в год, откуда цену такого участка надо определить в $109{,}1 \times 20 = 2182$ руб. за участок, а с поправкой в 15% на недооценку — 2510 руб. Средняя оценка застроенного жилого владения по той же таблице определяется без поправки в $318{,}3 \times 20 = 6366$ руб., а с поправкой — в 7320 руб. Откуда, если принять среднюю площадь застроенного и незастроенного участка приблизительно равными, можно бы определить, что на землю падает не менее 2510 руб. из 7320, или 34,2%. Однако этот процент надо признать заведомо преуменьшенным, ибо незастроенные участки в городах находятся по общему правилу лишь на окраинах, где земля наиболее дешева, и потому мерой оценки этой земли в застроенных частях города служить не могут. Поэтому для указанной цели мы должны обратиться к другому источнику.

Для определения долей, падающих в общей оценке городского владения на оценку строений и застроенной земли в отдельности, мы можем воспользоваться статистикой задолженности городских недвижимостей в земельных банках. Оценки банков тоже преуменьшены по сравнению с продажными ценами. И для 1914 г., на основании данных пятилетия 1902—1906 гг. по 46 губерниям Европейской России, их нужно увеличить на 42%. Но тогда, сопоставляя эти оценки со страховой оценкой строений заложенных имуществ, мы и определим искомое соотношение, ибо при страховых оценках строений в городах не наблюдается какой-либо заметной тенденции к их преуменьшению, и, стало быть, мы получим достаточно сравнимые между собою данные (табл. 22).

Как видим, взятая без поправки оценка земельных банков так низка, что иной раз, как это, например, получалось по Прибалтике, все имущество вместе с землей расценивается ими ниже страховой оценки одних строений. Если же взять исчисленное нами соотношение с поправкой, то полная оценка недвижимостей в городах превысила в 1904 г. стоимость строений на 57%, а в 1914 г.— на 75%. Средняя оценка заложенного владения при этом возросла за 10 лет с 38,9 тыс. до 52,1 тыс. руб., т. е. на 34%.

Таблица 22

Городские недвижимости, заложенные в банках * по 13 банкам

Район	Число заложенных владений		Страховая оценка строений, млн. руб.		Банковская оценка заложенных имуществ, млн. руб.			
					без поправки		с поправкой	
	1904 г.	1914 г.	1904 г.	1914 г.	1904 г.	1914 г.	1904 г.	1914 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
47 губерний Европейской России	60 330	57 838	1 657,7	1 986,1	1 753,3	2 290,5	2 488	3 340
Прибалтийский край .	7 370	9 295	118,9	252,1	113,4	232,2	161	339
Царство Польское	6 934	11 514	222,8	379,3	339,9	588,7	482	860
Кавказ и Закавказье . .	9 819	13 405	119,7	176,8	145,4	233,8	207	341
Сибирь и Туркестан . .	2 488	3 390	25,0	39,3	28,2	58,8	40	86
Итого . .	86 941	95 392	2 144,1	2 833,6	2 380,2	3 404,0	3 378	4 966
В % страховой оценки	—	—	100	100	111	120	157	175
В отошедших губерниях	21 389	34 425	420,8	1 004,4	570,2	1 303,4	810	1 902
В % страховой оценки	—	—	100	100	136	130	193	189
В границах СССР . . .	65 552	60 967	1 723,3	1 829,2	1 810,0	2 100,6	2 568	3 064
В % страховой оценки	—	—	100	100	105	115	149	167

* «Статистика долгосрочного кредита в России», изд. Комитета съездов представит. учреждений земского кредита за 1904 и 1914 гг. Поправка на недооценку для 1904 г. принята в 42% и для 1914 г.— в 46%.

Из этих цифр можно сделать два вывода. Во-первых, оценка заложенных владений в 40—50 тыс. при средней стоимости их по России не свыше 7 тыс. (в 1904 г.) показывает, что закладу подвергались главным образом наиболее дорогие по интенсивности их застройки владения. Но в менее застроенных или вовсе не застроенных владениях процент, падающий на стоимость земли, вероятно, был бы еще выше, чем в более застроенных. Таким образом, распространяя соотношения, исчисленные в табл. 22, на все городские владения, мы, во всяком случае, не преувеличим доли земли в общей их стоимости. Во-вторых, тот факт, что с ростом общей оценки заложенного владения повышается процент, падающий на землю по отношению к стоимости строений, показывает, что стоимость городских недвижимостей растет прежде всего за счет быстрого вздорожания земли в возрастающих городских поселениях.

Пользуясь вышеприведенными данными, мы можем представить исчисление, приведенное в табл. 23.

Стоимость городских строений для 1914 г. в пределах СССР у нас получается равной 10 357 млн. руб., что дает около 5200 руб. на одно владение или до 4000 руб. по расчету на одно жилое строение, включая сюда, разумеется, и стоимость всех нежилых построек и служб — сараев, гаражей, конюшен и т. п., приходящихся на одно жилое строение.

Стоимость таких служб, каждой в отдельности, конечно, гораздо ниже средней стоимости жилого строения, но взятые все вместе они все же составляют, несомненно, заметную величину в общей сумме городских ценностей. О. А. Квиткин определил эту величину для 1923 г. в 731 млн. руб., или 10,9% стоимости жилых строений («Баланс народного хозяйства СССР 1923/24 г.», стр. 103—104).

Конечно, кроме надворных построек следовало бы еще из общего итога выделить стоимость учреждений, церквей, театральных зданий, элеваторов, торговых помещений и т. п. городских строений. Не учтена здесь и значительная часть городских земель, не распределенных по владениям.

Таблица 23

Стоимость городских недвижимостей в России к 1904 и 1914 гг. *
(исчисление)

Район	Число владений, тыс.	Общая стоимость, млн. руб.			Стоимость на одно владение, руб.		
		строения	земля	итого	строения	земля	итого
1	2	3	4	5	6	7	8
А. К 1904 г.							
Европейская Россия (50 губ)	1 091,0	5 760	2 840	8 600	5 280	2 610	7 890
Привислинский край (10 губ.)	65,4	506	585	1 091	7 740	8 950	16 690
Кавказ	204,0	553	403	956	2 710	1 976	4 686
Сибирь и Средняя Азия	179,2	520	312	832	2 900	1 740	4 640
Итого по бывшей империи	1 539,6	7 339	4 140	11 479	4 770	2 690	7 460
То же, %	—	64	36	100	64	36	100
В том числе							
в отошедших губерниях	173,0	983	913	1 896	5 680	5 280	10 960
в границах СССР	1 366,6	6 356	3 227	9 583	4 660	2 364	7 024
Б. К 1914 г.							
Вся бывшая империя (89 губ.)	2 260,0	12 240	9 175	21 415	5 420	4 060	9 480
То же, %	—	57	43	100	57	43	100
В том числе							
в отошедших губерниях	265,0	1 883	1 677	3 560	7 105	6 326	13 431
в границах СССР	1 995,0	10 357	7 498	17 855	5 190	3 760	8 950

* Число владений для 1914 г. исчислено, исходя из данных 1910 г. и прироста населения с 1910 по 1914 г. Прирост средней оценки строений с 1904 по 1914 г. взят по данным акционерного страхования. Стоимость земли получена по соотношению со стоимостью строений (см. табл. 22). Стоимость владений за 1904 г. по гр. 8-й исчислена путем капитализации из 7% данных о их доходности (табл. 18, гр. 11) с поправкой на недооценку в 68%.

По обследованию 1910 г., улицы, площади, общественные сады и бульвары занимают в городах по разным губерниям от 5 до 30% заселенной их площади. В среднем этот процент можно считать не ниже 15, а стало быть, общую площадь этого рода по всей России можно грубо определить для 1904 г. в 95 тыс. га, для 1910 г.— 111 тыс. га и для 1914 г.— по тому же темпу роста — 118 тыс. га. Стоимость земли (без строений) в застроенных городских владениях определяется из вышеприведенных данных для 1914 г. суммой около 7450 руб. за 1 га, или 75 коп. за 1 м^2. И, стало быть, общая площадь городских улиц, площадей, садов и бульваров по этой оценке даст не менее 876 млн. руб. Но и за этой поправкой останется еще к 1914 г. не менее 2524 тыс. га незастроенной пригородной земли (пустырей, выгонов и т. п.), которая до сих пор вовсе не вошла в нашу оценку. Если эту площадь расценить на круг хотя бы только по удвоенной рыночной цене сельскохозяйственных земель в районах наибольшей плотности сельского населения (три малороссийские губернии), т. е. примерно по 393 руб. за 1 га, то получим еще до 1 млрд. руб. В общей сумме городские

Таблица 24

Изменение стоимости городских недвижимостей по 89 губерниям России за 1904— 1914 гг. *

Род недвижимости	На одно владение			На одного жителя		
	1904 г.	1914 г.	прирост, %	1904 г.	1914 г.	прирост, %
	руб.			руб.		
1	2	3	4	5	6	7
А. По всей России						
Строения	4 770	5 420	13,6	334	380	13,8
Земля	2 690	4 060	51,0	188	285	51,7
Итого по 89 губерниям	7 460	9 480	27,1	522	665	27,4
Б. В границах СССР						
Строения	4 660	5 190	11,4	366	394	7,7
Земля	2 364	3 760	59,0	186	285	53,2
Итого по 71 губернии	7 024	8 950	27,4	552	679	23,0

* Население городов и поселков для настоящей таблицы исчислено исходя из итогов его в 1910 г. по табл. 17 с увеличением на фактический прирост за 1910—1914 гг. по данным для одни лишь городов (без поселков). Общий итог по России, включая поселки, принят в 32,2 млн., по отошедшим губерниям — 5,93 млн. чел.

земли всех видов дадут, стало быть, к 1914 г. около 11051 млн. руб. по всей России при средней цене 2700 руб. за 1 га, или 343 руб. на одного жителя.

Однако, отвлекаясь от этих поправок и обращаясь только к стоимости недвижимостей, получивших оценку в табл. 23, получаем темп приращения городских ценностей за десятилетие, показанный в табл. 24.

Средний прирост ценности одного городского владения на 27,4% за 10 лет на первый взгляд может показаться довольно значительным. Но на самом деле это чисто номинальный прирост, выражающий собой лишь результат обесценения золотого рубля за указанное десятилетие. В самом деле, по сводкам товарных цен среднее вздорожание 79 товаров достигает за время с 1904 по 1914 г. 31%. Если же обратиться к ценам земли и строений в отдельности, то придется заключить, что прирост в цене строений значительно отставал от среднего темпа вздорожания всех товаров, но зато цены на землю заметно его обгоняли. Тем не менее преувеличенным этот темп вздорожания городских земель мы признать никак не можем.

Этот усиленный рост на городскую землю лишь отражал собой соответствующий рост земельной ренты в городах за те же годы. Если за меру последнего принять возрастание квартирной платы, то, по произведенным нами подсчетам на основании обследования городов ЦСК, получается картина, показанная в табл. 25.

По отдельным городам квартирная плата в анкете ЦСК показывалась в большинстве случаев лишь своими крайними пределами: от — до, без взвешенных средних по всему городу. Поэтому исчисленные нами коэффициенты не могут претендовать на особую точность. Кроме того, в некоторых случаях показания анкеты заведомо преуменьшены [1].

[1] Так, по Петрограду дается цифра 215 руб. для 1900 г., тогда как там уже в 1890 г. квартира в две комнаты стоила 233 руб. в год. («С.-Петербург по переписи 15 де-

Таблица 25

Годовая квартирная плата в городах России за квартиру в 1—3 комнаты *

Группа городов и район	Число городов		Население, тыс. чел.		Квартирная плата за год		
					руб.		прирост, %
	1904 г.	1910 г.	1904 г.	1910 г.	1904 г.	1910 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8
Поселки	175	278	2 803	4 497	71	109	53,5
Города до 10 тыс. жителей	552	512	2 731	2 500	79	116	46,8
Города 10—50 тыс. жителей	318	355	6 666	7 494	118	172	45,9
» 50—100 » »	45	57	3 070	4 107	186	277	48,9
» 100—200 » »	14	17	2 563	2 667	220	286	30,0
» 200—1000 » »	4	7	1 627.	2 897	241	361	49,6
» свыше 1000 » »	2	2	2 532	3 038			
Итого по России (89 губ.)	1110	1228	21 992	27 200	152	224	47,5
По СССР (71 губ.)	875	678	17 375	21 782	150	208	38,7
В том числе по районам							
Европейская Россия	786	861	15 696	19 253	141	201	42,5
Царство Польское	121	128	2 568	3 070	173	328	88,9
Кавказ	104	135	1 997	2 563	181	211	16,6
Средняя Азия	49	52	1 090	1 355	197	306	54,8
Сибирь	50	52	641	959	174	282	62,6

* Подсчитано по изданию ЦСК «Города России в 1904 и 1910 гг.». Цифра по Петрограду — 215 руб. для 1900 г.— повышена для 1904 и 1910 гг. на средний процент вздорожания квартир по всем другим городам. Средние квартирные платы по всем группам и районам взвешены по их населению.

Тем не менее, охватывая свыше 1000 городов, эта анкета все же дает достаточно надежный материал для сопоставлений в целом по всей России.

Табл. 25 показывает прежде всего, в какой тесной зависимости находится квартирная плата от размеров города. Чем больше города, тем дороже квартиры. Это не может зависеть от различной стоимости строений в городах разного размера. Правда, в больших городах преобладают более дорогие каменные дома, а в малых — дешевые деревянные. Но не надо забывать, что если 1 м^3 каменной стройки обходится, скажем, в 120 руб., а деревянной — в 40 руб., т. е. втрое дешевле, то зато каменные дома служат до 300 лет, а деревянные — только до 75, т. е. в 4 раза меньше. И стало быть, амортизация стоимости строений в каменных домах входит в квартирную плату значительно меньшей величиной, чем в деревянных. Таким образом, по-видимому, вздорожание квартир с ростом городов происходит исключительно за счет вздорожания городских земель. Очевидно, и здесь действует тот же закон, что и на землях сельскохозяйственного использования. Чем гуще население и чем больше человеческого труда производительно затрачивается на единице площади, тем шире возможности юридических собственников этой земли взыскать за пользование ею большую мзду из плодов этого овеществленного на данной площа-

кабря 1890 г.». СПб., 1893). В среднем по квартирам всех размеров одна комната расценивалась в Петрограде за 1890 г. в 128 руб., причем в квартирах только для жилья эта норма составляла 115 руб., а в квартирах для жилья и ремесла или торговли — 196 руб.

ди человеческого труда. А капитализация этой возрастающей мзды отражается и в ценах на землю. Вот почему цены на земли и в городах, так же как и в деревне, являются прямой функцией их населенности.

Среднее вздорожание квартир за 6 лет наши данные оценивают в 47%. За 10 лет, к 1914 г., его можно, стало быть, исчислить из расчета по сложным процентам в 90. Как видим, этот процент значительно превосходит исчисленный нами в табл. 24 прирост в ценах городской земли на одно владение. Из этого заключаем, что нормы табл. 24 едва ли преувеличены.

Представлял бы большой интерес прямой подсчет стоимости городских строений по их кубатуре и нормам Урочного положения или другим оценочным нормам строительной стоимости 1 м³. К сожалению, по состоянию отчетных материалов это сделать довольно трудно. Даже новейшая перепись 1923 г. не дает кубатуры жилищного фонда. Имеются лишь весьма примерные исчисления этой кубатуры на основании учтенной полезной жилой площади жилищного фонда. По расчету О. А. Квиткина, сделанному для баланса народного хозяйства средняя кубатура одного городского дома достигала в 1923 г. 407 м³, а средняя строительная стоимость 1 м³ по земским оценкам принята им в 6 р. 42 к. Скидку на износ для 1914 г. он склонен оценивать довольно низко, примыкая к нашим минимальным прикидкам, определяющим его не ниже 11% [1]. Для 1923 г. Квиткин повышает средний износ из-за отсутствия ремонта в довоенные годы до 25% для каменных и до 30% для деревянных домов.

Перепись 1923 г. охватила, как известно, не только города, но и поселки городского типа, с населением от 500 чел. и выше. А в учетах 1904 и 1910 гг. из поселков включались только те, население которых достигало 10 тыс. чел. и выше. Уже из этого ясно, что средняя кубатура домов довоенного города должна превышать современную. Это подтверждается и тем, что процент каменных жилых строений в 1923 г. достигал едва 14,8, а в 1910 г. он составлял 22, что почти в 1,5 раза выше. Но допуская, что кубатура домов в каменных, смешанных и деревянных, взятых в отдельности, мало изменилась, можно определить и среднюю кубатуру домов довоенного периода. Что же касается земских оценок на 1 м³, принятых Квиткиным, то они мне представляются сильно преуменьшенными. Не надо забывать, что они производились в целях обложения и при классовом составе наших городских и земских управ едва ли могли с полной точностью отражать действительность. Кроме того, надо думать, что в этих оценках гораздо чаще давалась действительная стоимость строений, т. е. уже с учетом износа, чем начальная строительная стоимость.

Гораздо более пригодными для наших целей мы считали бы оценки страховых агентов — по действительной стоимости строений. И у нас имеется огромный в этом отношении материал. За 1914 г., например, по сводным данным акционерного страхования было застраховано по всей империи 1280 тыс. городских строений, не включая сюда фабричных и прифабричных, пристанских, театральных и элеваторных страхований. Общая оценка этих строений достигала 4557 млн. руб., причем имеются довольно дробные разделения по материалу стен и крыш. Одно затруднение заключается в том, что в числе застрахованных в указанной сумме строений имеются не только жилые дома, но и нежилые постройки. Однако если допустить, что соотношения тех и других в 1914 г. были примерно те же, какие даны переписью 1923 г., то и это затруднение может быть до известной степени преодолено.

---

[1] Исходя из весьма быстрого темпа роста наших городов, мы определили средний возраст городских строений к 1914 г. в 25 лет. При этом условии, исходя из сроков службы каменных домов в 300 лет и деревянных в 75 лет («Справочная книжка русского агронома». Пб., 1920, стр. 16), износ городских строений к 1914 г. составит около 11%. При более низких сроках службы, 100—200 лет для каменных и 30—60 лет для деревянных строений, он составил бы до 30%.

В современной отчетности Госстраха оценка жилых строений и прочих служб дается по окладному страхованию раздельно. Но в окладное страхование попадают только частные владения, т. е. самые мелкие и потому совсем не типичные для всей массы городских строений. Кроме того, эти оценки несравнимы с довоенными и в другом отношении. Выраженные в червонной валюте, они дают, например, среднюю расценку частного жилого строения для 1924/25 г. по всей РСФСР в 806 руб. По данным ЦСУ, средняя кубатура такого строения 243 м^3, а индекс для перевода в довоенные цены к 1 октября 1924 г.— 1604. Откуда довоенная оценка этих строений едва достигала бы 2,1 руб. за 1 м^3, в то время, как по оценке ЦСУ с учетом износа она должна быть не ниже 4 руб. за 1 м^3, т. е. почти в 2 раза выше. По-видимому, нынешние оценки Госстраха сильно преуменьшены [1]. Но если пользоваться ими лишь для установки *соотношений* между расценкой жилого и нежилого строения, а также для дифференциальной расценки нежилой постройки из камня, дерева и смешанного материала, то можно получить достаточно надежные коэффициенты.

Пользуясь ими, можно установить, что надворные постройки, крытые прочно, следует расценивать при каменном материале раз в 11 дешевле жилых домов; при деревянном с железной крышей — раза в 8,5 дешевле; в деревянных строениях, крытых непрочно,— раза в 5,7 дешевле и т. д. [2] В отношении учреждений и торговых помещений можно условно принять, что страховая расценка их при одном и том же размере здания не отличается от оценки жилых помещений. Из переписи 1923 г. нам известно, что общее число таких строений составляет около 37,5% всех нежилых построек. Среди каменных и смешанных этот процент, конечно, несколько больше [3], среди деревянных — меньше (около 36%). При этих допущениях, пользуясь данными переписи 1923 г. и оценками акционерного страхования за 1914 г. по Российской империи без Царства Польского, Прибалтики и Финляндии, получим нижеследующий результат (табл. 26).

Как видим, надворные строения представляют собой по этому расчету еще менее значительную стоимость, чем по прикидке Квиткина (730,6 млн. руб.). Но зато вовсе не учтенная им категория учрежденских, торговых, складских и т. п. помещений дает весьма значительную величину, около 2 млрд. руб. Одни учреждения, которых учтено переписью 1923 г. свыше 100 тыс. и площадь под которыми занимает около 26% всей застроенной в городах площади, должны поглощать собою огромную долю в этой цифре. Что же касается собственно жилых строений, то они по приведенной оценке дают тоже значительно большую сумму, чем по расчету Квиткина в «Балансе» ЦСУ.

Пользуясь данными ЦСУ о кубатуре и строительной стоимости жилых строений в 1923 г. и распространяя эти нормы на довоенные годы, можно получить следующее весьма интересное сопоставление, данное в табл. 27.

В табл. 27 обращает на себя внимание прежде всего следующий факт. По числу наличных строений жилищный фонд в 1923 г. не меньше довоенного, а по кубатуре и стоимости значительно меньше. Здесь нужно, однако, учесть, что число каменных и смешанных домов сократилось по табл. 27 на весьма крупную величину — 262 тыс. Если это сопоставить с данными переписи 1923 г., по которой разрушенных за время революции домов учтено 316 тыс., то найдем и вполне достаточное объяснение сказанному. Конечно, разрушались и деревянные дома, но, во-первых, мелкие деревянные дома реже оставались без всякого призора и ремонта, чем крупные каменные, а потому реже и разрушались, а во-вторых, убыль

[1] Начиная с 1924/25 г., Госстрахом предпринята огульная переоценка строений, но эта работа рассчитана на целое пятилетие.

[2] Ср. также: И. К. Воронов. Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. «Материалы для оценки городских недвижимых имуществ». Воронеж, 1903.

[3] Мы приняли 50%.

Жилищный фонд городов СССР в 1923 г. по страховой довоенной оценке (без Армении и Грузии)

Постройки	Число построек, тыс.				Оценка в довоенной валюте							
		в том числе			средняя за одно строение, руб.				общая, млн. руб.			
										в том числе		
	всего	жилых	учреждений и торговых помещений	надворных построек	всех	жилых	учреждений и торговых помещений	надворных построек	всех	жилых	учреждений и торговых помещений	надворных построек
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Каменные												
Крытые прочно . .	550	344	103	103	11 610	13 995	13 995	1 265	6 388	4 815	1 443	130
» непрочно .	74	35	19	20	993	1 290	1 290	241	74	45	24	5
Итого .	624	379	122	123	10 351	12 830	12 830	1 098	6 462	4 860	1 467	135
Смешанные												
Крытые прочно . .	94	80	7	7	3 628	3 881	3 881	488	341	311	27	3
» непрочно .	24	13	5	6	(663)	836	836	142	16	11	4	1
Итого .	118	93	12	13	3 023	3 451	2 615	330	357	322	31	4
Деревянные												
Крытые прочно .	1 616	996	223	397	1 186	1 514	1 514	179	1 917	1 509	337	71
» непрочно .	2 562	1 099	527	936	333	477	477	84	854	524	252	78
Итого .	4 178	2 095	750	1 333	668	971	786	112	2 771	2 033	589	149
Всего .	4 920	2 567	884	1 469	1 948	2 772	2 348	197	9 590	7 215	2 087	288
То же, % .	—	100	34,5	57,1	—	100	84,7	7,1	—	100	28,8	4,0

деревянных домов с избытком покрывалась расширением самого понятия «городское поселение» в новейших переписях за счет включенных мелких поселков от 500 чел. населения [1].

Обращает на себя внимание также факт резкого расхождения оценочных норм ЦСУ и исчисленных нами по данным акционерного страхования. Характерно при этом, что для наиболее мелких деревянных строений земские нормы оценок, принятые ЦСУ, значительно выше страховых, а для наиболее крупных — каменных — много ниже. Это довольно хорошо гармонирует с другим фактом, известным из истории нашего земского обложения недвижимых имуществ. В связи с классовым составом наших земских управ крупные помещичьи имения тоже обычно недооценивались и недооблагались, в то время как мелкие крестьянские владения переоценивались и переоблагались. Возможно, что та же политика нашла свое отражение и в вышеуказанных расценках городских строений. Во всяком случае страховые оценки, на наш взгляд, гораздо объективнее отражают собою и строительные нормы Урочного положения, и рыночные расценки разных строений в зависимости от разного строительного материала. Каменные дома и по сроку службы, и по строительной стоимости должны расцениваться, по меньшей мере, раза в 3 дороже деревянных, а не в 1,5

[1] В 1911 г. по 87 губерниям было учтено 1869 городских поселений, а в 1923 г. по всему СССР без Армении и Грузии — 2157.

раза, как это выходит по нормам ЦСУ. Вот почему мы не можем принять их для своих расчетов.

Если же остановиться на страховой оценке жилых строений, приведенной в табл. 27, и увеличить ее на 4% по нормам табл. 26 за счет нежилых надворных строений, то получим общую стоимость городских жилых

Таблица 27

Жилые строения городских поселений России в границах СССР по довоенной оценке (исчисление) *

Постройки	Число жилых строений, тыс.	Кубатура		Оценка за 1 м³, руб.		Общая их стоимость, млн. руб.	
		на одно строение, м³	общая млн. м³	строительная, по нормам ЦСУ	страховая, по нормам 1914 г.	строительная	страховая
1	2	3	4	5	6	7	8
1923 г.							
Каменные	379	1 137	431	7,94	11,27	3 421	4 860
Смешанные	93	565	52	6,51	6,18	340	322
Деревянные	1 639 }	268	562	5,20	3,62	2 922	3 033
Прочие	456 }						
Итого (без Армении и Грузии)	2 567	407	1 045	6,41	6,89	6 683	7 215
По всему СССР (+3%)	2 644	—	—	—	—	6 884	7 431
1913 г.							
Каменные	565	1 137	643	7,94	11,27	5 103	7 240
Смешанные	170	565	95	6,51	6,18	621	589
Деревянные	1 471 }	268	500	5,20	3,62	2 603	1 812
Прочие	396 }						
Итого по СССР	2 602	476	1 238	6,73	7,34	8 327	9 641
То же, по всей бывшей империи	2 938	486	1 423	6,78	7,44	9 624	11 236

* Для 1923 г. см. «Баланс народного хозяйства СССР» 1923/24 г. М., Изд. ЦСУ, 1926, табличные приложения, стр. 37.

владений к 1914 г. в сумме 10 млрд. руб. Конечно, это чрезвычайно грубый подсчет. Но поскольку он в достаточной степени согласуется с другим подсчетом, произведенным совершенно иным методом (см. табл. 23, где у нас получилось 10,3 млрд.), то мы считаем возможным признать его вполне пригодным для нашей цели, т. е. в качестве одного из элементов в весьма ориентировочном исчислении народного богатства СССР до и после революции.

Для 1923 г. стоимость жилых владений в городах мы принимаем по страховой оценке, включая службы, в 7431 + 297 = 7728 млн. довоенных руб. Это почти в 1,4 раза выше оценки ЦСУ. К 1 октября 1923 г. без Армении и Грузии эта последняя достигала без учета износа 7414, за вычетом износа в 27,6% — 5360 млн. руб., а с поправкой в 3% на Армению и Грузию (160 млн. руб.) — 5520 млн. руб. Мы принимаем, что в страховой оценке уже учтен износ. Правда, износ в 1923 г. должен превышать довоенный. Но если учесть, что наиболее старые и неисправные здания,

в числе свыше 316 тыс., вовсе выброшены нами из учета как разрушенные за время революции, то это уже само по себе представляет собою изрядную поправку на разницу в износе. Именно в результате этой поправки жилищный фонд 1923 г. по сравнению с 1913 г. понизился, по нашему расчету, с 10 008 млн. до 7728 млн. руб., т. е. на 2280 млн. руб., или на 22,3%. Такая поправка представляется нам вполне достаточной.

За время с 1923 г., учитывая ежегодный износ (2,35%) и вложения по подсчетам Стройсекции Госплана СССР, обесценение нашего жилищного фонда продолжалось, хотя и замедленным темпом.

Если к началу 1923/24 г. наш жилищный фонд оценить в 7728 млн. руб., то за следующие годы мы имеем следующую динамику (в млн. руб.):

Год	В довоенной оценке	В червонной оценке по индексу	
		ЦСУ	Госплана
1923/24	7 728	14 220	—
1924/25	7 631	13 886	17 700
1925/26	7 593	13 820	19 900
1926/27	7 643	13 917	20 200

Это тоже весьма приблизительный расчет, но он все же, на наш взгляд, значительно ближе к действительности, чем другие расчеты, базирующиеся на преуменьшенной начальной оценке ЦСУ и слишком низком индексе.

Расчеты ЦСУ в «Балансе народного хозяйства 1923/24 г.» страдают еще одним недостатком. Почти все преуменьшение в оценке жилищного фонда, благодаря пониженной оценке наиболее крупных *каменных* зданий, падает в расчете О. А. Квиткина на государственный сектор жилищного фонда. При принятых нами страховых нормах довоенной оценки получается гораздо более благоприятное соотношение для обобществленной части жилищного фонда (табл. 28).

По подсчетам О. А. Квиткина, государственный жилищный фонд в городах и поселках достигает примерно лишь 57% общего итога оценки в довоенных ценах, а по принятым нами страховым нормам эта доля возрастает до 65%. В червонной оценке получается несколько иная картина. Индексы для перевода в современную оценку довоенных сумм по расчету ЦСУ достигали в 1923/24 г. для каменных зданий 2, для смешанных — 1,8 и для деревянных — 1,5. Откуда средний взвешенный индекс для частных владений получился у О. А. Квиткина 1,61, для государственных — 1,89 и в среднем — 1,75. По нашей оценке, дающей иные веса отдельным слагаемым, взвешенный индекс для частных владений достигает 1,64, для государственных — 1,94 и в среднем — 1,84. В связи с этим доля государственного фонда в общей его оценке повышается в червонной валюте, по подсчету О. А. Квиткина, до 60,5%, по нашему — до 68,1%.

Источники, которыми мы вынуждены были, за отсутствием лучших, воспользоваться в своих расчетах, не обеспечивают большой их точности. Но во всяком случае они обнаруживают заметное снижение городского жилищного фонда с 1913 к 1923 г. в границах СССР и по кубатуре — на 13%, и в денежной оценке, которая к 1926 г. не превышала итогов 1923 г. По позднейшим расчетам ЦСУ, динамика всего городского жилищного фонда рисуется в следующих цифрах (в млн. квадратных метров на конец года)[1]:

Отчетный год	Жилищная площадь	
	абс.	%
1913	180	100
1926	216	120
1940	421	234
1950	513	285
1955	640	355
1960	958	532

[1] «Народное хозяйство СССР». М., Госстатиздат, 1956, стр. 163.

Жилищный фонд городов СССР в 1923 г.

Строения	Число строений, тыс.	Общая кубатура, тыс. куб. м	Оценка за кубометр, руб.: строительная по ЦСУ	Оценка за кубометр, руб.: страховая	Стоимость, млн. руб.: по нормам ЦСУ: строительная	Стоимость, млн. руб.: по нормам ЦСУ: с учетом износа	Стоимость, млн. руб.: по страховой оценке
1	2	3	4	5	6	7	8
I. Государственный сектор							
Каменные дома	167,5	359 200	7,52	11,27	2 863	2 147	4 047
Смешанные	30,6	29 280	6,22	6,18	193	135	181
Деревянные и прочие	240,9	140 600	4,99	3,62	743	520	509
Итого жилищных строений	439,0	529 080	6,77	8,44	3 799	2 802	4 737
Надворные строения	—	—	—	—	350	245	(138)
Итого в довоенной валюте	—	—	—	—	4 149	3 047	4 875
То же, в червонной валюте	—	—	—	—	7 713	5 684	9 393
Каменные дома	211,6	72 180	7,29	11,27	558	418	812
Смешанные	62,3	22 880	6,10	6,18	148	103	141
Деревянные и прочие	1 854,2	422 000	4,88	3,62	2 179	1 525	1 525
Итого жилищных строений	2 128,1	517 060	52,8	45,4	2 885	2 046	2 478
Надворные строения	—	—	—	—	381	267	(150)
Итого в довоенной валюте	—	—	—	—	3 266	2 313	2 628
То же, в червонной валюте					5 223	3 708	4 389
Итого без Армении и Грузии	4 036	—	—	—	7 415	5 360	7 503
В том числе							
жилые дома	2 567	1 046 140	6,41	6,89	6 684	4 848	7 215
надворные строения	1 469	—	—	—	731	512	288
Поправка в 3%	121	—	—	—	222	161	225
Всего по СССР в довоенной валюте	4 157	—	—	—	7 637	5 521	7 728
То же, в червонной оценке	—	—	—	—	13 324	9 674	14 194

Городское население за этот период возросло с 24,7 до 108,3 млн. чел., или на 338%. Таким образом, несмотря на громадные темпы роста городского строительства, жилищная площадь из расчета на одного жителя пока дает очень скромный прирост.

б) Сельские строения

В отношении сельского жилищного фонда мы можем воспользоваться исследованием Е. М. Тарасова[1]. По его расчету, средний крестьянский двор в 6 чел. имел построек к 1913 г. на 350 руб. с учетом износа в ценах

[1] «Плановое хозяйство», 1927, № 10.

Таблица 29

Оценка построек (с учетом износа) (в млн. руб.)

Год	Число дворов, млн.	В довоенной валюте: жилых	прочих	итого	В червонной валюте: жилых	прочих	итого	Индекс
1913/14	18,8	4 350	2 250	6 600	—	—	—	—
1924/25	23,6	5 380	2 760	8 140	7 750	3 980	11 730	1,44
1925/26	24,2	5 520	2 830	8 350	9 420	4 840	14 260	1,71
1926/27	24,6	5 610	2 880	8 490	9 700	4 980	14 680	1,73

того же 1913 г. На все 113,1 млн. сельского населения в границах СССР к концу 1913 г. это даст около 6,6 млрд. руб., а по всей бывшей империи (без Финляндии) — на 20% больше, т. е. 7,9 млрд. руб. Из них на долю

Приложение I

Окладное страхование в РСФСР в 1924/25 г. Городские строения частных лиц

Строения	Жилые строения: число строений, тыс.	оценка: общая, млн. руб.	оценка: на одно строение, руб.	Нежилые строения: число строений, тыс.	оценка: общая, млн. руб.	оценка: на одно строение, руб.	Отношение оценки жилого к оценке нежилого строения (гр. 4 : гр. 7)
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Каменные, крытые прочно	72,88	171,40	2350	50,07	25,22	504	4,7
2. Каменные, крытые непрочно	6,24	3,87	619	9,52	1,69	177	3,5
3. Каменные, крытые соломой	4,52	2,11	467	8,58	0,89	104	4,5
Итого по 1—3	83,64	177,38	2140	68,17	27,80	408	5,2
В том числе по 2 и 3	10,76	5,98	556	18,10	2,58	143	3,9
4. Смешанные, крытые прочно	67,04	106,29	1587	32,50	6,52	201	7,9
5. Смешанные, крытые непрочно	14,29	7,90	553	14,05	1,17	83	6,7
6. Смешанные, крытые соломой	6,42	2,19	341	9,78	0,84	86	4,0
Итого по 4—6	87,75	116,38	1327	56,33	8,53	152	8,7
В том числе по 5—6	20,71	10,09	487	23,83	2,01	84	5,8
7. Деревянные, крытые прочно	426,86	382,41	896	659,58	69,85	106	8,5
8. Деревянные, крытые непрочно	420,87	159,50	379	863,99	53,76	62	6,1
9. Деревянные, крытые соломой	30,00	9,63	321	73,43	4,73	64	5,0
Итого по 7—9	877,73	551,54	629	1597,00	128,34	80	7,9
В том числе по 8—9	450,77	169,13	353	937,42	58,49	62	5,7
Всего	1049,12	845,3	806	1721,5	164,67	96	8,4

Стоимость и доходность городских недвижимостей по 87 губерниям Российской империи в 1912 г.

№ п/п	Группы владений с чистым доходом, руб.			Число владений	Сумма дохода к обложению, тыс. руб.	Сумма налога, тыс. руб.	Стоимость	
	от	до	в среднем				всего, млн. руб.	на одно владение, руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	—	4,18	до 4	83 049	(348)	—	7	84
2	4,18	10	7	270 790	1 906	115,6	38	141
3	10	20	14	344 639	4 980	303,9	100	289
4	20	30	25	198 993	4 880	300,7	98	491
5	30	40	35	120 987	4 180	257,8	84	692
6	40	50	45	82 700	3 700	230,5	74	895
7	50	75	61	133 187	8 174	510,7	163	1 227
8	75	100	87	82 495	7 170	450,0	143	1 740
9	100	200	143	164 430	23 400	1 473,6	468	2 850
10	200	300	245	76 398	18 730	1 185,8	375	8 900
11	300	400	346	45 080	15 600	993,0	312	6 920
12	400	500	446	30 281	13 500	855,8	270	8 920
13	500	700	587	36 552	21 440	1 375,0	429	11 740
14	700	1 000	832	31 474	26 230	1 679,5	525	16 650
15	1 000	2 000	1 400	39 550	55 300	3 569,2	1 106	28 000
16	2 000	3 000	2 435	14 380	35 000	2 287,6	700	48 700
17	3 000	4 000	3 460	7 750	26 800	1 762,4	536	69 200
18	4 000	5 000	4 960	4 838	23 960	1 435,7	479	99 200
19	5 000	6 000	5 480	3 603	19 720	1 328,4	394	109 600
20	6 000	7 000	6 460	2 511	16 210	1 109,7	324	129 000
21	7 000	8 000	7 330	2 129	15 600	1 086,9	312	146 500
22	8 000	9 000	8 479	1 645	13 940	978,1	279	169 500
23	9 000	10 000	9 478	1 346	12 760	868,6	255	189 500
24	10 000	15 000	12 090	3 876	46 850	3 219,5	937	242 000
25	15 000	20 000	17 200	1 863	32 080	2 121,2	642	344 000
26	20 000	25 000	22 370	884	19 770	1 280,8	391	442 000
27	25 000	30 000	27 310	593	16 190	1 059,5	324	546 000
28	30 000	40 000	34 160	549	18 750	1 195,1	375	684 000
29	40 000	50 000	44 540	297	13 210	836,3	264	890 000
30	50 000	75 000	59 535	309	18 400	1 151,0	368	1 190 000
31	75 000	100 000	85 700	109	9 340	576,5	187	1 704 000
32	Свыше	100 000	155 000	131	20 300	1 240,3	406	3 100 000
	—	—	—	1 787 418	568 418	36 839,0	11 365	6 350

жилых построек следует отнести примерно 66% и на долю хозяйственных — остальные 34% оценки.

После революции, в связи с дроблением двора и большей доступностью леса для населения, жилищный фонд деревни возрос в очень значительном проценте. Число дворов 1913 г. мы определяем в 18,8 млн. к 1924/25 г. их числилось у нас уже 23,6, в 1925/26 — 24,2 и в 1926/27 — 24,6 млн., с населением около 5 чел. на двор. Е. М. Тарасов, пользуясь бюджетными данными и страховыми оценками, оценивает постройки современного

крестьянского хозяйства в 354 довоенных руб., из которых 228 падает на жилые и 117 — на хозяйственные постройки. Если исходить из этой оценки и исчисленных им индексов для сельского строительства, то получим итоги, приведенные в табл. 29.

Конечно, все эти итоги чрезвычайно далеки от точности. В особенности сомнительна достоверность принятых здесь индексов дороговизны сельского строительства. Мы лично думаем, что для 1926/27 г. даже в селах индекс был не ниже 2. Но порядок величин, принятых в этом расчете, не вызывает у нас особых сомнений.

Износ наличного у нас ныне сельского фонда строений Е. М. Тарасов оценивает в 30% его полной стоимости, что для 1926/27 г. дает первоначальную оценку построек свыше 850 червонных руб. на двор.

II. ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И СССР

1. ДОВОЕННАЯ ДИНАМИКА

Проблема «капитала» в условиях переживаемого момента сводится у нас прежде всего к проблеме восстановления и накопления наших производственных фондов в целях радикальной реконструкции всей технической базы нашего народного хозяйства.

Чтобы подойти поближе к разрешению этой проблемы, начнем с учета того наследства, которое нам осталось в области наиболее важных для нас промышленных фондов от старого дореволюционного строя.

Лучше всего учитывались у нас акционерные предприятия, обязанные публичной отчетностью. По их балансам, довольно полные сводки которых печатались в «Ежегодниках Министерства финансов», движение акционерных капиталов в промышленности за последнюю четверть века перед войной представляется в следующем виде (табл. 30).

В наши итоги мы не включили, во избежание двойного учета, амортизационных капиталов, так как они лишь компенсируют износ имущества, учтенного по первоначальной стоимости в основных капиталах. Все остальные подразделены на «свои» по отношению к акционерам и чужие, т. е. занятые капиталы, куда отнесено, помимо облигационного капитала, и все превышение по статьям баланса — «кредиторы» минус «дебиторы». Облигационный капитал показан в сводках отдельно не за все годы, а потому он выделен у нас от «прочих» за соответствующие годы приблизительно, по процентному соотношению этих капиталов за другие годы.

Как видно из приведенного, наша промышленность издавна работала в очень солидной доле за счет чужого, т. е. главным образом банковского или, говоря более обще, финансового капитала. И потому ограничиваться учетом одних лишь собственных капиталов акционеров было бы неправильно. Но соотношение между своими и чужими капиталами за исследуемый период было довольно постоянным. Правда, за годы промышленного подъема (1895—1899) задолженность промышленности падает, а за годы кризиса и застоя (1900—1908) потребность в кредите и доля занятых капиталов возрастают, но с новым подъемом промышленности процент занятых капиталов снова входит в норму и к концу изучаемого периода достигает почти той же величины, около 35, какую имел в среднем за весь период.

В связи с этим общая динамика роста капиталов — и без учета занятых капиталов, и с учетом их — дает совершенно аналогичную картину. Капиталы акционерной промышленности выросли у нас за 24 года в 6,5 раза, что дает средний (геометрический) прирост за год не менее 8%.

Однако для всей русской промышленности в целом такой темп накопления капиталов был бы заведомо преувеличенным, ибо акционерная промышленность росла не только за счет новых вложений капитала, но и за счет преобразования неакционерных предприятий в акционерные. К сожалению, у нас вовсе не учитывались капиталы предприятий, не обязанных публичной отчетностью. Более или менее полно можно учесть по данным о промысловом обложении лишь валовой оборот по продаже

Таблица 30

Капиталы, занятые в производстве акционерных промышленных предприятий дореволюционной России за 1890—1914 гг. (в млн. руб.) *

Годы	Свой капитал					Чужой капитал						Всего	
	основной	запасной и пр.		итого		облигационный		занятый		итого			
		абс.	% к гр. 2	абс.	%	абс.	% к гр. 5	абс.	% к гр. 5	абс.	% к гр. 5	абс. (гр. 5 + гр. 11)	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1890	443	97	21,9	540	100	(43)	8,0	118	21,9	161	29,8	701	100
1891	477	104	21,8	581	108	(48)	8,3	141	24,3	189	32,6	770	110
1892	502	114	22,7	616	114	(54)	8,8	135	21,9	189	30,7	805	115
1893	510	127	24,9	637	118	(61)	9,6	133	20,9	194	30,5	831	118
1894	546	142	26,0	688	127	(70)	10,2	136	19,8	206	29,9	894	127
1895	562	150	26,7	712	132	(79)	11,1	83	11,7	162	22,8	874	124
1896	775	164	20,9	939	174	(91)	9,7	92	9,8	183	19,5	1122	160
1897	902	214	23,7	1116	206	(118)	10,5	139	12,4	257	23,0	1373	194
1898	1039	242	23,3	1281	237	(142)	11,1	210	16,4	352	27,5	1633	233
1899	1320	287	21,8	1607	298	(185)	11,5	266	16,5	451	28,0	2058	294
1900	1401	296	21,1	1697	314	(184)	10,8	438	25,8	622	36,5	2319	330
1901	1549	324	20,9	1873	346	(218)	11,7	440	23,5	658	35,3	2531	361
1902	1512	328	21,7	1840	340	(208)	11,3	648	35,2	856	46,5	2696	385
1903	1534	346	22,6	1880	348	(213)	11,3	535	28,5	748	39,8	2628	365
1904	1578	348	21,9	1926	356	(232)	12,0	619	32,1	851	44,1	2777	396
1905	1606	340	21,1	1946	360	(225)	11,5	588	30,2	813	41,8	2759	394
1906	1620	349	21,5	1969	364	(224)	11,4	477	24,2	701	35,6	2670	382
1907	1695	340	20,0	2035	377	(207)	10,2	559	27,5	766	37,6	2801	400
1908	1787	385	21,5	2172	402	226	10,4	466	21,4	692	31,9	2864	408
1909	1834	370	20,2	2204	408	277	12,6	557	25,3	834	37,9	3038	433
1910	1958	404	20,6	2362	437	240	10,1	585	24,7	825	34,8	3187	455
1911	2185	463	21,2	2648	491	252	9,5	612	23,1	864	32,6	3512	501
1912	2484	479	19,3	2963	548	261	8,8	643	21,7	904	30,6	3867	551
1913	2712	530	19,6	3242	600	236	7,3	738	22,8	974	30,1	4216	600
1914	2807	557	19,8	3364	622	228	6,8	937	27,9	1165	34,7	4529	647
1890—1894	496	117	23,6	613	100	55	9,0	132	21,5	187	30,5	800	100
1895—1899	920	211	23,0	1131	184	123	10,9	158	14,0	281	24,9	1412	177
1900—1904	1515	328	21,6	1843	300	211	11,5	536	29,0	747	40,5	2590	324
1905—1909	1708	357	20,9	2065	337	232	11,2	529	25,6	761	36,8	2826	354
1910—1914	2429	487	20,0	2916	475	243	8,3	703	24,1	946	32,4	3862	483
1890—1914	1413	300	21,2	1713	278	173	10,1	412	24,1	585	34,2	2298	288

* Составлено по сводкам «Ежегодника Министерства финансов» за соответствующие годы. Итоги неполные, так как часть предприятий запаздывала с представлением отчетности, а многие за ликвидацией и вовсе не представляли ее. В частности, за 1913 г. по другому источнику вместо 2712 млн. мы имеем 2848 млн. руб. Но для динамических сопоставлений отмеченная неполнота не имеет существенного значения.

этих предприятий. Но, пользуясь соотношением между капиталами и оборотом подотчетных предприятий различного размера, мы, по данным 1900 и 1911/12 гг., установили следующие коэффициенты оборачиваемости основного капитала:

Размер предприятий по обороту, тыс. руб.	Число годовых оборотов капитала	Размер предприятий по обороту, тыс. руб.	Число годовых оборотов капитала
5000	1,51	500	2,30
4000	1,53	200	2,87
3000	1,55	100	3,18
2000	1,58	50	3,35
1500	1,67	10	3,55
1000	1,90		

Для самых мелких кустарно-ремесленных заведений крестьянского типа этот коэффициент еще выше. Там оборудование составляет, по имеющимся статистическим данным, всего около 16% годовой продукции, что дает 6,24 оборота капитала за год[1]. Но у такого кустаря нет даже специального помещения для работы. Он работает там же, где и ест, и спит. Поэтому мы не засчитываем здесь в счет капитала ничего, кроме оборудования. А если бы прибавили сюда за счет стоимости земли и строений хотя бы половину того процента, какой они составляют в основном капитале фабрично-заводской промышленности (свыше 50%), то даже для мельчайших кустарных заведений получили бы вместо 6,24 всего около 4,2 оборота основного капитала в год.

Исчисленные по вышеуказанным коэффициентам оборачиваемости капиталы всей русской фабричной и горнозаводской промышленности, а также кустарно-ремесленной с цензом от 2 до 16 наемных рабочих представлены в табл. 31.

Таблица 31

Основные капиталы русской промышленности за 1885—1913 гг.

Год	Фабрично-заводская промышленность					Кустарно-ремесленная		Итого (гр. 5 + гр. 7)	
	акционерная, млн. руб.	неакционерная		итого					
		млн. руб.	% к гр. 5	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1885	257	278	52,0	535	100	57	100	592	100
1886	243	304	55,6	547	102	57	100	604	102
1887	258	341	57,0	599	112	61	107	660	110
1888	408	309	43,2	717	134	63	111	780	132
1889	424	317	42,7	741	139	67	117	808	137
1890	443	318	41,8	761	142	76	133	837	141
1891	477	306	39,0	783	146	78	137	861	145
1892	502	307	38,0	809	151	78	137	887	150
1893	542	340	38,6	882	165	89	156	971	164
1894	611	374	38,0	985	184	96	168	1081	183
1895	676	427	38,8	1103	205	103	180	1206	204
1896	775	453	36,9	1228	229	104	182	1332	225
1897	902	480	34,8	1382	257	109	191	1491	252
1898	1040	526	33,5	1566	294	110	193	1676	284
1899	1320	566	29,9	1886	353	123	215	2009	340
1900	1401	631	31,0	2032	379	145	254	2177	368
1901	1549	610	28,3	2159	403	133	233	2292	387
1902	1657	603	26,7	2260	422	128	224	2284	386
1903	1738	619	26,3	2357	440	121	212	2478	419
1904	1718	649	27,5	2367	443	131	230	2498	422
1905	1703	666	28,2	2369	443	131	230	2500	422
1906	1690	629	27,1	2319	433	121	212	2440	413
1907	1921	709	27,0	2630	490	122	214	2752	465
1908	1988	738	27,0	2726	510	135	236	2861	483
1909	2056	777	27,4	2833	528	138	242	2971	502
1910	1957	842	30,0	2799	522	145	254	2944	497
1911	2186	897	29,1	3083	574	150	263	3233	546
1912	2483	1003	28,7	3486	650	192	336	3678	623
1913	2848	1052	27,0	3900	729	216	379	4116	696
По СССР 1913 г.	2355	860	26,7	3215	—	178	—	3383	—

[1] Б. Гухман. К исчислению продукции мелкой промышленности. «Плановое хозяйство», 1924, № 6, стр. 92—93. Продукции в 379,8 млн. руб. соответствовало оборудование на 61,5 млн. руб.

Приведенное исчисление капиталов, конечно, весьма далеко от точности[1]. Тем не менее тенденции роста разных групп промышленности оно выявляет с достаточной определенностью. В то время, как крупная (акционерная) промышленность увеличила за 28 лет свои капиталы в 11,1 раза, средняя и мелкая увеличила их только в 3,8 раза, вследствие чего общий прирост достигает всего 596%, или 7,2% (геометрическая средняя) за год. При этом по периодам указанный прирост выражается в следующих цифрах:

Годы	Общий прирост, %	За год, %
1885—1895	104	7,4
1895—1905	107	7,4
1905—1913	65	6,4
1885—1913	596	7,2

Таков дореволюционный темп накоплений капиталов в русской промышленности.

Для сравнения приведем данные последних американских цензов о темпе накопления индустриальных капиталов в Соединенных Штатах (табл. 32).

Таблица 32

Динамика роста американской промышленности

Годы	Число обследованных		Основной капитал			Средний прирост капитала, %	
	предприятий	рабочих, тыс.	общий, млн. долл.	на одно предприятие	на 100 рабочих	за 5 лет	за 1 год
1	2	3	4	5	6	7	8
1899	207 514	4713	8 975	43,2	190	—	—
1904	216 180	5468	12 675	59,6	231	41,0	7,0
1909	268 491	6615	18 428	68,7	279	45,2	7,8
1914	275 791	7036	22 791	82,6	325	23,5	4,2
1919	290 105	9096	44 467	153,2	488	95,0	14,5
1899—1919	—	—	—	—	—	49,0	8,3
1899—1914	—	—	—	—	—	37,5	6,5

Последнее военное пятилетие в табл. 32 не показательно, ибо, помимо других обстоятельств, в годы войны произошло резкое обесценение доллара, и номинальный прирост капиталов в 21,7 млрд. долл. с поправкой на средний прирост цен (по индексу Брэдстрита 60% в среднем за пятилетие) составил бы не более 13,4 млрд., т. е. 9,7% за год, или 58,8% за пятилетие, вместо 95%, как получается по номиналу. Если же взять лишь довоенный период (1899—1914 гг.), то средний (геометрический) прирост капиталов за год едва достигает 6,5%, т. е. даже несколько скромнее нормы накопления в довоенной России[2].

Здесь необходимо, конечно, учесть, что, вообще говоря, накопление это совершалось в России не только за счет прибавочной стоимости, создаваемой рабочими, но и за счет притока капиталов из-за границы. Расчле-

[1] В части акционерных капиталов данные табл. 30 здесь уточнены за ряд лет по данным налоговой статистики. И все же вероятный недоучет по общим итогам капиталов, учтенных в табл. 31, оценивается нами грубо, в соответствии с недоучетом оборотов, процентов в 10—15 или около того.

[2] Эта норма будет еще скромнее, если учесть падение покупательного значения золотого доллара и для предвоенного периода (1899—1914 гг.) почти на 50%. По грубой прикидке эта поправка должна понизить коэффициент годового прироста 6,5 до 5,6%, если не ниже.

нить русские капиталы от иностранных, однако, не так просто. Более или менее четко выделяются по своему иностранному происхождению лишь капиталы иностранных акционерных обществ, функционировавших у нас в России[1]. А в какой мере те же иностранные фирмы, банки или отдельные капиталисты приобретали акции и, в особенности, облигации якобы чисто русских предприятий, это не поддается сколько-нибудь точному учету.

Но, с другой стороны, в условиях капитализма далеко не вся прибавочная стоимость, извлекаемая из промышленности, служила у нас целям дальнейшего накопления промышленных фондов. Ниже мы приводим суммарные данные о прибылях русской[2] промышленности в сопоставлении их с оборотами и основными капиталами промышленных предприятий (табл. 33).

Как видим, даже без прилива капиталов из-за границы русская промышленность могла бы умножить свои промышленные фонды ежегодно не на 7,2% в год, *а даже по полуторной или вдвое более высокой норме*. И это вполне понятно, ибо буржуазия никогда не отличалась монашеским аскетизмом. Как видно из приведенного, она едва ли много более половины своих прибылей посвящала производственному накоплению, все же остальное проедала, пропивала и вообще обращала на обслуживание своего класса и его прихлебателей всеми благами капиталистической «культуры».

Для нас представляет громадный интерес эта статья расходов по содержанию буржуазии в капиталистическом строе, ибо, совершив пролетарскую революцию, мы не обязаны более нести такой расход и потому можем обратить всю экономию по указанной статье частью на повышение зарплаты пролетариата, частью же на ускорение темпа производственного накопления. Поэтому нам необходимо подвергнуть тщательной проверке приведенные в табл. 33 данные о прибылях нашей промышленности.

Прежде всего не преувеличены ли нормы прибыльности, выведенные в таблице?

Конечно, ручаться головой за точность данных о прибылях и оборотах, показанных промышленниками налоговой инспекции в целях обложения их промысловыми сборами, мы ни за что не стали бы. Но если в них и есть неточности, то во всяком случае не в сторону преувеличения. Учитывалась для обложения, как известно, лишь *чистая* прибыль, за исключением из нее не только всех производственных издержек, но и платежей процентов на занятый капитал и всех прямых налогов, учтенных в балансе, а также и изрядной доли всякого рода тантьем директорам-акционерам и многих других статей, худо или хорошо маскирующих истинные размеры прибыльности. Поэтому *абсолютные* размеры учтенных по налоговой отчетности прибылей ни в коем случае не преувеличены нами. Капиталы акционерных предприятий тоже подвергались у нас промысловому обложению, а потому учитывались с достаточной степенью точности.

Более грубо исчислены у нас капиталы средней и мелкой промышленности, ибо они вовсе не регистрировались налоговой статистикой. Но, во-первых, львиная доля капиталов падает на акционерные компании, в которых основные капиталы скорее преувеличены для понижения нормы

---

[1] К 1885 г. такие иностранные вложения в русскую промышленность, по нашему приблизительному подсчету, достигали примерно 52 млн. руб., т. е. около 20% общей суммы акционерных капиталов, а к 1914 г. они возросли до 567 млн. руб., что не превышает тех же 20% общего итога промышленных акционерных капиталов 1913 г. Таким образом, учтенный нами импорт капиталов за 28 лет не превышал 515 млн. руб., а соответствующий ему экспорт прибылей из России по средним нормам прибыльности акционерных капиталов исчислен нами в сумме не ниже 721 млн. руб.

[2] Нам здесь все время по необходимости приходится употреблять терминологию, не свойственную нашему Союзу; на самом деле, здесь речь идет, конечно, не только о русской промышленности, но и о промышленности, расположенной на территориях других народов, входящих в состав старой России.

Таблица 33

Оборот, основной капитал и прибыль промышленных предприятий довоенной России, подлежащих промысловому обложению за 1885—1913 гг.

Годы	Оборот (продукция), млн. руб.			Основний капитал, млн. руб.			Прибыль					
							млн. руб.			% к капиталу		
	фабрично-заводских	кустарно-ремесленных	всех	фабрично-заводских	кустарно-ремесленных	всех	фабрично-заводских	кустарно-ремесленных	всех	фабрично-заводских	кустарно-ремесленных	всех
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1885	1 155	(204)	1 359	535	57	592	73,2	45,0	118,2	13,7	78	19,9
1886	1 203	(204)	1 407	547	57	604	71,7	44,0	115,7	13,1	76	19,2
1887	1 326	(220)	1 546	599	61	660	69,3	48,2	117,5	11,6	78	17,8
1888	1 469	(227)	1 696	717	63	780	96,8	49,2	146,0	13,5	78	18,7
1889	1 596	241	1 837	741	67	808	110,0	53,0	163,0	14,5	79	20,1
1890	1 544	272	1 816	761	76	837	109,7	60,9	170,6	14,4	80	20,4
1891	1 561	282	1 843	783	78	861	105,7	62,0	167,7	13,6	80	19,4
1892	1 602	280	1 882	809	78	887	121,6	60,4	182,0	15,2	77	21,0
1893	1 749	320	2 069	882	89	971	137,4	70,1	207,5	15,6	79	21,7
1894	1 950	346	2 296	985	96	1 081	157,0	76,3	233,3	15,9	79	21,6
1900	3 761	535	4 296	2 032	145	2 177	284,9	97,2	382,1	14,2	67	17,5
1901	3 906	499	4 405	2 159	133	2 292	265,0	86,8	351,8	12,3	65	15,4
1902	4 029	472	4 501	2 260	128	2 388	230,4	83,5	313,9	10,2	66	13,1
1903	4 162	444	4 606	2 357	121	2 478	257,0	78,9	335,9	10,9	66	13,5
1904	4 217	483	4 700	2 367	131	2 498	277,2	87,1	364,3	11,7	66	14,6
1905	4 230	483	4 713	2 369	131	2 500	256,1	86,2	342,3	10,8	66	13,7
1906	4 136	449	4 585	2 319	121	2 440	279,0	78,5	357,5	12,1	65	14,5
1907	4 621	448	5 069	2 630	122	2 752	292,6	78,5	371,1	11,1	65	13,5
1908	4 800	497	5 297	2 726	135	2 861	292,4	87,1	379,5	10,8	64	13,3
1909	4 982	511	5 493	2 833	138	2 971	321,8	89,6	411,4	11,4	65	13,8
1910	4 977	535	5 512	2 799	145	2 944	356,4	93,4	449,8	12,7	64	15,3
1911	5 451	550	6 001	3 083	150	3 233	396,3	91,1	487,4	12,8	61	15,1
1912	6 194	711	6 905	3 486	192	3 678	460,2	126,3	586,5	13,2	65	15,9
1913	6 882	790	7 672	3 900	216	4 116	509,8	141,6	651,4	13,1	66	15,8
1885—1889	1 350	219	1 569	629	61	690	84	48	132	13,4	78	19,1
1890—1893	1 681	300	1 981	844	83	927	126	64	190	14,9	77	21,0
1895—1899	2 754	397	3 151	1 433	109	1 542	227	81	308	15,8	74	20,0
1900—1904	4 015	487	4 502	2 235	132	2 367	263	88	351	11,8	67	14,8
1905—1909	4 554	478	5 032	2 578	129	2 707	288	84	372	11,2	65	13,8
1910—1914	5 876	647	6 523	3 317	176	3 493	431	113	544	13,0	64	15,6
1885—1913	3 285	413	3 698	1 789	113	1 902	230	79	309	12,9	70	16,2

прибыльности, чем преуменьшены, а во-вторых, и для средней промышленности мы имели возможность проверить наше исчисление капитальных ценностей по сплошным данным 1913 г., и, как будет показано ниже, наши расчеты вполне подтвердились данными промышленной переписи (1918 г.). Остается, стало быть, сомнение лишь в отношении капиталов наиболее мелкой — кустарно-ремесленной промышленности.

Здесь исчисленная нами норма прибыльности в размере около 70% на капитал действительно на первый взгляд слишком велика. И можно подумать, что она получилась за счет преуменьшения в учете соответствующих капиталов. Но на самом деле и здесь загадка объясняется, по-видимому, гораздо проще. Дело в том, что в прибылях промышленника заключается и оплата труда хозяина-предпринимателя. В крупных предприятиях это не имеет особого значения, ибо хозяин там обычно заменяет себя *платным* администратором, но в мелких ремесленных заведениях упускать указанное обстоятельство без учета не приходится.

Ниже мы приводим такой расчет. Считая, что в наиболее мелких заведениях, с числом наемных рабочих от 2 до 16, хозяин-ремесленник вместе с другими помогающими ему членами семьи может претендовать на оплату своего труда по норме работников физического труда соответствующей квалификации (в среднем не менее 300 руб. в год), а в более крупных заведениях — по норме оплаты индустриальных служащих (за 1913 г. в среднем около 1000 руб.[1] в год); мы принимаем, что в каждом заведении занято на круг, включая хозяина, не менее 1,5 семейных работников, и оплата их труда может быть исчислена в следующих цифрах: 1) в ремесленных заведениях — хозяину 50 руб. в месяц, помогающему члену — 25 руб. в месяц, или 300 руб. в год; 2) в фабричных заведениях — хозяину-администратору от 125 до 300 руб. в месяц, помогающему члену — 1000 руб. в год. Тогда по данным 1912 г. мы получим табл. 34.

В акционерных предприятиях труд всех администраторов оплачивается независимо от того, состоят ли они акционерами предприятий или нет.

Таблица 34

Сравнительная прибыльность промышленных предприятий России в 1912 г.

Группа предприятий	Число предприятий	Основной капитал		Оборот за год		Прибыль				% прибыли		
						общая, млн. руб.		на 1 предприятие, руб.		к обороту	к капиталу	
		общий, млн. руб.	на одно предприятие, тыс. руб.	общий, млн. руб.	на одно предприятие, тыс. руб.	всего	в том числе оплата труда хозяина	всего	в том числе оплата труда хозяина		без поправки	с поправкой на оплату хозяину
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
А. Акционерные	1 281	2 483	1 935	3 725	2 920	256	—	199 900	—	6,9	10,3	10,3
Б. Неакционерные												
I разряд свыше 1000 рабочих	231	298	1 287	467	2 020	35,8	0,9	155 000	4 100	7,6	12,0	11,7
II » (от 501 до 1000 »)	275	116	422	229	831	18,8	1,1	68 300	4 100	8,2	16,1	15,2
III » (» 201 » 500 »)	1 358	194	143	485	357	38,5	5,6	28 300	4 100	8,0	19,8	16,9
IV » (» 51 » 200 »)	7 061	256	36	810	115	65,1	24,7	9 220	3 500	8,1	25,4	15,9
V » (» 16 » 50 »)	15 092	139	9	478	32	46,5	30,2	3 075	2 000	9,6	32,7	12,0
Итого	24 017	1 003	42	2 469	103	204,7	62,5	8 550	2 605	8,3	20,5	14,2
По всей фабрично-заводской промышленности	25 298	3 486	138	6 194	245	461	62,5	18 210	2 470	7,4	13,2	11,4
В. Кустарно-ремесленная промышленность												
VI разр. (от 10 до 15 раб.)	2 2940	65	2,8	232	10,0	23,5	17,2	1 030	750	10,1	35,6	10,0
VII » (» 5 » 9 »)	45 513	76	1,7	272	6,0	40,8	34,1	900	750	15,0	53,8	8,8
VIII » (» 2 » 4 »)	81 184	52	0,6	206	2,5	61,8	60,8	763	750	30,0	119,0	2,2
Итого	14 9637	193	1,3	710	4,8	126,1	112,1	840	750	17,8	65,5	6,9
Всего	17 4935	3 679	21,1	6 904	39,5	587	175	3 360	1 000	8,5	16,0	11,2

[1] Точнее 1058 руб., в том числе директоры и управляющие получали на круг 5731 руб., технический персонал — 1462 руб. и прочие служащие — 685 руб. в год («Труды ЦСУ», т. XVIII, стр. 191). Нормы директоров, включающие здесь и оплату дирекции *акционерных* предприятий, мы считаем преувеличенными за счет укрываемых прибылей.

Таблица 35

Состав капиталов промышленных акционерных обществ России

Годы	Капитал, млн. руб.		Земля, постройки, оборудование				Товары и материалы			
	весь занятый в производстве	в том числе основной	первоначальная стоимость, млн. руб.	за амортизацией			млн. руб.	% к		
				млн. руб.	% к			гр. 2	гр. 3	гр. 5
					гр. 2	гр. 3				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1890	701	443	460	395	55,6	89,0	282	40,2	63,6	71,3
1891	770	477	508	435	56,6	91,3	293	38,1	61,4	67,3
1892	805	502	529	444	55,2	88,5	310	38,5	61,8	69,8
1893	831	510	571	474	57,0	93,1	333	40,0	65,3	70,2
1894	894	546	613	502	56,0	92,0	370	41,4	67,8	73,5
1895	874	562	600	489	55,9	87,0	378	43,2	67,2	77,2
1896	1122	755	799	665	59,3	85,8	450	40,2	58,2	67,6
1897	1373	902	969	806	58,7	89,6	512	37,4	56,7	63,3
1898	1633	1039	1183	980	60,0	94,3	602	37,0	58,0	61,6
1899	2058	1320	1495	1246	60,5	94,6	712	34,6	53,8	56,8
1900	2319	1401	1642	1353	58,3	96,4	733	31,8	52,3	54,3
1901	2531	1549	1762	1439	57,0	93,0	782	30,9	50,5	54,2
1902	2696	1512	1916	1570	58,0	104,0	715	26,5	47,3	45,5
1903	2628	1534	1917	1513	57,4	98,5	779	29,6	51,0	51,6
1904	2777	1578	2049	1595	57,5	101 0	858	30,8	54,3	53,8
1905	2759	1606	2076	1559	56,5	97,0	800	29,0	49,8	51,2
1906	2670	1620	2137	1545	57,9	95,5	880	32,9	54,3	56,8
1907	2801	1695	2193	1566	55,9	92,3	946	33,8	55,5	60,0
1908	2864	1787	2298	1632	57,0	91,2	983	34,4	54,8	60,2
1909	3038	1834	2493	1757	58,0	96,1	987	32,5	53,9	56,0
1910	3187	1958	2717	1880	58,9	96,0	1141	35,8	58,1	60,5
1911	3512	2185	3012	2064	58,6	94,2	1288	36,8	58,8	62,6
1912	3867	2484	3211	2184	56,3	87,7	1440	37,2	58,1	65,9
1913	4216	2712	3511	2445	58,1	90,3	1551	36,8	57,1	63,3
1914	4529	2807	3511	2470	54,3	88,1	1650	36,4	58,8	66,8
1890—1894	800	496	536	450	56,2	90,8	318	39,8	64,0	70,7
1895—1899	1410	916	1009	837	58,2	91,0	531	37,6	57,8	63,4
1900—1904	2590	1515	1857	1494	57,5	98,0	773	29,8	51,0	51,7
1905—1909	2826	1708	2240	1612	56,8	94,0	919	32,5	53,8	57,0
1910—1914	3862	2429	3192	2208	57,2	90,6	1414	36,6	58,0	63,8
1890—1914	2297	1413	1767	1320	57,5	93,5	791	34,4	56,0	59,9

Поэтому никакой поправки по этой статье за счет прибылей делать не приходится. Что же касается неакционерных предприятий, то здесь указанная поправка является тем более существенной, чем мельче размер предприятий. И, скажем, для заведений V разряда по налоговой шкале, куда входили главным образом предприятия с числом от 16 до 50 рабочих, а при наличии двигателя и более мелкие, наша поправка понижает норму прибыльности с 33 до 12% на капитал.

Еще существеннее вносимая нами поправка при учете прибыльности кустарно-ремесленных заведений VI—VIII разрядов. Наиболее мелкие из них дают прибыль всего в 2%, т. е. едва возмещают полностью нормальную оплату труда хозяина и членов его семьи.

Конечно, весьма возможно, что размер продукции и прибыли исчислен нами для этой последней группы (VI—VIII разряды) с некоторым преуменьшением. Но во всяком случае капиталы, дающие здесь реально не свыше 7% прибыли, при средней норме прибыльности для всей промышленности свыше 11%, считать особо преуменьшенными не приходится.

Таким образом, если не гоняться за бухгалтерской точностью, можно признать, что ни основные капиталы, показанные в табл. 33, ни нормы прибыльности — за учетом включенной в них оплаты хозяйского труда — не вызывают к себе особых сомнений. В качестве первого приближения к искомым величинам их можно признать вполне достоверными.

Подвергая дальнейшему изучению процессы накопления наших производственных фондов, мы можем, опираясь на балансы акционерных предприятий, представить и общую картину изменения в *составе* промышленных капиталов при расчленении их на средства производства, товары и материалы и прочие оборотные ресурсы. Особое значение для нас имеет та доля капитала, которая накоплялась в форме *товарных* ценностей, в вещном виде, ибо всякие иные ценности, например в виде бумажных денег, акций и облигаций, всякого рода обязательств и т. п. «ценных» бумаг, с народнохозяйственной точки зрения совсем не представляют собой никакого дополнительного капитала по отношению к тем вещным ценностям, которыми они обеспечены. В табл. 35 даны соответствующие подразделения капиталов, учтенных за целую четверть века.

Соотношения приведенных составных частей капитала, как видим, довольно устойчивы. Имущество, учтенное в гр. 5, т. е. *реальный* основной капитал (в отличие от *номинального*, показанного в гр. 3), не падает ниже 54% и не вырастает выше 60% общей суммы занятых в промышленности фондов. Товары и материалы колеблются в пределах от 27 до 43% той же суммы. Еще устойчивее эти процентные соотношения, если обратиться к средним по пятилетиям (табл. 36).

Таблица 36

Процентный состав капиталов

Пятилетия	Имущество (основной капитал)	Товары и материалы	Весь капитал	Оборотный капитал в % основного
1	2	3	4	5
1890—1894	56,2	39,8	100	78
1895—1899	58,2	37,6	100	72
1900—1904	57,5	29,9	100	74
1905—1909	56,8	32,4	100	76
1910—1914	57,2	36,5	100	75
1890—1914	57,5	34,2	100	74

Как видим, основной капитал в его вещной форме составляет в среднем 57,5% всего капитала и, стало быть, на оборотный остается около 42,5%, из которых на товары и материалы падает 34,4%.

В настоящее время, в связи с национализацией земли, мы не имеем рыночных расценок земли и не включаем ее в состав основных капиталов. А потому отношение оборотных капиталов к основным выразилось бы ныне несколько иными цифрами. Для определения этих цифр нам необходимо произвести дальнейшее расчленение основных капиталов на их основные элементы и выделить стоимость земли. Но сначала применим коэффициенты табл. 35 к исчислению общей ценности имущества и товарной массы для всей нашей промышленности, исходя из допущения, что в средней и мелкой промышленности эти элементы находятся в таком же

соотношении с номинальным основным капиталом, исчисленным в табл. 31, как и в акционерной промышленности. Это гипотетическое допущение позволяет нам прежде всего осуществить исчисление, приведенное в табл. 37.

Таблица 37

Производственные фонды (земля, строения и оборудование) русской фабричной и ремесленной промышленности с цензом от двух рабочих и выше (в млн. руб.) (исчисление *)

Год	Первоначальная стоимость					Стоимость за амортизацией				
	фабрично-заводская промышленность			кустарно-ремесленная	итого	фабрично-заводская промышленность			кустарно-ремесленная	итого
	акционерная	неакционерная	вся			акционерная	неакционерная	вся		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
По всей России										
1885	257	279	536	57	593	234	253	487	52	539
1886	246	307	553	58	611	221	276	497	52	549
1887	264	350	614	63	677	235	311	546	56	602
1888	423	320	743	65	808	372	281	653	57	710
1889	445	333	778	70	848	386	289	675	61	736
1890	462	331	793	79	872	395	283	678	68	746
1891	510	327	837	83	920	435	279	714	71	785
1892	526	322	848	82	930	444	272	716	69	785
1893	607	381	988	99	1087	503	316	819	83	902
1894	684	418	1102	107	1209	562	344	906	88	994
1895	717	452	1169	109	1278	588	372	960	91	1051
1896	798	467	1265	107	1372	665	390	1055	89	1144
1897	973	518	1491	118	1609	808	430	1238	98	1336
1898	1175	595	1770	124	1894	980	496	1476	104	1580
1899	1505	645	2150	140	2290	1246	536	1782	116	1898
1900	1638	738	2376	170	2546	1353	608	1961	140	2101
1901	1765	696	2461	152	2613	1439	567	2006	124	2130
1902	2110	767	2877	163	3040	1725	626	2351	133	2484
1903	2190	780	2970	152	3122	1715	610	2325	119	2444
1904	2230	843	3073	170	3243	1730	653	2383	132	2515
1905	2190	858	3048	169	3217	1650	646	2296	127	2423
1906	2230	829	3059	160	3219	1615	602	2217	116	2333
1907	2475	913	3388	157	3545	1775	656	2431	113	2544
1908	2547	944	3491	173	3664	1820	673	2493	123	2616
1909	2800	1055	3855	188	4043	1983	745	2728	133	2861
1910	2708	1163	3871	200	4071	1880	808	2688	139	2827
1911	2980	1218	4198	204	4402	2064	844	2908	141	3049
1912	3195	1293	4488	247	4735	2184	878	3062	168	3230
1913	3680	1353	5033	279	5312	2580	948	3528	195	3723
По СССР 1913 г.	3043	1107	4150	228	4378	2130	776	2906	159	3065

* Итоги 1885—1889 гг. исчислены путем экстраполяции тех соотношений между основными капиталами и исчисляемыми величинами, какие наблюдались за последующие годы по табл. 35.

Выделение в последней строке из общей суммы имущества производственных фондов, оставшихся на современной территории Союза ССР, произведено нами приблизительно. Мы подсчитали, что из акционерной промышленности по балансам 1912 г. 17,3% основных капиталов отошло от нас вместе с отошедшими от старой России за время войны и революции территориями. Из неакционерной промышленности фабричного типа, судя по величине оборотов, учтенных налоговыми органами, оторвано от нас

около 18,2%. В среднем, судя по этим данным, мы потеряли не менее 17,6% общего итога наших производственных фондов. И остаток их по всей горной и фабрично-заводской промышленности составлял в 1913 г. по первоначальной стоимости не более 4150 млн. руб.

Прямой подсчет тех же фондов, по данным переписи, произведенный Н. Я. Воробьевым, дал для той же территории цифру 4128 млн. руб.[1] Разница этих исчислений не превышает и 0,5%, откуда мы заключаем, что наши исчисления капиталов и имущества для средней (неакционерной) промышленности в достаточной степени подтверждаются имеющимися статистическими данными.

Исчисления Н. Я. Воробьева дают нам распределение производственных фондов по их элементам и отраслям промышленности, показанное в табл. 38.

Таблица 38

Основные фонды цензовой промышленности в границах СССР за 1913 гг.

Группа производства	Число рабочих, тыс.	Общая стоимость, млн. руб.						То же, на одного рабочего, руб.	
		строений	машин	прочего оборудования	итого	земли	всего	без земли	с землей
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кожевенная промышленность, обувь и пр.	45,2	21,7	8,7	0,6	31,0	4,3	35,3	686	781
Обработка дерева	104,0	34,6	40,2	3,2	78,0	61,0	139,0	750	1 337
» льна и пеньки	85,9	30,6	37,7	2,2	70,5	4,0	74,5	820	867
» камней, земель и пр.	177,4	106,6	44,9	3,6	155,1	23,8	178,9	874	1 008
» шерсти	92,0	47,3	49,7	1,3	98,3	10,7	109,0	1 068	1 184
» бумаги и полиграфическая промышленность	87,3	36,5	62,2	1,1	99,8	27,3	127,1	1 143	1 456
Металлопромышленность	348,0	185,6	227,9	4,5	418,0	27,1	445,1	1 201	1 279
Обработка хлопка	491,5	232,6	332,5	27,1	592,2	52,2	644,4	1 205	1 311
» шелка	33,3	18,4	24,1	0,7	43,2	6,0	49,2	1 297	1 477
Горная и горнозаводская	695,8	529,5	576,1	41,2	1146,8	224,9	1371,7	1 648	1 971
Производство пищевое и вкусовое	333,0	308,6	240,1	15,5	564,2	142,0	706,2	1 695	2 121
Химическая	70,9	73,3	51,7	17,7	142,7	16,6	159,3	2 013	2 247
Обработка смешанных волокнистых веществ	26,4	24,2	31,1	3,8	59,1	4,7	63,8	2 239	2 417
Производство и передача физических сил и водоснабжение	7,9	3,1	3,2	17,7	24,0	0,2	24,2	3 038	3 063
Итого	2598,6	1652,6	1730,1	140,2	3522,9	604,8	4127,7	1 356	1 589
С учетом износа	—	—	—	—	(2 285)	605	(2 890)	880	1 111

Производства в табл. 38 расположены нами в порядке возрастающей их *капиталоинтенсивности,* не принимая в расчет стоимости земель, куда входят и горнозаводские леса для обеспечения заводов дровами и углем, и свекловичные плантации, и тому подобные площади, не имеющие прямой связи с заводами. Наиболее низкое строение капитала по табл. 38 оказа-

[1] «Труды ЦСУ», т. XVIII, стр. 198. Ценз переписи — 30 рабочих без двигателя и 16 при двигателе — несколько выше ценза довоенной фабрично-заводской промышленности (16 рабочих без двигателя и ниже при наличии двигателя), но это не может оказать существенного влияния на итог учтенных фондов.

лось в кожевенно-обувной группе производства, где все оборудование по расчету на одного занятого рабочего стоило не свыше 686 руб. Наиболее высокое строение наблюдается в «производстве физических сил» (электростанции и пр.), где на одного рабочего приходится оборудования на сумму не менее 3038 руб., т. е. раза в 4 больше, чем в кожевенно-обувном деле.

Интересно было бы сопоставить с этими нормами данные других лет. По обследованию В. Е. Варзара за 1900 г., у нас имеется оценка оборудования по обрабатывающей промышленности, не обложенной акцизом. К сожалению, и классификация производств, и круг обследованных предприятий не вполне совпадают с данными 1913 г., да и цены на предметы оборудования за 13 лет претерпели заметное изменение. Тем не менее приведем следующее сопоставление (табл. 39).

Таблица 39

Сравнительная стоимость оборудования на одного занятого рабочего в русской обрабатывающей промышленности за 1900 и 1913 гг.

Группа производства	Стоимость оборудования, руб.	
	1900 г.	1913 г.
Механическая обработка дерева	320	417
Обработка минеральных веществ	321	274
« животных продуктов	341	206
« шелка	396	748
« шерсти	473	555
« смешанных волокнистых веществ	552	1320
Обработка льна и пеньки	571	465
« металлов	608	668
« хлопка	664	730
Производство бумаги и полиграфическое	878	725
Производство пищевых и вкусовых веществ	1040	768
Химические производства	1300	975
В среднем	603	650
%	100	108

Как видим, резкое повышение стоимости оборудования на одного рабочего произошло лишь в обработке смешанных волокнистых веществ, в обработке шелка и механической обработке дерева, а в остальных группах она либо осталась на том же уровне, либо даже снизилась. Объяснить это застоем процессов механизации в русской промышленности никак невозможно. По числу лошадиных сил на одного рабочего мы только за 8 лет, с 1900 по 1908 г., шагнули вперед, по Варзару, на 21%. И если табл. 39 формально гласит, что по стоимости оборудования за 13 лет мы повысили механизацию труда будто бы только на 8%, то дело здесь, очевидно, сводится лишь к разным расценкам оборудования в начале и конце этого периода. Технический прогресс удешевил машины в новых предприятиях и заставил их переоценить по более дешевым ценам в старых.

Имущество, исчисленное в табл. 38, показано в тех цифрах, в каких оно значилось на балансах предприятий, т. е. по общему правилу, без амортизации. Но, как видно из данных табл. 37, разница между такими данными и стоимостью имущества за вычетом амортизационных сумм уже в 1890 г. достигла 14,2%, а в 1913 г. она повысилась до 30%. Говоря иначе, производственные фонды русской промышленности уже к 1913 г.

были, по меньшей мере, на 30% против номинала изношены и обесценены.

За последнее время не без основания указывалось в печати, что амортизационные отчисления довоенного времени следует считать преувеличенными, так как этим способом укрывались хозяйские прибыли от обложения. Однако по отношению к *акционерным* обществам такой вывод надо принимать с большими оговорками. Акционерам надо было выдавать дивиденд. Их вовсе не могло устроить *такое* сокрытие прибылей, при котором они ускользали не только от обложения, но и от поступления в кошелек акционеров. Поэтому на практике для сокрытия прибылей прибегали к тантьемам и т. п. приемам; что же касается амортизации, то ее нередко, особенно в неудачные годы, даже искусственно *понижали,* чтобы, несмотря на убытки, выдать акционерам приличный дивиденд и не уронить биржевого курса акций.

Во всяком случае, до тех пор, пока не будет установлена степень преувеличения или преуменьшения довоенных амортизационных норм, нам придется считаться с теми цифрами, какие даются бухгалтерской отчетностью прежних лет.

Для 1913 г. Н. Я. Воробьев определяет по такой отчетности стоимость всего имущества фабрик и заводов по СССР в 4127,7 млн. руб. Скидывая на износ, по данным табл. 35, 30%, получим 2890 млн. руб. Но земля, входящая в эту сумму, не подвергалась обесценению. Цену земли, стало быть, нужно вычесть отсюда целиком. И тогда на долю строений и оборудования останется всего за амортизацией 2890 — 605 = 2285 млн. руб., т. е. едва 65% первоначальной их стоимости (3523 млн. руб.).

По сравнению с американскими промышленными фондами эта цифра в 2,3 млрд. представляется, конечно, более чем скромной. Тем более что в нее очень изрядным процентом входят, наряду с фабричными строениями, и прифабричные постройки — склады, конторы, казармы и т. п. Об относительной величине составных частей этой суммы можно судить по данным страховой статистики (табл. 40).

Итоги этой статистики можно было бы считать почти исчерпывающими, так как незастрахованные фабрики и заводы трудно себе представить. Но, кроме акционерного страхования, практиковалось и взаимное, и некоторые другие формы. А, кроме того, страховые оценки по общему правилу учитывают и физическое и моральное изнашивание страхуемого имущества, а потому значительно отстают от балансовых оценок, суммированных Н. Я. Воробьевым в табл. 38. Тем не менее, насколько можно судить по приведенным массовым данным, на долю «прифабричных» строений приходится не менее 47% общей оценки всех застрахованных фабриками и заводами построек. Все оборудование сосредоточено при этом, конечно, в заводских корпусах. Но зато из общей суммы «товаров» около 71% падает на прифабричные складские помещения.

Характерна высокая степень концентрации наших промышленных фондов в крупных индустриальных центрах. На долю только двух столиц приходится свыше 1/4 всех основных капиталов всесоюзной промышленности. Обращает на себя также внимание высокий процент застрахованной товарной массы по отношению к стоимости строений и оборудования.

Если по коэффициентам табл. 35 исчислить общую для всей фабрично-заводской промышленности сумму «товаров и материалов» и сопоставить с годовым оборотом и основными фондами, то получим такие ряды цифр (табл. 41).

Для сопоставления с данными страховых обществ, исключим из наших итогов имущества — по гр. 2 табл. 7 — стоимость земли, т. е. примерно 14,7% стоимости имущества за вычетом амортизации. Тогда получим выводы в отношении фабрично-заводских предприятий, приведенные в табл. 42.

Стоимость фабричного и прифабричного имущества к 1914 г. по оценкам акционерных страховых обществ

Род имущества	Число застрахованных строений	Страховые суммы, млн. руб.						Оценка одного строения (гр. 3 : 2), руб.
		строений	промысловой движимости (оборудование)	домашней движимости	итого по гр. 3, 4 и 5	товары		
						млн. руб.	% гр. 6	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. По всей России								
фабричное	78 064	534,7	1194,5	—	1729,2	624,2	36,1	6 860
прифабричное	204 700	459,3	71,2	28,4	558,9	1396,7	250,0	2 240
Итого	282 764	994,0	1265,7	28,4	2288,1	2020,9	88,0	3 515
То же, с поправкой *	—	936,9	1208,5	28,0	2173,4	1395,6	64,2	—
2. Отошло от довоенной России								
фабричное	14 066	90,9	238,9	—	329,8	118,4	35,7	6 450
прифабричное	26 746	56,4	14,5	5,4	76,3	154,7	202,8	2 110
Итого	40 812	147,3	253,4	5,4	406,1	273,1	67,2	3 600
% ко всей довоенной России	14,4	14,8	20,0	19,1	17,7	13,5	—	—
3. Осталось в СССР								
фабричное	63 998	443,8	955,6	—	1399,4	505,8	36,0	6 920
прифабричное	177 954	402,9	56,7	23,0	482,6	1242,0	250,7	2 265
Итого	241 952	846,7	1012,3	23,0	1882,0	1747,8	92,7	3 500
То же, с поправкой **	—	797,5	965,2	22,7	1785,4	1170,7	65,6	—
В том числе								
Москва	10 035	82,4	87,3	3,9	173,6	141,2	81,3	8 240
Ленинград	9 622	124,3	185,9	2,9	313,1	236,1	75,4	12 920
Итого	19 657	206,7	273,2	6,8	486,7	377,3	77,4	10 540
То же, % к СССР	8,1	24,5	27,0	33,5	25,9	21,6	—	301

* «Ежегодные статистические таблицы акционерных страховых обществ за 1914 г.»
** Краткосрочные страхования приведены к годовым.

Как видим, в акционерных обществах застраховано было не менее 0,5 всех фабричных строений и оборудования, а товаров даже много больше. Последнее обстоятельство объясняется, вероятно, разными условиями расценки товаров и строений в сопоставляемых источниках. Строения и машины при страховке расценивались с учетом всякой их амортизации ниже, чем по балансам, и частью оставались на страхе предприятий, а товары расценивались по рыночным ценам и принимались на страх полностью.

Во всяком случае, даже по балансам, где они расценены ниже, товары и материалы составляли не менее 52% стоимости всех строений и оборудования. По отношению к годовой продукции этот процент значительно ниже. Для 1913 г. по табл. 41 товары и материалы достигали 32,5% стоимости годовой продукции, что соответствует, стало быть, примерно размерам четырехмесячного производства. Соотношение между товарами и

Таблица 41

Промышленные основные фонды, годовой оборот и товарные запасы фабрично-заводской промышленности в России за 1885—1913 гг.

(исчисление)

Год	Основные фонды (земля, строения, оборудование)* млн. руб.	Годовой оборот (продукция), млн. руб.	Запасы товаров и материалов			Основные фонды + товары и материалы (гр. 2 + гр. 4)	
			млн. руб.	%			
				фондов	оборота	млн. руб.	%
1	2	3	4	5	6	7	8
1885	487	1155	342	70,2	29,6	829	100
1886	497	1203	349	70,2	29,1	846	103
1887	546	1326	384	70,2	28,9	930	113
1888	653	1469	459	70,2	31,3	1112	135
1889	675	1596	510	75,4	31,9	1185	144
1890	678	1544	484	71,3	31,4	1162	141
1891	714	1561	481	67,3	30,8	1195	145
1892	716	1602	500	69,8	31,2	1216	148
1893	819	1749	575	70,2	30,2	1394	169
1894	906	1950	669	73,5	34,3	1575	191
1895	960	2189	739	77,2	34,7	1699	206
1896	1055	2410	714	67,6	29,6	1769	215
1897	1238	2669	794	63,3	29,7	2032	247
1898	1476	2999	909	61,6	30,3	2385	288
1899	1782	3503	1015	56,8	29,0	2797	337
1900	1961	3761	1063	54,3	27,2	3024	366
1901	2006	3906	1092	54,2	27,0	3098	376
1902	2351	4029	1071	45,5	26,6	3422	413
1903	2325	4162	1203	51,6	28,8	3528	526
1904	2383	4217	1285	53,8	30,6	3668	442
1905	2296	4230	1177	51,2	27,8	3473	419
1906	2217	4136	1260	56,8	30,5	3477	419
1907	2431	4621	1453	60,0	31,4	3884	469
1908	2493	4800	1498	60,2	31,3	3991	481
1909	2728	4982	1528	56,0	30,7	4256	513
1910	2688	2977	1626	60,5	32,7	4314	520
1911	2908	5451	1812	62,6	33,3	4720	569
1912	3062	6194	2021	65,9	32,7	5083	613
1913	3528	6882	2230	63,3	32,5	5758	694
По СССР 1913 г.	2906	5660	1840	63,3	32,5	4746	—

* Ср. табл. 35 и 37. Фонды (гр. 2) взяты за вычетом амортизации. На отошедшие от бывшей империи окраины скинуто (в 1913 г.) 17,6%.

материалами по тем балансам, где они показаны раздельно, можно принять равным 62 : 38. Таким образом, нормальный запас *готовых изделий* на фабриках и заводах в довоенное время не превышал и 20% годового производства, или 10—11-недельной продукции, а запас *материалов* достигал примерно размеров шестинедельной потребности производства.

Общий темп накопления капиталов в *вещной* форме, включая сюда и недвижимое имущество, и товары, исчисленный в табл. 41, дает увеличение за 28 лет в 6,94 раза, что по расчету на год составит геометрический прирост не свыше 7,1%, т. е. несколько меньше, чем это выходило по номинальному росту основных капиталов фабрично-заводской промышленности, выросших за 28 лет в 7,3 раза, что дает по 7,4% в год (см. табл. 31). Но и цифра 7,1% нуждается еще в существенных поправках. И прежде всего при учете темпа накопления нам следовало бы исключить

Таблица 42

Фабрично-заводское имущество к 1914 г.

Показатель	Имущество (кроме земли), млн. руб.	Товары и материалы	
		млн. руб.	% имущества
А. По всей бывшей империи			
Всего учтено по табл. 37,41	4300	2230	52
Застраховано по табл. 40	2173	1395	64
% застрахованных фондов	50	63	—
Б. По СССР			
Всего учтено по табл. 37,41	3523	1840	52
Застраховано по табл. 40	1785	1171	66
% застрахованных фондов	51	64	—

влияние колебаний цен на землю, строения и прочие составные части наших индустриальных фондов за изученные годы.

В самом деле, для постройки завода определенной производительности в 1913 г. не требовалось больше земли, чем, скажем, в 1885 г. Но та же площадь, купленная через 28 лет, расценивалась у нас на рынке уже раз в шесть дороже [1]. Гораздо менее резкие, но все же очень существенные сдвиги имели место за эти десятилетия и в области товарных цен [2]. К сожалению, привести все капитальные оценки промышленных фондов к одним и тем же ценам чрезвычайно трудно, ибо в итоги каждого года по балансам включались имущества, приобретенные за целый ряд лет, т. е. по весьма различным ценам, без всякой их переоценки. Во всяком случае, если для сравнимости с новейшими данными после национализации земли исключить из капитальных фондов довоенной промышленности землю и внести поправку на индекс, то получим следующий результат.

Земля, на долю которой в 1913 г. падает около 735 млн. руб., или 26,5% стоимости фабричных строений и оборудования, 28 лет назад была в 6 раз дешевле, т. е., говоря грубо, прибавляла не свыше 4,2% к затратам на строения и оборудование. Отсюда на долю земли в 1885 г. можно отнести не свыше 20 млн. руб. из общей суммы имущества в 487 млн. руб. Тогда за вычетом земли и за поправкой на цены получается такой темп накоплений фабрично-заводских фондов по всей бывшей империи (табл. 43).

Увеличение за 28 лет в 5 раз соответствует ежегодному геометрическому приросту в 6%.

Если, однако, темп накопления промышленных фондов за сделанными поправками значительно понижается против вышеисчисленных норм в 7,2%, то довоенная норма прибыльности, отнесенная к стоимости тех же фондов, за исключением из них земли, наоборот, должна заметно повыситься.

В табл. 33 мы имели для 1913 г. по всей фабрично-заводской промышленности 510 млн. руб. прибыли, что дает 13,1% на *номинальный* основной капитал, или не менее 18,2% стоимости *строений* и *оборудования* (в 2790 млн. руб.). Правда, если ту же прибыль отнести к общему итогу вещных фондов промышленности (включая товары — 5020 млн. руб.), то получим норму прибыли всего в 10,2%, а со скидкой из этих прибылей по нормам табл. 34 — не менее 62 млн. руб., на оплату труда хозяев и членов их семей, эта норма упадет еще ниже — до 8,9% тех же фондов.

[1] В 1880 г. земля в Европейской России отчуждалась в среднем по 22 р. 60 к., а в 1908 г.— по 135 р. 10 к. за десятину.

[2] Индекс цен промышленных товаров с 1885 по 1913 г. вырос примерно на 35%.

Таблица 43

Фонды за вычетом амортизации (без земли)

	1885 г., млн. руб.	1913 г.	
		млн. руб.	в % к 1885 г.
А. По отчетным данным			
Имущество	(467)	2790	597
Товары и материалы	342	2230	652
Итого	809	5020	620
Б. То же, по ценам 1913 г.			
Имущество	(633)	(3350)	529
Товары и материалы	(463)	2230	482
Итого	1096	5580	505

Но и такой процент прибыли, по сравнению с реальной нормой накопления этих фондов в 6% за год, является чрезмерно высоким.

В исчислении Н. Я. Воробьева, вся чистая прибыль за 1913 г. по фабрично-заводской промышленности в пределах СССР исчислена всего в 284 млн. руб., что по отношению к первоначальной стоимости строений и оборудования составляет едва 8%, а за учетом износа этого имущества — не свыше 12,4% (см. табл. 38). По сравнению с данными налоговой отчетности об обложенных прибылях, которыми до сих пор пользовались, это, несомненно, крайне преуменьшенные нормы. Правда, они непосредственно извлечены из балансов предприятий. Тем не менее это отнюдь не повышает их достоверности. Известно, что терминология довоенных балансов крайне пестра и неоднородна. Очень часто под именем чистой прибыли или дивиденда в них фигурировал фактически лишь тот остаток прибылей, который, за всевозможными отчислениями в запасные, резервные и тому подобные капиталы, за покрытием убытков прошлых лет и прочими списаниями и отчислениями, выдавался на руки акционерам.

Такого рода цифру представляет, по-видимому, и опубликованная в «Трудах ЦСУ» (т. XVIII, стр. 199) чистая прибыль в 284 млн. руб.

В своем докладе Госплану об «элементах промышленного производства в довоенное время» Н. Я. Воробьев в 1923 г. давал несколько иные цифры. Исчисленная им для СССР по данным переписи сумма «прибылей к распределению» *за исключением погашений* разлагалась на следующие рубрики:

	Млн. руб.
Добавочное вознаграждение правлению и служащим (тантьемы и пр.)	43,5
Списано неблагонадежных долгов и убытков	51,6
Отчислено на дела благотворительности	15,0
Уплачено % сбора с прибыли	45,6
Прочие отчисления (?)	170,0
Остаток чистой прибыли	322,7
Итого	648,4

Мы не знаем, что вошло в довольно круглую сумму «прочих» отчислений. Но нам твердо известно, что сюда не вошли ни издержки производ-

ства (материалы, зарплата, ремонт, страхование и т. п.), ни амортизация, ни промысловые сборы, акцизы и т. п. затраты, подробно перечисленные докладчиком в его сводном балансе. Не перечислены там лишь отчисления в резервные и т. п. специальные капиталы. Они то уже наверное должны бы войти в рубрику «прочих» отчислений. Но прибыль, употребленная на цели накопления, не перестает быть «чистой». Точно так же она не перестает быть таковой только потому, что хозяину угодно ею распорядиться «на дела благотворительности» или иначе. Большая часть тантьем поступает тем же хозяевам по их званию членов правления, директоров и т. п. Списывание долгов и убытков, поскольку здесь обычно речь идет о долгах и убытках *прежних* лет, является тоже просто формой сокрытия прибылей *текущего* года. Что же касается процентного сбора с прибыли, то, являясь принудительным вычетом из *чистой прибыли* хозяев в пользу государства, он с народнохозяйственной точки зрения *перераспрсделяет* эту прибыль в той или иной доле, но во всяком разе не понижает рентабельности соответствующих производств и предприятий. И с этой точки зрения чистая рентабельность нашей промышленности, даже исходя из исчислений Н. Я. Воробьева, определяется цифрами гораздо более высокого порядка, чем 284 млн. или даже 323 млн. руб.

Налоговые органы при исчислении податной прибыли несколько умеряли слишком широкую практику разного рода «отчислений», вводя их в русло установленных на сей предмет правил. В результате «чистая прибыль», подлежащая обложению, даже за погашением износа, вычетом налогов и некоторыми другими отчислениями, оказывалась значительно выше тех прибылей, которые публиковались в печатных балансах акционерных предприятий. И все же даже эти повышенные прибыли нуждаются еще с народнохозяйственной точки зрения в весьма существенных поправках.

Прежде всего мы уже отмечали, что наша промышленность всегда работала в значительной степени за счет занятого капитала. Проценты, а зачастую и погашение этих чужих капиталов, выплачивались, разумеется, за счет прибавочной стоимости, создаваемой в промышленности, кому бы она в конечном счете ни поступала. Задолженность цензовой промышленности к 1913 г. мы, по нормам табл. 30 и 31, оцениваем примерно в 50% основного ее капитала, т. е. в 1950 млн. руб. Считая на круг только по 5% на этот занятый капитал, получаем не менее 97,5 млн. руб. прибыли, не учтенных в вышеуказанной цифре 510 млн. руб. (см табл. 33). Это первая поправка.

Вторую поправку необходимо сделать за счет земельной ренты, выплачиваемой промышленностью. Мы не знаем точно, какое количество земли эксплуатировалось нашей промышленностью на праве собственности и на праве аренды. Некоторые данные об этом имеются лишь для акционерных предприятий, да и то не для всех. Пользуясь, однако, имеющимися данными, мы можем дать табл. 44.

Данные о земле по 754 акционерным обществам, обследованным в табл. 44 в отношении земли, подсчитаны, а для остальных экстраполированы по коэффициентам (гр. 7 и 8), исчисленным в отношении обследованных предприятий той же группы производства. Как видим, особенно много земли, главным образом лесных площадей, требовалось для металлургической промышленности, пищевой, включая винокурение и сахароварение, лесопильной, золотоплатиновой и т. п. При этом на каждую сотню гектаров своей земли приарендовывалось свыше 28 га чужой. Своя земля по СССР оценивается по всем фабрично-заводским предприятиям к 1913 г. в 605 млн. руб. При капитализации из 6% это соответствует ренте в 36,3 млн. руб., да на арендованную землю надо прибавить около 28% этой суммы, т. е. свыше 10,2 млн. руб. Для всей бывшей империи эти цифры пришлось бы еще значительно увеличить.

Таблица 44

Основные капиталы, стоимость имущества и земля акционерных промышленных обществ в границах СССР к 1913 г. *

Группа производства	Число предприятий	Основной капитал, млн. руб.	Имущество, млн. руб.	Земля: всего, тыс. га: на правах собственности	Земля: всего, тыс. га: на правах аренды	Земля: на 1 млн. имущества, га: на правах собственности	Земля: на 1 млн. имущества, га: на правах аренды
1	2	3	4	5	6	7	8
А. Русские акционерные общества							
Обработка волокнистых веществ	240	546,5	651,8	661,1	108,1	1110	167
Обработка пищевых и вкусовых веществ	306	329,2	851,8	862,1	760,0	1110	894
В том числе сахар и сахар-рафинад	88	84,8	125,1	185,5	186,9	1481	1490
Обработка животных продуктов	28	38,7	36,4	0,5	0,0	16	—
Лесная промышленность и обработка дерева	63	52,7	42,1	677,7	22,6	16090	526
Бумагомассная и полиграфическая	64	53,8	63,9	66,4	0,0	1040	1
Химическая промышленность	67	104,4	114,0	19,6	0,5	172	5
Добыча и обработка металла (кроме железа)	36	116,8	99,7	826,0	70,5	8160	707
В том числе добыча золота и платины	8	41,9	45,6	525,0	45,3	11500	994
Добыча и обработка железа	58	300,6	385,7	2530,0	1016,0	6650	2620
В том числе рудничная и металлургическая	20	180,1	280,4	1820,0	778,0	6970	2642
Машиностроение	70	232,3	131,5	68,1	0,2	520	1
Производство металлических изделий	29	18,3	14,8	0,0	0,0	1,1	1,1
Добыча и обработка полезных ископаемых (кроме металлов)	149	400,6	435,2	60,9	106,6	140	246
В том числе							
добыча каменного угля	24	51,6	46,8	17,9	50,0	382	1070
» и обработка нефти	47	148,7	171,7	5,7	4,4	33	26
Обработка минеральных веществ	63	87,5	71,8	224,1	3,1	3212	43
По всем группам	1173	2281,4	2898,7	5996,5	2087,6	2080	721
В том числе							
без данных о земле	475	780,5	1176,7	(1848,0)	(906,0)	1571	771
с данными » »	698	1500,9	1722,0	4148,5	1181,6	2419	684
Б. Иностранные акционерные общества							
По всем группам	136	355,5	—	133,7	25,5	—	—
В том числе							
без данных о земле	80	151,9	—	(57,2)	(10,9)	—	—
с данными » »	56	203,6	—	76,5	14,6	—	—
Итого (по А и Б)	1309	2636,9	—	6130,2	2113,1	—	—
В том числе							
без данных о земле	555	932,4	—	(1905,0)	(906,0)	—	—
с данными » »	755	1704,5	—	4225,2	1207,1	—	—

* «Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях». СПб., Изд. Министерства торговли и промышленности, 1914.

Число таких поправок для выявления полной суммы прибавочной стоимости, извлекаемой из промышленности, можно было бы еще значительно увеличить. Но для 1913 г. мы имеем возможность сделать более

прямой подсчет этой суммы. По данным промышленной переписи, валовая продукция цензовой промышленности 1913 г. распределялась в интересующем нас отношении следующим образом.

По 17 991 заведению с 2599 тыс. рабочих и валовой продукцией 5620,7 млн. руб. эта продукция разлагалась на следующие элементы:

	Млн. руб.	%
А. Перенесенная стоимость	3519,6	62,6
I. Основного капиталла	547,6	9,7
амортизация	250,9	4,4
ремонт оборудования и строений	281,0	5,0
горимость оборудования и строений	(15,7)	0,3
II. Оборотного капиталла	2972,0	52,9
сырье и вспомогательные материалы	2551,6	45,4
топливо и смазочные материалы	411,9	7,3
горимость товаров и материалов	(8,5)	0,2
Б. Вновь созданная стоимость	2101,1	37,4
I. Оплаченная доля	1052,5	18,7
зарплата рабочим	757,6	13,5
вознаграждение администрации и служащим	203,3	3,6
расходы, связанные с содержанием рабочих	62,8	1,1
расходы по страхованию наемного персонала (3%)	(28,8)	0,5
II. Неоплаченная (прибавочная стоимость)	1048,6	18,7
доля фиска (акцизы, налоги, сборы)	408,1	7,3
доля буржуазии	640,5	11,4
Общая стоимость продукции по СССР	5620,7	100,0
То же по бывшей империи	6882,0	122,0

Приведенная группировка несколько расходится с той, которую обычно дает ЦСУ. Для выделения так называемой условно чистой продукции из валовой ЦСУ обычно довольствуется исключением из нее только стоимости материалов, т. е. сырья и топлива. Иногда исключается им сверх того и амортизация. Однако, поскольку речь идет об исчислении вновь созданной стоимости, из валовой продукции необходимо исключить и текущий ремонт, и пожарные убытки. Сумму последних мы определили по данным статистики акционерного страхования, потому что исчисленная по переписи цифра 168,6 млн. руб. «страховых расходов» явно ни с чем не сообразна, если даже в их число включить и расходы по страхованию от несчастных случаев и т. п. Социальное страхование для 1913 г. принято нами в 1,68% по несчастным случаям и 1,32% от зарплаты по заболеваниям, согласно конкретным данным страховой отчетности. Доля фиска в прибавочной стоимости слагается из 58,2 млн. руб. промысловых сборов, 45,6 млн. руб. процентного сбора с прибылей и 304,3 млн. руб. акцизных сборов. В число последних не включен вовсе питейный акциз (около 406 млн. руб.), реализованный в торговой накидке по всем казенным винным складам, и некоторые другие. Но и за этим пропуском на долю фиска падает очень солидная доля — до 40% прибавочной стоимости.

Вновь созданная стоимость в нашей сводке составляет всего 37,4% общей стоимости продукции. Норма эксплуатации труда в промышленности достигала по этому же расчету почти 100%. Правда, сюда входит не только предпринимательская прибыль, но и процент на свой и занятый капитал и земельная рента. За счет этих сумм шло и накопление капитала, и все непроизводительные расходы буржуазии со всеми ее прихвостнями. Но факт остается фактом. На каждую сотню рублей зарплаты в промышленности создавалось не менее 100 руб. дохода буржуазии.

Основные фонды цензовой промышленности без земли, т. е. строения и оборудование, соответствующие этому доходу, по начальной их стоимо-

сти мы оцениваем в 3523 млн. руб.[1] Если исходить из вышеопределенной нормы накопления в 6%, то для этого в 1913 г. требовалось бы получить не свыше 212 млн. руб. прибыли. Цифра, как видим, весьма далекая от тех, какими измерялась фактическая норма эксплуатации труда в капиталистической России.

В Советской республике мы не могли бы говорить о нормах эксплуатации, ибо под словом эксплуатация мы привыкли понимать использование хозяином *чужого* труда. Ныне же пролетариат является у нас сам хозяином не только своего труда, но и своей продукции, и речь могла бы идти лишь о «самоэксплуатации» или, лучше сказать, о некотором сознательном *самоограничении* пролетариата в настоящем ради своего же собственного лучшего будущего.

Конечно, интересы этого будущего властно требуют от нас такого темпа накопления, в котором мы отнюдь не отставали бы от важнейших соседних стран, в капиталистическом окружении которых пребывает доныне наш СССР. Наоборот, в интересах политического самосохранения мы должны по мере сил обгонять их в росте наших производительных сил. И если американский и русский царских времен темп накопления производственных фондов промышленности не превосходил реально 5—6% годовых, то для нас едва ли приемлем даже для первых лет прирост ниже 6% годовых.

Как видно из вышеизложенного, такая норма накоплений в 1913 г. потребовала бы всего 212 млн. руб. прибыли, что в цене валовой продукции заняло бы не свыше 3,8%, а на каждую сотню рублей зарплаты — около 20 руб. прибавочной стоимости.

На самом деле буржуазия извлекала несравненно более высокую норму прибавочной стоимости. И ныне, при изменившихся условиях, мы имеем в этих ее сверхприбылях вполне достаточный резерв как для повышения зарплаты в интересах рабочих, так и для снижения продажных цен в интересах всего трудящегося населения.

Ведя плановое хозяйство, мы должны, разумеется, прежде всего сознательно регулировать темп социалистического накопления. Техника этого регулирования может быть весьма различной. Мы можем, например, предуказать хозорганам, что они должны в данном операционном году включить в калькуляцию продажных цен такой-то процент прибыли, начисляя его на основной капитал или на общую сумму издержек производства, или только на сумму выплаченных зарплат. Технически последний прием был бы наиболее осуществим, ибо общая сумма издержек производства выясняется лишь после заключения всей годовой отчетности и представления заключительных отчетных калькуляций. Что же касается основных фондов, то истинные их размеры в настоящий момент представляют собой еще более загадочную величину, чем общая сумма предстоящих за год издержек производства. Кроме того, наличные фонды пока чрезвычайно неравномерно загружены в разных отраслях производства и отдельных предприятиях. И установить для всех этих предприятий одну и ту же норму прибыли было бы явно нецелесообразно.

Тенденция к равенству нормы прибыли и в капиталистическом обществе осуществляется лишь как наиболее общая тенденция, т. е. весьма несовершенно. И поставить ее достижение идеалом в наших хозяйственных условиях, когда средства производства всех отраслей промышленности одинаково обобществлены и когда для планомерного перебрасывания их из одной области труда в другую мы имеем достаточно регулирующих факторов и помимо стихийно выявляющихся на рынке цен и соответствующих им норм прибыли, было бы по меньшей мере нерациональным. Другое дело — тенденция к выравниванию в разных областях производ-

---

[1] См. табл. 38.

ства уровня зарплаты рабочих равной квалификации и соответствующих норм накопления $m:v$. Выявить эту тенденцию, обнажив ее от всех фетишистских оболочек, уже в процессе планового подхода к хозяйству — это не только технически приемлемая, но и принципиально благодарная позиция.

Каждый рабочий имеет право и должен отчетливо знать, какую долю своей продукции он сберегает по воле своего класса для усиления производственных фондов республики труда, а если он будет знать к тому же, что тягота этого самоограничения распределяется *равномерно* на всех его товарищей по труду, то тем сознательнее и радостнее будет участвовать в общей работе и общем стремлении к социалистическому будущему.

2. НАШИ ФОНДЫ К 1924/25 г, И ПРОБЛЕМА ИХ АМОРТИЗАЦИИ

Выше нами было установлено, что в довоенное время темп индустриального накопления в России не превышал 6% в год.

Как же обстояло дело с накоплением за время войны и революции и какими ресурсами мы обладаем ныне в области промышленных фондов?

К 1913 г. основные фонды фабрично-заводской промышленности за вычетом земли по всей России определялись номинальной цифрой 4,3 млрд., а в пределах СССР из них осталось круглым счетом 3,5 млрд. руб. За вычетом же износа эти цифры соответственно понижаются на 35% — до 2,8 млрд. и 2,3 млрд.

Средний срок службы этих фондов, судя по датам основания акционерных обществ, исчислен нами к 1913 г. лет в 20 или около того. Амортизация 1913 г., по данным ЦСУ, достигала по СССР 250 млн. руб. при номинальной стоимости имущества (без земли) в 3523 млн. руб., что дает около 7,1%.

Но эта норма представляется нам явно преувеличенной за счет показаний неакционерных предприятий, учтенных переписью 1918 г. Для акционерных предприятий, по сводке П. В. Оля за 1911/12 г., мы имеем только 4,37% амортизационных отчислений по отношению к нарицательной стоимости имущества, включая землю, и даже со скидкой на землю (14,7%) этот процент не превышает 5,12. Но и эта норма нуждается еще в некоторых поправках.

Во-первых, амортизация, скажем, 1913 г., производится в валюте того же года, а оценки имущества в балансах относятся, по общему правилу, к году приобретения этого имущества, т. е. выражены в рублях иной покупательной способности — по ценам примерно конца 90-х годов. С поправкой на индекс промышленных цен соответствующих лет вышеуказанную нарицательную стоимость фабрично-заводских имуществ СССР к 1913 г. (3523 млн. руб.) пришлось бы повысить, по нашему расчету, минимум процентов на 20 — до 4230 млн. руб. И тогда норма годового износа этих фондов с 5,12 понизилась бы до 4,27%. Во-вторых, при учете первоначальной стоимости имущества не следует упускать из виду еще одно обстоятельство. В некоторых балансах износ списывался с имущества без начисления амортизационных капиталов, и, стало быть, по этим балансам первоначальная стоимость имущества не может быть исчислена. Впрочем, в акционерных предприятиях такая тактика представляет довольно редкое явление, и вытекающая отсюда поправка к первоначальной оценке имущества едва ли превысит 5—6% [1]. В таком случае первона-

[1] Из 1104 акционерных обществ, возникших до 1911 г., с оценкой имущества в 2810 млн. руб., только в 162 обществах с имуществом 275 млн. руб. не проводили по балансам амортизационных капиталов. Амортизационный капитал остальных достигал 915 млн. руб., или 36% номинальной оценки их имущества (2539 млн. руб.). Распространяя ту же норму износа и на имущества тех обществ, которые *ежегодно* списывали износ, не накопляя амортизационных капиталов, получим *первоначаль-*

чальная оценка наших имуществ с 4230 млн. возросла бы примерно на 230 млн. — до 4460 млн. руб., а норма износа с 4,27 понизилась бы до 4,05%. Но во всяком случае за двадцатилетнюю службу даже при 4% ежегодного износа все учтенное нами имущество обесценилось бы на 80% и обратилось бы в никуда негодный лом, а между тем по отчетам амортизационные капиталы определяют это изнашивание к 1913 г. только в 35% номинальной оценки имущества. Это значит, что за 20 лет очень значительная доля этого имущества переоборудована, старые машины заменялись новыми и т. д. А так как все такие затраты совершались за счет амортизационных отчислений прежних лет, то на балансе показан лишь остаток неиспользованных амортизационных сумм.

При ежегодной амортизации имущества в 4460 млн. руб. из 4%, т. е. по 178 млн. руб., за 20 лет мы могли бы накопить до 3,56 млрд. амортизационных капиталов, а на деле их учтено по СССР всего около 1230 млн. руб. и даже с прибавкой в 230 млн. руб. на неучтенные — не свыше 1460 млн. руб. Отсюда мы заключаем, говоря грубо, что до 60% амортизационных отчислений вложены были за эти годы снова в капитальное переоборудование наших промышленных предприятий и лишь около 40% оставалось на балансах к концу периода.

Учитывая, что нормы изнашивания оборудования раза в 3 превышают нормы износа строений, можно грубо определить, что из 178 млн. руб. амортизационных отчислений 1913 г. около 137 млн. руб., или 77% общей их суммы, падает на погашение износа *оборудования* и лишь остальные 40 млн., или 23%,— на износ *строений* и долговременных *сооружений*.

Допуская, что восстановительные работы производились только в 60% износа, мы должны определить их масштаб для 1913 г. по СССР в сумме 107 млн. руб., из которых на оборудование надо отнести не менее 82 млн., причем эта цифра отнюдь еще не включает новых вложений в оборудование.

Спрашивается, какие же ресурсы у нас имелись для столь значительных ежегодных погашений оборудования?

За 1910—1912 гг., пользуясь данными «Обзоров внешней торговли» и известного обследования «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг.» и по возможности выделяя из общей суммы ввоза и производства предметов оборудования только те машины, силовые установки и части машин и аппаратов, какие предназначались для индустриального использования, мы получим итоги, приведенные в табл. 45.

В 1900 г., по обследованию В. Е. Варзара, 63% всего оборудования

Таблица 45

Итоги индустриального оборудования

Год	Ввоз в Россию (с пошлиной)		Своя продукция (реализованная)		Итого	
	тыс. т	млн. руб.	тыс. т	млн. руб.	тыс. т	млн. руб.
1910	117,4	93,6	142,5	54,8	259,9	148,4
1911	148,9	118,3	181,9	70,6	330,8	188,9
1912	150,8	117,8	209 8	82,2	360,6	200,0
За 3 года	417,1	329,7	534,2	207,6	951,3	537,3
%	43,7	61,4	56,3	38,6	100,0	100,0

ную оценку имущества всех 1104 обследованных нами обществ на 155 млн. руб., или 5,5% выше той суммы (2810 млн. руб.), какая была показана ими по балансам.

русской промышленности было заграничного происхождения. Судя по приведенным данным, это соотношение мало изменилось и к 1913 г. Любопытно отметить, что из расчета на тонну веса русские машины стоили только около 416 руб., а заграничные без пошлины — около 610 руб., а с пошлиной — даже до 800 руб., т. е. вдвое дороже русских. Это объясняется, конечно, тем, что в России производилось оборудование более грубого ассортимента, тогда как из-за границы ввозились и более сложные механизмы, в том числе, например, динамо, трансформаторы и т. п. установки, которые расценивались на единицу веса раза в 3 дороже остальной массы привозного оборудования.

По абсолютной величине сумма влитого в промышленность за 3 года оборудования на 537 млн. руб., при общем приросте основных капиталов фабрично-заводской промышленности за те же годы (см. табл. 48) на 1101 млн. руб., не достигает и 49% этой суммы. Правда, в сумму 1101 млн. руб. входят и земля, и строения, и оборотные средства. Но если учесть, что ввоз и продукция машин должны были покрывать собою не только прирост фондов за счет новых вложений капиталов, но и амортизацию старых, то придется признать учтенную нами сумму оборудования далеко не полной. Ее оценку следовало бы увеличить и за счет издержек транспорта до места назначения и прочих связанных с доставкой и установкой расходов, и за счет машин и инструментов, произведенных заводами в порядке пополнения и капитального ремонта, собственного оборудования, а потому вовсе не поступавших в продажу, и за счет прямого недоучета части внутренней продукции в наших источниках. Но так или иначе, это — массовый материал, вполне достаточный для динамических сопоставлений.

Попробуем же его сопоставить с аналогичными данными за последующие годы.

Существует мнение, высказанное в печати А. Б. Штерном, что за время войны в нашу промышленность было вложено *максимально* новых 500 млн. руб.[1] Попробуем же его проверить прежде всего по данным о ввозе и продукции машин индустриального назначения. Во время войны промышленность России в районе военных действий частью функционировала, частью оставалась вне всякого учета, а потому внутреннюю продукцию страны мы даем, по исчислению Н. Я. Воробьева, только в границах современного Союза ССР. Получаются итоги, приведенные в табл. 46.

Как видим, импорт машин из-за границы за время войны, как и следовало ожидать, резко сократился. Но зато внутреннее их производство настолько расширилось, что с избытком уравновесило сокращение ввоза. Выделение оборудования промышленного назначения из общей продукции машиностроения, куда входят и паровозо- и судостроение, и сельскохозяйственное машиностроение, и многие другие производства, сделано нами приблизительно по данным о детальном расчленении примерно лишь 50% всей учтенной в табл. 46 продукции. Тем не менее, если сравнить исчисленную нами цифру продукции индустриальных машин для 1913 г. (69,3 млн. руб.) с данными 1912 г. (82,2 млн. руб.), то наш расчет придется признать скорее преуменьшенным, чем преувеличенным. А между тем он дает прирост оборудования за 5 лет на 1227 млн. руб., что, судя по данным 1910—1912 гг., должно было соответствовать общему приросту новых вложений в промышленность примерно на вдвое большую сумму.

Обращаясь к прямым данным о приросте капиталов в промышленности за 1913—1917 гг., мы имеем по акционерным предприятиям данные, приведенные в табл. 47.

---

[1] Ал. Штерн. Оценка основных капиталов. «Финансовая газета», 30 декабря 1924 г., № 290.

Таблица 46

Ввоз и продукция промышленного оборудования за время войны

Годы	Ввоз из-за границы				Индекс цен машин (гр. 4 : гр. 3)	Продукция по СССР в ценах 1913 г.				Ввоз и продукция, млн. руб. (гр. 5 + 9)
	тыс. т	млн. руб.				все машиностроение		в том числе промышленное оборудование		
		без пошлины	с пошлиной			число рабочих, тыс.	продукция, млн. руб.	млн. руб.	% к гр. 8	
			номинал	в ценах 1913 г.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1913	194,4	119,5	156,3	156,3	100,0	160	308,2	69,3	22,5	225,6
1914	141,4	90,5	117,4	114,0	103,0	197	400,5	86,6	21,7	200,6
1915	52,8	48,7	60,8	42,4	143,3	274	757,0	163,2	21,6	205,6
1916	134,6	174,1	(206,9)	180,2	190,8	361	978,2	218,5	22,3	326,4
1917	65,3	120,1	133,6	52,7	253,0	405	705,5	216,0	30,6	268,7
1914—1917	394,1	433,4	518,7	317,3	—	—	2841,2	684,3	24,0	1001,3
1913—1917	488,5	552,9	675,0	473,6	—	—	3149,4	753,6	24,0	1226,9
1918*	4,9	13,7	—	3,9	—	242	(177,4)	(32,8)	18,5	36,7

* Продукция 1918 г. исчислена удвоением данных за первое полугодие; на самом деле продукция второго полугодия была, вероятно, значительно меньше.

Таблица 47

Вновь открытые предприятия *

Отчетный год	Число акционерных компаний	Основной капитал, млн. руб.	
		нарицательный	в ценах 1912 г.
1913	165	313,6	313,6
1914	106	139,0	135,0
1915	93	139,4	97,3
1916	160	278,8	146,1
1917	219	579,0	228,0
1913—1917	743	1449,8	920,0

* «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII. Петроград, 1922, стр. 155.

По одним лишь акционерным предприятиям сумма новых вложений капитала, перечисленная в валюту 1913 г. по тем же индексам, какие у нас определялись в табл. 46 для машинного оборудования, дает не менее 920 млн. руб. Но не следует забывать огромного расширения за время войны казенных заводов[1]. Да и частная неакционированная промышленность, работавшая на оборону, имела достаточно военных сверхприбылей для ускоренного накопления. А в связи с падением курса рубля в 1916 г.

[1] В одной Ленинградской губернии число рабочих на казенных заводах с 75 тыс. в 1913 г. поднялось до 165 тыс. к 1 января 1917 г., что дает прирост в 120% и соответствует по нормам 1913 г. дополнительному вложению основного капитала минимум на 110 млн. руб. (по 1240 руб. на одного рабочего).

и особенно в 1917 г. накопление в денежной форме было крайне убыточным. И предпринимателям не оставалось ничего другого, как вкладывать свои доходы в производственное накопление.

Как бы то ни было, за пятилетие — с 1908 до начала 1913 г.— нарицательный основной капитал акционерных предприятий по всей России возрос с 1988 млн. до 2848 млн. руб., т. е. на 860 млн., а за следующее пятилетие — к концу 1917 г.— даже за вычетом театра военный действий мы имели прирост в 920 млн. руб., т. е. на 60 млн. руб., или на 7% больше, чем за предшествующее пятилетие. Неакционерные капиталы возросли за 1908—1913 гг. на 314 млн. руб. И если допустить, что за следующее пятилетие этот прирост изменился в той же пропорции, что и для акционерных предприятий, то для 1913—1917 гг. получим прирост в 336 млн. руб.,

Таблица 48

Динамика основных фондов фабрично-заводской промышленности за 1913—1917 гг. с учетом технического и морального износа (в млн. довоенных руб.)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	За 5 лет
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Основной капитал к началу года	3 215	3 446	3 652	3 862	4 197	4 471	+1 256
2. Имущество	3 523	3 719	3 894	4 072	4 356	4 589	+1 066
А. Балансовая оценка							
Б. Начальная оценка в ценах 1913 г.							
строения (47%)	2 095	2 187	2 269	2 353	2 486	2 596	+501
оборудование (53%)	2 365	2 469	2 562	2 656	2 807	2 930	+565
Итого (100%)	4 460	4 656	4 831	5 009	5 293	5 526	+1 066
В. Реальная оценка в ценах 1913 г. (за вычетом износа)							
строения (47%)	1 410	1 486	1 551	1 618	1 733	1 823	+413
оборудование (53%)	1 590	1 639	1 674	1 708	1 797	1 854	+264
Итого (100%)	3 000	3 125	3 225	3 326	3 530	3 677	+677
3. Износ прежних лет к началу года	1 460	1 531	1 606	1 683	1 763	1 849	+389
4. Текущий износ							
строения (1,91%)	40	42	43	45	47	—	217
оборудование (5,84%)	138	144	150	155	164	—	751
Итого	178	186	193	200	211	—	968
5. Восстановленные затраты (60% износа)							
строения	24	25	26	27	27	—	129
оборудование	83	86	90	93	98	—	450
Итого	107	111	116	120	125	—	579
6. Новые вложения							
строения	92	82	84	133	110	—	501
оборудование	104	93	94	151	123	—	565
Итого	196	175	178	284	233	—	1 066

а всего с акционерной промышленностью — 1256 млн. руб., из которых на долю машин и аппаратов, по нормам 1913 г., надо считать, во всяком случае, не свыше 50%, или 628 млн. руб.

По сравнению с вышеприведенным итогом фактического снабжения страны машинами (на 1227 млн. руб.) эта цифра представляется более чем скромной. Она предполагает, что из указанного снабжения на цели накопления шло не более половины поступающих в страну машин, а все остальные служили целям замещения изношенного оборудования за счет амортизационных сумм.

Допустим, однако, что в качестве *минимального* предела новых вложений за 1913—1917 гг. мы цифру 1256 млн. руб. принять можем. Часть этой суммы в первые два года пятилетия падала и на отошедшие ныне от СССР окраины, но зато, с другой стороны, много оборудования из этих окраин в порядке эвакуации было переброшено за время войны в пределы нынешнего Союза. А потому всю вышеприведенную сумму вложений основных капиталов мы можем отнести без большой погрешности к этим пределам.

Допустим, далее, что новые вложения основного капитала в сумме 1256 млн. руб. за пятилетие распределялись по годам пропорционально общему снабжению страны машинами (табл. 46, гр. 11) и что из этих новых вложений на строения и оборудование затрачивалось 85% (14,7% капитальных затрат, по Н. Я. Воробьеву, падало на землю). Тогда, исходя из вышеустановленных абсолютных величин и коэффициентов, мы сможем представить следующий примерный расчет изменений в составе наших производственных фондов за 1913—1917 гг. (табл. 48).

Годовой износ в 178 млн. руб., принятый нами для 1913 г., соответствует 4% к *начальной* оценке капитала (4460 млн. руб.), падая до 1,91% по строениям и поднимаясь до 5,84% для машинного оборудования[1]. Исчисляя амортизацию по этим нормам за все пятилетие, мы получим в сумме 968 млн. руб. износа, из которого 579 млн., т. е. 60%, покрыты восстановительными затратами из амортизационных капиталов, а 389 млн. остались непогашенными. Новые вложения в имущество определились в сумме 1066 млн. руб., а за вычетом износа — 677 млн. руб. И общая сумма фабрично-заводских имуществ к моменту Октябрьской революции достигала не менее 3677 млн. руб.

Сопоставляя исчисленные в табл. 48 вложения в оборудование с погодными данными о фактическом снабжении страны машинами, получаем баланс машинного оборудования (в млн. руб.):

Год	Вложения	Снабжение
1913	187	226
1914	179	200
1915	184	206
1916	244	326
1917	221	269
1913—1917	1015	1227
в %	100%	123%

Итоги снабжения машинами, исчисленные нами по ценам на таможне или на заводе у производителя, несомненно преуменьшены. И тем не менее они на целых 23% выше итогов капитальных вложений на оборудование. Это лишний раз подтверждает, что фактический прирост фондов промышленности за 1913—1917 гг. был значительно выше учтенного нами. И во всяком случае позволяет нам считать, что к моменту революции в наших портах и на машиностроительных заводах было накоплено неис-

[1] По отношению к нарицательной величине его в 3523 млн. руб., выведенной без всяких поправок по балансам, этот процент повышается до 5, падая по строениям до 2,4 и поднимаясь для машинного оборудования до 7,4.

пользованного машинного оборудования минимум на 200 млн. руб. в ценах 1913 г.

За время революции снабжение страны машинами упало до минимума. Весь ввоз индустриального оборудования за 7 лет до 1 октября 1924 г., по имеющимся данным, едва достигает 36 млн. руб. по довоенной оценке, а внутренняя продукция — около 100 млн. руб. Все это количество — даже с учетом использованных запасов оборудования дореволюционного времени (на 200 млн. руб.) — не могло покрыть собою семилетнего износа этого оборудования в промышленности. К тому же гражданская война 1918—1920 гг. в результате прямых разрушений промышленных заведений и расхищения принадлежащих им товарных запасов причинила, по имеющимся подсчетам, ущерба на сумму свыше 1353 млн. руб. За вычетом ущерба по железнодорожному строительству и мелкой кустарной промышленности, включенного в этот итог — на 486 млн. руб., на долю фабрично-заводской промышленности останется 867 млн. руб. ущерба. Из них на ущерб в основном капитале, т. е. на строения и оборудование, мы относим не свыше 40%, или 345 млн. руб.[1]

Таким образом, общая сумма наших производственных ресурсов к 1925 г., несомненно, резко сократилась по сравнению с данными 1917 г. Конечно, мы не можем претендовать на правильную оценку уцелевших ресурсов без прямого учета их путем специальной инвентаризации. Но для общей ориентировки можно пока ограничиться и гораздо более грубой статистической их оценкой. Что же она дает?

Для учета амортизации воспользуемся довоенными нормами. Новые вложения капиталов в электростроительство можно оценить в следующих цифрах: до 1922/23 г.— около 25 млн. руб., за 1922/23 — до 30 млн. руб., за 1923/24 — 46 млн. червонных руб. Капитальные затраты в угольной, нефтяной, металлической и некоторых других отраслях промышленности на восстановительные работы, жилищное строительство и т. п. по бюджету промышленности ВСНХ СССР за 1922/23 г. должны были достигнуть 112 млн. руб., за 1923/24 г.— 192 млн. руб. и на 1924/25 г. они намечены в сумме около 206 млн. червонных рубл.[2]

Таблица 49

Общие итоги вложений

Год	Восстановительные затраты по			Новые вложения в		
	строениям	оборудованию	итого	строения	оборудование	итого
1	2	3	4	5	6	7
1917/18	16	57	73	—	—	—
1918/19	12	44	56	—	—	—
1919/20	8	28	36	2	2	4
1920/21	7	26	33	3	3	6
1921/22	9	33	42	12	12	24
1922/23	12	42	54	15	15	30
1923/24	15	54	69	40	20	60
Итого . . .	79	284	363	72	52	124

[1] Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М., 1924, стр. 76. К сожалению, автор не дает полного расчленения этой суммы на ущерб в основном и оборотном капитале, но в расчлененных им данных по части заводов из ущерба в 126 млн. руб. на товары и материалы падает 78,8 млн. руб. т. е. свыше 62%.

[2] Ср. А. Б. Штерн. Государственное финансирование промышленности. 1924 г., стр. 99 и 138; С. Абрамович. Экономика промышленности по данным ее бюджета.

Учитывая эти и еще некоторые другие, более мелкие вложения и приводя их по индексу к довоенным оценкам, мы определили грубо все новые вложения за 7 лет в 124 млн., а восстановительные затраты — в 363 млн. руб., причем распределили последние по годам пропорционально общей продукции нашей промышленности за те же годы. Капитальный ремонт строений по отношению к затратам на переоборудование мы сосчитали по норме предшествующих лет (около 28%) и получили, конечно, весьма примерные итоги, приведенные в табл. 49.

Военный ущерб мы условно относим равными долями на первые три года революции. Сумму дореволюционных запасов оборудования к настоящему моменту, судя по балансам машиностроительной промышленности, можно считать целиком исчерпанной. И общая динамика производственных фондов представляется нам в следующем виде (табл. 50).

Таблица 50

Динамика основных фондов фабрично-заводской промышленности СССР за 1918—1924 гг. с учетом технического и морального износа

(в млн. довоенных руб.)

Год	Имущество к началу года							Износ прежних лет (коммерческий)	Военный ущерб	Текущий износ (коммерческий)		
	балансовая оценка	начальная оценка в ценах 1913 г.			реальная оценка (за вычетом износа)							
		строения	оборудования	итого	строения	оборудования	итого			строения (1,91%)	оборудования (5,84%)	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1917/18	4589	2596	2930	5526	1823	1854	3677	1849	115	50	171	221
1918/19	4474	2542	2869	5411	1789	1740	3529	1882	115	49	168	217
1919/20	4359	2488	2808	5296	1752	1616	3368	1928	115	47	164	211
1920/21	4218	2436	2749	5185	1715	1482	3197	1988	—	46	161	207
1921/22	4254	2439	2752	5191	1679	1350	3029	2162	—	45	161	206
1922/23	4278	2451	2764	5215	1655	1234	2889	2426	—	46	161	207
1923/24	4308	2466	2779	5245	1636	1130	2766	2479	—	47	163	210
1924/25	4368	2506	2799	5305	1644	1041	2685	2620	—	—	—	—
За 7 лет	—221	—90	—131	—221	—179	—813	—992	+771	345	330	1149	1479

Итак, около 9—10% наших основных фондов 1917 г. в реальной их оценке погибло за время гражданской войны, свыше 40% подверглось износу, но за учетом новых вложений и капитальных ремонтов остаток имущества достигает все же не менее 71% итога 1917 г., или 87% итога 1913 г. Гораздо ниже доля сохранившихся у нас фондов по отношению к первоначальной их оценке в ценах 1913 г., достигавшей к 1 октября 1924 г., даже за вычетом военного ущерба, 5305 млн. руб. Накопившийся износ имущества по отношению к этой цифре достигает уже 50%, причем строения обесценивались лишь на 35%, а оборудование — на 63%. Но здесь необходимо помнить, что в указанной цифре учтено не только техническое, но и так называемое моральное, или коммерческое, изнашивание наших капиталов. Такой подсчет, если в нормах морального износа правильно учитывается темп технического прогресса, дает вполне точную *коммерческую* оценку наших капитальных ресурсов к началу 1924/25 г. Если бы их нужно было *реализовать,* то никто не оценил бы их выше, ибо даже не бывшую в употреблении машину, стоившую 1000 руб., нельзя

«Экономическая жизнь», 1925, № 28 и М. Бирбраер. Государственная промышленность. сб. «Промышленность и финансы» М., 1924, стр. 61.

оценить дороже 500 руб., если на рынке имеется уже новая конструкция той же машины, дающая вдвое больший производственный эффект на единицу амортизируемой в работе стоимости этой машины. Но, кроме коммерческой ценности, всякое оборудование имеет еще и чисто производственную — *техническую* ценность. И с точки зрения технической годности наше оборудование, несомненно, значительно менее изношено, чем это вытекает из вышеприведенного расчета.

В известной работе проф. Н. Ф. Чарновского («Организация промышленных предприятий». М., 1919, стр. 338) указывается, что собственно *технический* износ в общих коэффициентах годового обесценения разного рода оборудования колебался в довоенной практике от 10 до 95%, в том числе в постройках его доля достигала 75, в станках она падала до 50, в двигателях — до 30—40, в специальных машинах, кранах и т. п. — до 25 и т. д., а в среднем — около 70%.

В табл. 51 мы попробовали вычислить средние взвешенные коэффициенты технической и коммерческой амортизации. При этом процентный состав имущества нами взят в основных подразделениях для 1913 г. — по данным переписи, а для 1923 г. — по сводному балансу ВСНХ на 1 октября 1923 г.[1] Подразделения строений по их назначению и по материалу заимствованы из данных отчетности акционерного страхования от огня фабрично-заводских предприятий за 1914 г. Частные коэффициенты

Таблица 51

Средний коэффициент амортизации фабрично-заводского имущества СССР

Род имущества	Состав имущества, %		Коэффициент амортизации, %					
			Госплана		ВСНХ			
					технический		коммерческий	
	1913 г.	1923 г.	от — до	средний	от — до	средний	от — до	средний
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Строения и сооружения	44,6	56,4	—	1,26	—	2,5	—	3,2
I. Строения	46,8	55,5	—	1,27	—	2,5	—	3,2
Прифабричные	22,3	26,5	—	1,15	—	1,8	—	2,5
каменные, железобетонные	12,8	15,3	0,5—1,0	0,75	—	1,5	—	2,0
смешанные	7,7	9,2	1,0—2,0	1,50	—	2,0	—	3,0
деревянные	1,8	2,0	2,0—3,0	2,50	—	2,5	—	3,5
2. Фабрично-заводские	24,5	29,0	—	1,39	—	3,2	—	3,9
каменные, железобетонные	21,6	25,6	1,0—1,5	1,25	—	3,0	3,0—4,5	3,75
смешанные	2,2	2,6	1,5—2,5	2,00	—	4,0	4,0—6,0	5,00
деревянные	0,7	0,8	2,5—5,0	3,75	—	5,0	5,0—7,5	6,25
II. Сооружения (подъездные пути и пр.)	—	0,9	0,5—1,0	0,75	—	1,5	—	2,0
Оборудование	53,2	43,6	—	4,22	—	5,8	—	10,1
1. Техническое оборудование	49,2	37,6	3,0—5,0	4,00	—	5,25	5,0—20,0	9,9
2. Живой и мертвый инвентарь	4,0	6,0	(6,0—8,0)	(7,00)	3,5—7,0	12,0	—	12,0
В среднем по составу 1913 г.	100	—	—	2,84	—	4,22	—	6,87
В среднем по составу 1923 г.	—	100	—	2,62	—	4,08	—	6,23

[1] «Сводные балансы общесоюзной промышленности на 1 января и 1 октября 1923 г.» М.— Л., 1925.

амортизации, приведенные в табл. 51, заимствованы из материалов специальной комиссии Госплана [1].

В табл. 51 бросается в глаза прежде всего огромная разница между нормами амортизации, на которых настаивали представители ВСНХ, и теми, которые приняты комиссией Госплана.

Конечно, все такого рода коэффициенты устанавливаются экспертным путем, т. е. со значительной дозой субъективизма. Но все же субъективизм субъективизму рознь. В данном случае мы имели дело с особой его разновидностью, которая определяется ведомственной заинтересованностью ВСНХ — получить для скорейшего восстановления промышленности максимально высокие нормы амортизации.

Размер поправки на этот ведомственный субъективизм статистически определить нетрудно. Довоенную *коммерческую* норму амортизации мы определили выше в 4,05%. По данным ВСНХ, при таком же составе имущества она определяется в 6,87%, т. е. почти на 70% выше. Конечно, цель такого преувеличения чрезвычайно почтенна. Мы все крайне заинтересованы в скорейшем возрождении нашей промышленности, но не в ущерб другим, не менее важным задачам. А между тем слишком щедрые нормы амортизации удорожают цены промышленных продуктов и тем самым ставят нас под угрозу кризиса сбыта, ибо наша деревня не так богата, чтобы покупать продукты города по любым ценам. Но если бы она даже сделала эти амортизационные накидки, то все же мы их ни в коем случае не могли бы одобрить. Дело в том, что неумеренная щедрость ВСНХ за счет деревни обошлась бы нам слишком дорого в других отношениях. Мы должны проявлять особую осторожность ко всем предложениям, которые могут вновь раздвинуть лезвия тех ценовых «ножниц», которые являются наиболее серьезной угрозой налаживающейся ныне политической и экономической смычки города с деревней.

Вот почему для нас гораздо приемлемее такие нормы амортизации, которые без всякого преувеличения, но все же полностью покрывают весь реальный износ наших производственных фондов.

Достаточны ли в этом отношении нормы Госплана, предусматривающие только *технический* износ?

Вопрос этот настолько серьезен, что на нем следует несколько остановиться. Прежде всего сопоставим этот износ с фактическими восстановительными затратами довоенного времени. Довоенная практика отчисляла в амортизационные капиталы не менее 4% начальной оценки имущества, но затрачивала из них реально на восстановительные работы, т. е. капитальный ремонт и переоборудование, только до 60% этих отчислений, т. е. не свыше 2,4%, а остальные копила в денежной или товарной форме. С этим любопытно сопоставить вышеприведенное свидетельство проф. Чарновского, что в довоенных нормах амортизации технический износ составлял не более 0,7%, а остальные 0,3% падали на погашение морального износа. Если скинуть эти 0,3 из 4% довоенных отчислений, то останется 2,8%. Эта норма вполне совпадает с соответствующим средним коэффициентом Госплана (2,84%).

Технический износ достигал 2,8%, а восстановительные работы погашали его лишь на 2,4% или даже менее. Таким образом, капиталистическая практика не погашала полностью даже технического износа своих производственных фондов. Спрашивается, какое же назначение в этой практике можно приписать суммам так называемой моральной амортизации?

Чтобы усвоить себе скрытую здесь капиталистическую мораль, обратимся к примеру. Допустим, что у меня имеется технического оборудо-

---

[1] Ср. «Проект приказа по ВСНХ об амортизации имущества». «Торгово-промышленная газета», от 10 октября 1924 г., № 205.

вания на 1000 руб., которое технически придет в негодность через 35 лет, а кроме того, мне известно, что прогресс техники ежегодно удешевляет такого рода оборудование таким темпом, что уже лет через 25 технически равноценное моему оборудование можно будет купить процентов на 30 дешевле. Тогда я строю таблицу в полном согласии с капиталистической практикой (табл. 52).

Таблица 52

Индекс цен оборудования

Год службы	Начальное имущество	Износ		Амортизационный фонд (4,0%)	Индекс цен оборудования
		технический (2,8%)	моральный (1,2%)		
1-й	1000	—	—	—	1000
6-й	1000	140	60	200	940
11-й	1000	280	120	400	880
16-й	1000	420	180	600	820
21-й	1000	560	240	800	760
26-й	1000	700	300	1000	700
31-й	1000	840	360	1200	640
36-й	1000	980	420	1400	580

Какова цель моральной амортизации с индивидуальной точки зрения хозяина-предпринимателя? Выручить уже в течение первых 25 лет полную сумму своих первоначальных затрат, так как в случае ликвидации предприятий к этому моменту цена ему будет грош, а он не хочет нести никаких потерь в своем капитале. Но с народнохозяйственной точки зрения, если мы через 25 лет обратим даже просто в лом все наше имущество, нам потребуется для замены его совершенно новым и продолжения продукции *в том же размере* всего 700 руб. Что же будет сделано с остальными 300 руб. *моральной* амортизации? Очевидно, в капиталистической практике они попросту останутся в кармане хозяина, от чего он, конечно, получит вполне понятное «моральное» удовлетворение.

Но в условиях общественного хозяйства такой частнохозяйственный подход к проблеме амортизации невозможен. В социалистическом хозяйстве и даже в переходную к нему эпоху — после национализации средств производства — нас не может интересовать вопрос о том, сколько мы выручили бы за наше оборудование в тот или иной момент, если бы вздумали его ликвидировать. Общество, взятое в целом, не может ликвидировать на рынке своего производственного фонда, вложенного в действующие предприятия. Оно может использовать его лишь в процессе производства. И его единственной заботой в области амортизации должно быть воспроизводство изношенного оборудования в таких размерах, чтобы общий *производственный эффект* (а не рыночная оценка) наличного оборудования отнюдь не понижался. Конечно, у всякого общества имеются и другие задачи — задачи *расширенного* воспроизводства, но они относятся уже к проблеме накопления производственных фондов, а не простого воспроизводства их, и осуществляться должны за счет прибавочной стоимости, а не за счет амортизационных отчислений.

Таким образом, с точки зрения общественного воспроизводства совершенно достаточны такие нормы амортизации, которые погашают полностью один лишь *технический* износ наличного производственного фонда. Но значит ли это, что с моральным износом можно вовсе не считаться? Конечно, нет. Разве мы можем не считаться с техническим прогрессом, обусловливающим собою понятие «морального» обесценения всякого рода

устаревших конструкций и сооружений? Но смешно было бы рассматривать технический прогресс как какую-то враждебную целям общественного воспроизводства силу, вынуждающую его к излишним накладным расходам в виде добавочной «моральной» амортизации, включаемой в стоимость продукта и таким образом удорожающей воспроизводство. Если бы технический прогресс удорожал, а не удешевлял процесс общественного воспроизводства, то его пришлось бы наименовать регрессом.

Но и этого нет, конечно. Правда, технический прогресс ставит в лучшие условия конкуренции предприятия с новейшей техникой по сравнению с другими, хуже оборудованными. Но это сказывается не в том, что он повышает издержки производства из расчета на единицу продукта в старых предприятиях, а в том, что он понижает их в новых. Это снижение может происходить и за счет прямого удешевления стоимости износа оборудования, падающей на единицу продукта, и за счет косвенной экономики — в труде, материалах и других затратах, — создаваемой применением новой техники. И понятно, что сумма этих выгод может повысить норму прибыльности новых предприятий, даже при удешевлении их отпускных цен, а в условиях конкуренции, вынуждая удешевить продажные цены и в старых предприятиях, должны понизить их прибыльность, а в некоторых случаях сделать их даже убыточными. Однако в среднем по всему производству и трудовая стоимость, и рыночная цена данного продукта должны снизиться.

Но если количество труда на единицу продукта и цена его снижаются с повышением уровня техники и удешевлением оборудования, то включить дополнительную статью «морального» износа в себестоимость продукции с целью *переложить* этот расход в продажной цене продукта на потребителя — совершенно утопическая задача. Тем не менее обесценение старого оборудования в результате технического прогресса — несомненный факт. Как же его надлежит учитывать?

Нормальным методом такого учета была бы, на мой взгляд, *периодическая переоценка* имущества с точки зрения стоимости его воспроизводства в количестве, эквивалентном по своему производственному эффекту старому имуществу. Оцененный таким образом моральный износ надлежало списывать с первоначальной оценки имущества по активу и с основного капитала по пассиву. Тогда мы в любой момент имели бы вполне *соизмеримое* в ценностном отношении выражение всех статей баланса. Амортизационный капитал показывал бы нам в тех же единицах величину накопившегося технического износа. А сравнительные данные о рентабельности различных предприятий давали бы вполне надежный критерий для суждений, какие из них подлежат дальнейшей эксплуатации, а какие уже окончательно в техническом или организационном отношении устарели и заслуживают лишь ликвидации.

В более длительные периоды, скажем, лет через 10, такие оценки производственных фондов можно было бы производить более тщательно, путем сплошной инвентарной переоценки. В промежуточные годы соответствующие ежегодные списания возможно было бы производить грубее, по средним коэффициентам, установленным сплошными обследованиями.

По общему правилу такая переоценка должна снижать номинальную сумму наличных в стране производственных фондов. Но если наряду с этим происходит падение покупательной силы денежной единицы, то общий результат может получиться различный. В частности, ближайшая предстоящая нам переоценка союзных фондов из довоенной в червонную валюту даст, несомненно, номинальный прирост, а не сокращение основных капиталов промышленности.

Реально, однако, сумма основных фондов страны от таких переоценок измениться не может. Сколько бы мы ни списывали с балансовой суммы наших основных капиталов и имуществ, общая производственная мощ-

ность наших предприятий от этого не претерпит изменений, и, значит, реально ни на иоту мы беднее от этого не станем. Расценивать, стало быть, такие списания, следуя капиталистической практике, как реальный убыток, подлежащий погашению из валовых прибылей промышленности отнюдь не следует. Частный предприниматель мог бы, на худой конец, хоть забронировать, таким образом, часть своих прибылей от обложения. Государство же вовсе не имеет нужды самому от себя укрывать часть своих доходов. И если они, помимо специальных фондов «моральной амортизации», поступят целиком и непосредственно в общий «фонд накопления» или в специальный фонд *модернизации* устаревшего оборудования, повышающей его эффективность, то наша промышленность не потерпит от этого ровно никакого ущерба. Лишь бы только фонды накопления служили своему прямому назначению. На это и должна быть направлена наша главная забота.

В сущности и в технических нормах износа, если они исчисляются от начальной оценки производственных фондов без всяких поправок такой оценки на «моральное» обесценение этих фондов, есть известное преувеличение. Из вышеприведенного цифрового примера видно, что, отчисляя в амортизационный фонд только технический износ — по 2,8% от начальной оценки имущества в 1000 руб., мы за 35 лет службы этого имущества накопили бы не менее 980 руб. отчислений, а новое оборудование, технически эквивалентное старому, можно к этому сроку установить за 580 руб. Говоря иначе, при полном использовании имущества и замене его равноценным новым у нас осталось бы не менее 400 руб. амортизационных сумм для каких-то иных целей, например для расширения производства. Таким образом, технический прогресс, вопреки общепринятому мнению, создает условия не для повышения, а как раз наоборот — для снижения технических норм износа. И с точки зрения трудовой теории стоимости это вполне последовательный вывод.

В самом деле, допустим, что наше оборудование стоит 1000 дней общественно необходимого труда и может служить до 36 лет. Тогда мы принимаем, что ежегодно оно изнашивается на $^1/_{36}$ часть, или 2,8%, и за первый же год его службы в трудовую оценку продукции данного предприятия мы сверх всяких других трудовых затрат должны включить 28 трудодней, компенсирующих износ оборудования. Но, скажем, через 20 лет мы уже не имели бы оснований включать в трудовую стоимость вновь создаваемого продукта все те же 28 трудодней, ибо нам известно, что благодаря техническому прогрессу стоимость *воспроизводства* нашего оборудования снизилась с 1000 до 760 трудодней. И, стало быть, ежегодный износ его в той же $^1/_{36}$ доле составит вместо 28 только 21 трудодень. А так как трудовая стоимость определяется общественно необходимыми затратами труда на *воспроизводство* данного продукта, то на величину ее не может оказать никакого влияния тот факт, что 20 лет назад произведенное оборудование фактически стоило бóльших трудовых затрат, чем те, какие общественно необходимы в условиях современного производства.

С этой точки зрения периодическая переоценка производственных фондов с целью внесения поправок на «моральный» износ имущества приобретает весьма существенное значение. А именно: учет морального износа в начальной оценке имущества позволит нам точнее определить величину необходимых амортизационных отчислений по нормам технического износа и тем самым выявить точнее ту сумму прибылей, которая составляет реальный фонд накопления при данной его норме.

Ниже для иллюстрации реального значения предлагаемых нами переоценок капитальных фондов мы обращаемся снова к цифровому примеру. Пусть в нашем распоряжении имеются три заведения, изготовляющих один и тот же продукт. Годовая сумма производства их, допустим, тоже равна одной и той же величине — 1000 единиц продукта. И пусть норма

оплаты труда и накопления в них одна и та же, так же как и все остальные условия, кроме оборудования. Оборудование же в первом заведении наиболее устарелое, во втором — более новое, удешевленное и дающее дополнительные сбережения в труде и топливе, а в третьем — наиболее современное, дающее еще более экономии в рабочей силе и других затратах. Определяя норму накопления в 50%, технический износ основных фондов — в 2,8%, мы можем представить гипотетический расчет сравнительной рентабельности этих заведений до и после переоценки производственных фондов (табл. 53).

Таблица 53

Рентабельность предприятий разного оборудования до и после учета моральной его амортизации

(примерный расчет)

Элементы хозяйства	Тип предприятий			
	I устаревший	II нормальный	III новейший	Итого
1	2	3	4	5
Продукция в натуральных единицах	1 000	1 000	1 000	1 000
А. Элементы хозяйства до переоценки фондов				
1. Начальный капитальный фонд (средства труда)	1 000	900	1 100	3 000
2. Издержки производства				
рабочая сила	377	251	188	816
материалы и пр. расходы	1 099	1 057	1 036	3 192
технический износ (2,8%)	28	25	31	84
Итого	1 504	1 333	1 225	4 092
3. Прибавочный продукт (50% зарплаты)	189	126	94	409
4. Трудовая стоимость	1 693	1 459	1 349	4 501
5. Рыночная цена за 1000 единиц . .	1 500	1 500	1 500	1 500
6. Прибыль (в абс. цифрах)	—4	167	245	408
7. » (в % нач. фонда) . . .	—0,4	18,6	22,3	13,6
Б. После переоценки				
1. Капитальный фонд средств труда . .	56	758	1 100	1 914
2. Издержки производства	1 478	1 329	1 255	4 062
В том числе технический износ (2,8%)	2	21	31	54
3. Прибавочный продукт	189	126	94	409
4. Трудовая стоимость	1 667	1 455	1 349	4 471
5. Рыночная цена за 1000 единиц . .	1 490	1 490	1 490	1 490
6. Прибыль (в абс. цифрах)	12	161	235	408
» (в % к фонду)	21,0	21,2	21,0	21,0

Как видно из данных табл. 53, индивидуальная трудовая стоимость 1000 единиц продукта в устаревшем предприятии на 344 единицы, или на 25%, выше, чем в новейшем, наилучше оборудованном. Но рыночная оценка их продукта, конечно, одна и та же, а потому первое предприятие работает с убытком, а последнее — с довольно высокой прибылью. Однако если произвести переоценку наличных фондов средств труда во всех трех предприятиях, исходя из их производственного эффекта, а этот послед-

ний — при прочих равных условиях — легче всего измеряется сравнительною рентабельностью этих фондов, то фонды первого предприятия придется оценить вместо 1000 всего в 56 единиц, а второго вместо 900 — в 758 единиц. Но тогда окажется, что технический износ этих фондов при неизменившихся сроках службы следует оценивать значительно ниже ранее исчисленного. И в данном случае даже наиболее «морально» устаревшие средства труда еще способны — после такой переоценки — выполнять свое «назначение», т. е. приносить «нормальную» прибыль.

Явно непригодным для дальнейшей эксплуатации это оборудование пришлось бы признать лишь в том случае, если бы даже за полной нулификацией его оценки, а вместе с тем и амортизационных отчислений продукция на данном предприятии оказалась бы убыточной. Дальнейшая эксплуатация такого предприятия была бы возможна разве лишь за счет снижения зарплаты занятых в нем рабочих ниже обычного для них в стране уровня жизни. В нормальных условиях, однако, такой выход едва ли приемлем. При условии безубыточности бездоходность предприятия не является уже серьезным препятствием для его эксплуатации с точки зрения всего народного хозяйства в целом. А наличие значительных кадров безработных в стране может сделать такое использование бездоходных производственных фондов даже высокорациональным.

Иное дело — частнохозяйственный интерес. Он значительно суживает сферу возможного применения устаревшего оборудования, ибо работать «без пользы» для своего кармана или даже только с пониженной против средней нормы рентабельностью частный предприниматель добровольно не станет. Для него вопрос о замене устаревшего оборудования новым решается элементарным коммерческим расчетом. Если, скажем, применительно к нашему примеру, новейшая техника понижает издержки производства первой фабрики с 1478 до 1255 руб. на 1000 единиц продукта, т. е. дает прирост прибыли на 223 руб. в год, а заемный процент в стране по долгосрочному кредиту не превышает, скажем, 12 в год, то предприниматель без всяких колебаний закроет старую фабрику, займет 1100 руб. на оборудование новой и, выплачивая по займу 132 руб. в год, будет наживать на этом деле 223 — 132 = 91 руб. в год. А вот вторую фабрику, дающую только на 74 руб. меньше прибыли, чем новейшая — третья, он при тех же условиях закрывать не признает выгодным, ибо экономия в 74 руб. не покроет собою заемного процента на необходимое переоборудование в 132 руб. на год [1].

Для социалистического хозяйства такой частнохозяйственный подход мало пригоден. Общество, взятое в целом, не может занять у будущего каких-либо капитальных фондов ни под какие проценты. Оно может лишь наиболее рационально использовать те производственные возможности, какими оно располагает. А это значит: все вновь производимые капитальные затраты вкладывать лишь в такие производственные единицы, какие строятся по последнему слову техники, а закрывать — в случае достижения насыщения спроса страны на тот или иной продукт — в первую очередь те производственные единицы, которые наименее экономны с точки зрения трудовых затрат на единицу продукта.

Возвращаясь после этих общих замечаний о проблеме амортизационных фондов к частному вопросу о нормах отчислений, предложенных Госпланом, мы должны признать, что поскольку они полностью покрывают технический износ оборудования, считать их недостаточными отнюдь не приходится.

Однако выше, определяя размер оставшихся у нас производственных фондов в 2685 млн. руб., мы исходили из довоенных норм «коммерческого»

[1] Более детально этот частнохозяйственный критерий своевременности переоборудования разработан Ю. Митлянским (сб. «Амортизация в народном хозяйстве». М., 1925, стр. 22—23).

Динамика основных фондов фабрично-заводской промышленности СССР за 1913—1924 гг. с учетом технического износа по нормам Госплана
(в млн. довоенных руб.)

Год	Имущество к началу года							Износ прежних лет (технический)	Военный ущерб	Текущий износ (технический)		
	Балансовая оценка	начальная оценка (в ценах 1913 г.)			реальная оценка (за вычетом технического износа)					строения (1,26%)	оборудование (4,22%)	итого
		строения	оборудование	итого	строения	оборудование	итого					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
						Первый период						
1913	3523	2095	2365	4460	1910	2160	4070	390	—	26	100	126
1914	3719	2187	2469	4656	2000	2247	4247	409	—	27	104	131
1915	3894	2269	2562	4831	2081	2323	4404	427	—	29	108	137
1916	4072	2353	2656	5009	2163	2400	4563	446	—	30	112	142
1917	4356	2486	2807	5293	2294	2535	4829	464	—	31	119	150
1918	4589	2596	2930	5526	2402	2642	5044	482	—	—	—	—
За 5 лет	+1066	+501	+565	+1066	+492	+482	+974	+92	—	143	543	686
						Второй период						
1917/18	4589	2596	2930	5526	2402	2642	5044	482	115	33	124	157
1918/19	4474	2542	2869	5411	2385	2575	4960	451	115	32	121	153
1919/20	4359	2488	2808	5296	2365	2498	4863	433	115	31	119	150
1920/21	4248	2436	2749	5185	2344	2409	4753	422	—	31	116	147
1921/22	4254	2439	2752	5191	2323	2322	4645	546	—	31	116	147
1922/23	4278	2451	2764	5215	2313	2251	4564	651	—	31	116	147
1923/24	4308	2466	2779	5245	2309	2192	4501	744	—	31	117	148
1924/25	4368	2506	2799	5305	2333	2149	4482	823	—	—	—	—
За 7 лет	—211	—90	—131	—221	—69	—493	—562	+341	345	220	829	1049

износа, т. е. определили в этой цифре рыночную оценку наличного оборудования в довоенных ценах. Производственно-техническое его значение получится, если в наших пересчетах мы исключим факт морального обесценения, ограничившись учетом одного лишь технического износа.

К 1913 г. весь непогашенный — технический и моральный — износ фабрично-заводского имущества мы определили грубо выше в 1460 млн. руб. из 3560 млн. руб. амортизационных отчислений, произведенных примерно за 20 лет и большей частью вновь вложенных в дело на переоборудование износившегося имущества. Долю технического износа в этих отчислениях (2,8 из 4%) мы определяем в 70% общей их суммы, что даст 2490 млн. руб. На моральное обесценение тогда остается 1070 млн. руб. И весь непогашенный *технический* износ прежних лет придется определить в 1460 — 1070 = 390 млн. руб.

Применяя для дальнейших расчетов амортизационные нормы Госплана, мы получим, в параллель к данным табл. 48 и 50, такую динамику наших фондов с точки зрения оценки их технической годности (табл. 54).

Итак, если расценивать все технически годное имущество наших фабрик и заводов по довоенным ценам, то к началу 1924/25 г. наши производственные фонды пришлось бы оценить в 4482 млн. руб., т. е. на

Таблица 55

Главнейшие элементы сводного баланса промышленности СССР на 1 октября 1923 г. (в млн. руб.) *

Предприятия и объединения	Капитал основной	Капитал оборотный	Имущество	Амортизационный фонд	Товары и материалы	Дебиторы	Кредиторы	Прибыль	Убыток
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Общесоюзного значения									
1. СССР	2100,3	1151,5	2145,8	148,7	1302,8	437,8	460,2	117,1	22,6
Б. Республиканского значения									
2. РСФСР	277,1	124,7	282,0	19,1	159,1	55,3	78,9	14,3	12,8
3. УССР	115,2	60,9	120,4	6,9	70,9	20,5	27,7	4,2	3,0
4. БССР	0,7	1,7	0,8	—	2,8	0,6	1,4	0,3	—
5. ЗСФСР	18,9	12,6	19,4	1,0	12,0	4,8	4,0	0,8	0,8
Итого . . .	411,9	199,9	422,6	27,0	244,8	81,2	112,0	19,6	16,6
В. Местного значения									
6. РСФСР	431,9	267,4	443,0	26,9	345,8	94,5	132,9	23,6	12,5
В том числе Московской губернии	115,2	64,4	118,5	12,1	123,9	31,0	52,9	6,3	1,3
7. УССР	37,5	13,3	38,8	1,0	20,7	9,7	14,6	3,5	1,0
8. БССР	6,7	4,5	7,5	0,4	5,2	2,6	3,0	1,0	0,5
Итого. . .	476,1	285,2	489,3	28,3	371,7	106,8	150,5	28,1	14,0
Всего	2988,3	636,6	3057,7	204,0	1919,3	625,8	722,7	164,8	53,2

* По данным Управления госдоходов НКФ.

1797 млн. руб. выше их коммерческой оценки по табл. 50. Иными словами, моральный износ наличного имущества надо оценивать в 37% его номинальной оценки, за вычетом технического износа.

А. Б. Штерн в вышеупомянутой «Оценке основных капиталов госпромышленности» приходит для 1913 г. к цифре 2615 млн. и для 1923/24 г.— к цифре 2300 млн. руб., которыми определяется целиком весь производственный фонд СССР по довоенным ценам. Еще недавно, исходя из чересчур преувеличенных норм амортизации ЦСУ, мы приходили к еще более скромным оценкам. Но более тщательное ознакомление со всей совокупностью имеющихся у нас данных убеждает нас, что подсчеты А. Б. Штерна, несомненно, даже для коммерческой оценки наших фондов, слишком скуповаты.

По балансовым данным ВСНХ, эти фонды оцениваются значительно щедрее. К сожалению, в них учитывается только государственная промышленность, да и то неполностью. Наиболее полная сводка этих балансов после утверждения их в специальной комиссии дает, по подсчетам Управления госдоходов НКФ, итоги, приведенные в табл. 55.

Для ясного понимания табл. 55 необходимо помнить, что все элементы подытоженных балансов выражены в червонной валюте, кроме имуще-

ства и основных капиталов, в которых наличные строения и оборудование предприятий учтены по довоенным ценам со скидкой на износ по весьма неопределенной инструкции. Судя по всем признакам, скидки эти были очень глазомерными и в одних случаях учитывали только технический износ, а в других и моральный. Земля в приведенных итогах вовсе не учтена.

Если к имуществу, учтенному в табл. 55, прибавить для сравнимости с довоенными данными имущество Мельотдела, Мясохладобоен, Нефтесиндиката и некоторых других госпредприятий в общей сумме на 500 млн. руб. и накинуть на кооперативные и частные промышленные предприятия фабрично-заводского типа, судя по доле их продукции в общей сумме,— не свыше 50 млн. руб., то общий итог фабрично-заводского имущества достигает по СССР до 3600 млн. руб. По нашим расчетам, на ту же дату (октябрь 1923 г.) это имущество по коммерческой оценке стоило бы не свыше 2766 млн., а по технической годности — 4501 млн. руб. Таким образом, балансовые итоги имущества ВСНХ, по-видимому, процентов на 30 превышают нашу «коммерческую» их оценку.

Какие из приведенных подсчетов — бухгалтерские или статистические — окажутся точнее, покажет предстоящее, по заданию Госплана, в ближайшем будущем специальное обследование наших производственных фондов [1].

В приведенной бухгалтерской сводке балансов, несмотря на всю ее условность, поскольку она относится еще к временам господства катастрофически падающей валюты, мы находим все же ряд элементов, заслуживающих анализа и сопоставления с довоенными нормами. Поэтому приведем ее в более подробном расчленении (табл. 57).

По подсчетам Ф. Г. Дубовикова, доложенным в Госплане, в 1922/23 операционном году во всей союзной цензовой промышленности, кроме мукомолья, работало 6492 заведения с 1330 тыс. годовых и сезонных рабочих, отработавших 331,9 млн. человеко-дней и выработавших валовой продукции за год на 3166 млн. червонных руб. при затрате топлива и материалов на сумму 1547 млн. руб. Этот круг предприятий, по-видимому, близко соответствует тому, который освещен балансами табл. 56. А если это так, то мы должны сделать следующие выводы.

Товарные запасы при фабриках и заводах к 1 октября 1923 г. составляли около 858 млн. руб., т. е. 27%, или примерно трехмесячную долю годовой продукции при довоенной норме 20%. Однако и такое незначительное превышение создавало у нас впечатление тяжелого кризиса сбыта. Запас материалов в количестве 1061 млн. червонных руб. достигал к октябрю того же года 68,5% годовой потребности при довоенной норме около 25%. Конечно, такие большие избытки материалов на сумму свыше 600 млн. руб. не свидетельствуют о недостатке оборотных средств, о чем слишком часто заявляли наши хозяйственники. Скорее наоборот, сводный баланс свидетельствует о бесхозяйственном распределении и неумелом использовании этих средств. Но в конце концов эта бесхозяйственность приводит к такому же результату, как и прямой недостаток в оборотных средствах, ибо, увязав их слишком много в материалах, мы остаемся без всяких средств для текущих выплат зарплаты, погашения срочных обязательств и т. д.

Весь собственный оборотный капитал промышленности по нашей сводке достигает только 1636 млн. руб., т. е. на 282 млн. руб. меньше суммы наличных товаров и материалов. Чужие средства, т. е. превышение «кредиторов» над «дебиторами», составляет, однако, всего 97 млн. руб., т. е. около 2% по отношению к собственным средствам, при довоенной норме свыше 30%. Но хуже всего то, что и этот кредит (97 млн.), и позаимство-

---

[1] Произведено органами ВСНХ в 1925 г. (см. ниже).

Таблица 56

Сводный баланс госпромышленности СССР на 1 октября 1923 г.
(в млн. руб.)

Статья баланса		Статья баланса	
1	2	3	4
1. Имущество, полученное по балансу на 1 января 1923 г.	2980,3	1. Капитал основной	2988,3
2. Имущество, вновь приобретенное	12,3	2. » оборотный . . .	1636,6
3. Неоконченное построение и капитальный ремонт . .	65,1	Итого (по 1—2)	4624,9
Итого (по 1—3)	3057,7	3. Амортизационный фонд .	204,0
4. Сырье и материалы . . .	1061,3	4. Резервный фонд	10,2
5 Полуфабрикаты	321,7	5. Специальный »	22,0
6. Готовые изделия	536,2	6. Фонд переоценки и резервы сомнительных дебиторов . . .	43,0
Итого (по 4—6) * . . .	1919,2	7. Ссуды, займы и дотации**	125,0
7. Касса и текущие счета . .	36,1	8. Расчет с НКФ	27,3
8. Государственные деньги и процентные бумаги. . . .	20,3	9. Банки по учету векс. . .	14,6
9. Акции и паи	24,3	10. » по специальным текущим счетам	45,1
10. Дебиторы	625,8	11. Разные кредиторы	510,7
11. Расходы будущего года . .	73,3	Итого кредиторов (по 7—11)	722,7
12. Убыток отчетного » . .	53,2	12. Доходы будущего года . . .	12,5
13. Прочие активы	7,9	13. Прибыль отчетного года. .	164,8
		14. Прочие пассивы	13,7
Баланс	5817,8	Баланс	5817,8

* В том числе неликвидных товаров и материалов на 57,8 млн. руб.
** В том числе дотации 28,2 млн. руб.

вания из госбюджета (125 млн.), и все амортизационные отчисления (на 204 млн. руб.), и вся чистая прибыль операционного периода (111 млн. руб.), взятые вместе, не покрывают собою тех 600 млн. руб. избыточных материалов, какие значатся в активе баланса. Иными словами, в этих материалах затоварены все свободные средства промышленности.

Отношение уставного оборотного капитала к основному составляет по нашей сводке около 55%. Но это отношение не показательно по двум причинам: во-первых, потому, что основной капитал показан в довоенной, а оборотный — в червонной валюте, а во-вторых, потому, что нагрузка основных фондов в настоящее время много ниже довоенной нормы, а оборотные фонды следует сравнивать лишь с работающей частью основных фондов. Если за меру нагрузки основных фондов принимать размер продукции в довоенной расценке на единицу технически годного имущества, то к концу 1922/23 г. она составляла по СССР не свыше 33% нормы 1913 г. Поэтому с балансовой цифры 3058 млн. руб. $^2/_3$ нужно скинуть, и тогда работающая доля основных фондов определится в сумме около 1 млрд. по довоенным ценам, или — за умножением для перевода в червонное выражение на оптовый индекс Госплана (1,565 на 1 октября 1923) — она выразится суммой в 1,6 млрд. И тогда уставный оборотный капитал (1636 млн.) составит к ней свыше 100%, а все свои и чужие средства, завязанные в производстве, включая сюда материалы, товары и денежные

средства,— не менее 1975 млн. руб., или 123%, при довоенной норме не свыше 94% [1].

Таким образом, и этот расчет подтверждает, что оборотных средств в нашей промышленности было до сих пор вовсе немало. Но состав их был весьма ненормальный. Лучше всего это подтверждается тем фактом, что в довоенное время наличность и ценные бумаги составляли по балансам акционерной промышленности за 1909—1913 гг. не менее 41,6% наличной массы товаров и материалов, а по сводке на 1 октября 1923 г. мы эту наличность, если сюда даже включить такие малореализуемые ценности, как современные наши «акции и паи», должны оценить суммой около 80 млн. руб., или 4,2% оценки наличных запасов товаров и материалов, т. е. в 10 раз ниже довоенной нормы. Немудрено, что при таком недостатке денежных средств наша промышленность испытывала до сих пор тысячи затруднений.

Обращаясь к амортизационным отчислениям, мы видим по свободному балансу, что к октябрю 1923 г. они достигли суммы 204 млн. червонных руб. Спрашивается, много это или мало?

По вышеприведенным расчетам *начальная* оценка наших производственных фондов, сохранившихся к октябрю 1923 г., достигала 5245 млн. руб., а после переоценки — за вычетом морального износа (1735 млн. руб.) — ее пришлось бы понизить до 3510 млн. довоенных руб. И нормальный технический износ в 2,84% от этой суммы составил бы до 100 млн. довоенных или — по индексу 1,565 на 1 октября — 156 млн. червонных руб. Из 204 млн. амортизационных фондов, показанных на 1 октября 1923 г., за отчетный период с 1 января по 1 октября начислено не свыше 136 млн., так как впервые после революции эти отчисления начались еще в балансах на 1 января 1923 г. Но 136 млн. за 9 месяцев при пересчете на полный год дают свыше 180 млн. руб., т. е. значительно больше принятой нами технической нормы износа в 156 млн. руб. А между тем при неполной нагрузке нашей промышленности износ, несомненно, надо было бы считать даже несколько ниже нормы. Отсюда заключаем, что в общем наша промышленность уже вступила в полосу нормального погашения своих основных фондов. И беда лишь в том, что амортизационные фонды по общему правилу пока отнюдь еще не используются по своему прямому назначению.

Рентабельность нашей промышленности по тем же балансам относительно невелика: 111 млн. руб. чистой прибыли за 9 месяцев по отношению к уставному капиталу в 4625 млн. руб. составляет не свыше 3,2% годовых. А если основной капитал перевалютировать в червонное исчисление по индексу Госплана, то эта норма прибыли и вовсе упадет до 2,2%. Но, во-первых, не надо забывать, что эта норма прибыли соответствует нагрузке наших основных фондов всего в 33% довоенной нормы, а во-вторых, нужно сказать, что и абсолютная цифра прибыли, выделенная по балансам, и величина уставных капиталов, к которым приходится относить эту прибыль, весьма условны.

Про вероятное преувеличение — процентов на 30 — в цифре основного капитала было уже сказано выше. Но и оборотный капитал, показанный в табл. 56, представляет собою в бухгалтерском смысле величину весьма условную. Дело в том, что в первоначальных балансах оборотный капитал стоял в цифрах значительно более низких. Но комиссия при НКФ, проверявшая эти балансы, учитывая динамику цен с 1 января по 1 октября, нашла необходимым перевалютировать эти капиталы по соответствующим индексам, повысив их номинальную величину в среднем примерно на 29%,

---

[1] Выше мы исчисляли имущество фабрично-заводской промышленности к 1913 г. в 3350 млн. руб. (по ценам 1913 г. без земли и за вычетом износа), а товары и материалы — в 2230 млн., или 66,7%, если же сюда еще прибавить наличность и ценные бумаги на 926 млн. руб., то получим в сумме 94% основного фонда.

или, в общем, миллионов на 360[1]. А указанное повышение капитального долга госпромышленности казне, разумеется, равносильно было снижению прибылей этой промышленности ровно на такую же сумму. Конечно, прибыль, срезанная этим приемом, происходила не за счет нормальной стоимости, созданной рабочими, а за счет того монопольного подъема индустриальных цен, который получил в нашей экономической литературе наименование «ножниц». Но во всяком случае с бухгалтерской точки зрения это была самая настоящая конъюнктурная прибыль. Извлекать ее из промышленности не было надобности. Но, перечислив эту прибыль нормальным бухгалтерским порядком на усиление оборотных средств, мы достигли бы тех же результатов, каких добивалась комиссия, только без всяких манипуляций с индексами, тем более сомнительных, что они вовсе не нашли себе должного отражения в официальной отчетности ВСНХ и НКФ[2].

Сбросим, однако, и мы со счетов эти 360 млн. руб. прибыли за счет игры цен и сопоставим остальные 111 млн. руб. с общей суммой зарплаты, выплаченной за отчетный период нашей промышленностью. Бухгалтерская отчетность ВСНХ не дает нужных для этого цифр. Но, пользуясь данными статистики труда, нетрудно установить, что средняя оплата труда промышленного рабочего за январь — сентябрь 1923 г. достигала в червонной валюте 161 р. 52 к. Умножим эту величину на 1330 тыс. рабочих, по Дубовикову, получим 214 млн. руб. На оплату труда служащих надо еще прибавить 25% этой суммы, т. е. примерно 53,5 млн. руб. И тогда чистая прибыль в размере 111 млн. руб. к общей сумме зарплат в размере 268 млн. руб. составит свыше 41%.

Цифра, как видим, достаточно значительная, если даже вовсе не учитывать доходов фиска за январь — сентябрь 1923 г. в сумме свыше 90 млн. руб. банковских прибылей, полученных от той же промышленности в качестве ссудного и учетного процента, и тому подобных позаимствований из накоплений, создаваемых в промышленности[3].

И это относится к периоду, когда зарплата рабочих отнюдь не падала, а, наоборот, непрерывно возрастала на десятки процентов в год.

Таким образом, жаловаться на особо низкую рентабельность советской промышленности даже на первых этапах ее развития у нас нет достаточных оснований.

3. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР В 1923—1927 гг.

а) Динамика структуры балансов

В отношении динамики государственной промышленности за последние годы мы могли бы располагать прекрасным отчетным материалом сводных балансов. Но, к сожалению, до сих пор у нас нет еще таких сводок по всей стране. Более или менее полной сводке подверглись только балансы *общесоюзной* промышленности ВСНХ. Республиканская и местная промышленность ВСНХ освещается уже гораздо реже и со значительными пробелами, а промышленные предприятия, подведомственные другим наркоматам, и вовсе не попадают ни в какие сводки.

---

[1] По одной только союзной промышленности, подведомственной ВСНХ СССР, этот прирост оборотного капитала (с 892 млн. до 1152 млн.) достиг по 7 трестам за 9 месяцев 269 млн. руб.

[2] Полная произвольность этой переоценки капитального долга в 1923 г. видна уже из того, что, следуя методу комиссии, в балансах на 1 октября 1924 г. пришлось бы, в связи с понижением товарных цен, произвести новую перевалютировку этого долга примерно на те же 30%, только в обратную сторону.

[3] Один Госбанк выручил по своим операциям за январь — сентябрь 1923 г. до 60 млн. руб. прибыли. из которых за счет промышленности надо отнести, конечно, львиную долю.

Динамика балансов промышленности ВСНХ
(в млн. червонных руб.) *

Статья баланса	Абсолютные величины на 1 октября					Относительные величины		
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	удельный вес, % к итогу 1923 г.	удельный вес, % к итогу 1927 г.	Прирост за 4 года %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Актив								
1. Основное имущество	2925,2	2941,8	3172,5	3607,8	5788,7	36,2	44,0	98
2. Незаконченные постройки и капитальный ремонт	59,5	143,2	222,2	404,6	636,0	0,7	4,8	969
3. Разное (запасное) оборудование и пр. . .	77,4	107,6	120,4	153,4	201,2	1,0	1,5	160
Итого . .	3062,1	3192,6	3515,1	4165,8	6625,9	37,9	50,3	116
4. Дооценка имущества	(2244)	(2125)	2037,9	1734,3	—	27,7	—	—
Итого имущества с учетом износа	5306,1	5317,6	5553,0	5900,1	6625,9	65,6	50,3	25
5. Материалы, топливо, незаконченные заготовки	911,8	1021,9	1125,3	1420,5	1551,4	11,3	11,8	70
6. Полуфабрикаты и незаконченное производство	354,8	421,5	623,5	726,1	831,9	4,4	6,3	134
7. Готовые изделия . . .	675,1	642,6	679,3	808,7	834,5	8,3	6,4	24
Итого товаров и материалов	1941,7	2086,0	2428,1	2955,3	3217,8	24,0	24,5	66
8. Касса и текущие счета	32,0	79,0	190,6	203,4	171,3	0,4	1,3	435
9. Ценные бумаги, паи и акции	52,0	139,9	214,9	333,2	391,5	0,6	3,0	653
10. Векселя и документы к получению	104,6	374,5	632,7	923,3	1183,8	1,3	9,0	1032
11. Дебиторы и подотчетные суммы	531,7	699,5	854,5	1035,9	1199,0	6,6	9,2	126
Итого к получению (10 и 11) . .	636,3	1074,0	1487,2	1959,2	2382,8	7,9	18,2	275
12. Уменьшение уставного капитала	—	120,2	221,0	233,8	8,3	—	0,1	—
13. Прочие активы . . .	74,9	136,3	138,9	202,3	278,4	0,9	2,1	272
14. Убытки отчетного года	48,6	85,5	62,2	55,7	68,4	0,6	0,5	41
Баланс	8091,6	9038,5	10295,9	11843,0	13144,4	100,0	100,0	62

* Без синдикатов, промторгов, функциональных управлений, военпрома и электростанций На 1.X 1923 и 1924 гг.— по промфинплану ВСНХ на 1926/27 г., на 1.X 1925 и 1926 гг.— по опубликованным балансам ВСНХ. Сводный баланс, изд. Центральной бухгалтерии ВСНХ СССР на 1.X 1925 г. М.— Л., 1927, стр. 19, 25 и 26; на 1.X 1926 г.— М. 1928, стр. 14—17; на 1.X 1927 г.— Дооценка за 1923 и 1924 гг. произведена нами приблизительно по норме 1925 г. с учетом накопления износа с 1923 г.— по разности амортизационного капитала за соответствующие годы. С 1927 г. Центроспирт и Чаеуправление перешли в ведение НКФ и Центросоюза; для сопоставления с предыдущими датами эти балансы прибавлены к сводному балансу ВСНХ.

Таблица 57 (окончание)

Статья баланса	Абсолютные величины на 1 октября					Относительные величины		
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	удельный вес, % к итогу 1923 г.	удельный вес, % к итогу 1927 г.	Прирост за 4 года, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пассив								
1. Уставной капитал. .	4691,3	4671,4	4509,1	4739,8	6674,2	58,0	50,8	42
2. Дооценка его	(2244)	(2125)	2037,9	1734,3	—	27,7	—	—
3. Амортизационный . .	219,3	349,5	515,8	693,9	451,7	2,7	3,4	106
4. Резервный	11,0	29,2	68,8	151,9	248,1	0,1	1,9	2155
5. Прочие фонды	39,4	58,4	132,9	229,8	281,9	0,5	2,1	615
Итого . .	(7205)	(7233,5)	7264,5	7549,7	7655,9	89,0	58,2	6
6. Векселя к уплате .	33,9	270,3	427,7	623,4	721,3	0,4	5,5	2028
7. Банковские кредиты	98,4	399,3	537,1	944,7	1159,0	1,2	8,8	1078
8. Ссуды НКФ, займы, дотации	107,2	41,1	256,6	482,8	915,4	1,3	7,0	754
9. Прочие кредиторы . .	472,3	710,8	936,9	1354,4	1813,7	5,9	13,8	284
Итого привлеченных средств .	711,8	1421,5	2158,3	3405,3	4609,4	8,8	35,1	548
10. Увеличение уставного капитала	—	120,2	288,9	117,7	86,5	—	0,7	—
11. Прочие пассивы . . .	30,3	68,2	104,4	61,0	78,6	0,4	0,6	159
12. Прибыли отчетного года	144,5	195,1	479,8	649,3	714,0	1,8	5,4	394
Баланс	(8091,6)	(9038,5)	10295,9	11843,0	13144,4	100,0	100,0	62

С пробелами составлена и нижеприводимая сводка балансов госпромышленности за пять лет, произведенная аппаратом ВСНХ. В нее вовсе не вошли мукомолье, подведомственное Наркомторгу, военная промышленность, электростанции, местная промышленность некоторых республик Закавказья и Туркестана. Но все эти пробелы в общем не столь значительны и едва ли могут существенно исказить общую картину динамики нашей госпромышленности за 1923—1927 гг. (табл. 57).

В отношении структуры балансов мы можем отметить по активу заметное сокращение удельного веса основного имущества при стационарном весе товаров и материалов и резком возрастании бумажных ценностей, т. е. денежных средств, ценных бумаг и, в особенности, вексельного портфеля. По пассиву падает удельный вес собственных средств и возрастает доля привлеченных ресурсов, в особенности сильно по векселям и банковскому кредиту. Достаточно резко возрастает и значение прибылей в общем итоге баланса.

Все эти явления довольно нормальны для восстановительного периода развертывания нашей промышленности. В 1923 г. у нас был еще значительный избыток неиспользованных основных фондов. Да и в оборотных фондах был еще некоторый избыток малоликвидных материалов при несомненном недостатке более ликвидных денежных средств. С другой стороны, при низкой прибыльности быстрое расширение продукции требовало увеличения оборотных фондов промышленности за счет привлечения средств со стороны. Вот почему рост балансов шел у нас до сих пор

главным образом по линии оборотных ресурсов и притом особенно за счет бумажных ценностей и кредитных операций.

Нужно сказать, что если мерить довоенным аршином, то и к 1927 г. мы еще далеко не восстановили у себя довоенной структуры промышленных балансов. Если воспользоваться сводкой довоенных балансов П. В. Оля и несколько переверстать для сравнения с нею статьи сводки 1927 г., то получим такое сопоставление (в % к итогу):

	1911/12 г.	1927 г.
Актив		
Имущество с учетом износа	39,1	48,8
Товары и материалы, запасное оборудование и пр.	24,5	26,0
Денежные средства и ценные бумаги	7,9	4,3
Дебиторы	30,0	18,2
Убыток (включая остатки прошлых лет)	2,5	1,3
Пассив		
Капиталы	57,8	58,2
Кредиторы	35,9	35,1
Прибыль (включая остатки прошлых лет)	6,3	5,7

Как видим, денежные и кредитные статьи баланса все еще ниже довоенной нормы, а потому капитальные фонды представляются преувеличенными. Но зато доля товарно-материальных фондов как будто близка к довоенной норме.

Впрочем, эти фонды правильнее было бы сопоставить не с балансом, а с валовой продукцией промышленности. К сожалению, это довольно трудно сделать, ибо современная бухгалтерия, как и старая частнокапиталистическая, отнюдь не считает нужным сопровождать свои балансовые итоги данными о соответствующей им продукции, числе рабочих и т. п. Заимствуя эти цифры из другого источника, мы рискуем охватить ими не вполне тождественный круг предприятий. Тем не менее интерес такого сопоставления в достаточной степени оправдывает нашу попытку. Пользуясь имеющимися данными ЦОСа ВСНХ по кругу государственной промышленности, мы получим в сопоставлении со сводными балансами ВСНХ динамику соотношений интересующих нас элементов (табл. 58).

Из приведенных данных видно, как росла в соответствии с повышением использования наших производственных фондов валовая продукция на 1000 руб. наличного имущества (в строениях и оборудовании). К 1927 г. мы, однако, еще не достигли в этом отношении довоенной нормы[1]. По отношению к продукции падали вместе с основными фондами также, хотя и менее быстро, и запасы товаров и материалов. Причем, запасы материалов даже к концу периода превышают еще довоенную норму (около 13% продукции), а товарные запасы, по-видимому, уже опустились до этой нормы (около 20%). Наибольшие достижения можно отметить в области повышения рентабельности основных имущественных фондов, хотя и здесь мы еще идем ниже довоенных норм (не менее 13—14% к имуществу за вычетом износа). Однако если учесть, что отмеченное повышение рентабельности примерно раз в 5, с 1,8 до 9,7%, имело место при одновременном снижении промышленных цен с 1 октября 1923 г. за 4 года на 31,7% и повышении денежной зарплаты на 82%, то придется признать этот успех грандиозным. Тем более что промышленность оплачивала за те же

[1] В 1913 г. по СССР валовая продукция без акциза составляла, по данным ЦСУ, 5621—304 = 5317 млн. руб. при имуществе в 3523 млн. руб. без земли по номиналу или в 2285 млн. руб. за вычетом износа, что дает около 2330 руб. продукции на 1000 руб. имущества.

Таблица 58

Динамика госпромышленности ВСНХ

	Абсолютные величины					% к 1922/23 г.			
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Данные статистики *									
Число рабочих, тыс. . .	(1 137)	(1 292)	1 510	1 899	2 007	114	133	167	177
Валовая продукция без акциза, млн. руб. . .	(2 155)	(3 405)	4 837	6 906	8 237	158	224	320	382
II. Балансовые данные к концу года (в млн. руб.)									
Имущество с учетом износа	5 306	5 318	5 553	5 900	6 626	100	105	111	125
Материалы и топливо . .	912	1 022	5 125	1 421	1 551	112	123	156	170
Фабрикаты и полуфабрикаты	1 030	1 064	1 303	1 535	1 666	103	127	149	162
Сальдо привлеченных . . средств	76	347	671	1 446	2 227	457	883	1 903	2 930
Сальдо прибылей и убытков	96	110	418	594	646	115	435	619	673
III. Соотношения									
Продукция на 1000 руб. имущества, руб. . . .	406	640	871	1 171	1 243	158	215	288	306
Материалы на 1000 руб. годовой продукции, руб.	423	300	233	206	188	71	55	49	44
Товарные запасы на 1000 руб. продукции, руб.	478	312	297	222	202	65	62	46	42
Привлечение средств на 1000 руб. имущества, руб	14	65	121	245	336	464	864	1 750	2 400
Чистая прибыль на 1000 руб. имущества, руб	18	21	75	101	97	117	417	561	539
Чистая прибыль на 1000 руб. продукции, руб.	45	32	86	86	78	71	191	191	173
Чистая прибыль на одного годового рабочего, руб.	84	85	277	313	322	101	330	373	383

* Данные ЦОСа ВСНХ, продукция по заводской оценке. Ср. «Труды ЦСУ», т. XXIII, вып. IV «Статистический справочник СССР», 1927 и др.

годы все возрастающую сумму процентов нашей кредитной системе за привлеченные оттуда оборотные средства.

При переходе от динамических показателей к абсолютным значениям величин, приведенных в табл. 57 и 58, нам пришлось бы сразу сделать целый ряд оговорок. Мы уже отмечали неполноту охвата приведенных балансовых сводок. Уже это приводит к заметному недоучету абсолютных размеров имущества и других показателей. Вот почему в отношении размеров имущества мы пока можем смело сделать один только вывод. Несомненно, что уже начиная с октября 1923 г., абсолютные размеры основных фондов промышленности не падают, а возрастают. И возрастают, по-видимому, в большей мере, чем это вытекает из табл. 58.

Имущество 70 трестов Цугпрома ВСНХ на 1 октября 1925 г.
(в млн. руб.)

Отрасль промышленности	Имущество до переоценки				Итоги переоценки				Индексы переоценки		% износа всего имущества (гр. 6 — 7 к гр. 6)
	значившееся в довоенных цехах и подвергнувшееся переоценке	не подвергнутое переоценке		итого	по всему имуществу		по имуществу, подвергнутому переоценке		всего имущества (гр. 7 к гр. 5)	подвергнуто переоценке (гр. 9 к гр. 2)	
		значившееся в червонной валюте	по другим причинам		полная восстановительная оценка	современная с учетом износа	полная восстановительная оценка	современная с учетом износа			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Текстильная	515,0	47,5	4,9	567,4	1694,6	1186,2	1642,2	1133,8	2,09	2,20	30,0
Металлическая	491,0	51,5	18,7	561,2	1382,6	788,6	1312,4	718,4	1,41	1,46	43,0
Нефтяная	156,9	236,5	122,3	515,7	1174,7	611,4	815,9	252,6	1,19	1,61	48,0
Угольная	160,3	3,7	3,6	167,6	380,0	238,5	372,7	231,2	1,42	1,44	37,2
Химическая	60,6	6,6	1,1	68,3	173,9	118,5	166,2	110,8	1,73	1,83	31,9
Пищевая (чай и спирт)	37,8	—	2,4	40,2	117,6	75,0	115,2	72,6	1,87	1,92	36,2
Электротехническая . . .	37,7	10,4	0,2	48,3	90,7	65,0	80,1	54,4	1,35	1,44	28,3
Лесная и пр.	23,9	12,4	16,1	52,4	85,2	59,4	56,7	30,9	1,13	1,29	30,3
Бумажная	12,6	6,3	0,2	19,1	58,3	39,7	51,8	33,2	2,08	2,63	31,9
Сахарная (на 1 января 1926 г.)	223,7	45,1	7,6	276,4	771,3	384,8	668,6	332,1	1,39	1,48	46,7
Итого . . .	1719,5	420,0	177,1	2316,6	5878,9	3567,1	5281,8	2970,0	1,54	1,73	39,3

Вопрос о динамике капитальных фондов промышленности является основным для настоящего исследования. И мы должны будем к нему еще не раз вернуться. Но прежде всего нам предстоит ознакомить читателя с результатами инвентаризации и переоценки этих фондов, произведенной силами ВСНХ на 1 октября 1925 г.

б) Итоги инвентаризации

До сих пор сколько-нибудь подробно материалы инвентаризации 1925 г. нигде не были опубликованы. Но кое-какие итоги по 70 трестам общесоюзного значения мы все же имеем (табл. 59) [1].

Вовсе не подвергалось переоценке новое имущество, выраженное и без того в червонной валюте, а также бездействующее старое, подлежащее ликвидации (так называемое неликвидное имущество). По нефтяной промышленности в том числе оставлено без переоценки миллионов на 100 старых бездействующих буровых скважин, которые, по-видимому, вообще не следовало бы держать на балансе. Низкий индекс переоценки (1,13) для «прочих» трестов отчасти объясняется тем, что в их число вошел один трест, целиком не подвергавшийся переоценке (Лензолото).

Чтобы оценить по достоинству результаты произведенной инвентаризации, следовало бы прежде всего хорошо знать, что представляла собой прежняя оценка, стоявшая на балансах. К сожалению, это вопрос очень темный. Предполагалось, что во вступительных балансах, при передаче имущества трестам в 1922/23 г., мы имели по общему правилу довоенную его оценку с учетом износа. Но на самом деле, по-видимому, в этом отношении наблюдалась самая пестрая картина. Это видно уже из того, что

[1] «Свободный баланс». М.— Л., Изд. Центральной бухгалтерии ВСНХ СССР, 1927, стр. 30, табл. 3 и 4.

по двум трестам (Электросталь и Уральский медный) переоценка в червонную валюту дала вместо повышения снижение балансовой оценки. Но еще очевиднее это из той пестроты индексов переоценки, какая обнаруживается в табл. 59. Для перехода от довоенных цен к современным, в обоих случаях с учетом износа, пришлось даже в средних итогах по целым отраслям промышленности варьировать индексы дооценки от 1,29 до 2,63. Колеблемость совершенно невероятная. Она сразу же внушает серьезнейшие сомнения в доброкачественности сопоставляемых оценок.

Одно из двух: либо чрезвычайно плохи были прежние балансовые оценки, либо столь же сомнительны результаты переоценки. Не исключено, впрочем, и третье заключение: весьма вероятно, что при ближайшем анализе придется подвергнуть сомнению доброкачественность обеих сопоставляемых оценок.

Особенный интерес вызывает вопрос: не преувеличены ли наши производственные фонды в результате производственной переоценки? Основание для такого опасения мы усматриваем в том, что вся инвентаризация, несмотря на большое ее общественное значение и огромные связанные с ней затраты, была проведена как узковедомственное предприятия. Ни методы работы, ни инструкции не были предварительно подвергнуты общественной критике и компетентному обсуждению. Когда производится гораздо более простая перепись населения, то собираются статистические конференции и съезды, разработанные ими программы и сметы проходят через все инстанции и утверждаются в законодательном порядке. А инвентаризация имущества ВСНХ, хотя это несравненно более сложная и не менее дорогая операция, прошла без всякого стороннего вмешательства. О стоимости ее неизвестно ничего определенного даже в недрах самого ВСНХ, хотя по нашим прикидкам она обошлась не менее десятка миллионов. А о результатах приходится судить уже после того, как исчезла всякая возможность вмешательства для их исправления.

Это тем более досадно, что аппарат ВСНХ отнюдь не может отрицать своей ведомственной заинтересованности в том, чтобы оценка его капитальных фондов оказалась возможно больше, так как вместе с тем возрастают и амортизационные отчисления, остающиеся в полном распоряжении соответствующих трестов и предприятий.

Если исходить из среднего по всей промышленности коэффициента переоценки 1,73, то пришлось бы признать его по сравнению с другими индексами более чем скромным. Но необходимо учесть, что мы имеем здесь оценку с учетом износа, а износ к 1 октября 1925 г. был значительно больше, чем к начальному моменту передачи имущества трестами. Судя по накопившейся к октябрю 1925 г. сумме неиспользованных амортизационных отчислений, эта разница в износе по 70 трестам составляла около 406 млн. червонных руб. Прибавив эту сумму к современной оценке для полной ее сравнимости с довоенной, при равной степени износа, получим индекс переоценки уже несколько выше, около 1,96. Конечно, и этот коэффициент сам по себе не высок. Однако было бы слишком поспешно, исходя только из этих средних коэффициентов, делать такие выводы, какие мы находим в «Сводном балансе» ВСНХ.

«Полученные коэффициенты в общем подтверждают правильность как предложенных методов, так и самой переоценки; они в общем соответствуют индексам изменения покупательной способности рубля по состоянию на 1 октября 1925 г. и соответствуют общему состоянию основного капитала» [1].

Средние коэффициенты ничего не доказывают уже потому, что они получены по всем трестам, включая и такие, по которым балансовая «довоен-

[1] «Сводный баланс», стр. 12.

ная» оценка оказалась выше современной. Но если преувеличена была «довоенная» оценка, то, очевидно, и *нормальный* индекс переоценки может привести к весьма преувеличенной *современной* оценке. И затем, если *в среднем* это преувеличение может быть и не слишком велико, то по отдельным отраслям промышленности, в особенности по бумажной и текстильной, оно уже и по показаниям индексов становится весьма значительным.

В самом деле, сопоставим данные инвентаризации 1925 г. с довоенными хотя бы по текстильной промышленности (табл. 60).

Таблица 60

Имущество текстильной промышленности (в млн. руб.)

Круг учтенных предприятий	Всего по балансам	В том числе		Без земли		% износа (гр. 5 — 6 к гр. 5
		непогашенный износ	земля	полная стоимость	с учетом износа	
1	2	3	4	5	6	7
I. Довоенные данные						
290 акционерных предприятий за 1913 г.	890,6	459,7	(73,4)	(817,2)	357,5	56,3
253 акционерных предприятия за 1914 г.	783,2	405,2	(64,4)	(718,8)	313,6	56,3
По всем предприятиям в границах СССР 1913 г.	940,9	(486)	77,6	863,3	(377)	(56,3)
II. Современные данные на 1 октября 1925 г.						
о 24 трестам Цугпрома в довоенной (балансовой) оценке	—	(222)	32,4	(740)	518	(30)
с дооценкой, в червонной валюте	—	508	—	1694	1186	30
По всему СССР						
в довоенной (балансовой) оценке	—	(302)	—	(1007)	705	(30)
с дооценкой, в червонной валюте	—	(641)	—	(2137)	1496	(30)

Эта отрасль промышленности, как известно, не росла за время войны. Да и за годы нэпа до октября 1925 г. все вложения в новое строительство по текстилю определялись всего в несколько десятков миллионов червонных рублей. И тем не менее мы располагали будто бы здесь только в предприятиях[1] общесоюзного значения имуществом с учетом износа на 518 млн. довоенных руб., в то время как в 1913 г. по *всей* текстильной промышленности оно не превышало 377 млн. руб. А еще любопытнее другой факт. В 1913 г. износ имущества текстильной промышленности по наличию неиспользованных амортизационных капиталов превышал 50%, а ныне, через 12 лет, да еще каких лет, он будто бы не возрос, а даже снизился до 30%.

Весьма вероятно, что в довоенное время износ и его погашение исчислялись с известным преувеличением. Но если даже допустить, что в 1913 г. этот износ был не выше 35%, то за 12 лет по самому скромному расчету, из 2,6% в год, он должен был бы возрасти на 31% и даже с понижением на половину за счет весьма скудных за эти годы капитальных ремонтов достигал бы не менее 50%. Все теоретические расчеты убеждают нас в том, что при простом воспроизводстве капитальных фондов их

[1] Не считая новых вложений на 47,5 млн. червонных руб.

изношенность должна колебаться около 50%. А за десятилетие войны и революционной разрухи мы едва ли можем говорить даже о простом воспроизводстве этих фондов. Гораздо вероятнее, что мы значительную их часть растратили без всякого воспроизводства. А между тем переоценка ВСНХ стремится нас убедить в том, что в результате многолетней войны и разрухи у нас произошло какое-то чудесное обновление наших капитальных фондов.

Конечно, таких чудес не бывает. В текстильной промышленности износ к 1925 г. был, несомненно, больше 30%. Но и первоначальная оценка имущества трестов была изрядно преувеличена за счет недоучета износа, да и при переоценке эта ошибка отнюдь не исправлена.

Такого же рода ошибки, как будет видно ниже, имели место и по другим отраслям промышленности, например по нефтедобывающей. Во всяком случае средний процент износа, полученный по инвентаризации в 39,3 для всего индустриального имущества или даже в 44% для имущества, выраженного в *довоенных* ценах и специально подвергавшегося переоценке, представляется нам несколько преуменьшенным [1]. Ведь уже в 1913 г. для всей промышленности он был не ниже 35%. А с тех пор он должен был повыситься за 12 лет, даже без учета морального обесценения, по меньшей мере на 15%.

Особенный интерес представляет в итогах произведенной инвентаризации разделение индустриального имущества по его основным видам, более подробное, чем мы располагали до сих пор в отчетности ВСНХ (табл. 61).

Из данных табл. 61 мы впервые узнаем, какой значительный удельный вес в общей массе имущества промышленности занимает жилищный фонд. По современной оценке на его долю приходится до 15% итога, в то время как силовые установки — наиболее важное условие механизации труда — поглощают не более 8% того же итога.

Приведенные цифры относятся только к 70 трестам, но если воспользоваться коэффициентами дооценки и износа из табл. 61 и данными «Сводного баланса» о *балансовой* оценке имущества почти по всей промышленности ВСНХ, то можно исчислить нижеследующие общие итоги (табл. 62).

Здесь процент, падающий на жилые постройки, несколько ниже. Но тем более внушительна абсолютная величина жилищного фонда промышленности, превышающая 1 млрд. руб.

Из других статей в табл. 61 и 62 обращает на себя внимание рубрика «сооружений», главную массу которых по ценности занимают буровые скважины и шахты. Здесь вызывает сомнение чрезвычайно высокий процент износа этих сооружений, превышающий вдвое износ всех строений. И это несмотря на то, что за последние годы в топливную промышленность было особенно много вложено новых капитальных затрат.

В самом деле, по табл. 61 из общей суммы новых капитальных затрат в 420 млн. руб., значащихся на балансе 70 трестов в червонной валюте, свыше 240 млн., т. е. 57%, падало к 1 октября 1925 г. на топливную промышленность. А если к этому прибавить еще 71 млн. руб. в незаконченных постройках и капитальном ремонте, неучтенных выше, то получим еще более внушительный итог. Нам известно, например, насколько серьезная капитальная реконструкция на американский лад проведена была за эти годы в Азнефти и других районах нефтедобычи. И все же именно топливная промышленность дает наиболее пугающие коэффициенты износа. В частности, по всем шахтам и скважинам, подвергнутым переоценке, этот износ превышает 78%. А специально по «сооружениям» Азнефти, подвергнутым переоценке, износ показан даже в 91,6%.

---

[1] Интересно, что даже по имуществу, находящемуся на *консервации*, т. е. наиболее негодному, инвентаризация определяет величину и технического и морального износа этого имущества всего в 44,7% (см. табл. 63).

Имущество 70 трестов Цугпрома ВСНХ на 1 октября 1925 г. (в млн. руб.) *

Вид имущества	Значилось на балансе имущества			Итоги переоценки в червонной валюте				Индексы дооценки		% износа	
				по всему имуществу		в том числе по гр. 2					
	подвергнутого переоценке	неподвергнутого переоценке	итого	полная восстановительная оценка	современная с учетом износа	полная восстановительная оценка	современная с учетом износа	всего имущества (гр. 6 к гр. 4)	подвергшееся переоценке (гр. 8 к гр. 2)	всего имущества	подвергнувшееся переоценке
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Здания производственного значения	342,6	19,5	362,1	1118,2	771,3	1098,7	751,8	2,13	2,19	31,0	31,6
2. Здания, обслуживающие производства	110,6	19,0	129,6	332,9	219,5	313,9	200,5	1,69	1,81	34,1	36,1
3. Жилые здания и службы	217,8	44,5	262,3	828,5	525,7	784,0	481,2	2,00	2,21	36,5	38,6
Итого (по 1—3)	671,0	83,0	754,0	2279,6	1516,5	2196,6	1433,5	2,01	2,14	33,5	34,7
4. Сооружения, шахты, скважины	146,8	319,2	466,0	1229,6	602,5	910,4	283,3	1,29	1,93	51,0	68,9
Итого (по 1—4)	817,8	402,2	1220,0	3509,2	2119,0	3107,0	1716,8	1,74	2,10	39,6	44,7
5. Силовые установки	196,7	25,6	222,3	519,8	291,4	494,2	265,8	1,31	1,35	43,9	46,2
6. Машины и оборудование	562,4	72,5	634,9	1462,0	897,9	1389,5	825,4	1,41	1,47	38,6	40,6
Итого (по 5—6)	759,1	98,1	857,2	1981,8	1189,3	1883,7	1091,2	1,39	1,44	40,0	42,1
7. Инструменты и обзаведение	17,8	14,1	31,9	45,3	31,9	31,2	17,8	1,00	1,00	29,6	42,9
8. Инвентарь живой и мертвый	54,6	51,1	105,7	139,5	105,7	88,4	54,6	1,00	1,00	24,2	38,2
9. Транспорт	69,1	32,8	101,9	203,7	121,4	170,9	88,6	1,19	1,28	40,4	48,2
Итого (по 1—9)	1718,4	598,3	2316,7	5879,5	3567,3	5281,2	2969,0	1,54	1,73	39,3	43,8
В том числе на консервации	—	—	142,4	396,8	219,5	—	—	1,54	—	44,7	—
Действующее имущество	—	—	2174,3	5482,7	3347,8	—	—	1,54	—	38,9	—

* «Имущество без разделения», не разнесенное по всем рубрикам в сводке ВСНХ, распределено нами здесь пропорционально общим его итогам.

Таблица 62

Имущество всей промышленности ВСНХ (без Армении)
(в млн. руб.)

Вид имущества	Без дооценки по балансам на 1 октября		С дооценкой в червонной валюте на 1 октября 1925 г.				Индекс до оценки	% износа к гр. 4
			восстановительная		современная			
	1924 г.	1925 г.	абс.	%	абс.	%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Здания производственного значения	432,4	603,2	1862	21,0	1285	23,2	2,13	31,0
2. Здания, обслуживающие производство . .	138,9	190,9	490	5,5	323	5,8	1,69	34,1
3. Жилые здания и службы	241,2	350,9	1106	12,5	702	12,7	2,00	36,5
4. Технические сооружения, шахты, скважины	519,2	515,6	1357	15,2	665	12,0	1,29	51,0
5. Без подразделения . .	254,2	28,0	81	0,9	50	0,9	1,79	38,2
Итого строений и сооружений	1585,9	1688,6	4896	55,1	3025	54,6	1,79	38,2
6. Оборудование и машины	1117,6	1297,5	3007	34,0	1804	32,5	1,39	40,0
7. Инструменты	32,2	42,5	60	0,7	42	0,8	1,00	29,6
8. Инвентарь	113,7	146,0	193	2,2	146	2,6	1,00	24,5
9. Транспорт	104,7	129,7	258	2,9	154	2,8	1,19	40,4
10. Без подразделения .	97,6	102,3	223	2,5	136	2,5	1,33	39,0
Итого (по 1—10)	3051,7	3406,6	8637	97,4	5307	95,8	1,56	38,6
11. Незаконченные новые постройки	90,1	170,2	170	1,9	170	3,1	1,00	0,00
12. Капитальный ремонт	20,5	63,2	63	0,7	63	1,1	1,00	0,00
13. Без разбивки	21,8	—	—	—	—	—	—	—
Итого (по 11—13)	132,4	233,4	233	2,6	233	4,2	1,00	0,00
Всего по исчислению (без Армении).	3184,1	3640,0	(8870)	100,0	(5540)	100,0	1,52	37,5
То же, по «Сводному балансу» (с Арменией) .	—	3644,9	(9160)	—	5723	—	1,57	(37,5)

Конечно, только что американизированная Азнефть не так уж «устарела», как это вытекает из приведенных бухгалтерских справок. Гораздо легче заподозрить правдоподобность этих справок, или, говоря точнее, пригодность тех методов инвентаризации, какие здесь были применены органами ВСНХ. Правда, некоторые довольно существенные поправки к итогам переоценки имущества Азнефти уже приняты по постановлению СТО. Но, по-видимому, они еще далеко не достаточны.

Дело в том, что здесь в состав действующего имущества включено по полной восстановительной их стоимости огромное число старых скважин,

давно уже отживших свой нормальный срок службы и полностью амортизированных. А в результате подобных приемов получается следующий конфуз. В 1913 г. имущество всей нефтедобывающей промышленности, включая землю и недра, составляло по начальной балансовой оценке не более 645 млн. довоенных руб., а за скидкой на землю по минимальной норме (15%) — не свыше 545 млн. руб.[1] А к 1 октября 1925 г., если поверить данным «Сводного баланса» ВСНХ и индексу переоценки по инвентаризации (1,61), это имущество только по трем общесоюзным трестам, в довоенной же восстановительной оценке без земли, достигало 730 млн. руб., т. е. минимум на 185 млн. руб. больше довоенной цифры[2].

Очевидно, на такую примерно сумму ныне вновь включено в баланс большое количество столь престарелых буровых скважин, которые даже в 1913 г. считались уже до конца погашенными и списанными со счетов имущества. Вот к чему приводят слишком повышенные аппетиты наших трестов к амортизационным отчислениям.

Здесь уместно будет привести еще одну справку. Работники НКФ, в целях проверки общих итогов инвентаризации ВСНХ, произвели следующую работу. Исходя из сметных расчетов Особого совещания по восстановлению основного капитала промышленности (ОСВОК ВСНХ) и других источников, они исчислили, какие капитальные затраты потребовалось бы вложить в каждую отрасль для обеспечения наличных масштабов производства этой отрасли, если бы имеющиеся заводы пришлось *целиком* заменить новыми. Известно, например, что начальная стоимость рудников Донугля из расчета на пуд готовой производительности исчисляется ныне не свыше 16 довоенных, или 28 червонных коп. Естественно, стало быть, если речь идет о «восстановительной» оценке, и *старые* шахты оценивать не свыше этой *предельной оценки*, а если речь идет о современной оценке, то следует еще учесть, сколько лет функционировали бы новые шахты при *современной* их технике и производительности и сколько лет осталось работать старым, исходя из состояния неисчерпанных еще в них недр и годовой их выработки.

Конечно, такая суммарная оценка может дать лишь общую цифру стоимости *целого* предприятия без всяких подразделений и без всякого учета состояния имущества *по отдельным его видам*. Заменить собою инвентаризацию такая огульная оценка, конечно, не может. Но методом *поверки* наиболее общих ее результатов она служить вполне может. И даже по своей простоте и дешевизне является едва ли заменимым, чтобы не сказать — единственно приемлемым, методом поверки.

Что же она нам дает в применении к вышеприведенным итогам?

Это видно из данных табл. 63[3].

В приведенном сопоставлении мы заменили первоначальные данные трестов, приведенные у Сегаля, окончательными итогами переоценок в том виде, как они вошли в утвержденные балансы. Эти поправки несколько снижают разницу между итогами инвентарной и «предельной» оценки учтенного имущества. И тем не менее эта разница для некоторых отраслей промышленности превышает всякие пределы допустимой погрешности.

Мы не проверяли расчетов Сегаля. Думаем, что этим в первую очередь

---

[1] В 53 акционерных предприятиях по нефтедобыче с 23,5 тыс. рабочих, из общего их числа в 44,3 тыс., начальная оценка имущества составляла по балансам их 341 млн. руб. Для всей нефтедобычи это дает не свыше $(341 : 23{,}5) \times 44{,}3 = 644$ млн. руб. Скидка на землю в 15% составляет, по данным ЦСУ, *среднюю* норму для всей промышленности. Для нефтедобычи она, конечно, много выше (С. Струмилин. Проблема промышленного капитала, стр. 126—127 и стр. 24).

[2] В «Сводном балансе» (стр. 105) по 3 трестам учтено имущество на 1175,7 млн. руб. червонных, или $1175{,}7 : 1{,}61 = 730$ млн. довоенных руб. А недра оценены за балансом, сверх того, в 2690 млн. довоенных руб. (там же, стр. 127).

[3] А. Сегаль. Основные капиталы общесоюзной промышленности. «Плановое хозяйство», 1927, № 2, стр. 76.

Таблица 63

Проверка данных инвентаризации ВСНХ на 1 октября 1925 г. по трестам Цугпромма методом «предельной оценки»

Отрасль промышленности	Восстановительная стоимость				Современная стоимость				% износа	
	предельная оценка, млн. червонных руб.	инвентарная оценка, млн. червонных руб.	разница		предельная оценка, млн. червонных руб.	инвентарная оценка, млн. червонных руб.	разница		предельная оценка	инвентарная оценка
			млн. червонных руб.	% к гр. 2			млн. червонных руб.	% к гр. 6		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Нефтяная	475	1174,7	699,7	147	330	611,4	281,4	85	30,5	48,0
Хлопчатобумажная	900	1349,8	449,8	50	560	946,3	386,3	69	37,8	29,9
Химическая (без коксобензола)	130	173,9	43,9	34	75	118,5	43,5	58	42,3	31,9
Бумажная	44	58,3	14,3	32	30	39,7	9,7	32	31,8	31,9
Машиностроение и обработка металла	533	657,9	124,9	23	282	409,8	127,8	45	47,1	37,7
Шерстяная, льняная и пр.	287	344,8	57,8	20	160	239,9	79,9	50	44,3	30,4
Сахарная	630	721,3	91,3	14	320	384,8	64,8	20	49,2	46,7
Лесная	44	50,1	6,1	14	30	32,0	2,0	7	31,8	36,1
Каменноугольная	335	380,0	45,0	13	215	238,5	23,5	11	35,8	37,2
Металлургическая	650	724,7	74,7	11	350	378,8	28,8	8	46,2	47,7
Пищевая (чай и спирт)	110	117,6	7,6	7	76	75,0	—1,0	—	30,9	36,2
Электротехническая	90	90,7	0,7	—	65	65,0	—	—	27,8	28,3
Итого по 67 трестам	4228	5843,8	1615,8	38	2493	3539,7	1046,7	42	41,0	39,4

должны бы заняться органы ВСНХ. Но, судя по тому, что до сих пор никто из заинтересованных органов указанных расчетов не оспаривал, надо думать, что они достаточно правильны. А это значит, что инвентаризация ВСНХ преувеличила наличные фонды промышленности, а вместе с тем и свои амортизационные отчисления, по меньшей мере, на 40%.

Операция, с «хозрасчетной» точки зрения с избытком оправдывающая все издержки по «переоценке» основных фондов промышленности, но с точки зрения интересов народного хозяйства в целом и требований правильного учета едва ли приемлема.

в) Нормы амортизации

О том, в каком размере исчисляются при этом амортизационные отчисления по разным видам имущества, можно ознакомиться из следующей справки (табл. 64).

Итак, в результате переоценки амортизационные отчисления только по 70 трестам возросли на 56 млн. руб., или на 36%. И это несмотря на посильное противодействие НКФ, добившегося снижения среднего процента отчислений с 7,2 до 6,35, т. е. на 28,4 млн. руб. Нормальный процент технического износа имущества ВСНХ при данном его составе по нормам Госплана был бы не свыше 2,6 от восстановительной, или 4,2 от современной его стоимости с учетом износа (на 37,5%). Уже из этого можно судить, насколько преувеличены нормы износа ВСНХ. А если к этому прибавить еще то увеличение их, которое вытекает из преувеличенной оценки имуществ, то мы получим довольно ясное представление о том, какое огромное практическое значение имеют правильные методы учета фондов промышленности и их амортизации и почему это дело не следует поручать компетенции одного лишь заинтересованного ведомства.

Таблица 64

Амортизация действующего имущества 70 трестов Цугпрома ВСНХ (без консервированных заводов) за 1924/25 г.

Вид имущества	Имущество на 1 октября 1925 г., млн. червонных руб.			Амортизация за 1924/25 г.					Амортизационный срок службы, лет	
		с дооценкой		на имущество по балансу		всего с дооценкой				
							%			
	по балансу (без дооценки)	полная восстановительная оценка	современная с учетом износа	млн. червонных руб.	% к гр. 2	млн. червонных руб.	полной оценки (гр. 3)	современная оценка (гр. 4)	полный (гр. 7)	оставшийся (гр. 4 к гр. 7)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Здания производственного значения . . .	334	1029	718	13,5	4,04	27,4	2,66	3,82	37,6	26,2
2. Здания, обслуживающие производства . .	120	307	202	5,4	4,50	8,6	2,80	4,26	35,7	23,5
3. Жилые здания и службы	253	797	508	13,6	5,38	25,7	3,22	5,06	31,0	19,8
Итого .	707	2133	1428	32,5	4,60	61,7	2,89	4,32	34,6	23,1
4. Сооружения, шахты и пр.	441	1160	568	42,3	9,59	50,6	4,36	8,91	22,9	11,2
Итого . .	1148	3293	1996	74,8	6,52	112,3	3,41	5,63	29,3	17,8
5. Силовые установки . .	208	482	272	17,1	8,22	21,0	4,36	7,72	23,0	13,0
6. Техническое оборудование и машины . . .	584	1328	826	41,2	7,05	55,0	4,14	6,66	24,1	15,0
Итого . .	792	1810	1098	58,3	7,36	76,0	4,20	6,92	23,8	14,4
7. Инструмент и обзаведение	31	44	31	3,6	11,61	3,6	8,18	11,61	12,2	8,6
8. Инвентарь	104	137	104	13,3	12,79	13,3	9,71	12,79	10,3	7,8
9. Транспорт	100	198	119	6,6	6,60	7,4	3,74	6,22	26,8	16,1
Всего . .	2175	5482	3348	156,6	7,20	212,6	3,88	6,35	25,8	15,7

Если от средних сроков службы и соответствующих им норм износа обратиться к колебаниям их по отдельным группам трестов, то получается следующая картина (табл. 65).

Эти сроки службы, а стало быть, вместе с ними и нормы износа, колеблются в разных трестах на целые сотни процентов. И если по некоторым сборным рубрикам, вроде сооружений и транспорта разных видов, такая колеблемость вполне объяснима особенностями этих видов имущества, то в других случаях мы ее объясняем лишь отсутствием твердых объективно научных оснований для установления нужных норм и сроков, вследствие чего все они строятся на так называемых экспертных оценках и потому крайне грубы и произвольны.

А между тем мы располагаем огромными возможностями к тому, чтобы строить эти сроки и нормы на строго научной базе массового наблюдения. У хозяев частнокапиталистического общества не было такой возможности вследствие слишком ограниченного поля наблюдения в пределах одного лишь хозяйства. Но к нашим услугам огромное поле наблюдения всей национализированной промышленности. И если мы из года в год будем по однообразной программе учитывать, какое количество разных

Таблица 65

Амортизационные сроки службы нового имущества по отчетности 1924/25 г., принятые ВСНХ по отдельным группам производства и видам имущества
(в годах)

Вид имущества	Группа производств									
	пищевая	угольная	металлическая	химическая	сахарная	текстильная	бумажная	нефтяная	лесная и прочая	в среднем по 70 трестам
1. Здания производственного значения	63,3	46,2	40,0	43,1	42,0	34,4	31,4	35,4	16,7	37,5
2. Здания, обслуживающие производство	58,3	81,3	39,5	38,0	28,3	39,7	23,3	25,5	37,0	35,7
3. Жилые здания и службы	64,6	39,0	32,9	37,4	35,6	28,2	36,5	45,6	19,6	31,0
Итого	62,5	43,0	37,1	40,2	31,6	32,6	31,2	39,3	20,4	34,6
4. Сооружения	116,3	53,6	52,8	17,5	34,7	34,0	131,6	19,6	18,9	22,9
Итого	65,8	45,5	40,0	36,0	32,0	32,6	34,2	21,2	20,0	29,3
5. Силовые установки	44,0	24,8	21,2	41,0	28,6	22,4	9,1	19,7	18,5	23,0
6. Техническое оборудование и машины	38,3	25,1	29,2	27,4	27,0	20,1	44,2	26,0	18,2	24,2
Итого	39,2	25,0	26,5	29,3	27,5	20,6	19,4	23,0	18,3	23,8
7. Инструмент и обзаведение	14,2	13,7	17,1	28,8	—	11,1	21,7	11,4	14,5	12,2
8. Инвентарь	11,8	13,3	10,7	11,8	10,0	9,5	16,9	12,7	8,6	10,3
9. Транспорт	9,3	46,3	26,9	22,9	24,0	21,4	26,3	19,5	14,2	26,8
В среднем лет	52,9	34,4	30,9	30,3	25,4	25,3	24,9	21,0	17,2	25,8
Годовой % износа	1,89	2,90	3,24	3,30	3,93	3,95	4,01	4,77	5,82	3,88

видов имущества у нас совсем выбыло из строя за ветхостью и по другим причинам и во что нам обошелся *ремонт* остающегося имущества, то без всякого труда построим вполне объективные нормы амортизации.

Легче всего это сделать в отношении норм капитального ремонта, учет которого ведется у нас уже несколько лет.

К сожалению, для всей промышленности ВСНХ в целом у нас имеется лишь самый суммарный и притом далеко не полный подсчет затрат по капитальному ремонту (табл. 66).

Как видим, в 1923/24 г. на капитальный ремонт ушло около 2%, а через 2 года — уже около 5% балансовой оценки всего имущества промышленности.

В этом росте некоторую роль играет, вероятно, прежде всего более полный учет ремонта за последние годы. Но гораздо большее влияние на этот рост оказывает другой факт. До сих пор у нас в работе находилась лишь часть имущества, а остальная находилась на консервации, не требуя никакого ремонта. Так, по трестам Цугпрома на 1 октября 1923 г. находилось в работе только 71,8% основных его фондов, на 1 октября 1924 г. — 77,8% [1], а на 1 октября 1925 г., по нашему подсчету, — уже около 93,8%.

[1] «Сводный баланс общесоюзной промышленности на 1.X 1924 г.», стр. XVII.

Таблица 66

Учтенный капитальный ремонт по всей промышленности ВСНХ
(в тыс. червонных руб.)

Отрасль промышленности	Отчетные данные 1923/24 г.	Отчетные данные 1924/25 г.	Отчетные данные 1925/26 г.	План 1926/27 г.
Металлическая (и рудная)	12 151	20 224	52 258	39 372
Текстильная	10 570	18 940	35 634	27 002
Пищевкусовая	4 165	8 457	20 350	14 783
Топливная	12 434	11 502	14 469	12 918
В том числе				
нефтяная	—	—	4 768	—
угольная	—	—	9 701	—
Химическая	2 009	4 905	7 281	5 752
Силикатная	611	1 096	8 042	5 923
Бумажная и полиграфическая	1 986	1 799	4 807	2 785
Лесная	1 383	1 668	2 816	2 954
Электротехническая	761	925	2 748	2 672
Электрические станции	1 113	812	—	?
Разные	1 439	2 411	8 604	2 694
Синдикаты и торги	—	—	—	6 700
Итого учтено	48 622	73 739	157 009	122 555
Недоучет (19,5%)	(11 760)	(17 850)	—	—
Всего капитального ремонта — по ВСНХ	(60 382)	91 589	157 009	122 555
В том числе по Цугпрому	(40 000)	62 813	104 380	77 780
Ремонт всей промышленности				
% к имуществу (к началу года по балансу)	2,03	3,09	5,07	3,48
% к валовой продукции (без акциза)	1,72	1,79	2,12	—
Ремонт по Цугпропму, % к имуществу	1,91	2,98	4,52	3,05
То же, в отношении действительного имущества	2,66	3,83	4,82	—

Однако даже в отношении к действующему имуществу затраты на капитальный ремонт возрастают чрезвычайно резко — с 2,66 до 4,82% всего за 2 года. Это объясняется тем, что с каждым годом привлекалось вновь из консервации все более изношенное и запущенное в отношении ремонтов имущество. Капитальные ремонты последних лет поэтому ни в коем случае нельзя считать нормальными *поддерживающими* ремонтами. Они не только поддерживали нормальную работу действующих предприятий, но и покрывали многолетнюю запущенность в предприятиях, доселе бездействующих. Говоря иначе, это были в значительной мере *восстановительные* ремонты.

В ближайшие годы, в связи с вовлечением в оборот всех фондов промышленности, мы должны, стало быть, ожидать определенного снижения затрат на капитальные ремонты. И уже на 1926/27 г. они запроектированы по плану значительно ниже фактических затрат 1925/26 г. Нужно, однако, заметить, что и на 1925/26 г. по плану капитальные ремонты были намечены в более низкой цифре, чем показанные в табл. 66. Так, по трестам Цугрома *плановые* капитальные ремонты составляют лишь 83,5 млн. руб. из 104,4 млн. Но тресты затратили на ту же цель еще сверх плана по счету текущих ремонтов 23,4 млн. руб. По крайней мере, на такую сумму их было обнаружено при проверке отчетности трестов Цугпрома в центре.

За 1924/25 г. задним числом таких капитальных ремонтов, проведенных по счету текущего ремонта, обнаружено было только на 1718 тыс. руб.

Мы лично склонны такие сверхплановые ремонты считать превышающими обычную норму, ибо сомневаемся, чтобы какой-нибудь трест забыл предусмотреть в своих планах и обеспечить кредитами даже нормальную потребность в капитальном ремонте. Наличие избыточных ресурсов, не предусмотренных планом (конъюнктурная прибыль), и легкая возможность самостоятельно распорядиться ими с проведением через счет текущих ремонтов толкала тресты на такие капитальные работы, которые сами по себе, конечно, были весьма полезны, ибо по общему правилу заметно расширяли их производственные возможности, но именно поэтому не укладывались в плановые рамки нормального поддерживающего ремонта. Мы не сомневаемся, что и в плане капитальных ремонтов по тем предприятиям, которые впервые вовлекались в работу из резерва, предусматривались гораздо более высокие затраты по капитальному ремонту, чем это необходимо в нормальных условиях производства.

Поэтому сколько-нибудь надежные нормы затрат по этой статье мы получим лишь через несколько лет, с проведением более жесткой плановой дисциплины и с полным исчерпанием резервных фондов всякого старья и завали, оставшихся у нас до сих пор на консервации. Но известную показательность нельзя отрицать и за имеющимися ныне отчетными данными.

Вот, например, некоторые коэффициенты по трестам общесоюзного значения (табл. 67).

Как видим, и в отношении к обороту и в процентах от наличного имущества затраты на капитальный ремонт колеблются по отдельным отраслям промышленности весьма резко. Из заграничного опыта имеются указания, что в отношении к продукции нормальная потребность в капитальном ремонте определяется примерно в 2,5%. В табл. 67 эта норма даже для 1924/25 г. в среднем заметно выше указанного процента. Но если брать продукцию с акцизом, то в 1924/25 г. капитальный ремонт составит

Таблица 67

Капитальный ремонт по трестам Цугпрома

Отрасль производства	Товарная продукция по отпускным ценам (без акциза), млн. руб.		Имущество, млн. червонных руб. на 1 октября			Капитальный ремонт						
						за 1924/25 г.				за 1925/26 г.		
	1924/25 г.	1925/26 г.	1925 г.		1926 г.	тыс. червонных руб.	% к			тыс. червонных руб.	% к	
			полная оценка	с учетом износа			гр. 2	гр. 4	гр. 5		гр. 3	гр. 6
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Металлическая . . .	423,5	658,9	1382,6	788,6	849,6	18 175	4,29	1,31	2,30	41 166	6,25	4,85
Текстильная	960,9	1272,4	1694,6	1186,2	1217,6	19 459	2,03	1,15	1,64	30 197	2,37	2,48
Нефтяная	147,1	211,7	1174,7	611,4	657,4	7 422	5,05	0,63	1,21	4 650	2,20	0,71
Угольная	103,7	108,8	380,0	238,5	264,5	4 081	3,94	1,07	1,71	9 602	8,83	3,63
Химическая	137,1	188,2	173,9	118,5	123,4	2 528	1,84	1,45	2,14	3 176	1,69	2,57
Электротехническая	67,5	97,9	90,7	65,0	86,7	1 117	1,65	1,23	1,72	2 748	2,81	3,17
Сахарная	155,4	337,7	721,3	384,8	443,8	6 553	4,22	0,91	1,70	6 294	1,86	1,42
Прочая пищевая . .	105,8	224,8	117,6	75,0	93,4	853	0,81	0,73	1,14	2 974	1,32	3,18
Бумажная	36,9	43,0	58,3	39,7	43,8	1 079	2,92	1,85	2,72	2 195	5,10	5,01
Лесная	32,3	59,4	50,1	32,1	27,1	(966)	2,99	1,93	3,02	862	1,45	3,18
Прочая горная . . .	13,6	15,0	35,1	27,3	(27)	(580)	4,26	1,65	2,12	516	3,46	1,92
Итого	2183,8	3217,8	5878,9	3567,1	3834,3	62 813	2,88	1,07	1,76	104380	3,24	2,72

от нее и у нас около 2,5%. Нормы же 1925/26 г., несомненно, и по этой мерке сильно преувеличены.

Будем поэтому в дальнейшем исходить лишь из опыта 1924/25 г. Согласно ему, капитальный ремонт даже в условиях восстановительных процессов требует затрат не свыше 1,76% от современной и 1,07% от начальной оценки ремонтируемого имущества. В эту сумму имущества не включены незаконченные постройки и запасное оборудование. Ко всему имуществу трестов затраты на ремонт составили бы еще более низкий процент.

По отдельным видам имущества нормы ремонта представлены в табл. 68.

За 1925/26 г. мы имеем только балансовую оценку имущества. А кроме того, очень значительная сумма ремонта, проведенная вне плана за счет «текущих» ремонтов, не разбита по видам имущества. Но если ограничиться рамками одних лишь плановых ремонтов, то нормы их по разным видам имущества не слишком сильно различаются за два сопоставляемые года. Можно отметить лишь крупное увеличение затрат по ремонту оборудования. Но и здесь, вероятно, это объясняется необходимостью вовлечения в работу совсем малопригодных к делу резервов оборудования. В последующие годы, за исчерпанием резервов, это явление едва ли будет по-

Таблица 68

Капитальный ремонт в трестах Цугпрома по видам имущества

Вид имущества	Имущество, млн. руб.				Капитальный ремонт					
	на 1 октября 1925 г.			на 1 октября 1926 г. по балансу	1924/25 г.				1925/26 г.	
	начальная оценка	современная с учетом износа	по балансу без дооценки		тыс. руб.	% к имуществу			тыс. руб.	% к гр. 5
						гр. 2	гр. 3	гр. 4		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Здания производственные и подсобные . .	1451,1	990,8	491,7	506,7	16 538	1,14	1,67	3,36	17 926	3,54
2. Жилые здания и службы	828,5	525,7	262,3	296,6	10 913	1,32	2,08	4,16	11 726	3,95
Итого . .	2279,6	1516,5	754,0	703,3	27 451	1,20	1,81	3,64	29 652	3,69
3. Сооружения, шахты, скважины . . .	1229,6	602,5	466,0	564,4	14 083	1,15	2,34	3,02	17 721	3,14
Итого . .	3509,2	2119,0	1220,0	1367,7	41 534	1,18	1,96	3,40	47 373	3,46
4. Силовые установки. .	519,8	291,4	222,3	230,6	6 706	1,29	2,30	3,02	10 235	4,44
5. Техническое оборудование	1462,0	897,9	634,9	661,9	10 422	0,71	1,16	1,64	21 363	3,23
Итого . .	1981,8	1189,3	857,2	892,5	17 128	0,86	1,44	2,00	31 598	3,54
6. Инструмент и инвентарь	184,8	137,6	137,6	163,1	32	0,02	0,02	0,02	537	0,33
7. Транспорт	203,7	121,4	101,9	107,1	4 119	2,02	3,39	4,04	4 011	3,75
8. Не распределено. . .	—	—	—	35,6	—	—	—	—	20 861	—
Всего . .	5879,5	3567,3	2316,7	2566,0	62 813	1,07	1,76	2,72	104380	4,06

Таблица 69

Нормы ликвидации имущества трестов Цугпрома за 1925/26 г.

Вид имущества	Имущество на 1 октября 1925 г., млн. руб.: балансовая оценка	Имущество на 1 октября 1925 г., млн. руб.: начальная стоимость	Выбыло имущества за ветхостью и износом: балансовая оценка, тыс. руб.	Выбыло имущества за ветхостью и износом: начальная оценка, тыс. руб.	Выбыло имущества за ветхостью и износом: начальная оценка, % к гр. 3	Нормы дооценки гр. 5 к гр. 4	Сроки физической службы, лет	Выбыло от стихийных бедствий: балансовая оценка, тыс. руб.	Выбыло от стихийных бедствий: начальная оценка, тыс. руб.	Выбыло от стихийных бедствий: начальная оценка, % к гр. 3
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Здания и сооружения	1 187	3 476	13 394	50 800	1,46	3,79	68,4	1142	3 960	0,11
Машины и оборудование	857	1 982	11 266	27 950	1,41	2,48	70,9	568	1 410	0,07
Инструмент и обзаведение	32	45	1 893	3 310	7,36	1,75	13,6	20	35	0,08
Хозяйственный инвентарь	106	140	3 024	4 890	3,49	1,62	28,6	82	133	0,10
Транспорт	102	204	1 411	2 480	1,22	1,76	82,3	50	88	0,04
Фонд улучшения быта рабочих	33	33	12	12	0,04	1,00	—	34	34	0,10
Итого . .	2 317	5 880	31 000	89 442	1,52	2,89	65,7	1896	5 660	0,10
Расходы по ликвидации	—	—	—	2 488	0,04	—	—	—	39	0,00
Выручка от »	—	—	—	17 727	0,30	—	—	—	836	0,01
Сальдо потерь . .	—	—	—	74 203	1,26	—	—	—	4 863	0,08

вторяться, а потому коэффициенты 1924/25 г. надо считать более показательными, чем данные 1925/26 г.

В отношении убыли имущества за ветхостью, а также от пожаров, наводнений и прочих стихийных бедствий у нас имеются отчетные данные только за один год, и то не вполне удовлетворительные, ибо оценка выбывшего имущества дана по «балансовой» его стоимости, природа которой чрезвычайно неясна и сомнительна. На балансе трестов до сих пор значилось имущество частью в современной, частью в довоенной оценке, и притом с учетом износа. Выбывающее за *ветхостью* имущество мы, разумеется, можем считать приобретенным до введения червонной валюты, т. е. выраженным в довоенных ценах. Но степень износа, учтенная в балансе по *этому* имуществу, нам вовсе не известна. Однако если условно принять и для *выбывающего* имущества те же *средние* коэффициенты переоценки и износа, какие выявились в результате инвентаризации для *всей* массы имущества, подвергавшейся переоценке, то получим по важнейшим подразделениям имущества следующие нормы его ликвидации (табл. 69).

Выбытие имущества за счет стихийных бедствий погашается в порядке страхования имущества и потому не должно отражаться на нормах амортизации. Кстати сказать, оно выражается чрезвычайно скромным процентом. Что же касается факторов изнашивания, то их роль гораздо значительнее.

Прежде всего следовало бы уточнить, о каком износе здесь идет речь. Вообще говоря, в порядке ликвидации и замены старого имущества новым учету подлежит и то имущество, которое выбывает за полной физической негодностью, и то, которое замещается новым по коммерческим основа-

ниям, за невыгодностью дальнейшей его эксплуатации. И, разумеется, при учете следовало бы строго различать эти два вида износа. При физическом износе промышленное имущество обращается в лом и, таким образом, окончательно выбывает из фонда производственных ресурсов страны, а при моральном оно только обесценивается на известный процент при ликвидации, но обычно продолжает в руках нового владельца служить тому же производственному назначению. Например, с постройкой Волховстроя целый ряд силовых установок ленинградской промышленности выбывает из эксплуатации за невыгодностью. Но они отнюдь еще не теряют при этом всей своей производственной ценности. В другом районе, лишенном столь же мощных и дешевых источников энергии, как Волховстрой, эти силовые установки и впредь окажутся достаточно рентабельными для эксплуатации и будут еще долго служить своему назначению. С народнохозяйственной точки зрения, такое имущество, стало быть, не выбывает из производства, а лишь меняет место своего использования.

К сожалению, нынешний учет не дает возможности таких различений. Можно с уверенностью сказать, что в табл. 59 учтены результаты и технического и морального изнашивания, ибо выручка от ликвидации выбывшего имущества слишком велика для стоимости простого лома. Но в какой доле здесь учтен технический и в какой моральный износ — мы не знаем.

Обращает на себя внимание относительно высокий процент износа для строений и сооружений. Очевидно, здесь сказалось участие с большим весом в общем итоге таких недолговременных сооружений, как доменные печи, шахты, буровые скважины и т. п. Правильнее было бы поэтому давать более расчлененные итоги ликвидации имущества по различным видам строений и сооружений.

Относительно низкий процент износа для машинного оборудования объясняется, вероятно, тем, что, собственно говоря, машинам при достаточном ремонте и замене ходовых частей нет износа. Они могли бы служить хоть 200 лет. И если они все же выбывают из эксплуатации значительно скорее, то главным образом из-за конструктивного их устарения и в связи с особо энергичным в этой области техническим прогрессом.

Выбывшее за ветхостью и износом имущество трестов списывается, по-видимому, ныне по активу со счета имущества и по пассиву со счета амортизационных фондов в *той оценке, в которой оно значилось на балансе*. Бухгалтерски, с точки зрения требований равенства обеих сторон баланса, это правильно. Но экономически эта операция, по меньшей мере, сомнительна.

Экономический интерес в данной операции представляют две величины. Во-первых, на какую сумму следует произвести новые вложения, чтобы восстановить выбывшее имущество, и, во-вторых, на какую сумму реально ликвидировано имущества по рыночным ценам и, таким образом, перешло со счета имущества на счет кассы, т. е. превратилось из основного капитала в оборотный. В табл. 69 на этот вопрос отвечают суммы 89,4 млн. руб. начальной оценки имущества и 17,7 млн. руб.— выручки от ликвидации. А бухгалтерия нам предлагает считаться с совершенно условной третьей суммой в 31 млн. руб., реально ровно ничего не отображающей.

Вычитая по 31 млн. из актива и пассива, мы, в сущности, грешим даже против арифметики, ибо эти рубли разной величины. Вычет из амортизационного фонда всегда производится в валюте текущего дня, а вычет балансовой оценки имущества — в валюте прежних лет. А между тем стоимость воспроизводства капитальных фондов непрерывно меняется, и разница может составить весьма существенную величину.

Амортизационному фонду пассива всегда соответствует в активе известный резерв оборотных средств — в деньгах, ценных бумагах или других ликвидных ценностях. Этот резерв имеет специальное назначение

служить для производства капитальных ремонтов и воспроизводства выбывающего за ветхостью и износом имущества. Экономическое значение вычетов из амортизационного фонда в сумме ликвидированного имущества, стало быть, сводится к освобождению на ту же сумму из состояния резервов оборотных ресурсов актива и к превращению их в основной фонд — в замену выбывшего имущества. Но спрашивается, какой экономический смысл приобретает эта операция, если бы мы заимствовали из амортизационного фонда всего 31 млн. руб. для того, чтобы воспроизвести имущества на 89 млн. руб.?

Очевидно, здесь формы бухгалтерии совершенно оторвались от их экономического назначения. А в результате получается бессмыслица. Амортизационные фонды из года в год у нас растут на балансах, накапливаются в огромных масштабах, служат оборотными средствами и чем угодно, отнюдь не выполняя в то же время своего прямого назначения. А вместе с тем воспроизводство основных фондов промышленности идет своим чередом, только за счет всяких иных ресурсов.

Если бы речь шла об отдельных предприятиях, то накопление в том или другом из них амортизационных фондов не вызывало бы сомнений. В одном, более новом, они накапливаются, ибо накопление превышает расход, но зато в других происходит обратное явление. Но в целом для всей промышленности, существующей уже много десятков лет, накопления амортизационных фондов не должно бы происходить. Они целиком каждый год должны бы обращаться по прямому своему назначению. А если

Таблица 70

Потребность в погашении и фактические амортизационные отчисления по трестам Цугпрома за 1924/25 г.

Отрасль промышленности и вид имущества	Имущество на 1 октября 1925 г. (восстановительная оценка), млн. червонных руб.	Потребность в погашении имущества трестов: капитальный ремонт, млн. червонных руб.	замена выбывшего имущества, млн. червонных руб.*	итого: млн. червонных руб.	% к гр. 2	Фактически отчислено в амортизационный фонд: млн. червонных руб.	% к гр. 2	Излишние отчисления: млн. червонных руб.	% к гр. 5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Металлическая	1 383	18,17	15,18	33,35	2,41	37,37	2,70	4,02	12
Текстильная	1 695	19,46	10,87	30,33	1,79	62,64	3,70	32,31	107
Нефтяная	1 175	7,42	36,60	44,02	3,75	55,37	4,71	11,35	26
Угольная	380	4,08	9,15	13,23	3,48	10,53	2,77	—2,70	—20
Химическая	174	2,53	4,28	6,81	3,91	5,16	2,97	—1,65	—24
Электротехническая	91	1,12	1,22	2,34	2,57	3,98	4,37	1,64	70
Сахарная и прочая пищевая	838	7,40	10,08	17,48	2,09	30,66	3,66	13,18	75
Бумажная	58	1,08	0,76	1,84	3,17	2,34	4,03	0,50	27
Лесная	85	1,55	1,33	2,88	3,39	4,54	5,34	1,66	58
Итого	5 879	62,81	89,47	152,28	2,59	212,59	3,63	60,31	40
В том числе									
здания и сооружения	3 476	41,53	50,80	92,33	2,66	112,3	3,23	19,9	22
машины и оборудование	1 982	17,13	27,95	45,08	2,27	76,0	3,83	30,9	69
инструмент и инвентарь	185	0,03	8,20	8,23	4,45	16,9	9,14	8,7	106
транспорт	204	4,12	2,48	6,60	3,24	7,4	3,63	0,8	12

* По данным 1925/26 г.

этого нет, то объяснить это можно лишь двумя обстоятельствами: либо мы преуменьшаем фактический износ имущества, подлежащего ликвидации за счет амортизационных отчислений, либо исчисляем с преувеличением сами эти отчисления.

В нашей практике, по-видимому, имеет место и то и другое. Износ мы преуменьшаем, учитывая его в довоенном или вообще в каком-то весьма неопределенном «балансовом» рубле. А нормы амортизации преувеличиваем в меру ведомственного глазомера и натиска, отнюдь не считаясь с наличной отчетностью о размерах фактической потребности в погашении соответствующих потерь и затрат.

Пользуясь приведенными выше данными, эту потребность мы исчисляем для общесоюзной промышленности в размерах, приведенных в табл. 70.

Размер исчислений потребности здесь, несомненно, преувеличен. Отчасти потому, что мы, исходя из преувеличенной восстановительной оценки имущества, пользовались преувеличенным индексом перевода балансовой стоимости выбывшего имущества в восстановительную (2,89). Отчасти же потому, что и учтенные здесь затраты на капитальный ремонт имущества, бывшего на консервации, тоже значительно выше обычной нормы. Но и за всем тем фактические отчисления оказались процентов на 40 выше исчисленной в них потребности.

Характерно при этом, что наибольший избыток отчислений получается по текстильной, нефтяной, сахарной промышленности, т. е. по наиболее рентабельным трестам. Гораздо скромнее исчисляют амортизацию те тресты, у которых нет избытков накоплений.

Конечно, мы не считаем наши расчеты сколько-нибудь точными. Для этого следовало бы гораздо лучше поставить отчетность трестов, чтобы не приходилось прибегать к весьма сомнительным индексам переоценки и т. п. суррогатам отчетности. Но методологический интерес такого рода расчетов не зависит от их точности. Да и масштаб отмеченного преувеличения слишком велик, чтобы его можно было объяснить лишь погрешностями исчисления.

г) Нормы накопления

Проблема о плановом нормировании накопления в промышленности у нас пока только поставлена. До сих пор накопление определялось у нас более или менее стихийно, как результат нашей хозяйственной деятельности и условий рыночной конъюнктуры. И мы не знали наперед с достаточной точностью, какие суммы амортизации и прибылей получатся у нас в конце года и, стало быть, в каком масштабе мы можем планировать воспроизводство и реконструкцию наших основных фондов.

Но это отнюдь не может нас удовлетворить в наших советских условиях. Отпускные цены не рынок диктует нам, а мы рынку. И, стало быть, никто не препятствует нам включить заранее в калькуляцию этих отпускных цен ту или иную норму прибыли. Конечно, при этом необходимо совершенно сознательно задаться определенной политикой в области цен и заработной платы, учитывая потребности бескризисного расширения производства. И задача эта не столь уж проста, чтобы ее сразу же разрешить вполне удовлетворительно. Но именно поэтому необходимо прежде всего отчетливо уяснить себе фактическое положение дел в указанной области.

До сих пор оно было еще столь нам не ясно, что возможны были споры даже по такому основному вопросу: растут или сокращаются наши промышленные основные фонды. Еще совсем недавно, в апреле 1926 г., один из видных работников ВСНХ доказывал печатно, что износ этих фондов настолько превышает их погашение новыми вложениями, что не о накоплении, а лишь о «растрате» и о «проедании» основного капитала промыш-

ленности может идти речь за весь период со времени образования нынешних хозрасчетных трестов, т. е. примерно с 1921/22 г. К 1 октября 1925 г. эта растрата определялась им в 465 млн. червонных руб., причем даже крупные вложения 1925/26 г., по его мнению, «вряд ли» смогут компенсировать эту растрату, т. е. превысить непогашенный по балансам износ на 1 октября 1926 г. [1]

Это было бы очень печально, если бы оно было верно. К счастью, примитивно ведомственная точка зрения, отразившаяся в этих расчетах, совершенно не обоснована. А сами расчеты ничего, кроме узкой ведомственности или глубокого невежества их автора, подтвердить не могут. Достигнутый им результат объясняется только тем, что он совершенно произвольно преувеличил сумму износа промышленных фондов за истекшие годы и столь же произвольно преуменьшил размер фактических капитальных вложений. Достаточно сказать, что вся сумма капитальных затрат в промышленность по 1 октября 1926 г. исчислена им в 1255,6 млн. руб., а на самом деле, по имеющейся отчетности за те же годы, она превзошла 1505 млн. руб., не включая сюда затрат на электрификацию. Размеры износа, если исходить даже из оспариваемых нами норм ВСНХ, с поправками на дооценку (+36%), не превышают, по нашему расчету, за четыре года к 1 октября 1926 г. по всей промышленности 1096 млн. руб., в то время как в указанном расчете они определяются в 1231 млн. руб. Но курьезнее всего сопоставление в этом расчете исчисленного износа с амортизационным фондом по балансу на 1 октября 1926 г. Исходя из того, что износ равен на эту дату, по его расчету, 1231 млн. руб., а амортизационный фонд показан на балансе в цифре 726 млн., автор заключает, что амортизация могла до сих пор покрыть едва «половину» износа [2]. Он, очевидно, и не подозревает, что на балансе фигурирует лишь остаток амортизационных фондов, за списанием с них затрат по капитальному ремонту и стоимости выбывшего имущества.

Если исходить из отчетных данных ВСНХ за последние три года, то общие итоги накопления по всей промышленности ВСНХ достигали примерно размеров, показанных в табл. 71.

Данных за 1925/26 г. в окончательном виде по *утвержденным* балансам ВСНХ у нас не имеется. Ожидаемые поправки к предварительной сводке балансов мы даем здесь по оценке самого ВСНХ. За 1923/24 г. отчетных данных о размерах амортизационных отчислений у нас нет. И потому итог их нами исчислен по соотношениям следующего года.

Огромный прирост амортизационных сумм за 1924/25 г. объясняется, как уже было указано, переоценкой имущества. За вычетом амортизации на дооценку (около 36%) прирост за год будет гораздо меньше, не свыше 20%. Этот прирост объясняется вовлечением в оборот бездействовавших предприятий и повышением нагрузки действующих фондов. А за 1925/26 г. довольно заметно возросла и общая сумма имущества, подлежащего амортизации. Что же касается еще более быстрого прироста прибылей, несмотря на повышение норм амортизации, то он является прекрасным показателем общего оздоровления промышленности и благоприятных для нее условий рыночной конъюнктуры.

Любопытно, что еще на 1 января 1923 г. сальдо прибылей и убытков по всем трестам Цугпрома определилось в 3 млн. руб. чистого убытка. Через 9 месяцев по тем же трестам мы получили уже 79 млн. руб. чистой прибыли [3]. И затем с каждым годом эта цифра возрастала чуть ли не в геометрической прогрессии.

---

[1] А. Калмановский. Динамика основного капитала промышленности СССР. «Плановое хозяйство», 1926, № 4.

[2] Там же, стр. 147—149.

[3] «Сводные балансы общесоюзной промышленности на 1 января и 1 октября 1923 г.» М.— Л., 1925, стр. 29 и 75.

Таблица 71

Накопление промышленности СССР (в млн. червонных руб.)

Организация	1923/24 г. прибыль	1923/24 г. амортизация	1923/24 г. итого	1924/25 г. прибыль	1924/25 г. амортизация	1924/25 г. итого	1925/26 г. прибыль	1925/26 г. амортизация	1925/26 г. итого
I. Тресты									
1. ВСНХ СССР	100,7	130	230,7	288,4	212,6	501,0	372,3	256,8	629,1
2. ВСНХ РСФСР									
Угпром	—0,3	—	—	28,0	16,2	44,2	25,7	17,0	42,7
Местпром	4,5	—	—	88,2	26,5	114,7	114,6	66,0	180,6
Итого . .	4,2	—	—	116,2	42,7	158,9	140,3	83,0	223,3
3. ВСНХ УССР									
Угпром	5,2	Нет сведений		11,73	10,16	21,89	5,81	13,20	19,01
Местпром	1,2			4,61	2,80	7,41	11,03	3,00	14,03
Итого . .	6,4	»	»	16,34	12,96	29,30	16,84	16,20	33,04
4. ВСНХ БССР	—0,5	Нет сведений		3,74	1,31	5,05	7,47	1,40	8,87
5. ВСНХ ЗСФСР	1,6	»	»	1,00	0,75	1,75	1,81	0,80	2,61
6. ВСНХ Узбекской ССР	0,0	»	»	0,93	0,50	1,43	2,36	0,55	2,91
7. Туркменская ССР . .	0,0	»	»	0,79	0,68	1,47	1,36	0,70	2,06
Итого по трестам .	112,4	(185)	297,4	427,4	271,5	698,9	542,4	359,5	901,9
То же, с поправкой	—	—	—	—	—	—	(568,1)	359,7	927,8
II. Синдикаты и торги	13,0	(5,0)	(18,0)	29,2	5,0	34,2	(46,0)	5,5	51,5
Всего . .	125,4	(190)	315,4	456,6	276,5	733,1	614,1	365,2	979,3
Рост, %	100	100	100	364	146	232	490	192	310

Выше мы установили, что повышенные с 1924/25 г. на 36% нормы амортизации оказались преувеличенными против соответствующей в них потребности процентов на 40. Отсюда мы делаем два вывода. Очевидно, до 1924/25 г. наши амортизационные отчисления были вполне достаточны для погашения износа. Это во-первых, и во-вторых, прибыли промышленности, начиная с 1924/25 г., несомненно, преуменьшены в наличной отчетности как раз на ту сумму, на какую преувеличены амортизационные отчисления. Говоря иначе, прибыльность нашей промышленности росла даже быстрее, чем явствует из официальной отчетности.

К этому же выводу нас приводят и данные о преувеличенных затратах по счету текущего ремонта.

Общие итоги затрат по ремонту за последнюю пару лет достигали размеров, приведенных в табл. 72.

Как видим, текущий ремонт поглощает у нас даже значительно больше затрат, чем капитальный. В нормальных условиях следовало бы ожидать обратного соотношения. По заграничному опыту текущий ремонт составляет около 70% капитального. У нас из довоенного опыта нет надежных массовых данных о соотношении этих двух видов ремонта. Тем более что и самое разграничение их друг от друга весьма условно.

Ремонт, действие которого распространяется только на один эксплуатационный период и который поэтому приходится повторять ежегодно, мы

Таблица 72

Текущий ремонт по трестам госпромышленности

Отрасль промышленности	Имущество на 1 октября 1925 г., млн. руб.		Имущество на 1 октября 1926 г. с учетом износа млн. руб.	Товарная продукция по оптовым ценам (без акциза), млн. руб.		Текущий ремонт						
						1924/25 г.				1925/26 г.		
							% к				% к	
	восстановительная оценка	с учетом износа		1924/25 г.	1925/26 г.	млн. руб.	гр. 2	гр. 3	гр. 5	млн. руб.	гр. 4	гр. 6
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Союзная промышленность												
Металлическая	1382,6	788,6	849,6	423,5	658,8	36,68	2,7	4,7	8,7	69,07	8,1	10,5
Текстильная	1694,6	1186,2	1217,6	960,9	1272,4	37,84	2,2	3,2	3,9	52,96	4,3	4,2
Нефтяная	1174,7	611,4	657,4	147,1	211,7	19,00	1,6	3,1	12,9	23,59	3,6	11,1
Угольная	380,0	238,5	264,5	103,7	108,8	8,00	2,1	3,4	7,7	10,99	4,2	10,1
Химическая	173,9	118,5	123,4	137,1	188,2	5,28	3,0	4,5	3,9	6,86	5,6	3,6
Электротехническая	90,7	65,0	86,7	67,5	97,9	3,16	3,5	4,9	4,7	4,61	5,3	4,7
Лесная и пр.	85,2	59,4	(54,1)	45,9	74,4	1,59	1,9	2,7	3,5	4,15	7,7	5,6
Бумажная	58,3	39,7	43,8	36,9	43,0	1,71	2,9	4,3	4,6	2,35	5,4	6,4
Сахарная	721,3	384,8	443,8	155,4	337,7	17,68	2,5	4,6	11,4	21,54	4,9	6,4
Проч. пищевая	117,6	75,0	93,4	105,8	224,8	1,60	1,4	2,1	1,5	1,91	2,0	0,8
Итого по Цугпрому	5878,9	3567,1	3834,3	2183,8	3217,7	132,5	2,3	3,7	6,1	198,0	5,2	6,2
II. Угпром РСФСР	434,1	273,7	—	—	—	—	—	—	—	19,14	—	—
III. Угпром УССР	(31,6)	198,9	—	—	—	—	—	—	—	17,10	—	—
IV. ВСНХ БССР	30,6	18,6	—	—	—	—	—	—	—	1,33	—	—
Итого учтено	6,660	4058,3	—	—	—	(152)	(2,3)	(3,7)	—	235,6	—	—
Недоучет	(2500)	(1615)	—	—	—	(58)	(2,3)	(3,7)	—	(91)	—	—
Всего	9 160	5 673	—	—	—	(210)	(2,3)	(3,7)	—	(327)	—	—

называем текущим, ремонт с более длительным действием — капитальным. Интерес такого различия сводится к тому, что затраты по текущему ремонту целиком переносятся на стоимость продукции *данного* года, по капитальному же — только лишь в известной части, в зависимости от периода его действия. Но в рамках народного хозяйства в целом такие различия теряют свой интерес, ибо ежегодно на каком-либо его участке производятся ремонты длительного действия и, стало быть, разложив их стоимость на всю продукцию по всей стране, мы вправе полностью погасить их за год.

Именно в силу этого соображения очень мало внимания уделяется различению текущих ремонтов от капитальных в таком большом хозяйстве, как железнодорожное. Мы знаем, например, что весь ремонт и возобновление выбывающего инвентаря по нашей железнодорожной сети за 1913 г. достигал около 3,5% действительной стоимости имущества железных дорог, но сколько из них следует отнести на капитальный и сколько на текущий ремонт, сказать гораздо труднее[1]. Принято считать, что полный износ

[1] См. ниже, табл. 76.

железнодорожного имущества за год составляет около 2,5% его стоимости. В таком случае на долю текущего ремонта пришлось бы отнести за 1913 г. не свыше 1%.

По московским городским железным дорогам за 1913 г. весь ремонт поглощал 3,75% восстановительной стоимости их имущества, в том числе по подвижному составу — 7,86%. Из них текущий ремонт составлял 3,73%, т. е. около 90% величины затрат по капитальному ремонту [2].

А ныне по всей союзной промышленности текущий ремонт, по меньшей мере, раза в 2 превышает капитальный и в общей сумме по всем ремонтам поднимается до огромной суммы почти в 0,5 млрд. руб. Можно ли допустить, чтобы такие огромные суммы расходовались без всякого плана и учета?

Мы сейчас взяли твердый курс на режим экономии. И во имя его сокращаем повсюду и в меру, и даже иной раз без всякой меры, наличную отчетности хозорганов. Но мне кажется, что подлинный режим экономии лишь выиграл бы от существенного усиления наличной отчетности по части всяких ремонтов, ибо позволил бы сберечь на рационализации их гораздо больше миллионов, чем их потребовалось бы для постановки правильной отчетности. Режим экономии не должен извращаться в режим безотчетности, ибо безотчетность *провоцирует* хищения и бесхозяйственное разбазаривание народного достояния.

По отдельным видам имущества затраты на ремонт достигали в 1925/26 г. размеров, показанных в табл. 73.

Таблица 73

Ремонт в трестах Цугпрома по видам имущества за 1925/26 г.

Вид имущества	Имущество на 1 октября 1925 г. (восстановительная оценка), млн. червонных руб.	Учтенный ремонт 1925/26 г. — текущий, млн. червонных руб.	текущий, % к гр. 2	капитальный, млн. червонных руб.	капитальный, % к гр. 2	итого, млн. червонных руб.	итого, % к гр. 2	Гр. 3 к гр. 5
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Здания и сооружения	3 293	60,95	1,85	47,37	1,44	108,3	3,29	1,29
Оборудование и машины	1 810	111,82	6,18	31,60	1,75	143,4	7,92	3,54
Инструмент	44	9,47	21,52	—	—	9,5	21,52	—
Инвентарь	137	6,71	4,90	0,54	0,39	7,3	5,33	12,43
Транспорт	198	11,80	5,96	4,01	2,03	15,8	7,98	2,94
Итого	5 482	200,75	3,66	83,52	1,52	284,3	5,19	2,40
Консервированное имущество	397	0,41	0,10	—	—	—	—	—
Прочее и нераспределенное	?	1,39	?	20,86	—	—	—	—
Всего	5 879	202,55	3,45	104,38	1,78	—	—	1,94
То же, с поправкой *	—	198,00	3,37	104,40	—	302,4	5,14	1,90

* По утвержденным балансам.

[2] П. Войтехов. Текущие, капитальные и восстановительные ремонты. «Система и организация», 1926, № 11—12, стр. 60.

В табл. 73 по некоторым трестам использованы неокончательные данные их отчетности. При утверждении балансов некоторая доля расходов по текущим ремонтам перенесена в капитальные. Но в общих итогах по текущему и капитальному ремонту эта неточность теряет свое значение.

По статье «инструмент» мы здесь имеем дело, разумеется, не только с ремонтом, но и с возобновлением имущества, проводимым по счету текущих ремонтов. Поэтому здесь затраты и составляют столь значительный процент. Но и по другим статьям общая сумма затрат по ремонтам, несомненно, значительно превышает известные нам нормы из довоенной практики.

Мы уже отмечали, например, в отношении транспорта, что и на железных дорогах и на трамвае сумма *всех* ремонтов в 1913 г. не превышала 3,75%, а здесь она вырастает до 7,98%, т. е. более чем в 2 раза. По техническому оборудованию довоенная практика дает коэффициенты для ремонта от 0,92% по московскому водопроводу до 2,39% по газовому заводу, а у нас только текущий ремонт поглощает 6,18%, т. е. чуть ли не втрое больше, и т. д. [1]

Мы не беремся сейчас судить, в какой мере нынешние нормы и капитального и текущего ремонтов преувеличены. Мы не знаем также, в какой доле это преувеличение должно быть отнесено за счет бесхозяйственности соответствующих органов ВСНХ и в какой — за счет нормальных особенностей восстановительного периода, т. е. за счет запущенности в ремонтах бездействовавшего имущества. Но едва ли можно сомневаться, что целые десятки миллионов, ежегодно расходуемые ныне на погашение запущенности ремонтов, заметно повысят видимую рентабельность наших пред-

Таблица 74

Нормы рентабельности промышленности СССР *

Год	Весь «капитал» (с дооценкой) к концу года, млн. руб.	Имущество (с учетом износа), млн. руб.	Продукция по отпускным ценам (без акциза), млн. руб.	Чистая прибыль, млн. руб.			Нормы прибыльности, %		
				по балансам	поправка на переоценку амортизации	итого	всех «капиталов» (гр. 7 к гр. 2)	основного имущества (гр. 7 к гр. 3)	оборота (гр. 7 к гр. 4)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	4 125	2 285	5 816	378	71	449	10,9	19,7	8,4
1923/24	7 658	5 572	4 063	112,4	—	112,4	1,5	2,0	2,8
1924/25	8 098	5 760	6 109	427,5	34	461,5	5,7	8,0	7,6
1925/26	9 355	6 437	8 918	568,1	106	674,1	7,2	10,5	7,6
1926/27	10 323	7 320	10 154	696	111	807	7,8	11,0	7,9
1927/28	(11 704)	(8 424	(11 037)	(765)	(151)	(916)	7,8	10,9	8,3

* Данные за 1913 г.— в довоенной валюте, современные — в червонно д. Все «капиталы» взяты по активу (имущество с учетом износа без земли + товары и материалы). Данные за 1926/27 г. предварительные, за 1927/28 г.— по плану. Остаток чистой прибыли за 1913 г. (по Н. Я. Воробьеву, 322,7 млн. руб.) увеличен здесь на 45,6 млн. процентного сбора с прибылей, для сравнимости с данными последующих лет, где дается прибыль трестов до обложения ее подоходным налогом. За 1913 г. учтена вся цензовая промышленность в границах СССР, за следующие — только государственная. Продукция (по отпускным ценам без акциза) взята по исчислению контрольных цифр Госплана. Имущество исчислено, исходя из данных переоценки на 1 октября 1925 г., данных о вложениях и нормы износа (в 2,6% восстановительной оценки имущества к концу года), со включением вложений по электрификации.

[1] П. Войтехов. Текущие, капитальные и восстановительные ремонты. «Система и организация», 1926, № 11—12, стр. 60.

приятий, когда будут учтены в надлежащем месте или когда через пару лет отпадут за ненадобностью.

Впрочем, и без учета — за отсутствием надежных коэффициентов — доли восстановительных ремонтов рентабельность нашей промышленности уже довольно значительна. Вот некоторые сравнительные данные (табл. 74).

Ввиду противоречивости и несравнимости разных источников приведенные данные отнюдь не являются бесспорными. Особенно противоречивы данные разных источников о валовой продукции, исчисляемой весьма разнообразно. Промышленные фонды даются здесь в нашем исчислении, исходя из данных оценки на 1 октября 1925 г. в сопоставлении с данными о вложениях и износе. Но износ подсчитан за все годы по 2,6% начальной оценки *всего* имущества к концу года, без скидок на бездействующее имущество и неполную нагрузку, т. е. с некоторым преувеличением, что понижает современную норму прибыльности. Впрочем, и приведенные здесь размеры прибылей 1913 г., вероятно, сильно преуменьшены капиталистической бухгалтерией. Тем не менее если по сравнению с довоенными нормами рентабельность нашей госпромышленности еще и низка, то ежегодный ее прирост весьма изряден.

Но вопрос о норме прибыльности отнюдь еще не разрешает вопроса о нормах накопления в промышленности. Прибыль может быть обращена на

Таблица 75

Капитальные затраты в промышленность ВСНХ
(в млн. червонных руб.)

Отрасль промышленности	Отчетные данные за				План	
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1. Металлическая	20,0	28,7	49,1	188,9	251,2	320,0
2. Текстильная	12,3	30,4	51,0	132,0	140,1	182,8
3. Нефтяная	49,3	(81,0)	97,2	140,3	170,8	170,0
4. Угольная	17,9	(19,7)	23,7	77,1	126,1	136,0
5. Химическая	1,6	5,2	14,7	48,3	54,5	81,0
6. Электротехническая	1,4	2,1	3,4	13,0	17,2	15,0
7. Пищевкусовая	8,6	12,7	25,1	67,6	58,2	79,3
8. Силикатная	—	1,5	5,3	33,1	44,5	49,4
9. Лесная	2,4	9,0	8,2	17,2	25,5	19,7
10. Бумажно-полиграфическая	2,3	5,1	5,8	26,7	40,4	40,5
11. Прочие	—	11,6	23,9	26,5	35,7	38,7
12. Синдикаты, НТУ и нераспределенные	—	(18)	(46,1)	30,2	27,5	33,5
Итого	115,8	(225)	(353,5)	810,9	991,7	1165,0
13. Электрификация	31,8	49,6	72,5	119,0	162,4	233,5
Итого с электрификацией	147,6	274,6	426,0	929,9	1154,1 1095*	1399,4 1464*
В том числе капитальные ремонты	?	48,6	73,7	157,0	122,5	—
Износ по норме 2,6% начальной оценки	(235)	(235)	(238)	(253)	(271)	(294)
Вложения за погашением износа	—87,4	+39,6	+188,0	+676,9	+883,1	+1105,4

* Отчетные итоги. П. Лященко. История народного хозяйства, т. III, стр. 226.

разные цели. А нас здесь интересует прежде всего вопрос о том, какая доля дохода от промышленности и из других источников обращается на накопление, т. е. идет на капитальные вложения в промышленность.

Имеющиеся у нас по этому вопросу отчетные данные не отличаются особой полнотой и точностью. В общем и целом, однако, они дают достаточное представление о достижениях в этой области за последние годы (табл. 75).

Итак, только за 5 лет (по 1 октября 1927 г.) нами вложено в промышленность не менее 2943 млн. червонных руб. Правда, в эти вложения входит и погашение износа, по нашему весьма приблизительному расчету, за 5 лет около 1233 млн. руб. Но и за этой поправкой прирост промышленных фондов составит не менее 1710 млн. руб., из которых около 435 млн. падает на электрификацию. Это не слишком много по сравнению с цифрами, намеченными по перспективному плану на следующее пятилетие. Но все же за последние 3—4 года мы имеем несомненное накопление промышленных фондов, а не «проедание» их, как это утверждали некоторые производственники.

Это накопление имело место, конечно, не только по линии роста основных, но и оборотных фондов. В общей сложности по тем и другим мы имеем нормы накопления, приведенные в табл. 76.

Таблица 76

Динамика промышленных фондов ВСНХ (исчисление)

Год	Имущество (без электростанций): восстановительная оценка, млн. червонных руб.	Имущество: с учетом износа, млн. червонных руб.	Имущество: прирост его, млн. червонных руб.	Имущество: прирост его, % к гр. 3	Все фонды (с электростанциями), млн. червонных руб.: основные (с износом)	Все фонды: оборотные (товары, материалы)	Все фонды: итого (по активу)	Годовой их прирост: млн. червонных руб.	Годовой их прирост: % к гр. 8	Амортизационные отчисления, млн. червонных руб.	Фактический износ (2,6% гр. 2), млн. червонных руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1923*	9 055	5 500	—	—	5 532	1 942	7 474	—	—	—	—
1924	9 045	5 490	—10	0,0	5 572	2 086	7 658	184	2,5	(166)	235
1925	9 160	5 606	116	2,1	5 760	2 338	8 098	440	5,7	271,5	238
1926	9 718	6 164	558	10,0	6 437	2 918	9 355	1 257	15,5	359,5	253
1927	10 439	6 885	721	11,7	7 320	(3 043)	10 363	1 008	10,8	383,0	271
1928	11 310	7 756	871	12,6	8 424	(3 280)	11 704	1 341	12,9	446,2	294

* Данные за 1923—1927 гг.— на 1 октября.

В табл. 76 обращает на себя внимание резкий скачок в увеличении оборотных фондов за 1925/26 г. Это первый год крупных строительных работ в промышленности. И мы должны были увеличить за этот год запас всякого рода материалов не только для соответствующего расширения продукции, но и для развертывания строительства. Строительные материалы были запасены в этом году трестами даже с известным избытком, что создало резкое повышение цен на эти материалы и целый ряд хозяйственных затруднений в 1925/26 г., но несколько облегчило строительную кампанию следующего года. В 1925/26 г. запасы строительных материалов предыдущего года пошли в дело. И потому дальнейшее повышение оборотных фондов определилось в очень скромной цифре — 135 млн. руб. против 580 млн. руб. предыдущего года. В связи с этим общая норма накопления

за 1926/27 г. понизилась с 15,5 до 10,8% к общему итогу наличных фондов. Но уже в 1927/28 г. она снова поднимается по плану до 12,9%. И это при том условии, что наличные фонды промышленности мы здесь взяли по весьма преувеличенной оценке ВСНХ. Если верно, что они преувеличены процентов на 40, то значит фактически норма накопления значительно выше исчисленной и уже подавно много выше довоенной нормы в 5—6%.

До сих пор мы имели здесь в виду только государственную цензовую промышленность. С учетом мелкой и необобществленной промышленности, по данным ЦСУ, мы имеем такое распределение индустриальных фондов по СССР (табл. 77).

Таблица 77

Промышленные фонды СССР по социальным секторам на 1 октября 1925 г. с учетом износа *

Сектор	Млн. руб.			% к итогу		
	цензовая	мелкая промышленность	итого	цензовая	мелкая промышленность	итого
Государственная промышленность	5878,5	18,2	5896,7	95,3	2,3	86,4
Кооперативная	200,8	48,4	249,2	3,2	7,3	3,6
В том числе арендованная	115,9	6,2	122,1	1,9	0,9	1,8
Итого по обобществленному сектору	6079,3	66,6	6145,9	98,5	10,1	90,0
Госкапиталистическая						
концессионная	12,7	—	12,7	0,2	—	0,2
арендованная	60,3	13,2	73,5	1,0	2,0	1,1
Итого	73,0	13,2	86,2	1,2	2,0	1,3
Частнокапиталистическая	19,2	103,3	122,5	0,3	15,7	1,8
Простое товарное производство	—	474,1	474,1	—	72,2	6,9
Всего	6171,5	657,2	6828,7	100,0	100,0	100,0

* М. Н. Смит. Основные капиталы союзной промышленности, «Статистическое обозрение», 1927, № 2, стр. 69—72. Ср. изд. ЦСУ: «Основные капиталы цензовой промышленности СССР». М., 1929, где даются значительно меньшие итоги для цензовой промышленности (5566 млн. вместо 6171 млн. руб.).

И этот подсчет не претендует на исчерпывающую полноту. В него не включены военная промышленность и некоторые другие фонды промышленного значения, например складские сооружения синдикатов и пр. Но характерно, что даже при наличии этих пробелов доля частнокапиталистических фондов выражается совершенно ничтожным процентом. Включая в число капиталистических предприятий даже такие кустарные заведения, в которых заняты по найму один или два рабочих, ЦСУ насчитывало у них всего 1,8% всех промышленных фондов страны. И даже с прибавкой тех государственных фондов, которые временно переданы частным предпринимателям в концессию или в аренду, этот процент не возрастает выше 3,1.

В довоенной оценке, с переводом по коэффициенту 1,96, основные фонды всей цензовой промышленности составят по этому подсчету, с учетом морального и физического износа, около 3150 млн. руб. на 1 октября 1925 г.

По нашему теоретическому расчету, произведенному за год до инвентаризации ВСНХ, эта цифра на 1 октября 1924 г. достигала лишь 2685 млн. руб., а с прибавкой новых вложений и вычетом износа за 1924/25 г. (188 : 1,96 = 96 млн. руб.) — около 2781 млн. руб. Если бы наш расчет можно было признать точным, то пришлось бы цифры табл. 77 признать преувеличенными процентов на 13. Мы уже отмечали выше, что по предельным оценкам Сегаля, данные ВСНХ преувеличены гораздо больше — процентов на 40. Вернее всего, однако, что все эти расчеты малодостоверны и могут служить лишь для самой общей ориентировки.

Достаточно напомнить хотя бы следующий факт. Если имущество с учетом и технического и морального износа к началу 1924/25 г. мы исчислили выше в 2685 млн. довоенных руб., то с учетом одного лишь технического износа по тому же исчислению оно определилось на ту же дату в 4482 млн. руб., т. е. на 67% больше. Но понятие морального износа весьма условно. А возможности сколько-нибудь точного его учета чрезвычайно проблематичны.

Правда, органы ВСНХ имели задание учеть при инвентаризации 1925 г. и моральный износ. Но никаких конкретных инструкций им из центра о том, как это можно сделать, дано не было. А потому, в какой мере ими выполнено это задание, никому неизвестно. Весьма возможно, что в одних трестах моральный износ оценивался полнее, в других слабее, а в иных и вовсе ускользал от учета.

Во всяком случае, известно следующее. Если исходить из коэффициентов одного лишь технического износа, то за время революции, с 1917 по 1 октября 1924 г., износ основных промышленных фондов и военный ущерб составили за 7 лет, по грубым нашим расчетам, до 1394 млн. руб. довоенных, или около 1394 × 1,96 = 2732 млн. червонных руб. Новые вложения в капитальный ремонт за последние 2 года из этих 7 лет составили не менее 432 млн. черв. руб. Если за предыдущие 5 лет подсчитать на круг хоть по сотне миллионов червонных рублей в год капитальных ремонтов и т. п. затрат, а всего за 7 лет — на 932 млн. руб., то общий ущерб в основном имуществе нашей промышленности к 1 октября 1924 г. не превышал 1800 млн. руб., или 18% общего фонда в 9886 млн. червонных руб. к моменту Октябрьской революции. За следующие 3 года вложения за вычетом износа достигли уже 1748 млн. руб. Стало быть, к 10-й годовщине Октябрьской революции мы, по-видимому, уже почти целиком покрыли ее издержки в области промышленного строительства.

И с тех пор мы уже порядочно приумножили полученное наследие

д) Динамика промышленности за 1928—1960 гг.

В настоящее время представляется возможность привести итоги роста промышленной продукции за весь период перспективного планирования в СССР. Приведем только наиболее общие показатели темпов роста валовой продукции и производительности труда по всей крупной и мелкой промышленности СССР[1]:

Год	Валовая продукция	Производительность труда
1928	100	100
1932	202	141
1937	446	258
1940	646	343
1950	1119	470
1955	2069	679
1956	2290	726
1960	3412	921

[1] «Народное хозяйство СССР в 1956 году». Статист. сб. М., Статиздат, 1957, стр. 52, 57; 1960, стр. 219.

Особенно высокие темпы роста дали первые две пятилетки индустриализации. Третья пятилетка, прерванная тяжкой войной, четвертая (1945—1950 гг.), в процессе восстановления военных потерь, по меньшей мере, на 8 лет задержали наше продвижение вперед. Но если исключить из счета эти годы, то общий рост продукции, кончая 1956 г., в 22,9 раза в расчете на 20 лет мирного развития дает не менее 17% прироста за год, или до 118% за пятилетку. А для выработки продукции за год на одного рабочего такой же расчет дает годовой прирост ее до 10% за год.

Таковы возможности планового хозяйства.

III. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ[1]

Восстановительный период развертывания нашего транспорта кончается 1926/27 г. Дальнейшее развитие нашего хозяйства невозможно без соответствующей подготовки транспорта. Транспорт должен всегда несколько опережать в своем развитии общее нарастание грузооборота в стране. Некоторый резерв транспортных ресурсов представляется нам одним из самых целесообразных видов резерва, ибо его отсутствие может превратить транспорт, являющийся одним из самых мощных факторов хозяйственного развития, в один из серьезнейших тормозов этого развития.

В каком же состоянии находится наш железнодорожный транспорт в настоящее время?

Чтобы оценить по достоинству современное его состояние и ближайшие перспективы, необходимо прежде всего запастись масштабами для сравнения из нашего недавнего прошлого.

1. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ ДО 1913 г.

Первая железная дорога в России длиною в 27 км, была открыта к движению в 1838 г. Затем через 7 лет прибавилось в 1845 г. еще 117 км пути, и затем железнодорожное строительство продолжалось уже почти без перерыва, ежегодно удлиняя эксплуатационную длину сети на десятки и сотни километров.

Об общем темпе этого строительства можно судить по цифрам, приведенным в табл. 78.

Таблица 78

Динамика железнодорожного строительства

Годы	Длина открытой сети, км		% прироста за 10 лет	
	за 10 лет	всего к концу периода	к прошедшему десятилетию	ко всей сети
1830—1840	27	27	—	—
1841—1850	474	501	1 760	1 760
1851—1860	1 125	1 626	232	219
1861—1870	9 105	10 731	810	560
1871—1880	12 134	22 865	133	113
1881—1890	7 731	30 596	64	34
1891—1900	22 637	53 233	293	74
1901—1910	13 348	66 581	59	25
1911—1913	—	70 990	—	—

Как видно, рост далеко неравномерный. Особенно крупный прирост падает на 70 и затем на 90-е годы. С возрастанием сети этот прирост, вы-

[1] «Очерки советской экономики». М.— Л., 1928.

раженный в процентах, конечно, падает. Но и в абсолютных величинах размер его за последние 10—15 лет заметно понизился по сравнению с девяностыми годами. За последние 20 лет перед мировой войной (с 1893 по 1913 г.) железнодорожная сеть выросла у нас на 37 200 км, или на 112%, что дает среднегеометрический годовой прирост около 3,8%. За последнее десятилетие этот прирост снизился до 3,2%, что дает все же свыше 1000 км новых дорог в год.

Какие же ресурсы требовались для осуществления железнодорожного строительства в указанном темпе?

В «Сборниках Министерства путей сообщения» мы находим нижеследующие итоги капитальных вложений в это строительство за 1885—1913 гг. (табл. 79).

Таблица 79

Капиталы сооружения железных дорог общего пользования в границах Российской империи без Финляндии к концу года

Год	Эксплуатационная сеть, км	Основные капиталы, млн. золотых руб.			Дополнительные вложения, млн. золотых руб.	Всего вложений		То же, по казенным железным дорогам	
		в акциях	в облигациях	итого		млн. золотых руб.	%	млн. золотых руб.	% к гр. 7
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1885	26 025	577	1 682	2 259	314	2 573	100,0	204	7,9
1886	27 345	560	1 734	2 294	294	2 588	100,6	213	8,2
1887	28 240	547	1 736	2 283	344	2 627	102,1	286	10,9
1888	29 428	519	1 878	2 397	340	2 737	106,4	355	13,0
1889	29 933	506	2 026	2 532	369	2 901	112,7	656	22,6
1890	30 596	510	2 092	2 602	439	3 041	118,2	695	22,8
1891	30 723	501	2 114	2 615	419	3 034	117,9	887	29,2
1892	31 202	483	2 181	2 664	364	3 028	117,7	879	29,0
1893	32 870	491	2 381	2 872	390	3 262	126,8	1 113	34,1
1894	35 206	343	2 794	3 137	393	3 530	137,2	1 997	56,6
1895	37 058	198	3 056	3 254	408	3 662	142,3	2 418	65,9
1896	39 546	194	3 191	3 385	422	3 807	148,9	2 548	66,9
1897	41 585	128	3 349	3 477	526	4 003	155,6	2 666	66,6
1898	44 622	122	3 457	3 579	760	4 339	168,6	2 870	66,1
1899	49 870	124	3 558	3 682	900	4 582	178,1	3 009	65,6
1900	53 234	120	3 886	4 006	819	4 825	187,5	3 382	70,0
1901	56 452	127	4 046	4 173	978	5 151	200,2	3 625	70,3
1902	57 599	128	4 043	4 171	1 222	5 393	209,6	3 803	70,5
1903	58 362	130	4 187	4 317	1 364	5 681	220,8	4 000	70,4
1904	59 616	133	4 253	4 386	1 428	5 814	226,0	4 069	70,0
1905	61 085	134	4 221	4 355	1 599	5 954	231,4	4 186	70,3
1906	63 623	134	4 303	4 437	1 761	6 198	240,9	4 377	70,6
1907	65 500	134	4 329	4 463	1 991	6 454	246,9	4 601	71,4
1908	65 919	135	4 370	4 505	2 118	6 623	257,4	4 726	71,3
1909	66 345	135	4 414	4 549	2 265	6 814	264,8	4 862	71,4
1910	66 581	137	4 378	4 515	2 361	6 876	267,2	4 957	72,1
1911	68 027	149	4 476	4 625	2 557	7 182	279,1	5 134	71,5
1912	69 523	129	4 555	4 684	2 796	7 480	291,3	5 386	72,1
1913	70 990	130	4 575	4 705	2 978	7 683	298,6	5 615	73,0

Капиталы железных дорог в огромной своей части складывались из облигационных займов, которые выражались обычно в металлической валюте. Мы их перевели здесь на новейшую золотую валюту, считая за рубль старого образца по 1,5 руб. новой чеканки. Все сложения в кредитных рублях переведены на золото по курсам соответствующих лет, в том виде, как эти итоги публиковались в железнодорожной отчетности, т. е. по курсу *данного* года переведена общая сумма вложений за все предшествующие

годы. Это, конечно, очень грубый прием. Курс кредитного рубля падал. И ежегодная переоценка вложений за *ряд лет* по падающему курсу приводит к преуменьшению реального их значения. Но вложения в кредитной валюте не превышали 10—15% общего их итога, а потому большого значения указанная неточность иметь не может.

Ежегодная сумма вложений в новые железные дороги за последние годы колебалась в пределах от 200 млн. до 300 млн. руб. Цифра очень крупная. За последние 10 лет — с 1903 по 1913 г.— цифра вложений в железнодорожный транспорт достигла 2002 млн. руб., а во всю промышленность, исключая ремесленно-кустарную,— 2230 млн. руб. Таким образом, затраты на транспорт до революции по абсолютному их размеру почти не отставали от суммы капитальных вложений в промышленность.

Железнодорожное строительство требует для своего осуществления огромных средств. Собрать такие средства обычно бывает не под силу не только отдельным частным предпринимателям, но даже целым их объединениям. Вот почему уже в довоенной России так быстро росла доля казенных дорог в общем их протяжении. Частные общества строили железные дороги главным образом за счет облигационных займов под гарантию правительства. Значительная часть этих облигаций, оставаясь нереализованной на частном рынке, сразу же оказывалась в руках казны. И это имело место не только с облигациями, но и с акциями частных обществ. А если сюда еще прибавить строительные и другие ссуды казны частным обществам, то общее участие казны в якобы «частном» строительстве дорог выразится огромным процентом. В самом деле, приведем для иллюстрации несколько итогов (табл. 80).

Таблица 80

Участие казны в строительстве частных железных дорог за 1873—1913 гг. к концу года

Год	Длина сети, км	Капиталы сооружения, млн. золотых руб.			Из них принадлежало казне, млн. золотых руб.			Долги казне по ссудам и пр., млн. золотых руб.	Всего казенных средств	
		акционерные	облигационные и пр.	итого	по акциям	по облигациям	итого		млн. золотых руб. (гр. 8+ +гр. 9)	% к гр. 5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1873	19 074	636	1 155	1 791	84,5	754,1	838,6	305,1	1143,7	63,8
1878	22 335	594	1 375	1 969	84,7	888,0	972,7	493,6	1466,3	74,5
1883	23 699	576	1 500	2 076	12,7	991,4	1004,1	869,7	1873,8	90,2
1888	22 396	519	1 855	2 374	—	957,6	957,6	1028,0	1985,6	83,7
1893	19 892	406	1 744	2 150	—	851,0	851,0	876,0	1727,0	80,4
1898	15 400	122	1 347	1 469	—	299,7	299,7	92,3	392,0	26,7
1903	20 187	131	1 551	1 682	—	269,5	269,5	106,7	376,2	22,3
1908	21 405	135	1 700	1 835	—	265,7	265,7	179,1	444,8	24,2
1913	22 726	130	1 860	1 990	—	265,7	265,7	217,6	483,3	24,3

До начала 80-х годов рост «частной» железнодорожной сети происходил почти целиком за счет казенных ресурсов. И, во всяком случае, вложения казны во много раз превышали собственные средства частных акционеров. Тем не менее в прибыльные годы эти акционеры целиком обращали всю чистую прибыль себе в дивиденд, а в убыточные тоже получали гарантированный процент прибыли за счет казны, возлагая на нее же и выплату процентов по облигационным займам. Немудрено, что казна в конце концов нашла для себя более выгодным досрочный выкуп большинства тех дорог, которые и без того принадлежали ей чуть ли не на 90%. Выкуп не требовал значительных средств, так как погашались только акции, а облигационный долг автоматически переходил на нового владельца выкупленных дорог.

Как видим из приведенной справки, участие казны в капитальных вложениях частной сети, начиная с 90-х годов, резко падает. Это объясняется, конечно, тем, что наиболее слабые в финансовом отношении частные дороги, т. е. наименее рентабельные, а потому наиболее задолженные казне дороги, были выкуплены в первую очередь. Но вместе с тем это объясняет и другой общеизвестный факт, что казенные дороги в результате такого отбора отличались у нас до последнего времени меньшей рентабельностью, чем частные. А с учетом всех платежей по огромной задолженности, обременявшей выкупленные дороги по облигационным займам, казенные дороги в течение целого ряда лет были даже прямо убыточными.

Чему равнялась строительная стоимость железных дорог из расчета на 1 км?

Данные табл. 79 не дают на этот вопрос точного ответа, ибо там даны общие итоги затрат, включая сюда и такие чисто финансовые статьи, как потери по реализации облигационных займов, номинальное увеличение их суммы в связи с конверсиями и т. п. При работе собственным капиталом таких затрат вовсе не оказалось бы, а потому относить их к *строительной* стоимости железных дорог нет оснований.

Более четкое представление об этой величине дают следующие данные об «издержках по устройству» 27 железных дорог, длиною в 10 933 км, по сведениям на 1 января 1877 г. (табл. 81).

Таблица 81

Соотношение издержек на устройство железных дорог по данным на 1 января 1877 г. по 27 дорогам (10 933 км) *

Статья издержек	Весь расход, млн. руб.			На 1 км	
	в золотой валюте	в кредитной валюте	итого в золотой валюте	тыс. золотых руб.	% к итогу
Управление и общие издержки	74,9	12,35	89,2	8,2	11,3
Путь и его принадлежности	351,1	89,99	455,8	41,7	58,0
Станции и постройки на дороге	77,6	23,00	104,4	9,6	13,3
Подвижной состав	97,2	30,90	133,2	12,1	16,9
Телеграф	2,6	0,88	3,7	0,34	0,5
Итого	603,4	157,12	786,3	71,94	100,0

* «Сборник Министерства путей сообщения», вып. IV. СПб., 1880, т. II. Металлический рубль принят за 1,5 руб. золотом, кредитный по курсу 1876 г. равен 1 р. 16,3 к. золотом.

Эти данные, однако, недостаточно еще расчленены. В них входит довольно неясного содержания статья «Управление и общие издержки». А потому представляет интерес привести более дробное расчленение этих издержек по 10 железным дорогам, расценочные ведомости на постройку которых были утверждены в 1872—1877 гг. (табл. 82).

Из этой справки видно, что потери по реализации и проценты на строительный капитал за время постройки достигали 11 648 руб. на 1 км, или 17,2% всей суммы строительной сметы. И потому за вычетом этой суммы реальные издержки на 1 км одноколейной дороги падают с 66,1 тыс. до 54,5 тыс. руб.

Конечно, эту величину нельзя считать постоянной во времени и пространстве. С течением времени на многих дорогах оказалось необходимым провести вторую колею, значительно расширить подвижной состав, заменить железные рельсы стальными, деревянные сооружения каменными и т. д. В связи с этим капиталы сооружения этих дорог значительно выросли из расчета на одну версту. Если же взять средние величины по всей

Таблица 82

Расценочная ведомость железнодорожного строительства России в 1872—1877 гг. по 10 железным дорогам
(в золотой валюте) *

Статья сводной сметы	Сумма затрат		
	на всю сеть, тыс.	на 1 км, руб.	на 1000 руб. основного капитала
1. Длина пути, км	3 070	—	—
2. Отчуждено земли, га	20 019	6,5	—
Строительная смета			
1. Земля	3 295	1 073	15,8
2. Устройство полотна (земляные работы)	24 145	7 865	116,0
3. Искусственные сооружения	14 644	4 770	70,7
4. Устройство балластных слоев	8 617	2 807	41,4
5. Поперечины (шпалы)	3 898	1 270	18,7
6. Рельсы и скрепления	31 319	10 202	150,6
7. Развозка и укладка рельсов	4 344	1 415	20,9
8. Принадлежности пути	775	252	3,7
9. Телеграф	850	277	4,1
10. Сторожевые дома, казармы и проезды	2 722	887	13,1
11. Станционные постройки	11 767	3 833	56,6
12. Водоснабжение станций	2 716	885	13,0
13. Принадлежности станций	4 388	1 429	21,1
14. Подвижной состав	33 239	10 827	159,9
15. Общие расходы (инспекционные, полицейские, административные)	10 572	3 444	50,8
16. Процент на строительный капитал за время постройки	14 485	4 718	69,6
17. Потери при реализации капитала	21 268	6 928	102,2
18. Непредвиденные издержки и залоги для авансов	9 652	3 144	46,4
Итого	202 696	66 026	974,6
19. Сбережение и отстатки **	5 294	1 724	25,4
Всего, тыс. руб.	207 990	67 750	1000,0

* «Сборник Министерства путей сообщения», вып. I и II. СПб., 1877 и 1878.

** Из этой суммы затрачено 1185 тыс. руб. на постройку пристаней и 360 тыс. руб. на приобретение 6 км казенного железнодорожного пути.

сети, то за 1889—1897 гг., для которых опубликованы данные о потерях по реализации первоначальных строительных капиталов и в связи с последующими конверсиями железнодорожных займов, мы наблюдаем следующую картину (табл. 83).

Величина потерь от номинальной цифры вложений колеблется около 18—21%, составляя в среднем за 9 лет 19,2%. В известной части эти колебания определяются колебаниями курса, по которому ежегодно приходится расценивать потери, суммированные за ряд лет в кредитной валюте. При более правильном расчете, с учетом более высокого курса кредитного рубля за 70-е годы, процент потерь оказался бы еще выше. Но если даже исходить в среднем из 17,5% к концу 1913 г., то общая сумма реальных вложений в железнодорожный транспорт к указанному сроку понизится от вышеуказанной цифры 7683 млн. руб. миллионов на 800, т. е. составит

Строительная стоимость железных дорог

Год	Длина сети к концу года, км	Капиталы сооружения					Дополнительные затраты на усиление дорог и пр.	
		номинальная сумма начальных затрат, млн. золотых руб.	потери по реализации и конверсии		реальные затраты за вычетом потерь			
			млн. золотых руб.	% к гр. 3	всего, млн. руб.	на 1 км, тыс. руб.	всего млн. руб.	на 1 км, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1889	29 933	2 533	525	20,4	2 008	67,1	369	12,3
1890	30 596	2 602	533	20,2	2 069	67,6	439	14,4
1891	30 723	2 615	513	20,0	2 102	68,4	419	13,7
1892	31 202	2 664	517	19,4	2 147	68,8	364	11,7
1893	32 870	2 872	534	18,6	2 338	71,0	390	11,9
1894	35 206	3 137	623	19,6	2 514	71,4	393	11,2
1895	37 058	3 254	611	18,8	2 643	71,2	408	11,0
1896	39 546	3 385	613	18,1	2 772	70,2	422	10,7
1897	41 585	3 477	619	17,8	2 858	68,6	526	12,7
Среднее за 9 лет	34 302	2 949	565	19,2	2 384	69,5	415	12,1

около 6883 млн. руб. золотом. Уже одна эта цифра показывает, сколько можно было «заработать» акулам финансового капитала вокруг железнодорожного строительства, даже отнюдь не принимая в нем никакого участия.

За указанной поправкой строительные затраты на 1 км пути по всей сети, включая проценты на капитал за время постройки, выразятся к началу 1890 г. суммой около 68 тыс. руб. В той же примерно цифре мы их определяем и к концу 1913 г. Дополнительные затраты на «усиление» дорог за время их эксплуатации по табл. 83 колеблются около 12,1 тыс. руб. на 1 км.

Однако в отношении этих затрат нужно иметь в виду следующее обстоятельство. Практика железнодорожного хозяйства доныне не знала амортизационных отчислений на погашение изнашивания своих сооружений. Текущий износ при этих условиях лишь частью погашался ремонтами за счет эксплуатационных расходов. А замена полностью отслужившего имущества новым проводилась наравне с вложениями на расширение инвентаря дорог «путем увеличения основного капитала — *без списания стоимости заменяемого имущества*»[1]. Говоря иначе, показанные в довоенной отчетности суммы капиталов сооружения железных дорог преувеличены на всю величину неучтенного их износа.

По расчетам специалистов, годовой износ железнодорожного имущества за вычетом тех его частей, какие возобновляются за счет эксплуатационных текущих и капитальных ремонтов, составляет 1,74% полной инвентарной его стоимости[2]. Однако эти расчеты, по-видимому, сильно преувеличены. По крайней мере, при проверке их в Госплане в 1929 г. целый ряд сроков службы разных видов железнодорожного имущества пришлось заметно повысить. И ныне установленный в законодательном порядке полный коэффициент износа для так называемых реновационных отчислений понижен с 2,8 до 2,5%, а за вычетом тех реноваций, которые доныне

[1] «Материалы по вопросу о восстановлении капитала железных дорог». М., изд. НКПС, 1925, стр. V.

[2] Там же, стр. 8—10. Вместе с износом, погашаемым за счет эксплуатационных кредитов, этот процент повышается до 2,81.

всегда проводились по эксплуатационной смете (смена рельс, шпал и пр.), он составит не свыше 1,25%. Если этот процент верен, то, зная средний срок службы железных дорог к тому или иному моменту, нетрудно определить и общий размер неучтенного износа имущества железных дорог за данный срок. Соответствующий расчет на несколько дат и представлен в табл. 84.

Таблица 84

Стоимость железных дорог с учетом непогашенного износа к концу года (исчисление)

Год	Длина сети, км	Средний срок службы, лет	Основные вложения, млн. золотых руб.	Дополнительные вложения, млн. золотых руб.	Потери реализации и пр., млн. золотых руб.	Капитал сооружения (начальный) гр. 4+5—6, млн. золотых руб.	Износ за весь срок службы, млн. золотых руб.	Наличный капитал сооружения (гр. 7—8), % к гр. 7	Наличный капитал сооружения (гр. 7—8), млн. золотых руб.	Наличный капитал сооружения (гр. 7—8), на 1 км, тыс. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1873	16 206	5,7	1 747	—	(366)	1 381	98	7,1	1 283	79,2
1883	24 145	12,6	2 201	(306)	(462)	2 045	322	15,8	1 723	71,4
1888	29 428	15,5	2 397	340	(496)	2 241	434	19,4	1 807	61,4
1893	32 870	17,6	2 872	390	534	2 728	600	22,0	2 128	64,7
1898	44 622	17,1	3 579	760	(637)	3 702	791	21,4	2 911	65,2
1903	58 362	17,5	4 317	1364	(756)	4 925	1077	21,9	3 848	65,9
1908	65 919	20,2	4 505	2118	(787)	5 836	1474	25,2	4 362	66,2
1913	70 990	23,8	4 705	2978	(800)	6 883	2048	29,7	4 835	68,1

Учет потерь в гр. 6 дан приблизительный, исходя из процента потерь за 1889—1897 гг. в гр. 5 учтены за последние три даты не только дополнительные, но и начальные вложения по азиатским дорогам, строившимся иждивением казны. К 1903 г. эта последняя сумма достигла около 450 млн. руб., к 1908 г.— 666 млн. и к концу 1913 г.— 943 млн. Если указанные цифры исключить из итогов «дополнительных вложений», то они понизятся к концу 1913 г. до 2035 млн. руб. и почти в точности совпадут с исчисленной нами суммой непогашенного износа. Говоря иначе, дополнительные вложения в железные дороги — в общем итоге за весь изучаемый период — только более или менее точно соответствуют сумме амортизационных отчислений, необходимых для замены изношенного имущества новым. И если частные общества предпочитали производить это возобновление имущества путем «увеличения» основного капитала, то финансовый смысл этой комбинации сводился к тому, чтобы при выкупе дорог казной получить с нее возмещение не только основного капитала, но и всех амортизационных сумм.

В общем итоге казне пришлось бы переплатить по этой статье довольно круглую сумму — порядка 2000 млн. руб., да потери по реализации мы оценили выше суммой около 800 млн. руб., всего, стало быть, 2,8 млрд. из номинальной суммы 7,86 млрд. руб. к концу 1913 г. Однако в связи с революцией 1917 г. преувеличенные надежды частного капитала на эти миллиарды были обмануты. Национализация частных дорог и аннулирование долгов казны по облигационным железнодорожным займам в пределах оставшейся в СССР сети обошлись частному капиталу, по нашему расчету, почти в 4 млрд. по номиналу, а за скидкой на преувеличение этого номинала по вышеуказанным комбинациям — около 2,5 млрд. руб.

Однако преувеличивать значение этих потерь для частного капитала отнюдь не приходится. Дело в том, что за время эксплуатации железных дорог их владельцы выручили во много раз больше того, что реально вложили в их постройку. Лучше всего можно в этом убедиться из подсчета, приведенного в табл. 85.

Таблица 85

Вложения и чистый доход от эксплуатации железных дорог России за 1874—1913 гг. (в млн. золотых. руб.)

Годы	Казенные железные дороги			Частные		Вся сеть	
	вложения		чистый доход	вложения	чистый доход	вложения	чистый доход
	всего	за счет займов					
1	2	3	4	5	6	7	8
1874—1878	—	—	0,1	178	325	178	325
1879—1883	121	(86)	2	107	310	228	312
1884—1888	231	(155)	18	298	437	529	455
1889—1893	758	662	126	—224	470	534	596
1894—1898	1 757	1 270	564	—681	293	1 076	857
1899—1903	1 130	472	664	213	315	1 343	979
1904—1908	726	51	514	153	323	879	837
1909—1913	889	39	1 256	155	641	1 044	1 897
1874—1883	121	86	2	285	635	406	637
1884—1893	989	817	144	74	907	1 063	1 051
1894—1903	2 887	1 742	1 228	—468	608	2 419	1 836
1904—1913	1 615	90	1 770	308	964	1 923	2 734
За 40 лет . . .	5 612	2 735	3 144	199	3 114	5 811	6 258

За сорок лет частные железные дороги увеличили свой капитал всего на 199 млн. руб., а чистого дохода выручили за это время 3114 млн., т. е. в 15 раз больше. Что же касается облигационных займов по казенным дорогам, то и по ним ежегодно уплачивалось 4,5% интересов и погашения. И если исходить из среднего срока службы дорог около 24 лет, то за 24 года по 4,5% получим сумму платежей не менее 108% *номинальной* суммы займов или даже 148% от реальной их величины за минимальной скидкой в 17% на средний курс их реализации.

Сопоставляя общую сумму доходов и вложений по всей сети, мы видим, что уже с 70-х годов текущие доходы железных дорог превышали сумму новых капитальных вложений. Обратное явление можно отметить лишь за 90-е годы. Но и это исключение почти целиком объясняется усиленными вложениями казны за счет бюджета в связи с постройкой Сибирской и других азиатских дорог. А в общем за 40 лет вложения за счет частного, главным образом иностранного, капитала, включая и задолженность казенных дорог, едва достигали 2935 млн. при чистом доходе в 6258 млн. руб. Как известно, казенные дороги с учетом платежей по займам и гарантиям были даже убыточными до самых последних лет, так что весь вышеуказанный чистый доход от эксплуатации и частных и казенных дорог был поглощен в конце концов почти целиком одним лишь частным капиталом.

Конечно, приведенная справка не претендует на очень большую точность. Но она все же говорит об одном. Известно, что все железнодорожные наши займы реализовались за границей. Из этого отнюдь не следует, однако, заключать, что наличным развитием железных дорог мы в какой-либо мере обязаны притоку в страну *иностранного* капитала. Совсем напротив, иностранный капитал извлек из России за истекший период в связи с железнодорожным строительством гораздо больше ценностей, чем их поступило к нам из-за границы. Расчетный баланс ввоза и вывоза капитала по этой статье был явно не в нашу пользу. И если бы те же затраты казны на железнодорожное строительство, какие имели место, были произведены *без всякого посредничества международной буржуазии*, мы имели

Рентабельность железных дорог в довоенной России
(дороги общего и местного значения) *

Год	Длина сети, средняя за год, км	Капиталы сооружения к началу года, в золотой валюте млн. руб.			Валовой		Чистый доход от эксплуатации		Амортизация, млн. руб.	Прибыль	
		по номиналу	потери от реализации	за вычетом потерь и износа	доход	расход	млн. золотых руб.	% к гр. 3		млн. золотых руб.	% к гр. 5
					в кредитной валюте, млн. руб.						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1885	25 107	2 272	475	1 490	234,4	141,3	93,3	3,6	22,5	70,8	4,8
1886	25 918	2 574	482	1 758	225,2	141,4	75,8	2,9	26,2	49,6	2,8
1887	26 435	2 585	489	1 736	253,0	144,3	90,7	3,5	26,2	64,5	3,7
1888	27 282	2 628	496	1 745	283,4	160,1	109,1	4,0	26,6	82,5	4,7
1889	28 072	2 729	525	1 790	282,7	168,8	116,5	4,0	27,5	89,0	5,0
1890	28 461	2 895	533	1 919	284,5	171,8	120,8	4,0	29,5	91,3	4,8
1891	29 129	3 036	513	2 048	296,1	177,7	121,5	4,0	31,5	90,0	4,4
1892	29 216	3 020	517	1 997	300,5	192,8	102,2	3,4	31,3	70,9	3,4
1893	29 576	3 008	534	1 937	327,7	198,7	134,6	4,1	30,9	103,7	5,4
1894	32 303	3 263	623	2 070	366,6	214,0	148,3	4,2	33,3	115,3	5,6
1895	33 663	3 532	611	2 314	391,9	226,8	165,1	4,5	36,5	128,6	5,6
1896	35 407	3 659	613	2 401	420,8	244,1	176,7	4,6	38,1	138,6	5,7
1897	36 505	3 805	619	2 501	437,4	258,1	179,3	4,5	39,8	139,5	5,6
1898	43 930	4 002	637	2 638	487,6	299,8	187,8	4,3	42,1	145,7	5,5
1899	47 392	4 339	640	2 926	522,9	333,8	189,1	4,1	46,2	142,9	4,9
1900	51 802	4 582	643	3 117	582,6	384,9	197,7	4,1	49,2	148,5	4,8
1901	55 042	4 824	646	3 304	600,4	419,1	181,4	3,5	52,2	129,2	3,9
1902	57 453	5 151	650	3 570	627,0	438,2	188,8	3,5	56,3	132,5	3,7
1903	58 597	5 393	754	3 650	684,1	462,0	222,1	3,9	58,0	164,1	4,5
1904	60 221	5 682	760	3 872	715,8	497,4	218,4	3,8	61,5	156,9	4,1
1905	61 467	5 813	766	3 934	719,8	559,6	160,2	2,7	63,1	97,1	2,5
1906	64 109	5 892	773	4 942	803,8	660,6	143,2	2,3	64,0	79,2	2,0
1907	65 848	6 142	780	4 118	836,3	682,9	153,4	2,4	67,0	86,4	2,1
1908	66 422	6 394	787	4 293	836,0	674,5	161,5	2,5	70,1	91,4	2,1
1909	66 796	6 561	788	4 387	911,0	666,6	244,4	3,6	72,2	172,2	3,9
1910	67 767	6 741	789	4 491	977,9	657,3	320,6	4,7	74,4	246,2	5,5
1911	68 421	6 802	790	4 476	1063,3	663,0	400,3	5,6	75,1	325,2	7,3
1912	69 530	7 107	790	4 702	1144,7	696,7	448,0	6,1	79,0	369,0	7,6
1913	70 744	7 353	800	4 856	1185,7	702,1	483,6	6,3	81,9	401,7	8,3
1885—1913	46 987	4 546	649	3 068	16803,1	11238,4	5534,4	4,2	1411,9	4122,5	4,7
1914	—	7 605	825	5 000	—	—	—	—	82,4	—	—

* Данные табл. 86 не вполне совпадают с итогами табл. 79, так как относятся к несколько иной длине сети. Потери от реализации исчислены приблизительно. Амортизация принята в 1,25% от капитала сооружения за вычетом потерь от реализации.

бы, несомненно, больше железных дорог и рентабельность их была бы несравненно выше.

Довоенная рентабельность наших железных дорог была весьма умеренной не только в отношении номинальных вложений, но и в отношении реальных затрат в строительство. Конечно, в последнем случае сопоставлять с ними надо «чистый доход от эксплуатации» за вычетом нормальных отчислений на амортизацию. Такой именно расчет приведен в табл. 86.

С народнохозяйственной точки зрения норму накопления около 4% в год при том темпе железнодорожного строительства, не свыше 3,8% прироста за год, какой мы выше видели, можно бы признать вполне достаточной. Но если вспомнить, что железные дороги строились у нас на *заемный* капитал с гарантированными платежами по 4,5% в год, то норма

Таблица 87

Счет производства железнодорожных перевозок в России
(дороги общего значения) *

Показатель	1893 г.	1898 г.	1903 г.	1908 г.	1913 г.
1	2	3	4	5	6
I. Общие измерители					
1. Средняя годовая длина сети, км	29 729	38 555	56 459	63 987	68 061
2. Капитал сооружения (за вычетом потерь от реализации), млн. руб.	2 468	3 199	4 764	5 665	6 599
3. Железнодорожный персонал, тыс. годовых работников	301,3	432,1	669,9	844,2	815,5
4. Работа сети, млрд. приведенных т/км	23,6	39,9	59,0	73,6	98,6
5. Производительность труда одного работника, млн. т/км	78,3	92,3	88,2	87,2	120,9
II. Валовая выручка железной дороги, млн. руб.					
1. От перевозок грузов	242,0	344,5	512,1	608,3	847,9
2. От перевозок пассажиров	53,3	75,4	111,6	143,1	222,3
3. Дополнительные сборы (за станционные расходы, погрузку, хранение и пр.)	32,9	45,9	55,7	76,9	105,7
Итого	328,3	465,8	679,4	828,3	1175,9
III. Счет производства перевозок, млн. руб.					
1. Зарплата железнодорожного персонала					
постоянного и временного	67,5	102,0	165,9	217,4	250,6
поденного	27,7	38,7	65,4	104,1	89,2
Итого	95,2	140,7	231,3	321,5	339,8
2. Пособия, пенсии, награды	4,5	7,7	11,7	13,5	12,9
3. Врачебная помощь	1,5	2,4	4,6	7,3	8,3
4. Школы, богадельни и пр.	0,7	0,9	1,5	1,8	3,4
Итого (по 2—4) . .	6,7	11,0	17,8	22,6	24,6
5. Топливо и энергия	23,3	37,0	63,4	111,6	139,5
6. Материалы	21,3	21,9	40,0	49,1	46,4
7. Ремонт и возобновление	30,4	32,9	57,8	66,6	85,4
8. Амортизация	30,8	40,0	59,6	70,7	82,5
9. Вознаграждение за личный ущерб и убытки	1,4	3,8	8,9	17,1	18,8
10. Пожарные убытки	0,5	0,4	0,6	7,0	0,6
11. Внутренние расчеты железной дороги	8,8	14,6	27,1	48,9	2,7
12. Погрузка и выгрузка	5,2	7,6	11,6	16,9	20,9
13. Накладные расходы	5,5	6,7	9,0	12,0	14,1
14. Налоги и сборы	0,7	0,9	1,0	1,9	2,8
Всего	229,8	317,5	528,1	739,6	778,1
15. Чистая прибыль от эксплуатации	98,4	148,3	151,3	88,7	397,8
IV. Перенесенная стоимость (стр. 5—10, 12). млн. руб.	112,9	143,6	241,9	332,7	394,1
V. Добавленная стоимость (стр. 1—4, 13—15), млн. руб.	206,5	307,6	410,4	446,7	779,1
оплаченный труд железнодорожного персонала (стр. 1—4)	101,9	151,7	249,1	344,6	364,4
прибавочная стоимость (стр. 13—15) .	104,6	155,9	161,3	102,1	414,7

* За 1893 и 1898 гг. только по Европейской России. Главную статью внутренних расчетов составляют таксировка служебных перевозок, за 1913 г. она не включена ни в валовую выручку, ни в расход. В общем итоге по всем дорогам это не реальный расход. Ремонт и возобновление показаны в части, произведенной за счет эксплуатационных кредитов. Амортизация исчислена в 1,25% от капитала сооружения. В капиталы сооружения включены и «дополнительные» вложения, т. е. реновационные затраты, поскольку они тоже подвергаются износу и требуют амортизации.

доходности из расчета на весь — свой и заемный — капитал в 4,2% означала, конечно, хроническую «убыточность» наших железнодорожных предприятий. И действительно, если взять чистый доход от эксплуатации по казенным дорогам за 1891—1910 гг., то получим 2185 млн. руб. золотом, а обязательные платежи по капиталам сооружения казенных дорог за те же 20 лет составили около 2750 млн., т. е. доплаты за счет бюджета по казенным дорогам, не считая издержек по выкупу акционерного капитала частных дорог, составили не менее 565 млн., да по гарантии частных дорог приплаты казны за те же годы достигли около 190 млн. руб. А всего приплат казны сверх платежей за счет чистого дохода дорог за 20 лет получается около 755 млн. руб.

Общая жатва частного, главным образом иностранного, финансового капитала на поприще нашего железнодорожного строительства, таким образом, достигла за указанные 20 лет не менее 4346 млн. руб. доходов от эксплуатации и казенных приплат. Если отнести эту сумму к средней сумме реальных вложений *частного* капитала в акциях и облигациях на казенной и частной сети (за скидкой в 17% на потери реализации),— а эта сумма, по нашему подсчету, составляла за указанные годы не более 3284 млн. руб., то средняя норма прибыли на эти вложения достигнет 6,6% вместо тех 2—3%, какие иностранный капитал в той же форме государственных займов мог бы пожать у себя на родине, где-нибудь в Бельгии, Франции или Англии. А если те же 4346 млн. руб. дохода сопоставить с *приростом* реальных вложений частного капитала в железные дороги за те же 20 лет, т. е. примерно с суммой 1587 млн. руб., то даже за полным погашением этой суммы иностранный финансовый капитал извлек из нашей страны только за 20 лет без всякого эквивалента около 2760 млн. руб. золотом.

Вот какие суммы приходилось отсталой царской России выплачивать своим «учителям», когда она пошла на выучку к западноевропейскому капитализму.

За счет кого производились эти выплаты?

Несомненно, за счет неоплаченного труда русских рабочих, о норме эксплуатации которых на транспорте можно судить по данным табл. 87.

Группировка эксплуатационных расходов, публикуемая обычно в отчетности железных дорог, не дает, несмотря на свою дробность, ясного представления о строении себестоимости перевозок. И нам пришлось довольно радикально перегруппировать обычную путейскую классификацию расходов, чтобы получить предложенную таблицу.

Прежде всего для полного учета зарплаты ее пришлось позаимствовать из специальной отчетности по зарплате, ибо в таблице эксплуатационных расходов она выделена лишь в отношении штатного персонала, да и то под довольно суммарными рубриками: «содержание личного состава, обмундирование, квартирные с инвентарем и канцелярские расходы». Канцелярские расходы мы выделили отсюда путем сопоставления этих сборных рубрик с чистой оплатой труда постоянных и временных работников. Поденную плату, во избежание двойного учета, мы вычли из расходов по ремонту всех служб. Таким образом, показанный в табл. 87 расход на ремонт включает лишь стоимость материалов, израсходованных на ремонтных работах и в железнодорожных ремонтных мастерских, дополняя собою общую статью «материалов», выделенных особо. В эту рубрику вошли заготовка шпал, балласта, возобновление паровозов, вагонов и прочего инвентаря, а также и канцелярских материалов. В рубрику «топливо и энергия» включены также осветительные и смазочные материалы. В рубрику накладных расходов вошло «содержание жандармского полицейского управления», почтовые расходы, командировки, расходы по исполнению «таможенных обрядностей», судебные расходы, «убытки и переплаты по финансовым оборотам» и т. п.

Производительность и оплата труда на железных дорогах
(дороги общего значения) *

Год	Длина сети средняя годовая, км	Персонал, тыс.	Работа сети за год: грузы, млрд. т/км	Работа сети за год: пассажиры, млн. пассажиро-км	Работа сети за год, итого перевозок: всего млрд. приведенных т/км	Работа сети за год, итого перевозок: на 1 км, тыс. т/км	Работа сети за год, итого перевозок: на одного работника, тыс. т/км	Валовая выручка, млн. кредитных руб.	Зарплата общая: млн. кредитных руб.	Зарплата общая: % к гр. 9	Зарплата: на одного работника, руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1883	23 880	216,1	10,8	4 085	14,9	636	69,0	231,9	68,6	29,6	317,6
1884	24 050	214,8	11,0	3 997	15,0	624	69,8	229,8	69,1	30,1	322,0
1885	25 107	213,0	11,3	3 930	15,2	606	71,4	234,4	70,1	29,9	329,3
1886	25 918	216,4	10,9	3 920	14,8	572	68,5	225,2	71,0	31,5	328,1
1887	26 435	218,0	13,1	3 990	17,1	648	78,4	253,0	72,3	28,6	331,6
1888	27 282	239,8	14,9	4 640	19,5	714	81,3	283,4	77,0	27,2	321,6
1889	28 072	249,9	15,3	4 790	20,1	715	80,4	282,7	80,4	28,4	321,8
1890	28 461	248,3	14,9	5 015	19,9	698	80,2	284,5	81,5	28,7	328,2
1891	29 129	259,7	16,0	5 325	21,3	732	81,8	296,1	85,5	28,9	329,3
1892	29 216	284,1	16,7	5 641	22,3	763	78,5	301,7	91,1	30,2	320,5
1893	29 576	301,3	18,0	5 698	23,7	800	78,8	328,8	95,5	29,1	317,1
1894	32 303	320,8	20,9	6 140	27,0	836	84,4	367,7	103,4	28,1	326,0
1895	33 663	344,0	22,7	7 580	30,3	899	88,0	391,9	109,8	28,1	319,4
1896	35 407	386,1	25,0	8 603	33,6	949	87,1	420,9	121,0	28,8	313,3
1897	36 505	407,0	27,6	9 080	36,7	1 005	90,2	437,4	129,1	29,5	317,2
1898	42 690	456,7	31,0	10 650	41,7	976	91,2	485,8	150,0	30,9	328,1
1899	46 725	489,3	33,3	11 300	44,6	955	91,2	520,5	160,5	30,8	328,6
1900	50 956	554,4	39,0	13 000	52,0	1 020	93,8	580,6	182,4	31,4	328,1
1901	53 257	615,4	39,2	13 348	52,5	985	85,4	596,8	202,1	33,9	328,6
1902	55 608	631,7	40,3	13 410	53,7	966	85,0	622,9	216,5	34,7	343,0
1903	56 459	669,0	44,7	14 560	59,3	1 050	88,6	679,3	231,3	34,1	345,9
1904	57 252	711,9	47,7	18 700	66,4	1 159	93,4	680,1	244,4	35,9	343,8
1905	58 646	751,2	45,2	19 460	64,6	1 103	86,0	745,1	270,9	36,4	360,8
1906	61 056	825,3	49,2	20 620	69,8	1 143	84,6	794,9	318,8	40,1	386,2
1907	63 282	836,0	53,8	18 960	72,8	1 150	87,1	829,5	321,2	38,8	384,5
1908	63 987	844,2	53,4	20 410	73,8	1 153	87,2	828,3	321,5	38,8	380,9
1909	64 156	797,9	58,2	21 420	79,6	1 240	99,7	903,0	315,5	35,0	395,5
1910	64 580	771,9	60,7	23 230	83,9	1 300	108,7	969,1	316,9	32,7	410,1
1911	65 374	806,9	65,4	24 180	89,6	1 371	111,0	1053,7	329,6	31,3	408,4
1912	66 510	836,2	71,6	26 780	98,4	1 480	117,7	1134,6	350,4	30,9	419,2
1913	68 007	815,5	69,8	29 350	99,1	1 458	121,6	1175,9	339,9	28,9	416,5
1884—1893	27 325	244,5	14,2	4 695	18,9	692	77,3	2720	794	29,2	324,3
1894—1903	44 358	487,4	32,3	10 767	43,1	970	88,4	5104	1606	31,5	330,0
1904—1913	63 285	799,7	57,4	22 311	79,7	1 262	99,8	9114	3129	34,3	390,0

* До 1897 г. только по Европейской России. В работу сети включены и бесплатные перевозки. 1 пассажиро-километр принят эквивалентным по себестоимости одному тонна-километру груза.

В результате принятой группировки расходов мы видим, что перенесенная стоимость постоянного капитала в стоимости перевозок составляет едва $^1/_3$ общего итога, а $^2/_3$ надо отнести за счет добавленной стоимости, причем на оплаченный труд железнодорожников падает лишь около половины этой последней.

Из вновь созданной стоимости по табл. 87, помимо труда железнодорожников, оплачены также налоги и сборы и все прочие накладные расходы. В затратах на выгрузку и погрузку, осуществлявшихся в довоенное время подрядным способом, заключается не только прибыль подрядчиков, но и

оплата труда грузчиков. Но, поскольку они не входили в состав железнодорожников, мы не могли эту часть затрат на погрузку включить в оплаченный труд *железнодорожников*. Накладные расходы в большей своей части тоже представляют собой *оплату услуг* по охране порядка на железных дорогах жандармами, услуг почтового ведомства и других учреждений и лиц, не входящих в состав железнодорожного персонала. Оплату их, стало быть, нельзя включать в счет труда *железнодорожников*. Поэтому *условно* мы относим к затратам за счет прибавочной стоимости.

Условность этого приема заключается в том, что тем самым труд жандармов и почтово-телеграфного и прочего персонала, который обслуживает железные дороги, *не состоя в их штатах*, мы относим к непроизводительному труду, а если бы те же почтальоны, телеграфисты и жандармы состояли в штате железных дорог и получали зарплату непосредственно из железнодорожных касс, то их труд, наравне с другими категориями железнодорожного труда, пришлось бы признать создающим новую стоимость — *производительным* трудом.

Правда, существует мнение, что и труд коренных железнодорожников нельзя относить к категории производительного, поскольку мы имеем здесь дело с областью *нематериального* производства. Но это мнение зиждется лишь на слишком примитивном представлении о процессах «материализации» труда. Во всяком случае, К. Маркс в своих последних работах совершенно недвусмысленно относил транспорт к сфере столь же материального производства, как и земледелие с промышленностью [1].

Применение строго определенных категорий экономической теории к анализу конкретной экономики едва ли возможно без допущения известных условностей, в особенности когда речь идет о таких категориях, как норма прибавочной стоимости и норма эксплуатации в применении к отдельным конкретным отраслям хозяйства и производства. Тем не менее, едва ли было бы правильно во имя излишнего пиэтета к чистоте научной теории оставлять ее вовсе без применения к конкретной экономике, ибо такая чистота — синоним бесплодности. Поэтому несмотря на несомненную условность нашей группировки в табл. 87, мы все же считаем возможным извлечь из нее довольно существенный вывод о норме прибавочной стоимости на транспорте. Весьма умеренная по отношению к капиталам сооружения рентабельность транспорта, оказывается, строилась у нас на очень высокой норме прибавочной стоимости и эксплуатации труда — около 100%.

Правда, за разные годы эта норма довольно сильно колеблется: за 1893 и 1898 гг. она составляет 111—113%, в 1903 г. она падает до 75, в 1908 г.— даже до 43, но зато к 1913 г. она снова поднимается до 114%.

Столь резкие колебания этой нормы объясняются особенностями железнодорожного хозяйства. В годы кризисов и застоя железные дороги в гораздо меньшей степени могут примениться к требованиям конъюнктуры, чем, скажем, фабрики или торговые заведения. Последние могут по своему произволу резко сократить или даже вовсе прекратить свою работу там, где она перестает быть рентабельной. Железные дороги не могут этого сделать. Для обслуживания их на бездоходных линиях требуется почти столько же труда и материальных затрат, как и на вполне рентабельных. И поэтому в годы промышленной депрессии, когда к перевозкам предъявляется меньше грузов, чем это необходимо для полной нагрузки наличной

[1] «Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности,— говорит Маркс,— существует еще четвертая отрасль материального производства, которая в своем развитии тоже проходит различные ступени производства: ремесленную, мануфактурную и машинную. Это — *транспортная промышленность*, все равно, перевозит ли она людей или товары. Отношение *производительного труда*, т. е. наемного рабочего, к капиталисту здесь совершенно такое же, как и в других отраслях материального производства» (К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I. Госполитиздат, 1955, стр. 397.

сети, производительность труда, а вместе с тем и норма прибавочной стоимости на железных дорогах резко падают.

Что же касается несоответствия между высокой нормой прибавочной стоимости и довольно низкой нормой прибыльности железных дорог, то оно может быть объяснено прежде всего высоким органическим строением капитала на транспорте. Если, опять-таки условно, за меру этой высоты взять отношение полной стоимости капиталов сооружения железных дорог к годовой сумме затрат на оплату труда железнодорожников, то для 1913 г. это отношение (6599 : 340) составит около 19 : 1. Для сравнения укажем, что по всей русской фабрично-заводской и горнозаводской промышленности то же отношение в миллионах рублей составляло к 1913 г. (в границах СССР) 4128 : 961, или около 4 : 1, т. е. в несколько раз меньше [1].

Для изучения погодной динамики работы железных дорог, а также соответствующих ей показателей оплаты и производительности труда железнодорожников может служить табл. 88.

Как видно из данных табл. 88, соотношения между длиной наличной сети, железнодорожным персоналом и выполняемой им работой претерпели довольно заметную эволюцию за последние 30 лет перед войной. Если взять средние нормы по каждому десятилетию, то легко убедиться, что загрузка железных дорог перевозками довольно энергично росла не только в абсолютных цифрах, но и по отношению к растущей длине сети и обслуживающему ее персоналу. В связи с увеличением густоты движения возрастал и персонал из расчета на 1 км. В 1883 г. мы имели по 9,3 работников на 1 км, включая сюда и постоянных и поденных рабочих. Через 10 лет это число повысилось до 10,2 чел. на 1 км, еще через 10 лет — до 11,8 чел., и в 1913 г. мы имели уже по 12 работников на 1 км. Но перевозки росли быстрее, и производительность труда железнодорожников возросла за 30 лет на довольно значительную величину — свыше 70%.

Очень характерно, что оплата труда за те же 30 лет даже в номинальном своем выражении возросла только на 31%, а если внести еще поправку на вздорожание жизни, то это возрастание и вовсе исчезнет.

Пользуясь индексами дороговизны, исчисленными проф. М. Е. Подтягиным, мы можем, к сожалению, только начиная с 1885 г., дать следующие сопоставления (табл. 89).

Наименее пригодна в качестве измерителя производительности труда транспортника валовая выручка железных дорог. Взятая из расчета на одного работника, она соответствует валовой выработке промышленного рабочего, которую у нас очень часто принимают за мерило производительности труда. Но здесь, имея рядом вполне объективный натуральный измеритель производительности железнодорожника в тонна-километрах, мы совершенно наглядно убеждаемся в дефектности *ценностных* измерителей производительности труда. Тонна-километровые ставки железнодорожных тарифов не колеблются подобно *рыночным* ценам иных услуг и изделий. За целый ряд лет их можно было бы признать совершенно стабильными. Но с увеличением средних пробегов, а за 30 лет средний пробег грузов возрос процентов на 20, *средняя* выручка с тонна-километра неизбежно должна была упасть и действительно заметно упала. За время промышленной депрессии и кризисов 90-х годов железнодорожная выручка упала даже по отношению к численности занятого персонала. И лишь с 1909 г. мы наблюдаем в этом отношении значительное улучшение, которое, однако, надо объяснять не только повышением общей хозяйственной конъюнктуры, но и специальной причиной — сокращением числа железнодорожников.

---

[1] В обоих случаях у нас взята только стоимость основного имущества, без учета оборотных фондов (топлива и материалов), а заработная плата персонала — без всяких к ней начислений и социальных расходов. В обоих случаях имущество дано без учета износа.

Индексы оплаты и производительности труда на железных дорогах общего значения в России

Год	Валовая выручка на одного работника		Перевозки на одного работника		Годовой заработок на одного работника				Индекс дороговизны
					номинальный		реальный		
	кредитные руб.	%	тыс. приведенных т/км	%	кредитные руб.	%	товарные руб.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1885	1 100	100	71,4	100	329,3	100	436,8	100	75,4
1886	1 042	95	68,5	96	328,1	100	449,0	103	73,1
1887	1 161	106	78,4	110	331,6	101	447,6	103	74,1
1888	1 183	107	81,8	115	321,6	98	426,7	98	75,4
1889	1 132	103	80,4	113	321,8	98	442,0	101	72,8
1890	1 145	104	80,2	113	328,2	100	466,5	107	70,4
1891	1 140	104	81,8	115	329,3	100	383,7	88	85,6
1892	1 062	97	78,5	150	320,5	97	363,3	83	88,2
1893	1 091	99	78,8	110	317,1	96	402,6	92	78,8
1894	1 147	104	84,4	118	326,0	99	491,0	112	66,4
1895	1 139	103	88,0	123	319,4	97	512,8	118	62,3
1896	1 090	99	87,1	122	313,3	95	504,0	115	62,2
1897	1 076	98	90,2	126	317,2	97	439,5	101	72,2
1898	1 064	97	91,2	128	328,6	100	414,8	95	79,2
1899	1 064	97	91,2	128	328,1	100	419,0	96	78,3
1900	1 137	103	93,8	131	328,6	100	432,3	99	76,0
1901	970	88	85,4	120	328,6	100	421,8	97	77,9
1902	986	90	85,0	119	343,0	104	434,0	99	79,0
1903	1 016	92	88,6	124	345,9	105	444,5	102	77,8
1904	956	87	93,4	131	343,6	104	429,0	98	80,1
1905	992	90	86,0	120	360,8	110	426,6	98	84,6
1906	964	88	84,6	118	386,2	117	424,7	97	91,0
1907	992	90	87,1	122	384,5	117	374,6	86	102,7
1908	982	89	87,2	122	380,9	116	368,5	84	103,3
1909	1 132	103	99,7	140	395,5	120	401,0	92	98,6
1910	1 255	114	108,7	152	410,1	125	434,5	99	94,4
1911	1 306	119	111,0	155	408,4	124	431,8	99	94,6
1912	1 358	123	117,7	165	419,2	127	416,2	95	101,5
1913	1 443	131	121,6	170	416,5	126	416,5	95	100,0

Это сокращение ясно свидетельствует о том, что отмечаемое за последние годы повышение рентабельности железных дорог достигалось не столь за счет улучшения конъюнктуры, сколько за счет увеличения нагрузки рабочих, т. е. за счет прямого повышения нормы их эксплуатации. И действительно, оплата труда в реальном ее выражении за целых 30 лет не только не обнаруживает никакого прироста, но даже за последнюю пару лет дает некоторое снижение — процентов на 5. А это значит, что весь эффект от повышения интенсивности и общей производительности труда железнодорожников за 30 лет на целых 70% достался целиком акулам отечественного и заграничного капитала.

К этому нужно лишь прибавить, что эти акулы поглощали свои миллиарды ценою не только труда, но и целых потоков крови российского пролетариата. Лучшей иллюстрацией этого последнего положения может служить следующая справка о так называемых несчастных случаях на железных дорогах (табл. 90).

Как видно из данных табл. 90, наши железные дороги недаром именовались в просторечии костоломками. Только за 30 лет армия железнодорожного пролетариата насчитала в своих рядах свыше 185 тыс. убитых и раненых. Эта цифра и сама по себе очень внушительна. Едва ли даже в

Несчастные случаи на железных дорогах общего значения в 1880—1913 гг. *

Год	Длина сети средняя годовая, км	Занятый персонал, в тыс.	Всего пострадавших					В том числе рабочих и служащих на железных дорогах					
			убитых	раненых	итого			убитых	раненых	всего			
					абс.	на 1 млн. поездо-километров	на 1000 км пути			абс.	на 1 млн. поездо-километров	на 1000 км пути	на 10000 рабочих и служащих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1880	22 537	нет. свед.	455	979	1 434	14,4	64	256	778	1 034	10,4	45,8	нет. свед.
1881	22 649	То же	401	948	1 349	13,5	59	219	689	908	9,1	39,8	»
1882	22 745	» »	457	919	1 376	13,3	61	223	630	853	8,2	37,5	
1883	23 380	216,1	457	969	1 426	13,0	61	239	708	937	8,6	40,1	4,33
1884	23 978	214,8	444	869	1 313	12,1	54	196	602	798	7,3	33,3	3,72
1885	25 075	213,0	440	850	1 290	11,7	52	183	609	792	7,2	31,6	3,72
1886	26 270	216,4	420	993	1 413	13,1	53	188	710	898	8,3	34,2	4,15
1887	26 403	218,1	489	1 070	1 559	13,2	59	230	782	1 012	8,6	38,3	4,64
1888	27 282	239,8	548	1 290	1 838	14,3	67	235	890	1 125	8,7	41,2	4,69
1889	28 072	249,9	580	1 140	1 720	13,2	61	216	783	999	7,7	35,5	4,00
1890	28 461	248,3	589	1 347	1 936	14,6	68	223	920	1 143	8,7	40,1	4,60
1891	29 129	259,7	658	1 533	2 191	15,8	75	244	1 048	1 292	9,4	44,3	4,98
1892	29 277	284,1	736	1 821	2 557	17,8	87	293	1 307	1 600	11,2	54,6	5,63
1893	29 729	301,3	729	2 105	2 834	18,7	96	270	1 538	1 808	11,9	60,8	6,00
1894	32 406	320,4	726	3 073	3 799	22,2	117	260	2 470	2 730	15,9	84,2	8,52
1895	33 637	344,0	823	4 168	4 991	27,1	148	301	3 446	3 747	20,3	111,4	10,88
1896	35 407	386,1	945	5 256	6 201	30,6	175	352	4 253	4 605	22,7	130,1	11,93
1897	37 925	407,0	1 051	5 318	6 369	29,5	168	379	4 157	4 536	21,1	119,6	11,15
1898	38 555	432,1	1 253	6 230	7 483	27,3	194	405	4 790	5 195	19,1	134,8	12,01
1899	40 643	453,8	1 300	6 952	8 252	32,2	203	397	5 520	5 917	23,2	145,8	13,03
1900	50 956	554,4	1 498	7 707	9 205	30,8	181	539	5 926	6 465	21,7	127,0	11,66
1901	53 257	615,4	1 515	7 948	9 463	30,5	177	541	6 252	6 793	21,8	127,7	11,04
1902	55 608	631,7	1 561	8 649	10 210	31,2	184	492	7 071	7 563	23,2	136,2	11,98
1903	56 459	669,0	1 802	9 138	10 940	31,2	194	632	7 338	7 970	22,8	141,3	11,91
1904	57 266	711,9	1 878	9 165	11 043	29,9	192	603	7 021	7 624	20,6	133,3	10,72
1905	58 646	751,2	2 161	10 844	13 005	35,7	222	643	7 802	8 445	23,2	144,2	11,25
1906	61 074	825,3	2 802	13 846	16 648	42,0	272	814	10 207	11 021	28,1	180,4	13,34
1907	63 267	836,0	2 933	13 945	16 878	41,7	267	817	10 572	11 389	28,1	180,0	13,62
1908	63 805	844,2	3 019	14 572	17 591	43,0	276	813	11 272	12 085	29,5	189,6	14,22
1909	64 147	797,9	2 727	13 999	16 726	41,0	261	661	11 012	11 673	28,6	182,0	14,63
1910	64 520	771,9	2 685	13 909	16 594	41,6	257	662	11 069	11 731	29,4	181,9	15,20
1911	65 480	806,9	2 835	14 599	17 434	42,3	266	674	11 629	12 303	29,8	187,9	15,25
1912	66 590	836,2	3 201	16 548	19 749	46,0	297	797	13 390	14 187	33,1	213,1	16,96
1913	68 008	815,5	3 531	20 695	24 226	54,1	367	904	16 808	17 712	39,6	260,7	21,78
1884—1893	27 390	244,4	563	1 302	1 865	14,4	68	228	919	1 147	7,7	41,4	4,61
1894—1903	43 500	481,4	1 247	6 444	7 691	29,2	177	430	5 122	5 552	21,2	125,8	11,41
1904—1913	63 279	799,7	2 777	14 212	16 989	41,7	641	738	11 078	11 816	29,0	185,3	14,69

* Данные за годы 1880—1899 г. относятся к Европейской России, за остальные годы — к Европейской и Азиатской России.

мировой войне 1914—1918 гг., где применялись наиболее усовершенствованные орудия взаимного истребления, можно насчитать много генеральных сражений с таким количеством жертв. Но показательнее всего тот поистине угрожающий рост этих жертв из года в год, какой мы можем констатировать в приведенной справке. Правда, часть этого прироста

можно объяснить попросту более полным учетом несчастных случаев за последние годы. Но даже за известной поправкой на дефекты учета в первое время мы получаем поражающий рост и по расчету за 1 км сети, и на миллион поездо-километров, и по отношению к занятому персоналу.

О чем же этот рост свидетельствует?

Очевидно, с возрастанием густоты движения опасность железнодорожного труда с каждым годом возрастала, а каких-либо мер предосторожности для снижения этой опасности владельцы дорог во избежание излишних расходов не принимали. Правда, им приходилось выплачивать за увечья и всякий иной ущерб ежегодно весьма изрядные суммы. Но все же при помощи хороших адвокатов и мудрых решений классовой юстиции царского режима эти издержки стоили им дешевле, чем солидные меры по действительной охране труда. И в результате ценою крови получались дополнительные сбережения для увеличения директорских тантьем и хозяйских дивидендов.

Таковы принципы капиталистического режима экономии.

2. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

За время мировой и гражданской войн железнодорожное строительство шло довольно энергичным темпом. Правда, в качественном отношении новые дороги строились прежде всего в удовлетворение военных нужд, т. е. крайне спешно и в общем весьма неудовлетворительно, но по количеству верст, сдаваемых ежегодно в эксплуатацию, представляли довольно значительную величину. Затем, в первые годы новой экономической политики темп нового строительства резко замедляется, так как все ресурсы обращаются на восстановление нормальной работы старой сети. И лишь много позже, с более или менее полным завершением восстановительного периода, мы снова стали перед проблемой расширения нового строительства.

Нужно сказать, что отчетность железных дорог за время войны страдала большими пробелами и многими другими дефектами. Источники познания за первые годы революции тоже довольно скудны и противоречивы. Но, насколько нам удалось овладеть ими, развитие железнодорожной сети за последние годы может быть изображено в цифрах, приведенных в табл. 91.

Эксплуатационная длина сети дана нами здесь по всей территории России, не захваченной военными действиями. Как видно, за время мировой и, в особенности, гражданской войн в распоряжении нашего ведомства путей сообщения оставалось в худшие моменты менее 40% наличной в стране сети. А если бы от средних годовых мы перешли к месячным показателям, то за октябрь 1918 г. мы нашли бы даже цифру 23,6 тыс. км в эксплуатации, что дает едва 34% всей сети. Что же касается строительной длины, то она все время возрастала. При этом с 1914 по 1917 г. было вновь выстроено 10960 км, что дает в среднем по 2,7 тыс. км новой сети в год, в то время как за 1903—1913 гг. мы строили ежегодно всего около 1100 км, т. е. в 2,5 раза меньше. За 1918—1927 гг. темп строительства значительно упал. За 10 лет мы достроили из ранее начатых дорог 6443 км, что дает едва 58% довоенной нормы. Но если учесть все разрушения на транспорте за время гражданской войны, которые пришлось ликвидировать за те же годы, то вышеуказанное сокращение *нового* строительства будет гораздо понятнее.

Общее протяжение участков железнодорожной сети, разрушенных за время гражданской войны не менее одного раза, по данным НКПС, достигает 50 820 км, а по два и более раз подвергалось порче 23 881 км[1]. За один

[1] Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М., 1924, стр. 83 и сл.

Таблица 91

Динамика железнодорожной сети общего значения в России (без Финляндии) за 1914—1927 гг. *

Годы	Эксплуатационная длина сети в среднем за год, тыс. км	Строительная длина сети к концу года, тыс. км в границах		Новое строительство			Средний срок службы сети СССР, лет (к концу года)
				сдано в эксплуатацию		оставалось в постройке километров	
		бывшей империи	СССР	км	млн. довоенных руб.		
1	2	3	4	5	6	7	8
1913	68,0	71,0	59,3	—	—	14 369	22,2
1914	67,5	73,9	62,2	2 366	220	18 231	22,1
1915	63,9	76,8	65,1	2 924	225	16 912	22,0
1916	55,3	81,0	69,3	4 193	322	15 199	21,6
1917	63,3	82,0	70,3	977	75	13 330	22,2
За 4 года	—	Не существует	—	10 960	842	—	—
1918	26,8		71,4	1 069	80	13 245	22,8
1919	31,5		71,5	71	5	12 590	23,7
1920	56,9		71,7	197	15	12 099	24,6
1921	68,4		71,9	200	15	11 899	25,5
1922	69,6		72,0	118	9	11 781	26,4
1923	70,7		72,2	246	18	11 535	27,3
1924	74,0		73,7	1 549	116	8 707	27,7
1925	74,4		63,9	212	16	9 306	28,6
1926	74,9		74,7	825	62	?	29,2
1927	76,1		75,9	(1 200)	90	?	30,5
Неизвестный год	—		76,7	756	57	?	31,1
За 10 лет	—	—	—	6 443	483	—	—

* В гр. 2, 3 и 4 учтены все дороги широкой и узкой колеи. Гр. 3,4 и 5 взяты по «Материалам по статистике путей сообщения», вып. 42 с поправкой ЦСК НКПС для исходного 1913 г. строительной длины оставшейся в СССР сети вместо 58,5 тыс. км на 59,3 тыс. км. В гр. 5 1927 год исчислен по годовому приросту эксплуатационной длины; 756 км неизвестного года постройки за 1914—1924 гг., по отчетным данным НКПС, учтены только на конец 1924 г. Гр. 6 исчислена для 1914—1917 гг. путем умножения гр. 5 на среднюю стоимость постройки 1 км в товарных руб., заимствованную у инж. Б. П. Белоцерковца («Железнодорожное строительство», изд. ВСНХ. М., 1923, стр. 3); для остальных лет по средней стоимости 1913 г. заимствовано там же (77 тыс. руб. 1 км за вычетом 2 тыс. руб. за землю = 75 тыс. руб.). Гр. 7 для 1913—1920 гг. взята там же, для 1921—1923 гг. исчислена путем исключения стоимости сданных за год в эксплуатацию линий, для 1924—1925 гг.— по неопубликованным материалам НКПС.

1920 г. нам пришлось восстановить и открыть вновь для движения 22 670 км пути [1]. Одних железнодорожных мостов было разрушено в СССР за время военных действий 4497, протяжением в 97 314 м, из которых уже к 1 октября 1924 г. восстановлено было капитально 52 760 м, временно — 33 058 и оставалось разрушенными 4496 пог. м [2]. Гражданских построек было разрушено около 5000, с площадью в 564 тыс. кв. м, телефонных и телеграфных проводов — 187 тыс. км и т. д. и т. д. [3] Общий ущерб, причиненный транспорту военными разрушениями, по очень приблизительному подсчету НКПС, оценивается им по современным ценам строительства в 1074 млн. руб. золотом.

[1] «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 1. М., 1921, стр. 42.
[2] Там же, вып. 36. М., 1925, стр. 41.
[3] В. Фомин. Пятилетие советского транспорта 1917—1922 гг. и его ближайшие перспективы. «Библ. экономической жизни». М., 1923, стр. 10.

В свете этих цифр представляет огромный интерес вопрос о том, какую же ценность представляет собою та сеть, которой мы *ныне* располагаем?

Военные разрушения к настоящему моменту (1928 г.) мы можем считать почти полностью ликвидированными. Что же касается запущенности в ремонте за годы войны и революции, то до последнего времени она была весьма значительной. К октябрю 1923 г. она оценивалась одним из знатоков транспорта П. С. Янушевским в 307 млн. довоенных руб. [1] Но к октябрю 1926 г. и она исчислялась уже всего в 89,2 млн. червонных руб. [2] Из этого можно заключить, что проделанная на транспорте за последние 5—6 лет работа была не шуточная.

Капиталы сооружения железных дорог общего значения мы выше исчислили к концу 1913 г. по всей бывшей империи в 6780 млн. руб. (за исключением потерь реализации), а за вычетом износа — примерно в 5000 млн. довоенных руб. при длине сети в 71 тыс. км. Вычитая отсюда еще стоимость земли, примерно по 2,1 тыс. руб. на 1 км, и стоимость всей выбывшей за границы Союза сети (11,7 тыс. км), мы оцениваем грубо

Таблица 92

Капиталы сооружения железных дорог СССР
(исчисление) *

Год	Строительная длина сети к концу года, тыс. км	Капиталы к концу года, млн. довоенных руб.: восстановительная стоимость	амортизация: % к гр. 3	амортизация: в млн. руб.	вложения: в новые дороги	вложения: в старую сеть	реальная стоимость с учетом износа	Изношенность сети: млн. руб.	Изношенность сети: % к гр. 3
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	59,3	5 537	1,25	—	—	—	4 052	1 485	26,8
1914	62,2	5 801	1,25	69	220	(113)	4 316	1 485	25,6
1915	65,1	6 125	1,25	72	225	(171)	4 640	1 485	24,3
1916	69,3	6 583	1,25	77	322	(213)	5 098	1 485	22,6
1917	70,3	6 713	1,25	82	75	137	5 228	1 485	22,2
1918	71,4	6 793	0,93	63	80	—	5 245	1 548	22,8
1919	71,5	6 898	0,92	63	5	—	5 187	1 611	23,7
1920	71,7	6 813	0,95	65	15	—	5 137	1 676	24,6
1921	71,9	6 728	0,96	65	15	—	5 087	1 741	25,5
1922	72,0	6 837	0,96	66	9	—	5 030	1 807	26,4
1923	72,2	6 855	0,96	66	18	—	4 982	1 873	27,3
1924	73,7	6 971	1,00	69	116	14	5 033	1 938	27,8
1925	73,9	6 987	1,06	74	16	36	5 011	1 976	28,3
1926	74,7	7 068	1,16	81	62	100	5 092	1 976	27,6
1927	75,9	7 198	1,20	85	90	125	5 222	1 976	27,5

* Из восстановительной стоимости исключены земля и финансовые потери реализации. Износ за 1914—1917 гг. принят нормальный — 1,25% (в том числе 0,81% получается по имуществу, амортизация которого не зависит от движения, и 0,44 по зависящей от движения), а за последующие годы в части амортизации, не зависящей от движения, тоже нормальный (0,81% общей суммы), а в остальной — пониженный пропорционально нагрузке подвижного состава — по количеству перевозок грузов и пассажиров на 81 км пути. Вложения в новые дороги показаны те же, что и в табл. 91 по гр. 6. Вложения в старую сеть за 1914—1917 гг. исчислены условно из соотношения с 1913 г. продукции подвижного состава за разные годы (ср. «Труды ЦСУ», т. XXVI. М., 1926, вып. 1, стр. 176). Вложения в старую сеть за последние четыре года взяты по балансам ЦУЖЕЛа НКПС за соответствующие хозяйственные годы— «расходы на усиление и улучшение железных дорог»— и перечислены в довоенные рубли по индексу 1,65.

[1] П. Янушевский. Перспективы железнодорожного хозяйства РСФСР. М., Изд. НКПС, 1923, стр. 29—30. Из них на погашение запущенности по сооружениям и пр. 236 млн. руб., по подвижному составу — 64,4 млн. руб. и по службе телеграфа — 7 млн. руб.

[2] Подвижной состав не учтен в этой цифре.

всю стоимость сооружения оставшейся в пределах СССР сети в 5537 млн., а за вычетом износа — в 4052 млн. руб.

Учитывая за последующие годы новые вложения и нормальный износ, получим такую картину (табл. 92).

В приведенном расчете много условного. С одной стороны, мы принимаем здесь весь военный ущерб за последние годы целиком погашенным, что, конечно, не совсем верно, но, с другой стороны, допускаем, что за целых 6 лет (1918—1923 гг.) в старую сеть не было сделано ни гроша новых капитальных вложений, что, конечно, тоже неверно, ибо, скажем, новые паровозы и вагоны строились все время. Даже за 1918 г. на сеть поступило 214 паровозов, а всего за 1918—1923 гг. их поступило 1606, не говоря уже о других вложениях.

Для проверки приведенного теоретического расчета мы имеем, однако, и некоторые отчетные данные. На 1 октября 1923 г. в НКПС произведена инвентаризация железнодорожного имущества почти по всей наличной сети, давшая следующие результаты. На протяжении 69 012 км сети по 26 железным дорогам инвентаризовано было *с учетом износа* по довоенным ценам следующее имущество (в млн. руб.):

Вид имущества	По железным дорогам 69 012 км	По ост. 2 железным дорогам* 5209 км	Итого 74 221 км
Сооружение и оборудование	3379,2	319,1	3698,3
Подвижной состав	1617,2	37,1	1654,3
Разный инвентарь	54,4	2,8	57,2
Колесный парк	40,4	3,0	43,4
Итого, млн. руб.	5091,2	362,0	5453,2
На 1 км, тыс. руб.	73,7	69,4	73,5

* Читинской и Уссурийской — данные на 1 октября 1924 г.

Как видим, результат получился довольно неожиданный. Фактический учет железнодорожного имущества показал, что состояние его даже много лучше, чем это вытекало из наших теоретических расчетов. В среднем на каждый километр мы имеем с учетом износа не менее 73,5 тыс. руб. имущества, в то время как для 1913 г. мы имели, по нашему подсчету, по всей сети не больше 68,3 тыс. руб. годного имущества на 1 км. За 1913 г. было закончено постройкой 1496 км сети, причем обошлись они всего в 115 млн. руб., что вместе с потерями по реализации заемных средств, оплатой земли и пр. дает едва 77 тыс. руб. на 1 км, а без земли и потерь — не более 73 тыс. руб. Исходя, стало быть, даже из этой несомненно преувеличенной оценки, мы должны заключить, что к 1923 г. наша сеть, несмотря на изношенность, была дороже новых дорог 1913 г. Это едва ли правдоподобно. И во всяком случае наша теоретическая оценка железнодорожного имущества оказалась на целых 470 млн. руб., или на 8,6%, менее того, что дала инвентаризация 1923 г.

В чем же дело?

Вероятнее всего, конечно, что первый опыт инвентаризации проведенной в 1923 г., дал *преувеличенные* результаты. В настоящее время производится новая переоценка имущества железных дорог. И надо надеяться, что она внесет существенные поправки к первому подсчету. Но можно искать объяснения и в других моментах. Возможно, что износ на деле был меньше нами исчисленного[1]. А возможно, что и учтенные нами допол-

[1] В самом деле, по вышеуказанному подсчету П. С. Янушевского, запущенность по амортизации оценивалась к октябрю 1923 г. всего в 307 млн. руб., а по нашим нормам износа она с 51 млн. руб. в 1913 г. поднялась до 519 млн. руб. к концу 1923 г., т. е. на 468 млн. руб. Иначе говоря, мы как будто преувеличили изношенность сети миллионов на 160 или около этого.

Таблица 93

Состояние имущества железных дорог СССР на 1 октября 1923 г.
(по ценам 1913 г.)

Вид имущества	Имущество по инвентаризации			Нормы реновации за год		Реновационный срок службы, лет	
	начальная стоимость, млн. руб.	с учетом износа		млн. руб.	% к гр. 2	полный	оставшийся
		млн. руб.	% износа				
1	2	3	4	5	6	7	8
По 23 железным дорогам (63 392 км)							
1. Верхнее и нижнее строение пути *	1783,8	1473,5	17,4	40,67	2,28	44,0	36,3
2. Искусственные сооружения	631,4	579,6	8,2	12,38	1,96	51,0	46,8
3. Здания жилые и прочие гражданские сооружения	840,3	674,0	19,8	12,85	1,53	65,4	52,5
4. Устройство водоснабжения (без оборудования)	103,5	59,7	42,3	2,67	2,58	38,8	22,4
5. Устройство сигнализации и блокировки	12,10	8,11	33,0	0,61	5,00	20,0	26,8
6. Устройство телеграфной линии *	30,26	19,90	34,3	1,50	4,97	20,1	13,2
Итого по строениям и сооружениям	3401,36	2814,18	17,2	70,68	2,08	48,1	39,8
7. Оборудование водоснабжения	17,76	13,63	23,4	0,80	4,53	22,1	16,9
8. Оборудование мастерских и предприятий	60,51	48,24	20,3	3,16	5,23	19,1	15,2
9. Оборудование электростанций	7,82	5,57	28,8	0,31	4,00	25,0	17,8
10. Генераторы тока	1,15	0,81	29,6	0,05	4,00	25,0	17,6
11. Осветительные приборы *	3,08	1,99	35,4	0,20	6,62	15,1	9,8
12. Телеграфное имущество *	2,97	2,10	29,3	0,18	6,00	16,7	11,8
13. Телефонное имущество	2,47	1,78	28,0	0,16	6,67	15,0	10,8
Итого по оборудованию	95,76	74,12	22,6	4,86	5,08	19,7	15,2
14. Инвентарное имущество *	61,27	45,84	25,2	4,69	7,66	13,1	9,8
15. Нераспределенное имущество	3,90	2,78	28,7	0,14	3,54	28,2	20,1
Итого (по 1—17)	3562,3	2937,55	19,8	80,37	2,26	44,2	35,4
16. Колесный парк *	49,97	38,46	23,0	2,00	4,00	25,0	19,3
Итого (по 1—18)	3612,3	2976,0	17,6	82,37	2,28	43,9	36,2
Подвижной состав							
17. Паровозы и тендеры	780,7	696,8	10,8	22,33	2,86	35,0	31,2
18. Вагоны пассажирские	214,3	180,9	15,6	8,57	4,00	25,0	21,1
19. » товарного парка	647,5	542,9	16,2	18,91	2,92	34,2	28,7
Итого по подвижному составу	1642,5	1420,6	13,5	49,81	3,03	33,0	28,5
Всего по 23 дорогам	5254,8	4396,6	16,3	132,18	2,52	39,7	33,2
Остальные дороги	(1260,2)	1056,4	(16,3)	(31,76)	(2,52)	(39,7)	(33,2)
По всей сети (74 208 км)	6515,0	5453,0	16,3	163,94	2,52	39,7	33,2

* Отмеченные статьи целиком восстанавливаются за счет эксплуатационных кредитов. Нормы реновации в пределах каждой статьи взвешены по данным инвентаризации трех дорог на 1 октября 1927 г.

нительные вложения в старую сеть за годы войны были значительнее, чем мы предположили [1].

Изношенность сети, по данным инвентаризации, к 1923 г. достигала 16,3%, в то время как по нашему расчету она достигает около 27%. По отдельным видам имущества она, конечно, колеблется довольно значительно. Инструкция устанавливала довольно сложный порядок скидки на износ, в зависимости от срока службы, характера необходимого ремонта и других обстоятельств [2]. Для сопоставления результатов оценки изношенности по целым *группам* имущества мы приводим здесь только средние сроки службы, принятые НКПС для исчисления реновации (табл. 93).

Начальная стоимость наличной сети по приведенному расчету превышает 6,5 млрд. руб., т. е. почти на 340 млн. меньше нашей теоретической оценки. Однако возможная точность подобных расчетов вообще не слишком велика. Достаточно сказать для примера, что изношенность донецких дорог по инвентаризации 1923 г. определилась в 11,9%. Но наряду с этим мы имеем по той же дороге и на тот же срок еще два расчета, произведенных на основе данных той же инвентаризации, причем по расчету дороги изношенность ее имущества выражается в 16,38%, а по исчислению, произведенному в центре, она повышается даже до 33,98% [3]. Все зависит от того, для какой цели и какими методами производятся такого рода расчеты.

Инвентаризация *все наличное* имущество заносит в рубрику основного капитала, и потому износ его должен получиться довольно изрядный. А можно учесть в основном капитале лишь то имущество, какое соответствует полной стоимости новой дороги, полагая, что все дальнейшие вложения капитала в целях восстановления износа, поскольку они не превышают его, должны производиться за счет амортизационных фондов, без увеличения основного капитала. И тогда средний процент износа основных имущественных фондов должен быть ниже. Поясним это примером. Допустим, что для нашей дороги в момент постройки достаточно было сотни паровозов. Через 20 лет службы паровозы износились, скажем, на 40%, стали часто попадать в ремонт и не менее 20 из них хронически числятся больными. Тогда для нормальной работы сети, помимо ремонта старых, необходимо докупить 20 новых паровозов за счет амортизационных фондов. И тогда по инвентаризационному методу средний износ 120 паровозов будет $40/120 = 33{,}3\%$. *Технический* износ паровозов именно таков. Но *экономическое* обесценение начальной стоимости, по нашей оценке, определится в $100 - (60 + 20) = 20\%$ первоначального итога, т. е. значительно меньше технического износа.

В табл. 93 приведены для сопоставления «реновационные» сроки службы и нормы износа. Реновация — понятие, аналогичное амортизации, но если амортизация ставит своей целью покрыть затраты не только по выбывающему за ветхостью и негодностью имуществу, но и по ежегодному капитальному ремонту, то реновация имеет своим назначением *только возобновление* ветшающего имущества в предположении, что все ремонты производятся за счет эксплуатационной сметы. Поэтому реновационные нормы износа должны быть значительно ниже амортизационных, а сроки службы, наоборот, выше. Принятые нами в табл. 93 сроки службы железнодорожного имущества соответствуют нормам действующего с 1929 г.

[1] За 1908—1913 гг. они процентов на 25 превысили вложения в новое строительство, а за 1914—1917 гг. по нашей прикидке они едва достигают 71% вложений в новую сеть. А между тем нам известно, что за 1913 г. на сеть поступило новых паровозов всего 517, а за следующие годы их поступило: за 1914 г.— 816, за 1915 г.— 903, за 1916 г.— 999 и за 1917 г.— 895 паровозов (ср. В. Фомин. Указ. соч., стр. 5).

[2] «Инвентаризация имущества железных дорог», приказ № 1443, с приложениями. М., изд. НКПС, 1923, стр. 159.

[3] «Материалы по вопросам восстановления основного капитала железных дорог», стр. 151.

закона. Насколько близко они соответствуют действительным срокам службы, сможет установить только правильно поставленная отчетность о ежегодно выбывающем за негодностью имуществе и фактических затратах по его возобновлению. Пока значительное число этих норм и сроков построены на основании весьма шатких экспертных оценок и нуждаются еще в экспериментальной проверке.

Мы думаем, что, во всяком случае, принятые в указанном законе сроки службы железнодорожного имущества отнюдь не преувеличены. Известно, например, что средний срок службы жилых строений по нормам МУНИ колеблется в условиях нормального ремонта от 80 до 150 лет [1], а для НКПС средний срок службы всех гражданских сооружений едва достигает 65 лет. Паровоз фактически служил у нас до сих пор около 40 лет, а для реновации принимается 35 лет и т. д.

В среднем по всем видам железнодорожного имущества полный срок его службы определился почти в 40 лет, что соответствует новой норме износа в 2,5%.

Конечно, это весьма условные нормы. Железные дороги, при условии нормального ремонта и своевременной замены отживших элементов, могут служить сколько угодно. И по существу исчисленная норма должна служить лишь меркой тех ежегодных капитальных вложений в сеть, которые необходимы для того, чтобы она могла, не обесцениваясь и не ветшая, нормально продолжать свою работу.

Техническая изношенность имущества железных дорог по инвентаризации 1923 г. оказалась в наибольшем проценте (42,3) на водокачках и т. п. устройствах, наименьшая (8,2) — по мостам и прочим искусственным сооружениям. Последнее, очевидно, объясняется большим числом мостов, заново перестроенных и восстановленных после разрушений гражданской войны.

В «Балансе народного хозяйства СССР 1923/24 г.», исчисленном ЦСУ, имеется еще один подсчет имущества железных дорог, который по сравнению с данными инвентаризации на ту же дату представляется в следующем виде (табл. 94).

Как видим, и подсчет ЦСУ в общем итоге дает цифру порядка 5 млрд. Но в отдельных слагаемых этот подсчет обнаруживает довольно наглядно свою дефектность. Прежде всего поражает огромная цифра «прочего» имущества, нерасшифрованного в подсчетах ЦСУ. По инвентарям НКПС, где она подробно расчленена, эта цифра раза в 3—4 меньше. По-видимому, пользуясь довоенными нормами, авторы подсчета включили в рубрику «прочего» имущества и те финансовые потери по реализации железнодорожных займов и т. п., какие обычно сопутствовали довоенному строительству, но, к сожалению, эти биржевые потери ровно ничего не прибавляли к реальной величине железнодорожного имущества и потому не находят себе никакого отражения в инвентаризации НКПС. Зато всякого рода зданий и подвижного состава по инвентарям даже с учетом износа оказалось в натуре значительно больше, чем в подсчете ЦСУ по первоначальной их оценке в новом виде. Отчасти это объясняется определенными погрешностями в подсчетах ЦСУ. Так, при оценке подвижного состава в этом подсчете вовсе не учтен парк узкой колеи. Да и по широкой колее допущены грубые промахи. Например, по отчетности НКПС товарных вагонов на широкой колее числилось в октябре 1923 г. 433 тыс., а у ЦСУ учтено всего только 367 тыс. [2]. Такого же рода просчеты нами обнаружены и по ряду других цифр. Но наиболее спорными в этом подсчете являются коэффициенты изношенности различных частей имущества.

[1] Поддерживающий ремонт, требующийся ежегодно, обычно производится за счет эксплуатационных расходов.

[2] Ср. «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 36. М., 1925, стр. 62 и «Труды ЦСУ», т. XXIX, ч. 2, стр. 41.

Таблица 94

Имущество железных дорог СССР на 1 октября 1923 г. *

Вид имущества	По подсчету ЦСУ: начальная стоимость: на 1 км, тыс. руб.	По подсчету ЦСУ: начальная стоимость: на всю сеть (73690 км), млн. руб.	По подсчету ЦСУ: годовой износ при нормальном ремонте, % к гр. 3	По подсчету ЦСУ: общий износ и запущенность ремонта: % к гр. 3	По подсчету ЦСУ: общий износ и запущенность ремонта: млн. руб.	По подсчету ЦСУ: реальная стоимость с учетом износа, млн. руб.	По инвентаризации НКПС, млн. руб.: на 69 025 км с учетом износа	По инвентаризации НКПС, млн. руб.: на всю сеть (74208 км): начальная стоимость	По инвентаризации НКПС, млн. руб.: на всю сеть (74208 км): с учетом износа
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Земляное полотно . .	15,04	1 122	0,0	1,2	13,2	1 109	?	?	?
2. Верхнее строение . .	14,81	1 105	0,0	8,9	98,0	1 007	?	?	?
Итого 1 (по1—2)	29,85	2 227	0,0	5,3	111,2	2 116	1782	2 217	1 831
3. Искусственные сооружения	12,25	914	2,0	48,5	443,0	471	646	785	721
4. Гражданские здания	3,58	267	2,0	57,8	154,6	113	?	?	?
5. Жилища	3,75	280	2,0	57,5	161,1	119	?	?	?
Итого (по 4—5) .	7,33	547	2,0	57,7	315,7	232	755	1 042	837
6. Прочие непоименован.	14,89	1 111	0,0	7,1	78,4	1 032	291	444	309
Итого (по 1—6) . .	64,32	4 799	0,61	19,8	948,3	3 851	3 474	4 488	3 698
7. Паровозы и тендеры	11,51	858	2,5	38,2	328,1	530	776	(964)	(860)
8. Вагонный парк	9,43	703	2,0	35,8	252,4	451	841	(1 243)	(895)
Итого (по 7—8)	20,94	1 561	2,28	37,2	580,5	981	1 617	2 207	1 755
Всего . .	85,26	6360	1,01	24,0	1529,0	4 832	5 091	6 695	5 453

* «Труды ЦСУ», т. XXIX, ч. 1, стр. 107 и сл., ч. 2, стр. 40—42.

Средний срок службы железнодорожного имущества к концу 1923 г., исходя из сроков открытия движения на дорогах, определяется нами теоретически в 27,3 года. Срок порядочный. Но не надо забывать, что и к концу 1913 г. этот срок достигал уже в пределах сети СССР 22,2 года, что при 40-летнем среднем сроке службы железных дорог соответствует их износу свыше 55%. А между тем обесценение сети благодаря значительным дополнительным вложениям выражалось к 1914 г. гораздо более скромной цифрой — 27% восстановительной стоимости. В каком смысле это надо понимать? Очевидно, дополнительные вложения играли двоякую роль. Во-первых, благодаря им старые сооружения, паровозы, вагоны и т. д. заменялись новыми, и средний возраст их понижался, отнюдь не совпадая со средним сроком службы всей сети. Приведем к примеру следующий факт. В 1894 г. средний возраст паровозов по всей бывшей империи достигал примерно 18,9 года, а через 20 лет, к началу 1914 г., он понизился до 16,3 года, хотя средний срок службы сети за те же годы повысился на 5,7 года. Во-вторых, дополнительные вложения, наряду с омоложением сети, ведут и к ее техническому усилению. Например, за те же

20 лет число паровозов на 100 км сети увеличилось с 23,1 до 30, т. е. на 30%. Вес среднего паровоза повысился с 34,3 до 47 т, т. е. на 37%, а средняя инвентарная его оценка — с 25,7 тыс. до 34,2 тыс. руб., т. е. на 33%. Точно такое же количественное и качественное усиление сети происходит и с каждой новой сменой рельс, скреплений, мостов и всяких других сооружений.

В результате обоих указанных процессов, т. е. относительного омоложения и технического усиления сети, она, несмотря на постоянную наличность весьма изношенных в отдельных элементах сооружений, паровозов и т. п., может оказаться в целом более мощной и ценной, чем была в момент постройки. Правда, за годы гражданской войны наша сеть без ремонта сильно изнашивалась, но мера этой запущенности нам известна. Военные действия нашу сеть разрушали несколько лет подряд. Но поскольку эти разрушения уже восстановлены, огромная часть мостов и других сооружений заново перестроена, то тем самым мы получили такое омоложение сети, которое должно сказаться известным снижением изношенности, а не увеличением ее. Все это, однако, недооценено в подсчете ЦСУ, и поэтому сооружения оказались в нем изношенными на 48%, постройки — на 57% и т. д. А в результате инвентарная оценка внесла в эти исчисления поправки на целые сотни процентов.

Ошибка работников ЦСУ здесь, по-видимому, заключалась в том, что к теоретической изношенности, исчисленной по нормальным процентам амортизации, они прибавили еще в качестве «сверхизношенности» те суммы, какие необходимы, по расчетам НКПС, для ликвидации накопившейся запущенности. Но накопившаяся «запущенность» по амортизации ровно ничем не отличается от накопившегося «износа», и ее незачем удваивать. Если она будет полностью ликвидирована, то мы будем иметь такое же состояние транспорта, какое имело место в 1913 г. и раньше, когда «износ» сети отнюдь не накоплялся, выражаясь в чрезвычайно скромных цифрах.

Тем не менее итоги первой инвентаризации имущества дорог, пожалуй, чересчур оптимистичны. Достаточно вспомнить, что процент «больших» вагонов за 10 лет (с 1913 г.) повысился к моменту инвентаризации с 6 до 30, а больные паровозы за то же десятилетие увеличились с 17 до 56% общего наличия. Правда, одни лишь количественные показатели этой запущенности недостаточно показательны. В самом деле, если судить по процентажу больного парка, то за пятилетие (с 1920 по 1925 г.) мы могли бы отметить лишь самое незначительное улучшение. В 1920 г. у нас числилось 59% больных паровозов, а по августовской генеральной переписи паровозов 1925 г. этот процент снизился до 49. Но что именовалось «больными» паровозами за оба эти срока — вот вопрос. Наиболее объективной характеристикой для этого понятия, как известно, может служить толщина бандажей. И вот по этому признаку мы имеем за указанное пятилетие такие сдвиги [1]. Состояние бандажей операционного паровозного парка (в мм) было следующим:

	К концу 1920 г	В августе 1925 г.
Здоровые	50,8	59,5
Больные	47,4	54,8
Всего	49,6	58,4

Как видим, нынешний «больной» паровоз много здоровее прежнего «здорового». К сожалению, для 1913 г. у нас нет соответствующих показателей, а потому сказать, в какой мере мы отстали в этом отношении от довоенной нормы, невозможно.

[1] Ср. В. Фомин. Указ. соч., стр. 26 и «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 53, стр. XIII.

О темпе, каким развертывались за последние годы ремонтные работы на железных дорогах, можно судить по данным, приведенным в табл. 95.

Из этих данных можно увидеть, что ремонтируется у нас ежегодно паровозов и вагонов чрезвычайно много. За первые 5 лет (с 1920/21 г.) каждый вагон товарного парка прошел через ремонт в среднем 1,38 раза, а каждый паровоз — 2,42 раза. И тем не менее процент больных вагонов и паровозов до 1927/28 г. был весьма высок по сравнению с 1913 г. Устарелостью и изношенностью парка это объяснимо лишь в небольшой части. Средний возраст паровоза в 1913 г. равнялся 16,3 года, а в 1925 г.— около 20 лет, но если учесть, что новые мощные паровозы раза в 1,5 сильнее старых, то средний возраст наличных паровозов с учетом их мощности будет не выше 18 лет [1]. Работы этим паровозам значительно меньше, чем было в 1913 г. И потому, казалось бы, оздоровление парка могло бы идти значительно быстрее, чем это отражается в проценте больных вагонов и паровозов. Но, во всяком случае, это оздоровление имеется. Только пока оно сказывается больше в качественных, чем в количественных характеристиках.

Интересно отметить, что для полного восстановительного ремонта всех больных паровозов, по данным последней переписи в августе 1925 г., по-

Таблица 95

Ремонт железных дорог общего значения

Год	Паровозы				Товарные вагоны, тыс.				Смена за год		
	общее наличие (среднесуточное)	из них больные		выпущено из ремонта капитального и среднего *	общее наличие	из них больные		выпущено из ремонта (конвенционный осмотр)	рельс, км	шпал, млн. шт.	скреплений, тыс. т
		абс.	% к гр. 2			абс.	% к гр. 2				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1913											
Бывшая империя	20 030	3 411	17,0	?	475	27	5,7	?	?	?	?
СССР	17 036	3 197	18,8	?	402	32	8,0	?	?	?	?
1920/21	18 757	10 932	58,3	9 400	444	107	24,1	127	353	6	2,1
1921/22	19 067	12 236	64,2	8 396	422	130	30,8	111	554	9	7,7
1922/23	19 507	11 330	58,1	10 032	405	128	31,6	136	529	15,4	20,1
1923/24	20 222	11 122	55,0	8 658	435	135	31,0	82	809	17,5	28,3
1924/25	20 300	10 591	52,2	10 747	445	115	25,8	139	1 315	16,5	42,4
1925/26	19 291	8 754	45,4	14 469	448	75	16,7	155	3 758	18,2	68,9
1926/27	18 531	7 219	39,0	16 779	456	48	10,5	122	3 955	18,9	74,8
1927/28	17 573	3 175	18,1	18 628	468	34	7,2	119	?	19,2	?

* В переводе на средний ремонт (коэффициент 1,3).

требовалось бы затратить не свыше 85,1 млн. червонных руб., или 51,7 млн. довоенных руб., что составляет едва 6,6% всей стоимости наличного паровозного парка по инвентаризации 1923 г. При номинальной цифре около 50% больных паровозов — это совсем немного, тем более что за вычетом заведомо устарелых паровозов, подлежащих исключению из инвентаря, эта цифра будет еще раза в 2—3 ниже [2].

Общее наличие вагонов и паровозов по инвентарю у нас сейчас еще немного выше довоенной нормы. Но если учесть, что благодаря увеличению числа большегрузных вагонов и мощных паровозов средний вагон с 1925 г. заменяет собою фактически на круг 1,11 вагонов 1913 г., а паровоз — 1,21 старых паровозов, то и эти соотношения окажутся для нас

[1] Точнее — 17,8 года, причем для мощных паровозов (38%) этот возраст понижается до 10,3, а для слабых (62%) повышается до 24,7 года.

[2] «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 53, стр. XIV.

гораздо благоприятнее. Качество и здесь вносит весьма существенные реконструкционные поправки в количественные сравнения.

Наиболее скромными цифрами выражается в табл. 95 работа по ремонту пути — смена рельс, шпал и скреплений. Но и здесь необходимо иметь в виду кое-какие поправки. Дело в том, что официальная текущая отчетность НКПС страдает изрядными пробелами. За 1924/25 г. мы получили

Таблица 96

Стоимость ремонта по железным дорогам СССР за счет эксплуатационных кредитов
(в тыс. руб. по ценам каждого года) *

Статья ремонта	1913 г., СССР	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1	2	3	4	5	6
А. Путь и строения					
1. Земельное полотно	2 207	1 417	1 948	3 052	3 889
2. Балласт	2 435	1 600	2 852	4 387	4 907
3. Шпалы	18 547	25 420	27 271	43 978	54 947
4. Рельсы и скрепления	13 675	16 050	22 017	34 907	39 204
Итого	36 864	44 487	54 088	87 324	102 947
5. Искусственные сооружения	2 385	2 793	3 670	4 747	6 276
6. Гражданские здания и службы	18 390	21 838	28 423	29 766	33 392
7. Технические устройства связи	1 571	5 623	7 526	9 266	11 014
Итого	22 346	30 254	39 619	43 779	50 682
Б. Подвижной состав					
8. Паровозы					
пассажирские	10 115	10 438	13 903	18 561	20 139
товарные	30 492	34 864	45 953	66 878	79 199
Итого	40 607	45 302	59 856	85 439	99 338
9. Вагоны					
пассажирские	13 878	14 770	17 494	24 396	30 332
товарные	22 954	34 860	48 722	67 098	76 191
Итого	36 832	49 630	66 216	91 494	106 523
10. Оси, колеса и бандажи	2 563	2 146	3 889	5 405	7 359
Итого	80 002	97 078	129 961	182 338	213 220
Всего	139 212	171 819	223 668	313 441	366 849
Расходный железнодорожный индекс**	1,00	(1,27)	1,36	1,70	1,86
Всего, тыс. довоенных руб.	139 212	135 291	164 462	184 377	197 231
То же, % к гр. 2	100	97,2	118,1	132,4	141,7
То же, на 1 км пути, руб.	2 379	1 831	2 211	2 472	2 602
» » » » » » гр.% к 2	100	77,0	92,9	103,9	109,4
То же, на 1000 паровозо-км во главе поездов, руб.	365	778	767	643	626
То же, на 1000 паровозо-км, в % к гр. 2	100	213,2	210,1	176,2	171,5
% к восстановительной стоимости имущества	2,4	1,6	2,1	2,9	3,3

* Составлено по очередным номерам «Сводных годовых отчетов по железнодорожному транспорту» ЦУЖ ЕЛа НКПС, изд. Транспечати за соответствующие годы.

** По исчислению А. В. Мастрюкова. Транспортный расходный железнодорожный индекс. «Железнодорожное дело», 1927, № 3. Для 1923/24 г. индекс вычислен более грубым методом.

впервые сколько-нибудь обстоятельный «Сводный годовой отчет по железнодорожному транспорту». Из него при внимательном анализе нетрудно установить, что, скажем, скреплений за 1924/25 г. на деле было сменено не 42,4 тыс. т, как явствовало из ранее опубликованных данных, а 54,5 тыс. т, т. е. на 29% больше, а рельс сменено не 1315 км, а около 2638, т. е. вдвое больше [1]. Объясняются такие огромные просчеты тем, что одна дорога учитывает, скажем, смену рельс километрами, другая — весом, третья — *по стоимости,* а авторы сводки, отнюдь не смущаясь этим, только суммируют то, что им дано, нигде не пытаясь заполнить зияющие пробелы путем перехода от количества к расстояниям или обратно.

Как бы то ни было, считаясь с указанными приемами железнодорожной отчетности, нужно думать, что не только за 1924/25 г., но и за прежние годы, быть может, в еще большей степени, официальный учет затрат по ремонту за счет эксплуатационных кредитов довольно далек от действительности.

Хуже всего, однако, то, что мы не имеем надежного материала, чтобы судить о достаточности или недостаточности этих затрат. Сравнения с 1913 г. в этом отношении и вообще мало надежны, а кроме того, наличная отчетность не дает по интересующему нас вопросу таких сравнений в натуральных единицах. Если же обратиться к ценностным сопоставлениям затрат, то здесь большие трудности возникают из-за изменения цен и значения нашей валютной единицы. Ниже мы приводим все же такое сопоставление (табл. 96).

Конечно, обычная условность таких индексных исчислений не позволяет делать слишком категорических выводов. Но поскольку они все же дают известную ориентировку, можно сделать один вывод. По расчету на 1 км эксплуатационной длины нынешние расходы транспорта на ремонт за счет эксплуатационных кредитов немного выше довоенных. Но если отнести их на 1000 поездо-километров, то они почти вдвое превзойдут нормы 1913 г.

В табл. 96 мы использовали итоговые данные «Сводных годовых отчетов» за 1924/25 г. и следующие годы, в которых приведены и сравнительные данные за 1913 и 1923/24 гг. Это наиболее полная и детально разработанная сводка ремонтных расходов железных дорог. Но и в ней целый ряд статей явно преуменьшен. Обращаясь от общих итогов отчета о затратах на смену рельс и скреплений к специальным приложениям, их обосновывающим, мы нашли, например, что в 1924/25 г. эти затраты надо оценивать не в 22 млн. руб., как подсчитано в отчете, а примерно в 29,5 млн. руб. или около того, т. е. на 34% больше, потому что целый ряд затрат, показанных натурой из *старых запасов,* а частью даже из новых приобретений, вовсе не подвергался денежной оценке. Того же характера дефекты отчетности можно указать и по целому ряду других статей.

А это значит, что при более полном учете производимый ныне ремонт за счет эксплуатационных кредитов, несомненно, оказался бы значительно выше учтенной цифры. А главное, он больше той нормы *поддерживающего имущество на одном и том же уровне технической годности* ремонта, какой соответствует понятию «текущего». Даже в отношении тех статей, какие по расчету самого НКПС полностью определяются размерами движения, нынешние затраты, из расчета на 1000 поездо-километров, вдвое больше довоенных.

Помимо затрат на ремонт и возобновление имущества в пределах эксплуатационных кредитов за 1924/25 г., по «Сводному отчету» всех 27 дорог СССР, было произведено на 59,7 млн. червонных руб. дополнительных вложений «по усилению и улучшению дорог». Из них на постройку и восстановительный ремонт подвижного состава на заводах ВСНХ было истра-

---

[1] «Сводный отчет по железнодорожному транспорту». М., 1926, стр. 276 и сл.

чено 20,98 млн. руб., на другие «новые работы» в пределах старой сети — 22,98 млн. руб., на жилищное строительство — 2,59 млн. руб., на «постройку новых линий и ветвей» — 1,63 млн. руб., на «ликвидацию запущенности» по ремонту — 993 тыс. руб. и т. д. [1] Казалось бы, что суммы в 59,7 млн. руб. новых вложений, при оценке всего амортизируемого имущества к началу этого года в 10 755 млн. червонных руб. и норме реновации 1,25%, совершенно недостаточно для остановки обесценения сети. Теоретически для этого новые вложения в старую сеть сверх эксплуатационных расходов должны достигать, по меньшей мере, 134 млн. червонных руб. Но если учесть совместно все затраты на ремонт и возобновление, то получим минимально 223,7 + 59,7 = 283,4 млн. червонных руб., что составляет около 2,6% имущества дорог по балансу на 1 октября 1924 г. по полной восстановительной его оценке. В сущности, правильнее было бы исчислять эти проценты не от восстановительной стоимости старого имущества, а от начальной строительной, т. е. без «дополнительных вложений», которая будет значительно меньше. Но и 2,6% с избытком покрывают собою те 2,5%, которые, по теоретическим расчетам, вполне достаточны для ежегодной полной реновации имущества сети, и притом даже в условиях полной ее нагрузки. А в 1924/25 г. эта нагрузка не достигала еще 50% довоенной нормы. Отсюда ясно, что общая сумма вложений в старую сеть у нас, по-видимому, уже с 1924/25 г. превышает теоретические нормы износа. Только благодаря этому, разумеется, и могло получиться то оздоровление всей сети, какое мы отмечаем за последние годы по всем коэффициентам. Но в то же время это означает, что границы между поддерживающим и восстановительным ремонтами на транспорте сплошь и рядом стираются, и под именем ремонта нередко производятся работы восстановительного значения. А это, в свою очередь, объясняет, почему эксплуатационные расходы транспорта за последние годы так велики, а коэффициенты эксплуатации и рентабельности железных дорог более чем скромны.

По балансам последних лет рентабельность нашей железнодорожной сети выявляется в следующем виде (табл. 97).

В отношении приведенных балансов нужно заметить, что имущество и основной фонд выражены в них в смешанной валюте, в то время как все остальные статьи — в червонной валюте. Для сопоставимости их между собою и с основными фондами последние следовало бы перевалютировать на современную валюту. Основываясь на результатах аналогичной работы по промышленности, мы считаем возможным сделать это для 1923/24 г. по индексу 1,65. В таком случае чистый доход от эксплуатации за 1924/25 г., выведенный по балансу в 91,4 млн. руб., составит всего 1% основного фонда в 8974 млн. червонных руб. к 1 октября 1924 г. Но цифру 91,4 нужно увеличить на 64,7 млн. капитальных вложений, ибо в балансе НКПС эта сумма почему-то исключена из прибыли, хотя она отнюдь не может быть отнесена к *эксплуатационным* затратам. За 1923/24 г. по балансу ни прибыли, ни дефицита не показано. Бухгалтерия НКПС нашла, что определение их для этого года по ряду причин «не являлось показательным».

Впрочем, из других источников видно, что и за 1923/24 г. по железным дорогам имелось уже некоторое превышение доходов над эксплуатационными расходами в размере 26,3 млн. червонных руб. [2] Пользуясь этой статистической отчетностью и вводя поправку на амортизацию по нормам,

---

[1] «Сводный отчет», стр. 321—322. Это только «денежные расходы», сверх того «старыми материалами» израсходовано 7,87 млн. руб. за счет особых кредитов» — 4,52 млн. руб. (ср. «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 53. М., 1926, стр. 206).

[2] «Материалы по статистике путей сообщения», вып. 53. М., 1926, стр. 206—207.

Баланс железных дорог СССР (ЦУЖЕЛ)
(в млн. руб.) *

Статья баланса	1 октября			
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1	2	3	4	5
Актив				
1. Постройки и сооружения	3710,1	3711,8	3772,2	3950,9
2. Подвижной состав	1655,6	1701,9	1788,1	1812,4
3. Инвентарное имущество	69,1	80,2	95,9	107,8
3. Колесный парк	52,1	52,8	50,8	42,7
5. Неоконченные постройки и сооружения	15,3	14,8	30,2	51,1
Итого основного имущества	5502,2	5561,5	5737,2	5964,9
6. Имущество и материалы специального учета	68,8	61,9	68,5	77,9
7. Топливо	?	39,9	31,8	?
8. Прочие материалы	?	169,3	229,7	?
Итого (по 7—8)	199,5	209,2	261,5	310,1
9. Касса	1,6	1,3	0,9	0,7
10. Ценные бумаги	2,3	0,8	1,7	2,8
11. Текущие счета в банках	7,0	29,1	11,4	10,4
12. Денежные средства в кассах НКФ	0,1	0,2	0,0	—
Итого наличных средств (по 9—12)	11,0	31,4	14,0	13,9
13. Ссуды	0,5	5,3	8,1	9,6
14. Подотчетные учреждения и лица	8,7	15,0	11,5	18,5
15. Дебиторы	104,4	194,6	269,4	300,3
16. Векселя	8,2	6,0	18,9	10,5
17. Расчеты	3,9	108,8	41,4	—
18. Расходы на усиление и улучшение железных дорог и по особым заданиям НКПС	22,4	64,7	188,0	262,9
Баланс	5929,6	6258,4	6618,5	6968,6
Пассив				
1. Основной фонд	5502,2	5561,5	5737,2	5964,9
2. Специальные имущественные фонды	68,8	61,9	68,5	77,9
3. Оборотный фонд	170,8	187,4	203,1	274,0
4. Фонды специального назначения	3,8	28,7	14,0	15,9
5. Займы у банков	4,1	45,9	92,3	42,8
6. Кредиторы	143,2	202,6	234,5	298,5
7. Векселя	10,4	14,3	86,8	36,0
8. Расчеты	—	—	—	—
9. Чистый доход	26,3	156,1	182,1	258,6
Баланс	5929,6	6258,4	6618,5	6968,6
Дооценка имущества	3472	3438	3369	3411

* Ср. «Сводный баланс железных дорог и др. учреждений железнодорожного транспорта за 1923/24 г. «М., изд. НКПС, 1925 и то же изд. за 1924/25 г.— М., 1926 г.

Касса показана только по центральным учреждениям; станционная выручка железных дорог, поступившая на местах в кассы до 1 октября, не поступает в обороты дорог календарно в отчетном году; примерно эта сумма равняется трехдневной выручке и приблизительно составляла по годам в млн. руб.: 1924 — 5,7, 1925 — 7,8, 1926 — 11,2, 1927 — 13,5.

Дооценка имущества произведена путем перевалютировки части имущества, показанного по балансам ЦУЖЕЛ в довоенных рублях, в червонные рубли по индексу 1,65.

соответствующим работе сети, мы получили бы картину, показанную в табл. 98.

Итоги приведенных данных едва ли особенно точны и достоверны. Амортизационный износ, исчисленный нами, представляется в достаточной степени спорным. Мы думаем, что исчисленные нами здесь проценты износа преувеличены или, говоря точнее, этот износ в очень значительной степени следует считать погашенным ремонтными и возобновительными затратами за счет *эксплуатационной* сметы.

Во всяком случае, если приведенные цифры и не очень точны, то в качестве динамических показателей заслуживают глубочайшего внимания. Они показывают, каким быстрым темпом за последние 3—4 года шло оздоровление транспорта, хотя в общем он и сейчас очень еще далек в отношении своей рентабельности от норм 1913 г.

Выше мы рассматривали издержки дорог на ремонт и возобновление изношенных элементов имущества. Это весьма важная статья в общем итоге издержек производства железнодорожных перевозок, но не важнейшая. Общая структура затрат по всему счету производства приведена в табл. 99.

Таблица 98

Рентабельность железных дорог общего значения *

Год	Имущество железных дорог к началу года (за вычетом износа), млн. руб.			Валовой доход (без Цутранпроса)	Эксплуатационные расходы	Чистый доход от эксплуатации		Амортизация, млн. руб.	Чистая прибыль	
	основной фонд	оборотный	итого			млн. руб.	% к гр. 4		млн. руб.	% к гр. 4
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1913 г. (вся сеть — 71 тыс. км)	4710	161	4871	1176	696	480	9,9	80	+400	+8,2
1923/24	9002	208	9210	692	666	26,3	0,29	107,5	— 81,2	—0,88
1924/25	8974	210	9184	954	797	157,0	1,71	114,0	+ 43,0	+0,47
1925/26	9000	241	9241	1366	1184	182,0	1,96	126,2	+ 55,8	+0,60
1926/27	9106	275	9381	1641	1384	257,0	2,74	134,0	+123,0	+1,31
1927/28	9376	302	9678	1810	1428	382,0	3,95	144,1	+237,9	+2,46

* За 1913 г.— в довоенной валюте, за остальные — в червонной. Основные фонды даны по действительной стоимости без земли (за вычетом износа). Амортизация исчислена с основных фондов по восстановительной стоимости; для 1913 г. по нормальному проценту 1,25, для остальных лет—по пониженному в пропорции нагрузки подвижного состава.

Эти данные охватывают собой для 1913 г. и современных лет одну и ту же территорию современного Союза ССР и в общем дает довольно сравнимые итоги. Правда, в «Сводном отчете» за 1924/25 г., откуда мы главным образом заимствовали приведенные итоги, можно найти по ряду статей и другие довольно разноречивые цифры как для 1913 г., так и для новейших лет [1]. Но это уж общий дефект наличной отчетности. И если не гнаться за слишком большой точностью и пренебречь некоторыми погрешностями, то из приведенных данных можно извлечь довольно поучительные выводы.

[1] Например, валовой доход 1913 г. на стр. 18 показан в 970 млн. руб., а на стр. 75 значится 985 млн., расход фигурирует в цифрах 558,6 млн. и 602 млн. руб. (стр. 75 и 103), расход материалов за 1924/25 г. на стр. 93 показан в 154,2 млн. руб., на стр. 256 значится, что одних лишь новых материалов «израсходовано» за указанный год на 427,7 млн. руб. (!), в том числе 206,8 млн. за счет эксплуатационных расходов и т. д. и т. д.

Таблица 99

Счет производства перевозок по железным дорогам СССР

(в млн. руб. соответствующего года) *

Показатель	1913 г., СССР	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г
1	2	3	4	5	6
I. Общие измерители					
1. Эксплуатационная сеть, среднегодовая, тыс. км.	58,5	73,9	74,4	74,6	75,8
2. Капиталы сооружения, в млн. руб. к началу года (без земли)					
по восстановительной стоимости	5 294	10 750	10 755	10 881	11 165
по действительной стоимости с учетом износа	3 912	9 002	8 974	9 000	9 106
3. Персонал по эксплуатации, тыс. чел.	691	793	801	957	1 004
4. Работа сети, млн. приведенных т/км	90 911	49 181	66 478	92 270	103 760
II. Счет производства					
1. Зарплата					
основного персонала	—	256,0	347,5	529,1	629,1
временного (случайного, поденного)	—	41,0	51,6	65,5	76,7
Итого	(283)	297,0	399,1	594,6	705,8
2. Соцстрах	—	29,7	40,6	70,2	89,2
3. Местком и культнужды	—	3,8	5,2	16,0	16,2
4. Другие расходы в пользу рабочих	(10,7)	(21,8)	29,3	18,8	18,3
5. Школьное дело (в том числе Цутранпрос)	3,7	19,5	26,8	47,7	51,0
6. Врачебная помощь	6,9	1,4	2,6	0,0	—
Итого (по 2—6)	21,3	76,2	104,5	152,7	174,7
7. Топливо и энергия	113,9	112,5	121,6	145,8	189,9
8. Материалы	(108,0)	138,4	154,2	196,2	222,3
9. Канцелярские расходы	4,9	6,3	6,3	7,5	6,4
10. Погрузка и выгрузка	17,8	9,0	16,0	18,6	26,9
11. Подати и налоги	2,3	—	—	—	—
12. Разные расходы	47,5	43,6	19,3	109,6	103,1
13. Внутренние расчеты	4,0	2,6	2,9	0,4	0,3
Итого (по 1—13)	602,7	685,6	823,9	1 225,4	1429,4
14. Амортизация	66,1	107,5	114,0	126,2	134,0
15. Прибыль или убыток	301,3	—75,5	+42,5	+55,8	+122,4
Всего (валовая выручка)	970,1	717,6	980,4	1407,4	1685,8
III. Перенесенная стоимость					
(по 7—10 и 12—14)	362,2	419,9	434,3	604,3	682,9
IV. Дабавленная стоимость					
(по 1—6, 11, 15)	607,9	297,7	546,1	803,1	1002,9
В том числе оплаченный труд (по 1—6)	304,3	373,2	503,6	747,3	880,5

* За 1913 г.— в золотой валюте, за остальные — в червонной. В приход и расход последних лет включена смена Цутранпроса. Ряд статей для 1913 г., отмеченных скобками, получен по СССР путем экстраполяции, исходя из данных по всей б. империи, а не прямым подсчетом по каждой дороге и участку.

Налоги и сборы за 1924/25 г. составили 10,2 млн. руб., но они учтены в особой смете.

Причины низкой рентабельности дорог за последние годы, по-видимому, определяются главным образом низкой нагрузкой сети.

В самом деле, работа сети к 1926/27 г. едва достигает 114% довоенной, а персонал — 144%. Неудивительно, что доля затрат на оплату труда возросла при этом с 31 до 52% валовой выручки. Не зависящие от движения расходы давят всей своей тяжестью на эффективность работы транспорта и понижают ее до совершенно ничтожных норм. Вследствие пониженной рентабельности железных дорог вновь создаваемая на транспорте стоимость, подлежащая включению в народный доход страны, понизилась с 63% валовой выручки дорог в 1913 г. до 41% в 1923/24 г. Но уже в 1924/25 г., в связи с повышением нагрузки сети, она возрастает до 56%, а в 1926/27 г. достигает 60%. И можно с уверенностью сказать, что с дальнейшим повышением нагрузки она скоро возвратится к довоенным масштабам.

Из расчета на 100 приведенных тонна-километров валовая выручка и эксплуатационные затраты дорог по всей сети изменялись следующим образом:

Выручка	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
коп.	107	146	147	153	162
%	100	136	137	143	151
Затраты					
коп.	66,3	139	124	133	138
%	100	210	187	201	208

Таблица 100

Работа железнодорожной сети СССР

Год	Длина сети средняя годовая, тыс. км	Занятый персонал, тыс. чел.	Работа сети за год: паровозо-километры во главе поездов, тыс.	Отправлено: грузов всех скоростей, тыс. т	Отправлено: пассажиров платных, млн. чел.	Приведенный пробег: грузов всех скоростей, млн. т/км	Приведенный пробег: пассажиров платных, млн. т/км	Приведенный пробег, итого: млн. т/км	Приведенный пробег, итого: на 1 км, тыс. т/км	Средний пробег, км: грузов	Средний пробег, км: пассажиров	Производительность одного рабочего, тыс. т/км
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Абсолютные величины												
1913 г. Бывшая империя	70,5	823	447 695	158 196	244,3	76 783	29 679	106 462	1 510	485	122	129
СССР	58,5	691	381 862	132 400	184,8	65 696	25 215	90 911	1 554	496	136	132
1921/22	69,6	(838)	123 015	39 920	76,6	16 057	(8 943)	25 000	359	402	115	30
1922/23	69,6	(768)	148 848	58 043	121,8	23 523	13 931	37 454	538	407	114	49
1923/24	73,9	(793)	173 868	67 489	154,4	33 747	15 434	49 181	666	500	100	62
1924/25	74,4	801	214 396	83 454	211,8	47 438	19 040	66 478	894	568	90	83
1925/26	74,6	957	286 690	116 750	262,7	68 904	23 366	92 270	1 237	590	89	97
1926/27	75,8	1004	315 263	135 934	254,2	81 650	22 110	103 760	1 369	601	87	103
1927/28	76,9	993	329 932	150 611	280,8	87 600	23 580	111 180	1 446	581	84	112
Относительные величины												
СССР, 1913 г.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1921/22	118,9	121,3	32,2	30,2	41,5	24,4	35,5	27,5	23,1	81,0	84,6	22,7
1922/23	118,9	111,1	39,0	43,8	65,9	35,8	55,2	41,2	34,6	82,1	83,8	37,1
1923/24	126,4	114,8	45,5	51,0	83,5	51,4	61,2	54,1	42,9	100,8	73,5	47,0
1924/25	127,2	115,9	56,1	63,0	114,6	72,2	75,5	73,1	57,5	114,5	66,2	62,9
1925/26	127,5	137,5	75,1	88,2	142,2	104,9	92,7	101,5	79,6	119,0	65,4	73,6
1926/27	129,6	145,3	82,6	102,7	137,6	124,3	87,7	114,1	88,1	121,2	64,0	78,9
1927/28	131,5	143,8	86,2	113,7	152,1	133,4	93,4	122,3	93,1	117,1	61,8	84,2

Как видим, индекс тарифный, по которому до сих пор продавались услуги железнодорожного транспорта, был довольно низким по сравнению с общим уровнем товарных цен и даже с тем специальным индексом, по которому транспорт снабжается всякого рода материалами. Это, несомненно, тоже одна из причин пониженной рентабельности железных дорог. Но тарифы с 1925/26 г. уже значительно подтянуты, и рост выручки из расчета на тонна-километр заметно обгоняет затраты.

Однако есть еще одна причина низкой рентабельности наших железных дорог, на которую следует обратить серьезное внимание. Это перегруженность сети занятой на ней рабочей силой. Если сопоставить работу сети и численность занятого персонала с нормами 1913 г., то получим картину, показанную в табл. 100.

В табл. 100 учтен весь персонал — постоянный и случайно поденный, кроме лиц, занятых новыми и восстановительными работами. А в работе сети учтены все перевозки — коммерческие, воинские и хозяйственные, в поездах коммерческого движения и багаж. Не учтены лишь хозяйственные грузы в хозяйственных поездах.

Как видно, по общим размерам сети к 1927/28 г. мы уже на 32% превзошли норму 1913 г. в границах СССР, а по работе, выраженной в тонна-километрах,— только на 22%, и то главным образом за счет удлинения пробегов, а не за счет возрастания грузооборота. При этих условиях совершенно нецелесообразным является увеличение персонала на целых 44%. В результате производительность труда достигает только 84% довоенной. Правда, отчасти это может быть объяснено сокращением рабочего дня с 9,9 до 7,7 час. Но в промышленности рабочий день тоже был сокращен с 9,85 до 7,5 час., т. е. на целых 24%, и все же все это сокращение уже целиком уравновешено соответствующим возрастанием производительности труда. К сожалению, на транспорте, в силу ряда причин, мы не имеем еще таких достижений. Идя по линии наименьшего сопротивления, НКПС каждый год вместо рационализации труда увеличивал свои контингенты рабочей силы в такой пропорции, какая не оставляла достаточного простора ни для сколько-нибудь крупного повышения оплаты труда, ни для необходимого нам, ввиду запущенности транспорта, повышения его рентабельности.

Эту линию нам придется рано или поздно пересмотреть. И нужно надеяться, что при дружных усилиях хозяйственников и профработников нам скоро удастся разрешить удовлетворительно и эту задачу. Производительность труда на транспорте не должна отставать от других отраслей труда.

* * *

3. ИТОГИ 1928—1960 гг.

С 1928/29 г. мы вступили на путь перспективного планирования, реализовали задания уже пяти пятилетних планов, пережили тяжкие испытания Отечественной войны, восстановили 65 тыс. км разрушенной фашистами железнодорожной колеи и, вступив уже с новыми достижениями во второй год шестой пятилетки, можем подвести некоторые итоги за последние 30 лет планового хозяйства в СССР.

В 1913 г., в современных границах СССР, железнодорожная сеть общего пользования достигала 71,7 тыс. км. К 1917 г. она сократилась до 63,3 тыс. км. В еще большей мере сократилась работа всей сети. Но сколько-нибудь надежными данными о ней мы располагаем только с 1921/22 г. Восстановительный период по объему работы железных дорог в СССР окончился не раньше 1928 г. А за дальнейшие годы мы располагаем итогами, приведенными в табл. 101.

Таблица 101

Работа железнодорожного транспорта *

Отчетный год	Железнодорожная сеть, тыс. км	Персонал на перевозках, тыс.	Грузы, млн. т	Работа сети, млрд. т/км	На одного работника, т/км
1913	71,7	691	132,4	91,0	132
1928	76,9	863	156,2	117,9	137
1940	106,1	1 394	592,6	513,0	368
1950	116,9	1 712	834,3	690,3	403
1955	120,7	1 980	1 267,0	1 112,3	562
1956	120,7	1 980	1 371,0	1 221,5	617
1960	125,8	2 011	1 884,9	1 675,0	833

* «Народное хозяйство СССР в 1960 году». Статист. ежегодник. М., Госстатиздат, 1961, стр. 541.

Как видно, за последние 32 года железнодорожная сеть возросла всего на 64%, обслуживающий ее персонал — в 2,3 раза, но количество перевезенных грузов увеличилось в 12 раз, а вся выполненная на железных дорогах работа в приведенных тонна-километрах — в 14 раз. Производительность труда поднялась здесь за те же годы раз в 6, что в среднем за каждую пятилетку, несмотря на годы войны, дает прирост не менее 35%, а за вычетом военных лет — по меньшей мере на 45%.

Для сравнения можно указать, что в США часовая производительность труда на железных дорогах с 1929 по 1949 г. выросла за 20 лет всего на 75%, что в среднем за каждую пятилетку дает до 15%, т. е. раза в 3 ниже советских темпов.

IV. ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ В РОССИИ И СССР

1. ДИНАМИКА НАШЕЙ ТОРГОВЛИ ДО 1913 г.[1]

В довоенной России не было статистики торговли. Но, пользуясь отчетностью налоговых органов, мы все же можем в суммарных итогах получить известное представление о динамике посреднической торговли в довоенной России.

По данным отчетности о процентном и раскладочном сборах и о выборке патентов, торговая сеть довоенной России изменялась следующим образом (табл. 102) [2].

С 1899 г. изменилась система обложения, и мы не можем гарантировать полной сравнимости приведенных данных за время до и после этого года. За ряд лет до 1899 г. нам пришлось вносить известные поправки к отчетным данным на неполноту учета. Но все же нам не удалось устранить всех дефектов налоговой отчетности. Так, в числе торговых заведений учтено некоторое количество кредитных учреждений, а также складских помещений. К концу периода, когда, с 1899 г., кладовые, погреба и тому подобные складские помещения стали учитываться особо, их оказалось около 12 тыс. на всю Россию. Но зато, с другой стороны, нами здесь не учтены ярмарочные помещения, которых было в 1899 г. 8517, и также с большим недоучетом показаны итоги разносчиков, офеней и т. п. мелких торговцев, в большей своей части вовсе не подлежавших никаким сборам или ускользавшим от этих сборов. Не вошли сюда и все казенные винные лавки, освобожденные от выборки патентов (около 15 тыс.).

Тем не менее в качестве показателей динамики развития торговой сети приведенные цифры довольно показательны. За 27 лет торговая сеть у нас удвоилась, в то время как население возросло только на 54%.

Географическое распределение этой сети, по данным 1912 г., представлено в табл. 103.

Наиболее густая торговая сеть сосредоточена в промышленных районах и столичных центрах страны. В *селениях* из заведений I разряда, т. е. наиболее крупных, расположено было всего 4,4%, из заведений II разряда — 45,4 и III разряда — 58,7%. Остальные были сосредоточены в городах и крупных поселениях городского типа.

Чтобы перейти от числа торговых предприятий к учету персонала, занятого в торговле, мы имеем в налоговой статистике по обложенным раскладкой гильдейским и негильдейским предприятиям данные о числе «плательщиков» налога, т. е. владельцев и совладельцев этих предприятий. Правда, эти плательщики даны в общих итогах для торговых и промыш-

---

[1] С. Струмилин. Товарооборот России. «Экономическое обозрение», октябрь 1924 г. и «Наш довоенный товарооборот». «Плановое хозяйство», январь 1925 г.

[2] Ср. аналогичное исчисление в «Своде данных о торговых сборах в России за 1885 г.», изд. Департамента торговли и мануфактур. СПб., 1887, стр. XXI и сл., автор которого, однако, довольно произвольно понижал число мелких предприятий.

Таблица 102

Число торговых заведений России, обязанных выборкой патентов (в тыс.) *

Год	Опт и розница	Мелочной торг	Ларьки	Развоз	Разнос	Всего	
						тыс.	% к 1885 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
1885	126,9	274,0	153,3	10,8	10,7	575,7	100
1886	132,8	307,7	166,1	10,4	10,6	627,6	109
1887	137,0	300,0	168,7	10,3	10,9	626,9	109
1888	144,4	303,5	177,2	10,7	10,8	646,6	112
1889	147,9	310,0	188,6	11,4	12,0	669,9	116
1890	152,7	324,1	219,0	11,5	12,7	720,0	125
1891	153,2	320,3	209,4	12,0	15,1	710,0	123
1892	149,0	322,1	211,3	11,8	13,5	707,7	123
1893	152,4	326,0	223,3	12,4	13,3	727,4	126
1894	155,9	337,0	243,1	13,3	14,6	763,9	133
1895	158,2	344,8	253,7	13,8	14,3	784,8	136
1896	160,2	349,3	260,7	14,6	14,6	799,4	139
1897	158,5	355,1	269,3	14,7	15,2	812,8	141
1898	154,7	362,2	272,9	14,1	15,3	819,2	142
1899	157,3	428,0	228,1	14,8	17,1	845,3	147
1900	152,8	430,7	240,6	13,3	16,6	854,0	148
1901	149,7	440,0	248,0	13,0	16,0	866,7	150
1902	145,6	451,2	245,5	12,7	15,8	870,8	151
1903	147,5	461,8	241,3	12,6	15,8	879,0	153
1904	146,0	463,3	267,8	12,0	15,5	904,6	157
1905	142,0	463,7	257,4	9,8	13,5	886,4	154
1906	136,8	458,1	249,7	9,1	12,0	865,7	150
1907	140,1	483,4	266,3	8,1	11,4	909,3	158
1908	146,7	501,3	283,2	8,7	12,2	952,1	165
1909	156,7	526,2	306,1	9,7	14,8	1013,5	176
1910	162,0	554,7	327,5	10,7	15,1	1070,0	186
1911	175,8	576,6	337,3	11,9	15,5	1117,1	194
1912	183,8	608,1	349,2	10,7	15,0	1166,2	203

* До 1898 г. в рубрике «Опт и розница» учтены так называемые «подотчетные» и «гильдейские» предприятия, с 1889 г. сюда отнесены предприятия I и II разрядов. При учете заведений по числу выбранных патентов полугодовые свидетельства приведены к годовым.

ленных предприятий, но, пользуясь соотношением между числом владельцев и обложенных предприятий для всех гильдейских или негильдейских предприятий, можно без большой ошибки распространить его и на специально торговые заведения. Для необложенных раскладкой наиболее мелких предприятий мы сосчитали по одному хозяину на каждое предприятие. Кроме того, патентная статистика дает нам число «приказчиков» I и II разрядов, к числу которых по закону относились не только заведующие магазинами, коммивояжеры, конторщики, продавцы, сидельцы и т. п. наемный персонал, но и обучающиеся торговле в лавках старше 17 лет[1]. Не входят сюда, стало быть, лишь рабочие, обслуживающие торговлю, и служащие подростки. Но зато входят страховые агенты и некоторые другие категории служащих, занятых вне торговли в тесном смысле этого слова.

В общем итоге весь этот персонал к 1897 г. достигал на 812,8 тыс. учтенных торговых единиц 750 тыс. владельцев и 258 тыс. «приказчиков» всякого рода. А между тем по переписи 1897 г. самодеятельных лиц, указавших главным своим занятием торговлю, включая трактирно-питейный промысел, оказалось 1440 тыс., не считая 165 тыс. чел., указавших торговлю в качестве побочного промысла. Таким образом, налоговая отчетность не дает полного учета торгового персонала.

[1] «Объяснительная записка Департамента торговли и мануфактур от 14 февраля 1898 г.», № 4074, стр. 23

Таблица 103

Число торговых заведений России в 1912 г., по данным о выборке патентов *

Район	Разряд						Итого	
	I	II	III	IV	V разъездная	V разносная	абс.	% к итогу
1	2	3	4	5	6	7	9	9
I. В границах СССР								
1. Столичный (2 губ.)	2 623	18 805	41 278	10 080	486	498	73 770	6,3
2. Северный (5 »)	136	5 365	19 015	8 382	672	736	34 306	3,0
3. Восточный (6 »)	478	15 532	56 159	31 839	1 157	1 484	106 649	9,1
4. Средне-Промышленный (7 »)	433	11 273	44 137	22 375	901	948	80 067	6,9
5. Средне-Черноземный (9 »)	515	16 289	64 317	35 623	1 050	1 854	119 648	10,3
6. Малороссийский (3 »)	518	7 948	27 388	17 044	267	902	54 067	4,6
7. Северо-Западный (3 »)	521	3 843	20 309	14 197	85	103	39 058	3,3
8. Юго-Западный (3 »)	801	7 535	43 092	37 244	172	197	89 041	7,6
9. Южный (5 »)	1 021	20 274	54 643	33 200	1 312	1 447	111 897	9,6
Итого по 43 губерниям Европейской России	7 046	106 864	370 338	209 984	6 102	8 169	708 503	60,7
10. Северный Кавказ (4 губ.)	237	9 396	25 278	9 558	771	905	46 145	4,0
11. Закавказье (9 »)	344	9 400	27 674	12 873	659	2 344	53 294	4,6
12. Средняя Азия (9 »)	298	8 320	31 225	43 389	765	531	84 538	7,2
13. Сибирь (8 »)	438	15 162	31 204	13 615	1 771	1 584	63 774	5,5
Итого в границах СССР (73 губернии)	8 363	149 142	485 719	289 419	10 078	13 533	956 254	82,0
II. По отошедшей территории								
1. Литва (3 губ.)	274	4 629	23 372	12 902	60	137	41 374	3,5
2. Прибалтика (3 »)	563	5 440	18 396	4 258	124	388	29 159	2,5
3. Бессарабия (1 »)	75	3 033	15 573	8 209	288	249	27 427	2,4
4. Закавказье (1 »)	1	512	1 178	412	5	129	2 237	0,2
5. Польша (10 »)	751	10 370	63 904	34 011	110	635	109 781	9,4
Итого по отошедшей территории (18 губ.)	1 664	23 984	122 423	59 792	587	1 528	206 978	18,0
Всего в границах бывшей империи (91 губерния)	10 027	173 126	608 142	349 211	10 665	15 061	1 166 232	100,0

* «Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог за 1912 г.» Изд. Департамента окладных сборов, Пг., 1915, стр. 1—11.

Из сопоставления с данными переписи можно установить, что этот недоучет достигает для 1897 г. около 432 тыс. чел., из которых 213 тыс. составляют рабочие, а около 219 тыс. можно отнести за счет неучтенных патентной статистикой торговцев вразвоз и разнос, не подлежавших обложению.

Насколько велико должно быть их число, можно видеть хотя бы из следующего сопоставления. В 1926 г. ими было выбрано патентов по СССР 150 тыс., а в 1913 г. по всей бывшей империи — только 25 тыс.

Исходя из соотношений 1897 г., мы внесли соответствующие поправки на недоучет торгового персонала и по всем другим годам (табл. 104).

Данные эти, вероятно, весьма далеки от точности. Но других, более точных, в нашем распоряжении не имеется.

Динамика персонала, занятого в торговле России с поправкой на недоучет рабочих и семейного персонала (в тыс. чел.)

(исчисление)

Год	Число предприятий, тыс.	Владельцы и совладельцы			Наемный персонал			Всего персонала		Кроме того, с подсобным занятием торговлей (17% от гр. 5)
		учтено	недоучет (29,2% гр. 3)	итого	приказчики	рабочие (82,5% гр. 6)	итого	тыс.	на 100 предприятий	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1885	575,7	511	149	660	201	166	367	1027	178	112
1886	627,6	557	163	720	219	181	400	1120	178	122
1887	626,9	558	163	721	219	181	400	1121	179	123
1888	646,6	573	167	740	220	182	402	1142	177	126
1889	669,6	596	174	770	228	188	416	1186	177	131
1890	720,0	646	189	835	236	195	431	1266	176	142
1891	710,0	639	187	826	229	189	418	1244	175	140
1892	707,7	642	187	829	232	191	423	1252	177	141
1893	727,4	657	192	849	238	196	434	1283	177	144
1894	763,9	697	204	901	249	205	454	1355	177	153
1895	784,8	718	210	928	254	210	464	1392	177	158
1896	799,4	733	214	947	258	213	471	1418	177	161
1897	812,8	751	219	970	258	213	471	1441	177	165
1898	819,2	764	223	987	266	219	485	1472	179	168
1899	845,3	790	231	1021	260	214	474	1495	177	174
1900	854,0	797	233	1030	260	214	474	1504	176	175
1901	866,7	813	237	1050	266	220	486	1536	177	179
1902	870,8	819	239	1058	267	221	488	1546	178	180
1903	879,0	826	241	1067	277	228	505	1572	179	181
1904	904,6	850	248	1098	266	220	486	1584	175	187
1905	886,4	834	244	1078	280	231	511	1589	179	183
1906	865,7	812	237	1049	277	228	505	1554	180	178
1907	909,3	854	249	1103	237	195	432	1535	169	188
1908	952,1	894	261	1155	241	199	440	1595	168	196
1909	1013,5	954	279	1233	260	214	474	1707	169	210
1910	1070,0	1006	294	1300	278	228	506	1806	169	221
1911	1117,1	1050	307	1357	295	243	538	1895	169	231
1912	1166,2	1093	320	1416	310	255	565	1981	170	241
1913 г. в границах бывшей империи	1188,0	1118	326	1444	314	259	573	2017	170	246
СССР	974,2	917	268	1185	267	220	487	1672	172	201

В общем за все 27 лет мы наблюдаем довольно устойчивое соотношение между числом предприятий и обслуживающим их персоналом. В среднем на одну торговую единицу мы имеем от 1,7 до 1,8 занятых торговлей лиц. Точнее, однако, было бы к числу предприятий сделать такую же поправку на недоучет торговцев в разнос и в развоз, какая сделана в гр. 4 на недоучет персонала. Тогда для 1885 г. мы получили бы 1,42 чел. на одно предприятие, а к 1913 г.— 1,32 чел. на одну торговую единицу. Это понижение указанного коэффициента объясняется, по-видимому, тем, что число крупных магазинов росло медленнее прироста мелочных лавочек, по общему правилу вовсе не располагающих наемным персоналом. Но зато, если отнести весь наемный персонал — приказчиков и рабочих — только к числу более крупных торговых заведений двух высших разрядов, то придется отметить несомненный рост этих заведений за исследуемый период. В 1885 г. на каждое такое заведение приходилось на круг 2,89 чел. наемного персонала, а к 1913 г.— 3,04.

Еще быстрее возрастал оборот соответствующей группы торговых заведений. Торговые обороты регулярно регистрировались лишь в отношении

Таблица 105

Оборот торговых заведений России (в млн. руб.)
(исчисление)

Год	Подотчетные	Неотчетные			Итого	казенная продажа питей	Всего	
		оптовых и розничных (I и II разрядов)	мелочных (III разряд)	ларьков развозных и разносн. (IV и V разряда)			млн. руб.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1885	30	2822	544	107	3503	—	3503	100
1886	25	2787	601	121	3534	—	3534	101
1887	30	3370	589	122	4111	—	4111	117
1888	47	3253	598	127	4025	—	4025	115
1889	42	3161	612	135	3950	—	3950	113
1890	39	3141	696	157	4033	—	4033	115
1891	38	3081	722	169	4010	—	4010	114
1892	45	3155	736	174	4110	—	4110	117
1893	73	3389	770	206	4438	—	4438	127
1894	98	3704	834	218	4854	—	4854	138
1895	100	3924	909	251	5184	23	5207	149
1896	135	4038	909	250	5332	63	5395	157
1897	139	4179	942	258	5518	106	5624	161
1898	142	4349	980	266	5737	225	5962	170
1899	178	5288	1442	397	7305	247	7552	216
1900	220	4867	1493	415	6995	270	7265	208
1901	231	4923	1597	446	7197	379	7576	217
1902	246	4577	1583	432	6838	485	7323	209
1903	247	4548	1692	457	6944	542	7486	214
1904	264	4727	1743	530	7264	543	7807	223
1905	276	4899	1821	479	7475	609	8084	231
1906	305	4748	1772	454	7279	697	7976	228
1907	342	4749	1791	457	7339	707	8046	230
1908	356	5113	1857	487	7813	709	8522	243
1909	369	5006	1954	523	7852	719	8571	245
1910	462	5161	2109	615	8347	767	9114	260
1911	556	6099	2211	581	9447	783	10230	292
1912	644	6504	2396	616	10160	825	10985	313
1913 г. в границах бывшей империи	779	6865	2555	656	10855	899	11754	336
СССР	657	5925	2014	548	9144	794	9938	—

трех высших разрядов торговли. Но, пользуясь различными вспомогательными коэффициентами, мы имели возможность — правда, весьма приблизительно,— исчислить и весь посреднический оборот довоенной России. Отсылая интересующихся деталями этого исчисления к вышеуказанной нашей работе о товарообороте России, мы здесь приведем лишь ее результаты (табл. 105).

В гр. 2—5 табл. 105 учтены только обороты посреднической торговли, обложенной промысловыми сборами. Поэтому здесь вовсе не учтен оборот по казенной продаже питей, свободной от обложения. Но учет по этой весьма крупной статье торгового оборота страны всегда велся с исчерпывающей полнотой. И потому прибавить ее к другим элементам учтенного посреднического оборота нетрудно. Сделать это тем более важно, что поправка эта довольно заметно меняет всю динамику торговли. Без учета казенной продажи питей сумма посреднических оборотов возрастает с 1885 по 1913 г. на 204%, а с учетом — на 235%. Правда, часть этого прироста объясняется повышением цен за изучаемый период. Но в общем приходится все же отметить, что обороты росли значительно быстрее

Таблица 106

Ярмарочный оборот России *

Район	Обследование ЦСК, 1894 г.				Обследование Министерства финансов, 1904 г.			
	число ярмарок	оборот			число ярмарок	оборот по привозу		
		по привозу, млн. руб.	по продаже			млн. руб.	%	
			млн. руб.	% привоза			к гр. 3	к итогу
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Центральный	2052	202	175,5	86,8	2162	380	188,5	34,6
Восточный	2592	115	69,8	60,7	2758	200	174,0	18,2
Украинский	2200	100	54,0	54,0	2597	155	155,0	14,1
Южный	800	60	35,0	58,4	1071	100	166,9	9,1
Юго-Западный	963	12,4	6,7	54,0	1078	20	161,1	1,8
Средне-Земледельческий	2103	43	21,5	50,0	2308	65	161,0	5,9
Польский	1877	20,3	12,0	59,1	2000	33	162,5	3,0
Прибалтийский	1405	6	3,5	57,4	1484	10	166,9	0,9
Северный	362	8,5	4,6	54,2	378	14	164,5	1,3
Северо-Западный	1556	6	4,0	66,7	1661	11	183,3	1,0
Европейская Россия	15910	573,3	386,6	67,4	17497	988	172,0	89,9
Кавказский	143	14	4,5	32,2	196	20	142,9	1,8
Сибирский	501	31,5	18,0	57,2	629	50	158,5	4,6
Средне-Азиатский	89	18,5	12,2	66,0	130	40	216,5	3,7
Азиатская Россия	733	64,0	34,7	54,2	955	110	172,0	10,1
Всего	16643	637,2	421,3	66,1	18452	1098	172,0	100,0

* В. И. Денисов. Ярмарки. СПб., 1911, стр. 4—7 и «Отчетный ежегодник Нижегородской ярмарки 1922 г.» Нижегородского ярмарочного комитета, 1923, стр. 16—17.

торговой сети и персонала, занятого торговлей, ибо, в то время как торговая сеть удвоилась, обороты этой сети утроились.

В вышеприведенных итогах вовсе не учтены ярмарочные и базарные торговые обороты. В отношении ярмарочного оборота России у нас, правда, имеются некоторые весьма неполные данные. Анкеты ЦСК за 1894 г. и Министерства финансов за 1904 г. дали результаты, приведенные в табл. 106.

Но нужно иметь в виду, что весь ярмарочный оборот торговых фирм, выступавших на ярмарках, проводился в их основной отчетности и, стало быть, уже учтен в вышеприведенных итогах. А в той части, в которой на ярмарках, как и в базарной торговле, продавцами выступают не торговые посредники, а непосредственные производители, т. е. фабриканты, помещики, крестьяне и т. д., соответствующие обороты не подлежат включению в итоги оборотов *посреднической* торговли.

Динамика прибылей торговых заведений, поскольку ее можно определить на основании налоговой отчетности, дает картину, приведенную в табл. 107.

Наиболее условное значение имеют здесь прибыли торговцев IV и V разрядов, исчисленные нами нормативно, исходя из предположения, что в процентах к обороту они не могут быть *ниже* нормы прибыльности заведений III разряда, т. е. мелочных лавочек (около 10%). Весьма вероят-

Таблица 107

Прибыли торговых заведений России, подлежавших промысловому обложению (исчисление)

Год	Прибыли заведений, млн. руб.					% к обороту				
	подотчетных	неотчетных: оптовых и розничных I и II разряды	неотчетных: мелочных (III разряд)	неотчетных: ларьки развозные и разносные (IV и V разряды)	всего	подотчетных	неотчетных: оптовых и розничных (I и II разряды)	неотчетных: мелочных (III разряд)	неотчетных: ларьки развозные и разносные (IV и V разряды)	всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1885	1,5	149	55	10,7	216	5,0	5,3	10,0	10,0	6,2
1886	1,2	145	60	12,2	218	4,8	5,2	10,0	10,0	6,1
1887	1,4	152	59	12,2	225	4,7	4,5	10,0	10,0	5,5
1888	2,3	166	60	12,7	241	4,9	5,1	10,0	10,0	6,0
1889	2,0	167	61	13,5	244	4,8	5,3	10,0	10,0	6,2
1890	1,8	173	71	16,1	262	4,6	5,5	10,3	10,3	6,5
1891	1,9	175	73	17,1	267	5,0	5,7	10,1	10,1	6,7
1892	2,2	180	76	18,0	276	4,9	5,7	10,3	10,3	6,7
1893	3,6	203	82	21,6	310	4,9	6,0	10,6	10,6	7,0
1894	4,8	219	88	22,8	335	4,9	5,9	10,6	10,6	6,9
1895	4,9	235	96	26,2	362	4,9	6,0	10,5	10,5	7,0
1896	6,5	242	96	26,6	371	4,8	6,0	10,6	10,6	7,0
1897	6,8	255	99	27,3	388	4,9	6,1	10,6	10,6	7,0
1898	7,0	278	102	27,9	415	4,9	6,4	10,5	10,5	7,2
1899	9,1	303	133	39,7	485	5,1	5,7	9,2	10,0	6,6
1900	10,4	284	138	41,5	474	4,7	5,8	9,3	10,0	6,8
1901	11,6	289	143	44,6	488	5,0	5,9	9,0	10,0	6,8
1902	11,1	284	143	43,2	481	4,7	6,2	9,0	10,0	7,0
1903	10,6	300	151	45,7	507	4,3	6,6	8,9	10,0	7,3
1904	11,0	295	156	53,0	515	4,2	6,2	9,0	10,0	7,1
1905	10,8	308	164	47,9	531	3,9	6,3	9,0	10,0	7,1
1906	14,2	289	155	45,4	504	4,7	6,1	8,8	10,0	6,9
1907	14,1	300	156	45,7	516	4,1	6,3	8,7	10,0	7,0
1908	13,9	325	163	48,7	551	3,9	6,4	8,8	10,0	7,1
1909	16,7	332	173	52,3	574	4,5	6,6	8,9	10,0	7,3
1910	17,1	367	185	61,5	631	3,7	7,1	8,8	10,0	7,6
1911	18,8	394	195	58,1	666	3,4	6,5	8,8	10,0	7,0
1912	24,7	436	216	61,6	738	3,8	6,7	9,0	10,0	7,3
1913 г. в границах бывшей империи	33,3	461	229	65,0	788	4,3	6,7	8,9	10,0	7,3
СССР	27,3	393	174	53,7	648	4,2	6,6	8,7	9,8	7,1

но, что эта норма преуменьшена, ибо при среднем годовом обороте такого «заведения» не свыше 2400 руб. это дает едва 240 руб. годового заработка на каждого «предпринимателя» IV—V разрядов. По отношению к «вложенным» «капиталам» мелких торговцев такие «прибыли» могут составить огромные проценты, но средней оплаты трудовых затрат этих торговцев они, во всяком случае, окупить не могли бы.

Обороты и прибыли торговых заведений I—III разрядов учитывались налоговыми органами, но тоже весьма несовершенно. Наиболее точно они могли бы учитываться по наиболее крупным предприятиям, обязанным публичной отчетностью. Но как раз в отношении этих предприятий, где облагалась прибыль, а не оборот, налоговые органы интересовались только прибылью и потому получить для них точного соотношения между прибылью и оборотом не имели возможности. В отношении же остальных налоговые органы пользовались отчетными данными лишь в тех случаях, когда торговцы, оспаривая размер взыскиваемых с них налогов, представляли

Численность, обороты и прибыль неотчетных торговых заведений I—III разрядов, обложенных дополнительным сбором за 1912 г. по 73 губерниям *

	В городах и поселениях городского типа				В селениях				Всего			
	Разряд											
	I	II	III	I—III	I	II	III	I—III	I	II	III	I—III
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
А. В границах бывшей империи												
Число заведений, тыс.	4,65	74,1	183,1	261,8	0,27	54,2	243,1	297,6	4,92	128.3	426,2	559,4
Оборот общий, млн. руб.	3 368	3 190	1 214	7 772	55,3	826	848	1 729	3 423	4 016	2 062	9 501
Оборот на одно заведение, тыс. руб.	724	43,06	6,63	29,71	208,8	15,24	3,48	5,81	696	31,29	4,84	16,99
Прибыль общая, млн. руб.	126,2	236,3	109,5	472,0	2,83	60,3	76,5	139,6	129,0	296,6	186,0	611,6
Прибыль на одно заведение, руб.	27 150	3 190	598	1 804	10 680	1 113	315	469	22 205	2 311	437	1 094
Прибыль, % к обороту	3,75	7,42	9,01	6,08	5,12	7,30	9,02	8,09	3,77	7,39	9,02	6,44
Б. В границах СССР												
Число заведений, тыс.	3,72	59,1	133,0	195,8	0,17	49,0	189,3	238,5	3,89	108,1	322,3	434,3
Оборот общий, млн. руб.	2 900	2 728	946	6 574	47	758	683	1 488	2 947	3 486	1 629	8 062
Оборот на одно заведение, тыс. руб.	780	46,15	7,12	33,58	273,5	15,48	3,61	6,24	757	32,25	5,05	18,58
Прибыль общая, млн. руб.	109,8	196,9	82,3	389,0	2,03	54,6	59,0	115,6	111,8	251,5	141,3	504,6
Прибыль на одно заведение, руб.	29 540	3,33	619	1 988	11 800	1 114	312	485	28 750	2 324	439	1 163
Прибыль, % к обороту	3,79	7,21	8,70	5,92	4,32	7,21	8,64	8,28	3,80	7,21	8,68	6,27

* Около 20% учтенного здесь оборота падает на банкирские конторы и т. п. заведения, не входящие в понятие товарной торговли.

свои торговые книги добровольно. Но именно поэтому можно думать, что учтенные фиском размеры оборотов и прибылей, во всяком случае, не преувеличены. В противном случае их ведь не оставили бы без протеста заинтересованные в этом налогоплательщики.

О том, как менялись нормы оборота и прибыльности торговых заведений в зависимости от их разряда и местности, можно судить по данным, приведенным в табл. 108.

В табл. 108 не вошли наиболее крупные акционерные предприятия, обязанные публичной отчетностью, и наиболее мелкие, освобожденные от раскладочного сбора. Но основная масса заведений I—III разрядов здесь охвачена. Из этих данных легко убедиться, что, хотя по числу торговых единиц на долю деревни приходилось не менее 55% заведений I—III разрядов, по обороту на ее долю падало не свыше 33%, даже если не считать подотчетных предприятий, почти целиком сосредоточенных в городах. Средний оборот на одно заведение в городских торговых заведениях, конечно, был в несколько раз выше деревенской нормы. Но прибыльность в отношении к обороту тем выше, чем мельче заведение, и потому в селениях в среднем по всем трем разрядам она выше, чем в городах. По абсолютному же размеру на одно заведение для всех заведений III разряда она едва достигала, если можно верить этим данным, 440 руб. в год, падая для сельских лавочек до еще более низкой цифры — около 300 руб. в год.

Впрочем, насколько эти данные заслуживают доверия, можно будет увидеть ниже при сопоставлении их с современными.

Таблица 109

Основной капитал торговых заведений России, подлежавших промысловому обложению (в млн. руб.) (исчисление)

Год	Подотчетные	Неотчетные			Всего	
		оптовые и розничные (I и II разряды)	мелочные (III разряд)	ларьки, развозные и разносные (IV и V разряды)	млн. руб.	%
1	2	3	4	5	6	7
1885	11,4	403	45	4,0	463	100
1886	9,5	400	50	4,6	464	100
1887	10,9	481	49	4,6	545	118
1888	17,8	464	50	4,8	537	116
1889	15,8	452	51	5,1	524	113
1890	14,3	449	58	5,8	527	114
1891	13,8	439	60	6,4	519	112
1892	16,4	452	61	6,6	536	116
1893	26,5	483	64	7,6	581	125
1894	37,2	528	70	8,2	643	139
1895	37,5	560	76	9,5	683	147
1896	49,7	578	76	9,5	713	154
1897	49,7	598	79	9,7	736	159
1898	50,9	621	82	10,1	764	165
1899	65,1	767	121	14,7	968	209
1900	80,1	687	124	15,4	906	196
1901	83,2	682	133	15,6	914	197
1902	88,2	627	132	16,1	863	187
1903	88,2	609	141	17,2	855	185
1904	94,0	649	145	20,1	908	196
1905	97,3	689	152	17,3	956	206
1906	110,0	674	147	17,5	949	205
1907	122,0	669	149	17,5	958	207
1908	126,0	753	155	18,7	1 053	227
1909	129,1	674	163	19,9	986	213
1910	166,5	805	171	24,5	1 167	252
1911	202,4	884	184	21,3	1 292	279
1912	234,6	919	200	23,6	1 377	298
1913 г. в границах бывшей империи	283,9	961	214	25,2	1 484	321
СССР	239,0	829	169	21,2	1 258	—

В отношении капиталов, завязанных в посреднической торговле, мы располагаем еще менее достоверными данными. Учитывались они довольно точно лишь в группе подотчетных заведений. Для всех же остальных нам пришлось воспользоваться лишь коэффициентами оборачиваемости торговых капиталов в оптовой и розничной торговле, выведенных из практики подотчстных акционерных предприятий и потребительских обществ за 1900 г. Эти коэффициенты оборачиваемости довольно быстро возрастают с уменьшением абсолютных размеров торговли. Для наиболее крупных подотчетных предприятий с годовым оборотом около 2 млн. руб. мы получили всего около 2,8 оборота в год, для более мелких неотчетных заведений I и II разрядов число оборотов капитала повышается до 7 в год, для III разряда с оборотом около 10 тыс. руб. в год мы считали 12 оборотов, для IV—V разрядов — около 36 оборотов. По этой весьма грубой прикидке динамика торговых капиталов за исследуемый период выразится в цифрах, приведенных в табл. 109.

Средняя оборачиваемость всех торговых капиталов по приведенному расчету составит около 7,4 раза в год для предвоенных лет. В современной

Производительность труда в торговле

Год	Обороты, млн. руб.		Учтенный персонал, тыс.	Оборот на одного работника		Оптовый индекс (по Боброву)
	кредитных	товарных		товарных руб.	%	
1	2	3	4	5	6	7
1885	3 503	4 680	878	5 330	100,0	74,7
1886	3 534	4 760	957	4 971	93,3	74,3
1887	4 111	5 380	958	5 620	105,5	76,3
1888	4 025	5 020	975	5 148	96,6	80,3
1889	3 950	5 220	1 012	5 155	96,7	75,7
1890	4 033	5 630	1 077	5 230	98,2	71,7
1891	4 010	5 530	1 057	5 230	98,2	72,5
1892	4 110	5 700	1 066	5 345	100,3	72,1
1893	4 438	5 870	1 091	4 380	101,0	75,5
1894	4 854	6 940	1 152	6 022	113,1	70,1
1895	5 184	7 540	1 182	6 380	119,7	68,8
1896	5 332	7 670	1 204	6 370	119,6	69,5
1897	5 518	7 770	1 222	6 360	119,4	71,1
1898	5 737	7 660	1 249	6 140	115,3	74,8
1899	7 305	6 170	1 264	7 260	136,3	76,8
1900	6 995	8 600	1 271	6 760	126,9	81,3
1901	7 197	8 920	1 299	6 870	129,0	80,7
1902	6 883	8 740	1 307	6 690	125,6	78,3
1903	6 944	8 750	1 331	6 570	123,1	79,3
1904	7 264	8 700	1 336	6 510	122,0	83,6
1905	7 475	8 900	1 345	6 620	124,1	84,1
1906	7 279	7 800	1 317	5 927	111,2	93,5
1907	7 339	7 370	1 286	5 730	107,5	99,6
1908	7 813	8 300	1 334	6 222	116,6	94,2
1909	7 852	8 400	1 428	5 873	110,2	93,5
1910	8 347	8 510	1 512	5 630	105,0	98,1
1911	9 447	9 600	1 588	6 050	113,5	98,3
1912	10 160	10 300	1 661	6 200	116,2	98,8
1913 г. в границах бывшей империи	10 855	10 855	1 693	6 418	120,3	100,0
СССР	9 144	9 114	1 406	6 500	—	100,0

торговле СССР этот коэффициент по нашему исчислению для 1924/25 г. оказался значительно выше (11,1). Весьма возможно, однако, что он несколько выше был и в 1913 г., ибо это был год высокой конъюнктуры, в то время как 1900 г., по нормам которого мы исчисляли оборачиваемость торговых капиталов для всего довоенного периода, был годом кризиса, т. е. годом пониженной оборачиваемости капиталов.

Оборачиваемость торгового капитала не следует смешивать с оборачиваемостью товаров в торговле. Дело в том, что значительная доля товарных запасов, завязанных в торговле, приобретается в кредит и потому не учитывается в капитале владельцев торговых заведений. Так, если собственный капитал торговых заведений за 1924/25 г. обернулся примерно 11 раз в год, то товарная масса, завязанная в торговле, обернулась за тот же год всего 6,3 раза, в том числе в частной торговле высших трех разрядов — 7,6 раза. Для довоенных лет, при более низкой конъюнктуре и замедленном обороте капитала в 7—8 раз, товары оборачивались, стало быть, не более 5—6 раз в год. Но если даже исходить из шестикратного оборота товарной массы за год, то мы должны будем принять, что средние товарные запасы для 1913 г. в торговых каналах достигали не менее 1/6 от 11 754 млн., т. е. при-

мерно 1960 млн. руб. по всей бывшей империи, или около 1660 млн. руб. в границах СССР.

Это до известной степени объясняет, за счет каких ресурсов наша страна снабжалась в первые годы революции и гражданской войны при почти полной разрухе в области производства и прекращения легальной торговли.

Предложенный учет капиталов позволяет исчислить рентабельность торговли не только в отношении к обороту, но и к капиталу. Но сколько-нибудь надежной отчетной нормой здесь можно заручиться лишь по группе подотчетных предприятий. Так, за 1910 г. по 209 отчетным предприятиям с основным капиталом в 120 млн. руб. податная прибыль определилась в 16379 тыс. руб., или в 13,6%. В этом числе было 101 потребительное общество с основным капиталом в 7993 тыс. руб. и податной прибылью 1571 тыс. руб., или 19,7%, откуда явствует, что на долю остальных 108 предприятий с капиталом в 112 млн. руб. получилось прибыли 14808 тыс. руб., или 13,2%.

Но если от подотчетных перейти к остальным, то норма прибыльности сразу возрастает в огромной степени.

Так, для заведений I и II разрядов она за тот же 1910 г. определяется уже в 45,5% капитала, для заведений III разряда — в 108% и для торговцев IV и V разрядов — даже в 261%. Очевидно, что в более мелких частных предприятиях мы в торговой прибыли имеем дело не только с предпринимательской прибылью в настоящем смысле этого слова, но и с оплатой семейного труда самих торговцев и их членов семьи. И с этой точки зрения эти огромные нормы прибыльности сами по себе совсем не показательны.

Известный интерес представляет сопоставление торгового оборота с занятым в торговле персоналом. Если привести за весь изучаемый период размер оборота в одних и тех же ценах на единицу персонала, то можно будет с известной степенью точности судить о нагрузке работой этого персонала или, говоря иначе, о динамике производительности труда в торговле (табл. 110).

По сравнению с табл. 103 мы исключили здесь поправку на недоучет торговцев IV и V разрядов (гр. 4), не подлежащих патентному сбору, поскольку не учтен здесь оборот этих торговцев.

Как видно из данных табл. 110, норма оборота на одно лицо торгового персонала мало меняется за целые десятилетия. В годы подъема она, правда, заметно возрастает, в годы кризиса (1900 г. и следующие) снова падает. А в общем дает весьма небольшой подъем к концу периода, который, очевидно, приходится объяснить некоторой концентрацией оборота в более крупных оптовых и оптово-розничных магазинах.

2. О СУДЬБАХ ЧАСТНОГО ТОРГОВОГО КАПИТАЛА В СССР[1]

За годы нэпа у нас было довольно много разговоров и споров о размерах частнокапиталистического накопления в СССР. Назывались без достаточного обоснования довольно крупные суммы и делались на этом основании весьма ответственные заключения.

Вопрос этот, однако, заслуживает самого углубленного внимания. Да и материалов для вполне объективного его разрешения у нас накопилось уже немало. В распоряжении Госплана имеется, помимо общей отчетности, целый ряд специальных ведомственных обследований, произведенных за последний год в связи с интересующим нас вопросом. Необходимо лишь критически проанализировать все эти материалы и подвести им итоги.

В особенности большой и даже, можно сказать, совершенно исключительный интерес представляет для нас вопрос о судьбах частного капитала

[1] «Плановое хозяйство», 1926, № 9.

в области торговли. Здесь теснее всего переплетаются элементы нового социалистического и старого товарно-капиталистического хозяйства. По форме наша советская торговля радикально еще ничем не отличается от той дореволюционной торговли, которая доныне являлась единственным методом распределения благ во всем капиталистическом мире. Но и в нее уже постепенно проникают чужеродные этому миру начала планового регулирования цен и распределения товарных масс в соответствии с потребностью в них отдельных районов и групп населения. В области торговли частному капиталу у нас было предоставлено наиболее широкое поприще для соперничества с обобществленным сектором нашего хозяйства. Здесь он мог выявить все преимущества столь прославленной идеологами мелкой буржуазии «частной инициативы» и «частного интереса» в противовес общественной инициативе и общественным интересам советского строя. Здесь частный капитал дал нам свой «последний и решительный», арьергардный бой. Кто же кого бьет в этом бою и почему?

Это проблема далеко не академической дискуссии, ибо здесь дело идет о жизни и смерти социальных классов и укладов.

Каковы же шансы социализма и капитализма на этом фронте классовой борьбы в СССР?

За время так называемого военного коммунизма, когда вся торговля у нас была частью упразднена, частью загнана в подполье, мы имеем меньше всего сведений о ее размерах и эволюции. В этот период советское государство в лице своих заградительных отрядов вело прямую борьбу с оружием в руках против олицетворяющего частную торговлю мешочника. И теперь это уже ни для кого не секрет — мешочник в этой борьбе вооружен был такой силой, перед которой оказались совершенно недостаточными методы *военного* коммунизма. Мешочник вооружил лозунгами «свободной торговли» даже форты Кронштадта. И хотя форты пали перед знаменами военного коммунизма, но вместе с ними поколеблена была до основания и наша вера в целесообразность дальнейшего применения военных методов в этой области. На их место провозглашены были начала *новой* экономической политики, и свободная торговля стала основной предпосылкой этой политики.

Как же развертывалась частная торговля с провозглашением нэпа?

а) Торговая сеть

О первых шагах ее развития мы, к сожалению, не имеем пока достаточно полных сведений[1]. Сколько-нибудь полные и достоверные данные о размерах частной торговли мы имеем по данным патентной статистики лишь начиная со второй половины 1922 г., т. е. с того времени, как она уже в достаточной степени сорганизовалась и окрепла после своего выхода из подполья. Дальнейшее развертывание нашей торговой сети видно из данных табл. 111.

Картина получается чрезвычайно поучительная. Прежде всего бросаются в глаза чисто сезонные колебания числа выбранных патентов. Летом их выбирается больше, в зимний сезон — меньше. Особенно резко это сокращение выявилось за январь—март 1923 г., ибо в другие годы имеем дело с шестимесячным зимним периодом, т. е. захватываем и осень, на которую падает сезонная торговля фруктами, и т. п. Нетрудно, однако, заметить, что эти сезонные колебания захватывают только торговцев первых двух разрядов, т. е. торговцев с лотков и всякого рода ларьков и летних киосков.

Но гораздо важнее другое обстоятельство: это — последовательное почти за весь период сокращение частной торговой сети за счет расширения

---

[1] Ц. Крон. О частной торговле 1921/22 г., вып. 1, изд. «На новых путях». М., 1923.

Таблица 111

Динамика торговой сети СССР, по данным о выборке торговых патентов в городах и селениях *

Сектор и период торговли	Разряд торговых заведений					Итог		В том числе бесплатный патент	Число возвращенных патентов
	I	II	III	IV	V	абс.	%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Государственный									
Июль — декабрь 1922 г.	303	469	3 331	1 919	1 188	7 210	100	Не было	Нет сведений
Январь — март 1923 г.	19	355	3 646	2 799	1 561	8 380	116	» »	» »
Апрель — сентябрь 1923 г.	368	1 128	5 100	4 145	3 001	13 742	191		
Октябрь — март 1923/24 г.	1 714	902	6 568	4 662	3 693	17 539	243		
Апрель — сентябрь 1924 г.	2 313	1 755	7 612	5 740	4 336	21 756	302	798	876
Октябрь — март 1924/25 г.	3 709	3 355	9 625	6 920	5 064	28 673	398	1 677	586
Апрель — сентябрь 1925 г.	756	3 150	10 233	8 694	5 801	28 634	397	2 918	813
Октябрь — март 1925/26 г.	377	3 022	11 196	11 872	7 123	33 590	466	3 985	Нет сведений
Апрель — сентябрь 1926 г.	691	3 814	11 977	23 848	8 071	48 401	671	4 649	» »
II. Кооперативный									
Июль — декабрь 1922 г.	2 349	1 632	16 765	2 451	479	23 676	100	Не было	» »
Январь — март 1923 г.	73	1 551	22 488	2 951	649	27 712	117	» »	» »
Апрель — сентябрь 1923 г.	221	1 957	26 448	4 146	1 373	34 145	144	» »	» »
Октябрь — март 1923/24 г.	247	3 112	26 466	4 450	1 403	35 678	151	» »	» »
Апрель — сентябрь 1924 г.	974	6 363	48 732	6 627	2 167	64 863	274	31 100	1 494
Октябрь — март 12924/25 г.	1 087	10 446	68 979	9 416	3 109	93 037	393	44 598	3 055
Апрель — сентябрь 1925 г.	1 867	12 055	80 791	11 967	3 855	110 535	467	48 188	2 782
Октябрь — март 1925/26 г.	842	10 155	82 716	16 192	5 176	115 081	486	44 810	Нет сведений
Апрель — сентябрь 1926 г.	984	9 732	92 200	19 457	6 134	128 507	543	55 039	» »

Таблица 111 (продолжение)

Сектор и период торговли	Разряд торговых заведений					Итого		В том числе бесплатный патент	Число возвращенных патентов
	I	II	III	IV	V	абс.	%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
III. Частный									
Июль — декабрь 1922 г.	142 541	277 731	94 046	11 197	1 786	537 301	100	Не было	Нет сведений
Январь — март 1923 г.	71 191	216 582	113 435	10 549	1 897	413 654	78	» »	» »
Апрель — сентябрь 1923 г.	123 110	256 575	133 965	15 201	3 537	532 388	101	» »	» »
Октябрь — март 1923/24 г.	74 080	217 419	119 764	11 906	2 231	425 400	81	» »	» »
Апрель — сентябрь 1924 г.	89 342	217 703	128 671	13 309	2 263	451 288	86	16 496	56 065
Октябрь — март 1924/25 г.	95 577	210 830	104 410	9 504	1 804	422 125	80	21 431	40 515
Апрель — сентябрь 1925 г.	117 053	233 490	109 472	10 941	2 210	473 166	90	30 296	30 275
Октябрь — март 1925/26 г.	118 476	298 792	139 223	16 725	3 909	572 125	109	37 740	Нет сведений
Апрель — сентябрь 1926 г.	158 441	291 951	155 155	19 009	4 088	628 644	119	64 443	» »
I—III. Вся торговля									
Июль — декабрь 1922 г.	145 193	279 832	114 142	15 567	3 453	558 187	100	Не было	» »
Январь — март 1923 г.	71 283	218 488	139 569	16 299	4 107	449 746	81	» »	» »
Апрель — сентябрь 1923 г.	123 699	259 660	165 513	23 492	7 911	580 275	104	» »	» »
Октябрь — март 1923/24 г.	76 041	221 433	152 798	21 018	7 327	478 617	86	» »	» »
Апрель — сентябрь 1924 г.	92 629	225 820	185 015	25 676	8 766	537 906	96	48 394	58 455
Октябрь — март 1924/25 г.	100 373	224 631	183 014	25 840	9 977	543 835	97	67 706	44 155
Апрель — сентябрь 1925 г.	119 676	248 695	200 496	31 602	11 866	612 335	110	81 402	33 870
Октябрь — март 1925/26 г.	119 695	306 969	233 135	44 789	16 208	720 796	129	86 535	Нет сведений
Апрель — сентябрь 1926 г.	160 116	305 497	259 332	62 314	18 293	805 552	114	124 131	» »

* Составлено по данным НКФ с поправками на пропуски территории по данным соседних лет и включением бесплатных патентов (ср. «Государственные и местные налоги и доходы за 1922/23 бюджетный год», изд. НКФ, 1924 и «Статистика государственных налогов и пошлин за 1923/24 бюджетный год», М., 1926). Данные за октябрь — март 1925/26 г. предварительные, за апрель — сентябрь 1926 г. отчетные данные имелись только по 61 губ. (без Украины и некоторых других районов, по остальным районам число патентов получено путем экстраполяции по проценту роста в учтенных районах. Данные о числе патентов I разряда в государственной и кооперативной торговле не вполне соответствуют числу торговых единиц, ибо за последний год выборка патентов на отдельных торговцев для них заменена выборкой личных промысловых свидетельств. Данные о числе частных торговых заведений III разряда за 1925/26 г. преувеличены за счет некоторого числа комиссионеров, обязанных с этого года выборкой вместо промысловых свидетельств — патентов III разряда.

сети государственной и кооперативной торговли. Только за два последних полугодия мы наблюдаем, напряду с общим ростом торговой сети, довольно крупное возрастание числа частных торговцев — за год на целых 33%. Этот скачок в развертывании общей и частновладельческой торговой сети соответствует еще большему скачку — за 1924/25 г. процентов на 60, за 1925/26 г.— процентов на 40 в росте нашей индустриальной продукции. Столь крупное увеличение товарной массы в стране, в условиях еще далеко не насыщенного платежеспособного спроса населения, создало чрезвычайно благоприятную конъюнктуру для торговли вообще, а для частного торговца в особенности. Ведь его розничные торговые накидки не регулировались никакими наркомторговскими лимитами. И частная торговля в полной мере использовала это весьма для нее выгодное обстоятельство.

И все же, если оглянуться на общие результаты развертывания торговой сети с конца 1922 г., то в общем итоге за четыре с лишним года мы имеем увеличение частной торговой сети всего на 19%, в то время как государственная сеть возросла на целых 570%, а кооперативная — на 443%.

Это — факт, достойный внимания.

В 1912 г. на территории нынешнего Союза ССР было выбрано, включая полугодовые патенты в пересчете на годовые, всего 954 тыс. торговых патентов. Причем по разрядам, применительно к нынешней номенклатуре, это число распадалось следующим образом (в тыс.):

Разряды	1912 г.	1926 г.	%
I — разносный и развозный торг	23,6	160,1	678
II — ларьки, киоски	289,0	305,5	105
III — мелочной торг	484,7	259,3	53
IV — магазины	148,7	62,3	42
V— оптовая торговля и пр.	8,3	18,2	219
Итого по I—V разрядам . . .	954,3	805,4	84,4
То же, по II—V разрядам . . .	930,7	645,3	69,3

Нынешняя классификация не вполне совпадает с прежней. Поэтому по отдельным разрядам приведенные цифры не сравнимы. Кроме того, надо иметь в виду, что до войны в области развозно-разносного торга от выборки патентов освобождалось огромное большинство видов торговли. Но если сравнить общее число патентов по остальным четырем разрядам, то можно заключить, что нынешняя сеть к середине 1926 г. еще не достигла и 70% довоенной.

Конечно, в городах эта сеть достигла большего развития, чем в селениях. Но, к сожалению, современное понятие города с включением поселений городского типа не соответствует подразделениям довоенной патентной статистики. А потому привлечь для сравнения с нынешими довоенные данные по городам и селениям мы не можем. Что же касается развертывания торговой сети в городах и селениях за последние годы, то оно шло следующим темпом (табл. 112).

В городах торговая сеть за изучаемый период не только не росла, а даже несколько сократилась. Причем, это сокращение шло главным образом за счет укрупнения торговых заведений. Заметное сокращение коснулось лишь наиболее мелких частных торговцев I и II разрядов. Но зато государственная и кооперативная сеть сильно расширилась. Что же касается сельской торговли, то здесь за все 4 года мы наблюдаем расширение торговой сети по всем секторам. Это объясняется, конечно, тем, что покупательная способность деревни все эти годы заметно возрастала, и мелкий торговец получил возможность достаточного сбыта даже в тех сравнительно небольших селениях, где 3—4 года назад он ни в коем случае не смог бы прокормиться. В селениях даже частная торговая сеть выросла за 4 года почти втрое. Но кооперативная сеть выросла там же за то же время

Таблица 112

Сельская и городская торговая сеть СССР, по данным о выборке патентов

Сектор и период торговли	Городская сеть				Сельская сеть			
	разряды		итого		разряды		итого	
	I—II	III—V	абс.	%	I—II	III—V	абс.	%
1	2	3	4	5	5	6	8	9
I. Государственный								
Июль — декабрь 1922 г.	657	5 868	6 525	100	115	570	685	100
Январь — март 1923 г.	267	6 908	7 175	110	107	1 098	1 205	176
Апрель — сентябрь 1923 г.	1 400	10 461	11 861	182	96	1 785	1 881	275
Октябрь — март 1923/24 г.	2 395	12 239	14 634	224	221	2 684	2 905	421
Апрель — сентябрь 1924 г.	3 803	14 943	48 746	290	265	2 745	3 010	439
Октябрь — март 1924/25 г.	6 751	18 363	25 114	385	313	3 246	3 559	520
Апрель — сентябрь 1925 г.	3 252	20 522	23 774	364	654	4 206	4 860	710
Октябрь — март 1925/26 г.	2 865	22 451	25 316	388	534	7 740	8 274	1 210
Апрель — сентябрь 1926 г.	3 479	24 316	27 795	426	1 026	19 580	20 606	3 010
II. Кооперативный								
Июль — декабрь 1922 г.	1 759	12 210	13 969	100	2 222	7 485	9 707	100
Январь — март 1923 г.	638	10 064	10 702	77	986	16 024	17 010	175
Апрель — сентябрь 1923 г.	818	11 962	12 780	92	1 360	20 005	21 365	220
Октябрь — март 1923/24 г.	1 169	12 164	13 333	95	2 190	20 155	22 345	225
Апрель — сентябрь 1924 г.	3 130	20 449	23 579	169	4 206	37 077	41 283	425
Октябрь — март 1924/25 г.	5 190	27 477	32 667	234	6 343	54 027	60 370	621
Апрель — сентябрь 1925 г.	7 273	30 339	37 612	269	6 649	66 274	72 923	750
Октябрь — март 1925/26 г.	5 428	30 591	36 019	258	5 569	73 493	79 062	816
Апрель — сентябрь 1926 г.	5 443	31 609	37 052	265	5 273	86 182	91 455	943
III. Частный								
Июль — декабрь 1922 г.	343 716	91 544	435 260	100	76 556	15 485	91 041	100
Январь — март 1923 г.	214 710	100 598	315 308	72	73 063	25 283	98 346	107
Апрель — сентябрь 1923 г.	276 248	120 216	396 464	91	103 437	32 487	135 924	148
Октябрь — март 1923/24 г.	209 236	106 626	315 862	73	82 263	27 275	109 538	118
Апрель — сентябрь 1924 г.	221 864	113 715	335 579	77	85 181	30 528	115 709	126
Октябрь — март 1924/25 г.	204 851	88 505	293 356	67	101 556	27 213	128 769	140
Апрель — сентябрь 1925 г.	229 947	87 780	317 727	73	120 596	34 843	155 439	169
Октябрь — март 1925/26 г.	241 325	104 481	345 806	79	170 943	55 376	226 319	246
Апрель — сентябрь 1926 г.	249 901	110 014	359 915	83	200 490	68 239	268 729	292
I—III. Вся торговля								
Июль — декабрь 1922 г.	346 132	109 622	455 754	100	78 893	23 540	102 433	100
Январь — март 1923 г.	215 615	117 570	333 185	73	74 156	42 405	116 561	114
Апрель—сентябрь 1923 г.	278 466	142 639	421 105	93	104 893	54 277	159 170	155
Октябрь—март 1923/24 г.	212 800	131 029	343 829	75	84 674	50 114	134 788	130
Апрель—сентябрь 1924 г.	228 797	149 107	377 904	83	89 652	70 350	160 002	157
Октябрь—март 1924/25 г.	216 792	134 345	351 137	77	108 212	84 486	192 698	188
Апрель — сентябрь 1925 г.	240 472	138 641	379 113	83	127 899	105 323	233 222	238
Октябрь—март 1925/26 г.	249 618	157 523	407 141	89	177 046	136 609	313 655	306
Апрель — сентябрь 1926 г.	258 823	165 939	424 762	93	206 789	174 001	380 790	373

в 9 раз, а государственная — даже в 30. А это значит, что частный торговец завоевывал себе твердые позиции только там, где он не встречал конкуренции со стороны кооперации или государственной торговли, т. е., говоря иначе, частная торговля в деревне росла только в сторону совершенно незаполненной пустоты.

С этой точки зрения ее рост, разумеется, можно лишь приветствовать. Но, конечно, с насыщением тех совершенно необслуженных торговой сетью

сельских районов, которых с каждым годом остается все меньше, дальнейшее ее расширение по линии частной торговли исключено. Что же касается кооперативной сети, то она и в тех районах, где уже имеется частный торговец, способна расширяться как в полной пустоте. И это вполне естественно. Кооперативные цены процентов на 10 ниже, чем у частника. И это не случайно. Конкуренция с кооперацией на селе, при существующей системе налоговых льгот первичной сети кооперативов, для мелкого частного торговца — даже при всей его изворотливости — совершенно непосильна. Для крупной же частной торговли на селе и вообще не может быть достаточно простора.

Однако данные о динамике торговой сети без освещения изменений в размерах оборотов этой сети еще недостаточно показательны. И мы должны обратиться к изучению динамики оборотов.

б) Торговые обороты

Первый вопрос, который здесь возникает,— это вопрос о достоверности тех данных, которыми мы располагаем. Несомненно, и число торговых заведений, охватываемое патентной статистикой, далеко от стопроцентной полноты и точности. В области мелкой ручной уличной торговли ускользает от органов фиска, вероятно, не один десяток тысяч плательщиков. Но уже киоск, лавочку, магазин никуда не спрячешь. И здесь точность учета можно считать вполне удовлетворительной[1]. Гораздо хуже обстоит дело с учетом торговых оборотов. Здесь, при отсутствии надлежащей отчетности, все данные базируются на голословном показании плательщика и опытности фининспектора, который, на основании ряда внешних и далеко не достоверных признаков, вносит свои поправки в показания плательщика.

Насколько отличаются показания плательщиков о величине оборота от исправленных налоговыми органами исчислений торгового оборота, можно видеть из данных табл. 113.

Как видно, размер поправок, какие приходится вносить налоговой инспекции в показания частного торговца, весьма изряден. В особенности по наиболее мелким заведениям, где реже всего встречается заслуживающая доверия документальная отчетность. Но характерно то, что с каждым годом размер этих поправок сокращается. Число заведений, ведущих правильную отчетность, увеличивается. А пользуясь нормами оборотов по этим заведениям, налоговой инспекции нетрудно проверять правдоподобность показаний и по всем остальным. Да и сами торговцы, убеждаясь в бесплодности слишком резких уклонений от истины, с каждым годом сообщают все более точные сведения. Так, если исходить из коэффициентов табл. 113, то в среднем по II—V разрядам для всей городской частной торговли СССР мы получили бы такой рост точности показаний торговцев об их оборотах: за первое полугодие 1923/24 г. эта точность не превышает в среднем 43,7%, за второе — повышается до 54,2, за следующее — до 65 и за последнее — достигает 72,6%.

Конечно, и с поправками налоговой инспекции имеющиеся у нас исчисления частного товарооборота нельзя считать вполне точными. Но за отсутствием других, более точных, они все же заслуживают внимания. Для разрешения поставленной нами задачи не годятся исчисления НКТорга, которые суммируют обороты торговцев с оборотами производителей. Интересуясь выявлением торгового капитала, мы должны иметь дело только с торговыми заведениями. Для исчисления оборотов частной

---

[1] Менее удовлетворительно у НКФ распределение патентов по срокам их выборки и периодам торговли; в этом отношении иной раз данные о выборке патентов и обложении уравнительным сбором дают очень значительные расхождения.

Таблица 113

Средние обороты частных торговых заведений в Киеве и Харькове
(на одно заведение) *

Разряд	1923/24 г.						1924/25 г.					
	первое полугодие			второе полугодие			первое полугодие			второе полугодие		
	оборот, тыс. червонных руб.			оборот, тыс. червонных руб.			оборот, тыс. червонных руб.			оборот, тыс. червонных руб.		
	обложенный	показанный	% гр. 3 к гр. 2	обложенный	показанный	% гр. 6 к гр. 5	обложенный	показанный	% гр. 9 к гр. 8	обложенный	показанный	% гр. 12 к гр. 11
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
II	8,3	2,8	33	8,1	2,9	36	7,0	3,4	48	7,0	4,1	59
III	20,0	7,3	36	16,8	8,3	49	15,5	8,9	57	16,6	10,2	61
IV	89,4	41,6	46	83,5	51,6	62	86,8	66,0	76	100,6	83,6	83
V	228,0	215,9	75	325,2	278,0	85	301,6	292,8	97	395,0	394,2	100

* За первое полугодие 1923/24 г. обследовано 175 заведений, за остальные периоды —389 заведений. («Частная торговля по материалам экспедиционного обследования в Харькове и Киеве», НКФ УССР, Харьков, 1926).

торговли за последние 4 года мы пользуемся нижеследующим приемом. Число заведений нам известно за большее число лет, чем сумма обложенных оборотов. За 1922/23 г. при падающей валюте обороты вообще не поддавались сколько-нибудь точному учету. А за 1925/26 г. мы еще не имеем отчетных данных о сумме оборотов. Поэтому мы получили сумму оборотов за эти годы умножением полного числа заведений каждого разряда на средний оборот заведений соответствующего разряда за *ближайший отчетный период,* по которому имеются такие данные. Кроме того, мы учитываем и обороты торговцев I разряда. По данным специального обследования НКТорга, он достигал в частной городской торговле 1220 руб. и в сельской — 1040 руб. на один патент за год. Наконец, мы принимаем к учету и число бесплатных патентов, предоставляемых по действующему законодательству инвалидам войны и некоторым другим категориям торговых заведений.

В результате всех этих исчислений получается динамика, приведенная в табл. 114.

Конечно, приведенное исчисление не гарантирует большой точности абсолютных величин, но для характеристики изменений в размерах частных оборотов от года к году оно в достаточной мере показательно.

Как видно, в городах торговый оборот частника за первые 2 года после 1922/23 г. довольно резко падал и даже в деревне расширялся довольно скромно. Но зато в 1925/26 г. под влиянием чрезвычайно благоприятной для частника конъюнктуры, мы наблюдаем в полном соответствии с вышеуказанным расширением торговой сети довольно рёзкий скачок вверх оборотов.

Однако абсолютный прирост оборотов частной торговли сам по себе, без сопоставления с оборотами государственной и кооперативной торговли, еще мало говорит. Кроме того, поскольку нас интересуют судьбы частного капитала, мы ни в коем случае не должны возводить в ранг опасных нам капиталистов тех наиболее мелких торговцев с лотков или из ларьков и киосков, которые едва ли оправдывают своей торговой выручкой даже полную оплату своего труда. Мы думаем, что и добрая половина торговцев мелочной торговли III разряда лишь с очень большой натяжкой может быть отнесена к разряду *капиталистической* торговли. Но, во избежание

Динамика оборотов частной торговли
(в млн. червонных руб.)

Год	Разряд торговых заведений					Всего		В том числе по бесплатным патентам II—V разрядов
	I	II	III	IV	V	млн. червонных руб.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. В городах								
1922/23	105,0	1 030,8	1 721,8	931,0	833,7	4 622,3	100,0	—
1923/24	71,9	844,4	1 769,3	863,6	729,7	4 278,9	92,5	31,4
1924/25	86,6	663,5	1 391,1	510,8	512,4	3 164,4	68,5	109,8
1925/26	101,4	692,5	1 629,8	771,1	993,6	4 188,4	90,6	146,6
Б. В селениях								
1922/23	30,1	189,8	261,6	35,5	25,6	542,6	100,0	—
1923/24	24,2	189,6	287,7	39,0	13,8	554,3	102,0	7,4
1924/25	36,8	208,6	278,3	51,3	32,8	607,8	112,1	21,0
1925/26	57,6	357,2	539,6	128,9	78,8	1 162,1	214,1	29,9
В. Всего								
1922/23	135,1	1 220,6	1 983,4	966,5	859,3	5 164,9	100,0	—
1923/24	96,1	1 034,0	2 057,0	902,6	743,5	4 833,2	93,6	38,8
1924/25	123,4	872,1	1 669,4	562,1	545,2	3 772,3	73,1	130,8
1925/26	159,0	1 049,7	2 169,4	900,0	1 072,4	5 350,5	103,6	176,5

излишних споров, отнесем условно все частные торговые заведения III разряда к категории извлекающих прибавочную стоимость, т. е. капиталистических по своей природе. Тогда динамика удельного веса капиталистического сектора в общем торговом обороте представится нам за последние 4 года в следующем виде (табл. 115).

Обороты государственной и кооперативной торговли учитываются у нас с достаточной точностью и полнотой в текущей отчетности хозорганов и кооперативных центров. Поэтому нам не было здесь нужды прибегать к менее достоверным данным налоговой статистики. Тем более что последняя до сих пор данных об оборотах синдикатов, торгов, а также верхних звеньев кооперативной сети еще ни разу надлежащим образом не разрабатывала. Но за 1922/23 г. полной отчетности хозорганов и кооперации у нас не было, и потому их полные обороты за этот год исчислены нами по динамике учтенной части их оборотов, исходя из числа выбранных патентов и среднего годового оборота на один патент каждого разряда. За 1925/26 г. мы воспользовались частью отчетными данными хозорганов и кооперации за первые кварталы этого года, частью данными о динамике выбранных патентов за первое и второе полугодия. По сравнению с исчислением контрольных цифр Госплана наш расчет, произведенный иным методом [1] и с учетом более поздних отчетных данных за второе полугодие,

[1] «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г.» М., 1926, стр. 373. Мы оцениваем частный оборот по числу всех выбранных патентов и средним оборотам заведений каждого разряда, а в «Контрольных цифрах» использованы готовые данные налоговой отчетности об общей сумме *обложенных* оборотов торговцев II—V разрядов. Поэтому наши итоги должны превышать итоги НКФ. И за 1923/24 г. они действительно превышают их даже в большей мере, чем это объяснимо необлагаемыми оборотами по бесплатным патентам и т. п., но за 1924/25 г. итоги НКФ даже несколько больше наших, что объясняется уже указанным выше расхождением данных НКФ о числе выбранных платных патентов с данными об обложении их уравнительным сбором.

Таблица 115

Динамика торговых оборотов по социальным секторам народного хозяйства СССР

Год	Сектор: социалистический: государственный, млн. червонных руб.	кооперативный млн. червонных руб.	Итого: млн. червонных руб.	%	капиталистический: млн. червонных руб.	%	простой товарный: млн. червонных руб.	%	Всего
1	2	3	4	5	6	8	8	9	10
А. В городах									
1922/23	2 497	1 147	3 644	44	3 486	42	1 136	14	8 266
1923/24	2 934	1 997	4 931	54	3 363	36	916	10	9 210
1924/25	4 692	3 676	8 368	73	2 414	21	750	6	11 532
1925/26	7 202	6 824	14 026	77	3 395	19	794	4	18 215
Б. В селениях									
1922/23	43	403	446	45	323	33	220	22	989
1923/24	91	753	844	60	340	25	214	15	1 398
1924/25	163	1 461	1 624	73	362	16	245	11	2 231
1925/26	558	2 076	2 634	69	747	20	415	11	3 796
В. Всего									
1922/23	2 540	1 550	4 090	44	3 809	41	1 356	15	9 255
1923/24	3 025	2 750	5 775	54	3 703	35	1 130	11	10 608
1924/25	4 855	5 137	9 992	73	2 776	20	995	7	13 763
1925/26	7 760	8 900	16 660	76	4 142	19	1 209	5	22 011

дает несколько иные абсолютные цифры, но тем не менее целиком подтверждает все ту же общую картину.

Картина эта показывает непрерывное падение удельного веса частно-капиталистических оборотов в общем их итоге. Даже 1925/26 г., столь благоприятный для частной торговли, не вносит существенных поправок в эту картину. Правда, в сельской торговле частный капитал за этот год несколько усилил свое значение, но в городах и в общем итоге по всей стране мы видим дальнейшее падение процента оборотов частного капитала.

Наши расчеты не претендуют на слишком большую точность. Весьма возможно, что в итоги последнего года придется со временем внести еще некоторые поправки. Но едва ли они смогут поколебать наши выводы. Частный сектор потерял за 3 года около 10% из 15% в мелкой и до 22% из 41% в капиталистической торговле, а социалистический, выиграв эти 32%, почти удвоил свой вес в общем итоге и обнимает уже не менее $^3/_4$ всего посреднического оборота.

в) Торговые капиталы

Переходя к оценке капиталов, занятых в торговле, мы попадаем уже в область, гораздо менее изученную. Однако в конце 1925 г. по заданию Госплана СССР, в связи с проблемой тяжести обложения частного капитала, было произведено аппаратом НКФ экспедиционное обследование частной торговли в семи крупных торговых центрах, которое позволяет сделать целый ряд хотя бы приблизительных исчислений в данной области. Обследовано было НКФ свыше 900 торговых заведений II—V разрядов.

Но, к сожалению, почти по всем вопросам имеются пробелы в отдельных анкетах. К тому же и методология разработки совсем не продумана. Поэтому, например, волей-неволей приходится сопоставлять, скажем, средние обороты, исчисленные по одному числу заведений, со средними капиталами или товарными запасами, подсчитанными для другого числа заведений. В результате коэффициенты средней оборачиваемости товаров, капиталов и т. п. получаются иной раз весьма ненадежные.

Правда, некоторые из этих коэффициентов можно до известной степени скорректировать данными другого аналогичного выборочного обследования, законченного в начале 1926 г. НКТоргом. Но нужно иметь в виду, что хотя это последнее охватило в общем свыше 2,5 тыс. торговых заведений, но поскольку оно обнимало главным образом сельскую сеть и заведения мелких уездных городов — с наименее достоверной отчетностью, то дефектных в том или ином отношении анкет в нем оказалось еще больше, чем у НКФ, и наиболее важные для нас коэффициенты оборачиваемости капитала, прибыльности и т. п. выведены всего на основании 200—300 показаний на всю страну.

Тем не менее если нескольких тысяч бюджетов достаточно для освещения всего крестьянского хозяйства с его 22 млн. дворов, то на 500—600 тыс. частных торговых заведений можно удовлетвориться и значительно меньшим числом выборочно обследованных единиц, лишь бы эта выборка дала достаточно типичное представительство целого и в разработке материала не было допущено грубых методологических промахов. Конечно, первые опыты таких обследований не могут претендовать на полную безукоризненность в указанных отношениях. Но кое-что они все же дают.

Так, если воспользоваться коэффициентами оборачиваемости товаров и собственных капиталов частной торговли по обследованию НКФ и распространить их на весь учтенный нами оборот в табл. 114, то получим динамику этих величин за последние 4 года (табл. 116).

Распространяя коэффициенты, характерные для наиболее крупных городских центров, на всю частную торговлю, городскую и сельскую, мы, конечно, делаем известную ошибку. А именно, торговые обороты заведений, обследованных НКФ, значительно выше средней нормы, и, значит, оборачиваемость товаров и капиталов в этих заведениях должна быть *ниже* средней. Но именно благодаря этому мы можем с уверенностью утверждать, что исчисленный нами здесь размер частных капиталов скорее преувеличен, чем преуменьшен. И все же общая сумма средств капиталистической торговли даже к концу особенно удачного для этой торговли 1925/26 г. не превышает 338 млн. руб., а все накопление этих капиталов по сравнению с предыдущим годом выражается суммой в 113 млн. руб.

Как далеки эти цифры от тех, которыми нас еще недавно пугали некоторые слишком неуравновешенные представители оппозиции. У страха глаза велики. Но все же, когда нас стращают наступлением частного капитала на наши социалистические позиции и называют такие цифры, как 1200 млн. частного капитала или 400 млн. торгового накопления за год, то нам становится скорее весело, чем жутко.

В одном оппозиционном документе фигурировало и такое исчисление «сверхприбыли торгового капитала», по которому она за 1924/25 г. определялась в 500 млн., а за 1925/26 г.— даже в целый миллиард рублей чистоганом. Если бы это была правда и СССР действительно представлял такое золотое дно для частного капитала, то, конечно, у нас давно уж отбоя не было бы от предложений своих услуг со стороны иностранного капитала. Иностранные аргонавты капитала, как известно, отнюдь не спешат к нам, однако в поисках за золотым руном в таком количестве, чтобы лишить работников нашего Концессионного комитета необходимого им сна и отдыха.

Таблица 116

Динамика собственных капиталов и торговых запасов частной торговли к концу года (в млн. руб.)

Год	Разряд I	Разряд II	Разряд III	Разряд IV	Разряд V	Разряд I—II	Разряд III—IV	Всего млн. руб.	Всего %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Капитал									
1922/23	3,17	29,80	156,6	72,6	78,8	33,0	308,0	341,0	100
1923/24	2,25	25,27	162,6	67,7	68,2	27,5	298,5	326,0	96
1924/25	2,89	21,31	132,0	42,2	50,0	24,2	224,2	248,4	73
1925/26	3,73	25,61	171,6	67,5	98,4	29,3	337,5	366,8	108
Товар									
1922/23	3,38	31,75	182,3	96,7	106,5	35,1	385,5	420,6	100
1923/24	2,40	26,89	189,1	90,3	92,2	29,3	371,6	400,9	95
1924/25	3,08	22,68	153,5	56,2	67,6	25,8	277,3	303,1	72
1925/26	3,97	27,29	199,5	90,0	132,9	31,3	422,4	453,7	108
Товар, % к обороту *	2,5	2,6	9,2	10,0	12,4	2,6	10,1	8,2	—
Капитал, % к товарам *	(94)	94	86	75	74	94	81	80	—

* Коэффициенты V разряда исправлены по обследованию НКТорга; для I разряда приняты нормы II разряда.

Низкая цифра собственного частного капитала в торговле, полученная нами выше, соответствует средней его оборачиваемости по III—V разрядам около 12 раз в год, а по всем пяти разрядам на круг она доходит до 18 раз за год. Товары, получаемые частью в кредит, превышают размеры собственных капиталов, а потому их оборачиваемость несколько ниже. Но все же для III—V разрядов она достигает около 10 раз, а по всем разрядам — даже 12 раз в год. Обследование НКТорга в части оборачиваемости товаров дает по 198 городским заведениям 14,7 оборота в год, и по 235 сельским — 13,4 оборота в год, т. е. более высокие нормы, чем приведенные в табл. 116. Но если ограничиться только теми заведениями, по которым НКТоргу удалось собрать подробные балансы, то оборачиваемость товаров и капиталов в этих заведениях получается значительно ниже.

Таких балансов в нашем распоряжении имеется по городским заведениям 165 и по сельским — 118, а всего 283. Цифра очень скромная по отношению ко всем 450 примерно тысячам частных торговцев, которые подлежат изучению. Однако если разбить их по разрядам городской и сельской торговли и взвесить по сумме оборота каждого из этих разрядов для всей страны, то исчисленный таким образом сводный баланс будет во многих отношениях весьма показательным и поучительным документом. Проделав такую сводку для городской и сельской торговли в отдельности, мы здесь приведем только общую сводку для городов и селений (табл. 117).

В приведенном сводном балансе свои капиталы в заведениях III—V разрядов определились в 228 млн. червонных руб., т. е. всего на 4 млн. больше, чем в табл. 116. Совпадение для столь грубых расчетов, как наши, чрезвычайно близкое. Но для мелкой торговли I—II разрядов капиталы

Таблица 117

Сводный баланс частной торговли СССР к концу 1924/25 г.
(исчисление)

Статья баланса	Разряд торговых заведений							Всего	
	I	II	I—II	III	IV	V	III—V	абс.	на 1000 руб. оборота
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число заведений, тыс.	106,3	222,2	328,5	106,9	10,2	2,0	119,1	447,6	—
Занятый персонал, тыс. чел.	106,3	248,7	355,0	180,6	32,8	14,9	228,3	583,3	—
Оборот по продаже, млн. руб.	123,4	872,1	995,5	1 669,4	562,1	545,2	2 776,7	3 772,2	1000
Актив, тыс. руб.									
Имущество недвижимое	—	4 250	4 250	5 890	440	510	6 840	11 090	2,9
» движимое	1760	4 870	6 630	7 270	940	1 430	9 640	16 270	4,3
Касса	1070	14 650	15 720	24 320	4 130	2 800	31 250	46 970	12,5
Текущие счета	—	1 000	1 000	1 080	1 070	5 700	7 850	8 850	2,4
Ценные бумаги	140	690	830	5 500	1 234	350	7 084	7 914	2,1
Товары и материалы	5840	74 576	80 416	216 820	81 550	66 524	364 894	445 310	118,0
Дебиторы									
Подотчетные суммы	—	—	—	1 290	3 944	9 093	14 327	14 327	3,8
Госорганы	350	—	350	1 310	262	929	2 501	2 851	0,8
Кооперативные союзы	—	—	—	160	510	690	1 360	1 360	0,4
Первичные кооперативы	—	—	—	320	5 209	1 366	6 895	6 895	1,8
Промышленные предприятия	—	—	—	—	1 020	28	1 048	1 048	0,3
Частные фирмы	—	—	—	2 410	6 690	10 100	19 200	19 200	5,1
Отделения и агентства	—	—	—	1 250	—	13	1 263	1 263	0,3
Служащие и рабочие	—	1 540	1 540	1 380	494	348	2 222	3 762	1,0
Частные лица	940	8 730	9 670	16 810	4 974	9 540	31 324	40 994	10,9
Векселя к получению	—	—	—	830	2 400	2 530	5 760	5 760	1,5
» к протесту	—	—	—	140	100	—	240	240	0,1
Итого	1 290	10 270	11 560	25 900	25 603	34 637	86 140	97 700	26,0

Таблица 117 (продолжение)

Статья баланса	Разряд торговых заведений							Всего	
	I	II	I—II	III	IV	V	III—IV	абс.	на 1000 руб. оборота
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Прочие активы	—	7 574	7 574	19 960	5 735	2 823	28 518	36 092	9,6
Всего по активу	10 100	117 880	127 980	306 740	120 702	114 774	542 216	670 196	177,8
Пассив, тыс. руб.									
Паевой капитал	—	500	500	34 440	31 110	25 540	91 090	91 590	24,3
Основной и пр.	5 500	66 490	71 990	104 570	14 290	17 650	136 510	208 500	55,3
Итого	5 500	66 990	72 490	139 010	45 400	43 190	227 600	300 090	79,6
Кредиторы									
Займы у Госбанка	—	4 310	4 310	2 780	820	3 814	7 414	11 724	3,1
» » Промбанка	—	—	—	700	—	3 460	4 160	4 160	1,1
» » обществ взаимного кредита	—	720	720	5 350	1 880	912	8 142	8 862	2,4
» у прочих учреждений и лиц	—	440	440	14 380	5 380	6 500	26 260	26 700	7,1
Подотчетные суммы	—	—	—	970	—	—	970	970	0,3
Госорганы	140	3 820	3 960	16 950	11 150	2 206	30 306	34 266	9,1
Кооперативные союзы	—	—	—	960	430	592	1 982	1 982	0,5
Первичные кооперативы	210	120	330	800	250	470	1 520	1 850	0,5
Частные фирмы	820	3 690	4 510	29 310	9 520	10 060	48 890	53 400	14,1
Отдельные лица	1 060	9 100	10 160	10 780	5 642	4 060	20 482	30 642	8,1
Векселя к платежу	—	2 090	2 090	23 080	13 620	25 660	62 360	64 450	17,1
Итого	2 230	24 290	26 520	106 060	48 692	57 734	212 486	239 006	63,4
Прочие пассивы	—	1 732	1 732	4 780	3 880	6 790	15 450	17 182	4,6
Прибыли	2 370	24 868	27 238	56 890	22 730	7 060	86 680	113 918	30,2
Всего по пассиву	10 100	117 880	127 980	306 740	120 702	114 774	542 216	670 196	177,8
Кредиторы минус дебиторы	940	14 020	14 960	80 160	23 089	23 097	126 346	141 306	37,4

по балансам оказались значительно больше, чем по коэффициентам оборачиваемости (см. табл. 116). Впрочем, это не очень удивительно. Балансовая отчетность в мелких предприятиях I—II разрядов — вещь, вообще говоря, чрезвычайно редкая и малонадежная. Если наличный «капитал» подсчитать здесь нетрудно, то годовой оборот получить без тенденциозного преуменьшения гораздо труднее. В табл. 117 для этих разрядов оборачиваемость и капиталов, и товаров во всяком случае сильно преуменьшена, чем и объясняется вышеуказанное преувеличение капитала.

Товарные запасы частной торговли по балансам представляются нам тоже несколько преувеличенными. Объясняется это, вероятно, естественным отбором учтенных в этой сводке заведений. Балансами располагали только более крупные заведения. А в более крупных заведениях оборачиваемость товаров ниже средней, т. е. товары в отношении оборота составляют более высокий процент.

Замечательно, что сумма прибылей по нашей сводке составляет за 1924/25 г. по III—V разрядам всего 86,7 млн., а по всем пяти разрядам — не свыше 114 млн. руб., т. е. даже несколько меньше общего накопления, учтенного по табл. 116 (118 млн. руб.). Мы не знаем в точности, какая «прибыль» показана в балансах, собранных НКТоргом,— та ли, какая исчисляется для обложения, т. е. только за вычетом торговых расходов, или из нее сделаны уже вычеты и на оплату семейного труда торговцев, и, таким образом, она представляет собою чистую предпринимательскую прибыль, годную для накопления. Но, во всяком случае, даже если верно последнее, как это следует из постановки вопроса в обследовании, то мы получаем накопление далеко не того масштаба, каким нас недавно запугивали весьма просвещенные экономисты.

Весьма большой интерес для оценки нашей сводки представляет собою статья «Займы у Госбанка», так как ее можно сопоставить с отчетными данными Госбанка о задолженности ему частной торговли. Балансы, сведенные в табл. 117, относятся к промежутку времени между 1 июля — 1 октября 1925 г. По отчетности Госбанка на 1 июля он кредитовал частную торговлю на 11140 тыс. руб., по нашей сводке эта сумма дает 11,7 млн. руб. Совпадение достаточно удовлетворительное. К сожалению, по другим кредитным учреждениям отчетность не позволяет выделить для сравнения с нашими данными соответствующих итогов.

Заслуживает внимания факт, что помимо собственных капиталов в частной торговле завязано свыше 141 млн. руб. заемных средств, в том числе около 15 млн. у торговцев I—II разрядов и свыше 126 млн. в заведениях III—V разрядов. По отношению к собственному капиталу заемные средства достигают, стало быть, в частной торговле не менее 47%, из которых у государства позаимствовано в виде наличных средств или по товарному кредиту, не считая учета векселей, свыше 47 млн. руб. Это немалая сумма. И уже в этом кредите социалистическое государство располагает достаточно солидным рычагом регулирования частнокапиталистического товарооборота. Суживая или расширяя этот кредит, мы можем по своему произволу в очень значительных масштабах суживать или расширять общие итоги оборотов частной торговли, ибо каждый наш рубль оборачивается в этом обороте раз 10 в год, если не больше.

Рентабельность частной торговли, согласно нашему сводному балансу, по отношению к обороту достигает всего 3%. Но по отношению к собственному капиталу она повышается до 38% годовых. Норма очень почтенная. Однако прежде чем делать какие-либо выводы на этом основании, обратимся для сравнения к балансам кооперативной и государственной торговли.

По кооперативной торговле мы располагаем регулярной отчетностью, а потому предлагаемый ниже свободный баланс отражает собою действительное состояние этой торговли с несравненно большей достоверностью,

Таблица 118

Сводный баланс кооперативной торговли СССР на 1 октября 1924 г. (в млн. руб.) *

Статья баланса	Потребительская кооперация: центры и союзы	Потребительская кооперация: низовая сеть	Потребительская кооперация: итого	Сельскохозяйственная кооперация: центры и союзы	Сельскохозяйственная кооперация: низовая сеть	Сельскохозяйственная кооперация: итого включая кредитные общества	Сельскохозяйственная кооперация: итого без кредитных обществ	Всего по гр. 4 и 8
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Оборот по продаже . . .	1 575	2 330	3 905	546	684	1 230	1 230	5 135
Актив								
Имущество	51,8	68,3	120,1	26,9	91,0	117,9	117,3	237,4
Паи и ценные бумаги	24,0	16,0	40,0	14,6	8,2	22,8	20,5	60,5
Касса и текущие счета	22,1	32,3	54,4	14,8	18,7	33,5	17,3	71,7
Товары и материалы . .	215,1	299,0	514,1	125,5	105,4	230,9	229,4	743,5
Дебиторы	357,2	127,6	484,8	232,2	177,1	409,3	240,4	725,2
Прочие активы	11,3	3,9	15,2	12,9	—	12,9	7,0	22,2
Убытки	—	—	—	2,3	—	2,3	2,3	2,3
Итого . .	681,5	547,1	1 228,6	429,2	400,4	829,6	634,2	1 862,9
Пассив								
Капиталы паев и пр. . .	134,4	118,3	252,7	68,4	91,5	159,9	111,3	364,0
Кредиторы	541,3	391,5	932,8	360,8	303,1	663,8	520,0	1452,8
Прочие пассивы	—	—	—	—	2,9	2,9	2,9	2,9
Прибыли	5,8	37,3	43,1	—	2,9	2,9	—	43,1
Итого . .	681,5	547,1	1 228,6	429,2	400,4	829,6	634,2	1862,8
Кредиторы минус дебиторы	184,1	263,9	448,0	128,6	126,0	254,6	279,6	727,6

* «Сводный баланс системы сельского кредита СССР на 1.X 1925 г.». М., изд. ЦСХбанка, 1925. За отсутствием сводки по всему СССР мы воспользовались сводным балансом сельскохозяйственной кооперации по РСФСР и экстраполировали его по обороту на всю страну.

чем это можно сделать для частной торговли. Однако и в этой отчетности имеются все же известные пробелы, которые приходится восполнять путем исчислений (табл. 118).

В приведенных данных отсутствует промысловая кооперация, хотя в своих верхних звеньях она занимается торговопосредническими операциями. Но зато из оборотов потребительской и сельскохозяйственной кооперации мы не пытались выделить *производственные* операции связанных с нею мелких предприятий. В общем, однако, *торговый* оборот кооперации, если иметь в виду все ее отрасли, нами отнюдь здесь не преувеличен. Что же касается баланса сельскохозяйственной кооперации, то мы все же сочли необходимым по возможности очистить его не только от некоторых внутренних расчетов, но и от всех операций чисто кредитного характера — по всем обществам сельскохозяйственного кредита. Это значительно понизило абсолютные итоги обязательств кооперации по торговым ее операциям. И все же на каждую сотню рублей собственных средств мы насчитываем здесь целых 200 руб. заемных (сальдо задолженности). Частная торговля, по данным табл. 117, в этом отношении значительно сильнее вооружена собственными средствами. В ней на каждую сотню собствен-

Сводный баланс государственной торговли СССР на 1 октября 1925 г. (в млн. руб.) *

Статья баланса	Синдикаты (16)	Торги (62)	Акционерные общества (9)	Прочая государственная торговля	Вся государственная торговля
1	2	3	4	5	6
Оборот по продаже	1573,4	798,5	737,8	1745,3	4855,0
Актив					
1. Имущество	49,8	14,2	18,3	31,0	113,3
2. Паи и акции	28,9	3,3	15,0	8,1	54,4
3. Денежные средства	84,4	19,6	46,8	42,8	193,6
4. Товары и материалы	280,9	136,1	281,3	297,5	995,8
5. Дебиторы и векселя	564,9	162,0	300,6	354,1	1381,6
6. Прочие активы	10,1	—	6,0	—	16,1
Всего	1019,0	335,2	668,0	732,6	2754,8
Пассив					
1. «Капиталы»	210,2	59,8	128,5	130,7	529,8
2. Фонды	13,7	6,7	12,1	14,6	47,1
Итого (по 1—2)	223,9	66,5	140,6	145,3	576,3
3. Кредиторы	783,5	257,9	491,1	563,8	2096,2
4. Прочие пассивы	3,5	—	8,4	—	11,9
5. Прибыль	8,1	10,8	27,9	23,8	70,4
Всего	1019,0	335,2	668,0	732,6	2754,8
Кредиторы минус дебиторы	218,6	95,9	190,5	209,6	714,6

* По синдикатам, 60 торгам из 62 и большинству крупнейших остальных госорганов использованы отчетные данные; поправка на отсутствующие балансы внесена по обороту.

ного капитала чужие средства едва ли достигают 47 руб., т. е. в 4 раза меньше, чем у кооперации.

Эта огромная задолженность кооперации является следствием колоссального роста ее оборотов. Оборотной стороной медали является, однако, низкая рентабельность кооперативной торговли. Она вынуждена выплачивать за кредит огромные проценты. Правда, государство ничего не теряет, получая эти проценты в виде прибылей своих банков, но вечно стесненная в оборотных средствах кооперация не может их расширить и за счет прибылей, ибо они почти целиком поглощаются уплатой банковских процентов. Насколько эти платежи велики, можно судить из следующего расчета. За кредит в 732 млн., считая вместе со всякими комиссионными процентов до 8, кооперация в 1924/25 г. должна была уплатить за год не менее 59 млн. руб. Если бы она работала своим капиталом, то это повысило бы ее рентабельность с 41 млн. до 100 млн. руб., т. е. более чем вдвое.

Правда, и в этом случае она наживала бы с каждого рубля оборота немного меньше, чем частный торговец. Но нужно еще учесть, что кооперативные цены в рознице ниже частных, в среднем минимум процентов на 8, и, стало быть, помимо указанных 100 млн., кооперация сэкономила еще потребителю за тот же год не менее $(2330 + 684) \cdot 0{,}08 = 240$ млн. руб. Эту экономию нельзя игнорировать. Вместе же с ней кооперация дала стране, помимо прямых услуг в области распределения, целых 340 млн. руб. экономии, в то время как частная торговля не дала ей в этом отношении

Таблица 120

Сводный баланс посреднической торговли СССР на 1 октября 1925 г.

Статья баланса	Сектор социалистический: государственный, млн. червонных руб.	Сектор социалистический: кооперативный, млн. червонных руб.	Сектор социалистический: итого, млн. червонных руб.	Сектор социалистический: итого, %	Сектор капиталистический: млн. червонных руб.	Сектор капиталистический: %	Сектор простой товарный: млн. червонных руб.	Сектор простой товарный: %	Всего млн. червонных руб.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оборот по продаже	4 855	5 135	9 990	72,5	2 777	20,2	995	7,3	13 762
Актив									
Имущество	113,3	237,4	350,7	92,7	16,5	4,4	10,9	2,9	378,1
Ценные бумаги	54,4	60,5	114,9	93,6	7,1	5,8	0,8	0,6	122,8
Касса и текущие счета	193,6	71,7	265,3	82,6	39,1	12,2	16,7	5,2	321,1
Товары и материалы	995,8	743,5	1739,3	79,6	364,9	16,7	80,4	3,7	2184,6
Дебиторы и векселя	1381,6	725,2	2106,8	95,6	86,1	3,9	11,6	0,5	2204,5
Прочие активы	16,1	22,2	38,3	51,5	28,5	38,3	7,6	10,2	74,4
Баланс	2754,8	1860,5	4615,3	87,3	542,2	10,3	128,0	2,4	5285,5
Пассив									
Капиталы и фонды	576,3	364,0	940,3	75,8	227,6	18,3	72,5	5,9	1240,4
Кредиторы и векселя	2096,2	1452,8	3549,0	93,7	212,5	5,6	26,5	0,7	3788,0
Прочие пассивы	11,9	2,9	14,8	46,5	15,4	48,2	1,7	5,3	31,9
Прибыль	70,4	40,8	111,2	49,4	86,7	38,5	27,3	12,1	225,2
Баланс	2754,8	1860,5	4615,3	87,3	542,2	10,3	128,0	2,4	5285,5
Кредиторы минус дебиторы	714,6	727,6	1442,2	91,1	126,3	8,0	15,0	0,9	1583,5
Свои и заемные средства	1361,3	1132,4	2493,7	81,8	440,6	14,5	114,8	3,7	3049,1

ничего, ибо все, что нажил частный торговец, составляет только его собственную *частную* выгоду.

Этот факт уже кое-что говорит о грядущих судьбах частной торговли в нашей стране. Частный торговец обладает всеми преимуществами частной инициативы, очень изворотлив, расчетлив, трудолюбив и т. д. А наша кооперация еще очень плохо организована, далеко еще не изжила мертвящего бюрократизма, поражает некультурностью своего низового аппарата, глубоко страдает от массовых растрат и хищений. И все же частный торговец, выручая от продажи товаров с каждого рубля свои 3 коп., кладет их себе в карман, а кооперация экономит на каждом рубле оборота около 6,6 коп., т. е. в 2,2 раза больше, и предоставляет всю эту экономию целиком — в лице трудящихся масс и органов избранной ими советской власти — всей стране.

Какая из этих двух систем при таких условиях должна победить, решить нетрудно.

Баланс государственной торговли, по имеющимся у нас данным, может быть выражен в цифрах, приведенных в табл. 119.

Как видно, задолженность государственной торговли тоже значительно выше, чем у частника. Поэтому показанная по балансу рентабельность

ее — около 1,5% к обороту — без учета затрат государственной торговли на платежи банкам за кредит не вполне сравнима с данными о частной торговле. Но по отношению к собственному капиталу в 576 млн. руб. чистую прибыль в 70,4 млн. руб., т. е. 12,2%, не приходится считать слишком низкой. А если учесть, что в госрознице, как и в кооперативной торговле, продажные цены товаров были минимум процентов на 8 ниже, чем в частной торговле, и что экономия потребителя на этом за 1924/25 г. должна оцениваться не менее 108 млн. руб., то в общем получим и вовсе приличную норму рентабельности. Сводный баланс всех видов торговли дает такое соотношение в «капиталах» и обязательствах отдельных социальных секторов (табл. 120).

Как видно, если по оборотам доля капиталистического сектора к октябрю 1925 г. составляла не свыше 20%, то по состоянию капитальных фондов она еще меньше.

г) Торговые расходы

Пользуясь данными выборочного обследования НКФ и распространяя исчисленные им процентные нормы торговых и всяких иных издержек на весь оборот страны, мы получаем для частной торговли следующую картину (табл. 121).

Нормы издержек, приведенные в табл. 121, исчислены по отчетности торговых заведений крупных столичных и областных центров. Мы не можем их считать, без достаточной проверки, характерными для всей страны. Несомненно, целый ряд указанных расходов, например водопроводы, канализация и т. п., быть может, вовсе даже отсутствует в мелких городах и сельской торговле, но их место занимают какие-либо другие, не предусмотренные в приведенном списке, например водовозы, хищение товаров, безнадежные долги и т. п. А в общем и целом картина получается все же весьма правдоподобная. Например, накопление торговцев III—V разрядов, по данным табл. 117, определилось в 86,7 млн. руб., а здесь мы получили 85 млн., причем в обоих исчислениях это накопление составляет около 3% оборота и 38% капитала. А между тем НКФ и НКТорг, на коэффициентах которых построены эти расчеты, шли совершенно различными путями в своих обследованиях, охватили совершенно различный круг торговых пунктов и заведений и отнюдь не подозревали даже возможности таких совпадений в некоторых итогах этих обследований, какие мы здесь отмечаем.

О чем же говорит табл. 121?

Прежде всего заслуживает внимания закономерность, с которой растет процент торговой накидки от высших разрядов торговли к низшим. В III разряде он достигает 43% себестоимости товаров и даже в среднем не падает ниже 33,5. Но не мешает отметить, что за счет «накопления» из них можно объяснить не более 3,7%, а за счет налогов, падающих на торговца,— по меньшей мере, 8,2%, т. е. вдвое большую долю. А если к налогам прибавить еще и так называемые налогообразные платежи, взимаемые с торговца и за квартиру, и за коммунальные услуги, и за обучение детей по действующему прогрессивно-подоходному «классовому» тарифу, эта цифра возросла бы и выше, по нашей грубой прикидке, по крайней мере, на 1,5%.

Общая сумма налогов и сборов, падающих на частную торговлю, по приведенному расчету, превышает 220 млн. руб., а если сюда еще прибавить миллионов 40 налогообразных платежей, то общая сумма их достигнет 260 млн. А это составляет от оборота по продажным ценам 7,1%, от оборота по себестоимости — 9,7, от валовой накидки — 27,2 и по отношению к чистому накоплению — 265%. Слишком удивляться при таких условиях высокому уровню торговых накидок или упрекать наши органы

Таблица 121

Торговые расходы, потребление и накопление в частной торговле СССР за 1924/25 г. по обследованию НКФ

Статья расходов	Разряд торговых заведений: II абс.	II %	III	IV	V	III—V абс.	III—V %	Всего абс.	Всего %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оборот по себестоимости, млн. руб.	645,3	—	1168,5	431,7	447,1	2047,3	—	2692,6	—
Оборот по продаже, млн. руб.	872,1	1000	1169,4	562,1	545,2	2776,7	1000	3648,8	1000
Валовая накидка, млн. руб.	226,8	260,0	500,9	130,4	98,1	729,4	262,2	256,2	262,1
То же, % в себестоимости	35,2	—	42,9	30,2	22,0	35,6	—	35,5	—
Торговые расходы, тыс. руб.									
Аренда помещений	23 580	27,0	51 720	11 815	6 000	69 535	25,1	93 115	25,5
Содержание служащих	—	—	66 800	11 815	7 625	86 240	31,1	86 240	23,7
Страхование	—	—	11 520	2 080	1 417	15 017	5,4	15 017	4,1
Транспорт	10 470	12,0	14 350	10 175	11 450	35 975	13,0	46 445	12,7
Отопление помещений	2 012	2,3	4 835	671	329	5 835	2,1	7 847	2,1
Охрана	4 182	4,8	6 505	1 067	436	8 008	2,9	12 190	3,3
Коммунальные услуги	3 144	3,6	13 530	2 025	766	16 321	5,9	19 465	5,3
Базарный комитет	5 500	6,3	5 680	1 354	542	7 576	2,7	13 076	3,6
Кредитные расходы, %	14 760	16,9	16 190	3 985	2 722	22 907	8,3	37 667	10,3
Патентный сбор (основной)	3 580	4,1	8 182	2 246	1 415	11 843	4,3	15 423	4,2
Патентный сбор за личные занятия, склад	1 565	1,8	1 668	506	383	2 557	0,9	4 122	1,1
Уравнительный сбор	25 300	29,0	50 080	14 610	9 810	74 500	26,8	99 800	27,4
Налог со строений	1 302	1,5	4 005	793	329	5 127	1,8	6 429	1,7
Гербовый сбор	789	0,9	3 000	1 232	1 956	6 188	2,2	6 977	1,9
Добровольные и принудительные сборы	2 092	2,4	3 335	793	978	5 106	1,8	7 198	2,0
Комиссионные, реклама, тара и пр.	6 022	6,9	18 200	7 310	13 190	38 700	13,9	44 722	12,3
Итого	104 298	119,5	279 600	72 487	59 348	411 435	148,2	515 733	141,2
В том числе налогов и сборов	34 628	39,7	70 270	20 180	14 871	105 321	37,8	139 949	38,3
Торговая прибыль, тыс. руб.	122 500	140,2	21 300	57 950	38 700	317 950	114,6	440 450	120,6
Подоходный налог, тыс. руб	8 420	9,7	27 200	11 360	11 460	50 020	18,0	58 440	16,0
То же, % к торговой прибыли	6,9	—	12,3	19,6	29,6	15,7	—	13,3	—
Личные расходы, тыс. руб.									
Содержание	55 420	63,4	79 250	17 800	10 490	107 540	38,8	162 960	44,7
Квартирная плата	18 350	21,0	26 340	4 752	2 032	33 124	11,9	51 474	14,1
Целевой квартирный налог	3 696	4,2	6 681	2 154	1 149	9 084	3,6	13 680	3,8
Водопровод	3 472	4,0	4 585	781	319	5 685	2,0	9 157	2,5
Канализация	2 354	2,7	2 570	484	160	3 214	1,2	5 568	1,5
Освещение	2 250	2,6	2 963	561	223	3 747	1,4	5 997	1,6
Плата за обучение детей	11 410	13,1	11 470	2 023	734	14 227	5,1	25 637	7,0
Прочие сборы	3 868	4,4	3 720	1 243	457	5 720	2,0	9 288	2,5
Итого	100 820	115,4	137 579	29 798	15 564	182 941	66,0	283 761	77,7

Статья расходов	Разряд торговых заведений							Всего	
	II		III	IV	V	III—V		абс.	%
	абс.	%				абс.	%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
То же, на одно заведение, руб.	454	—	1 236	4 920	7 782	1 533	—	830	—
Накопление, тыс. руб . .	13 260	15,1	56 521	16 792	11 676	84 989	30,6	98 249	26,9
То же, % оборота по продаже	1,51	—	3,33	2,99	2,14	3,06	—	2,69	—
То же, % своих капиталов по табл. 116. .	62,2	—	42,8	39,8	23,4	37,9	—	40,0	

фиска в огульном налоговом послаблении частному торговцу, как это иной раз делают некоторые из наших оппозиционеров, едва ли правильно.

Иначе обстоит дело в отношении наиболее крупных торговцев IV и V разрядов. Здесь, по-видимому, еще есть возможность некоторого пересмотра действующих норм в сторону повышения. Но и здесь рассчитывать на что-либо значительное, по-видимому, не приходится.

Правда, если исходить из цифр валовой торговой прибыли, какая определилась по табл. 121 за 1924/25 г. в огромной цифре 440 млн. руб., то налоговую платежеспособность частной торговли можно было бы оценивать чрезвычайно высоко. В этот соблазн у нас уже, правду сказать, и впадали некоторые неосторожные люди. Но не следует забывать, что частная торговля эксплуатирует главным образом свой собственный семейный труд, прибегая к наемному лишь в отдельных наиболее крупных предприятиях. Поэтому в цифре 440 млн., помимо предпринимательской прибыли, содержится и очень изрядная сумма заработной платы членов семьи торговца. Чтобы определить ее, мы пользуемся следующим приемом. Нам известно среднее число работников на каждое заведение, по данным ЦСУ, и средние нормы заработка торговых служащих[1]. Частный торговец не соблюдает 8-часового рабочего дня, дней отдыха и т. п. Поэтому его оплата труда могла бы быть несколько выше, чем у наемного персонала. Тем не менее мы считаем возможным семейный труд торговцев оценить на круг по 648 руб. в год, т. е. по нормам оплаты кооперативной торговли за 1924/25 г. По этим нормам, с надбавкой 17,4% на соцстрах и прочие начисления, мы учли оплату всего труда, занятого в частной торговле, и за вычетом отсюда оплаты наемного труда по табл. 121 получили оплату семейного персонала частной торговли. Итоги этого расчета даны в табл. 122.

Как видим, первые два разряда, несмотря на огромную накидку, принятую нами для первого разряда в 60%, не выручают полностью даже нормальной зарплаты. И если у них все же наблюдается некоторое накопление, то оно становится возможным лишь за счет сокращения личного потребления. Другое дело, в более крупной торговле. Здесь предпринимательская прибыль достигает довольно значительных размеров, а потребление отнюдь не ограничивается масштабами нормальной оплаты труда. Совсем напротив, торговцы III—V разрядов проедают сверх нормального заработка около 95 млн. руб., и все же у них остается для накопления еще около 85 млн. руб.

Но и здесь ресурсы торговцев III разряда в достаточной мере напряжены. Если же иметь в виду только торговцев IV и V разрядов, то все их

[1] «Материалы по статистике ЦК профсоюза советских и торговых служащих СССР». М., 1926, стр. 9.

Таблица 122

Рентабельность и обложение частной торговли СССР, по данным 1924/25 г. (исчисление)

Показатель	Разряд торговых заведений							Итого
	I	II	III	IV	V	I—II	III—V	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Торговый персонал, тыс. чел.	106,3	248,7	180,6	32,8	14,9	355,0	228,3	583,3
2. Число заведений	106,3	222,2	106,9	10,2	2,0	328,5	119,1	447,6
3. Валовой оборот, млн. руб.	123	872	1669	562	545	995	2776	3771
4. Валовая выручка (накидка)								
общая млн. руб.	(46,2)	226,8	500,9	130,4	98,1	273,0	729,4	1002,2
на одно заведение за год, руб.	434	1002	4730	12 800	49 000	833	6120	2240
5. Рабочая сила, млн. руб.								
наемная (включая начисления)	—	—	78,3	13,9	9,0	—	101,2	101,2
семейная	80,9	189,3	59,1	11,1	2,4	270,2	72,6	342,8
Итого	80,9	189,3	137,4	25,0	11,4	270,2	173,8	444,0
6. Торговые расходы, млн. руб.								
налоги и сборы	11,4	34,6	70,3	20,2	14,8	46,0	105,3	151,3
прочие расходы, без рабсилы	5,7	69,7	131,0	38,4	35,5	75,4	204,9	280,3
Итого	17,1	104,3	201,3	58,6	50,3	121,4	310,2	431,6
7. Предпринимательская прибыль или убыток								
общая млн. руб.	—51,8	—66,8	+162,2	+46,8	+36,4	—118,6	+245,4	+126,8
средняя на одно заведение, руб.	—487	—300	+1520	+4580	+18 200	—361	+2060	+283
8. Личные расходы, без налогов								
за счет оплаты труда млн. руб.	23,4	93,2	59,1	11,1	2,4	116,6	72,6	189,2
» » предпринимательской прибыли, млн. руб.	—	—	68,1	15,3	11,6	—	95,0	95,0
Итого	23,4	93,2	127,2	26,4	14,0	116,6	167,6	284,2
средняя на одно заведение, руб.	220	420	1190	2585	7000	356	1405	634
9. Налоги и сборы, млн. руб.								
подоходный	2,0	8,4	27,2	11,3	11,5	10,4	50,0	60,4
квартирный и пр.	(1,4)	7,6	10,4	3,4	1,6	9,0	15,4	24,4
Итого	3,4	16,0	37,6	14,7	13,1	19,4	65,4	84,8
10. Накопление								
за счет платы труда, млн. руб	2,3	13,3	—	—	—	15,6	—	15,6
» » прибылей, млн. руб.	—	—	56,5	16,8	11,7	—	85,0	85,0
Итого	2,3	13,3	56,5	16,8	11,7	15,6	85,0	100,6
средняя на одно заведение, руб.	21	60	528	1645	5850	48	712	225
11. Общая сумма налогов, млн. руб.	14,8	50,6	107,9	34,9	27,9	65,4	170,7	236,1
То же, % к валовой выручке	32,0	22,3	21,2	26,7	28,4	23,9	23,4	23,6

накопление не достигает и 30 млн., и если бы мы путем дополнительного обложения изъяли из них даже до 50%, это не дало бы нам и 15 млн. руб.

Конечно, весьма возможно, что приведенные расчеты далеко не полностью учитывают прибыли частной торговли. В частности, есть основание

думать, что табл. 121 дает нам несколько преувеличенный расчет торговых расходов частной торговли.

По обследованию НКТорга они значительно ниже и в среднем для всех разрядов сельской и уездной торговли не превышают 8% оборота. Но, вопервых, обследование НКТорга не включает вовсе транспортных расходов и некоторых других. Затем, в нем почти вчетверо ниже показаны расходы по оплате наемного труда. И это вполне понятно: в селах и даже в мелких уездных городах наемный труд в частной торговле почти не применяется. Преуменьшенными в наркомторговских данных представляются нам и данные о подоходном обложении, что тоже весьма естественно. Охваченный этим обследованием круг предприятий совершенно не включает в себя наиболее крупных единиц, сосредоточенных в столицах и областных центрах, которые при прогрессивности подоходного налога дают наиболее высокие нормы обложения. Что же касается всех остальных налогов, то по обоим обследованиям они определялись одним и тем же процентом от оборота (3,8).

Вернее всего, однако, что даже внесение некоторых поправок в коэффициенты табл. 121 не изменило бы существенно наших выводов.

Центральный интерес для нашей проблемы представляет сопоставление торговых расходов частной торговли с соответствующими данными по государственной и кооперативной торговле. Сводя все имеющиеся, к сожалению, далеко не полные данные о торговых издержках в обобществленной торговле и распространяя их на весь учтенный товарооборот этого сектора, мы получаем табл. 123.

Таблица 123

Торговые расходы в государственной и кооперативной торговле в 1924/25 г.

Статья расхода	Государственная				Кооперативная			
	синдикаты		торги и пр.		центры и союзы		низовая сеть	
	млн. червонных руб.	‰	млн. червонных руб.	‰	млн. червонных руб.	‰	млн. червонных руб.	‰
I. Годовой оборот по продаже	1573	1000	3282	1000	2121	1000	3014	1000
II. Торговые расходы								
1. Зарплата	14,16	9,0	71,55	21,8	40,91	19,3	93,58	31,0
2. Начисление и соцстрах. . .	2,52	1,6	17,72	5,4	7,00	3,3	11,06	3,7
Итого по рабочей силе	16,68	10,6	89,27	27,2	47,91	22,6	104,64	34,7
3. Содержание торговых помещений	7,87	5,0	32,49	9,9	12,20	5,8	20,23	6,8
4. Разъезды и командировки .	2,04	1,3	7,55	2,3	9,11	4,3	16,26	5,4
5. Прочие транспортные расходы	36,19	23,0	21,01	6,4	—	—	—	—
6. Канцелярские, типографские, почтовые и пр.	3,15	2,0	9,19	2,8	7,81	3,7	12,01	4,0
7. Хранение товаров, страхование	3,46	2,2	2,30	0,7	1,16	0,6	2,06	0,7
8. Разные	2,20	1,4	22,32	6,8	20,90	9,9	63,73	21.1
Итого (по 3—8)	54,91	34,9	94,86	28,9	51,18	24,3	114,30	38,0
9. % за кредит	12,59	8,0	25,60	7,8	25,77	12,1	26,25	8,7
10. Налоги и сборы	15,73	10,0	30,85	9,4	14,92	7,0	26,58	8,8
Всего	99,91	63,5	240,6	73,3	139,8	66,0	271,8	90,2

Из приведенных данных видно, что торговые расходы в обобществленной торговле уже теперь, несмотря на все наши недочеты, ниже, чем в частной торговле. Конечно, это может быть частью объяснено неточностью наших данных в отношении частной торговли. Однако если вышеприведенные данные Наркомфина не типичны для всей частной торговли, включая сельскую, то все же они в достаточной степени отражают торговые издержки в тех торговых центрах, к которым они непосредственно относятся. И стало быть, в этом смысле вполне сравнимы. А между тем сравнение получается далеко не в пользу частной торговли. Даже в рознице, где расходы всегда больше, кооперация несет расходов на 1000 руб. оборота около 90 руб., а частная торговля, по обследованию НКФ,— свыше 140 руб. А если для сравнимости исключить налоги и зарплату, неодинаково обременяющие и ту и другую торговлю, то в кооперации останется расходов 46,7 руб. на 1000 руб. оборота, а в частной торговле — 75,1 руб.

Но с общественной точки зрения труд, занятый в частной торговле, оплачивается он или нет, подлежит учету в издержках обращения торговли. А с другой стороны, если мы в кооперативной торговле включаем затраты на оплату выборных органов правлений и т. п., то в частной должны учесть также и тот расход, который связан с содержанием хозяев-администраторов, поскольку он выходит за пределы нормальной оплаты их труда. И тогда сравнение между издержками производства торговли в частном и обобществленном секторе становится совершенно убийственным для первого (табл. 124).

Оказывается, что торговая буржуазия за свои «услуги» ухлопывает совершенно непроизводительно только на свое содержание, сверх нормальной оплаты труда, гораздо большую долю оборота, чем в кооперации уходит на всю зарплату, включая сюда и правления, и рабочий персонал. А если оценить положительный эффект обобществленной торговли в форме накопления и общественной экономии с тем, что дает в этом отношении частная капиталистическая торговля, то результат получится еще более плачевный для последней. И в процентах к обороту и по абсолютной величине обобществленная торговля дает обществу в несколько раз больше, чем капиталистическая, если даже условно допустить, что сумма *частного* накопления предназначается целиком для *производительного* использования.

Это в достаточной степени предуказывает, за какой из этих форм торговли обеспечена победа в наших общественных условиях. Но это отнюдь не должно служить предлогом для пассивно выжидательной политики с нашей стороны по отношению к капиталистической торговле. История за нас работает. Но она работает нашими руками. Удельный вес частной торговли падает, но мы не можем на этом успокоиться. Аппарат нашей обобществленной торговли уже достаточно вырос и окреп для того, чтобы прийти в случае нужды на смену частному. И мы должны ускорять этот процесс всеми мерами *экономического* воздействия, какими для этого располагаем. А их в нашем арсенале вполне достаточно.

На высшие разряды торговли, IV и V, возможно воздействовать, как это уже намечено правительством, в порядке дополнительного обложения сверхприбылей. Но этому должно предшествовать обязательство их к ведению правильной отчетности и регулярному представлению своих балансов органам, регулирующим торговлю. Что же касается остальной сети частной торговли, то ее достаточно будет подчинить в порядке договорных условий тем требованиям в отношении розничных цен и накидок, какие мы предъявляем нашей кооперативной торговле. Мелкий розничник должен знать, что он получит товар от госорганов на приемлемых условиях только в том случае, если обяжется продавать его по строго установленным этикетным и прейскурантным ценам.

Таблица 124

Издержки посреднической торговли СССР за 1924/25 г. по социальным секторам
(исчисление)

Статья издержек	Сектор: социалистический, государственный, млн. руб.	социалистический, кооперативный, млн. руб.	социалистический, итого, млн. руб.	социалистический, итого, на 1000 руб. оборота	капиталистический, млн. руб.	капиталистический, на 1000 руб. оборота	простой товарный, млн. руб.	простой товарный, на 1000 руб. оборота	Всего, млн. руб.	Всего, на 1000 руб. оборота
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Товарооборот										
по себестоимости	4 444	4 683	9 127	914	2 047	737	722	726	11 896	864
по прод. ценам	4 855	5 135	9 990	1 000	2 776	1 000	995	1 000	13 761	1 000
II. Валовая накидка, % к себестоимости	9,3	9,6	9,5	—	35,6	—	37,8	—	15,3	—
III. Издержки обращения										
1. Зарплата	85,7	134,5	220,2	22,1	86,2	31,1	—	—	306,4	22,2
2. Начисления	20,2	18,1	38,3	3,8	15,0	5,4	—	—	53,3	3,9
Итого (по 1—2)	105,9	152,6	258,5	25,9	101,2	36,5	—	—	359,7	26,1
3. Семейный труд	—	—	—	—	72,6	26,2	132,2	132,5	204,8	14,9
4. Содержание хозяев	—	—	—	—	95,0	34,2	—	—	95,0	6,9
5. Торговые помещения	40,4	32,4	72,8	7,3	99,7	35,9	32,9	33,1	205,4	14,9
6. Транспортные	66,8	25,4	92,2	9,2	36,0	12,9	10,5	10,6	138,7	10,1
7. % за кредит	38,2	52,0	90,2	9,0	22,9	8,3	14,8	14,9	127,9	9,3
8. Канцелярия, почта, телефон	12,3	19,8	32,1	3,2	46,3	16,7	17,2	17,3	213,8	15,6
9. Прочие	30,3	87,9	118,2	11,9	—	—	—	—	—	—
Всего (по 1—9)	293,9	370,1	664,0	66,5	473,7	170,7	207,6	208,4	1345,3	97,8
IV. Налоги и сборы										
1. С оборота	46,6	41,5	88,1	8,8	105,3	37,9	46,0	46,2	239,4	17,4
2. С прибылей и пр.	—	—	—	—	65,4	23,6	19,4	19,5	84,8	6,2
Итого	46,6	41,5	88,1	8,8	170,7	61,5	65,4	65,7	324,2	23,6
Издержки плюс налоги	340,5	411,6	752,1	75,3	644,4	232,2	273,0	274,1	1669,5	121,4
V. Накопление	70,4	40,8	111,2	11,1	85,0	30,7	15,6	15,7	211,8	15,4
VI. Экономия потребителя	108	240	348	34,9	—	—	—	—	348	25,3
Итого (по V и VI)	178,4	280,8	459,2	46,0	85,0	30,7	15,6	15,7	559,8	40,7

Особого внимания заслуживает частный торговец, занятый скупкой сельскохозяйственной продукции у крестьянина. Чтобы обратить и его в простого агента-комиссионера государственной торговли, необходимо провести две меры. Во-первых, мы вовсе не обязаны обслуживать его государственным транспортом на льготных условиях. Если наш транспорт получает дотацию из бюджета, то не для того, чтобы возить частные грузы за счет этих дотаций. Тариф для частных отправителей должен быть повышен минимум на 10—15%. Это побудит частного скупщика сдавать свои заготовки государственному заготовителю. И тогда останется лишь

установить типовые договоры госзаготовителей с такой частной агентурой по заготовке хлеба и всякого сельскохозяйственного сырья, в которых должен быть обеспечен нормальный комиссионный процент агентуре и синдицированные цены производителю.

Пристальное наблюдение регулирующих органов за рыночными процессами и своевременное плановое вмешательство в них для внесения необходимых коррективов по мере надобности мы считаем само собою подразумевающимся условием победы на этом фронте [1].

Разрешению этой именно задачи мы и хотели бы посильно посодействовать настоящей работой.

3. ДИНАМИКА СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ

В годы нэпа обороты частной торговли достигли своего максимума в 1926 г. Но уже с первых лет свободной торговли удельный вес частной торговли в общих итогах товарооборота заметно падал. По ряду причин это можно было заранее предвидеть. Издержки обращения в государственной и кооперативной торговле были много ниже, чем в более мелкой частной, и это решало ее судьбы. Напомним, что еще в 1922/23 г. весь оборот частной торговли, по нашим расчетам, достигал 5165 млн. червонных руб., или 56% общего итога по всем секторам советской розничной и оптовой торговли. В дальнейшем, по данным ЦСУ, обороты всей розничной торговли, включая общественное питание, составляли цифры, приведенные в табл. 125.

Таблица 125

Оборот розничной торговли, включая общественное питание*

Отчетный год	Социалистический сектор		Частный сектор		Итого	
	млн. червонных руб.	%	млн. червонных руб.	%	млн. червонных руб.	%
1924	2 853	47,3	3 192	52,7	6 045	100
1925	5 119	57,0	3 861	43,0	8 980	149
1926	7 608	59,3	5 215	40,7	12 823	212
1927	9 390	65,4	4 963	34,6	14 353	237
1928	11 774	76,4	3 640	23,6	15 414	255
1929	15 204	86,2	2 432	13,8	17 636	292
1930	18 932	94,4	1 123	5,6	20 055	332
1931	27 941	100,0	—	0,0	27 941	462
1932	40 357	100,0	—	0,0	40 357	668
1937	125 943	100,0	—	0,0	125 943	2 083

* «Советская торговля». Статист. сб. М., Госстатиздат, 1956, стр. 14, 30.

Таким образом, еще за 2 года до конца первой пятилетки частная посредническая торговля, постепенно вытесняемая со всех ее позиций социалистической — государственной и кооперативной — торговлей, бесследно исчезла. Но с развитием коллективного сельского хозяйства в деревне все большую роль начинают играть колхозный рынок и обороты базарной торговли в городах и селениях, где в роли продавцов выступают непосредственные производители сельскохозяйственной продукции. Однако обороты колхозной торговли учитываются с достаточной полнотой лишь с 1940 г.

В 1913 г. в границах СССР розничный оборот достигал около 6,3 млрд. золотых руб. В 1924 г. этот оборот не превышал 6 млрд. червон-

[1] За последние годы появилось, кстати сказать, уже немало работ, посвященных такому наблюдению. См. в особенности «Частный капитал в торговле СССР». М., Изд. НКТорга, 1928 и «Частная торговля, промышленность и личные промысловые занятия на Украине», данные НКФ УССР за 1926/27 г., Харьков, 1929 г.

ных руб., или, в переводе на золото по бюджетному индексу (2,01), не свыше 3 млрд. в валюте 1913 г., т. е. вдвое ниже дореволюционной нормы. Но к 1928 г. розничный оборот в 15,4 млрд. руб. в советской валюте в переводе на золото — по индексу 1,97 — достигал уже не менее 7,8 млрд. золотых руб., заметно превышая дореволюционный уровень.

В дальнейшем, с 1928 по 1937 г., розничный оборот в текущих ценах возрос с 15,4 до 125,9 млрд. червонных руб., т. е. в 8,2 раза. Однако продукция индустриальных предметов широкого потребления поднялась за те же 9 лет по объему всего в 3,1 раза, точнее на 211%. Товарная продукция *сельского хозяйства* за те же годы, конечно, еще значительно отставала в своем росте от промышленности. Значит, и общий объем товарооборота отставал от объемного роста промышленной продукции. К сожалению, насколько выросли розничные цены за эти 8 лет, мы в точности пока не знаем. Однако если продукция широкого потребления возросла более чем в 3 раза, то и розничный оборот ее должен был вырасти, по меньшей мере, на 150—200% выше уровня 1928 г.

Весьма значительный реальный рост розничного оборота имел место в СССР, несмотря на задержку в годы войны, и после завершения второго пятилетнего плана. Отчетные итоги приведены в табл. 126.

Таблица 126

Розничный оборот (в млрд. руб.)*

Год	В текущих ценах	В ценах 1940 г.	Индекс цен	Персонал, тыс. чел.
1932	40,4	101,0	40	1488
1937	125,9	165,3	77,5	1735
1940	175,1	175,1	100	2166
1950	359,6	193,0	187	1967
1955	501,9	364,5	138	2490
1960	785,5	566,9	139	3295

* «Советская торговля». Статист. сб. М., Госстатиздат, 1956, стр. 20, 113; «Народное хозяйство СССР в 1958 году». М., 1959, стр. 698, 759, 770; «Народное хозяйство СССР в 1960 году». М., 1961, стр. 674, 708, 716, 736.

Розничный оборот за последние 20 лет в текущих ценах вырос в 4,5 раза, а с учетом динамики розничных цен — всего в 3,3 раза, в то время как валовая продукция предметов труда увеличилась за те же годы в 2,9 раза в сопоставимых ценах. Очень показателен и весьма заметный за последние 20 лет рост продажи сельскохозяйственных продуктов на колхозном внедеревенском рынке. По данным ЦСУ, оборот этой торговли выражался в следующих цифрах (в млрд. руб.):

Год	В текущих ценах	В ценах 1940 г. абс.	В ценах 1940 г. %
1940	29,1	29,1	100
1950	49,2	47,4	163
1955	52,3	48,5	167
1960	43,4	44,8	154

Конечно, это далеко не полный учет всей колхозной продукции, поступающей в город разными путями, ибо он обнимает только обороты базарной торговли. Но все же с этой прибавкой весь вышеучтенный розничный оборот государственной, кооперативной и колхозной торговли достигал по ценам 1940 г. таких величин (в млрд. руб.):

Год	Государственная и кооперативная	Колхозы	Итого	%
1940	175,1	29,1	204,2	100
1950	193,0	47,4	240,4	118
1955	364,5	48,5	413,0	202
1960	566,9	44,8	611,7	300

Как видим, колхозный сбыт горожанам продуктов деревни за эти годы заметно отставал в своем росте от розничных оборотов государственно-кооперативной торговли.

Все эти массовые итоги торговой статистики свидетельствуют о неуклонном росте народного потребления и уровня жизни трудящихся СССР. Вполне подтверждаются они и новейшими данными бюджетной статистики[1]. В частности, с 1940 по 1956 г. приобретение кожаной обуви в семьях рабочих возросло на 78%, в семьях колхозников — на 93; приобретение тканей по метражу увеличилось в семьях рабочих на 75, в семьях колхозников — на 111, в том числе метраж более дорогих, шерстяных тканей в приобретениях рабочих возрос на 246%, а шелковых — даже в 18,3 раза, колхозники увеличили свои приобретения шерстяных тканей на 325% и шелковых — в 16,5 раза.

Значительно улучшается по тем же бюджетным обследованиям и питание трудящихся СССР. Черный хлеб вытесняется при этом другими, более ценными продуктами питания. И в процентах к душевым нормам питания 1940 г. потребление 1956 г. по важнейшим из этих продуктов составляло:

Продукты питания	Семьи рабочих	Семьи колхозников
Мясо и сало	188	163
Рыбные продукты	169	244
Молочные продукты	214	148
Яйца	176	210
Сахар	200	438

Конечно, размеры потребления таких продуктов ограничиваются у нас прежде всего масштабами их производства. Из доклада Н. С. Хрущева[2] известно, что за 1956 г. в среднем на душу производство мяса в СССР не превышало 32,3 кг, а удой молока достигал 245 кг, с отставанием от США по мясу на 68,5% и по молоку на 28,5%. Но крутой подъем сельского хозяйства в СССР за последние годы позволяет нам догнать и превзойти американские нормы по молоку и мясу уже в ближайшие годы, для чего по молоку потребуется не свыше 2 лет, а по мясу, по имеющимся плановым расчетам, не более 5—6 лет.

Кое-кем эти планы трактуются как малореальный продукт «пропаганды», хотя наши планы, будучи пропагандой *действием*, всегда выполнялись в срок или даже досрочно. Другие заранее пугают этими планами своих друзей, хотя совершенно непонятно, какую угрозу может представлять, скажем, для американских рабочих перспектива, что и советский рабочий и крестьянин будут питаться плодами своих рук не хуже граждан любой другой страны. А между тем даже такой трезво мыслящий идеолог американского империализма, как недавний кандидат на выборах в президенты США Стивенсон, совершенно серьезно заявляет в своей книге «Призыв к величию»:

«Если советская экономика сможет сохранить свои нынешние темпы роста, то в 1970 г. объем русского производства может оказаться втрое или вчетверо больше нынешнего. Если же, как это предвидят некоторые, наступит такое время, когда уровень жизни в Советском Союзе не будет уступать уровню жизни демократических стран Западной Европы, или даже превысит его, последствия этого будут по меньшей мере грозными».

Время такое, конечно, наступит. И хотя наши планы демократическим странам ровно ничем не угрожают, но друзей мистера Стивенсона они, как видно, явно не устраивают. Об этом можно пожалеть, разумеется. Но

[1] «Народное хозяйство СССР в 1956 году». М., 1957, стр. 220, 237.

[2] Н. С. Хрущев. В ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения. Госполитиздат, 1957, стр. 9.

это не может изменить планов нашей страны. Мы, пожалуй, совершенно были бы удручены, если бы они нравились даже нашим недругам. И, наоборот, чем меньше они им нравятся, тем увереннее мы сможем проводить их в жизнь.

4. СИСТЕМА КРЕДИТА В СССР[1]

Система кредита в советских условиях служит не только одним из важнейших рычагов регулирования народного хозяйства, но и весьма мощным рычагом социалистического накопления. Кредитную сеть иногда уподобляют кровеносной системе, по которой распределяются питательные соки народного хозяйства, устремляясь туда, где они всего нужнее в данный момент. Но если в капиталистическом хозяйстве этот аппарат действует почти автоматически, поскольку критерием наибольшей потребности в кредитных ресурсах служит наиболее высокая рентабельность и наиболее высокий процент за кредит, извлекаемый на том или ином участке хозяйственного фронта, то у нас в советском хозяйстве имеются для этого и другие критерии. Кредитные ресурсы направляются в ту или иную область хозяйства не стихийными путями спроса и предложения, а вполне сознательно, в интересах осуществления общего плана народного хозяйства. Тем не менее кредитные ресурсы и у нас по общему правилу предоставляются за известный процент. И с развитием кредитной системы сумма извлекаемых ею прибылей возрастает с каждым годом, достигая уже ныне весьма больших размеров.

Октябрьская революция с первых же своих шагов осуществила национализацию всех кредитных учреждений[2]. Но за первые годы революции — в условиях гражданской войны и резко падающей валюты — система кредита не могла нормально функционировать. С обесценением рубля она лишилась своих ресурсов и прекратила все свои функции, ибо даже эмиссионная деятельность стала функцией казначейства, а не государственного банка. Лишь с прекращением гражданской войны, по мере восстановления расширенного воспроизводства в промышленности и других отраслях хозяйства, появилась возможность для возобновления деятельности кредитной системы. И лишь с денежной реформой, давшей кредитной системе вместо падающей валюты твердый червонец, эта возможность стала осуществляться в достаточно широком масштабе.

Мы считаем поэтому излишним останавливаться на самых первых шагах развития советской кредитной системы[3], тем более что до появления на свет червонца не могло быть и никакой сколько-нибудь достоверной отчетности о состоянии этой системы. Червонец начал функционировать лишь с конца 1922 г. Первый сводный баланс кредитных учреждений, каким мы располагаем, относится к 1 октября 1923 г. И вот, начиная с этой даты, динамика нашей кредитной системы рисуется в цифрах, приведенных в табл. 127.

Как видно, всего за 5 лет брутто-баланс кредитных учреждений возрос с 1080 млн. до 10 967 млн. руб., т. е. более чем в 10 раз. Еще быстрее возрастает сумма прибылей от кредитных операций.

Но цифры прибылей, показанные на балансе, нуждаются, по-видимому, еще в некоторых весьма существенных поправках. В самом деле, остановимся для иллюстрации хотя бы только на анализе отчетности Госбанка.

---

[1] «Очерки советской экономики». М.— Л., 1928.

[2] О динамике дореволюционного кредита см. И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948, стр 408.

[3] Последние кредитные учреждения дореволюционного происхождения были ликвидированы в первой половине 1919 г. Новый Госбанк учрежден 12 октября 1921 г., а затем со второй половины 1922 г. очень быстро выросла и целая сеть других кредитных учреждений.

Таблица 127

Сводный баланс кредитной системы СССР*

Главнейшие статьи	Млн. червонных руб.			на 1 октября			Относительный рост (1923 г.=100)				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Актив											
1. Касса	29,0	79,6	163,1	128,1	92,0	76,4	274	562	442	317	263
2. Золото и валюта	145,0	184,4	259,1	228,4	234,2	217,1	127	179	158	162	150
3. Валюта за границей	32,3	140,7	90,4	69,9	103,6	90,1	436	280	216	321	279
4. Ценные бумаги	20,5	37,3	115,7	248,2	311,4	339,0	182	564	1211	1519	1654
5. Товары	18,5	32,3	92,9	57,6	14,4	0,2	175	502	311	78	1
6. Прочие ценности	4,8	27,7	55,3	110,0	158,5	182,6	577	1152	3292	3302	3804
Итого	250,1	502,0	776,5	842,2	914,1	905,4	201	310	337	366	362
7. Учетно-ссудные операции	409,3	952,2	2178,8	2747,1	3633,7	4514,9	233	533	671	888	1103
8. Специальные ссуды за счет НКФ	131,8	219,5	323,8	673,2	1532,9	2772,7	167	246	511	1163	1037
9. Прочие активные операции	46,9	106,0	202,9	277,0	204,0	273,3	226	433	591	435	583
Всего (баланс нетто)	838,1	1779,7	3482,0	4539,5	6284,7	8466,3	212	416	542	750	1010
10. Внутренние расчеты	241,2	655,3	1989,9	2109,1	2653,7	2500,5	272	815	874	1100	1043
Баланс (брутто)	1079,3	2435,0	5471,9	6648,6	8938,4	10966,8	226	507	616	828	1018
Пассив											
1. Основной капитал	104,9	241,6	445,6	574,7	830,8	857,7	230	425	548	792	818
2. Запасный и специальный капиталы	1,8	18,7	39,5	122,8	275,5	341,4	1040	2194	6822	15306	18967
3. Фонды	27,8	18,8	42,0	69,4	37,4	54,6	68	151	250	135	196
4. Прибыль (сальдо)	22,0	57,2	215,4	154,7	174,3	263,5	260	525	703	792	1198
5. Комиссия	235,0	521,9	982,8	1172,7	1474,2	1797,7	222	418	499	627	765
6. Вклады и текущие счета	228,4	537,0	1245,6	1394,8	1573,3	1714,4	366	545	611	689	751
7. Средства специального назначения	141,6	227,9	336,7	684,3	1558,4	2765,6	161	238	483	1101	1953
8. Займы за границей	2,7	8,4	60,7	105,9	99,1	137,0	311	2248	3922	3670	5074
9. Прочие пассивы	73,9	148,2	213,7	260,2	261,7	534,4	201	289	352	354	723
Всего (баланса нетто)	838,1	1779,7	3482,0	4539,5	6284,7	8466,3	212	416	542	750	1010
10. Внутренние расчеты	241,2	655,3	1989,9	2109,1	2653,7	2500,5	272	825	874	1100	1043
Баланс (брутто)	1079,3	2435,0	5471,9	6648,6	8938,4	10966,8	226	507	616	828	1018

* «Вестник финансов», 1928, № 8, стр. 191. По сравнению с балансом и опубликованными в № 2 и 8 «Вестника финансов» за 1927 г. внесен целый ряд изменений: а) баланс Госбанка дан вместе с приписными кассами НКФ; б) из ценных бумаг выделены паи и акции, отнесенные к прочим ценностям; в) из вкладных операций выделены средства НКФ на приобретение паев и акций и отнесены к средствам специального назначения. На 1 октября 1928 г. баланс предварительный.

Уже за первый год своей деятельности он исчислил свою чистую прибыль в 4633 тыс. довоенных руб. (по бюджетному индексу) [1]. За второй год деятельности на 1 октября 1923 г. чистая прибыль Госбанка определилась уже в 42 354 тыс. червонных руб. Но банк из осторожности 26 670 тыс. из этой суммы отнес в резервный фонд на покрытие возможных в будущем убытков и показал на балансе всего 15 684 тыс. руб. прибыли [2]. За следующий 1923/24 г. из счета прибылей и убытков видно, что из вышеуказанного резерва в 26 670 тыс. руб. проведено по кредиту, т. е. обращено по назначению на покрытие убытков, всего 3404 тыс. руб., а по дебету на пополнение того же резерва проведено 19 740 тыс. руб. Таким образом, сальдо этих расчетов показывает, что из прибылей 1923/24 г. на образование указанного резерва вновь было позаимствовано 16 336 тыс. руб., после чего остаток чистой прибыли определился в 28 607 тыс. руб. За следующий 1924/25 г. по кредиту счета прибылей и убытков проведено 14 857 тыс., а по дебету — 27 000 тыс. руб., т. е. вновь отчислено из прибылей на пополнение указанного резерва еще 12 143 тыс. руб., после чего остаток чистой прибыли показан на балансе в сумме 72 136 тыс. руб. За 1925/26 г. новое отчисление в резерв достигло 13 млн. руб., после чего прибыль выразилась в сумме 91 872 тыс. руб. и т. д.[3].

Из приведенных данных видно, что к 1 октября 1926 г. названный резервный фонд должен бы возрасти на 4 года до 71,1 млн. руб., а между тем на балансе по этому счету осталось в пассиве на указанную дату только 40,4 млн. руб. Какова судьба остальных 30,6 млн. руб. этого резерва, мы не знаем в точности. Известно лишь, что в 1923/24 г. 15 млн. руб. из них было обращено на усиление *основного* капитала банка. Назначение остальных 15,6 млн. не показано в отчетах Госбанка. Но каково бы оно ни было, несомненно одно, что все отчисления в указанный резерв являются вычетами из *чистой* прибыли данного года. Поэтому проводить их под рубрикой «убытков», как это делается в отчетности Госбанка, едва ли правильно. Во всяком случае «убытки», за счет которых пополняются затем основные капиталы банка, представляют собой весьма оригинальное явление.

Если же называть вещи их именами, то динамика прибылей Госбанка представится в следующем виде (табл. 128).

Таблица 128

Чистая прибыль Госбанка (в тыс. руб.)*

Отчетный год	Показано отчетом	Поправка		Следовало показать
		тыс. руб.	%	
1922/23	15 684	26 670	170	42 354
1923/24	28 607	16 336	57	44 943
1924/25	72 136	12 143	17	84 279
1925/26	91 872	13 000	14	104 872
1926/27	97 677	44 000	45	141 677
За 5 лет	305 976	112 149	37	418 125
1927/28	150 777	33 223	22	184 000

* «Госбанк СССР. Второй год деятельности», стр. 40; Госбанк СССР. Третий год деятельности», стр. 26 и 44—45; «Госбанк СССР. Четвертый год деятельности». М., 1926, стр. 42—43; «Госбанк СССР. Пятый год деятельности». М., 1928, стр. 8. Данные за 1927/28 г. использованы по телеграфному балансу Госбанка.

[1] «Госбанк СССР. Первый год деятельности». М., 1922, стр. 128.

[2] «Госбанк СССР. Второй год деятельности». М., 1924, стр. 40.

[3] «Госбанк СССР. Третий год деятельности». М., 1925, стр. 26, 44—45 и «Госбанк СССР. Четвертый год деятельности». М., 1926, стр. 42—43.

Статья баланса	Сек					
	государственный **					
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.*****
1	2	3	4	5	6	7
Актив						
1. Касса	27,7	76,0	156,8	120,4	85,8	72,7
2. Золото и инвалюта	144,9	184,1	257,5	228,0	233,5	216,5
3. Валюта за границей	31,9	140,3	89,1	67,2	103,6	89,4
4. Ценные бумаги	19,6	35,3	107,5	239,4	305,7	329,4
5. Товары	18,0	30,5	90,9	57,1	14,3	0,1
6. Прочие ценности	3,6	24,4	49,8	101,8	150,4	171,8
Итого	245,7	490,6	751,6	813,9	893,3	879,9
7. Учетно-ссудные операции	378,3	888,6	2057,5	2577,0	3450,8	4168,4
8. Специальные ссуды за счет НКФ	126,7	215,6	320,8	662,8	1457,3	2772,7
9. Прочие активные операции	41,8	94,0	171,1	254,7	197,9	256,7
Итого	792,5	1688,8	3301,0	4308,4	5999,3	8077,7
10. Внутренние расчеты	232,7	620,5	1936,7	2039,2	2558,3	2376,4
Баланс	1025,2	2309,3	5237,7	6347,6	8557,6	10454,1
Пассив						
1. Основной капитал	96,7	223,7	419,8	539,1	791,5	813,3
2. Запасный и специальный капиталы	1,6	17,4	36,8	116,9	268,4	332,0
3. Фонды	27,6	18,7	41,6	67,4	35,9	52,6
4. Прибыль (сальдо)	21,0	57,1	113,7	151,9	172,5	256,7
5. Эмиссия	235,0	521,9	982,8	1172,7	1474,2	1797,7
6. Вклады и текущие счета	216,3	498,5	1155,7	1295,1	1455,7	1586,0
7. Средства специального назначения	136,3	223,8	333,5	670,5	1471,4	2638,1
8. Займы за границей	2,5	8,1	59,5	104,0	98,0	133,4
9. Прочие пассивы	64,4	133,6	183,2	233,6	243,6	498,5
Итого	801,4	1702,8	3326,6	4351,2	6011,2	8108,3
10. Внутренние расчеты	223,8	606,5	1911,1	1996,4	2546,4	2345,8
Баланс	1025,2	2309,3	5237,7	6347,6	8557,6	10454,1
То же, %	100,0	225,0	511,0	619,0	835,0	1020,0

* «Вестник финансов», 1927, № 2 и 8.

** Госбанк, акционерные банки, система коммунальных банков, сельскохозяйственная система за исключением первичной кооперативной сети.

*** Всероссийский и Всеукраинский кооперативные банки.

**** Общества взаимного кредита.

***** Баланс на 1 октября 1928 г. предварительный.

Конечно, условности и прочие мистерии бухгалтерской отчетности не так просто усвоить. Но в данном случае дело довольно ясно. Фактическая чистая прибыль Госбанка за 5 лет, по меньшей мере, на 112 млн. руб., или на 37%, выше той, какая показана по отчетам. Какие поправки нужно было бы ввести к итогам учтенных прибылей по всей кредитной системе, мы не знаем. Нужно думать, однако, что по другим банкам они едва ли

на 1 октября отчетного года (в млн. червонных руб.)*

торы											
кооперативный ***						частный ****					
1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.*****	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.*****
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
0,9	2,7	4,6	5,4	5,0	3,0	0,4	0,9	1,7	2,3	1,2	0,7
0,1	0,2	1,3	0,4	0,7	0,6	—	0,1	0,3	—	—	—
0,4	0,4	1,3	2,7	—	0,7	—	—	—	—	—	—
0,7	1,7	7,5	7,1	3,7	6,6	0,2	0,3	0,7	1,7	2,0	3,0
0,5	1,8	1,9	0,5	—	—	—	—	0,1	—	0,1	0,1
1,2	3,0	4,8	6,7	8,1	10,8	—	0,3	0,7	1,5	—	—
3,8	9,8	21,4	22,8	17,5	21,7	0,6	1,6	3,5	5,5	3,3	3,8
26,2	54,3	90,2	118,4	152,9	322,8	4,8	9,3	31,1	51,7	30,0	23,7
5,1	3,9	3,0	10,4	75,6	—	—	—	—	—	—	—
4,3	10,1	12,1	10,4	3,3	12,7	0,8	1,9	19,7	11,9	2,8	3,9
39,4	78,1	126,7	162,0	249,3	357,2	6,2	12,8	54,3	69,1	36,1	31,4
7,9	33,9	48,2	63,7	92,0	121,8	0,6	0,9	5,0	6,2	3,4	2,3
47,3	112,0	174,9	225,7	341,3	479,0	6,8	13,7	59,3	75,3	39,5	33,7
7,2	15,1	19,5	24,4	29,8	35,5	1,0	2,8	6,3	11,2	9,5	8,9
—	0,9	1,4	1,9	4,5	7,2	0,2	0,4	1,3	4,0	2,6	2,2
0,2	—	0,2	1,3	1,5	2,0	—	0,1	0,2	0,7	—	—
0,8	0,8	1,2	2,4	3,0	6,1	0,2	—0,7	0,5	0,4	—1,2	0,7
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10,0	33,1	71,5	71,3	96,2	111,5	2,1	5,4	18,4	28,4	21,4	16,9
5,3	4,1	3,1	13,8	87,0	127,5	—	—	0,1	—	—	—
0,2	0,3	1,2	1,9	1,1	3,6	—	—	—	—	—	—
8,8	12,1	14,9	16,3	15,0	33,3	0,7	2,5	15,6	10,3	3,1	2,6
32,5	66,4	113,0	133,3	238,1	326,7	4,2	10,5	42,4	55,0	35,4	31,3
14,8	45,6	61,9	92,4	103,2	152,3	2,6	3,2	16,9	20,3	4,1	2,4
47,3	112,0	174,9	225,7	341,3	479,0	6,8	13,7	59,3	75,3	39,5	33,7
100,0	237,0	370,0	477,0	722,0	1013,0	100	201	872	1107	581	496

значительны. Контроль НКФ за уплатой подоходного налога не позволил бы им существенных отклонений от общепринятых приемов отчетности. Приемы Госбанка, ввиду его особого положения как органа НКФ, не могут в этом отношении служить для других кредитных учреждений какимлибо прецедентом.

По отдельным секторам народного хозяйства балансы кредитных учреждений выросли за последние 5 лет в размерах, показанных в табл. 129.

Таблица 130

Сводный баланс государственных трудовых сберегательных касс СССР*

Главнейшие статьи	Тыс. червонных руб. на 1 октября				
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1	2	3	4	5	6
Актив					
1. Касса	200	1 733	3 887	2 290	7 287
2. Золото и валюта	—	—	—	—	—
3. Ценные бумаги	1 526	11 303	37 904	93 262	180 085
4. Прочие ценности	—	—	3	166	263
Итого	1 726	13 036	41 794	95 718	187 635
5. Учетно-ссудные операции	21	766	343	304	1 171
6. Текущие счета и вклады в кредитных учреждениях	377	2 506	11 740	13 581	14 498
7. Прочие активы	1	248	2 253	7 379	9 781
Итого	2 125	16 556	56 130	116 982	213 085
8. Внутренние расчеты	1 833	7 189	27 919	82 661	178
Баланс брутто	3 958	23 745	84 049	199 643	213 263
Пассив					
1. Оборотный капитал	—	—	1 000	1 000	1 000
3. Запасный и специальный капиталы	—	—	9 746	11 828	13 194
3. Фонды	—	—	338	953	1 215
4. Прибыль (сальдо)	97	337	2 452	2 903	2 378
5. Текущие счета и вклады	1 772	11 136	33 280	90 206	186 447
6. Прочие пассивы	256	4 984	9 314	10 092	8 990
Итого	2 125	16 457	56 130	116 982	213 224
7. Внутренние расчеты	1 833	7 288	27 919	82 661	39
Баланс брутто	3 958	23 745	84 049	199 643	213 263

* Отчетные данные на 1 октября 1923 и 1924 гг. по неопубликованным отчетам, на остальные даты по Отчетам гос. труд. сбер. касс за 1925/26 г. М., 1927, стр. 52—53 и за 1926/27 г. М., 1928, стр. 52—53 и за 1926/27 г., М., 1928, стр. 12—15.

В государственный сектор нами включены здесь, помимо Госбанка и акционерных банков специального назначения, коммунальные банки и система сельскохозяйственного кредита (без низовой кооперативной сети). Правда, в акционерных банках завязана и некоторая весьма незначительная доля частных капиталов, но в общем их все же приходится рассматривать лишь как отдельные звенья государственной системы кредитных учреждений. Теснейшим образом примыкают к ней и кооперативные банки. И, в сущности, за пределами этого обобществленного круга кредитных учреждений стоят лишь так называемые общества взаимного кредита, отнесенные нами к частнокапиталистическому сектору.

Как видно, государственный и кооперативный секторы дают непрерывный рост, увеличиваясь в 10 раз за одно пятилетие. Частный же сектор сначала возрастает, а затем резко падает не только в относительном

весе, но и в абсолютных цифрах. Их доля в сводном балансе кредитной системы к 1 октября 1926 г. составляла около 1,2% общего итога, а через 2 года она упала уже в 4 раза, т. е. до 0,3%. Это величина явно исчезающая.

В вышеприведенных итогах не учтены сберегательные кассы и ломбарды, а также низовая сеть сельскохозяйственной кредитной кооперации. В табл. 130 приведены важнейшие итоги развития системы сберегательных касс.

Несмотря на весьма быстрый рост вкладов в сберегательные кассы, если брать его в относительных цифрах, абсолютный размер их более чем скромен. И все возможное развитие этого звена кредитной системы еще впереди.

Приложение

Таблица 1

Капиталы кредитной системы (в млн. руб.)*

Год (на 1 января)	Государственный банк	Акционерные банки	Прочие банки	Капиталы по всем банкам		
				основные	прочие	итого
1875	23,0	108,4	42,6	163,2	10,8	174,0
1876	25,0	107,6	47,1	167,4	12,3	179,7
1877	26,1	104,6	47,0	164,8	12,9	177,7
1878	26,2	102,4	53,9	166,2	16,3	182,5
1879	28,1	100,2	43,4	155,6	16,1	171,7
1880	28,3	93,4	45,5	150,4	16,8	167,2
1881	28,3	97,1	57,3	160,2	22,5	182,7
1882	28,3	112,1	Нет сведений	126,6	13,8	140,4
1883	28,4	115,3	» »	128,1	15,6	143,7
1884	28,4	117,7	» »	128,8	17,3	146,1
1885	28,3	120,1	» »	129,2	19,2	148,4
1886	28,1	122,5	» »	129,7	20,9	150,6
1887	28,2	122,7	» »	128,4	22,5	150,9
1888	28,2	126,1	» »	130,4	23,9	154,3
1889	28,3	129,8	» »	133,1	25,0	158,1
1890	28,5	133,3	» »	135,0	26,8	161,8
1891	28,8	143,5	» »	141,5	30,8	172,3
1892	28,9	145,7	» »	142,3	32,3	174,6
1893	29,1	148,4	64,0	193,7	47,8	241,5
1894	29,2	147,4	72,3	191,1	57,8	248,9
1895	29,2	174,1	68,6	215,9	56,0	271,9
1896	53,5	211,4	71,3	264,4	71,8	336,2
1897	53,3	242,8	74,1	277,2	93,0	370,2
1898	53,2	253,4	76,1	285,3	97,4	382,7
1899	53,1	283,5	80,0	304,9	111,7	416,6
1900	53,1	294,9	83,9	314,7	117,2	431,9
1901	55,0	293,6	88,6	318,2	119,0	437,2
1902	55,0	293,7	92,4	323,8	117,3	441,1
1903	55,1	281,7	96,4	323,8	109,4	433,2
1904	55,0	293,7	100,8	335,3	114,2	449,5
1905	55,0	295,9	103,4	335,9	118,3	454,2
1906	55,0	299,8	105,6	339,1	121,3	460,4
1907	55,0	326,2	107,8	357,9	131,2	489,1
1908	55,0	344,5	111,2	374,3	136,4	510,7
1909	55,0	341,0	120,3	382,1	134,2	516,3
1910	55,0	361,5	133,7	407,7	142,5	550,2
1911	55,0	443,2	156,1	479,9	174,4	654,3
1912	55,0	560,2	184,8	582,9	217,1	800,0
1913	55,0	740,9	209,1	737,1	267,9	1005,0
1914	55,0	836,5	219,6	814,0	297,1	1111,1

* И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948, стр. 408—409.

Таблица 2

Вклады и текущие счета (в млн. руб.)*

Год (на 1 января)	Государственный банк	Акционерные банки	Прочие банки	Вклады и текущие счета по всем банкам: казны	сберегательные кассы	частные: вклады	частные: текущие счета	Всего	Вклады в сберегательные кассы
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1875	255,7	299,4	225,7	30,3	0,7	449,3	300,5	780,8	5,0
1876	310,7	276,9	242,1	48,2	1,0	459,7	320,8	829,7	5,5
1877	289,7	227,0	244,1	60,0	0,1	436,7	264,0	760,8	6,0
1878	304,9	274,9	270,0	38,8	0,5	465,0	345,4	849,7	6,5
1879	289,3	248,2	253,3	30,3	1,0	457,1	302,4	790,8	7,4
1880	267,7	191,6	256,2	42,1	0,8	426,7	245,9	715,5	8,1
1881	313,1	206,9	319,0	88,9	0,8	476,8	272,5	839,0	9,1
1882	299,0	227,0	Нет сведений	69,5	0,4	227,0	229,0	526,0	10,1
1883	318,3	210,5	» »	58,4	0,2	235,4	234,8	528,8	11,0
1884	344,0	213,6	» »	78,8	0,5	239,5	238,8	557,6	13,4
1885	357,4	219,2	» »	65,9	0,8	251,5	258,4	576,6	16,9
1886	392,0	264,2	» »	71,8	0,5	285,3	298,6	656,2	24,8
1887	407,3	255,1	» »	117,9	1,4	274,9	268,2	662,4	41,8
1888	432,2	235,0	» »	167,1	1,5	258,8	239,8	667,2	65,4
1889	436,0	211,6	» »	185,0	1,5	253,5	207,6	647,6	87,3
1890	389,3	230,1	» »	162,0	2,7	260,7	194,0	619,4	111,3
1891	437,2	287,7	» »	199,6	3,7	273,3	248,3	724,9	138,9
1892	453,8	319,5	» »	204,1	17,9	276,1	275,2	773,3	191,3
1893	426,6	285,4	220,6	147,7	52,4	423,6	308,9	932,6	239,4
1894	453,6	267,8	204,2	172,0	74,3	385,0	294,3	925,6	283,4
1895	579,6	307,7	209,5	331,2	50,7	392,7	322,2	1096,8	330,3
1896	556,1	305,2	218,3	323,6	46,7	410,0	299,3	1079,6	367,9
1897	559,6	354,0	228,6	332,4	27,9	426,9	355,0	1142,2	409,4
1898	697,9	452,0	252,4	419,1	73,0	437,6	468,7	1402,4	465,7
1899	684,0	560,1	282,5	471,5	8,3	517,2	520,8	1526,6	534,5
1900	812,6	563,3	286,4	594,0	23,0	530,5	499,4	1662,3	608,3
1901	671,3	552,8	297,6	479,8	23,9	513,9	487,4	1521,7	661,9
1902	737,6	569,1	303,0	499,3	54,4	507,5	524,3	1609,7	723,3
1903	726,0	645,2	327,7	354,0	114,5	517,5	681,0	1698,9	784,0
1904	854,3	759,4	345,7	553,6	69,7	538,7	760,1	1959,4	860,5
1905	650,0	810,3	349,7	351,2	43,7	525,1	855,3	1810,0	910,8
1906	553,6	726,1	322,6	289,8	—	474,0	783,8	1602,3	831,3
1907	586,8	831,2	339,3	301,2	36,4	480,8	868,5	1757,3	1035,0
1908	639,8	869,4	366,3	357,4	51,3	517,6	898,0	1875,6	1149,2
1909	795,1	1029,3	416,3	433,4	52,0	581,7	1121,1	2240,7	1207,8
1910	738,6	1361,5	490,0	427,2	37,7	648,6	1377,3	2590,1	1282,9
1911	936,5	1675,0	586,1	651,2	24,0	772,9	1749,5	3197,6	1396,9
1912	1133,6	1817,3	689,0	857,0	18,3	922,6	1842,0	3639,9	1503,1
1913	1154,0	2294,3	764,1	872,9	15,1	1085,8	2238,6	4212,4	1 594,3
1914	1228,2	2539,0	825,5	951,2	13,9	1202,2	2425,4	4592,7	1685,4

* И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 410—411.

Таблица 3

Вексельное кредитование и подтоварные кредиты (в млн. руб.)*

Год (на 1 января)	Государственный банк	Акционерные банки	Прочие банки	Итого по всем банкам: учет	онколь	итого	Подтоварные кредиты
1	2	3	4	5	6	7	8
1875	71,0	217,8	154,3	443,1	—	443,1	21,3
1876	93,7	220,8	180,0	494,5	—	494,5	23,8
1877	98,4	175,8	174,7	468,9	—	448,9	15,3
1878	66,0	156,7	169,4	392,1	—	392,1	8,3
1879	73,4	137,5	171,9	382,8	—	382,8	6,7
1880	96,4	131,6	187,3	415,3	—	415,3	10,9
1881	101,4	133,9	208,4	443,1	0,6	443,7	14,1
1882	89,8	141,2	Нет сведений	230,1	1,2	231,0	10,5
1883	100,7	147,6	» »	247,5	0,8	248,3	11,7
1884	110,7	154,7	» »	264,9	0,5	265,4	12,3
1885	104,9	151,0	» »	253,8	2,1	255,9	10,1
1886	85,7	147,1	» »	230,9	1,9	232,8	11,6
1887	86,9	143,7	» »	226,0	4,6	230,6	13,1
1888	153,1	138,3	» »	261,5	29,9	291,4	15,3
1889	170,7	139,2	» »	277,6	32,3	309,9	19,9
1890	152,5	141,4	» »	269,2	24,7	293,9	22,5
1891	103,0	170,3	» »	267,3	6,0	273,3	19,9
1892	119,1	155,8	» »	258,1	16,8	274,9	19,3
1893	90,8	185,5	121,9	381,6	16,6	398,2	26,2
1894	184,4	171,8	124,7	462,8	18,1	480,9	52,6
1895	217,8	202,8	129,5	525,3	24,8	550,1	62,3
1896	215,3	213,5	138,6	541,5	25,9	567,4	79,3
1897	207,9	242,7	143,7	570,2	24,1	594,3	70,8
1898	155,6	324,8	150,7	614,3	16,8	631,1	63,9
1899	169,8	435,3	169,3	747,8	26,6	774,4	72,1
1900	260,9	431,7	185,8	825,4	53,0	878,4	73,6
1901	271,3	456,8	198,2	886,9	39,4	926,3	84,1
1902	329,3	488,1	208,6	975,9	50,1	1026,0	90,8
1903	269,7	585,8	214,6	1018,1	52,0	1070,1	95,1
1904	272,3	698,2	223,7	1140,0	54,2	1194,2	114,3
1905	190,3	694,3	219,0	1044,9	58,7	1103,6	128,5
1906	372,4	638,4	214,3	1087,5	137,6	1225,1	147,1
1907	242,8	631,6	219,2	999,2	94,4	1093,6	149,7
1908	292,7	709,7	244,9	1114,0	133,3	1247,3	174,6
1909	251,4	805,8	285,1	1222,6	119,7	1342,3	187,5
1910	225,5	938,0	334,7	1388,8	109,4	1498,2	282,7
1911	336,1	1196,4	469,2	1783,5	218,2	2001,7	466,0
1912	505,4	1399,8	617,6	2180,2	242,6	2522,8	524,9
1913	539,0	1665,6	711,3	2499,2	416,7	2915,9	456,8
1914	595,7	1797,1	748,0	2662,1	478,7	3140,8	525,6

* И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 412—415.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
54	20 сн.	период	переход
83	14 сн.	побочный,	побочный
134	23 сн.	душевное	душевое
223	23 сн.	в потреблении	о потреблении
225	28 св.	1,0%	1,9%
355	14 сн.	0,7%...0,3%	0,7...0,3
399	4 сн.	сложения	вложения
400	Табл. 80, гр. 11	% к гр.	% к гр. 5
422	31 св.	«больших»	«больных»
434	Табл. 102, гр. 2	Отп	Опт
434	23 сн.	1889 г.	1899 г.
454	Табл. 116, гр. 8	III—IV	III—V
456	Табл. 117, гр. 8		
457	2 сн.	свободный	сводный
458	2 св.	**1924 г.**	**1925 г.**

